ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Я.С. Ядгаров

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УЧЕБНИК

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
серия основана в 1996 г.

Я.С. ЯДГАРОВ

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УЧЕБНИК

Четвертое издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано
Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим и управленческим специальностям

Москва
ИНФРА-М
2009

УДК 330.1(075.8)
ББК 65-5я73
Я32

В подготовке учебника приняли участие:
к.э.н., доц. *М.А. Аверченко* — совместно с автором приложения к главам 1 и 2, учебно-методические материалы (п. 1, 3);
к.э.н., доц. *Е.Г. Лисовская* — совместно с автором приложения к главам 1 и 2, учебно-методические материалы (п. 1, 3);
к.э.н., доц. *В.А. Щеголевский* — глава 2, совместно с автором учебно-методические материалы (п. 1, 3);
к.э.н., *В.Р. Цеханович* — глава 12 (§ 3), совместно с автором приложения к главам 10, 12;
к.э.н. *К.Р. Цеханович* — глава 11 (§ 3), совместно с автором приложения к главам 13, 15;
аспирант *А.Ю. Станкевич* — совместно с автором приложения к главам 8, 16, учебно-методические материалы (п. 2).
В подготовке рукописи и в составлении именного указателя принимал участие *Г.И. Грозинский*.

Ядгаров Я.С.

Я32 История экономических учений: Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 480 с. – (Высшее образование).

ISBN 978-5-16-003559-8

В учебнике излагается курс истории экономических учений в соответствии с общим замыслом предыдущих трех его изданий в 1996, 1997 и 1999 гг. С целью отображения особенностей эволюции экономической мысли России в период так называемого «золотого века» отечественной теоретической экономики в соответствующие главы учебника включены фрагменты из работ наиболее известных российских экономистов XIX — начала XX в.

В качестве дополнительного учебно-методического материала учебник содержит программу дисциплины и методические указания к ее изучению, тестовые контрольные вопросы по дисциплине, примерную тематику курсовых работ и выпускных работ бакалавра экономики, примерный перечень экзаменационных (зачетных) билетов по курсу.

Учебник предназначен для студентов, аспирантов, научных работников и всех, кто интересуется историей мировой и отечественной экономической мысли.

ББК 65-5я73

ISBN 978-5-16-003559-8

© Ядгаров Я.С., 2000
© ИНФРА-М, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

Раздел первый
ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Глава 1. Основные задачи и структура курса истории экономической мысли 12
§ 1. Почему изучают историю экономических учений 12
§ 2. Направления и этапы развития экономической мысли 17
Приложение 23

Глава 2. Проблемы методологии в курсе истории экономических учений 32
§ 1. Методология экономической науки: постановка проблемы 32
§ 2. Особенности основных методологических принципов и методов изучения в экономической науке 34
§ 3. Предмет и метод экономической науки в ретроспективе 40
Приложение 45

Раздел второй
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ДОРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Глава 3. Натурально-хозяйственная экономическая мысль древнего мира и средневековья 48
§ 1. Экономические учения древнего мира 48
§ 2. Экономические учения средневековья 54

Глава 4. Меркантилизм — первая теоретическая школа периода зарождения рыночных экономических отношений 62
§ 1. Предмет и метод изучения меркантилистов 62
§ 2. Концепция богатства раннего и позднего меркантилизма 65
§ 3. Историческое значение меркантилизма 68

Раздел третий
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ НЕРЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Классическая политическая экономия

Глава 5. Общие признаки и этапы эволюции классической политической экономии 71
§ 1. Сущность классической политической экономии и особенности ее предмета и метода 71

§ 2. Общие признаки классической политической экономии 73
§ 3. Основные этапы развития классической школы 80

Глава 6. Зарождение классической политической экономии ... 85
§ 1. Экономическое учение У. Петти 85
§ 2. Экономическое учение П. Буагильбера 89

Глава 7. Физиократия — специфическое течение классической политической экономии 94
§ 1. Экономическое учение Ф. Кенэ 94
§ 2. Экономическое учение А. Тюрго 99

Глава 8. Адам Смит — центральная фигура классической политической экономии 104
§ 1. Предмет и метод изучения 106
§ 2. Особенности теоретических разработок 110
Приложение 117

Глава 9. Классическая политическая экономия в трудах смитианцев постманufактурного периода 131
§ 1. Экономическое учение Д. Рикардо 132
§ 2. Экономическое учение Ж.Б. Сэя 141
§ 3. Экономическое учение Т. Мальтуса 148
Приложение 157

Глава 10. Завершение классической политической экономии 166
§ 1. Экономическое учение Дж.С. Милля 166
§ 2. Экономическое учение К. Маркса 172
Приложение 189

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Противники классической политической экономии

Глава 11. Возникновение реформаторских программ экономистов-романтиков 208
§ 1. Экономическое учение С. Сисмонди 210
§ 2. Экономическое учение П. Прудона 219
§ 3. Историческое значение экономического романтизма 227

Глава 12. Социально-экономические реформаторские проекты утопического социализма 233
§ 1. Особенности утопического социализма постманufактурного периода 233
§ 2. Экономические воззрения Р. Оуэна, К. Сен-Симона и Ш. Фурье 235
§ 3. Историческое значение утопического социализма 241
Приложение 244

Глава 13. Немецкая историческая школа 252
§ 1. Предпосылки возникновения исторической школы Германии в трудах ее предшественников и родоначальников 252
§ 2. Методологические особенности немецкой исторической школы 255
Приложение 260

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Маржинализм: формирование неоклассического направления экономической мысли

Глава 14. «Маржинальная революция» и ее особенности 272
§ 1. Что такое маржинализм и «маржинальная революция» 272
§ 2. Предшественники маржинализма. «Законы Госсена» 275
§ 3. Особенности этапов «маржинальной революции» 278

Глава 15. Возникновение субъективного направления экономической мысли как первый этап «маржинальной революции» 284
§ 1. Экономическое учение К. Менгера 284
§ 2. Экономические воззрения О. Бём-Баверка и Ф. Визера 291
§ 3. Маржинальные концепции У. Джевонса и Л. Вальраса 298
Приложение 304

Глава 16. Формирование неоклассического направления экономической мысли как второй этап «маржинальной революции» 310
§ 1. Экономическое учение А. Маршалла 310
§ 2. Экономическое учение Дж.Б. Кларка 316
§ 3. Концепция общего экономического равновесия В. Парето ... 322
Приложение 329

Раздел четвертый
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ РЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зарождение теорий социального контроля общества над экономикой и рынка с несовершенной конкуренцией

Глава 17. Возникновение социально-институционального направления экономической мысли 332
§ 1. Предпосылки зарождения и общие признаки институционализма 332
§ 2. Концепции реформ основоположников институционализма 335

Глава 18. Теории рынка с несовершенной конкуренцией 343
§ 1. Теория монополистической конкуренции Э. Чемберлина 344

§ 2. Экономическая теория несовершенной конкуренции Дж. Робинсон 352

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Теория государственного регулирования экономики

Глава 19. Кейнсианство 355

§ 1. Экономическое учение Дж.М. Кейнса 356

§ 2. Неокейнсианские доктрины государственного регулирования экономики 363

Глава 20. Неолиберализм 367

§ 1. Концепция социального рыночного хозяйства 368

§ 2. Чикагская школа монетаризма 371

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Эволюция современных доктрин экономической мысли

Глава 21. Концепция неоклассического синтеза 375

§ 1. Зарождение концепции «неоклассического синтеза» 375

§ 2. Новые версии концепции «неоклассического синтеза» 376

Глава 22. Олимп современной экономической мысли 380

§ 1. О лауреатах Нобелевской премии по экономике 380

§ 2. Краткий очерк истории экономических доктрин в учебнике «Экономикс» П. Самуэльсона 387

§ 3. «Ветер перемен» П. Самуэльсона 388

ПРИМЕЧАНИЯ 392

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ 423

1. ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ 423

2. ТЕСТОВЫЕ ВОПРОСЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ 441

3. ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА И МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ АВТОРУ КУРСОВЫХ РАБОТ И ВЫПУСКНЫХ РАБОТ БАКАЛАВРА ЭКОНОМИКИ 454

4. ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ (ЗАЧЕТНЫХ) БИЛЕТОВ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ» 458

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ 462

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 471

Моим родителям —
Ядгаровым Семёну Михайловичу
и Софии Николаевне —
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот учебник, как и предыдущие три его издания (М. : Экономика, 1996; М. : ИНФРА-М, 1997; М. : ИНФРА-М, 1999), предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей мировой и отечественной экономической мысли. Он полезен всем, кто хочет разобраться в особенностях этапов становления современной теоретической экономики. Знания, которые Вы приобретете, усвоив данную книгу, помогут Вам избежать легковесных суждений о месте и роли творческого наследия представителей основных теоретических школ, течений и направлений на всем протяжении истории экономических учений, повысить уровень своей экономической культуры.

Цель изучения данного курса — дать представление об основных этапах и особенностях систематизации экономических идей и воззрений в экономическую теорию и выявить значимость для практики хозяйственной жизни творческого наследия видных экономистов, способствовавших возникновению различных теоретических школ, течений и направлений экономической мысли.

Основные задачи курса состоят в том, чтобы:

ввести понятия:

- «хрематистика», «политическая экономия», «экономикс»;
- «законы Хаммурапи», «справедливая цена», «стоимость конституированная, трудовая, прибавочная», «крест Маршалла»;
- «меркантилизм», «кольбертизм», «протекционизм», «физиократия», «экономический человек», «невидимая рука», «laissez faire», «догма Смита», «закон Сэя», «мальтузианство», «третьи лица», «народный банк»;
- «маржинализм», «законы Госсена», «предельная полезность», «хозяйство Робинзона», «Лозаннская школа», «закон Кларка», «оптимум Парето»;
- «институционализм», «эффект Веблена», «дифференциация продукта», «монопсония», «кейнсианство», «мультипликатор инвестиций», «монетаризм», «неолиберализм», «коллоквиум Липпмана», «неоклассический синтез» и др. ;

познакомить с методами:

классово-формационного, субъективистского, маржинального, социально-исторического и социально-институционального анализа экономической ситуации;

сформировать навыки для самостоятельных и нетенденциозных оценок развития мировой и отечественной экономической мысли, выработки альтернативных вариантов хозяйственной политики.

В курсе планируется использовать:

- анализ влияния историко-экономических ситуаций на формирование теоретических основ хозяйственной политики;
- тестовый контроль знаний по тематике изучаемой дисциплины.

По завершении курса студенты должны уметь:

- дать определение сущности основных категорий и понятий;
- сравнить отличительные признаки методологических подходов и теоретических позиций ведущих представителей различных школ, течений и направлений экономической мысли;
- проанализировать достижения меркантилизма, классиков, неоклассиков и институционализма, а также кейнсианства и неолиберализма;
- составить различные варианты классификации экономических теорий и периодизации их развития.

Структуру учебника образуют:

- соотнесенные в составе четырех разделов 22 главы и примечания к ним;
- учебно-методические материалы;
- словарь основных терминов и понятий;
- указатель имен.

В главах первого раздела речь идет о задачах, структуре и проблемах методологии курса; в качестве приложений к ним предусмотрены программа дисциплины и методические указания к ее изучению. Главы следующих разделов отражают особенности эволюции мировой экономической мысли с выделением таких эпох, как *дорыночная экономика, нерегулируемая рыночная экономика* и *регулируемая рыночная экономика*. Причем приложения к ряду глав третьего раздела содержат фрагменты сочинений видных отечественных экономистов XIX — начала XX в. , с именами которых связан, несомненно, наиболее плодотворный и поистине «золотой век» экономической науки России[1] .

Завершают учебник рекомендуемые учебно-методические материалы (планы семинарских занятий, тесты, тематика курсовых работ и выпускных работ бакалавра экономики, перечень экзаменационных (зачетных) билетов по курсу), а также словарь основных терминов и понятий и указатель имен.

В подготовке учебника принимали участие сотрудники секции истории экономических учений при кафедре экономической теории Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова.

---

[1] См.: Абалкин Л. И. Предисловие //Русские экономисты (XIX — начало XX в.). М.: Институт экономики РАН, 1998. С. 5.

В учебнике сохранена *согласованность теоретико-методологических подходов* в соответствии с *общим замыслом* предыдущих трех изданий данного учебника в 1996, 1997 и 1999 гг. Суть этого замысла — содействовать с деидеологизированных и неклассово-формационных позиций знакомству с основными этапами, теоретическими направлениями, течениями и школами экономической мысли, способствовать формированию высокой профессиональной культуры экономиста.

Выражаю надежду, что это 4-е издание, как и все предыдущие, будет востребовано широкой читательской аудиторией.

Москва, май 2000 г.

Раздел первый
ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Глава 1. Основные задачи и структура курса истории экономической мысли

Данная глава предназначена для того, чтобы выяснить:

- в чем состоит сущность предмета дисциплины «История экономических учений»;
- как трактуются основные задачи этого вузовского учебного курса;
- что структура изучаемого курса обусловлена доминирующими на различных этапах эволюции экономической мысли теоретическими направлениями, течениями и школами.

§ 1. Почему изучают историю экономических учений

История экономических учений — это неотъемлемое звено в цикле общеобразовательных дисциплин по направлению «экономика».

Предметом изучения этой дисциплины является исторический процесс возникновения, развития и смены экономических идей и воззрений, который по мере происходящих изменений в экономике, науке, технике и социальной сфере находит свое отражение в теориях отдельных экономистов, теоретических школах, течениях и направлениях.

Свое начало история экономических учений берет со времен древнего мира, т.е. появления первых государств. С тех пор и до настоящего времени предпринимаются постоянные попытки систематизировать экономические воззрения в экономическую теорию, принимаемую обществом в качестве руководства к действию в осуществлении хозяйственной политики.

Можно с уверенностью утверждать, что сегодня, как и в давние времена, именно достоверность рекомендуемых экономистами теоретических изысканий предопределяет степень результативности

реализуемой в данной стране социально-экономической стратегии. Однако для того, чтобы констатировать исчерпывающе полное осмысление закономерностей и особенностей формирования теоретической экономики и признать наличие достаточного научного потенциала, позволяющего ориентироваться в ее проблемах, экономисту требуется сумма специальных знаний, которые возможно приобрести, лишь основательно ознакомившись с историей экономических учений. Изучая данную дисциплину, экономист, кроме всего прочего, повышает уровень своих исследовательских навыков, необходимых для выявления сущности объективных законов развития мировой и отечественной экономики, выработки творческого подхода при обосновании и последующей реализации альтернативных хозяйственных решений.

Следовательно, изучение истории экономических учений как одной из обязательных дисциплин в процессе подготовки и переподготовки специалистов экономического профиля необходимо, с одной стороны, в целях формирования у них общечеловеческой и профессиональной культуры, а с другой — для овладения ими наряду с социологическими и политологическими еще и историко-экономическими познаниями, во избежание столь распространенных для недавнего прошлого нашей страны упрощенных вариантов и схем «подытоживания» достижений мировой экономической науки, представленной в творческом наследии ученых-экономистов различных теоретических школ, течений и направлений экономической мысли. При этом в процессе изучения этой дисциплины следует, говоря словами нобелевского лауреата по экономике Милтона Фридмена, обращаться еще и к «автобиографиям и биографиям... и стимулировать его с помощью афоризмов и примеров, а не силлогизмов (дедуктивных умозаключений. — *Я.Я.*) или теорем»[1].

Научные теоретико-методологические дискуссии последних лет, посвященные выявлению причин застоя, в котором оказались не только наше общество, но и экономическая теория, убедительно показали главную причину этого феномена — приверженность устоявшимся безальтернативным канонам «марксистской науки». В соответствии с последними изложение любого научного и учебно-методологического материала должно было базироваться на постулатах так называемой марксистско-ленинской методологии о классовой структуре общества и антагонизма классов, учениях о базисе и надстройке и общественно-экономических формациях, неприятии западного, т.е. буржуазного, типа прогресса и т.д.

Внешнюю схожесть подобного рода актуальных, казалось бы, дискуссий характеризуют давно набившие оскомину призывы о недопущении консерватизма и догматичности в воззрениях с тем, чтобы изжить «косность и прямое невежество многих преподавате-

лей... идеи русской исключительности... отказа от всемерного развития товарно-денежных отношений как единственно возможного пути решения наших экономических проблем»[2]. Однако, на самом деле, классовый анализ эволюции экономической мысли, судя по ряду недавних отечественных публикаций в этой области, пусть неявно, но продолжает еще иметь место.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что идеи, господствовавшие в России на протяжении 1917—1990 гг., не могли не укорениться в психологии общества и едва ли не приобрели характер установленных истин. Между тем, как предупреждал более 60 лет назад в своей знаменитой книге «Дорога к рабству» нобелевский лауреат Фридрих Хайек, когда наука поставлена на службу не истине, а интересам класса, само слово «истина» теряет при этом свое прежнее значение, поскольку, «если раньше его использовали для описания того, что требовалось отыскать, а критерии находились в области индивидуального сознания, то теперь речь идет о чем-то, что устанавливают власти, во что нужно верить в интересах единства общего дела и что может изменяться, когда того требуют эти интересы»[3]. Поэтому Ф. Хайек, несомненно, прав, утверждая, что «никакая группа людей не может присваивать себе власть над мышлением и взглядами других... И пока в обществе не подавляется инакомыслие, всегда найдется кто-нибудь, кто усомнится в идеях, владеющих умами его современников, и станет пропагандировать новые идеи, вынося их на суд других»[4].

Едва ли не классическое значение в хайековской «Дороге к рабству» приобрели и следующие его критические суждения по поводу классовой позиции в экономической науке, такие, как: «В конечном счете не так уж важно, отвергается ли теория относительности потому, что она принадлежит к числу «семитских происков, подрывающих основы христианской и нордической физики», или потому, что «противоречит основам марксизма и диалектического материализма». Также не имеет большого значения, продиктованы ли нападки на некоторые теории из области математической статистики тем, что они «являются частью классовой борьбы на переднем крае идеологического фронта и появление их обусловлено исторической ролью математики как служанки буржуазии», или же вся эта область целиком отрицается на том основании, что “в ней отсутствуют гарантии, что она будет служить интересам народа”»[5].

В этой связи уместно указать также на принципиальные позиции виднейшего французского экономиста, нобелевского лауреата Мориса Алле, который считает, что *любая теория имеет научную ценность тогда, когда она «подтверждается данными опыта» и если «она представляет собой сгусток реальности»*[6], а утверждения,

считавшиеся в науке наиболее верными, всегда «под давлением фактов» уступают место другим, ибо «такова одна из тех закономерностей, которую с полной уверенностью можно экстраполировать на будущее»[7]. Он убежден в следующем: «*Сомнение относительно собственного мнения, уважение к мнению других — вот исходные условия всякого реального прогресса науки. Всеобщее согласие или же согласие большинства не может рассматриваться в качестве критерия истины*»[8].

Далее при изучении истории экономических учений необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Почти семь десятилетий рыночная экономика советским гражданином должна была восприниматься как неотъемлемая черта «капитализма», при котором господствует «вульгарная буржуазная» экономическая теория. Поэтому у «нашего» читателя само понятие «капитализм» как бы по инерции ассоциируется с «эксплуататорским строем», альтернатива которому — «гуманное социалистическое общество».

На этом основании в российской экономической литературе, по меньшей мере в ближайшие годы, очевидно, нецелесообразно «присутствие» одиозной идеологизированной позиции, по которой происходит деление и науки, и экономики на «капиталистическую» и «социалистическую». Вспомним, в частности, одно из назиданий Ф. Хайека, в котором он подчеркивает: «И хотя термины «капитализм» и «социализм» все еще широко употребляются для обозначения прошлого и будущего состояния общества, они не проясняют, а скорее затемняют сущность переживаемого нами периода»[9].

Отсюда, по-видимому, ныне для отечественных ученых-экономистов и практиков в области хозяйственной жизни наиболее предпочтительными могли бы быть термины «рыночная экономика» или «рыночные экономические отношения» как антиподы понятиям «командная экономика» или «централизованно-управляемая экономика». При этом из многообразия трактовок понятия «рыночная экономика», думается, не будет ошибкой рекомендовать следующие два определения. Одно из них содержится в книге Й. Шумпетера «Теория экономического развития» (1912), в которой он писал, что если мы «представим себе народное хозяйство, организованное на рыночных принципах», то им является «такое народное хозяйство, где господствуют частная собственность, разделение труда и свободная конкуренция»[10]. Именно рыночная система, по Шумпетеру, создает почву для предпринимательства, осуществления инноваций.

Другое более пространное определение рыночной экономики принадлежит К. Поланьи. Согласно его определению рыночная экономика — это экономическая система, в которой организация производства и порядок распределения благ «вменяются «механизму саморегулирования», и сама система «контролируется, регулирует-

ся и управляется только рыночными законами»; в этой системе «человеческое поведение нацелено на максимизацию денежного дохода», «наличное предложение благ (включая услуги) по определенной цене равно спросу по этой же цене», "порядок в системе производства и распределения товаров обеспечивается исключительно ценами"»[11].

Вместе с тем среди авторитетов в области современной экономической мысли *нет единого мнения о времени перехода человечества к рыночной экономике*. Например, Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), характеризуя особенности рыночной экономики с использованием термина «капитализм», полагает так: «Мы имеем... в виду капитализм как специфически западное современное рациональное предпринимательство, а не существующий во всем мире в течение трех тысячелетий — в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время — капитализм ростовщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов»[12]. Принимая из этого определения положение о «рациональном предпринимательстве» как атрибуте рыночной экономики, видимо, невозможно согласиться с М. Вебером о существовании рыночных экономических отношений («капитализма») во всем мире в течение трех тысячелетий и в наше время.

По поводу характерных, прежде всего для советского периода, понятий типа «буржуазная западная» или «современная западная экономическая теория» необходимо заметить, что они, безусловно, несостоятельны. Во-первых, едва ли вообще кому-либо известна, скажем, *«северная»* или *«южная»* экономическая наука или теория. Во-вторых, если предположить, что «незападная» экономическая мысль «дислоцируется» в России или в странах бывшего СССР, то вряд ли удастся обозначить хоть какие-то критерии в пользу такого обозначения границ *«восточной» экономической теории*. И в-третьих, даже если допустить, что «восточная» экономическая мысль — это все же теории российской экономической науки, то справедливым будет возражение о том, что практически все «первые звезды» в области экономической теории и особенно те, с чьими именами связывают становление и развитие науки о рыночных экономических отношениях, загорелись, увы, не на «восточном», а на «западном» небосклоне.

В завершение приведем некоторые ставшие популярными в научном мире высказывания известных английских авторитетов XX столетия в области истории экономической мысли и экономической теории — Марка Блауга и Джоан Вайолет Робинсон.

Первый из них около четырех десятилетий назад — в 1961 г. — опубликовал выдержавшую впоследствии ряд изданий знаменитую

книгу «Экономическая мысль в ретроспективе». Выделим из ее содержания два суждения. В соответствии с первым утверждается следующее: «Между прошлым и настоящим экономическим мышлением существует взаимодействие, потому что независимо от того, излагаем мы их кратко или многословно, каждым поколением история экономической мысли будет переписываться заново»[13]. В соответствии со вторым излагается положение о том, что «история экономической мысли — не что иное, как история наших попыток понять действие экономики, основанной на рыночных отношениях»[14].

Что же касается Дж. Робинсон — автора «Экономической теории несовершенной конкуренции» (1933), — то ее весьма меткое и распространенное ныне изречение американский экономист Дж.К. Гэлбрейт использовал даже в качестве эпиграфа ко второй главе своей книги «Экономические теории и цели общества» (1973), а именно: «Смысл изучения экономической теории не в том, чтобы получить набор готовых ответов на экономические вопросы, а в том, чтобы научиться не попадаться на удочку к экономистам»[15].

§ 2. Направления и этапы развития экономической мысли

Преодолеть тенденциозный подход анализа эволюции экономических доктрин означает, прежде всего, признать ошибочными идеи классификации экономической теории по классово-формационному принципу (теория «буржуазная», «мелкобуржуазная», «пролетарская» либо «капиталистическая» и «социалистическая»), в том числе надуманную идею противопоставления экономической теории по географическому принципу («отечественная теория» и «западная теория»). В данном контексте речь идет о том, что структуризацию экономической мысли по основным направлениям и этапам ее эволюции целесообразно осуществлять с учетом лучших социально-экономических достижений мировой цивилизации и совокупности обусловливающих обновление и изменение экономической теории факторов исторического, экономического и социального свойства.

Предлагаемая в данном учебнике структура курса истории экономических учений состоит из вводного и трех основных разделов. Ее новизна в отличие от изданий советского периода и даже ряда работ последних лет заключается, прежде всего, в отказе от критерия классовых общественно-экономических формаций (рабовладельческий, феодальный, капиталистический) и в выдвижении на первый план позиции конкретных качественных преобразований в экономике и экономической теории со времен дорыночной экономики до эпохи либеральной (нерегулируемой), а затем и социально

ориентированной или, как еще нередко говорят, регулируемой рыночной экономики.

Соответственно это следующие основные структурные единицы курса:

1) раздел экономических учений эпохи дорыночной экономики;
2) раздел экономических учений эпохи нерегулируемой рыночной экономики;
3) раздел экономических учений эпохи регулируемой (социально ориентированной) рыночной экономики.

Здесь, однако, следует пояснить два обстоятельства. Во-первых, эпохи дорыночной и рыночной экономики предполагается различать по признаку преобладания в обществе натурально-хозяйственных либо товарно-денежных отношений. И во-вторых, эпохи нерегулируемой и регулируемой рыночной экономики необходимо различать не по тому, присутствует ли государственное вмешательство в экономические процессы, а по тому, обеспечивает ли государство условия для демонополизации хозяйства и социального контроля над экономикой.

Охарактеризуем теперь коротко последовательность и суть направлений и этапов развития экономической мысли в рамках названных выше разделов курса.

1. Экономические учения эпохи дорыночной экономики. Эта эпоха включает в себя *периоды древнего мира и средневековья,* в течение которых преобладали натурально-хозяйственные общественные отношения и воспроизводство было преимущественно экстенсивным. Экономическую мысль в эту эпоху выражали, как правило, философы и религиозные деятели. Достигнутый ими уровень систематизации экономических идей и концепций не обеспечил достаточных предпосылок для обособления теоретических построений того времени в самостоятельную отрасль науки, специализирующейся сугубо на проблемах экономики.

Данную эпоху завершает особый этап в эволюции и экономики, и экономической мысли. С точки зрения истории экономики этот этап в марксистской экономической литературе называют периодом первоначального накопления капитала и зарождения капитализма; по неклассово-формационной позиции — это период перехода к рыночному механизму хозяйствования. С точки зрения истории экономической мысли этот этап называется **меркантилизмом** и трактуется также двояко; в марксистском варианте — как период зарождения первой школы экономической теории капитализма (буржуазной политической экономии), а по неклассово-формационному варианту — *как период первой теоретической концепции рыночной экономики.*

Зародившийся в недрах натурального хозяйства меркантилизм стал этапом широкомасштабной (общенациональной) апробации протекционистских мер в сфере промышленности и внешней торговли и осмысления развития экономики в условиях формирующейся предпринимательской деятельности. И поскольку отсчет своего времени меркантилистская концепция начинает фактически с XVI столетия, то и начало обособленного развития экономической теории как самостоятельной отрасли науки относят чаще всего к данному рубежу.

В частности, на заре своего исторического восхождения экономическая наука, базировавшаяся на меркантилистских постулатах, пропагандировала целесообразность государственного регулирующего воздействия посредством экономических мотивов и сделок с тем, чтобы «новые» отношения, получавшие впоследствии наименование то «рыночных», то «капиталистических», распространились на все аспекты общественных отношений государства[16].

2. Экономические учения эпохи нерегулируемой рыночной экономики. Временные рамки этой эпохи охватывают период примерно с конца XVII в. до 30-х гг. XX в. , в течение которого в теориях ведущих школ и направлений экономической мысли доминировал *девиз полного «laissez faire»* — словосочетание, означающее абсолютное невмешательство государства в деловую жизнь, или, что одно и то же, принцип экономического либерализма.

В данную эпоху экономика благодаря промышленному перевороту совершила переход от стадии мануфактурной к так называемой индустриальной стадии своей эволюции. Достигнув своего апогея в конце XIX — начале XX в. , индустриальный тип хозяйствования также подвергся качественной модификации и обрел признаки монополизированного типа хозяйства.

Но именно обозначенные типы хозяйства, обусловленные преобладанием идеи саморегулируемости экономики свободной конкуренции, предопределили своеобразие постулатов и исторически сложившуюся последовательность господства в экономической науке данной эпохи вначале *классической политической экономии,* а затем *неоклассической экономической теории*.

Классическая политическая экономия занимала «командные высоты» в экономической теории практически около 200 лет — с конца XVII в. по вторую половину XIX в. , заложив, по существу, основы для современной экономической науки[17]. Ее лидеры, во многом правомерно осудив протекционизм меркантилистов, основательно противостояли антирыночным реформаторским концепциям первой половины XIX в. в трудах своих современников как из числа сторонников перехода к обществу социальной справедливости на базе воссоздания ведущей роли в хозяйстве мелкотоварного

производства, так и идеологов утопического социализма, призывавших к всеобщему одобрению человечеством преимуществ такого социально-экономического устройства общества, при котором не будет денег, частной собственности, эксплуатации и прочих «зол» капиталистического настоящего.

Вместе с тем классики совершенно неоправданно упускали из поля зрения значимость поиска взаимосвязи и взаимообусловленности факторов экономической среды с факторами национально-исторического и социального свойства, настаивая на незыблемости принципов «чистой» экономической теории и не принимая всерьез достаточно успешные наработки в данном направлении в трудах авторов так называемой немецкой исторической школы во второй половине XIX в.

Сменившая в конце XIX в. классическую политическую экономию *неоклассическая экономическая теория* стала ее преемницей прежде всего благодаря сохранению «верности» идеалам «чистой» экономической науки. При этом она явно превзошла свою предшественницу во многих теоретико-методологических аспектах. Главным же в этой связи явилось внедрение в инструментарий экономического анализа базирующихся на математическом «языке» маржинальных (предельных) принципов, придавших новой (неоклассической) экономической теории большую степень достоверности и способствовавших обособлению в ее составе самостоятельного раздела — *микроэкономики*.

3. Экономические учения эпохи регулируемой (социально ориентированной) рыночной экономики. Данная эпоха — эпоха новейшей истории экономических учений — берет свое начало с 20—30-х гг. XX в. , т.е. с тех пор, когда в полной мере обозначили себя антимонопольные концепции и идеи социального контроля общества над экономикой, проливающие свет на несостоятельность принципа laissez faire и нацеливающие на многообразные меры демонополизации хозяйства посредством государственного вмешательства в экономику. В основе этих мер лежат значительно более совершенные аналитические построения, предусмотренные в обновленных на базе синтеза всей совокупности факторов общественных отношений экономических теориях.

В этой связи имеются в виду, во-первых, новое, сложившееся к 30-м гг. XX в. *социально-институциональное направление экономической мысли*, которое в обозначившихся трех его научных течениях часто просто называют *американским институционализмом,* во-вторых, появившиеся в 1933 г. доказательные теоретические обоснования функционирования рыночных хозяйственных структур *в условиях несовершенной (монополистической) конкуренции* и, наконец, в-третьих, зародившиеся также в 30-х гг. два аль-

тернативных друг другу *направления (кейнсианское и неолиберальное) теорий государственного регулирования экономики*, давшие статус самостоятельного еще одному разделу экономической теории — *макроэкономике*.

В результате на протяжении последних семи-восьми десятилетий завершающегося XX в. экономическая теория смогла вынести на суд общественности ряд принципиально новых и неординарных сценариев возможных вариантов (моделей) роста национальной экономики государств в условиях переживаемых ими небывалых прежде проблем, вызванных последствиями современной научно-технической революции. Экономическая наука наших дней как никогда близка к выработке наиболее достоверных «рецептов» на пути к стиранию социальных контрастов в цивилизованном обществе и формированию в нем действительно нового образа жизни и мышления.

К примеру, теперь ученые-экономисты многих стран в обозначении прошлого и будущего состояния общества не прибегают более к противопоставлению друг другу (во всяком случае, явному) бывших антиподов экономической теории — «капитализма» и «социализма» и соответственно «капиталистической» и «социалистической теории». Вместо них всеобщее распространение в экономической литературе получают теоретические изыскания о «рыночной экономике» или «рыночных экономических отношениях».

Наконец, следует отметить, что посредством предложенной в настоящем учебнике *неклассовой структуры курса* истории экономических учений преследуется решение двуединой задачи, а именно — обосновать, что необходимы деидеологизированные принципы периодизации направлений и этапов эволюции экономической мысли как времен предыстории рыночной экономики и рыночной экономической теории, так и сегодняшних реалий в теории и практике регулируемого (социально ориентированного) рынка и что критерием прогресса науки и истины никогда не должны быть ни «всеобщее согласие», ни «согласие большинства».

Вопросы и задания для контроля

1. Что является предметом изучения истории экономических учений?
2. Охарактеризуйте предпосылки, обусловливающие целесообразность изучения истории экономических учений.
3. Каковы были особенности изучения истории экономических учений в России в советский период?
4. Раскройте логику неклассово-формационной структуризации разделов, этапов, теоретических направлений и школ курса «История экономических учений».

Список рекомендуемой литературы

Алле М. Современная экономическая наука и факты //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. Жид Ш. , Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Мизес Л. фон. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета экономической науки //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Роббинс Л. Предмет экономической науки //THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Селигмен Бен Б. Основные течения современной экономической мысли. М. : Прогресс, 1968.

Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982.

Ядгаров Я.С., Павлов В.А. Библиография по курсу «История экономических учений». М.: МГЭИ, 1999.

Приложение

ПРОГРАММА КУРСА «ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

ТЕМА 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА

Предмет истории экономических учений — исторический процесс возникновения, развития и смены экономических взглядов, отраженный в трудах отдельных экономистов, в теоретических школах и направлениях. Взаимосвязь хозяйственного развития с эволюцией экономической мысли.

Задачи курса. Изучение и сопоставление различных теоретических и методологических подходов решения хозяйственных задач. Обоснование вариантов хозяйственной политики.

Методология исследования. Методы историчности и системного анализа. Критерии периодизации истории экономической мысли и различные варианты классификации экономических теорий.

Раздел I
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ДОРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

ТЕМА 2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Экономическая мысль Египта, Вавилона, Индии, Китая и других стран с азиатским способом производства как часть науки об управлении государством. Отражение экономической мысли древневавилонского царства в законах царя Хаммурапи (XVIII в. до н.э.). Экономическая мысль Китая в трудах Конфуция (V в до н.э.) и в трактате «Гуаньцзы» (IV—III вв. до н.э.).

Экономические взгляды древнегреческих философов IV в. до н.э. Особенности трактовок разделения труда, сущности и функции денег у Ксенофонта, Платона, Аристотеля. Учение Аристотеля о соизмеримости товаров при обмене («Квадрат Аристотеля»), свойствах товара, принципах распределения. Экономика и хрематистика.

Экономические идеи Древнего Рима в трактатах Катона, Варрона, Колумеллы (II—I вв. до н.э.).

ТЕМА 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Экономическая мысль средневековья как часть богословия. Особенности методологии средневековой экономической науки.

Экономическая мысль Западной Европы в период раннего и позднего средневековья. Экономические идеи канонистов. Взгляды Ф. Аквинского на разделение труда, богатство, деньги, справедливую цену, торговую прибыль, процент.

Социально-экономические идеи мусульманского Востока. Хозяйственные предписания Корана. Взгляды Ибн-Хальдуна (XIV в.).

ТЕМА 4. РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ (ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ)

Русская Правда, «Поучение» Владимира Мономаха. Трактовка ростовщичества.

Судебник Ивана III. Денежная реформа Е. Глинской.

Экономические взгляды поместного дворянства. Проекты И. Пересветова.

«Правительница» Ермолая Еразма. Анализ микроэкономики в «Домострое».

ТЕМА 5. МЕРКАНТИЛИЗМ — ПЕРВАЯ КОНПЕПЦИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Особенности экономики, политики и культуры эпохи первоначального накопления капитала и их влияние на формирование концепции меркантилизма.

Первый опыт анализа рыночных отношений в трудах меркантилистов. Предмет и метод. Создание учения о богатстве страны и путях его умножения. Два этапа развития меркантилизма: монетаризм и теория торгового баланса; их особенности. Протекционизм — концепция государственного участия в экономике.

Проблемы позднего меркантилизма в трудах Т. Мена (Англия). Экономическая программа Кольбера. Вопросы государственного хозяйства в «Трактате политической экономии» А. Монкретьена (Франция).

ТЕМА 6. РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XVII—XVIII вв.

Экономические сдвиги в России в XVII—XVIII вв. Распространение протекционистских идей и их отражение в сочинениях А. Ордин-Нащекина «Новоторговый Устав», Ю. Крижанича «Политика», И. Посошкова «О скудости и богатстве».

Экономические взгляды В. Татищева и М. Щербатова. Экономические идеи М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова и М.М. Горбатова. Взгляды П.И. Рычкова.

Идеолог купечества Н.Д. Чулков. Экономические требования крестьянской войны под руководством Е. Пугачева.

Зарождение критики крепостного права в воззрениях Д.А. Голицына и Я.П. Ковельского. Сторонники концепции laissez faire в России. И.А. Третьяков и С.Е. Десницкий.

Раздел II
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ НЕРЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ТЕМА 7. ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Исторические условия возникновения классической политической экономии. Этапы развития классической политической экономии.

Перевод экономических исследований из сферы обращения в сферу производства. Возникновение концепции экономического либерализма, основанной на принципах полного невмешательства государства в экономику.

Методология классической политической экономии: признание действия объективных экономических законов, внедрение причинно-следственного метода, методов логической абстракции, индукции, дедукции. Использование понятия «экономический человек». Недооценка влияния на экономику психологических, моральных, правовых факторов.

Исходная категория экономического анализа классической школы — стоимость. Определение стоимости затратами труда или издержками производства. Классификация экономических категорий на основе каузального метода.

Особенности перехода от меркантилизма к классической политэкономии в Англии. У. Петти — первый представитель классической школы. «Трактат о налогах и сборах». Определение стоимости товара, заработной платы, ренты, процента, цены земли. Сущность и функции денег, определение количества денег в обращении. Принципы налогообложения.

Возникновение классической политической экономии во Франции. Причины полного неприятия идей меркантилизма. П. Буагильбер — родоначальник французской классической школы. Определение стоимости рабочим временем. Специфическое отношение к деньгам.

ТЕМА 8. ФИЗИОКРАТИЯ — ПЕРВАЯ ЦЕЛОСТНАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Общая характеристика идей физиократизма. Работы Ф. Кенэ. Концепция «естественного порядка» — основа методологии физиократов. Учение об эквивалентности обмена — обоснование перевода экономических исследований в сферу производства. Недооценка роли промышленности и торговли в экономике. Учение о «чистом продукте», производительном и «бесплодном» труде, о капитале и его структуре. Первое деление общества на классы. «Экономическая таблица» Ф. Кенэ — модель экономических отношений между классами по поводу воспроизводства общественного продукта. Практические рекомендации Ф. Кенэ по выработке экономической политики.

Развитие концепции физиократов в трудах А.Р. Тюрго. «Размышления о создании и распределении богатства». Учение о классах. Объяснение происхождения и сути наемного труда. Учение о заработной плате, предпринимательском и коммерческом доходе. Понятие субъективной и объективной ценности. Программа реформирования общества и попытки ее реализации.

ТЕМА 9. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ А. СМИТА

А. Смит — экономист мануфактурного периода индустрии. Критика меркантилизма. Роль объективных законов («невидимой руки») в фор-

мировании экономических отношений между людьми. «Исследование о природе и причинах богатства народов» — главный труд А. Смита. Анализ разделения труда в мануфактуре. Учение о классах. Трактовки стоимости, заработной платы, прибыли, ренты. Теория денег. Характеристика капитала и его структуры. Учение о воспроизводстве. «Догма Смита».

Экономический либерализм А. Смита. Роль свободного рынка как регулятора производства. Экономическая политика государства. Анализ государственного бюджета и государственного долга. Принципы налогообложения.

ТЕМА 10. РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РАБОТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Эпоха промышленного переворота и ее отражение в трудах Д. Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения». Особенности метода Д. Рикардо. Теория стоимости. Метод сравнительных издержек. Учение о доходах. Выявление и обоснование тенденции к снижению размеров заработной платы и прибыли. Номинальная и реальная зарплата. Теория дифференциальной ренты. Количественная теория денег. Роль свободной торговли в регулировании обращения золота, колебании цен, установлении экономического равновесия. Программа регулирования системы денежного обращения в Англии.

Работа Ж.Б. Сэя «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства». Теория услуг. Учение о трех факторах производства. Трактовки стоимости и доходов основных классов общества. «Закон рынков Сэя» — обоснование бескризисного развития экономики.

Т.Р. Мальтус. Анализ диспропорций между возможностями природы и потребностями населения в работе «Опыт о законе народонаселения». Теория издержек производства и доходов в работе «Принципы политической экономии». Решение проблемы реализации с помощью теории «третьих лиц».

Дальнейшая разработка отдельных теоретических проблем в трудах Н. Сениора, Ф. Бастиа, Г. Кэри.

ТЕМА 11. ЗАВЕРШЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Сочетание новых подходов к анализу экономики с традиционными положениями в работе Дж.С. Милля «Основы политический экономии». Предмет и метод. Теория стоимости. Специфика представлений Милля об экономических законах. Проблема кредита, денег. Теория доходов. Концепция социально-экономических реформ.

Анализ «капиталистического» производства в трудах К. Маркса. Структура и основные идеи «Капитала». Предмет и метод. Разработка проблем товара и денег. Учение о прибавочной стоимости и ее внешних

формах. Теория доходов. Учение о капитале, его накоплении и воспроизводстве.

ТЕМА 12. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ

Предпосылки возникновения и общая характеристика. Экономические учения западноевропейских социалистов утопистов начала XIX в. Критика экономики свободной конкуренции в трудах Ш. Фурье, К. Сен-Симона, Р. Оуэна. Проекты экономического реформирования общества. Пути перехода к социализму.

Разработка концепции социалистической организации общества в трудах социалистов-рикардианцев У. Томпсона, Дж. Грея, Дж. Брея, Т. Годскина. Выводы из трудовой теории стоимости.

ТЕМА 13. КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Критика экономики свободной конкуренции с позиций мелких товаропроизводителей в работе С. Сисмонди «Новые начала политической экономии». Специфика концепции «естественного порядка». Анализ доходов основных классов с позиций трудовой теории стоимости. Разработка проблемы реализации. Теория «третьих лиц». Программа социально-экономического реформирования общества путем реставрации мелкотоварного производства при активном участии государства.

Работа П.Ж. Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Теория «конституированной стоимости». Проект реформ на основе социальной справедливости с использованием «рабочих денег», «дарового кредита», учреждением «народного банка» и организацией безденежного товарного хозяйства.

ТЕМА 14. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Зарождение исторической школы Германии. Особенности предмета и методологии изучения. Учет влияния на экономический рост факторов социальной среды, национальных и исторических особенностей. Учение о национальной экономии. Утверждение многовариантности исторического развития. Характеристика стадий движения общества к идеалу. Исследование развития форм и типов хозяйствования.

Старая историческая школа и ее предшественники. Ф. Лист, К. Книс, Б. Гильдебранд, В. Рошер. Новая историческая школа. Г. Шмоллер, К. Бюхер, Л. Брентано. Социальная политика и обоснование программы социальных реформ. Новейшая историческая школа. В. Зомбарт, М. Вебер, А. Шпитхоф.

ТЕМА 15. РОССИЙСКАЯ АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ (КОНЕЦ XVIII — СЕРЕДИНА XIX в.)

Программа экономических реформ А.Н. Радищева на основе установления крестьянского права на землю и протекционистской таможенной политики.

Реформаторские проекты М.М. Сперанского.

Проект Н.С. Мордвинова о создании государственного банка и взимании взносов с «душевладельцев» для учреждения крестьянского кооперативного банка.

Сценарий реформ Н.И. Тургенева о переходе на фермерство и политику фритредерства при одновременном расширении сферы государственных кредитов и займов.

Н. Г. Чернышевский об экспроприации земельной собственности и предотвращении «язвы пролетариатства». Пропаганда принципов хозяйственной практики в русской общине на пути создания социалистической общественной собственности на средства производства.

ТЕМА 16. ЗАРОЖДЕНИЕ МАРЖИНАЛИЗМА. ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОГО ЭТАПА «МАРЖИНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Предпосылки возникновения маржинализма. «Маржинальная революция» как приоритетное применение в теоретических изысканиях функционального анализа, средств математики, предельных экономических показателей и системного подхода.

Предшественники маржинализма (Г. Госсен, Ж. Дюпюи, О. Курно, И.Г. Тюнен). «Законы Госсена».

Субъективно-психологическая направленность теорий первого этапа «маржинальной революции». К. Менгер, У. Джевонс и Л. Вальрас — основоположники маржинализма.

Особенности австрийской и лозаннской школ маржинализма. Математические методы в экономических воззрениях У. Джевонса.

ТЕМА 17. ВТОРОЙ ЭТАП «МАРЖИНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Основные признаки второго этапа «маржинальной революции». Преодоление субъективизма и психологизма, возврат к «чистой» теории. Зарождение неоклассической экономической мысли и обособление микроэкономики в самостоятельный раздел экономической науки.

Систематизация маржинальных идей родоначальником кембриджской школы маржинализма А. Маршаллом в книге «Принципы экономики». Трактовки теорий спроса, предложения, цен, доходов. Методологические основы анализа эластичности спроса и издержек производства.

Дж.Б. Кларк — основоположник американской школы маржинализма. Концепция «статики» и «динамики» в экономическом анализе. Теория предельной производительности основных факторов и распределения.

Развитие концепции макроэкономического моделирования лозаннской школы в трудах В. Парето. Кривые безразличия. «Оптимум Парето».

Маржинальные идеи в работах К. Викселя — родоначальника шведской школы маржинализма.

ТЕМА 18. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

Проблемы рыночного реформирования экономики России в концепциях С.Ю. Витте, М.М. Ковалевского, А.И. Чупрова, И.И. Янжула.

Экономические доктрины «легальных марксистов» (М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков), представителей революционного (П. Лавров, П. Ткачев, М. Бакунин) и либерального (В. Воронцов, Н. Даниэльсон, Н. Михайловский) народничества.

Распространение в России экономических идей марксизма в трудах Н.И. Зибера, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина.

Раздел III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ РЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ТЕМА 19. ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Исторические предпосылки возникновения американского институционализма. Предмет и метод изучения. Антимонопольная направленность программ социально-экономического реформирования общества.

Особенности основных течений институционализма. Социально-психологический (технократический) институционализм Т. Веблена. Социально-правовой (юридический) институционализм Дж. Коммонса. Конъюнктурно-статистический (эмпирико-прогностический) институционализм У. К. Митчелла.

ТЕМА 20. ТЕОРИИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ И НЕСОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. как основная предпосылка возникновения теорий монополистической и несовершенной конкуренции.

Теория монополистической конкуренции Э. Чемберлина. Неценовые факторы «дифференциации продукта» и усиление конкурентной борьбы на рынке.

Экономическая теория несовершенной конкуренции Дж. Робинсон. Монополия и монопсония. Дилемма об «эффективности и справедливости».

Возникновение теории олигополии (Дж.М. Кларк, У. Феллнер), Дж.К. Гэлбрейт о концепции «уравновешивающих сил» в экономике.

ТЕМА 21. ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Теоретические положения правительственных программ 30-х гг. XX в. по стабилизации экономики. Зарождение концепций кейнсианства и неолиберализма.

Макроэкономический подход в «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса. Методологические принципы кейнсианства. Доктрины «предпочтения к ликвидности», «эффективного спроса», «мультипликатора», «дешевых денег». Меры государственного регулирования экономики.

Американские (Э. Хансен, С. Харрис) и европейские (Ф. Перру) «дополнения» в учение Дж.М. Кейнса. Возникновение неокейнсианских теорий экономического роста (Е. Домар, Р. Харрод).

Общие принципы неолиберальной концепции государственного регулирования экономики («коллоквиум Липпманна»). Особенности фрайбургской и чикагской школ неолиберализма. Концепция В. Ойкена о типах хозяйства. «Денежное правило» М. Фридмена.

ТЕМА 22. ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Теории «индустриального» общества в трудах Р. Арона, Ж. Эллюля, Дж.К. Гэлбрейта, У. Ростоу. Значение развертывания современной научно-технической революции в теории стадий экономического роста У. Ростоу. Преодоление социальных контрастов в «Новом индустриальном обществе» Дж.К. Гэлбрейта.

Критическая оценка последствий технологического прогресса в теориях «постиндустриального» общества (Д. Белл, О. Тоффлер, Р. Хайлбронер). Д. Белл о кризисе «индустриализма». О. Тоффлер о наступлении «нового» образа жизни.

ТЕМА 23. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Концепции экономики «переходного периода» и «социализма» в работах Н. Бухарина, И. Сталина, В. Ленина.

Дискуссии о проблемах соотношения плана и рынка (Е. Преображенский, Г. Сокольников, Л. Юровский), конъюнктуры рынка и экономического роста (Н. Кондратьев, А. Богданов, В. Базаров, В. Громан, С. Струмилин, А. Чаянов).

Экономико-математические разработки оптимального планирования в трудах Е. Слуцкого, В. Немчинова, В. Новожилова, Л. Канторовича.

Теоретическое обоснование реформирования «социалистической» экономики и «развернутого строительства коммунизма» (Н. Хрущев, Л. Брежнев, М. Суслов).

ТЕМА 24. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ПОСТСОВЕТСКИХ РЕФОРМ

Предпосылки возникновения доктрины «перестройки». Дискуссии о воссоздании многоукладной экономики и переходе на рыночные экономические отношения (М. Горбачев, А. Аганбегян, Л. Абалкин, Е. Гайдар, С. Шаталин, Г. Явлинский).

Цели, задачи и меры радикальных экономических реформ, начатых в России в 1992 г. Монетаристская направленность идей Е. Гайдара о «шоковой терапии» российской экономики.

Особенности концепции А. Чубайса по осуществлению «ваучерной» и «денежной» приватизации.

Теоретическое обоснование альтернативных программ рыночных экономических реформ, выдвинутых основными фракциями Государственной Думы РФ II и III созывов.

ТЕМА 25. НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ ПО ЭКОНОМИКЕ — ОЛИМП СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Характеристика основных направлений и этапов эволюции экономической мысли в учебнике «Экономикс» П. Самуэльсона. Сущность и научное значение его концепции «неоклассического синтеза».

Метод прогнозного экономического анализа «затраты — выпуск» В. Леонтьева как основа усовершенствованных межотраслевых балансов общественного продукта. Место и роль математических методов, моделей, формул, а также методологической критики в его работе «Экономические эссе...».

Оптимальный подход использования ресурсов в модели линейного программирования Л. Канторовича — одна из современных теорий макроэкономического исследования.

Монетарная концепция М. Фридмена и «повторное открытие денег». Дискуссионные проблемы в фридменовском эссе ««Методология позитивной экономической науки».

Глава 2. Проблемы методологии в курсе истории экономических учений

Материал этой главы познакомит вас:

- с положением о том, что в связи с особенностями методологии экономической науки этой отрасли знаний не свойственно «однонаправленное продвижение к истине»;
- с приоритетами в методологическом инструментарии представителей различных теоретических направлений, течений и школ экономической мысли;
- с краткой историей зарождения, обновления и диверсификации методологических принципов в экономической науке.

§ 1. Методология экономической науки: постановка проблемы

История экономических учений, как и другие отрасли экономической науки, опирается на совокупность прогрессивных методов экономического анализа. К их числу можно отнести методы: исторический, индукции, логической абстракции, каузальный, функциональный, математического моделирования и др.

Весь ход эволюции экономической мысли свидетельствует о том, что методология экономической науки, несмотря на неоднократные попытки обновления и расширения методов анализа и даже учитывая итоги имевших в ее истории место «революций» (будь то «маржинальная» «кейнсианская», «институциональная», «чемберлианская» и т.п.), не гарантирует восхождение по пути рационального развития, т.е. не обеспечивает ей «однонаправленное продвижение к истине». И как полагает в этой связи видный современный историк экономической мысли Т. Негиши, «ныне влиятельная теория не обязательно во всех отношениях превосходит предыдущие, отрицаемые в данный момент... так что возможность... возвращения старых идей нельзя понять, лишь изучая новые»[1].

В современной экономической литературе, говоря о превращении экономической науки в «царицу социальных наук»[2], подчеркивают тем самым прежде всего ее отличия от естественных наук, обусловленные присущими ей познавательными возможностями и специфическими подходам и к анализу человеческой деятельности, и общества в целом. Но именно в силу этих обстоятельств экономическая наука в своем развитии «обречена», с одной стороны, на «постоянное возвращение назад к достигнутому (общезначимому в данной парадигме), а с другой — на не-

обходимость неизбежного «принятия части информации в качестве аксиомы, на веру»[3].

Не будет преувеличением отметить и сравнительные преимущества экономической науки в процессе обмена результатами ее исследований с другими отраслями науки социальной сферы. В частности, как заметил еще А. Маршалл в своих «Принципах экономикс» (1890), «экономическая наука добилась большего продвижения вперед, чем какая-либо другая отрасль общественных наук, поскольку она является более определенной и точной, чем все другие отрасли»[4]. Однако одновременно с этим он пояснял следующее: «Существует обширная спорная территория, на которой экономические соображения имеют значительное, но не доминирующее влияние, и каждый экономист может сознательно решить для себя, насколько далеко он распространит свою деятельность на эту территорию. Он сможет говорить с тем меньшей и меньшей уверенностью, чем дальше он будет удаляться от своего оплота и чем больше он будет заниматься условиями жизни и мотивами деятельности, которые по крайней мере частично не могут быть охвачены научным методом»[5].

Вместе с тем, как объяснить несовпадение взглядов современных экономистов на проблемы методологии экономической науки, в том числе истории экономической мысли, на вопросы определения временных границ ее этапов, теоретических направлений и школ?

Чтобы ответить на эти вопросы взвешенно и убедительно, следует исходить прежде всего из необходимости глубокого осмысления особенностей эволюции различных направлений экономической мысли и теоретических экономических школ. Но требуемое «осмысление» всегда неизбежно сводилось и, очевидно, будет сводиться и впредь к собственным научным парадигмам исследователей, т.е. к попыткам экономистов альтернативных направлений и школ обосновывать собственное видение всей совокупности предпосылок и методов анализа хозяйственной жизни и предлагать собственное представление о способах решения подобного рода научных проблем.

Наиболее ярким примером расхождения взглядов не только на предмет, но и на метод экономической науки является, пожалуй, подход к этой проблеме представителей марксистской политической экономии, с одной стороны, и экономистов-рыночников — с другой.

Марксисты, как известно, считая свое творчество обновленным продолжением экономического учения Смита—Рикардо, утверждают о примате сферы производства (предмет изучения) и причинно-следственных аналитических конструкций (каузальный метод анализа).

Но, принимая возражения на этот счет С.В. Брагинского и Я.А. Певзнера, важно обратить внимание на убедительную логику их нижеследующих суждений: «Первичность производства всегда трактовалась в марксизме как начало начал политической экономии и всей общественной науки. Насколько такой подход обоснован? Если иметь в виду, что раньше, чем обменивать, распределять и потреблять, нужно произвести, то такое утверждение представляет собой банальность, лежащую за пределами науки. Экономическая наука как наука начинается не с производства, а с обмена, с торговли, с рынка...»[6]

Сторонники рыночной экономической теории занимают в настоящее время доминирующее положение в экономической науке. Их версия предмета и метода положена ныне в основу стандартного учебного курса по экономической теории и для российской системы высшего экономического образования.

Однако и эта версия не лишена определенного несоответствия между заявленными положениями и реальными позициями исследователей. Например, нобелевский лауреат по экономике Р. Коуз по этому поводу пишет так: «В настоящее время господствует понимание экономической науки, которое выражено в определении Л. Роббинса: «Экономика — это наука, которая изучает поведение человека с точки зрения отношений между его целями и ограниченными средствами, допускающими альтернативное использование». Это определение превращает экономику в науку о выборе. На деле большинство экономистов, включая и самого Роббинса, ограничивают свою работу гораздо более узким кругом разновидностей выбора, чем предполагает это определение»[7].

§ 2. Особенности основных методологических принципов и методов изучения в экономической науке

Методология, как известно, является наукой о методах. Применительно к экономической науке ее роль заключается в выявлении методов изучения хозяйственной жизни и экономических явлений и соответственно средств (инструментов) и путей (приемов) достижения знаний в этой области с целью реального освещения механизма функционирования и дальнейшего развития той или иной экономической системы с учетом присущих ей категорий и законов.

Однако, прежде чем рассмотреть суть методов научного познания в экономической науке, целесообразно коротко охарактеризовать общие принципы структуризации, а также содержание основных методологических принципов, на которые она опирается, как и любая другая отрасль науки[8].

Исторически складывается так, что исследователи склонны, как правило, делать выводы и обобщения, носящие позитивный характер, руководствуясь при этом убеждениями чаще всего нормативного свойства и исходя (явно и неявно) из желаемых или идеализируемых принципов и совершенного положения вещей и искусственно удаляясь тем самым от реального отображения действительности. Причем в структуре экономической науки эта ее составная часть, именуемая как *позитивная наука,* претендует на звание объективной, ибо считает себя совершенно свободной от зависимости от этических и нормативных суждений.

Поэтому, несмотря на это, в реальной действительности экономическую науку образует еще и такая часть, которую принято именовать *нормативной (регулятивной).* Вместе с тем *соотношение между позитивной и нормативной частями экономической науки* следует рассматривать с позиции меняющихся уровней, поскольку, являясь основой для формулировки нормативных положений, так называемые позитивные выводы, в свою очередь, сами нередко оказываются следствием определенных положений нормативного свойства.

Наконец, третью часть в структуре экономической науки принято отводить теориям, возникшим в результате «экономического искусства», т.е. на базе так называемых содержательных гипотез. Иными словами, последние рассматриваются не как подтвержденные положения и выводы (как это вытекает из определения категории «гипотеза»), а наоборот — как нуждающиеся в доказательстве и соответственно вписывающиеся «в систему правил для достижения данной цели».

Обозначенные выше принципы структуризации и соответственно три составные части экономической науки впервые были обоснованы и исследованы известным английским экономистом Джоном Невилом Кейнсом в его работе «Предмет и метод политической экономии» (1891). А суть каждой из этих частей сформулирована им следующим образом: «позитивная наука... совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; нормативная или регулятивная наука... совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть... искусство... система правил для достижения данной цели»[9].

В числе наиболее значимых методологических принципов науки, в том числе экономической, следует выделить такие, как иррационализм, релятивизм, эволюционизм, органицизм, полифункционализм.

Иррационализм, как методологический принцип, предполагает отрицание познавательного значения разума либо отводит разуму вспомогательную роль и поэтому допускает утверждение того, что

как человек и окружающий его мир, так и история иррациональны по своей природе, а также выдвигает на первый план аспекты духовной жизни, выходящие за пределы мышления, как-то: воля, чувство, интуиция, воображение, мистическое озарение и т.д.

Релятивизм — принцип методологии, базирующийся на абсолютизации положений об изменчивости действительности и условности наших знаний о ней, вследствие чего факты развития познания, сопровождающиеся преодолением достигнутого прежде уровня, рассматриваются как доказательные аргументы его (познания) неистинности, как основание для отрицания объективных истин.

Эволюционизм — методологический принцип, в соответствии с которым процесс развития системы рассматривается как медленное изменение количественных характеристик, позволяющих констатировать происходящие постепенные и глубокие качественные изменения, характеризовать особенности этих изменений в природе и общественных процессах, включая экономику, культуру и иные системы.

Органицизм — это такой методологический принцип, который допускает только целостный (системный) подход к изучению объектов, а составляющие их элементы и отношения между ними характеризуются как внутренние, т.е. лишь как компоненты (части) исследуемого объекта.

Полифункционализм — принцип методологии, допускающий необходимость изучения деятельности индивида в самых разнообразных проявлениях с тем, чтобы избежать сведение множества социальных функций к определению только одной, в соответствии с которой человек характеризуется главным образом как максимизатор функции полезности.

Экономическая наука, как отмечалось выше, располагает достаточно широким спектром методов изучения (познания) хозяйственных явлений. Наиболее популярными и известными в их числе являются логическая (научная) абстракция, анализ, синтез, индукция, дедукция, исторический и логический методы, аналогия, экономико-математическое моделирование, экономический эксперимент и др.

Метод логической (научной) абстракции (по-латински «abstractio» означает отвлечение) предполагает намеренное отвлечение исследователя от частных или, как принято говорить, второстепенных моментов и сторон определенного явления ради выявления в нем того, что имеет существенное значение и постоянно повторяется и позволяет раскрыть суть экономического явления в таких наиболее общих понятиях (категориях), как производство, деньги, обмен, потребность, распределение и др.

Анализ, как один из методов познания, основывается на многоступенчатом, многоходовом процессе мысленного расчленения изучаемого явления, т.е. целого, на составные части для последующего отдельного исследования каждой из этих частей. В свою очередь *синтез* — это такой метод познания, с помощью которого обеспечивается воссоздание единой (целостной) картины, соединение отдельных частей в целое.

Однако если в процессе исследования экономической системы метод анализа применяется в отрыве от возможностей метода синтеза в части выявления взаимозависимости элементов и составных частей этой системы, то правомерно вести речь уже о *каузальном,* т.е. *причинно-следственном, методе анализа.* Подобного рода ситуация была достаточно очевидной в ранние периоды эволюции экономической мысли (меркантилизм, классическая политическая экономия), когда исследователи из всего многообразия методов предпочтение отдавали каузальному, сводя свои изыскания к бесплодным сентенциям о том, что первично и что вторично и какая категория или сфера является основополагающей и т.п.

Поэтому в действительности *анализ и синтез* — это две стороны одного и того же процесса и должны применяться экономической наукой в единстве.

Между тем исследование принципов организации рыночного хозяйства на основе объединения результатов анализа имеет относительно непродолжительную историю. В частности, лишь во второй половине XIX в. благодаря немецкой исторической школе была впервые обоснована взаимозависимость (функциональная связь) как экономических, так и неэкономических факторов и элементов с учетом их влияния на экономическую систему. И только в конце XIX в. с завершением «маржинальной революции» и возникновением неоклассического направления экономической мысли *функциональный анализ* утвердился в части выявления взаимосвязи сферы производства и сферы обращения и характеристики равновесия в экономической системе.

Становление в экономической науке функционального метода, т.е. единства методов анализа и синтеза, в значительной мере связано с творчеством А. Маршалла. Так, в упомянутых «Принципах экономикс» в специальном приложении под названием «Предмет и метод экономической науки» он писал: «Если экономист быстро и не задумываясь делает выводы, он будет неправильно выявлять взаимосвязи на каждом этапе своей работы», поскольку «объяснение прошлого и предсказание будущего — это не различные операции, а одна и та же деятельность, осуществляемая в противоположных направлениях; в одном случае — от результата к причине, в другом — от причины к результату»[10].

По мысли этого ученого, следует всегда помнить, что наблюдение или история не могут с точностью сказать нам, какое из двух событий является первым и выступает причиной второго, и «никакие два экономических события не являются во всех аспектах идентичными». Он также предупреждает, что «какой бы тесной ни была аналогия между двумя случаями, мы должны решить, можно ли пренебречь различиями между ними как несущественными, это может оказаться нелегким делом, даже если оба случая относятся к одному и тому же месту и времени»[11].

Отсюда становится вполне понятным известное назидание А. Маршалла будущим исследователям: «И как это случается в экономической науке, ни те результаты известных причин, ни те причины известных результатов, которые наиболее заметны, не являются в целом самыми важными. «То, что невидимо», зачастую более достойно изучения, чем-то, “что видимо”»[12].

Метод индукции (или наведения) основан, как известно, на умозаключениях от частного к общему, обеспечивающих переход от изучения единичных фактов к общим положениям и выводам. В свою очередь *метод дедукции* (или выведения), напротив, опирается на умозаключения от общего к частному, позволяющие перейти от наиболее общих выводов к относительно частным. Оба эти метода, равно как методы анализа и синтеза, *применимы только в единстве,* так как в экономической науке не существует постоянного набора аксиом, не подвергающихся сомнению. Ведь как показывает ее история, «положения, считавшиеся фундаментальными и аксиоматическими... постоянно подвергаются сомнению»[13].

К примеру, на чрезмерную приверженность классиков, в том числе Дж. С. Милля, дедуктивному методу наряду с такими противниками либеральной экономики, как С. Сисмонди и П. Прудон, указывали и их преемники, т.е. неоклассики и особенно А. Маршалл. Последний, в частности, писал: «...когда мы знаем об отдельном воздействии двух экономических сил — как, например, увеличение заработной платы и снижение тягости труда в отрасли будут по отдельности оказывать влияние на предложение рабочей силы в этой отрасли, — мы можем довольно точно предсказать результаты их совместного воздействия, не дожидаясь приобретения специфического опыта... Милль (Джон Стюарт. — *В.Щ.*) преувеличивал масштабы, в которых это может быть сделано, и поэтому он переоценивал роль дедуктивных методов в экономической науке»[14].

В широком спектре методов изучения, которыми располагает экономическая наука, не менее важное место занимают *исторический и логический методы.* Эти методы, так же как анализ и синтез, индукция и дедукция, *применяются в единстве* и не противостоят друг другу.

Исторический метод позволяет исследовать экономические явления и процессы, экономические идеи и концепции в той последовательности, в которой они возникали, развивались и сменялись одни другими. Кроме того, с помощью этого метода исследователь получает возможность выявить и сравнить особенности различных экономических систем, опиравшихся на теории соответствующих направлений, течений и школ экономической мысли, выделить в числе многообразных явлений хозяйственной жизни и экономических теорий такие, которые еще не достаточно изучены, определить ориентиры логического восхождения от простого к сложному.

В данном контексте исторический метод тесно переплетается с логическим методом, с помощью которого, в частности, в различных источниках учебной литературы по экономической теории дается обоснование того, какой ее раздел следует изучать сначала — микроэкономику или макроэкономику и т.д. При этом, как полагает А. Маршалл, рассматривая отношения экономической науки к фактам отдаленного прошлого, «специалист по экономической истории может расширить границы наших знаний и выдвинуть новые и ценные идеи, даже если он довольствуется наблюдением тех совпадений и причинных связей, которые лежат близко от поверхности»[15].

В качестве метода познания хозяйственной жизни *аналогия* используется в экономической науке по существу на всех главных этапах ее эволюции. Благодаря этому методу свойства известных явлений в различных сферах познания человека переносятся на неизвестные явления, и в том числе в сфере функционирования экономики. Например, при обосновании важнейших положений одним из центральных в экономической науке является понятие «теория», которое было заимствовано по принципу аналогии из физики. К числу других примеров аналогии из физики можно отнести и такие распространенные ныне в экономической науке понятия, как «эластичность», «равновесие» и др. Немало в экономической науке аналогий и из сферы медицины, с помощью которых стало традицией объяснять закономерности функционирования экономики на макроуровне, словно речь идет о функционировании человеческого организма, и т.д.

Метод экономико-математического моделирования, как один из системных методов исследования, опирается на приемы и средства, позволяющие выявить количественную сторону явлений и процессов хозяйственной жизни и их качественное обновление посредством формализованного отображения причин изменений экономических показателей, что делает реальным прогнозирование экономических процессов. Этот метод, как известно, возник в

результате так называемой «маржинальной революции», произошедшей в экономической науке в конце XIX в. , но широкое распространение получил в XX столетии. Его основу составляют дифференциальные и интегральные исчисления, начало которым в области экономической теории положили такие известные экономисты, как О. Курно, У. Джевонс, Л. Вальрас, В. Парето, А. Маршалл и др.

Однако сами по себе математические приемы, в какой бы форме они ни были представлены, не должны быть самоцелью в экономическом анализе, где, говоря словами М. Алле, в самом деле, существует «проблема лавирования между «литературной теорией» и "математическим шарлатанством"»[16]. И, к сожалению, нельзя не согласиться и с Р. Коузом в том, что «если глупость слишком велика, чтобы быть высказанной вслух, ее можно спеть. В современной же экономической теории ее можно облечь в математическую форму»[17].

Вместе с тем сегодня ни у кого не вызывает сомнений мысль А. Маршалла о том, что «подготовка в области математики полезна тем, что она позволяет овладеть максимально сжатым и точным языком для ясного выражения некоторых общих отношений и некоторых коротких процессов экономических рассуждений, которые действительно могут быть выражены обычным языком, но без равноценной четкости схемы»[18].

Наконец, важное значение придается в экономической науке такому методу изучения, как *экономический эксперимент,* хотя вероятные результаты последнего далеко не всегда можно предвидеть. Этот метод предполагает целенаправленное искусственное воспроизведение (имитацию) экономического явления или процесса с целью его изучения и подтверждения и (или) изменения гипотез, сформулированных ранее. В истории экономической мысли попытки сознательного массового экономического экспериментирования связаны с именами таких личностей, как Р. Оуэн, П. Прудон и др. в XIX в., Ф. Тейлор, Г. Форд, Дж.М. Кейнс, М. Фридмен, Н. Хрущев и др. — в XX в.

§ 3. Предмет и метод экономической науки в ретроспективе

Зачатки представлений о предмете и методе экономической науки обнаруживают себя в трудах выдающихся мыслителей цивилизаций древнего мира и средневековья, т.е. еще задолго до обособления ее в самостоятельное звено науки. В них очевидны нескрываемое презрение к коммерции и неприязнь к страсти к обогащению простолюдинов, «черни». Отсюда, по их версии, предмет экономической науки следовало бы сводить к изучению главным образом пробле-

матики организации личного домашнего хозяйства, и в той части общественного сектора хозяйства, которая имеет в основном сельскохозяйственный профиль, а метод — к обоснованию таких «правил» и «норм», которые бы «объясняли» правомерность экономического и социального неравенства в обществе.

Меркантилизм явился первой школой зарождающейся экономической науки со сложившейся системой взглядов и оценок в части определения сути ее предмета (проблематика сферы обращения), основных методологических принципов (приверженность каузальному методу анализа и эмпиризму) и координирующей хозяйственную жизнь экономической политики (посредством прежде всего протекционистских мер государства). Меркантилисты, как пионеры экономической науки, стали впоследствии ориентиром для многих поколений ученых-экономистов, пытавшихся вслед за ними осмыслить комплекс проблем, связанных с предметом и методом ее изучения.

Классическая политическая экономия, вытеснившая меркантилистское учение, сосредоточила внимание на экономическом анализе прежде всего в сфере производства (предмет изучения), тенденциозно недооценивая обратное влияние на нее проблематики сферы обращения. Но, несмотря на узость границ предмета изучения, классики были обращены к самым новым достижениям научной методологии той эпохи, включая дедукцию, индукцию, логическую абстракцию и другое, в числе которых, правда, на первый план выдвигали все тот же метод каузального анализа.

Именно предпочтение каузального метода другим методам исследования обусловило многие упрощения и упущения классиков в области теоретических изысканий, и в частности при разработке теории стоимости. Последняя, как известно, трактуется классической политической экономией по однофакторной (затратной) характеристике, базирующейся либо на издержках производства, либо на количестве затраченного труда. Кроме того, каузальный метод в творчестве классиков очевиден в их пристрастии к теориям деления общества на классы и общественного труда — на производительный и непроизводительный; в позиции безоговорочного приоритета в экономике принципов laissez faire и частной собственности.

Альтернативные классической политической экономии направления экономической мысли положили начало существенным позитивным сдвигам во взглядах и оценках по поводу предмета и метода экономической науки. В частности, благодаря научным изысканиям экономистов-романтиков возникли достаточно аргументированные наработки о целесообразности, с одной стороны, расширить границы предмета экономической науки (проблематикой морально-этического и нравственного свойства), а с другой — отказаться от абсолютизации дедуктивного и индуктивного методов анализа и

идеи автоматической саморегулируемости экономики и осуществить реформы по делиберализации экономики, руководствуясь при этом методическими принципами экономического экспериментирования.

В свою очередь представители утопического социализма, ратовавшие, как и классики, за ускорение научно-технического прогресса и рост производительности общественного труда, противопоставили им идеи приоритетной роли в экономической политике принципов социальной справедливости, достижение которых увязывали с научно-методической проработкой и обоснованием реформаторских доктрин, обеспечивающих бескризисное развитие экономики и ликвидацию монопольного положения в общественной жизни института частной собственности.

Наконец, историческая школа Германии обеспечила все необходимые предпосылки для значительного расширения аналитического поля (предмет изучения) экономической науки, включив в него исторический контекст проблематики и экономического, и неэкономического свойства, т.е. всю совокупность общественных отношений. Эта школа доказала мнимый характер изображения действительности классиками, которые придавали решающее значение в экономическом анализе методам дедукции, индукции и логической абстракции. Ее авторы считали необходимым в области методологии экономической науки выдвинуть на первый план «человеческий фактор», выявление взаимосвязи и взаимообусловленности факторов экономической и неэкономической среды, определение места и роли неклассовых критериев в исследовании фаз и этапов развития общества.

На протяжении первого этапа «маржинальной революции» классической политической экономии активно противостояли представители так называемого субъективного направления экономической мысли. Субъективисты в своем творчестве предмет экономической науки ограничивали проблематикой сферы потребления (обмена) и причину происхождения стоимости увязывали с предельной полезностью (спросом). Однако в области методологии исследования им удалось достичь гораздо больших подвижек и особенно в части методических разработок микроэкономического и математического анализа.

Лидеры второго этапа «маржинальной революции», положившие начало неоклассическому направлению экономической мысли, обосновали необходимость выявления и познания «законов» и проблем одновременно обеих сфер — производства и потребления. Но наряду с такого рода расширением «границ» предмета экономической науки им удалось существенно обновить ее методологические основы и особенно благодаря оказанию предпочтения каузальному методу анализа функционального, всемерному распрост-

ранению средств математического анализа, в том числе математического моделирования на микро- и макроуровне.

Заметное место в методологии неоклассиков занимают также методы анализа статического и динамического состояния экономики, двухкритериальный метод характеристики сущности рыночной цены, методы оптимизации размеров фирм и производственных мощностей.

Достижения маржинальной экономической теории в период свершения в экономической науке «маржинальной революции» обусловили некий теоретико-методологический «вакуум», который в известной мере заполнили представители альтернативного неоклассическому направлению социально-институционального направления экономической мысли. Институционалисты в качестве предмета экономического анализа обозначили (подобно авторам немецкой исторической школы) всю совокупность общественных отношений, рассматриваемых в историческом контексте. В области же методологических принципов институционалисты продвинулись несколько дальше авторов родственной им по духу исторической школы Германии, поставив на первый план целесообразность реализации антимонопольных мер и связанных с ними детальных количественных исследований.

После мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. исследования, затрагивающие проблематику предмета и метода экономической науки, стали обретать все более диверсификационные (взаимопроникающие) признаки, способствуя качественному обновлению теоретико-методологических изысканий ученых-экономистов.

Примерами подобного свойства явились обоснованные опровержения концепции совершенной конкуренции и вытекающего из нее «закона рынков Сэя», а также кейнсианские и неолиберальные теории государственного регулирования экономики, ознаменовавшие подлинный конец ортодоксальной доктрины *laissez faire*.

Таким образом, можно утверждать, что современной экономической науке присущи собственная область знания (предмет изучения) и специализированная техника поиска и интерпретации фактов объективной действительности (методологические принципы и методы анализа), обособившиеся в ходе эволюции мировой экономики и развития концепций, связанных со специфической проблематикой ее предмета и метода. Она не является «застывшей» и тем более «мертвой» теорией, ибо предмет ее изучения проникает во все новые и новые сферы жизни общества, достигая качественно нового уровня, а метод не ограничивается сугубо каузальным (причинно-следственным) рассмотрением экономических факторов, идей и концепций в отрыве от неэкономических аспектов данной проблематики. Отсюда несомненно то огромное значение, которое имеет экономическая наука в практической деятельности. Поэтому

«обязанность» и начинающего и умудренного опытом ученого-экономиста постоянно продолжать кропотливый поиск (ради того, чтобы «дать по возможности простое и в то же время обобщающее изложение проблем предмета и метода экономической теории, которые имеют долгую историю обсуждения»[19]), имеет, безусловно, чрезвычайно важное значение для судеб этой науки. Это особенно необходимо учитывать сейчас, когда Россия переживает весьма сложный кризис, выход из которого будет менее продолжительным и разрушительным, если в основе антикризисных мер будут лежать прежде всего достижения экономической науки.

Вопросы и задания для контроля

1. В чем заключаются особенности методологии экономической науки?
2. Раскройте сущность составных частей, образующих целостную экономическую науку.
3. На какие основные методологические принципы опирается экономическая наука? Прокомментируйте их.
4. Охарактеризуйте содержание наиболее известных методов изучения (познания) хозяйственных явлений.
5. Каковы особенности предмета и метода экономической науки на различных этапах эволюции экономической мысли?

Список рекомендуемой литературы

Алле М. Современная экономическая наука и факты //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991.

Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993.

Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. III. М.: Прогресс, 1993.

Негиши Т. История экономической теории. М.: АО «Аспект Пресс», 1995.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Предмет и метод экономической теории. М.: ТЕИС, 1997.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука //THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Приложение

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Приступая к изучению истории экономических учений, вам необходимо прежде всего внимательно ознакомиться с содержанием программы по данной дисциплине, а также с перечнем рекомендуемой в ней учебной литературы и дополнительных источников. Далее следует заблаговременно получить во временное пользование имеющиеся в библиотеке вуза литературные источники.

Одновременно (также по согласованию с преподавателем) целесообразно продолжить формирование «личной библиотеки экономиста» и по возможности приобрести в книготорговой сети наиболее важные из числа имеющихся в продаже учебно-методические разработки, которые, несомненно, понадобятся вам в вашей будущей научно-практической деятельности.

На изучение дисциплины истории экономических учений объем учебной нагрузки предусматривается в утверждаемых в вузах учебных планах. В пределах утвержденного объема «расчасовка» на аудиторную работу осуществляется соответствующими структурными подразделениями (факультетами и институтами) в составе вуза. Поэтому количество лекционных и семинарских занятий в учебных планах различных подразделений вуза, как правило, варьируется исходя из утвержденных для них перечней специальностей и специализаций и в зависимости от применяемых форм обучения (дневное, вечернее, второе образование и т.п.).

С учетом этих обстоятельств основные разделы и положения настоящих методических указаний излагаются *применительно к максимально возможному варианту объема аудиторной работы.* В случае меньшей плановой «расчасовки» лекционной и семинарской нагрузки количество и последовательность тем и вопросов, планируемых на лекционные и семинарские занятия, могут быть скорректированы.

В процессе изучения раздела «*Экономические учения эпохи дорыночной экономики*» основное внимание надо уделить историко-экономической характеристике главных этапов и специфических особенностей натурально-хозяйственной идеологии. Начало этой эпохи знаменует экономическая мысль философов и правителей Древнего Востока и античного мира. Следующий этап очевиден в проявлениях схоластики и догматических постулатах экономических воззрений религиозных лидеров средневековья в исламских арабских регионах и западноевропейских регионах католического христианства. Завершающим этапом эволюции экономической мысли эпохи дорыночной экономики является меркантилизм, ставший первой теоретической концепцией зарождающихся в недрах натурального хозяйства рыночных экономических отношений.

Центральное место в тематике лекционных и семинарских занятий, «круглых столов», коллоквиумов и курсовых работ по этому разделу дисциплины занимают такие проблемы, как:

- приверженность авторов экономических идей древнего мира и средневековья ограниченным масштабам товарно-денежных отношений;
- преобладание эмпиризма и принципов морально-этической оценки экономических категорий и явлений;
- главенствующая роль государства и общенациональных интересов в хозяйственной политике;
- отсутствие целостной методологической базы и теоретической концепции экономической науки.

Раздел дисциплины «*Экономические учения эпохи нерегулируемых рыночных отношений*» связан с изучением многообразных и порой диаметрально противоположных теоретических положений и концептуальных позиций представителей различных направлений, течений и школ либеральной экономической мысли. Последним — классикам и неоклассикам, безоговорочно разделявшим смитовскую доктрину «невидимой руки» и так называемый «закон рынков Сэя», весьма серьезно противостояли их оппоненты — социалисты-утописты и экономисты-романтики. Причем противники либеральной экономической мысли не только критиковали принципы полного *laissez faire*, но и выдвигали оригинальные проекты социальных реформ, включая меры нециклического (бескризисного) развития экономики. Однако более взвешенной и аргументированной критикой теоретико-методологических основ либеральной экономической мысли является научное наследие немецких авторов — предшественников социально-институционального направления экономической мысли, доказывавших недопустимость исследования проблем экономического роста в отрыве от факторов социальной среды и национально-исторических особенностей.

К числу важнейших при изучении данного раздела дисциплины относятся следующие проблемы:

- приоритет метода классового анализа экономических процессов;
- приверженность авторов классической политической экономии и неоклассической экономической теории принципам *laissez faire*, «чистой» экономической науки и совершенной конкуренции;
- бескомпромиссность теоретико-методологических позиций и сторонников и противников либеральной экономики;
- отсутствие системного (комплексного) анализа и учета всей совокупности обеспечивающих экономический рост общественных факторов (факторы экономической и неэкономической среды).

Изучение раздела «*Экономические учения эпохи регулируемых рыночных отношений*», как и предыдущих двух, неразрывно связано с познаниями в области дисциплин «Экономическая теория» и «История экономики». Тематика данного раздела позволит более четко осмыслить сущность и взаимообусловленность экономических процессов XX столетия с учетом возникших накануне и после мирового экономического кри-

зиса 1929—1933 гг. принципиально новых экономических доктрин. В их числе важнейшими являются теории социального контроля общества над экономикой так называемых американских институционалистов, теории рынка с «монополистической» и «несовершенной» конкуренцией и, конечно, альтернативные друг другу кейнсианские и неолиберальные концепции государственного регулирования экономики.

Особое внимание здесь следует обратить на процесс постепенного сближения непримиримых и полярных прежде позиций теоретических школ, течений и направлений экономической мысли, названный П. Самуэльсоном процессом «неоклассического синтеза». Именно в этом ключе очевидна эволюция экономической мысли на современном этапе, о чем убеждают также достижения выдающихся ученых-экономистов в период последней трети XX в., в течение которого осуществляются присуждения Нобелевских премий по экономике.

Основополагающими проблемами при изучении завершающего раздела дисциплины могут быть названы:

- отказ от ортодоксальных концепций «классового анализа», «чистой» экономической науки и совершенной конкуренции;
- приоритет социально ориентированных теоретических концепций экономического роста;
- сближение полярных позиций школ и направлений экономической мысли как следствие процесса «неоклассического синтеза»;
- популяризация и мировое признание достижений лучших ученых-экономистов современности (награждение Нобелевскими премиями).

Подготовка к семинарским занятиям должна осуществляться в строгом соответствии с планом, приведенным в п. 3 учебно-методических материалов учебника. Последовательность и количество тем и вопросов, выносимых на семинар, может корректироваться преподавателем в зависимости от фактически запланированной нагрузки в учебных планах и иных объективных обстоятельств.

К каждому семинарскому занятию рекомендуется краткое конспектирование отдельных разделов (глав) из первоисточников (см. в п. 3 учебно-методических материалов учебника соответствующие библиографические списки). Количество конспектируемых источников и объем такой работы определяются студентом самостоятельно либо согласовываются с преподавателем. Подготовленный таким образом материал может быть использован при выступлении на семинаре, написании курсовой работы и выпускной работы бакалавра экономики по избранной теме. Конспектирование, кроме того, развивает навыки работы с научной литературой, квалифицированного устного и письменного изложения собственных мыслей.

Курсовая работа и выпускная работа бакалавра выполняются по избранной студентом из соответствующих перечней теме в машинописном виде и представляются на кафедру. По согласованию с преподавателем тема работы может и не совпадать с предложенными в п. 3 учебно-методических материалов учебника перечнями.

Раздел второй
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ДОРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Глава 3. Натурально-хозяйственная экономическая мысль древнего мира и средневековья

Изучив эту главу, вы будете знать:

- что истоки экономической науки следует искать в дошедших до нас памятниках экономической мысли цивилизаций Древнего Востока и античного рабства;
- почему выразители экономических идей и воззрений древнего мира и средневековья осуждали крупные торговые и ростовщические операции;
- какими были в эпоху господства натурального хозяйства трактовки денег и их функций, разделения труда и богатства, ссудного процента и торговой прибыли, законов обмена и «справедливых цен».

§ 1. Экономические учения древнего мира

С появлением первых государственных образований и зарождением различных форм участия государства в хозяйственной жизни, т.е. со времен древних цивилизаций, перед обществом возникло множество насущных проблем, актуальность и важность которых сохраняется до сих пор и едва ли когда будет утрачена. В их числе наиболее значимой была и, очевидно, будет всегда проблема толкования идеальной модели социально-экономического устройства общества на основе логически выверенной систематизации экономических идей и концепций в экономической теории, принимаемой в результате всеобщего одобрения в качестве руководства к действию при осуществлении хозяйственной политики.

Как же эта проблема решалась в древнем мире? Какими аргументами на протяжении с IV тысячелетия до нашей эры и до первых столетий I тысячелетия нашего времяисчисления в странах Древнего Востока и античного рабства поддерживалась система рабовладения и приоритета натурально-хозяйственных отношений перед товарно-денежными?

Коротко ответы на эти вопросы могут быть сведены к следующему:

1) выразители экономической мысли древнего мира — крупные мыслители (философы) и отдельные правители рабовладельческих государств — стремились идеализировать и сохранить навсегда рабовладение и натуральное хозяйство как главные условия открытого разумом и охраняемого гражданскими законами непреходящего «естественного порядка»;
2) доказательства идеологов древнего мира базировались преимущественно на категориях морали, этики, нравственности и были направлены против крупных торгово-ростовщических операций, т.е. против свободного функционирования денежного и торгового капитала, в которых усматривали искусственную сущность, нарушающую принцип эквивалентности и пропорциональности процесса обмена товаров на рынке по их стоимости.

Однако для более обстоятельной и полной характеристики эволюции экономической мысли древнего мира необходимо обособленное рассмотрение особенностей хозяйственной жизни восточного и классического (античного) рабства и основных идей и воззрений в дошедших до нас памятниках экономического мышления цивилизаций Древнего Востока и античных государств.

Экономическая мысль цивилизаций Древнего Востока

Главная особенность восточного рабства заключается, как известно, в масштабных хозяйственных функциях государства, обусловленных отчасти и объективными предпосылками. Так, создание ирригационной системы и контроль над ней требовали безусловного участия государственных органов в этой деятельности, в том числе в части правовых мер. Однако чрезмерная государственная опека (регулирование) натурального по сути хозяйства посредством регламентации сферы ссудных операций, торговли и долговой кабалы и ведущая роль в национальной экономике собственности государства стали теми критериями, в соответствии с которыми хозяйство восточных цивилизаций нередко называют *азиатским способом производства*.

Остановимся на наиболее популярных источниках — памятниках экономической мысли цивилизаций Древнего Востока.

Древний Египет. На примере этой страны человечество располагает двумя самыми ранними памятниками экономической мысли за всю историю самоорганизации в рамках государственных образований. Один из них датируется XXII в. до н.э., и им является некое послание, получившее название «Поучение гераклеопольского царя своему сыну». В этом «Поучении» приводятся «правила» государственного управления и руководства хозяйством, овладение которыми для правителя также важно, как и всякая другая сфера искусства. Другой памятник датирован началом XVIII в. до н.э. и называется «Речение Ипусера», а главная его идея — недопущение бесконтрольного роста ссудных операций и долгового рабства во избежание обогащения «простолюдинов» и начала в стране гражданской войны.

Вавилония. Это древневосточное государство Месопотамии, расположенное в междуречье Тигра и Евфрата, оставило потомкам творение своего царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.), часто именуемое кодексом законов, который действовал в этой стране в XVIII в. до н.э. В соответствии с ним во избежание разрушения натурально-хозяйственных отношений и угрозы суверенитету страны из-за ослабления государственных структур и армии от сократившихся поступлений налогов в казну вводились чрезвычайно жесткие правовые нормы. Их нарушение влекло за собой самую суровую экономическую, административную и уголовную ответственность вплоть до смертной казни. Вот некоторые примеры законодательных установок в кодексе Хаммурапи:

- посягнувший на чужую (частную) собственность, в том числе на раба, карается обращением в рабство либо смертной казнью;
- за несвоевременную уплату долгов ни царские воины, ни другие граждане-вавилоняне более не лишаются своих земельных наделов;
- срок долгового рабства кого бы то ни было (жены, сына, дочери либо отца семейства) не должен превышать трех лет, а сам долг отменяется по отбытии срока наказания;
- предел денежной ссуды не может превышать 20%, натуральной — 33% от ее первоначальной суммы.

Древний Китай. Своеобразие древнекитайской экономической мысли ассоциируется, как правило, с именем Конфуция (Кун Фуцзы (551—479 гг. до н.э.) и его сборником «Лунь-юй» («Беседы и суждения»), а также с идеями популярного в IV—III вв. до н.э. коллективного трактата «Гуань-цзы».

Сторонник регламентированных патриархальных отношений и защиты государством экономического благополучия родовой знати и всех «вышестоящих», Конфуций настаивал на мысли, что только образованный правитель, являясь «отцом народа» и гарантом «пра-

вильного действия», способен реально повлиять на равномерное распределение создаваемого обществом богатства. Этот философ, хотя и признавал божественное и природное начало деления людей по сословиям, тем не менее считал долгом каждого человека стремиться к моральному совершенству, постижению естественных правил уважения старших, сыновней почтительности и дружбе с братьями. По его мнению, тогда «у народа будет достаток», когда хозяйствование будет умелым, а труд, приумножающий богатство народа и государя, станет одинаково выгодным как в условиях «великой общности» (коллективной собственности крестьянской общины), так и частного владения потомственной аристократии и непотомственных рабовладельцев.

Авторы «Гуань-цзы», подобно Конфуцию, в качестве главной выдвигали задачу «сделать государство богатым и народ довольным» (посредством равномерного распределения богатства без «обогащения» торговцев и ростовщиков) и также, как он, ратовали за незыблемость сословного деления общества (полагая, что без Богом избранных «знатных» и высших сословий страна не имела бы доходов и что не может быть, чтобы «все были знатны», так как «некому было бы трудиться»). В числе мер по стабилизации натурально-хозяйственных отношений наиболее важными они считали регулирование государством цен на хлеб (дабы «в селениях царило спокойствие»), создание государственных запасов хлеба, введение льготных кредитов земледельцам, замену прямых налогов на железо и соль косвенными (перекладывая эти налоги на производимые с их использованием товары) и др. Небезынтересно отметить и то обстоятельство, что основными составляющими понятия богатства в трактате названы наряду с золотом и жемчугом и иные материальные блага, товарная сущность которых на рынке не подлежит сомнению. При этом роль золота как товара и меры исчисления ресурсов государства «объяснялась» прежде всего его природным предназначением выступать в качестве денег и способствовать такому обмену, в результате которого «выгоды у одних» бывают «больше, чем у других».

Древняя Индия. Наиболее ярким свидетельством древнеиндийской экономической мысли на протяжении IV—III вв. до н.э. является трактат под названием «Артхашастра», означающий в переводе учение («артха») о доходах («шастра»). Его автором явился некий Каутилья (советник царя Чандрагупты I в конце IV в. до н.э.), возвещавший своему народу положения о трудовом происхождении богатства и необходимости регулирования процессов распределения торговой прибыли между купцами и государством. Именно государство, на его взгляд, обеспечивает охрану ирригационных сооружений, льготное землепользование, освоение источников руды, строительство дорог, развитие промыслов, борьбу со спекулирую-

щими торговцами и т.д. Согласно трактату, «накопление богатства» естественным образом предполагает деление общества на рабов и свободных граждан-ариев, для которых «не должно быть рабства», и каждый, кто не возвращает причитающиеся за пользование землей долги, обязан за это разделить участь низшего сословия на время либо навсегда. Выступая за регулируемый государством хозяйственный механизм, Каутилья выдвинул сугубо эмпирический вариант дифференциации в цене товара издержек производителей и купцов; им предлагались заранее устанавливаемые нормативы в размере 5 и 10% соответственно от цены товара местного и иностранного происхождения.

Экономическая мысль Древней Греции. Рабство, которое имело место в Древней Греции и Древнем Риме в I тысячелетии до н.э., называют классическим или античным. Причем лучшими достижениями экономической мысли античного рабства в период конца V—IV вв. до н.э. явились труды древнегреческих философов Ксенофонта, Платона и Аристотеля. Поэтому далее речь пойдет о видении «достоинств» натурального хозяйства и «естественном» характере рабовладения только на примере названных авторов.

Ксенофонт (430—354 гг. до н.э.). Экономические воззрения этого философа нашли свое выражение в его трактате «Домострой», в котором приводятся следующие положения:

- разделение труда на умственный и физический виды, а людей — на свободных и рабов имеет естественное (природное) происхождение;
- природному предначертанию отвечает преимущественное развитие земледелия по сравнению с ремеслом и торговлей;
- производительно может выполняться «наиболее простая работа»;
- степень разделения труда обусловлена, как правило, размерами рынка сбыта;
- всякому товару присущи полезные свойства (потребительная стоимость) и способность обмениваться на другой товар (меновая стоимость);
- деньги изобретены людьми для того, чтобы с их помощью осуществлялось товарное обращение и накопление богатства, но не ростовщическое обогащение.

Платон (428—347 гг. до н.э.). Этот философ, предвосхитивший ряд элементов возникшей впоследствии так называемой коммунистической модели социально-экономического устройства, отстаивал прежде всего натурально-хозяйственные отношения рабовладельческого общества, что нашло отражение в характеристике двух проектов идеального государства соответственно в его произведениях «Государство» и «Законы».

В первом сочинении речь идет об особо важной, с точки зрения Платона, роли, которую совместно призваны выполнять аристократическое сословие (философы) и сословие воинов (армия) в обеспечении общественных интересов. Эти сословия, олицетворяя аппарат управления идеального государства, не должны, по мысли ученого, обладать собственностью и обременять себя хозяйством, так как их материальное обеспечение (по уравнительному принципу) должно стать общественным. Остальная часть общества отнесена в проекте к обладающему и распоряжающемуся собственностью третьему сословию, названному Платоном чернью (земледельцы, ремесленники, купцы), и к рабам, приравненным к собственности свободных граждан.

Во втором произведении философ выдвигает обновленную модель идеального государства, развивая и конкретизируя свою аргументацию в части осуждения ростовщичества, обоснования ведущей роли в хозяйстве земледелия по сравнению с ремеслом и торговлей. Основное внимание при этом вновь уделено аппарату управления обществом, т.е. «гражданам» высших сословий, которые, в частности, будут наделены правом владения и пользования (неполное право собственности) предоставляемым им по жребию государством домом и земельным наделом. Кроме того, проектом оговаривается возможность последующей передачи земли по наследству на тех же условиях одному из детей и требование, чтобы ценность общего имущества граждан не разнилась более чем в 4 раза.

Аристотель (384—322 гг. до н.э.). Проект идеального государства этого философа изложен в его трудах «Никомахова этика», «Политика» и др. В них он, подобно Ксенофонту и Платону, настаивает на обусловленности деления общества на свободных и рабов и их труда на умственный и физический исключительно «законами природы»[1] и указывает на более важную роль в хозяйстве земледелия, а не ремесла или торговли. Но свою приверженность принципам натурального хозяйства ученый особенно ярко продемонстрировал в выдвинутой им оригинальной **концепции об экономике и хрематистике.**

Эта концепция носит как бы классификационный характер. Об этом свидетельствует то, что все виды хозяйства и деятельности людей, от земледелия и скотоводства до ремесленного производства и торговли, он относит к одной из двух сфер — естественной (экономика) и неестественной (хрематистика). Первая из них представлена земледелием, ремеслом и мелкой торговлей и должна поддерживаться государством, так как ее звенья способствуют удовлетворению насущных жизненных потребностей населения. Вторая же зиждется на бесчестных крупных торговых, посреднических и ростовщических операциях, проводимых ради достиже-

ния беспредельной и корыстной цели, суть которой — искусство наживать состояние, т.е. все большее «обладание деньгами».

В рамках своей концепции Аристотель, идеализируя рабовладельческое государственное устройство, как бы искусственно «упрощает» важнейшие элементы хозяйственной жизни. Например, по Аристотелю, «*5 лож = 1 дому» потому, что их соизмеримость достигается якобы только благодаря деньгам.* С позиций этой же концепции он тенденциозно анализирует этапы эволюции форм торговли и денежного обращения. В частности, такие ранние формы торговли, как прямой товарообмен и обмен посредством денег, относятся им к сфере экономики, а движение торгового капитала, т.е. когда товарообмен осуществляется с приращением первоначально авансированных на эти цели денег, — к сфере хрематистики. Аналогично трактует философ и формы денежного обращения, относя функции денег по отображению меры стоимости и средства обращения к сфере экономики, а их применение как средство накопления прибыли, т.е. в качестве ростовщического капитала, — к сфере хрематистики.

Таким образом, по рассматриваемой концепции Аристотеля, все, что могло бы подорвать основы натурально-хозяйственных отношений (а это прежде всего обусловленное разделением труда движение торгового и денежного капитала), относится к «издержкам» хрематистики. А последние, на его взгляд, обусловлены непониманием того, что «в действительности вещи столь различные не могут стать соизмеримыми», ибо возникшие в результате соглашения между людьми деньги, по мысли философа, представляют собой не более чем «удобный в обиходе» товар и «в нашей власти», чтобы они (деньги) стали «неупотребительными». Поэтому он решительно осуждает использование денег не по истинному назначению, т.е. с целью обеспечения удобств в обиходе «ради меновой торговли», и откровенно признается в том, что ростовщичество у него «с полным основанием вызывает ненависть»[2].

§ 2. Экономические учения средневековья

Современные представления об особенностях экономической мысли средневековья (феодального общества) так же, как и времен древнего мира, базируются в основном на материалах дошедших до нас литературных источников. Но существенной особенностью идеологии рассматриваемого периода, в том числе в области хозяйственной жизни, является ее сугубо богословский характер. По данной причине средневековым экономическим доктринам присущи многообразные хитросплетения схоластических и софистических суждений, причудливые нормы религиозно-этического и авторитарного

свойства, с помощью которых предполагалось не допустить грядущего утверждения рыночных экономических отношений и демократических принципов общественного устройства.

Средневековый тип натурально-хозяйственных отношений, или феодализм, зародился, как известно, в III—VIII вв. в ряде государств Востока и V—XI вв. — в странах Европы. И с самого начала вся полнота политической власти и экономического могущества была в них достоянием светских и церковных феодалов, которые как явно, так и неявно осуждали тенденции расширения масштабов товарности экономики и ростовщичества.

В экономической литературе в числе наиболее значимых представителей средневековой экономической мысли на Востоке, как правило, упоминается видный идеолог арабских государств Ибн-Хальдун, а в Европе — лидер так называемой поздней школы канонизма Фома Аквинский. Об их творческом наследии и последует далее речь.

Ибн-Хальдун (1332–1406). Его жизнь и творчество связаны с арабскими странами на севере Африки, где в духе, как принято говорить, азиатского способа производства государство традиционно сохраняло за собой право владения и распоряжения значительными земельными угодьями, сбора для нужд казны обременительных налогов с доходов населения. Причем с тех пор, как в начале VII в. на землю снизошли «откровения Бога» и услышавший их мекканский купец Мухаммед — первый проповедник Корана — возвестил мусульманский мир о новой (исламской) религиозной идеологии, ослабить «всесилие» антирыночных постулатов, казалось, ничто более не смогло бы.

Веру в незыблемость сословной дифференциации общества, т.е. в то, что «Аллах дал преимущество одним людям перед другими», а также в богоугодность бартерной по существу торговли, на всех этапах эволюции общества от «примитивности» к «цивилизации» попытался укрепить в душах всех правоверных и Ибн-Хальдун, выдвинув с этой целью *концепцию некой «социальной физики»*. Вместе с тем последняя не лишена отдельных поучительных идей и историко-экономических обобщений, таких, например, как необходимость возвышенного отношения к труду, порицание скупости, жадности и расточительства, понимание объективного характера прогрессивных структурных изменений в сферах экономики, благодаря которым к давним хозяйственным заботам людей в земледелии и скотоводстве прибавились сравнительно новые занятия в ремесленном производстве и торговле.

Переход к цивилизации и соответственно избыточному производству материальных благ позволит, по мнению Ибн-Хальдуна, многократно приумножить национальное богатство, и со временем

каждый человек сможет обрести больший достаток вплоть до предметов роскоши, но при этом никогда не наступит всеобщее социальное и имущественное равенство и не исчезнет деление общества на «слои» (сословия) по имущественному признаку и принципу «предводительства».

Развивая тезис о проблеме достатка и недостатка в обществе материальных благ, мыслитель указывает на ее обусловленность прежде всего размерами городов, точнее, степенью их заселенности и делает следующие выводы:

- с ростом города растет достаток в «необходимом» и «лишенном необходимости», приводя к снижению цен на первое и росту цен на второе и свидетельствуя одновременно о процветании города;
- малочисленность населения города является причиной дефицита и дороговизны всех необходимых его населению материальных благ;
- расцвет города (как и общества в целом) реален в условиях снижающихся размеров налогов, включая пошлины и поборы правителей на городских рынках.

Наконец, деньги Ибн-Хальдун считает важнейшим элементом хозяйственной жизни, настаивая на том, чтобы их роль выполняли полноценные монеты из созданных богом двух металлов — золота и серебра. По его мысли, деньги отображают количественное содержание человеческого труда «во всем приобретаемом», ценность «всякого движимого имущества», и в них «основа приобретения, накопления и сокровища». Он совершенно нетенденциозен при характеристике «стоимости труда», т.е. заработной платы, утверждая, что ее размер зависит, во-первых, «от количества труда человека», во-вторых, «его места среди других трудов» и, в-третьих, от «потребности людей в нем» (в труде. — *Я.Я.*).

Фома Аквинский (Аквинат) (1225—1274). Этот итальянский монах доминиканского происхождения считается наиболее авторитетной фигурой упоминавшейся выше школы канонистов на позднем этапе ее развития. Его воззрения в области социально-экономического устройства общества существенно разнятся с положениями основателя канонизма, или, как еще говорят, ранней школы канонистов, Августина Блаженного (353—430). При этом на первый взгляд Аквинат, подобно Августину, опирается на те же принципы религиозно-этического свойства, на основе которых школа на протяжении ряда столетий трактовала «правила» хозяйственной жизни, установления «справедливых цен» и достижения эквивалентного и пропорционального обмена.

На самом же деле Ф. Аквинский, учитывая реалии своего времени, изыскивает сравнительно новые «объяснения» социального не-

равенства в условиях более дифференцированного, чем прежде, сословного деления общества. В частности, в работе «Сумма теологии» он оперирует уже не единичными, а массовыми проявлениями признаков утверждающих себя изо дня в день масштабных товарно-денежных отношений в возросших числом и своим могуществом городах. Иными словами, в отличие от ранних канонистов прогрессирующий рост городского ремесленного производства, крупных торговых и ростовщических операций Ф. Аквинский не характеризует отныне как исключительно греховные явления и не требует их запрещения[3].

С точки зрения методологических позиций внешне у автора «Суммы теологии» почти нет расхождений с ранними канонистами. Однако если последние придерживались принципа неоспоримой авторитарности текстов священного писания и трудов церковных теоретиков, а также метода морально-этического обоснования сути экономических категорий и явлений, то Ф. Аквинский наряду с названными «инструментами» исследования активно использует и так называемый принцип двойственности оценок, позволяющий средствами софистики диаметрально изменить суть первоначальной трактовки хозяйственного явления или экономической категории.

Например, если ранние канонисты, *подразделяя труд на умственный и физический виды,* исходили из божественного (естественного) предназначения, но не отделяли эти виды друг от друга с учетом их влияния на достоинство человека в связи с занимаемым положением в обществе, то Ф. Аквинский «уточняет» это «доказательство» в пользу сословного деления общества. При этом он пишет: «Деление людей по различным профессиям обусловлено, во-первых, *божественным провидением, которое разделило людей по сословиям...* Во-вторых, естественными причинами, которые определили, то, что *различные люди склонны к различным профессиям...*» (курсив мой. — *Я.Я.*)[4].

Двойственную и компромиссную позицию в сравнении с ранними канонистами автор «Суммы теологии» занимает также по поводу трактовки таких экономических категорий, как богатство, обмен, стоимость (ценность), деньги, торговая прибыль, ростовщический процент. Рассмотрим вкратце и эту позицию ученого применительно к каждой названной категории.

Богатство со времен Августина рассматривалось канонистами как совокупность материальных благ, т.е. в натуральной форме, и признавалось грехом, если оно создано иными средствами, чем прилагаемым для этого трудом. В соответствии с этим постулатом бесчестное приумножение (накопление) золота и серебра, считавшихся по своей природе «искусственным богатством», не могло соответствовать нравственным и прочим нормам общества. Но, по Аквинскому, *«справедливые цены»* (о них речь пойдет ниже) *могут быть*

неоспоримым источником роста частной собственности и создания «умеренного» богатства, что грехом не является.

Обмен в древнем мире и в средние века воспринимался исследователями как акт волеизъявления людей, результат которого пропорционален и эквивалентен. Не отвергая данный принцип, Ф. Аквинский обращает внимание на многочисленные примеры, превращающие обмен в субъективный процесс, обеспечивающий равенство извлекаемой пользы при неэквивалентном, казалось бы, обмене вещей. Иными словами, *условия обмена лишь тогда нарушаются, когда вещь «поступает на пользу одному и в ущерб другому».*

«Справедливая цена» — это категория, которая в экономическом учении канонистов подменяла категории «стоимость» (ценность), «рыночная цена». Она устанавливалась и закреплялась на определенной территории феодальной знатью. Ее уровень ранние канонисты «объясняли», как правило, ссылками на трудовые и материальные затраты в процессе товарного производства. Однако Ф. Аквинский *затратный подход назначения «справедливой цены»* считает недостаточно исчерпывающей характеристикой. По его мысли, наряду с этим следует признать, что *продавец может «по праву продавать вещь дороже, чем она стоит сама по себе», и при этом она «не будет продана дороже, чем стоит владельцу», в противном случае ущерб будет нанесен и продавцу, который недополучит соответствующее его положению в обществе количество денег, и всей «общественной жизни».*

Деньги (монеты) Ф. Аквинским трактуются подобно авторам древнего мира и раннего канонизма. Он указывает, что причиной их возникновения стало волеизъявление людей для обладания «вернейшей мерой» в «торговле и обороте». Выражая свою приверженность номиналистической концепции денег, автор «Суммы теологии» признает, что, хотя монеты имеют «внутреннюю ценность», государство, тем не менее, вправе допускать некоторое отклонение ценности монеты от ее «внутренней ценности». Здесь ученый вновь верен своему пристрастию к двойственности, с одной стороны, признавая, что порча монеты может сделать бессмысленным измерение достоинства денег на внешнем рынке, а с другой — вверяя государству право устанавливать «номинальную ценность» подлежащих чеканке денег по своему усмотрению.

Торговая прибыль и ростовщический процент осуждались канонистами как небогоугодные, т.е. грешные, явления. С определенными оговорками и уточнениями «осуждал» их и Ф. Аквинский[5]. Поэтому в результате, по его мысли, торговая прибыль и процент за ссуду все же должны присваиваться соответственно торговцем (купцом) и ростовщиком, если при этом очевидно, что они совершают вполне благопристойные деяния. Иначе говоря, необхо-

димо, чтобы такого рода доходы являлись не самоцелью, а заслуженной платой и вознаграждением за имеющие место в торговых и ссудных операциях труд, транспортные и прочие материальные издержки и даже за риск.

Как видим, «Сумма теологии» изобилует двойственными характеристиками и схоластическими суждениям, к которым прибегает ее автор в поисках путей примирения и компромисса по многим, казалось бы, взаимоисключающим теоретическим положениям. Сказанное в современной экономической литературе относят к экономическим воззрениям раннего либо позднего канонизма.

Ранние канонисты (святой Августин)	**Поздние канонисты (Аквинат)**
Разделение труда	
Умственный и физический виды труда равноценны и не должны влиять на положение человека в обществе.	Деление людей по профессиям и сословиям обусловлено божественным провидением и склонностями людей.
Богатство	
Труд людей создает богатство в виде материальных благ, включая золото и серебро. Нетрудовое накопление последних («искусственного богатства») является грехом.	Золото и серебро рассматриваются как источник приумножения частной собственности и «умеренного» богатства.
Обмен	
Обмен осуществляется по принципу пропорциональности и является актом свободного волеизъявления людей.	Обмен как субъективный процесс не обеспечивает равенство извлекаемой пользы, поскольку в результате этого акта случается, что вещь «поступает на пользу одному и в ущерб другому».
Справедливая цена	
Ценность товара должна устанавливаться в соответствии с трудовыми и материальными затратами в процессе его производства по принципу «справедливой цены».	Затратный принцип установления «справедливой цены» считается неточным, так как он может не доставить продавцу соответствующего его положению в обществе количества денег и нанести ущерб.

Деньги

Деньги являются искусственным изобретением людей и необходимы для облегчения и ускорения меновых операций на рынке благодаря «внутренней ценности» монеты.

Ценность денег (монет) на внутреннем рынке должна устанавливаться не по весу содержащегося в них металла, а по усмотрению государства.

Торговая прибыль и ростовщический процент

Торговая прибыль и ростовщический процент, извлекаемые из крупных торговых и ссудных операций, превращаются в самоцель и потому должны расцениваться как небогоугодные и грешные явления.

Крупные доходы купцов и ростовщиков лишь тогда допустимы, когда они извлекаются трудом, связаны с транспортными и прочими издержками, а также риском, имеющим место в благопристойной деятельности.

Вопросы и задания для контроля

1. Приведите аргументы авторов экономических идей и концепций древнего мира и средневековья, посредством которых ими отстаивался приоритет натурального хозяйства и осуждалось расширение масштабов товарно-денежных отношений. Можно ли с ними согласиться в том, что деньги возникли не стихийно, а в результате соглашения людей между собой?
2. В чем особенности моделей идеального государства в трудах Платона и Аристотеля? Раскройте сущность аристотелевской концепции об экономике и хрематистике.
3. Каковы основные черты средневековой экономической мысли на арабском Востоке? Изложите суть концепции «социальной физики» Ибн-Хальдуна.
4. Какие методологические принципы использовали в своих экономических воззрениях ранние и поздние канонисты? Приведите примеры исторической аналогии в тоталитарных государствах XX столетия.
5. Сравните трактовки основных экономических категорий в периоды раннего и позднего канонизма. Как они формулируются в современной экономической литературе?

Список рекомендуемой литературы

Аристотель. Соч. В 4-х т. М.: Мысль, 1975—1983.

Артхашастра, или Наука политики. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Древнекитайская философия. Сборник текстов. В 2-х т. М.: Мысль, 1972—1973.

Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980.

Платон. Соч. В 3-х т. М.: Мысль, 1968—1972.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х ч. М.: Высшая школа, 1980.

Глава 4. Меркантилизм — первая теоретическая школа периода зарождения рыночных экономических отношений

Из материала этой главы вы узнаете:

- что именно в период экономических идей меркантилизма рыночные экономические отношения возобладали, вытеснив некогда игравшее ведущую роль натуральное хозяйство;
- в чем заключается меркантилистская концепция о богатстве и почему принято было считать, что достижение активного торгового баланса невозможно без национальной политики «разори соседа»;
- каковы особенности протекционистских настроений меркантилистов на раннем и позднем этапах в развитии меркантилизма;
- почему меркантилистская экономическая концепция являет собой «экономическую теорию во младенчестве» (М. Блауг) и «была системой практической политики» (Н. Кондратьев), заботившейся «о развитии рыночной системы совершенно нерыночными способами» (К. Поланьи);
- с каких пор экономическая наука стала называться политической экономией.

§ 1. Предмет и метод изучения меркантилистов

Вытеснение натурального хозяйства рыночными экономическими отношениями произошло на протяжении значительного промежутка времени, именуемого историками-экономистами не иначе как периодом (эпохой) меркантилизма. Широко распространена в экономической литературе и характеристика этого времени К. Марксом, назвавшим его периодом «первоначального накопления капитала». Кроме того, в марксистском толковании меркантилизм — это прежде всего один из последовавших за великими географическими открытиями моментов в процессе перехода от феодализма к капитализму[1].

Между тем практически все экономисты современности единодушны как в том, что меркантилизм обозначил переходный период в зарождении экономической науки в качестве самостоятельной отрасли человеческих знаний в социально-экономической сфере, так и в том, что благодаря меркантилизму пришло понимание сдер-

живающих признаков научно-технического прогресса в доиндустриальной экономике. Латинские *(«mercari»* — торговать), англо-французские *(«mercantile»* — торговый) и итальянские *(«mercante»* — торговец, купец) корни в слове «меркантилизм», конечно же, не дают полного представления о сути меркантилистской системы, «принципы» научного мировоззрения которой господствовали на протяжении XVI—XVIII столетий.

В частности, идеологи меркантилизма были убеждены, что *только деньги* (золотые и серебряные) и *сокровища олицетворяют богатство нации, государства.* Приумножение богатства, полагали они, требует *протекционистских мер* по регулированию внешней торговли и того, чтобы поощрялся экспорт, сдерживался импорт и всемерно поддерживалась национальная промышленность. Наряду с этим из-за отсутствия должных теоретических познаний в области народонаселения меркантилисты считали возможным поддержание низкого уровня заработной платы благодаря росту населения (предложения рабочей силы).

По меркантилистской концепции достижение активного торгового баланса увязывается непременно с мерами государственного вмешательства, а источником богатства считается неэквивалентный обмен в результате торговых взаимоотношений с другими государствами. Причем не только меркантилисты, но и подавляющая часть представителей вытеснившей их впоследствии классической политической экономии, безусловно, верили в абсолютную власть просвещенной деспотии, т.е. в монархию, и были весьма далеки от истинных принципов демократии.

К сказанному следует прибавить, что даже более 100 лет спустя после выхода в свет в 1664 г. книги английского меркантилиста Томаса Мена («Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как принцип нашего богатства»), т.е. когда уже появилось «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) великого Адама Смита и были опубликованы произведения крупнейших физиократов Ф. Кенэ и А. Тюрго, — еще тогда во Франции, например, сохранялись такие средневековые «традиции», как ремесленные цехи и феодальные привилегии (отменены в 1790 г.), а в Англии — Статут о ремесленниках и елизаветинский Закон о бедных (отменены соответственно в 1813—1814 и 1834 гг.). Другими словами, меркантилисты, ратуя за всеобщую коммерциализацию национального хозяйства, все же сдерживали этот процесс в отношении таких основных факторов производства, как труд и земля, без чего едва ли вообще возможна независимая рыночная экономическая система[2].

Характеризуя систему меркантилистов как систему практической политики, И. Кондратьев[3] и другие современные экономисты

прежде всего имеют в виду то обстоятельство, что промышленное производство в тот период контролировалось главным образом торговым капиталом, т.е. купцами. Благодаря последним эта сфера стала развиваться на коммерческой основе, и ее масштабы вышли далеко за пределы городов. Объяснялось это тем, что вплоть до конца XVIII в. преимущественно надомное производство не имело дорогого оборудования и поэтому, подключаясь к сфере промышленной деятельности, хорошо знавшие конъюнктуру рынка купцы мало чем рисковали, превратив ее в конечном счете в некий придаток торговли.

Как очевидно, меркантилисты хотя и не согласовывали между собой ни принципы, ни общий аналитический инструментарий, но тем не менее на протяжении трех столетий придерживались общих «принципов» научного мировоззрения. Вот как лаконично в шести тезисах сформулировал их (принципы) М. Блауг[4]:

1) золото и сокровища любого рода как выражение сути богатства;
2) регулирование внешней торговли с целью обеспечения притока в страну золота и серебра;
3) поддержка промышленности путем импорта дешевого сырья;
4) протекционистские тарифы на импортируемые промышленные товары;
5) поощрение экспорта, особенно готовой продукции;
6) рост населения для поддержания низкого уровня заработной платы.

Итак, в ситуации доиндустриальной экономики меркантилистам не приходилось сталкиваться с проблемами регулярной занятости рабочей силы, организации неизвестного тогда еще фабрично-заводского производства. Основными их требованиями неизменно оставались превышение экспорта над импортом, стимулирование вывоза из страны капитала и ввоза в нее золота и роскоши из-за рубежа, недопущение в национальную экономику заграничных инвестиций.

Однако подобного рода теоретические установки, основанные на протекционистских настроениях в области государственного регулирования внешней торговли, наивное отождествление денег и богатства, всемерное одобрение общественных работ и другие постулаты меркантилистов в самом деле располагают к нелепым с позиций сегодняшней экономической науки выводам об «обязанности» государства обеспечивать население рабочими местами, придерживаться политики «разори соседа» ради обогащения собственного народа и т.п.

Таким образом, меркантилизм как первая школа экономической мысли периода зарождающихся рыночных экономических от-

ношений имеет целый ряд *теоретико-методологических особенностей.* Их суть сводится к тому, что меркантилисты:

- в качестве *предмета изучения* (экономического анализа) предпочитают рассмотрение проблем сферы обращения, причем в отрыве от проблематики сферы производства;
- в качестве *метода изучения* используют в основном эмпиризм, приводящий к описанию на каузальной основе внешних проявлений экономических явлений и исключающий возможность системного анализа всех сфер экономики;
- *возникновение денег* считают следствием искусственного изобретения людей, а сами деньги отождествляют с богатством;
- *происхождение стоимости* (ценности) денег трактуют в связи с «естественной природой» золотых и серебряных денег и их количеством в стране;
- *повышение предложения труда* увязывают с необходимостью более низкой, а не высокой заработной платы;
- *экономический рост* рассматривают как следствие приумножения денежного богатства страны благодаря государственному регулированию внешней торговли и достижению положительного сальдо торгового баланса и т.д.

§ 2. Концепция богатства раннего и позднего меркантилизма

В экономической литературе в развитии меркантилизма различают обычно два этапа — ранний и поздний. Основным критерием такого деления является «обоснование» путей (средств) достижения активного торгового баланса, т.е. положительного сальдо во внешней торговле.

Ранний меркантилизм возник еще до великих географических открытий и был *актуален до середины XVI в.* На этом этапе торговые связи между странами были развиты слабо, имели эпизодический характер. Для достижения положительного сальдо во внешней торговле ранние меркантилисты считали целесообразным:

- устанавливать *максимально высокие цены* на экспортируемые товары;
- всемерно *ограничивать импорт* товаров;
- *не допускать вывоза из страны золота и серебра* (с ними отождествлялось денежное богатство).

Следовательно, теория монетаризма ранних меркантилистов может расцениваться как *теория «денежного баланса»*.

Раннему меркантилизму было присуще понимание ошибочности концепции номиналистической теории денег, восходящей к древним временам и в том числе к трудам древнегреческого фило-

софа Аристотеля (IV в. до н.э.). Рассуждая так, номиналисты отрицали не только товарную природу денег, но и их связь с благородными металлами.

Однако во времена раннего меркантилизма, как и в средние века, правительство занималось порчей национальной монеты, снижая ее ценность и вес в надежде заинтересовать иностранных купцов обменивать их деньги на туземные и покупать больше товаров. Превращение денег в условный знак, фиксированное соотношение находящихся в обращении золотых и серебряных денег (система биметаллизма) оправдывались как фактами обращения неполноценных денег, так и ошибочной констатацией того, что *золото и серебро являются деньгами в силу своих природных свойств*, выполняя функции меры стоимости, сокровища и мировых денег.

Поздний меркантилизм охватывает период *со второй половины XVI в. по вторую половину XVII в.,* хотя отдельные его элементы продолжали проявлять себя и в XVIII в. На этом этапе торговые связи между странами становятся развитыми и регулярными, что во многом было обусловлено поощрением развития национальной промышленности и торговли государством. Чтобы достичь активного торгового баланса, выдвигались рекомендации:

- завоевывать внешние рынки благодаря относительно дешевым товарам (т.е. *невысоким ценам*), а также перепродаже товаров одних стран в других странах;
- *допускать импорт товаров* (кроме предметов роскоши) при сохранении в стране активного торгового баланса;
- *вывозить золото и серебро* для осуществления выгодных торговых сделок, посредничества, т.е. для увеличения их массы в стране и сохранения активного торгового баланса.

Поздние меркантилисты сместили акцент в теории монетаризма, противопоставив идее «денежного баланса» ранних меркантилистов идею «торгового баланса».

Признавая товарную *сущность денег, их ценность* поздние меркантилисты *по-прежнему усматривали в естественных свойствах золота и серебра*. Однако именно они *обусловили переход от металлической к количественной теории денег и системе монометаллизма*. И если ранние меркантилисты *определяющей функцией денег считали* функцию накопления, то поздние — *функцию средства обращения*.

Возникновение количественной теории денег стало как бы естественной реакцией на *«революцию цен»* XVI в., вызванную огромным приливом в Европу из Нового Света золота и серебра и показавшую причинную взаимосвязь изменений количества денег и цен товаров. По убеждению поздних меркантилистов, ценность денег находится в обратной зависимости от их количества, а уровень цен на товары прямо пропорционален количеству денег. Они *тен-*

денциозно полагали, что увеличение предложения денег, повышая спрос на них, стимулирует торговлю.

Итак, апогей раннего меркантилизма соответствует примерно середине XVI в., а позднего — охватывает почти целиком XVII столетие. Особенности же этих этапов кратко можно охарактеризовать следующим образом.

Ранний меркантилизм	Поздний меркантилизм
Уровень внешней торговли	
Торговые связи между странами развиты слабо, носят эпизодический характер.	Торговля между странами достаточно развита и носит регулярный характер.
Рекомендуемые пути достижения активного торгового баланса	
Установление максимально высоких цен на экспорт товаров;	Допускаются относительно низкие цены на экспорт, в том числе при перепродаже товаров других стран за границей;
всемерное ограничение импорта товаров;	допускается импорт товаров (кроме предметов роскоши) при условии положительного сальдо во внешней торговле;
запрет вывоза из страны золота и серебра как денежного богатства.	вывоз денег допускается в целях выгодных торговых сделок и посредничества и сохранения активного торгового баланса.
Позиции в области теории денег	
Преобладает номиналистическое восприятие денег; правительство, как правило, занимается порчей национальной монеты, снижая ее ценность и вес;	«Революция цен» XVI в. обусловила переход к количественной теории денег (ценность денег обратно пропорциональна их количеству; уровень цен прямо пропорционален количеству денег; рост предложения денег, увеличивая спрос на них, стимулирует торговлю);
устанавливается фиксированное соотношение в обращении золотых и серебряных денег (система биметаллизма);	устанавливается система монометаллизма;
констатация денежной сущности золота и серебра в силу их природных свойств;	констатация товарной сущности денег, но по-прежнему в силу якобы естественных свойств золота и серебра;

в качестве функций денег признаются такие, как мера стоимости, образование сокровищ и мировые деньги.	из числа известных функций денег определяющей признается уже не функция накопления, а функция средств обращения.
Монетаристские позиции	
Доминирует идея «денежного баланса».	Господствует положение о «торговом балансе».

Судя по принципиальным установкам меркантилистов, как ранних, так и поздних, легко обнаружить их поверхностную и несостоятельную сущность. К примеру, не менее известные, чем упомянутый выше Т. Мен, меркантилисты Дж. Локк и Р. Кантильон были совершенно убеждены в целесообразности возможно большего количества золота и серебра в данной стране в сравнении с другими и именно в этом рассматривали достигнутый ею уровень «богатства». Доводы в этой связи приводились небезосновательные, о чем свидетельствует, в частности, следующее уверение Т. Мена: если продавать дешевле, то не потеряешь сбыта, и если страна ввозит товары за наличные деньги, то только в интересах последующего вывоза этих товаров за границу и превращения их в «ввоз гораздо большего количества денег».

Своеобразным было также влияние идей бумажно-денежного меркантилиста Джона Ло, убеждавшего в работе «Анализ денег и торговли» (1705) своих современников в том, что незначительный рост цен всегда способствует росту товарного предложения. И только состоявшееся апробирование задумок этого, как его часто называют, авантюриста позволило убедиться в ошибочности ожиданий значительного роста производства с увеличением количества денег в обращении.

§ 3. Историческое значение меркантилизма

Практическая направленность меркантилистской системы в области торговых и ссудных операций и денежного обращения и ее влияние на последующие этапы эволюции экономической науки[5] ни в коем случае не должны недооцениваться. В наиболее развитых странах того времени — Англии и Франции — особенности реализации идей меркантилизма на протяжении XVII—XVIII вв. предопределили, по существу, главные причины своеобразия их истории экономики и истории экономической мысли вплоть до XX столетия. Это видно из следующих сравнительных положений, обозначившихся в этих странах в период меркантилизма.

Особенности меркантилизма	
в Англии	**во Франции**
Рыночные экономические отношения формируются гармонично во всех сферах хозяйственной жизни, включая промышленность, сельское хозяйство и торговлю;	Со времен министра финансов Ж.Б. Кольбера (XVII в.) мануфактурное производство развивается в условиях сдерживания становления фермерства, т.е. «узости» внутреннего рынка («кольбертизм»); торговля несвободна, регламентируется государством;
складываются предпосылки для практической реализации политики фритредерства;	
английская экономическая мысль занимает ведущие позиции в мировой экономической науке.	зарождается специфическое течение экономической мысли — «физиократия», провозглашающая землю основным производительным фактором и источником «чистого продукта».

Следует пояснить, что во Франции, где наиболее активным проводником политики протекционизма в XVII в. считают суперинтенданта (министра) финансов Жана Батиста Кольбера, создавалась мощная сеть мануфактур в промышленности. Но одновременно здесь, в том числе посредством запрета вывоза хлеба и свободы его ввоза, *сдерживалось становление фермерства,* что в конечном счете стало фактором «узости» внутреннего рынка Франции по сравнению с ее давней соперницей — Англией. Впоследствии французский меркантилизм по данной причине стали именовать *кольбертизмом*.

В Англии же меркантилизм, как очевидно из истории экономики, оказался значительно более «плодотворным», чем во Франции. Основные успехи протекционистской политики этой страны в области торговли и промышленности в XVII в. связывают обычно с именем Томаса Мена — одного из лидеров Ост-Индской компании. Известно также, что в результате идеологической борьбы с меркантилизмом именно в Англии были достигнуты лучшие теоретические обобщения ценностей классической политической экономии, нашедшие отражение в трудах А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж.С. Милля и др. Кроме того, Англия, будучи на значительном протяжении XIX столетия наиболее экономически развитой державой мира, положила начало практической реализации важнейшей антимеркантилистской позиции, заявив в середине XIX в. о своей безоговорочной приверженности политике фритредерства, т.е. полной свободе и внутренней и внешней торговли.

Наконец, необходимо заметить, что меркантилизм обогатил историю экономических учений не только концепцией всеобщей коммерциализации хозяйственной жизни и масштабного участия в ней государственных структур, но и тем, что он действительно обозначил, говоря словами Й. Шумпетера, *«зачатки науки»*. Речь идет, конечно, об экономической науке, которая после издания в 1615 г. французским меркантилистом Антуаном Монкретьеном «Трактата политической экономии» почти четыре столетия достойно называлась не иначе как ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.

Вопросы и задания для контроля

1. Что такое меркантилизм? Какие исторические предпосылки обусловили его возникновение?
2. Раскройте суть концепции национального богатства и путей его приумножения в воззрениях ранних и поздних меркантилистов.
3. В чем сущность порчи национальной монеты и к каким последствиям она может привести экономику страны?
4. Сравните трактовки денег и их функций в периоды раннего и позднего меркантилизма.
5. Изложите исторические особенности меркантилизма в Англии и Франции.

Список рекомендуемой литературы

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I.

Меркантилизм. Л.: ОГИЗ — Соцэкгиз, 1935.

Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги//THESIS. 1993. Т. I. Вып. 2.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Раздел третий
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ НЕРЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Часть первая
КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Глава 5. Общие признаки и этапы эволюции классической политической экономии

Изучив эту главу, вы узнаете:

- что обусловило вытеснение концепции меркантилизма и двухсотлетнее господство классической политической экономии;
- как в экономической науке трактуют термин «классическая политическая экономия»;
- какие этапы охватывает в своем развитии классическая политическая экономия и каковы ее общие характерные признаки, включая предмет и метод изучения.

§ 1. Сущность классической политической экономии и особенности ее предмета и метода

По мере дальнейшего формирования в развитых странах мира основ рыночных экономических отношений становилось все более очевидным то обстоятельство, что государственное вмешательство в экономическую деятельность не является панацеей в деле преодоления преград в приумножении национального богатства и достижения согласованности во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов как на внутреннем, так и на внешних рынках. Поэтому, как отметил П. Самуэльсон, вытеснение «доиндустриальных условий» системой «свободного частного предпринимательства», способствуя разложению меркантилизма, стало одновременно исходным пунктом наступления условий **«полного laissez faire».**

Последнее словосочетание означает требование полного невмешательства государства в экономику, деловую жизнь или, говоря по-другому, — *экономический либерализм*. Причем с конца XVII — начала XVIII в. эта идея превратилась в своеобразный девиз рыночной либеральной экономической политики. И именно с этого времени зарождается новая теоретическая школа экономической мысли, которую позднее назовут *классической политической экономией*.

«Классическая школа» повела решительную борьбу с протекционистской идеологией меркантилистов, обратившись к самым новым методологическим достижениям науки той эпохи и развернув поистине фундаментальные теоретические исследования. Ее представители противопоставили эмпиризму меркантилистской системы профессионализм, который, по словам того же П. Самуэльсона, не позволял впредь «советникам при короле» убеждать своих монархов в том, что увеличение богатства страны сопряжено с установлением государственного контроля над экономикой, в том числе со сдерживанием импорта и поощрением экспорта и тысячей других «детальных распоряжений».

«Классики» в отличие от меркантилистов, по существу, заново сформулировали и предмет, и метод изучения экономической теории. Так, возросшая степень мануфактуризации экономики (затем и ее индустриализации) обусловила выдвижение на первый план предпринимателей, занятых в промышленном производстве, оттеснив на второй план капитал, занятый в торговле, денежном обращении и ссудных операциях. По этой причине *в качестве предмета изучения «классики»* предпочитали главным образом сферу производства.

Что же касается *метода изучения и экономического анализа,* то его новизна в «классической школе» связана, как уже упоминалось, с *внедрением новейших методологических приемов,* которые обеспечивали достаточно глубокие аналитические результаты, меньшую степень эмпиричности и описательного, т.е. поверхностного, осмысления хозяйственной (деловой) жизни. Об этом свидетельствуют также высказывания Л. Мизеса и М. Блауга — крупнейших авторитетов современности в области методологии экономической науки.

Первый из них, в частности, полагает, что «многие эпигоны экономистов-классиков видели задачу экономической науки в изучении не действительно происходящих событий, а лишь тех сил, которые некоторым, не вполне понятным образом предопределили возникновение реальных явлений»[1]. По убеждению второго, «экономисты-классики подчеркивали, что выводы экономической науки в конечном счете основываются на постулатах, в равной степе-

ни почерпнутых из наблюдаемых «законов производства» и субъективной интроспекции (самонаблюдения. — *Я.Я.*)»[2].

Таким образом, можно утверждать, что смена меркантилизма классической политической экономией стала свершением еще одной исторической метаморфозы в отношении наименования и назначения экономической науки. Как известно, в бытность древнегреческих философов термин *«экономия»* или «*экономика»* воспринимался почти в буквальном переводе слов «ойкос» (домохозяйство) и «номос» (правило, закон) и имел смысловую нагрузку *процессов домоводства, управления семьей или личным хозяйством.* В период меркантилистской системы экономическая наука, получившая благодаря А. Монкретьену наименование «политическая экономия», воспринималась уже как *наука о государственном хозяйстве или экономике национальных государств, управляемых монархами.* Наконец, в период «классической школы» *политическая экономия обрела черты подлинно научной дисциплины, изучающей проблемы экономики свободной конкуренции.*

Кстати, К. Маркс, с чьим именем связано введение в научный оборот термина «классическая политическая экономия», исходил прежде всего из того, что «классики» в творчестве своих лучших, как он полагал, авторов А. Смита и Д. Рикардо совершенно не допускали ни апологетики, ни скольжения по поверхности экономических явлений. Но, по его мысли, «классическая школа» со свойственной ей классовой направленностью «исследовала производственные отношения буржуазного общества». Данное положение, похоже, не оспаривал и Н. Кондратьев, считавший, что в учении «классиков» речь шла об анализе условий свободной хозяйственной деятельности «только капиталистического строя»[3].

§ 2. Общие признаки классической политической экономии

Продолжая общую характеристику почти двухсотлетней истории классической политической экономии, необходимо выделить ее единые признаки, подходы и тенденции и дать им соответствующую оценку. Они могут быть сведены к следующему обобщению.

Во-первых, неприятие протекционизма в экономической политике государства и преимущественный анализ проблем сферы производства в отрыве от сферы обращения, выработка и применение прогрессивных методологических приемов исследования, включая причинно-следственный (каузальный), дедуктивный и индуктивный, логическую абстракцию. В частности, *ссылка на наблюдаемые «законы производства»* снимала любые сомнения по поводу того, что полученные с помощью логической абстракции и дедукции предсказания следо-

вало бы подвергнуть опытной проверке. В результате свойственное классикам противопоставление друг другу сфер производства и обращения стало причиной недооценки закономерной взаимосвязи хозяйствующих субъектов этих сфер, обратного влияния на сферу производства денежных, кредитных и финансовых факторов и других элементов сферы обращения.

Более того, классики при решении практических задач *ответы на основные вопросы давали, ставя эти вопросы,* как выразился Н. Кондратьев, «**оценочно**». По этой причине, полагает он, получались «ответы, которые имеют характер оценочных максим или правил, а именно: строй, опирающийся на свободу хозяйственной деятельности, является наиболее совершенным, свобода торговли наиболее благоприятствует процветанию нации и т.д.»[4]. Это обстоятельство также *не способствовало объективности и последовательности экономического анализа и теоретического обобщения* «классической школы» политической экономии.

Во-вторых, опираясь на каузальный анализ, расчеты средних и суммарных величин экономических показателей, классики (в отличие от меркантилистов) *пытались выявить механизм формирования стоимости товаров и колебания уровня цен на рынке не в связи с «естественной природой» денег и их количеством в стране, а в связи с издержками производства или, по другой трактовке, количеством затраченного труда*. Несомненно, со времен классической политической экономии в прошлом не было другой экономической проблемы, и на это также указывал Н. Кондратьев, которая бы привлекала «такое пристальное внимание экономистов, обсуждение которой вызывало бы столько умственного напряжения, логических ухищрений и полемических страстей, как проблема ценности. И вместе с тем, кажется, трудно указать другую проблему, основные направления в решении которой остались бы столь непримиримыми, как в случае с проблемой ценности»[5].

Однако *затратный принцип определения уровня цен* «классической школой» не увязывался с другим важным аспектом рыночных экономических отношений — потреблением продукта (услуги) при изменяющейся потребности в том или ином благе с добавлением к нему единицы этого блага. Поэтому вполне справедливо мнение Н. Кондратьева, который писал: «Предшествующий экскурс убеждает нас в том, что до второй половины XIX века в социальной экономии нет сознательного и отчетливого разделения и различения теоретических суждений ценности или практических. Как правило, авторы убеждены, что те суждения, которые фактически являются суждениями ценности, являются столь же научными и обоснованными, как и те, которые являются суждениями теоретическими»[6]. Несколько десятилетий спустя (1962) во многом по-

хожее суждение высказал и Людвиг фон Мизес. «Общественное мнение, — пишет он, — до сих пор находится под впечатлением научной попытки представителей классической экономической теории справиться с проблемой ценности. **Не будучи в состоянии разрешить очевидный парадокс ценообразования, классики не могли проследить последовательность рыночных сделок вплоть до конечного потребителя, но были вынуждены начинать свои построения с действий бизнесмена, для которого потребительские оценки полезности являются заданными»** (выделено мной. — *Я.Я.*)[7].

В-третьих, категория «стоимость» признавалась авторами классической школы единственной исходной категорией экономического анализа, от которой как на схеме генеалогического древа отпочковываются (вырастают) другие производные по своей сути категории. Анализируя проблему ценности, классики, по мнению Н. Кондратьева, показали, что «проблема эта включает в себя ряд хотя и связанных, но глубоко различных вопросов. Основными из них являются следующие: 1. Что такое ценность как феномен и каковы ее виды (качественная проблема)? 2. Каковы основания, источники или причины существования ценности? 3. Является ли ценность величиной и если да, то какой именно, и *чем* величина ее определяется (количественная проблема)? 4. Что служит измерителем величины ценности? 5. Какую функцию выполняет категория ценности в системе теоретической экономии?»[8]. Кроме того, *подобного рода упрощение анализа и систематизации привело классическую школу к тому, что само экономическое исследование как бы имитировало механическое следование законам физики, т.е. поиску сугубо внутренних причин хозяйственного благополучия в обществе без учета психологических, моральных, правовых и других факторов социальной среды.*

Указанные недостатки, ссылаясь на М. Блауга, отчасти объясняются невозможностью проведения в общественных науках всецело контролируемого эксперимента, вследствие чего «экономистам для того, чтобы отбросить какую-либо теорию, нужно гораздо больше фактов, чем, скажем, физикам»[9]. Сам М. Блауг, однако, уточняет: «Если бы выводы из теорем экономической теории поддавались однозначной проверке, никто бы никогда не услышал о нереалистичности предпосылок. **Но теоремы экономической теории невозможно однозначно проверить, поскольку все предсказания имеют здесь вероятностный характер»** (выделено мной. — *Я.Я.*)[10].

В-четвертых, исследуя проблематику экономического роста и повышения благосостояния народа, классики не просто исходили (вновь в отличие от меркантилистов) из принципа достижения активного торгового баланса (положительного сальдо), а *пытались обосновать динамизм и равновесность состояния экономики страны.* Однако при этом, как известно, они «**обходились**» без серьезного

математического анализа, применения методов математического моделирования экономических проблем, позволяющих выбрать наилучший (альтернативный) вариант из определенного числа состояний хозяйственной ситуации. Более того, **классическая школа достижение равновесия в экономике считала автоматически возможным, разделяя «закон рынков» Ж.Б. Сэя.**

Наконец, *в-пятых, деньги,* издавна и традиционно считавшиеся искусственным изобретением людей, в период классической политической экономии *были признаны стихийно выделившимся в товарном мире товаром, который нельзя «отменить» никакими соглашениями между людьми.* Среди классиков единственным, кто требовал упразднения денег, был П. Буагильбер. *В то же время многие авторы классической школы вплоть до середины XIX в. не придавали должного значения разнообразным функциям денег, выделяя в основном одну — функцию средства обращения, т.е. трактуя денежный товар как вещь, как техническое средство, удобное для обмена.* Недооценка других функций денег была обусловлена упомянутым недопониманием обратного влияния на сферу производства денежно-кредитных факторов.

Авторы одной из популярных книг начала XX в. под названием «История экономических учений» Шарль Жид и Шарль Рист отмечали, что **главным образом авторитет А. Смита превратил деньги в «товар, еще менее необходимый, чем всякий другой товар, обременительный товар, которого надо по возможности избегать. Эту тенденцию дискредитировать деньги, проявленную Смитом в борьбе с меркантилизмом, подхватят потом его последователи и, преувеличив ее, упустят из виду некоторые особенности денежного обращения»**[11].

Нечто похожее утверждает Й. Шумпетер, говоря о том, что **А. Смит и его последователи «пытаются доказать, что деньги не имеют важного значения, но в то же время сами не в состоянии последовательно придерживаться этого тезиса»**[12]. И только некоторое снисхождение этому упущению классиков (прежде всего А. Смиту и Д. Рикардо) делает М. Блауг, полагая, что «*их скептицизм по отношению к денежным панацеям был вполне уместен в условиях экономики, страдавшей от недостатка капитала и хронической структурной безработицы*»[13].

Здесь, думается, не лишним будет привести одно из мудрых назиданий М. Вебера из уже упоминавшейся его работы «Протестантская этика и дух капитализма». «Помни, — говорится в нем, — что деньги по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее. Тот, кто изводит одну монету в пять шиллингов, убивает (!) все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов»[14].

Если исключить классовые идеологизированные тенденции и сосредоточиться на констатации единых для «классической школы» теоретико-методологических позиций, то ее общие признаки и отличительные черты от меркантилизма можно представить следующим образом.

Теоретико-методологические характеристики	
Меркантилистская система	**Классическая политическая экономия**
Главный принцип экономической политики	
Протекционизм; политика свободной конкуренции объективно невозможна.	Экономический либерализм или полное «*laissez faire*».
Предмет экономического анализа	
Преимущественное изучение проблем сферы обращения в отрыве от сферы производства.	Преимущественное изучение проблем сферы производства в отрыве от сферы обращения.
Метод экономического анализа	
Эмпиризм; описание на каузальной основе внешнего проявления экономических процессов. Отсутствие системного изучения всех сфер экономики.	Каузальный (причинно-следственный), дедуктивный, индуктивный методы анализа, а также метод логической абстракции. Недооценка обратного влияния на сферу производства факторов сферы обращения.
Трактовка происхождения стоимости (ценности) товаров и услуг	
В связи с «естественной» природой золотых и серебряных денег и их количеством в стране.	По однофакторной — затратной характеристике с учетом либо издержек производства, либо количества затраченного труда.
Приоритетные принципы экономического анализа	
Выявление причинно-следственной взаимосвязи экономических явлений и категорий.	Принцип каузального анализа с последующим построением «генеалогического древа», в основе которого лежит категория «стоимость».

Концепция экономического роста

Посредством приумножения денежного богатства страны благодаря достижению активного торгового баланса (положительного сальдо во внешней торговле).	Посредством увеличения национального богатства, создаваемого производительным трудом в сфере материального производства.

Принцип достижения макроэкономического равновесия

Благодаря координирующим и регулирующим мерам государства.	Самоуравновешивание совокупного спроса и совокупного предложения благодаря «закону рынков».

Позиции в области теории денег

Деньги — искусственное изобретение людей; деньги — фактор роста национального богатства.	Деньги — стихийно выделившийся в товарном мире товар; деньги — техническое орудие, вещь, облегчающая процесс обмена.

Далее следует обратиться к рассмотрению проблемы хронологических границ классической политической экономии. Этот момент является действительно проблемным, потому что уже второе подряд столетие, принимая почти без споров вопрос о периоде зарождения «классической школы» и первых, как выразился К. Маркс, ее «отцах», ученые-экономисты все еще не пришли к общему выводу о времени завершения и последних авторах данного направления экономической мысли.

Дело в том, что исторически в экономической литературе сложились две позиции толкования того, когда исчерпала себя «классическая школа», — ограничительная (марксистская) и расширительная. Последняя в наши дни, по существу, превращается в общепринятую для большинства интересующихся эволюцией экономических доктрин.

Коротко суть этих позиций такова. Согласно марксистской — классическая политическая экономия завершилась в начале XIX в. трудами А. Смита и Д. Рикардо и затем началась эпоха так называемой *вульгарной политической экономии,* родоначальники которой Ж.Б. Сэй и Т. Мальтус хватаются, по словам К. Маркса, «за внешнюю видимость явлений и в противоположность закону явления». При этом главным аргументом, обосновывающим избранную позицию, автор «Капитала» считает «открытый» им же «закон прибавочной стоимости». Этот «закон», по его мысли, вытекает из центрального звена учения Смита и Рикардо — трудовой теории сто-

имости, отказавшись от которой «вульгарный экономист»[15] обречен стать апологетом буржуазии, пытающимся скрыть эксплуататорскую сущность в отношениях присвоения капиталистами создаваемой рабочим классом прибавочной стоимости. Вывод К. Маркса однозначен: «классическая школа» убедительно раскрывала классовые антагонистические противоречия капитализма и подводила к концепции бесклассового социалистического будущего.

В соответствии с расширительной позицией, ставшей для большинства зарубежных источников экономической литературы бесспорной, версия классификации этапов истории экономической мысли как классической и вульгарной политической экономии вообще исключена, хотя научные достижения и А. Смита, и Д. Рикардо оцениваются столь же высоко, как К. Маркса. Однако к именам продолжателей учения Смита—Рикардо и соответственно временным границам «классической школы» прибавляют не только целую плеяду экономистов всей первой половины XIX в., включая Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса, Н. Сениора, Ф. Бастиа и др., но и величайшего ученого второй половины XIX в. Дж.С. Милля.

Например, один из ведущих экономистов современности профессор Гарвардского университета Дж.К. Гэлбрейт утверждает: «Идеи А. Смита подверглись дальнейшему развитию Давидом Рикардо, Томасом Мальтусом и в особенности Джоном Стюартом Миллем и получили название классической системы. В последней четверти XIX в. австрийские, английские и американские экономисты дополнили теорию так называемым маржинальным анализом, и это в конце концов привело к замене термина «классическая экономическая теория» термином “неоклассическая экономическая теория”»[16]. Другой известный американский историк экономической мысли Бен Селигмен указывает также на вторую половину XIX столетия, отмечая, что в 70-е гг. XIX в. «представители немецкой исторической школы подняли бунт против казавшейся им жесткой классической доктрины», усомнились «в том, достаточна ли простая имитация физики для разработки практически полезной общественной науки»[17]. Похожее суждение имеет место и у П. Самуэльсона, по мнению которого Д. Рикардо и Дж.С. Милль, являясь «главными представителями классической школы, развили и усовершенствовали идеи Смита»[18]. Наконец, аналогичное убеждение высказывает также М. Блауг: «Мы используем это выражение (классическая политическая экономия. — *Я.Я.*) в устоявшемся смысле, имея в виду всех последователей Адама Смита вплоть до Дж.С. Милля и Дж.Э. Кернса»[19]. При этом М. Блауг обращает внимание на то, что у Дж.М. Кейнса выражение «классическая экономическая наука» обозначает «широкую плеяду ортодоксальных экономистов от Смита до Пигу, павших жертвой закона Сэя»[20]. К этому следует только добавить, что в отличие от

ограничительной позиции К. Маркса позиция Дж.М. Кейнса имеет расширительный характер, хотя аргументы последнего также небесспорны.

Принимая во внимание обозначенные выше общие теоретико-методологические принципы классической политической экономии, можно утверждать, что К. Маркс, как и Дж.С. Милль, является одним из завершителей «классической школы», в чем читателю поможет убедиться и знакомство с его экономическим учением в параграфе 2 главы 11 настоящего учебника.

§ 3. Основные этапы развития классической школы

В развитии классической политической экономии с определенной условностью можно выделить четыре этапа.

Первый этап. Его начальная стадия приходится на конец XVII — начало XVIII в., когда в Англии благодаря творчеству У. Петти и во Франции с появлением трудов П. Буагильбера стали формироваться признаки зарождающегося альтернативного меркантилизму нового учения, которое впоследствии назовут классической политической экономией. Эти авторы резко осуждали сдерживающую свободу предпринимательства протекционистскую систему. В их трудах были сделаны первые попытки затратных трактовок стоимости товаров и услуг (посредством учета количества затраченного в процессе производства рабочего времени и труда). Ими подчеркивалось приоритетное значение либеральных принципов хозяйствования в создании национального (неденежного) богатства в сфере материального производства.

Следующая стадия этого этапа связана с периодом середины и начала второй половины XVIII в., когда с появлением так называемого физиократизма — специфического течения в рамках классической школы — меркантилистская система подверглась более глубокой и аргументированной критике. Физиократы (особенно Ф. Кенэ и А. Тюрго) значительно продвинули экономическую науку, обозначив новое толкование ряда микро- и макроэкономических категорий, хотя их внимание почти целиком было сосредоточено на проблемах сельскохозяйственного производства в ущерб другим сферам экономики и особенно сфере обращения.

Итак, на первом этапе ни один представитель классической политической экономии, не будучи профессиональным экономистом, не смог достичь углубленной проработки теоретических проблем эффективного развития как промышленного производства, так и фермерского хозяйства.

Второй этап. Временной отрезок этого периода развития «классической школы» целиком и полностью связан с именем и творче-

ством великого ученого-экономиста Адама Смита, чье гениальное творение «Богатство народов» (1776) стало особым и наиболее значительным достижением экономической науки всей последней трети XVIII в.

Его «экономический человек» и «невидимая рука» провидения смогли убедить не одно поколение экономистов в естественном порядке и неотвратимости независимо от воли и сознания людей стихийного действия объективных законов. Во многом благодаря ему вплоть до 30-х гг. XX столетия *как «классики», так затем и «неоклассики» верили в неопровержимость положения о «laissez faire»* — полном невмешательстве правительственных предписаний в свободную конкуренцию[21].

Классическими по праву считаются и открытые А. Смитом (по материалам анализа булавочной мануфактуры) законы разделения труда и роста его производительности. На его теоретических изысканиях в значительной мере основываются также современные концепции о товаре и его свойствах, деньгах, заработной плате, прибыли, капитале, производительном труде и др.

Третий этап. Хронологические рамки этого этапа охватывают практически всю первую половину XIX в., в течение которой в развитых странах мира (прежде всего в Англии и Франции) состоялся переход от мануфактурного производства к заводам и фабрикам, т.е. к машинному, или, как говорят, индустриальному, производству, знаменующему свершение промышленного переворота. В этот период наибольший вклад в сокровищницу «классической школы» внесли называвшие себя учениками и последователями А. Смита англичане Д. Рикардо, Т. Мальтус и Н. Сениор, французы Ж.Б. Сэй, Ф. Бастиа и др. И хотя все эти авторы, следуя своему кумиру, главной в экономической науке считали теорию стоимости и так же, как он, придерживались затратной концепции (в соответствии с которой происхождение стоимости товаров и услуг видели либо в количестве затраченного труда, либо в издержках производства), тем не менее каждый из них оставил в истории экономической мысли и становления либеральных рыночных отношений довольно заметный след.

Например, Ж.Б. Сэй явился автором одной из самых одиозных в «классической школе» концепций, получившей название «закона рынков» или просто «закона Сэя». Этот «закон» более 100 лет разделяли вначале «классики», а затем и «неоклассики» потому, что в основу рассматриваемой с его помощью проблематики равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением, обеспечивающего в условиях колебаний конъюнктуры рынка тот или иной уровень реализации общественного продукта, и Ж.Б. Сэй, и его единомышленники вкладывали, по сути, следующее смитовское

положение: *при гибкой заработной плате и подвижных ценах процентная ставка будет уравновешивать спрос и предложение, сбережения и инвестиции при полной занятости.*

Другой исследователь, Д. Рикардо, более других своих современников полемизировавший с А. Смитом и при этом полностью разделявший взгляды последнего на природу происхождения доходов «главных классов общества», впервые выявил закономерную *в условиях свободной конкуренции тенденцию нормы прибыли к понижению,* разработал законченную *теорию о формах земельной ренты.* Ему также принадлежит заслуга одного из лучших для того времени обоснований закономерности изменения стоимости денег как товаров в зависимости от их количества в обращении.

В трудах Т. Мальтуса в развитие несовершенной концепции А. Смита о механизме общественного воспроизводства (по Марксу, «догма Смита») выдвинуто (вопреки господствовавшей тогда точке зрения об участии «классов» в хозяйственной жизни) оригинальное теоретическое положение о *«третьих лицах»,* в соответствии с которым обосновывается обязательное участие в создании и распределении совокупного общественного продукта не только «производительных», но и «непроизводительных» слоев общества. Кроме того, этому ученому принадлежит не потерявшая и в наше время свою актуальность идея о влиянии на благосостояние общества численности и темпов прироста населения — та самая идея, которая была положена им в основу *первой в истории экономической мысли теории народонаселения.*

Четвертый этап. На этом завершающем этапе во второй половине XIX в. доминировали труды Дж.С. Милля и К. Маркса, всесторонне обобщивших лучшие достижения «классической школы». Как известно, в данный период уже началось формирование нового, более прогрессивного направления экономической мысли, получившего впоследствии название «неоклассической экономической теории». Однако популярность теоретических воззрений «классиков» оставалась весьма внушительной. Причиной тому в значительной мере было то, что последние лидеры классической политической экономии, будучи строго привержены положению об эффективности ценообразования в условиях конкуренции и, осуждая классовую тенденциозность и вульгарную апологетику в экономической мысли, все же, говоря словами П. Самуэльсона, симпатизировали рабочему классу и были обращены *«к социализму и реформам».*

В завершение необходимо отметить, что в России, несмотря на определенные за последние годы подвижки в части устранения «литературного голода» посредством издания трудов экономистов-классиков, достигнутые результаты, увы, не вызывают оптимизма. Дело в том, что изданный в 1991 и 1993 гг. тиражом 10 тыс. экземпляров

двухтомник «Антология экономической классики» — это по существу единственное по разделу «классическая политическая экономия» подспорье для российских экономистов в настоящее время. В «Антологию» в полном объеме включена только одна работа классиков — книга У. Петти «Трактат о налогах и сборах» (последнее издание было в 1940 г. тиражом 10 тыс. экз.). А знаменитое «Богатство народов» Адама Смита представлено только в первых двух книгах из пятикнижия великого ученого (последнее издание было осуществлено в 1962 г. тиражом 3 тыс. экз.). Со значительными сокращениями (всего шесть глав) в двухтомник включена и главная работа Д. Рикардо (последнее издание было в 1955 г.). Еще одна библиографическая редкость — «Опыт о законе народонаселения» Т. Мальтуса (в последний раз издавался в России в 1868 г.) — хотя и включена в «Антологию», но, как известно, это первая и не основная разработка данного ученого. В то же время до сих пор изданными в последний раз шрифтом с буквой «ять» остаются труды таких авторов классической политической экономии, как Ж.Б. Сэй (М., 1896), Ф. Бастиа (М. 1896) и Г. Кэри (СПб., 1869).

Вопросы и задания для контроля

1. Каковы социально-экономические предпосылки зарождения классической политической экономии? Охарактеризуйте противоположную сущность и направленность принципов протекционизма и laissez faire.
2. В чем преимущества и недостатки предмета изучения и методологии экономического анализа классической политической экономии по сравнению с меркантилизмом? Объясните, почему нельзя рассматривать источник национального богатства либо в сфере обращения, либо в сфере производства.
3. Выделите критерии периодизации этапов эволюции «классической школы». Приведите аргументы К. Маркса о времени завершения «буржуазной классической политической экономии».
4. В чем сущность общих признаков классической политической экономии? Почему «классики» недооценивали принцип «деньги имеют значение» в создании национального богатства и исходили из принципа саморегулируемости и автоматического равновесия экономики?
5. Объясните несостоятельность затратного принципа определения стоимости товаров и услуг «классиками» по трудовой теории или теории издержек производства.

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Юность науки. М.: Политиздат, 1985.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. М.: Политиздат, 1990.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

Мизес Л. фон. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета экономической науки //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Селигмен Бен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Глава 6. Зарождение классической политической экономии

Изучение этой главы позволит вам узнать:

- что классическая политическая экономия берет свое начало с трудов англичанина У. Петти и француза П. Буагильбера;
- кого из «классиков» правомерно отнести к родоначальникам трудовой теории стоимости;
- какие альтернативные теоретико-методологические идеи противопоставили меркантилистам У. Петти и П. Буагильбер в связи с суждениями о богатстве, деньгах и доходах.

Знакомство с творчеством первых авторов классической политической экономии в лице У. Петти (Англия) и П. Буагильбера (Франция) целесообразно предварить двумя высказываниями известных ученых-экономистов, проливающими свет на основной замысел данного и ряда последующих структурных подразделов настоящего учебника.

Одно из них принадлежит Ш. Жиду и Ш. Ристу и суть его сводится к следующему: *те, кого относят к «классической школе», должны оставаться верными принципам, завещанным первыми учителями экономической науки, стараясь наилучшим образом доказать, развить или даже исправить их принципы, но «не изменяя в них того, что составляет их существо»*.

Другое высказывание, принадлежащее М. Фридмену, указывает экономистам на то, что *процесс формирования экономической науки надо обсуждать не в логических, а психологических категориях и не по «трактатам о научном методе», а «по автобиографиям и биографиям», стимулируя этот процесс «с помощью афоризмов и примеров»*.

§ 1. Экономическое учение У. Петти

Уильям Петти (1623—1687) — основоположник классической политической экономии в Англии, изложивший свои экономические взгляды в произведениях, опубликованных в 60—80-е гг. XVII в. По словам К. Маркса, У. Петти — «отец политической экономии гениальнейший и оригинальнейший исследователь — экономист»[1].

Он родился в г. Ромси, что на юге Англии, в семье суконщика. В детстве в годы учебы в городской школе изучаемые дисциплины и особенно латынь постигал с заметной легкостью. В 14 лет, не восприняв отцовского ремесла, ушел из дома, нанявшись юнгой

на корабль. Уже через год волею случая из-за перелома ноги был высажен с корабля на ближайшем берегу, которым оказался север Франции. На чужбине, благодаря знанию латыни, юный У. Петти был принят в Канский коллеж, обеспечивавший слушателям полное материальное содержание. В коллеже он овладел греческим и французским языками, математикой, астрономией.

Возвратившись в 1640 г. по окончании коллежа в Лондон, У. Петти не терял надежды продолжить свое образование. Зарабатывая на жизнь черчением морских карт, а затем службой в военном флоте, спустя три года 20-летний У. Петти покинул Англию для изучения медицины за границей. В Амстердаме и Париже прошли первые четыре года учебы, которую необходимо было сочетать с различными побочными заработками. Завершил медицинское образование У. Петти все же на родине, проучившись еще три года в Оксфордском университете.

В 1650 г. в 27 лет У. Петти получил степень доктора физики, стал профессором анатомии одного из английских колледжей. Но через год неожиданно для многих принял предложение занять должность врача при главнокомандующем английской армией в Ирландии, и с этого времени жизнь скромного медика кардинально изменилась. Проявив завидную предприимчивость, по подсчетам самого У. Петти, ему удалось «заработать» 9 тыс. ф.ст. за обычный, казалось бы, правительственный подряд по подготовке им лично планов земельных участков для последующих замеров и составления карты покоренной Ирландии. Как выяснилось, У. Петти оформил на свое имя скупку земли на разных концах острова за всех тех офицеров и солдат, кто не мог или не хотел дождаться получения своего земельного надела.

Всего через 10 лет, в 1661 г., 38-летний интеллигент-разночинец был возведен в рыцарское звание, заслужил право именоваться сэром У. Петти. В дальнейшем положение состоятельного и практичного землевладельца в сочетании с пытливым умом и острой интуицией отразилось на новых занятиях У. Петти, связанных с описанием собственного видения экономической жизни общества и государства. В результате появились такие его произведения, как «Трактат о налогах и сборах» (1662), «Политическая анатомия Ирландии» (1672), «Разное о деньгах» (1682) и др., в которых красной нитью прослеживается мысль о неприятии протекционистских идей меркантилистов.

Теория богатства и денег

В отличие от меркантилистов *богатство,* по мнению У. Петти, образуют не только драгоценные металлы и камни, включая деньги, но и земли страны, дома, корабли, товары и даже домашняя

обстановка. Именно в рассуждениях по данному поводу он высказал весьма популярное и в наши дни убеждение: «Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать».

Для увеличения богатства страны У. Петти полагал, что вместо наказания тюремным заключением необходимо ввести денежные штрафы, а «несостоятельных воров» отдавать «в рабство», заставлять трудиться. Это в противовес меркантилистам означало, что *богатство создается прежде всего трудом и его результатами,* т.е. отрицалась «особая» роль денег в хозяйственной жизни. Поэтому, уточнял У. Петти, если какое-либо государство прибегает к порче монет, то это характеризует его упадок, бесчестное положение государя, измену общественному доверию к деньгам.

В развитие данной мысли У. Петти обращает внимание на бессмысленность и невозможность запрета вывоза денег. Подобное деяние государства равносильно, по его словам, запрету ввоза в страну импортных товаров. В этих и других суждениях У. Петти *проявляет себя как сторонник количественной теории денег,* демонстрируя понимание закономерности о количестве денег, необходимом для обращения. Однако в то же время очевидна и его упрощенческая позиция по поводу роли денег в экономике. С одной стороны, количественная теория денег действительно показала, что «деньги сами по себе не конституируют богатства», с другой же — У. Петти, а затем другие авторы классической политической экономии не поняли, что эта теория, говоря словами М. Блауга, «вела к игнорированию взаимосвязи между товарным и денежными рынками, проистекающей от функции денег как средства сохранения ценности».

Вот почему справедливая во многом критика меркантилизма сопровождается в трудах У. Петти и некоторыми тенденциозными соображениями. Он, например, совершенно предвзято *отрицает участие торговли и торгового капитала в создании национального богатства,* настаивая даже на сокращении значительной части купцов. Последних У. Петти сравнивает с «игроками», занятыми распределением «крови» и «питательных соков» государства, под которыми имел в виду продукцию сельского хозяйства и промышленности.

Теория стоимости

Неприятие меркантилистских идей отразилось в творчестве У. Петти не только в связи с характеристикой сущности богатства и путей его приумножения, но и в попытках выявить природу происхождения стоимости товаров, а также причин, влияющих на уровень их ценности на рынке. Трактовки, предложенные им в данной связи, впоследствии позволили признать его *первым автором тру-*

довой теории стоимости, ставшей одним из главных признаков классической политической экономии в целом.

В одной из них говорится, что стоимость товара создается трудом по добыче серебра и является его «естественной ценой»; стоимость же товаров, выясненная приравниванием к стоимости серебра, является их «истинной рыночной ценой». Другая гласит: стоимость товара обусловлена участием в ее создании труда и земли[2]. Как видим, у У. Петти *в основе цены товара в каждой из трактовок ее сущности лежит затратный, т.е. тупиковый, подход.*

Теория доходов

Теперь рассмотрим положения, высказанные У. Петти по поводу доходов рабочих и собственников денежного капитала и землевладельцев. Многие из них послужили основой для теоретических изысканий последующими представителями «классической школы». Например, следуя У. Петти, *заработная плата* характеризовалась и Д. Рикардо и Т. Мальтусом *как цена труда рабочего, представляющая минимум средств для существования его и его семьи.*

У. Петти, в частности, утверждал: *«Закон должен был бы обеспечивать рабочему только средства к жизни, потому что если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем мог бы работать и стал бы работать, а это для общества означает потерю такого же количества труда»*[3]. Однако здесь представляется уместным привести следующее замечание В. Леонтьева: «Ссылка на то, что ни один рабочий не торговался из-за реальной заработной платы — даже если это и так, — совершенно ничего не доказывает, так как, торгуясь за свою заработную плату в денежном выражении, работник может в действительности руководствоваться в своих действиях реальной покупательной способностью дохода»[4].

Доходы предпринимателей и землевладельцев охарактеризованы У. Петти посредством унифицированного им по существу понятия «рента». В частности, называя рентой с земли разницу между стоимостью хлеба и издержками на его производство, он подменял такое понятие, как прибыль фермера. В другом примере, рассматривая суть происхождения ссудного процента, У. Петти вновь прибегает к упрощению, заявив, что этот показатель должен быть равен «ренте с такого-то количества земли, которое может быть куплено на те же данные в ссуду деньги при условии полной общественной безопасности».

Еще в одном примере У. Петти ведет речь об одной из форм проявления земельной ренты, обусловленной местоположением земельных участков и рынка. При этом он заключает, что поблизости населенных мест, для пропитания населения которых нужны большие районы, земли не только приносят более высокую ренту, но и

стоят большей суммы годичных рент, чем земли совершенно такого же качества, но находящиеся в более отдаленных местностях. Тем самым У. Петти затронул еще одну проблему, связанную с определением цены земли. Однако и здесь ученый довольствуется только поверхностной характеристикой, утверждая следующее: «Почти всегда одновременно живут только три члена непрерывного ряда нисходящих потомков (дед, отец и сын. — *Я.Я.*). Поэтому, — заключает У. Петти, — я принимаю, что сумма годичных рент, составляющая стоимость данного участка земли, равна естественной продолжительности жизни трех таких лиц. У нас в Англии эта продолжительность считается равной двадцати одному году. Поэтому и стоимость земли равна приблизительно такой же сумме годичных рент»[5].

В то же время подход У. Петти к определению цены земли имеет отдельные достоинства, заложенные в его идее о взаимосвязи ссудного процента и ренты с земли за год. На это указывал еще К. Маркс. В известном смысле похожие суждения мы встречаем и у Й. Шумпетера, который писал: «Ни один капиталист, если он руководствуется сугубо деловыми соображениями, не может оценивать земельный участок ни выше и ни ниже той суммы денег, которую может принести ему процент, равный ренте с данного участка. Если бы земля была дороже, ее нельзя было бы продать. Если бы земля стоила дешевле, то между привлеченными избыточным доходом капиталистами возникла бы конкуренция, которая и подняла бы цену до прежнего уровня. Вместе с тем ни один земельный собственник, если только он не находится в стесненных обстоятельствах, не уступит свой участок дешевле той суммы денег, процент которой равняется чистой ренте с него. Но он не сможет получить и больше этой суммы, так как капиталисту, выразившему согласие уплатить такую сумму, сразу же будет предложено множество земельных участков»[6].

§ 2. Экономическое учение П. Буагильбера

Пьер Буагильбер (1646—1714) — родоначальник классической политической экономии во Франции. Как и основатель подобной школы экономической мысли в Англии У. Петти, он не был профессиональным ученым-экономистом.

Сын нормандского дворянина, юриста, П. Буагильбер, следуя отцу, получил юридическое образование. В 31 год был удостоен административной должности судьи в Нормандии. Через 12 лет профессиональные успехи позволили ему занять доходную и влиятельную должность генерального начальника судебного округа Руана. На посту главного судьи города, в функции которого в то

время входило общемуниципальное управление, включая полицейское управление, П. Буагильбер оставался в течение 25 лет, т.е. почти до конца жизни, и только за два месяца до смерти передал эту должность старшему сыну.

Пытливый ум, высокое общественное положение вызвали интерес П. Буагильбера к экономическим проблемам страны, побудили разобраться в причинах низкого уровня жизни в провинциях Франции на рубеже XVII–XVIII вв. Свои первые реформаторские (антимеркантилистские) соображения он опубликовал в возрасте 50 лет, анонимно издав в 1695—1696 гг. книгу с весьма замысловатым заглавием «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население».

Первая книга П. Буагильбера осталась почти незамеченной, несмотря на содержащуюся в ней резкую критику экономической политики меркантилизма, проводником которой в тот период был министр финансов при короле Людовике XIV Ж.Б. Кольбер. Последний, как отмечалось в главе 4, оказывая государственную протекцию по расширению сети мануфактур (в том числе привилегированных королевских мануфактур, которые получали правительственные субсидии), узаконил положения, поощрявшие экспорт французских товаров при ограничении ввоза в страну импортных товаров, обложение непомерно высокими налогами сельскохозяйственного производства, что отрицательно сказывалось на уровне как промышленного производства, так и национального хозяйства в целом.

Поиск путей преодоления негативных обстоятельств в экономике остался главной задачей и в последующих произведениях П. Буагильбера, опубликованных в начале XVIII в. В них, как и прежде, он продолжал критику меркантилизма, обосновывал необходимость реформ, более всего уделяя внимание проблемам развития сельскохозяйственного производства, в котором видел основу экономического роста и богатства государства. Заметим, что аналогичный тенденциозный подход сохранялся в экономической мысли Франции вплоть до начала второй половины XVIII столетия, когда здесь процветал физиократизм, пропагандировавший решающую роль в социально-экономическом развитии общества фермерского уклада сельскохозяйственного производства.

Свое обновленное реформаторское сочинение под названием *«Обвинение Франции»* П. Буагильбер издал в двух томах в 1707 г. За резкую критику в адрес правительства книга была запрещена. Но неуемный провинциальный судья трижды переиздавал ее, почти полностью изъяв из содержания выпады против правительства и

оставив по существу не столько доказательства, сколько уговоры и заклинания о необходимости проведения экономических реформ. Тем не менее ни признания, ни поддержки или понимания своих идей министрами правительства, на которые он рассчитывал до последних дней жизни, так и не получил.

Предмет изучения

П. Буагильбер, подобно У. Петти, противопоставив меркантилистам собственное видение сущности богатства, пришел к так называемой концепции общественного богатства. Последнее, на его взгляд, проявляет себя не в физической массе денег, а во всем многообразии полезных благ и вещей или, как он выражается, в пользовании «хлебом, вином, мясом, одеждой, всем великолепием сверх необходимого». При этом он подчеркивает, что ни владение землей, ни денежным богатством не обеспечит такого достатка, чтобы не «позволить погибнуть в нищете их владельцу, когда первые вовсе не обрабатываются, а вторые не обмениваются на жизненно необходимые предметы, как пища и одежда, без чего никто не может обойтись. Только их надо почитать богатством» [7].

Таким образом, по Буагильберу, не приумножение денег, а, напротив, рост производства «пищи и одежды» представляет собой главную задачу экономической науки. Иными словами, он, как и У. Петти, предметом изучения политической экономии считает анализ проблем сферы производства, признавая эту сферу наиболее значимой и приоритетной в сравнении со сферой обращения.

Метод изучения

Наряду с тенденциозной позицией в рассмотрении сфер производства и потребления (обращения) о методологических особенностях творческого наследия П. Буагильбера свидетельствуют также:

- убежденность в автоматическом равновесии экономики в условиях ничем не ограниченной свободной конкуренции;
- приверженность затратной характеристике стоимости (ценности) товаров и услуг;
- признание в интересах национальной экономики личного интереса выше общественного;
- недооценка самостоятельной и значимой роли денег в хозяйственной жизни и др.

Кроме того, еще задолго до появления знаменитой концепции А. Смита об «экономическом человеке» и «невидимой руке» П. Буагильбер предвосхитил одну из ее ключевых идей, заявив, что «все поддерживают день и ночь это богатство исключительно во имя собственных интересов и создают тем самым, хотя это то, о чем они менее всего заботятся, всеобщее благо»[8].

Особенности теоретических положений

Важным достижением П. Буагильбера, как и У. Петти, является «обоснование» *трудовой теории стоимости,* к пониманию которой он пришел, анализируя механизм менового отношения между товарами на рынке с учетом количества затраченного труда или рабочего времени. Несмотря на известное несовершенство такой концепции (в ее основе лежит затратный принцип), она для своего времени была, несомненно, прогрессивной, поскольку, в отличие от меркантилистской, не исходила из якобы естественной (природной) роли денег в ценообразовании.

Вместе с тем во многом справедливо осуждая меркантилизм, П. Буагильбер намеренно *абсолютизировал роль сельского хозяйства в экономическом росте страны,* недооценивая роль денег как товаров, отрицал реальное значение в приумножении имущественного богатства промышленности и торговли. Он явился единственным среди всех представителей классической политической экономии, кто считал возможным и необходимым упразднение денег, нарушающих, на его взгляд, обмен товаров по «истинной стоимости».

Характерно, что более чем через 100 лет французские экономисты-романтики С. Сисмонди и П. Прудон, отвергавшие многие положения классической школы политической экономии, солидаризировались по ряду идей своих реформаторских программ с П. Буагильбером. Так, С. Сисмонди, также сочувствуя бедным и малоимущим слоям общества, уповал исключительно на правительственные законодательные решения, никак не сообразуя свои утопические прожекты с реалиями и неотвратимостью научно-технического прогресса. А П. Прудон ратовал как за отмену денег, так и за другие реформаторские идеи, содержание которых граничило между утопией и анархией.

Вопросы и задания для контроля

1. Приведите примеры антимеркантилистских взглядов У. Петти и П. Буагильбера. Соответствует ли их трактовка богатства современному определению данной экономической категории?
2. Из чего исходил У. Петти, полагая, что уровень заработной платы рабочих имеет минимальную величину? Насколько соответствуют его трактовки по поводу категории «рента» современной экономической теории?
3. Почему У. Петти и П. Буагильбер отрицательно рассматривали роль торговли и торгового капитала в создании национального богатства? Как ими трактуется теория стоимости?

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Юность науки. М.: Политиздат, 1985.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. М.: Политиздат, 1990.

Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, Вита-пресс, 1996.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

Петти У. Трактат о налогах и сборах. Verbum sapienti — слово мудрым. Разное о деньгах. М.: Ось-89, 1997.

Петти У. Трактат о налогах и сборах. В 2-х т. /Антология экономической классики. М.: Эконов, 1993. Т.1.

Петти У. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс,1982.

Глава 7. Физиократия — специфическое течение классической политической экономии

Данная глава познакомит вас с тем:

- что с появлением учения физиократов «классики», продвигаясь дальше, «попали в колею статического представления» (Й. Шумпетер), но в то же время обозначили «уже систему теоретических экономических взглядов» (Н. Кондратьев);
- как физиократы «в пределах буржуазного кругозора дали анализ капитала» и стали «настоящими отцами современной политической экономии» (К. Маркс);
- какой смысл вкладывали идеологи физиократизма во введенное ими понятие «чистый продукт»;
- какие первые варианты деления общества на классы были предложены физиократами;
- что представляла собой первая аналитическая концепция кругооборота хозяйственной жизни в выдвинутой Ф. Кенэ теории воспроизводства.

§ 1. Экономическое учение Ф. Кенэ

Франсуа Кенэ (1694—1774), признанный лидер и основоположник учения физиократов — специфического течения в рамках классической политической экономии. Слово «физиократия» имеет греческое происхождение и в переводе означает «власть природы». В этом смысле представители физиократизма исходили из определяющей роли в экономике земли, сельскохозяйственного производства.

По словам Ф. Кенэ, именно постоянно воспроизводимые богатства сельского хозяйства служат основой для всех профессий, способствуют расцвету торговли, благополучию населения, приводят в движение промышленность и поддерживают процветание нации. Иначе говоря, земледелие он считал основой для всей экономики государства.

Ф. Кенэ, как и другие авторы первого этапа развития классической политической экономии, не является профессиональным экономистом. Уроженец одного из пригородов Версаля (под Парижем), восьмой из тринадцати детей крестьянина — мелкого торговца, Ф. Кенэ исключительно благодаря своим природным дарованиям

достиг профессии врача, которая всегда оставалась для него основной. Чтобы стать медиком, в 17 лет уехал в Париж, где одновременно практиковал в госпитале и подрабатывал на жизнь в одной из граверных мастерских. Через 6 лет получил диплом хирурга и приступил к врачебной практике вблизи от Парижа в городке Мант.

В 1734 г. популярнейшему к этому времени врачу Ф. Кенэ предложил постоянную работу в качестве медика в своем доме в Париже герцог Виллеруа. В 1749 г. после аналогичной «просьбы» небезызвестной маркизы Помпадур Ф. Кенэ обретает еще более почетную «службу», и, наконец, с 1752 г. он удостаивается положения лейб-медика самого короля Людовика XV. Последний благоволил ему, произвел в дворянство; обращаясь к нему не иначе как «мой мыслитель», слушал советы своего доктора. Следуя одному из них, *Людовик XV в качестве полезных для здоровья физических упражнений собственноручно сделал на печатном станке Ф. Кенэ первые оттиски «Экономической таблицы», явившейся, как выяснилось впоследствии, первой попыткой научного анализа общественного воспроизводства.*

По мере улучшения и упрочения своего материального положения (в парижский период жизни) Ф. Кенэ все более увлекается проблемами, далеко выходящими за рамки медицины. Свободное время он начинает посвящать философской науке, а затем целиком экономической теории. С 1756 г., будучи немолодым, он дает согласие участвовать в «Энциклопедии», издававшейся Дидро и д'Аламбером, в которой и были опубликованы его основные экономические произведения (статьи): «Население» (1756), «Фермеры», «Зерно», «Налоги» (1757), «Экономическая таблица» (1758) и др.

Принципы методологии

В сочинениях Ф. Кенэ решительно осуждаются взгляды меркантилистов на экономические проблемы, что по сути явилось отражением нараставшей в стране на протяжении ряда десятилетий неудовлетворенности состоянием сельского хозяйства, к которому привел его так называемый кольбертизм времен короля Людовика XIV (это отмечал и А. Смит, характеризуя физиократию как реакцию на меркантилистскую политику Ж.Б. Кольбера). В них отражена его *убежденность в необходимости перехода к фермерскому хозяйству* как основе свободного (рыночного) механизма хозяйствования на принципах полной свободы ценообразования в стране и вывоза за границу сельскохозяйственной продукции.

Методологической платформой экономического исследования Ф. Кенэ стала разработанная им *концепция о естественном порядке,* юридической основой которой, на его взгляд, являются физические и моральные законы государства, охраняющие частную собственность, частные интересы и обеспечивающие воспроизводство и

правильное распределение благ. Как утверждает ученый, *частный интерес одного никогда не может быть отделен от общего интереса всех,* а это бывает при господстве свободы. Мир идет тогда сам собой. Поэтому, по его мысли, желание наслаждаться сообщает обществу движение, которое становится постоянной тенденцией к возможно лучшему состоянию.

Одновременно Ф. Кенэ предупреждает, что верховная власть не должна быть аристократической или предоставленной крупным земельным собственникам; последние, соединившись вместе, могли бы образовать власть более могущественную, чем сами законы, поработить нацию, причинить своими честолюбивыми и жестокими распрями разорение, неустройства, несправедливости, наиболее зверские насилия и создать самую разнузданную анархию. *Он считал целесообразным сосредоточить высшую государственную власть в одном просвещенном лице, обладающем знанием законов — естественного порядка, — необходимых для осуществления государственного руководства.*

Оценивая методологию исследования Ф. Кенэ и его последователей, Н. Кондратьев отмечал, что физиократы не провели методологической грани между чисто теоретическими и практическими (экономико-политическими) суждениями. Провозглашенная физиократами экономическая наука, по его мнению, изучает физические и моральные законы «наиболее совершенного строя», который вызывает у них вдохновение и энтузиазм, до известной степени сектантский характер всего их течения и мессионизм во взглядах на свою роль.

Учение о чистом продукте и классах

В теоретическом наследии Ф. Кенэ важное место занимает *учение о чистом продукте,* который сейчас называют национальным доходом. По его мнению, источниками чистого продукта являются земля и приложенный к ней труд людей, занятых в сельскохозяйственном производстве. А в промышленности и других отраслях экономики чистой прибавки к доходу не производится и происходит только смена первоначальной формы этого продукта. Рассуждая так, Ф. Кенэ не считал промышленность бесполезной. Он исходил из выдвинутого им же положения о производительной сущности различных социальных групп общества — классов. При этом Ф. Кенэ утверждал, что *нация состоит из трех классов граждан: класса производительного, класса собственников и класса бесплодного;* к производительному классу относил всех людей, занятых в сельском хозяйстве, включая крестьян и фермеров; к классу собственников — землевладельцев, включая короля и духовенство; к бесплодному классу — всех граждан вне земледелия, т.е. в промышленности, торговле и других отраслях сферы услуг.

Вместе с тем Ф. Кенэ отнюдь не тенденциозен, подразделяя общество на классы, поскольку, как он полагал, «трудолюбивые представители низших классов» вправе рассчитывать на работу с выгодой. Зажиточность возбуждает трудолюбие потому, что люди пользуются благосостоянием, которое оно доставляет, привыкают к удобствам жизни, к хорошей пище и одежде и боятся бедности и как следствие воспитывают своих детей в такой же привычке к труду и благосостоянию, а удача доставляет удовлетворение их родительским чувствам и самолюбию.

Теория капитала

Ф. Кенэ принадлежит *первое в истории экономической мысли достаточно* глубокое *теоретическое обоснование положений о капитале*. Если меркантилисты отождествляли капитал, как правило, с деньгами, то Ф. Кенэ считал, «что деньги сами по себе представляют собой бесплодное богатство, которое ничего не производит». По его терминологии, сельскохозяйственные орудия, постройки, скот и все то, что используется в земледелии в течение нескольких производственных циклов, представляют *«первоначальные авансы»* (по современной терминологии — основной капитал). Затраты на семена, корма, оплату труда работников и другие, осуществляемые на период одного производственного цикла (обычно до года), он относил к *«ежегодным авансам»* (по современной терминологии — оборотный капитал). Но заслуга Ф. Кенэ состоит не только в подразделении капитала на основной и оборотный по его производительному признаку. Кроме того, он смог убедительно доказать, что *в движении находится наряду с оборотным и основной капитал*.

Двойственное отношение к торговле

О торговле Ф. Кенэ высказал ряд интересных и неординарных суждений. Так, признавая торговлю «бесплодным занятием», он в то же время предостерегал от ложного впечатления, что благодаря всемирной конкуренции она становится вредной и что иностранные купцы увозят и расходуют на своей родине то вознаграждение, которое им уплачивают за оказанные в данной стране услуги, и, таким образом, этим вознаграждением обогащаются прочие нации. Не соглашаясь с таким заблуждением, Ф. Кенэ утверждал, что *необходима только «абсолютная свобода торговли» как условие расширения торговли, изгнания монополии и сокращения торговых издержек*.

Теория воспроизводства

В своей знаменитой «Экономической таблице» Ф. Кенэ выполнил *первый научный анализ кругооборота хозяйственной жизни, т.е.*

общественного воспроизводственного процесса. Идеи этой работы свидетельствуют о необходимости соблюдения и обоснованного прогнозирования определенных народохозяйственных пропорций в структуре экономики. Им выявлена взаимосвязь, которую он характеризовал так: *«Воспроизводство постоянно возобновляется издержками, а издержки возобновляются воспроизводством»*.

Рассматривая «Экономическую таблицу» Ф. Кенэ как первую попытку макроэкономического исследования, в этой работе, тем не менее, нетрудно заметить **формальные недостатки**, как-то: простая иллюстрация взаимозависимости отраслей; обозначение так называемого непроизводительного сектора, обладающего основным капиталом; признание экономической деятельности на земле источником чистого дохода, не выясняя механизма превращения земли в источник ценности, и т.д.

В иллюстрации процесса кругооборота Ф. Кенэ мы видим, что в валовом продукте, произведенном в сельском хозяйстве на сумму 5 млрд ливров, 3 млрд приходится на издержки при возделывании земли. Далее в натуральном выражении процесс проистекает следующим образом[1]: фермеры используют $^2/_5$ произведенной продукции на оборотный капитал, $^1/_5$ продается «бесплодным» ремесленникам в обмен на изделия, требуемые для замены изношенного основного капитала, а остаток идет землевладельцам в качестве ренты; землевладельцы в свою очередь обменивают $^1/_2$ своего двухмиллиардного дохода на промышленные товары, и «бесплодные» ремесленники (их доходы уже удвоились) покупают на 2 млрд сырье и продукты сельского хозяйства.

Этот же процесс предложен Ф. Кенэ и в денежном выражении[2]: фермеры, владея всей денежной массой (2 млрд ливров), тратят их на продукты питания и промышленные товары; полученную вновь сумму (1 млрд) фермеры расходуют на возмещение основного капитала; ремесленники свою сумму (1 млрд от землевладельцев плюс 1 млрд от фермеров) тратят на продукты сельского хозяйства. Таким образом, фермеры вновь будут иметь свою начальную сумму, так как, получив 3 млрд, они израсходовали 1 млрд. И поскольку непроизводительный сектор, по Кенэ, не создает чистого продукта, оставшаяся денежная сумма (2 млрд) к началу нового производственного цикла вновь уплачивается землевладельцам.

В связи с изложенным, пожалуй, возможно принять замечания М. Блауга о том, что в «Таблице» Ф. Кенэ ***деньги*** *— не более чем средство обращения, что торговля в сущности сводится к бартерному обмену и что производство продукции автоматически генерирует доход, выплата которого позволяет перейти к следующему производственному циклу*[3].

§ 2. Экономическое учение А. Тюрго

Анн Робер Жак Тюрго (1727—1781) по происхождению дворянин. Его предки традиционно находились на государственной службе в Париже. Согласно семейной традиции он как третий сын вынужден был получить духовное образование. Но по окончании семинарии и теологического факультета Сорбонны 23-летний аббат А. Тюрго неожиданно решил отказаться от своего предназначения для церкви, не желая, по его словам, «*всю жизнь носить маску на лице»,* и перешел на государственную службу. К тому времени этот молодой чиновник хорошо владел шестью языками, круг его интересов составляли философия, филология, юриспруденция, естественные науки, математика, художественная литература, поэзия.

Уже в начале своей служебной карьеры в магистратуре Парижа А. Тюрго более всего интересовался волновавшим его экономическим положением Франции. В 25 лет он уже занимал судебную должность в парижском парламенте, а еще через год — докладчика судебной палаты, став заметной фигурой светских и философских кругов французской столицы. В эти годы А. Тюрго сблизился с одним из коллег — интендантом торговли Венсаном Гурнэ, дружба с которым, в том числе как с экономическим наставником, продолжалась вплоть до смерти В. Гурнэ в 1759 г. Вместе с ним он бывал в кругу друзей Ф. Кенэ, проживавшего, как известно, в одной из квартир на антресолях Версальского дворца.

Очередным служебным назначением А. Тюрго в 1761 г. был утвержден в должности интенданта (губернатора) в Лиможе (центр провинции Лимузен), которую занимал почти 13 лет. Представляя центральную власть в отдаленной провинции, он ведал хозяйственными вопросами, в том числе системой взимания налогов. Именно в Лиможский период жизни А. Тюрго написал свое главное экономическое сочинение «Размышления о создании и распределении богатств» (1766), незаконченную работу «Ценности и деньги» (1769) и другие произведения. Все они, как очевидно, базировались на физиократических взглядах, а также на принципах рыночных экономических отношений, и прежде всего свободной конкуренции и свободной торговли.

В 1774 г. А. Тюрго получил последнее в своей служебной карьере назначение, когда вступивший на престол король Людовик XVI выделил ему пост морского министра, а через несколько недель перевел на должность генерального контролера финансов, равнозначную должности министра финансов — важнейшему в то время посту во внутренних делах королевства.

За 18 месяцев пребывания в должности генерального контролера финансов А. Тюрго хотя и не добился сокращения государ-

ственных расходов, но смог провести ряд указов и законопроектов (эдиктов), открывавших возможность для всемерной либерализации экономики страны. Однако каждое его реформаторское нововведение наталкивалось на ожесточенное сопротивление парламента, находившегося под явным влиянием придворного окружения, дворянства, духовенства и некоторой части предпринимателей, стремившихся сохранить свое монопольное положение. Поэтому реализация положений эдиктов была кратковременной победой А. Тюрго и его единомышленников. В мае 1776 г. королевским посланцем ему был вручен приказ о сдаче дел в связи с отставкой, а спустя три месяца король отменил все эдикты министра-реформатора.

Главными достижениями Тюрго-министра в период реформ явились: введение свободной торговли зерном и мукой внутри страны; свободный ввоз и беспошлинный вывоз зерна из королевства; замена натуральной дорожной повинности денежной поземельной податью; упразднение ремесленных цехов и гильдий, тормозивших рост предпринимательства в промышленной сфере, и др.

Предмет и метод изучения

А. Тюрго не считал себя ни учеником, ни последователем Ф. Кенэ, отрицая какую-либо свою причастность к «секте», как он выразился, физиократов. Тем не менее творческое наследие и практические дела свидетельствуют о его *приверженности основам физиократического учения и принципам экономического либерализма*.

Например, подобно физиократам, А. Тюрго утверждал: «Земледелец является первой движущей силой в ходе (всех) работ; это он производит на своей земле заработок всех ремесленников. Труд земледельца — единственный труд, производящий больше того, что составляет оплату труда. Поэтому он единственный источник всякого богатства»[4].

После смерти своего друга В. Гурнэ Тюрго опубликовал сочинение «Похвальное слово Венсану де Гурнэ», в котором раскрыл негативное значение протекционистской политики в экономике и выразил убеждение в том, что «общая свобода покупки и продажи является единственным средством обеспечить, с одной стороны, продавцу — цену, способную поощрить производство, с другой — покупателю — наилучший товар по наименьшей цене»[5].

Теория денег

Еще в 1749 г. будучи в 22-летнем возрасте, опубликовав «Письмо аббату де Сисэ о бумажных деньгах», А. Тюрго предвосхитил идеи количественной теории денег, «классически» изложенные спустя почти 30 лет самим А. Смитом. В частности, в «Письме...» он вопрошал к Джону Ло словами: «Но позволительно ли было Ло не

знать того, что золото, как и все остальное, теряет в цене, если его количество увеличивается?»[6] Кроме того, он с пониманием сути проблемы аргументировал и положение о неудобстве бумажных денег, когда их количество не соответствует количеству производимых товаров и услуг.

Деньги из драгоценных металлов рассматриваются А. Тюрго по существу в качестве одного из товаров в товарном мире, подчеркивая, что «особенно золото и серебро более, чем всякий другой материал, пригодны служить монетой», ибо они «по самой природе вещей сделались монетой и притом *всеобщей монетой независимо от всякого соглашения и всякого закона»*[7] (курсив мой. — *Я.Я.*). По его убеждению, деньги, т.е. «золото и серебро, изменяются в цене не только по сравнению со всеми другими товарами, но и по отношению друг к другу, смотря по большему или меньшему их изобилию»[8].

Наконец, критикуя меркантилистов, к «богатству нации» А. Тюрго относит прежде всего земли и получаемый с них «чистый доход», поскольку, на его взгляд, «хотя деньги составляют непосредственный предмет сбережений и являются, так сказать, главным материалом капиталов при образовании их, но деньги, как таковые, составляют почти незаметную часть совокупной суммы капиталов»[9], а «роскошь непрерывно ведет к их уничтожению»[10].

Теория стоимости

А. Тюрго, как и Ф. Кенэ, придерживался *затратной концепции происхождения стоимости,* сводя ее сущность к затратам живого и овеществленного (прошлого) труда. В то же время, обосновывая механизм формирования цен на рынке, А. Тюрго выделяет цены текущие и основные. Первые, как он полагает, устанавливаются соотношением спроса и предложения, вторые «в применении к товару есть то, чего данная вещь стоит работнику, это тот минимум, ниже которого она (цена. — *Я.Я.*) не может опуститься»[11]. При этом, по мнению А. Тюрго, редкость является «одним из элементов оценки»[12] при приобретении товаров.

Теория классов

А. Тюрго, разделяя взгляды Ф. Кенэ, *выделяет в обществе три класса:* производительный (люди, занятые в сельскохозяйственном производстве); бесплодный (люди, занятые в промышленности и других отраслях материального производства и сферы услуг); собственники земли. Однако первые два класса он называет *«работающими или занятыми классами»,* полагая, что каждый из них «распадается на два разряда людей: на предпринимателей, или *капиталистов,* дающих авансы, и на простых *рабочих,* получающих за-

работную плату»[13] (курсив мой. — *Я.Я*). Причем, как уточняет ученый, именно бесплодный класс включает в себя «членов общества, получающих заработную плату»[14].

Теория доходов

В определении сущности и величины *заработной платы рабочих* А. Тюрго не расходится ни с У. Петти, ни с Ф. Кенэ, как и они, считая ее результатом *«от продажи своего труда другим»* и полагая, что она «ограничена необходимым минимумом для его существования тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни»[15]. Но в отличие от своих предшественников А. Тюрго относил заработную плату к числу элементов, лежащих в основе выдвинутого им понятия об «общем экономическом равновесии». Последнее, по его словам, устанавливается «между ценностью всех произведений земли, потреблением различного рода товаров, различными видами изделий, числом занятых (их производством) людей и ценой их заработной платы»[16].

Серьезное внимание уделил А. Тюрго исследованию природы происхождения и такого дохода, как *ссудный (денежный) процент,* осуждая при этом предрассудки моралистов, рассматривающих «отдачу в рост как преступление» и прибегающих к словам из Евангелия: «Взаймы давайте, не ожидая ничего». Он утверждает, что в течение времени займа заимодавец теряет доход, который мог бы получить, потому что рискует своим капиталом, а заемщик может использовать деньги для выгодных приобретений, которые могут принести ему большую прибыль. Поэтому, заключает А. Тюрго, заимодавец «не наносит никакого ущерба заемщику, ибо этот последний соглашается на его условия и не имеет никаких прав на занятую сумму. Прибыль, которую можно получить, имея деньги, является, несомненно, одним из наиболее частых побуждений, склоняющих заемщиков брать в заем под проценты; это один из источников, который дает возможность выплачивать этот процент»[17]. Что касается текущего процента, то он, по мнению А. Тюрго, служит на рынке термометром, по которому можно судить об избытке или недостатке капиталов, уточняя, в частности, что *низкий денежный процент — это и последствие и показатель избытка капиталов*[18].

Вопросы и задания для контроля

1. Что такое физиократия? Какие особенности присущи учению физиократов?
2. В чем суть концепции естественного порядка Ф. Кенэ? Раскройте сущность его учения о «чистом продукте».

3. Каковы особенности теоретических воззрений Ф. Кенэ о классах, капитале, производительном труде?
4. Как представлял себе Ф. Кенэ механизм кругооборота хозяйственной жизни? В чем историко-экономическое значение его теории воспроизводства?
5. Какие экономические идеи А. Тюрго показывают его приверженность учению физиократов? В чем новизна теории классов этого ученого?
6. Разъясните, насколько соответствуют определениям современной экономической науки трактовки А. Тюрго категорий «богатство», «заработная плата», «общее экономическое равновесие», «деньги», «ссудный процент», «цена».

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Юность науки. М.: Политиздат, 1985.

Блауг М. Экономическая мысль в рестроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Дроздов В.В. Франсуа Кенэ. М.: Экономика, 1988.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1960.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Тюрго А.Р. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1961.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Глава 8. Адам Смит — центральная фигура классической политической экономии

Из этой главы вы узнаете:

- что даже великий российский поэт А. Пушкин читал Адама Смита и благодаря ему «умел судить о том, как государство богатеет»;
- какое «бесконечное число глупостей» может быть вызвано государственным «руководством» экономической деятельностью (П. Самуэльсон);
- почему «центральным мотивом и душой» смитовского «Богатства народов» является действие «невидимой руки» (М. Блауг);
- о «ходе мыслей Адама Смита», позволяющих обнаружить в них «экономические истины по существу только статического характера» (Й. Шумпетер);
- в чем состоит двойственность позиции А. Смита в выдвинутой им теории стоимости;
- актуальна ли ныне смитовская теория производительного и непроизводительного труда.

Исторически сложилось так, что почти повсеместно формирование экономической науки чаще всего увязывается с именем и творчеством Адама Смита (1723—1790) — величайшего английского ученого-экономиста конца XVIII в. Эта «человеческая слабость» будет преодолена, очевидно, нескоро, ибо в отличие от естественных наук, требующих, как правило, представления о современном уровне знаний, экономическую науку едва ли можно постичь, не познакомившись с теоретическими воззрениями выдающихся экономистов классической политической экономии. В их числе Адам Смит является, несомненно, центральной фигурой. И хотя экономическая наука начинается действительно не с этого автора, но именно он, как сказал М. Блауг, стал тем, кто *создал «первый в экономической науке полноценный труд, излагающий общую основу науки»*.

Адам Смит родился 5 июня 1723 г. в Шотландии в городке Кирколде, расположенном неподалеку от ее столицы Эдинбурга, в семье таможенного чиновника. С детства проявив способности к учебе, в 14 лет поступил в Глазговский университет, который закончил спустя три года, в 1740 г. в числе лучших студентов он был удостоен стипендии для завершения своего образования в Оксфордском университете, где учился вплоть до 1746 г. Уровень преподавания здесь не устраивал его, в том числе по той причине, что

большинство профессоров даже не читали своих лекций. Из Оксфорда А. Смит вернулся в Эдинбург с намерением заняться самообразованием и чтением публичных лекций по английской литературе и политической экономии. Уже тогда, судя по его лекциям, он придерживался принципов экономического либерализма, и особенно принципа свободы торговли. В 1751 г. А. Смит был назначен профессором логики в Глазговском университете, а в конце того же года перешел на кафедру моральной философии, на которой преподавал до 1764 г. Крупная научная работа «Теория моральных чувств», изданная им в 1759 г., принесла ему широкую известность. Но в дальнейшем научный интерес А. Смита все более смещается к экономической науке, что было связано отчасти с активным его участием в своеобразном Глазговском клубе политической экономии, а отчасти — дружбой с философом и экономистом Давидом Юмом.

В 1764 г. в жизни А. Смита произошло переломное событие: он оставил кафедру (как окажется, навсегда) и принял предложение сопровождать во время заграничного путешествия молодого лорда, пасынка видного политического деятеля — герцога Баклю. Материальный интерес от этого путешествия имел для А. Смита не последнее значение; поездка гарантировала ему 800 ф.ст. ежегодно до конца жизни, что было явно больше его профессорского гонорара. Путешествие длилось с 1764 по 1766 г., т.е. более двух лет, из которых полтора года он провел в Тулузе, два месяца — в Женеве, где ему довелось встретиться с Вольтером, и девять месяцев в Париже. Тесное знакомство за время поездки с французскими философами д'Аламбером, Гельвецием, Гольбахом, а также с физиократами, в том числе с Ф. Кенэ и А. Тюрго, отразилось впоследствии в его *главном труде* «Исследование о природе и причинах богатства народов», к которому он приступил еще в Тулузе.

По возвращении в Шотландию А. Смит решает поселиться у своей матери, где с 1767 г. уединяется для завершения работы над «Богатством народов». Книга вышла в свет в 1776 г. и упрочила и без того широкую известность ее автора. Она четырежды переиздавалась при жизни А. Смита и еще три раза со дня его смерти (1790) и до конца века.

Влияние А. Смита на своих современников было настолько велико, что *даже английский премьер-министр У. Питт-младший объявлял себя его учеником.* Они неоднократно встречались и обсуждали вместе ряд финансовых проектов. Одним из результатов этих контактов с ученым явилось подписание У. Питтом в 1786 г. первого Либерального торгового договора с Францией — договора Эдена, который существенно изменил таможенные тарифы. Результатом влияния творческого наследия автора «Богатства народов» можно также признать

то, что один из его учеников Дугалл Стюарт в 1801 г. стал читать в Эдинбургском университете самостоятельный курс политической экономии, который прежде входил в состав дисциплин курса нравственной философии.

В январе 1778 г. А. Смит был назначен комиссаром таможни в Эдинбурге, оставаясь в этой должности до своей кончины в 1790 г.

Из особенностей характера А. Смита известно, что ему были присущи подчеркнуто деликатное поведение и одновременно легендарная рассеянность.

§ 1. Предмет и метод изучения

Знакомство с творчеством А. Смита начнем с того, что он понимал под ***предметом изучения экономической науки.***

В своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) в этом качестве он выделил ее центральную проблему, а именно экономическое развитие общества и повышение его благосостояния.

Как полагает Н. Кондратьев, «весь классический труд Смита о богатстве народов написан под углом зрения, какие условия и каким образом ведут людей к наибольшему благосостоянию, как он его понимал»[1].

Уже первые слова, с которых начинается книга: «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты», — позволяют понять, что экономика любой страны, по Смиту, развиваясь, приумножает богатство народа не потому, что этим богатством являются деньги, а потому, что его надо видеть в материальных (физических) ресурсах, которые доставляет «годичный труд каждого народа».

Таким образом, А. Смит с первой же фразы своей книги осуждает меркантилистское мышление, выдвигая для этого, казалось бы, совсем не новый аргумент о том, что *сущностью и природой богатства является исключительно труд.* Далее данную мысль он развивает весьма интересной концепцией роста разделения труда, а по сути доктриной технического прогресса как основного средства роста богатства «любой страны во все времена».

Однако на вопрос о том, в какой сфере экономики богатство растет быстрее, соображения А. Смита оказались небесспорными. С одной стороны, в своей теории о производительном труде (об этом речь пойдет ниже) он убеждает читателя в том, что не торговля и другие отрасли сферы обращения, а сфера производства является основным источником богатства, а с другой — особенно это видно во второй книге его пятикнижия, — что *для приумножения богат-*

ства предпочтительнее развитие сельского хозяйства, а не промышленности, ибо, по мнению ученого, капитал, вкладываемый в земледелие, добавляет гораздо большую стоимость к действительному богатству и доходу. При этом А. Смит полагал, что с развитием экономики цены на промышленные товары имеют тенденцию снижаться, а на сельскохозяйственные продукты — подниматься, поэтому, по его мысли, в странах, где сельское хозяйство представляет собою самое выгодное из всех приложений капитала, капиталы отдельных лиц будут прилагаться самым выгодным для всего общества образом. Понять это упущение автора «Богатства народов» тем труднее, что в ту пору в Англии процветала мануфактурная промышленность и начинали появляться первые высокопроизводительные фабрики, работавшие от водяного колеса. **Поэтому едва ли А. Смит может считаться «буржуазным ученым» или «апологетом буржуазии»,** если он утверждал о роли землевладельцев в обществе так: «*Интересы первого* (землевладельцев. — *Я.Я.*) *из этих трех классов тесно и неразрывно связаны с общими интересами общества. Все, что благоприятствует или вредит интересам первого, неизбежно благоприятствует или вредит интересам общества*»[2].

Между тем величие А. Смита как ученого состоит в его экономических прогнозах и фундаментальных теоретико-методологических позициях, которые более чем на целое столетие предопределили и последующую экономическую политику многих государств, и направление научного поиска огромной когорты ученых-экономистов. Чтобы объяснить феномен успеха А. Смита, прежде всего необходимо обратиться к особенностям его методологии.

Центральное место в ***методологии исследования*** А. Смита занимает *концепция экономического либерализма*, в основу которой, как и физиократы, он положил *идею естественного порядка*, т.е. рыночных экономических отношений. В то же время в отличие, скажем, от Ф. Кенэ в понимании А. Смита, и он это постоянно подчеркивает, *рыночные законы лучшим образом могут воздействовать на экономику, когда частный интерес стоит выше общественного, т.е. когда интересы общества в целом рассматриваются как сумма интересов составляющих его лиц.* В развитие этой идеи автор «Богатства народов» вводит ставшие затем знаменитыми понятия **«экономический человек»** и **«невидимая рука»**.

Сущность «экономического человека» достаточно рельефно показана уже в главе 2 книги I «Богатства народов», где особо впечатляет положение о том, что разделение труда является результатом определенной склонности человеческой природы к торговле и обмену. Напомнив вначале читателю, что собаки друг с другом сознательно костью не меняются, А. Смит характеризует «экономического человека» как стремящегося к личному обогащению совершенного

эгоиста, а именно: «Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их (своих ближних. — *Я.Я.*) эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах»[3].

О тенденциозности понятия смитовского «экономического человека» в современной экономической литературе упоминают довольно часто. Например, по оценке Л. Мизеса, после А. Смита экономическая наука вплоть до нашего времени в сущности «изучает не живых людей, а так называемого «экономического человека», фантома, имеющего мало общего с реальными людьми. Абсурдность этой концепции, — продолжает он, — становится вполне очевидной, как только возникает вопрос о различиях между человеком реальным и экономическим. Последний рассматривается как совершенный эгоист, осведомленный обо всем на свете и сосредоточенный исключительно на накоплении все большего и большего богатства»[4].

Без особых комментариев А. Смит преподносит читателю и положение о «невидимой руке». При этом нельзя исключить, что идею о ней автор «Богатства народов» заимствовал в памфлетах меркантилистов XVII в., где проводилась мысль о том, что экономическое поведение предопределяет прежде всего прибыль, а для этого *государству необходимо защищать свободную конкуренцию в эгоистических интересах отечественных предпринимателей*.

Но А. Смит ничуть не повторяет меркантилистов. В его книге смысл «невидимой руки» заключается в пропаганде таких общественных условий и правил, при которых благодаря свободной конкуренции предпринимателей и через их частные интересы рыночная экономика будет наилучшим образом решать общественные задачи и приведет к гармонии личную и коллективную волю с максимально возможной выгодой для всех и каждого. Он говорит о ней как бы между прочим, обращая внимание читателя на то, что «каждый отдельный человек имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоды общества, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения», и что, «преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это»[5].

Другими словами, *«невидимая рука» независимо от воли и намерений индивида — «экономического человека» — направляет его и всех людей к наилучшим результатам, выгоде и к более высоким целям общества, оправдывая как бы тем самым стремление человека-эгоиста ставить личный интерес выше общественного.* Таким образом, смитовская «невидимая рука» предполагает такое соотношение между «экономическим человеком» и обществом, т.е. «видимой рукой» государственного управления, когда последняя, не противодействуя объективным законам экономики, перестанет ограничивать экспорт и импорт и выступать искусственной преградой «естественному» рыночному порядку. Стало быть, рыночный механизм хозяйствования, а по Смиту — «очевидная и простая система естественной свободы», благодаря «невидимой руке» всегда будет автоматически уравновешиваться. Государству же для достижения правовых и институциональных гарантий и обозначения границ своего невмешательства остаются, как пишет А. Смит в главе 9 книги IV и главе 1 книги V, «три весьма важные обязанности». К ним он относит: издержки на общественные работы (чтобы «создавать и содержать определенные общественные сооружения и общественные учреждения», обеспечивать вознаграждение преподавателей, судей, чиновников, священников и других, кто служит интересам «государя или государства»); издержки на обеспечение военной безопасности; издержки на отправление правосудия, включая охрану прав собственности, т.е., говоря словами Н. Кондратьева, смитовский «общественно-хозяйственный строй опирается на игру частных интересов в пределах и под защитой права».

Итак, *«в каждом цивилизованном обществе» действуют всесильные и неотвратимые экономические законы — в этом лейтмотив методологии исследования А. Смита.* Приверженность этой идее была затем очевидна в трудах всех лучших представителей классической политической экономии, в том числе у Д. Рикардо, объявившего главной задачей экономической науки необходимость «изучить законы, которые управляют» всем, что произведено на земле, а также у К. Маркса, озадачившего себя исследованием «законов движения капитализма».

Непременным условием для того, чтобы экономические законы действовали, является, по убеждению А. Смита, *свободная конкуренция.* Только она, считает он, может лишить участников рынка власти над ценой, и чем больше продавцов, тем менее вероятен монополизм, ибо, по словам ученого, монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и никогда не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы. В защиту идей свободной конкуренции в главе 10 книги I

А. Смит осуждает исключительные привилегии торговых компаний, законы об ученичестве, цеховые постановления, законы о бедных, полагая, что они (законы) ограничивают рынок труда, мобильность рабочей силы и масштабы конкурентной борьбы. Он также убежден, что, как только представители одного и того же вида торговли и ремесла собираются вместе, их разговор редко не заканчивается заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен.

Выше уже была отмечена позиция А. Смита, согласно которой первейшим источником богатства является сельскохозяйственное производство и лишь затем промышленное. Это, вероятно, связано с его реакцией на сентенции меркантилистов, ставивших на первый план внешнюю торговлю, а затем национальную промышленность. Но что касается *структуры* самой *торговли,* то и здесь автор «Богатства народов» делает свои акценты, противоположные принципам меркантилизма, *ставя на первое место внутреннюю, на второе внешнюю, на третье транзитную торговлю.* В последней части аргументы А. Смита таковы: «Капитал, вкладываемый во внутреннюю торговлю страны, обычно поощряет и содержит большое количество производительного труда в этой стране и увеличивает стоимость ее годового продукта в большей мере, чем таких же размеров капитал, занимающийся внешней торговлей предметами потребления, а капитал, занятый в этой последней, имеет в обоих этих отношениях еще большее преимущество над одинаковой величины капиталом, вложенным в транзитную торговлю»[6]. В этой же связи А. Смит счел даже уместным сформулировать *главную задачу политической экономии* следующим образом: «И главная задача политической экономии каждой страны состоит в увеличении ее богатства и могущества; поэтому она не должна давать преимуществ или оказывать особое поощрение внешней торговле предметами потребления предпочтительно перед внутренней торговлей или же транзитной торговлей предпочтительно перед той и другой»[7].

§ 2. Особенности теоретических разработок

«Богатство народов» А. Смита начинается с проблематики разделения труда вовсе не случайно. На ставшем хрестоматийным примере, показывающем, как в булавочной мануфактуре ***разделение труда*** по меньшей мере трояко* повышает производительность труда, он фактически подготовил «почву» для будущих рассужде-

* Речь идет о повышении квалификации работников, экономии времени при переходе от одной операции (работы) к другой, изобретении машин и механизмов.

ний и споров по многим ключевым теоретическим проблемам политической экономии.

Одной из таких теорий, имевших неоднозначное толкование еще до А. Смита, была ***теория стоимости (ценности) товаров и услуг***. Эта теория впоследствии вплоть до конца XIX в. оставалась центральной теорией экономической науки.

Познакомимся с теорией стоимости А. Смита, вокруг которой более всего полемизировали его последователи и противники. Отметив наличие у каждого товара потребительной и меновой стоимости, первую А. Смит оставил без рассмотрения. Причина здесь в том, что в понятие *«потребительная стоимость»* А. Смит вкладывал смысл полезности не предельной, а полной, т.е. возможность отдельного предмета, блага удовлетворить потребность человека, причем не конкретную, а общую. Поэтому для него потребительная стоимость не может быть условием меновой стоимости товара.

Как заметил в этой связи М. Блауг, «во времена Смита отвергали теорию ценности (стоимости. — *Я.Я.*), основанную на понятии полезности, поскольку казалось невозможным установить количественную связь между полезностью и ценой (стоимостью. — *Я.Я.*) — об этой трудности тогда просто не задумывались. Скорее, в то время просто не видели связи между полезностью в том смысле, в каком мы ее понимаем, и ценой (стоимостью. — *Я.Я.*)»[8].

Отмежевавшись от рассмотрения потребительной стоимости, А. Смит обращается к выяснению причин и механизма обмена, сущности *меновой стоимости*. Он отмечает, что поскольку товары чаще всего обмениваются, то «более естественным является оценивать их меновую стоимость количеством какого-нибудь товара, а не количеством труда, которое можно на них купить». Но уже на следующей странице автор «Богатства народов» опроверг и версию определения стоимости «количеством какого-нибудь товара», подчеркнув, что «товар, который сам постоянно подвергается колебаниям в своей стоимости (имея в виду золото и серебро. — *Я.Я.*), никоим образом не может быть точным мерилом стоимости других товаров». Затем А. Смит заявляет, что стоимость одинакового количества труда рабочего «во все времена и во всех местах» одинакова и поэтому «именно труд составляет их (товаров. — *Я.Я.*) действительную цену, а деньги составляют лишь их номинальную цену».

Что касается смитовской сентенции *о постоянстве стоимости труда,* которая, по сути, означает условие производства каждой единицы товара при постоянных издержках, то она, конечно, не выдерживает никакой критики, так как в зависимости от объема производства удельные издержки, как известно, подвержены изменению. А другой свой *тезис, согласно которому труд «составля-*

ет действительную цену» товаров, А. Смит развивает с двойственных позиций, следуя которым впоследствии одни смитианцы увидели «трудовую» природу происхождения стоимости товаров, а другие — через издержки. Сама же двойственность позиций состоит в следующем.

Автор «Богатства народов» будто бы сделал окончательный вывод, говоря, что *«труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным, мерилом стоимости или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах».* Но буквально через несколько страниц последовали два уточнения. В соответствии с первым из них — только *«в обществе первобытном и малоразвитом,* предшествовавшем накоплению капитала и обращению земли в частную собственность, *соотношение между количествами труда было,* по-видимому, *единственным основанием для обмена их друг на друга»* (курсив мой. — *Я.Я.*). В соответствии со вторым уточнением стоимость определяется как сумма доходов (заработная плата, прибыль и рента), поскольку, как пишет ученый *«в каждом развитом обществе все эти три составные части* в большей или меньшей мере *входят в цену громадного большинства товаров»* (курсив мой. — *Я.Я*)[9].

Итак, по приведенным выше уточнениям, связанным с теорией стоимости (ценности), можно было бы предположить, что А. Смит был склонен не к трудовой теории, а к теории издержек. Но в двойственности его позиции не остается сомнений, когда в главе 8 книги I он утверждает о *трудовом происхождении всех доходов, из которых складывается цена,* а не о сумме издержек, обусловливающих эти доходы как составляющие цены. Ведь, по словам автора «Богатства народов», рента — это «первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли»; прибыль — «второй вычет из продукта труда, затрачиваемого на обработку земли»; заработная плата — «продукт труда», который «составляет естественное вознаграждение за труд»[10].

В числе теоретических проблем, охваченных А. Смитом, нельзя обойти его ***концепцию о производительном труде***. Это важно, несмотря даже на то, что современная экономическая наука отвергает ее основные постулаты. Дело в том, что автор «Богатства народов» вводит в главе 3 книги II понятие производительного труда, сформулировав его как труд, который «увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает», а также *«закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре,* который можно продать и который *существует,* по крайней мере, *некоторое время после того, как закончен труд»* (курсив мой. — *Я.Я.*). Соответственно, непроизводительный труд, по Смиту, — это услуги, которые «исчезают в самый момент их оказания», а труд для вы-

полнения (оказания) которых «ничего не добавляет к стоимости, имеет свою стоимость и заслуживает вознаграждения, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи»[11].

К сожалению, почти все экономисты классической политической экономии (кроме Дж. Мак-Куллоха, Н. Сениора и некоторых других) безоговорочно приняли смитовское разграничение труда на производительный и непроизводительный виды, которое затем от К. Маркса перешло в так называемую марксистско-ленинскую политическую экономию. В этом главная причина того, что в Советском Союзе «источником создания национального дохода считался труд, занятый в сфере материального производства»[12].

Между тем различие производительного и непроизводительного труда по принципу: создает или не создает данный вид труда осязаемый материальный продукт (объект) — имеет не просто идейно-политическое значение. В этом, в частности, особенно убеждают доводы английского экономиста Лайонелла Роббинса в книге «Эссе о природе и значении экономической науки» (1935).

В главе «Предмет экономической науки» указанной работы Л. Роббинс пишет, например, что «современная теория настолько отдалилась от точки зрения Адама Смита и физиократов, что не признает производительным даже труд, создающий материальные объекты, если последние не имеют ценности». На его взгляд, даже «труд оперного певца или балетного танцовщика» должен рассматриваться как «производительный» потому, что он ценится, потому что он обладает специфической ценностью для различных «экономических субъектов», ибо, продолжает ученый, «услуги балетного танцовщика составляют часть богатства и экономическая наука исследует образование цен на них точно так же, как, например, на услуги повара»[13].

Вот, наверное, почему М. Блауг сделал весьма нелицеприятный вывод по поводу теории производительного труда автора «Богатства народов», заявив следующее: «*Разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли. Но при всем критическом отношении к изложению этой идеи у Смита нельзя не признать, что она ни в коем случае не двусмысленна и не нелепа*»[14].

Теория денег А. Смита не выделяется какими-либо новыми положениями. Но, как и другие его теории, она привлекает масштабностью и глубиной анализа, логически аргументированными обобщениями. В главе 5 книги I он отмечает, что деньги сделались общепринятым средством торговли с тех пор, «как прекратилась меновая торговля», но, «подобно всем другим товарам, золото и се-

ребро меняются в своей стоимости». Затем в главе 11 книги I мы видим историко-экономический экскурс в пользу количественной теории денег. Здесь, в частности, говорится, что «труд, а не какой-либо особый товар или группа товаров является действительным мерилом стоимости серебра» (денег. — *Я.Я.*); осуждается меркантилистская система взглядов, согласно которой «национальное богатство заключается в изобилии золота и серебра, а национальная бедность — в их недостаточном количестве»[15].

Однако специально проблематике денег А. Смит посвятил вторую главу книги II. Именно в ней содержится одна из его крылатых фраз: *«Деньги — это великое колесо обращения»*. А высказанное в этой главе положение о том, что «падение курса бумажных денег ниже стоимости золотой и серебряной монеты отнюдь не вызывает падения стоимости этих металлов»[16], конечно, небезынтересно для читателя и в наше время. Наконец, следует подчеркнуть, что автор «Богатства народов» *рассматривает деньги,* как и все классики, не иначе *как техническое орудие для обмена, торговли, ставя на первое место их функцию средства обращения*.

Если говорить о **теории доходов**, то очевидно, что у А. Смита *она базируется исключительно на классовом подходе.* По Смиту, годичный продукт распределяется между тремя классами (рабочие, капиталисты и землевладельцы). При этом, как уже отмечалось выше, экономическое благополучие страны он считал зависимым главным образом от деятельности землевладельцев, а не промышленников. Но справедливости ради надо отметить реплику М. Блауга о том, что первые в глазах А. Смита «непременно моты».

Доход рабочих, **заработная плата**, в смитовском рассмотрении находится в прямой зависимости от уровня национального богатства страны. Достоинство его теории заработной платы состоит прежде всего в том, что в отличие, скажем, от У. Петти, физиократов, а затем и Р. Рикардо он отрицал так называемую закономерность снижения величины оплаты труда до уровня прожиточного минимума. Более того, по его убеждению, «при наличии высокой заработной платы мы всегда найдем рабочих более деятельными, прилежными и смышлеными, чем при низкой заработной плате». Разве что, предупреждает автор «Богатства народов», «хозяева всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой, но постоянной и единообразной стачке с целью не повышать заработной платы рабочих выше ее существующего размера»[17].

Прибыль как доход на капитал определяется, пишет А. Смит в главе 9 книги I, «стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала» и ее не следует путать с заработной платой, устанавливаемой в «соответствии с количеством, тяжестью или сложностью предпо-

лагаемого труда по надзору и управлению». По его мнению, сумма прибыли «предпринимателя, рискующего своим капиталом», — это часть созданной рабочими стоимости, направляемая «на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы»[18].

Еще одному виду доходов — **ренте**, специально посвящена последняя 11-я глава книги I. Она, конечно, гораздо слабее исследована, чем, скажем, у Д. Рикардо, но отдельные положения все же заслуживают внимания. В частности, по Смиту, пищевые продукты являют собой «единственный сельскохозяйственный продукт, который всегда и необходимо дает некоторую ренту землевладельцу». Оригинальна здесь и его подсказка читателю: «Стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка»[19].

В **теории капитала** А. Смита (глава 1 книги II) очевидна его более прогрессивная позиция по сравнению с физиократами. *Капитал характеризуется им как одна из двух частей запасов,* «от которой ожидают получать доход», а «другая часть, — пишет он, — эта та, которая идет на непосредственное потребление». В отличие от физиократов, по Смиту, *производительным является капитал, занятый не только в сельском хозяйстве, но и во всей сфере материального производства.* Кроме того, им *вводится деление капитала на основной и оборотный,* показывается различие в соотношении между этими частями капитала в зависимости от отрасли хозяйства. Основной капитал — и это, не лишне отметить, — по мнению автора «Богатства народов», состоит в числе прочего «из приобретенных и полезных способностей всех жителей или членов общества», т.е. как бы включает в себя «человеческий капитал»[20].

Не осталась не затронутой А. Смитом и **теория воспроизводства**, блистательно впервые введенная до него в научный оборот Ф. Кенэ. Известно, что позицию А. Смита по этой проблематике К. Маркс оценил критически и назвал ее *«баснословной догмой Смита»*. Критика К. Маркса на этот счет действительно значима, поскольку автор «Богатства народов», характеризуя то, из чего состоит подлежащая распределению «вся цена годичного продукта труда», целиком сводит последнюю к доходам, из которых складывается, как он полагает, цена товара. При этом он заявляет так: «Цена всякого товара в конечном счете должна все же сводиться ко всем этим трем частям, так как всякая доля цены должна по необходимости оказаться чьей-либо прибылью»[21]. Иными словами, по Смиту, *речь идет не о расширенном, а о простом воспроизводстве,* при котором потребление исключает накопление на возмещение стоимости (амортизацию) средств производства.

Вопросы и задания для контроля

1. Раскройте особенности предмета изучения А. Смита.
2. В чем сущность концепции А. Смита об «экономическом человеке» и «невидимой руке»?
3. Какие положения обосновывает А. Смит в своей теории разделения труда?
4. Какие классы выделял в обществе А. Смит? Сравните его позицию по этой проблеме с физиократической.
5. Покажите противоречивость трактовок А. Смита по поводу категории «стоимость».
6. Как формулирует А. Смит сущность производительного и непроизводительного труда? Какова роль этой теории в экономической науке?
7. Прокомментируйте высказывание А. Смита о том, что «деньги — это великое колесо обращения».
8. Охарактеризуйте теоретические позиции А. Смита о заработной плате, прибыли, ренте и капитале.
9. Сравните теории воспроизводства Ф. Кенэ и А. Смита и раскройте суть «Баснословной догмы Смита».

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Адам Смит. М.: Молодая гвардия, 1968.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Роббинс Л. Предмет экономической науки //THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып.1.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: Алгон, 1992.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. 1–2 кн. /Антология экономической классики. Т.1. М.: Эконов, 1993.

Приложение

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ — ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ А. СМИТА (Н.С. МОРДВИНОВ, А.К. ШТОРХ, М.М. СПЕРАНСКИЙ)*

Мордвинов Н.С. (1754—1845)

Николай Семенович Мордвинов — экономист, государственный и общественный деятель, родился в 1754 г. в Новгородской губернии, в родовом имении дворян Мордвиновых. Очень рано был определен отцом-адмиралом на службу во флот; стал адмиралом в 1799 г. и графом в 1834 г.; пережил пятерых русских царей. В двадцатилетнем возрасте Н.С. Мордвинов был послан на учебу в Англию, где пробыл три года, совершенствуясь в морской службе. В 1792 г. занял место председателя Черноморского адмиралтейского правления, однако вскоре вынужден был уйти в отставку. После воцарения на престол Александра I Н.С. Мордвинова активно привлекали к обсуждению важнейших государственных дел; с образованием министерств в 1802 г. он стал морским министром, но через три месяца отказался от поста. С созданием по инициативе М.М. Сперанского Государственного совета в 1812 г. был назначен его членом и председателем департамента экономии. Последовавшая вскоре ссылка М.М. Сперанского, с которым Н.С. Мордвинов сотрудничал в разработке различных реформ, заставила его уйти в отставку и уехать в Пензу. По возвращении в Петербург в 1816 г. он занял прежнее место, но через два года ушел в отставку и на два года уехал за границу. Вернувшись, он возглавил департамент гражданских и духовных дел Государственного совета, одновременно будучи членом финансового комитета и комитета министров. В 1823—1840 гг. Н.С. Мордвинов был президентом Вольного экономического общества. В 1826 г. он был единственным из членов Верховного уголовного суда, не подписавшим смертного приговора декабристам.

Н.С. Мордвинов был разносторонне образованным человеком, знал шесть иностранных языков, серьезно занимался философией, историей, экономической наукой и т.д. Будучи «англофилом», поклонником английской политической системы, он ратовал за расширение политических свобод, предлагая создать слой богатой аристократии (путем раздачи дворянам казенных земель), наделенной широкими политическими правами. В отличие от М.М. Сперанского проведение политических реформ он ставил на первое место, отодвигая социальные реформы на будущее. Во многом это было связано с тем, что Н.С. Мордвинов отстаивал неприкосновенность крепостного права, защищая право продажи крепостных без земли. Единственным способом унич-

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С. 23—44.

тожения крепостного права он считал выкуп крестьянами личной свободы, но без земли и за очень высокую по тем временам цену — 2000 руб. Хотя Н.С. Мордвинов сочетал в одном лице «либерала на английский лад и русского крепостника», его записки по различным вопросам хозяйственной жизни тогдашней России, полные здравых идей и предложений, направляемые им в Государственный совет, в десятках и сотнях копий расходились в Петербурге и даже в провинции.

Н.С. Мордвинов был убежден, что истинное просвещение и богатство возможны только в свободной стране. «Более 40 млн душ народа составляют рабы казны и дворянского сословия. *Ум и руки рабов неспособны к порождению народного богатства. Свобода, просвещение, собственность и правосудие* — суть существенные и единственные источники оного». «Дайте свободу мысли рукам, всем духовным и телесным качествам человека, предоставьте всякому быть тем, чем его Бог сотворил, и не отнимайте то, что кому природа особенно даровала. *Мера свободы есть мера приобретаемого богатства*. Учредите общественную пользу на пользе частной». Однако эти благородные слова расходились у Н. Мордвинова с его позицией по крестьянскому вопросу. Как отмечалось выше, он считал тогдашнее стремление к полному освобождению крестьян без выкупа несвоевременным.

В первые десятилетия XIX в. идеи А. Смита о свободной торговле и об отрицании государственного вмешательства были широко распространены в России; по выражению русского историка экономической мысли В.В. Святловского, «А. Смит был венчанный глава юной политической экономии». Будучи сторонником свободной торговли, Н.С. Мордвинов писал, что «всякая препона, всякое стеснение свободы в торговле неизбежно ущербляют полноту предлежащего приобретения богатств». Однако это не помешало ему выступить против некоторых идей А. Смита, поставив ему в упрек то, что «он в своей теории весьма далеко ушел от практической жизни». Задолго до немецкого экономиста Ф. Листа и в противовес А. Смиту Н.С. Мордвинов обосновывал необходимость промышленного протекционизма для России. По словам В.В. Святловского, «как экономист, Н.С. Мордвинов заслуживает названия русского Ф. Листа, опередив создателя «национальной» системы политической экономии на целую четверть века. Оригинальность и глубина экономических воззрений Н.С. Мордвинова была, впрочем, понята за границей, где имя его пользовалось известностью». Экономическая программа Н.С. Мордвинова во многом совпадала с программой известного экономиста петровского времени И.Т. Посошкова, хотя работу последнего он мог прочитать всего за три года до смерти. Н.С. Мордвинов занимался также вопросами денежного обращения, госбюджета, создания и деятельности банков; теоретически обосновал необходимость девальвации рубля и подготовил денежную реформу 1839—1843 гг. Развитию банковского дела посвящена его работа «Рассуждения о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (1816).

На источники богатства Н.С. Мордвинов смотрел шире, чем многие из современников: «Только просвещение — начало народного богатства. Не руки человека дают плодородие земле, не ими процветают художества, торговля, промышленность; не ими умножаются и взрастают денежные капиталы; ум и наука суть истинные орудия богатства».

В работе «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815) Н.С. Мордвинов выступал за создание в России развитой промышленности. Поводом к изданию этой работы был выход книги Г. Шторха (H. Storch), первого в России сторонника и пропагандиста идей А. Смита, который преподавал политэкономию великим князям и потому имел немалое влияние в тогдашнем обществе. Н.С. Мордвинов приводит слова Г. Шторха о том, что «Россия есть бедная страна; работа русского не прибыточна; польза России требует уступления прав рукоделия и торговли богатейшим ее державам; Россия в ее нынешнем положении не должна и не возможет выйти из зависимости чуждых народов». На это Н.С. Мордвинов решительно возражал следующим образом: «Никакой народ в Европе не шел столь быстрыми шагами к усовершенствованию во всех родах, как Россия. Настоящий недостаток и несовершенство наших фабрик не есть еще доказательство, чтоб они не могли существовать в России». И еще: «Можно не обинуясь сказать, что Россия отстала от прочих народов в обогащении потому, что предпочитала доселе сельские занятия городской промышленности».

Н.С. Мордвинов является автором многочисленных проектов, записок и мнений: «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (1816); «О мерах улучшения государственных доходов» (1825); «О причинах всегда скудных и часто совершенных неурожаев в России, как хлеба, так и корма для скота» (1839) и др. Все эти работы опубликованы в сборнике: «Архив гр. Мордвиновых» (1901—1903, т. 1—10); см. также: Мордвинов Н.С. Избранные произведения (М., 1945).

Ниже приводятся отрывки из работы Н.С. Мордвинова «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе», в которых обосновывается необходимость развития промышленности в России и введения протекционистских мер по ее защите от внешней конкуренции.

Мордвинов Н.С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе / Избранные произведения. М., 1945. С. 73—116.

Народ, имеющий у себя в совокупности земледелие, мастерства, фабрики, заводы и торговлю, процветает, благоустрояется и обогащается вернее и скорее, нежели народ, имеющий одних токмо земледельцев да купцов, покупающих необработанные произведения. Последний шествует к благосостоянию самыми медленными шагами, коснит в бедности и всякого рода недостатках и, что важнее всего, не может быть

народом свободным, ибо зависит от других держав по удовлетворению первейшим его нуждам; зависит одеждой, обувью и наслаждением вкусов, коим себя привычкой уже поработил, не пользуется политической свободой, нужной всякому народу, желающему быть властелином и независимым на своей земле; лишен той степени уважения от иных земель, на которую каждый независимый народ имеет право; подчиняет себя руководству и воле соседей своих и должен нередко угождать прихотливым требованиям союзных с ним держав (с. 79).

Итак, российский народ, если желает достигнуть полного своего благосостояния, не должен оставаться единственно при обрабатывании полей своих; но будучи понятен ко всему и в высочайшей степени деятелен, должен с тем вместе и нераздельно быть и рукомесленным. Сего требует самая природа, самый климат, самая обширность занимаемого им в известном мире пространства (с. 85). В заключение приведем вкратце на вид существеннейшие пользы от удержания запретительной системы (тарифов). Оные суть:

I. Капиталы денежные, употребляемые на производство иностранной торговли, оставаясь праздными внутри государства, обращаются на внутреннюю промышленность и домашнее рукоделие.

II. Временная дороговизна, неизбежная при начале воспрещения, увеличивает прибыли, получаемые от домашнего рукоделия, которые и служат возбуждением к распространению оного; служат деятельнее, нежели какие б награды правительство могло от себя даровать им в поощрение.

III. Плата, производимая за труд иностранный, за работу, перевозы и прибыль, иностранными торговцами получаемую, остается в государстве и составляет знатный денежный капитал, превосходящий потребные для заведения фабрик издержки.

IV. Отвращает предрассудки и пристрастия к чужеземным изделиям, сопряженные со вредом для собственных своих.

V. Уменьшает роскошество или умеряет вредное действие и быстрое возрастание оного.

VI. Снимает узы, связующие распространение внутреннего труда, искусства и просвещения; отъемлет действие законов, существующих в иностранных державах; освобождает от порабощения правилам и учреждениям воспретительной системы, принятой другими державами.

VII. Возвышает политическую свободу ослаблением зависимости, в коей необходимо находится народ, не могущий сам собою удовлетворять собственные потребности.

VIII. Способствует и ускоряет введение просвещения, искусств, всякого полезного и прибыльного труда и служит к обогащению народному.

IX. Удерживает иностранный курс (валюты) от упадка и тем сохраняет великие сокровища, при упадке оного выходящие за границу.

X. Уготовляет впредь дешевизну на все, внутри государства производимое.

XI. В настоящее время удерживает от дальнейшего упадка ассигнации и умеряет дороговизну, которая должна увеличиться, как скоро курс иностранный упадет, что и последует неминуемо по разрешении неограниченного ввоза иностранных изделий в Россию (с. 115—116).

Шторх А.К. (1766—1835)

Андрей (Генрих) Карлович Шторх родился в Риге, образование получил в Йенском университете в Германии (1784—1787). В 1787 г. познакомился с графом Н.П. Румянцевым, пригласившим его в Россию. Приняв это приглашение, А. Шторх с 1787 г. до конца своей жизни жил в Санкт-Петербурге, где сначала преподавал историю и словесность в Кадетском корпусе. В 1789 г. оставил преподавание и занял должность начальника департамента иностранных дел. С 1799 г. в течение 20 лет был преподавателем и наставником детей императорской фамилии. Член-корреспондент с 1796 г., ординарный академик с 1804 г. (А. Шторх стал первым действительным членом Академии наук среди российских экономистов и статистиков), вице-президент АН в 1830—1835 гг. По поручению Александра I, а затем Николая I А. Шторх принимал участие в работе разных правительственных комитетов. Он был членом 21 академии и научных обществ. Участвовал в составлении и выпуске «Систематического обозрения литературы в России с 1801—1806 гг.» (ч. 1—2), которое положило начало российской книжной статистике.

В своей ранней работе «Historisch-statistisches Gemalde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts» (T. 1—8, Riga — Lpz., 1797—1803) («Историко-статистическая картина Российского государства») А. Шторх дал довольно подробное описание хозяйственного строя тогдашней России. Эта книга по праву считается одним из основных источников по экономической истории России в XVIII в. Продолжением этого исследования являются 27 выпусков работы «Russland unter Alexandr I» («Россия при Александре I») (СПб., 1803—1811). В этих работах А. Шторх выступал за ускорение промышленного развития России, пытаясь ответить на вопросы: «Почему русская нация вечно должна находиться в зависимости от индустрии других народов? Почему она должна вечно только производить сырье и предоставлять другим народам выгоду переработки своих продуктов, которые она потом должна покупать по удесятеренной цене?»

В 1815 г. на французском языке А. Шторх опубликовал шеститомный «Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие» (Cours d'economie politique ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations») (T. 1—6, StPb, 1815), который был частично опубликован по-русски только в 1881 г. Первый том включал «Введение» («Размышления об основании и пользе политической экономии»), и три книги «О производстве», «О накоплении» и «О первоначальном распределении годового произведения или о доходах». Второй том включал продолжение книги 3 и книгу «О

вторичном распределении годового произведения или об обращении». В третий том входили книги «О деньгах» и «О кредите», а в четвертый — книги «О потреблении» и «Об успехах в увеличении народного богатства». Два следующих тома (5 и 6) посвящены изложению «теории цивилизации».

В 1881 г. И.В. Вернадский перевел на русский язык первый том «Курса» и часть второго тома (продолжение книги 3), снабдив их своими комментариями («заметками»), остальные тома так и остались непереведенными и неизданными по-русски.

Во введении к курсу, размышляя «о пользе политической экономии», А. Шторх критиковал «новейших писателей», которые, занимаясь политической экономией, «исключительно направляли свои наблюдения на причины народного богатства и совершенно оставили без внимания причины цивилизации или просвещения. Элементы, из которых слагаются богатства и просвещения, имеют то общее, что состоят из *ценностей:* этим тождеством их природы они образуют один предмет для умозрения и потому и прилично соединить в одной науке законы, которыми они управляются» (с. 17).

А. Шторх был одним из первых в России пропагандистов экономических идей А. Смита, хотя и не принял некоторые из них, в частности теорию трудовой стоимости и положения о производительном и непроизводительном труде. Будучи сторонником теории полезности, он считал, что «ценность предметов состоит в их относительной пользе, признанной лицами, которые употребляют их для удовлетворения потребностей» (с. 23). «Ценность рождается из *потребностей* человека и из *годности* предметов, и *суждению* предоставляется открывать отношение, существующее между этими двумя элементами» (с. 24). «Между ценностями, могущими войти в наше обладание, одни — *материальные* — состоят из предметов, вне нас находящихся; другие — *нематериальные,* т.е. не подпадающие нашим чувствам; они образуют нашу нравственную собственность и составляют часть нашего существа. Эти два разряда ценностей можно отметить именами — *внешних благ* и *благ внутренних»* (с. 43).

Учение о нематериальных (невещественных) услугах, благах и капиталах как об органической части политической экономии является наиболее оригинальной частью работ А. Шторха. Он упрекал А. Смита за то, что тот ограничил политэкономию только изучением богатства (т.е. материальных вещей), не включив в нее цивилизацию (т.е. внутренние блага). Исходной точкой разработанной А. Шторхом теории цивилизации была теория полезности. «Мы понимаем под именем внутренних благ все нематериальные продукты природы и человеческого труда, за которыми мнение признает полезность и которые могут образовать моральную ответственность человека» (Курс, т. 5, с. 8). К первичным внутренним благам относятся способности человека и все то, что служит непосредственно для развития и усовершенствования последних: здоровье, ловкость, знания, вкус, нравственность и

религия. Вторичные блага не имеют отношения к способностям человека, но являются совершенно необходимыми предпосылками для сохранения и развития последних; это прежде всего безопасность и досуг (Курс, с. 9—10).

Совокупность вещественных (материальных) благ А. Шторх называл народным (национальным) богатством, совокупность невещественных благ — национальной цивилизацией, а совокупность тех и других — «народным благоденствием» (благосостоянием) (с. 44). По его мнению, главные невещественные блага могут накопляться и обращаться, как и вещественные. Отсюда он делал вывод, что труд людей, создающих невещественные блага (учителей, врачей, чиновников и др.), носит производительный характер, как и труд земледельца или фабричного рабочего. Если, по А. Смиту, все, кто производит услуги, живут за счет крестьян и промышленных рабочих, то, по мнению А. Шторха, с тем же основанием можно утверждать, что крестьяне и промышленные рабочие живут за счет тех, кто обеспечивает их безопасность, снабжает их знаниями и заботится об их здоровье. В состав народного дохода он включал и продукты «духовного труда».

А. Шторх считал, что источником богатства является не сокращение потребностей («бережливость», о которой писал А. Смит), а, напротив, возможность их удовлетворения, поскольку сокращение потребностей ведет к одичанию и бедности, тогда как с умножением потребностей растет и производительность труда. А. Шторх полагает, что сбережение, являющееся единственным источником накопления капитала, должно играть такую же роль и в отношении нематериальных капиталов. «Единственное средство увеличить цивилизацию народа заключается в таком употреблении внутренних благ, при котором их использование приводило бы к созданию новых благ с тем, чтобы их расширение и умножение превосходило потери тех благ, которые вызваны смертью обладателей».

Особое внимание А. Шторх уделял услугам государства, связанным с обеспечением безопасности, которая состоит «в удалении всего того, что может возмущать или затруднять свободное употребление личных способностей гражданина и тех предметов, которые сделались его собственностью, или, другими словами, она обеспечивает его права естественные или благоприобретенные. Сила власти государственной измеряется народным *благосостоянием,* т.е. просвещением и богатством граждан» (с. 3).

А. Шторх был противником крепостного права, которое он отождествлял с рабством, противоречащим естественным законам. Раб или крепостной, считал он, не является объектом изучения политэкономии: «Политическая экономия признает в человеке свободное существо, движимое своей собственной волей» (с. 73). А. Шторх не удовлетворялся чисто экономической критикой крепостного права, привлекая к этой критике весь аппарат своей теории цивилизации. По его мнению, крепостное право отрицательно влияет не только на рост

материального богатства, но и на развитие внутренних благ, знаний и наук. Кроме того, рабство оказывает развращающее влияние на нравы как господ, так и рабов. «Отсутствие безопасности, которому подвержен раб, делает его склонным к тому, чтобы становиться ленивым, беспечным, вором, расточителем, пьяницей. С другой стороны, тот, кто может добиться всего, захочет часто зла; при безграничной власти ему трудно будет удержаться в границах справедливости и честности» (Курс, т. 5, с 287).

Доказывая преимущества свободного труда перед крепостным, А. Шторх вместе с тем считал, что сельское хозяйство России может успешно развиваться и при крепостном праве, поскольку в России «многие крестьяне работают в свою пользу, платя господам оброк, даже барщинные крестьяне получают пропитание большим трудом, который иногда ведет их к довольству».

По словам историка экономической мысли В. Святловского, А. Шторху «принадлежит та замечательная гипотеза», что вся политическая русская эволюция покоится на экономическом базисе строго определенного характера, а именно на торговле. По мнению А. Шторха, торговля была для России той основной движущей силой, которая создала и культуру, и города, и самое русское государство. При этом торговля носила в основном транзитный характер. Будущее России А. Шторх связывал с развитием производства. Он отмечал, что за последнее столетие («со времен Петра Великого») «капитал России замечательно увеличился». «Но не менее справедливо и то, что он вырос бы еще больше, если бы все классы жителей этой обширной Империи пользовались обеспечением собственности и свободой употреблять по собственному усмотрению свои личные способности и капиталы. Классы, наиболее способствующие у нас умножению народного богатства посредством экономии, — это промышленные предприниматели, в особенности из среднего сословия. Все правительственные меры, способствующие тому, чтобы сделать многочисленнее этот полезный класс граждан и освободить их от всевозможных стеснений при употреблении их капиталов, неизбежно способствуют успехам и умножению народного каптала» (с. 141).

В течение ряда лет А. Шторх полемизировал с французским экономистом Ж.Б. Сэем, доказывая производительный характер труда в нематериальном производстве. Этой полемике посвящена его книга «Consideration sur la nature du revenu national» («Соображения о природе национального дохода»), вышедшая в 1824 г. в Париже в ответ на публикацию Ж.Б. Сэем шеститомного «Курса...» А. Шторха со своими критическими комментариями. В 40-х гг. XIX в. почти повсеместно в научном мире Европы была признана победа А. Шторха в этом теоретическом споре. Учение А. Шторха о нематериальном (нравственном) капитале получило широкое распространение в русской экономической литературе XIX в., в частности в учебниках политэкономии Т. Степанова, А. Бутовского, И. Горлова.

Сперанский М.М. (1772—1839)

Михаил Михайлович Сперанский родился в 1772 г. (эта дата была установлена через много лет после его смерти; сам он считал днем своего рождения 1 января 1771 г.) в д. Черкутино Владимирской губернии (владении графа Н.И. Салтыкова), в семье иерея сельской церкви, не имевшего даже родового прозвища. Свою фамилию М. Сперанский (от лат. Sperare — надеяться) получил во время учебы во Владимирской семинарии, которую закончил в 1790 г. Как лучший ученик он был отправлен на учебу в Александро-Невскую семинарию в Санкт-Петербурге, которая в то время выполняла функции духовной академии. По окончании обучения в 1792 г. был оставлен в семинарии в качестве преподавателя математики, а затем физики, красноречия и философии.

В 1796 г. по рекомендации ректора семинарии молодой преподаватель был приглашен князем А.Б. Куракиным в качестве домашнего секретаря для ведения переписки. После некоторых колебаний 2 января 1797 г. М. Сперанский был зачислен в канцелярию генерал-прокурора с чином титулярного советника. С этого момента начинается его стремительное восхождение по ступеням чиновничьей карьеры: всего за четыре с половиной года (до июля 1801 г.) он прошел путь от домашнего секретаря знатного вельможи до видного сановника Российской Империи с чином действительного статского советника, который соответствовал воинскому званию генерала. Конечно, немалую роль в этом восхождении сыграли тогдашние обстоятельства (особенно убийство императора Павла I и восшествие на престол Александра I), хотя, безусловно, не следует сбрасывать со счетов государственный ум и дарования самого М. Сперанского, «фактическое влияние которого на ход государственных дел всегда превышало рамки его должности». 1802—1807 гг. — годы работы М. Сперанского в Министерстве внутренних дел являются наиважнейшим периодом его жизни, годы напряженной работы и «прелюдии его славы». С конца 1807 г. начинается сближение М. Сперанского с императором Александром I, который назначал его членом различных комитетов и комиссий, а 1 января 1810 г. — государственным секретарем вновь созданного Государственного совета. Вплоть до конца 1811 г. М. Сперанский был самым влиятельным среди российских сановников лицом, воздействие которого на ход государственных дел было почти всеобъемлющим. В этот период его главная задача состояла в реформе политического строя России. В конце 1808 г. Александр I поручил ему составить общий план преобразования общественно-политического строя России. К началу октября такой план был составлен, получив название «Введение к Уложению государственных законов». В нем было предложено расчленить всю систему управления на три части: законодательную, исполнительную и судебную. Функцию согласования деятельности различных частей управления М. Сперанский предлагал передать Государственному совету, а не императору, что фактически ограничивало самодержавную власть. Вме-

сте с «Введением» М. Сперанский представил императору проект самого уложения под названием «Краткое начертание государственного образования», а также «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам».

С первых шагов осуществления плана намеченных преобразований М. Сперанский столкнулся с яростным сопротивлением и открытой враждебностью со стороны аристократии и высшего чиновничества. Между тем сам М. Сперанский не сделал ни малейшей попытки ознакомить с проектами реформ широкие круги тогдашней общественности, показать истинные цели и смысл своей деятельности, полагаясь исключительно на верховную политическую власть. По словам Н. Тургенева, «он слишком верил во всемогущество приказов, бумажных циркуляров и во всесилие формы».

Упорно распространявшиеся слухи, а также доносы о том, что М. Сперанский якобы предал Россию Наполеону и что предлагавшиеся им меры сознательно направлены против интересов России, привели к тому, что в марте 1812 г. М. Сперанский был сослан в Нижний Новгород, где находился под надзором полиции. При этом ему не было предъявлено никаких обвинений и даже не был издан указ о его смещении. В 1816 г. он был «прощен» и назначен пензенским губернатором, а затем сибирским генерал-губернатором. В 1821 г. М. Сперанский был возвращен в Петербург и до конца жизни занимал высокие посты в чиновной иерархии. Он руководил работами по подготовке Свода законов, читал наследнику престола — будущему Александру II лекции по правоведению и политическим наукам. При его участии в Петербурге открывается училище правоведения, он также способствовал созданию Киевского университета Св. Владимира. 1 января 1839 г. — в день своего рождения — М. Сперанский получил титул графа. Произошло это незадолго до его скоропостижной кончины 1 февраля 1839 г.

М. Сперанский утверждал, что «всякая страна имеет свою физиогномию, природою и веками ей данную, что хотеть все переделать есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений; что часто и самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются; что, во всяком случае, не народ к правлению, но правление к народу прилагать должно».

В записке «О постепенности усовершения общественного» М. Сперанский писал: «Одно из главных правил лиц управляющих должно быть знать свой народ, знать время. Теории редко полезны для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий». По его мнению, «истинный преобразователь общества — скорее, Садовник, нежели строитель», а «общество человеческое не есть здание, каковое обновить можно враз, перестроив своды, перебрав стены, но более походит на сад, для обновления которого тот много сделал, кто умел избрать и наладить первый корень, хотя одно время и стечение может взрастить древо».

Ниже предлагаются материалы, в которых отражаются главным образом экономические взгляды М. Сперанского. Хотя экономические идеи М. Сперанского во многом были связаны с учением А. Смита, он не до конца разделял его положение о невмешательстве государства в хозяйственную деятельность. В записке 1803 г. «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» есть специальный раздел о «государственной экономии», в котором указывается на «разные способы к ободрению земледелия, к управлению мануфактур, коммерции, промыслов и заводов». Введенный М. Сперанским в 1810 г. таможенный тариф носил ярко выраженный протекционистский характер.

В небольшой записке «О движениях народной промышленности и влиянии их на разные классы народа», опубликованной в статье В.Л. Полякова, М. Сперанский писал: «От унижения и бедности низшего класса, массы народа происходит то примечательное последствие, что скопляющиеся в высших классах капиталы остаются или мертвыми, или производят мало пользы, не имеют обращения. Есть что давать взаймы, но занимать некому; есть произведения, но покупать некому. Ничто не имеет движения; потребность весьма скоро пресыщается и пресекается, а с ней вместе останавливается или пресекается и произведение».

В отрывке «О духе промышленности и земледелия» он писал: «...почему дух промышленности ищет обыкновенно свободы? Дух промышленности есть дух предприятий, основанных на расчете вероятностей. Он предчастен к расчету и нечувствительно вдается во все классы, во все соображения жизни. Расчет становится постоянным, и, понятно, он постепенно объемлет весь уровень состояний: то и пользуется духом времени». Стремясь к всемерному развитию частной инициативы и предприимчивости, М. Сперанский считал целесообразным создание главным образом частных промышленных предприятий и ликвидацию казенных мануфактур, рудников, соляных промыслов как малодоходных и не приносящих необходимой прибыли.

В записке «О крепостных крестьянах» М. Сперанский пишет о «постепенном переходе из крепостного в свободное состояние», связывая это с тем, что «по мере (роста) населения возвышается цена на земли, умножается количество рук, умеряется цена вольных работ и работы принужденные теряют свое преимущество» (План государственного преобразования, 1905, с. 29). М. Сперанский был сторонником мелкой крестьянской собственности, не одобряя системы наемных рабочих, при которой «крестьяне не имеют твердой оседлости». По его словам, «участь крестьянина, отправляющего повинности по закону и имеющему в возмездие свой участок земли, несравненно выгоднее, нежели положение бобылей, каковы суть все рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах» (там же, с 59).

Основой для изложения финансовой теории М. Сперанского должен служить его знаменитый «План финансов» (1809) и «Записка о монетном обращении» (1839), в которой подводятся итоги его 30-лет-

него опыта борьбы за финансовую реформу. В «Плане финансов» М. Сперанский выдвигал прогрессивные для своего времени идеи в области денежного обращения, предлагал перестроить налоговую систему, ликвидировав ее феодальный характер. В области денежного обращения М. Сперанский выступал за прекращение выпуска ассигнаций и постепенную их замену металлическими (серебряными) деньгами, которые дополнялись бы разменными банкнотами, выпускавшимися специальными банками соответственно реальным потребностям хозяйства, поскольку одни металлические деньги не в состоянии удовлетворить все потребности «частных и общественных дел». Что касается количества бумажных денег, то их, по мнению М. Сперанского, должно быть ровно столько, «сколько есть капиталов в купле и мене способных, сколько есть кредитных бумаг». Под «капиталом» он понимал все, что может быть «обращено в мену и куплю».

В зависимости от обеспечения М. Сперанский делил кредитные деньги на четыре группы: кредитные деньги, обеспеченные (1) серебром, (2) медью; (3) товарами и недвижимым имуществом (в векселях, закладных и заемных бумагах), (4) предложением капиталов. Он специально подчеркивал преимущества третьей группы кредитных денег и сформулировал основной принцип кредита: достоверность кредитных бумаг зависит от верности залога. В разделе «О превращении ассигнаций в другие кредитные деньги» М. Сперанский признавал важность обмена ассигнаций на кредитные деньги, основанные на серебре. Для «устройства постоянной монетной и кредитной системы» он предлагал погасить ассигнации путем выпуска 5-процентного займа на основе серебра на 10 лет на сумму в 25 млн руб. При успехе этого займа следовало на тех же условиях выпустить второй, а при неудаче второй заем провести в виде лотереи. Выпускать займы рекомендовалось до «уравнивания ассигнаций серебром».

М. Сперанский решительно выступал за поддержание бюджетного равновесия, считая, что «главное расстройство в финансах — есть несоразмерность расходов с приходами». И далее: «Соразмерность восстанавливается двумя способами: сокращением издержек и преумножением доходов» (План финансов, 1885, с. 2). Сокращать издержки предлагалось, руководствуясь правилом: необходимые издержки сохранить, полезные отложить, а излишние вовсе прекратить. К необходимым он относил издержки, связанные с обеспечением «безопасности государства, как внешней, так и внутренней», а также издержки, отсрочка которых может вызвать большие убытки, и издержки, без которых не может действовать управление. К излишним он относил издержки, которые «служат к одному великолепию, к украшению, к оказанию щедрости, польза от которых сомнительна».

Реализация той части финансового плана М. Сперанского, которая предусматривала сокращение государственных расходов, привела к тому, что дефицит государственного бюджета России сократился с 105 млн руб. в 1809 г. до 6 млн в 1811 г., а доходы госбюджета возросли до

300 млн руб. М. Сперанский впервые в российской истории внес начала отчетности и проверки финансового состояния страны. При нем впервые государственный бюджет обсуждался Министерством финансов и Государственным советом, что, безусловно, способствовало ограничению расточительства и произвола в финансовых делах.

В области налоговой политики М. Сперанский исходил из того, что «все вообще налоги бывают правильны: 1) когда они не осушают источников внутреннего богатства; 2) когда распределяются уравнительно; 3) когда не прикасаются к капиталам, для произведения нужным, но отделяются от чистых прибытков; 4) когда образ взимания их для правительства дешев, а для честных людей не притеснителен». Подушную подать М. Сперанский предлагал заменить поземельным и подоходным налогами, ввести налог на дворянство, которое в то время не платило никаких налогов. Натуральные трудовые повинности крестьян (гужевую, дорожную и др.) предлагалось заменить денежными податями. При этом М. Сперанский исходил из того, что принудительный труд весьма непроизводителен и особенно ненавистен для тех, кого принуждают.

В «Записке о монетном обращении», представленной в самом начале 1839 г., менее чем за месяц до своей смерти, М. Сперанский теоретически обосновал необходимость денежной реформы, которая впоследствии была проведена министром финансов Е. Ф. Канкриным. Эта работа была опубликована в 1895 г. под названием «Записка о монетном обращении Графа Сперанского с замечаниями Графа Канкрина» (СПб.). В ней М. Сперанский писал:

«Богатство государства образуется и возрастает трудом.

Труд возрастает и расширяется посредством свободного обращения его произведений.

Произведения труда обращаются посредством мены.

Мена совершается редко натурою, а большей частью посредством денег.

Деньги (монета) в собственном смысле имеют двоякое достоинство: внутреннее, как товар, и *внешнее,* как условленный правительством замен всех натуральных податей и сборов.

Таковы суть металлы: золото, серебро, медь.

Круг обращения их есть повсеместный; они суть монета ходячая, внутри государства — по внешнему их достоинству, а вне его — по внутреннему.

Но ни в каком благоустроенном государстве металлические деньги одни не могут удовлетворить всем потребностям частных и общественных дел. Для сего надлежало бы, не говоря уже о частных людях, самому Правительству содержать в запас двойной или тройной годовой запас его доходов. Отсюда возникла необходимость, сверх монеты металлической, иметь еще другие вспомогательные средства мены. Сии средства суть ассигнации и кредитные бумаги» (с. 5).

Нормальными деньгами М. Сперанский считал только металлические деньги. С ними неразрывно связаны «истинные кредитные деньги»,

разменные на металл (серебро). Что касается ассигнаций, то они — «суть бумаги, основанные на предположениях. Не имея никакой собственной достоверности, они суть не что иное, как сокрытые долги», а их выпуск есть «совершенно неопределительный налог, потаенно налагаемый». С особой силой этот налог поражает «класс людей недостаточных». Кроме того, он наносит существенный вред промышленности и ежегодно уменьшает сумму общественного капитала, что в конечном счете сдерживает развитие производительных сил: «Капиталисты не хотят отваживать своих капиталов, а потому предприимчивость труда ослабевает и некоторые ее ветви совсем остаются без удобрения» (План финансов, с. 38—40).

Наряду с ассигнациями, «билеты кредитные составляют второй вид средств, вспомогательных в монетном обращении. Сюда принадлежат: а) все частные денежные обязательства, как-то: векселя, заемные письма и проч.; б) билеты банковые; в) билеты Казначейства» (Записка, с. 6). Кредитные деньги, по мнению М. Сперанского, отличаются от ассигнаций тем, что «сила их утверждена на платеже, а достоверность платежа — на законе взыскания. Чем строже сей закон, тем он действительнее, тем ближе они подходят к наличной монете и тем вернее ее заменяют. Круг обращения их может быть внутренний и внешний. Пространство его зависит от доверия к лицу и закону» (там же).

М. Сперанский одним из первых обосновывал необходимость создания в России центрального банка, который был бы освобожден от чрезмерной зависимости от правительства. Кроме того, он предлагал заменить дворянские банки долгосрочного кредита, выдававшие ссуды под залог «ревизских душ», новыми частными банками, созданными на акционерных началах, которые выдавали бы кредиты на развитие промышленности и сельского хозяйства под залог недвижимого имущества.

Финансовые идеи М. Сперанского, выдвинутые им для обоснования денежной реформы, были поворотным пунктом в истории управления русскими финансами и в экономическом мышлении. Американский профессор М. Раэфф, автор книги о М. Сперанском, считает, что его финансовые идеи опережали взгляды большинства западноевропейских экономистов тогдашней эпохи и шли в том же направлении, что и предложения английских теоретиков и практиков первой четверти XIX в.

Глава 9. Классическая политическая экономия в трудах смитианцев постманufактурного периода

Изучив эту главу, вы будете знать:

- как развивалась классическая политическая экономия в условиях индустриализации производства и дальнейшей либерализации экономики;
- в чем состоит новизна теоретического осмысления категорий «стоимость», «заработная плата», «прибыль» и «рента» в трудах классиков-смитианцев постманufактурного периода;
- почему «центральная проблема, ставящаяся Рикардо, а именно: как изменения относительных долей в продукте земли, труда и капитала связаны с нормой накопления капитала, остается одним из непреходящих предметов интереса для современных экономистов» (М. Блауг);
- насколько «закон рынков Сэя» корреспондируется с постулатом смитовской «невидимой руки»;
- в самом ли деле, «если бы только труды Мальтуса, а не Рикардо послужили исходным пунктом для последующего развития экономической науки XIX в., насколько мудрее и богаче был бы мир сегодня» (Дж.М. Кейнс), или все же после Д. Рикардо «все теоретики вплоть до появления теории предельной полезности действительно являются "школярами"» (Й. Шумпетер).

С конца XVIII и до середины XIX в. в экономике многих стран мира произошли существенные изменения, связанные со становлением индустриального производства, необходимой предпосылкой для которого был *промышленный переворот*. Это событие, происходившее во всех странах в тот или иной период времени, ознаменовало замену ручного труда машинным, *переход от мануфактур к заводам и фабрикам, создание рыночной инфраструктуры*. Качественные изменения в экономике обусловили небывало высокие темпы экономического развития и еще более укрепили веру экономистов уже новой постманufактурной эпохи во всесилие идей экономического либерализма, воспетых их кумиром — Адамом Смитом. Более того, в его стране, Англии, переход к индустриальной системе, сопровождавшийся многочисленными «победами» над меркантилистскими идеями и протекционизмом, а также все большей либерализацией экономики, служил как бы доказательством истинности смитианского учения.

Среди приверженцев учения А. Смита в постмануфактурный период, т.е. в первой половине XIX в., в истории экономической мысли в первую очередь упоминают имена Д. Рикардо, Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса, Н. Сениора, Ф. Бастиа и некоторых других экономистов. Их творчество несет на себе отпечаток «нового» времени, показавшего, что экономической науке следует снова заняться осмыслением достигнутого в «Богатстве народов» по многим экономическим категориям и теориям. Обратимся к исследованиям некоторых из них и продолжим тем самым *знакомство с классической политической экономией на третьем этапе ее развития*.

§ 1. Экономическое учение Д. Рикардо

Давид Рикардо (1772—1823) — одна из ярких личностей классической политической экономии Англии, последователь и одновременно активный оппонент отдельных теоретических положений наследия великого Адама Смита.

Он был родом из испано-голландской еврейской семьи, приехавшей в Англию. Родился в Лондоне, став третьим из семнадцати детей биржевого маклера. Ему не пришлось никогда учиться в колледже или в университете, так как под влиянием отца с детства начал постигать основы коммерции, помогая ему в торговых и биржевых операциях. Зато к 16 годам Д. Рикардо, хотя и *не имел систематического образования,* мог уже самостоятельно справляться со многими деловыми поручениями отца на бирже и в конторе.

Женитьба в 21 год без благословения родителей могла обернуться для Д. Рикардо тяжелыми испытаниями бедности. Ведь вступая в брак, он отказался от своей религии и, изгнанный отцом, порвал с семьей, имея всего 800 фунтов стерлингов. Д. Рикардо оставалось рассчитывать лишь на удачу от полученной им профессии маклера на бирже. Однако напротив, спустя 5—6 лет, когда у него было уже трое детей (всего было их восемь), природные способности и талант помогли ему преуспеть в биржевых операциях без опеки отца и добиться достаточного финансового благополучия, чтобы позволить себе сочетать деятельность бизнесмена с изучением некогда непознанных в должной мере математики, естествознания и других наук. Через 12 лет Д. Рикардо бросил занятие биржевого брокера, положив начало своим миллионам, которые, по ряду оценок, составляли сумму в 40 млн франков[1]. А к 38 годам Д. Рикардо становится крупной финансовой фигурой, владельцем собственного дома в аристократическом квартале Лондона и личной загородной резиденции. В этой связи Л. Мизес, в частности, утверждает: «Конечно, нельзя не признать исторический факт: многие бизнесмены, и прежде всего Давид Рикардо, внесли огромный вклад в развитие экономической науки»[2].

Со слов Д. Рикардо, экономическая наука вызвала у него особый интерес после обстоятельного знакомства в 1799 г. с «Богатством народов» А. Смита. С этого времени состоятельный человек Д. Рикардо занятиям по минералогии все более стал предпочитать политическую экономию, ищущую, как он понимал, ответы на вопросы о причинах материального богатства общества.

По свидетельству многих исследователей, Д. Рикардо связывала многолетняя творческая дружба со многими учеными-экономистами того времени. Но особые, можно сказать, доверительные отношения у него были только с одним из них — с Джеймсом Миллем. Как пишет П. Самуэльсон, «Рикардо стал бы не более чем памфлетистом и членом парламента от какого-нибудь захолустья. Старший Милль (отец Дж.С. Милля. — *Я.Я.*) буквально угрозами заставил Рикардо написать его «Принципы политической экономии и налогообложения» (1817), и это составило славу Рикардо»[3]. Однако все же, думается, не Джеймс Милль, а талант и практический опыт преуспевающего бизнесмена помогли Д. Рикардо «понять» учение А. Смита и экономические взгляды своих современников Т. Мальтуса, Ж.Б. Сэя и других экономистов «классической школы», внести в нее достойный личный вклад. При этом его как ученого, судя по написанным им сочинениям и особенно главному из них — книге *«Начала политической экономии и налогового обложения»* (1817), — отличают искусная полемика и высокие принципы научной этики, достойные уважения и в наше время.

Говоря о биографии Д. Рикардо, следует также отметить, что за четыре года до своей кончины он оставил свое первое, считавшееся главным, занятие в сфере бизнеса. Это решение им было принято не столько для того, чтобы, используя свое достаточно приличное материальное и финансовое положение, продолжить дальнейшие научные изыскания в области экономической теории, от которой он в принципе не самоустранялся, сколько из желания на государственном уровне воплотить в жизнь собственные экономические идеи. Именно с этой целью в 1819 г. Д. Рикардо, осуществив необходимые в то время «денежные издержки», добился своего избрания членом в палату общин английского парламента от одного из избирательных округов Ирландии. Не примкнув официально ни к одной парламентской фракции, Д. Рикардо придерживался независимой позиции по всем проблемам. В парламентских речах он решительно выступал за отмену «хлебных законов», поддерживал требования о либерализации экономики, свободе торговли и печати, недопущении ограничений права собраний и др.

Наконец, еще одной важной вехой в биографии Д. Рикардо является, по-видимому, 1821 г., в котором он, как свидетельствуют

исследователи творческого пути этого ученого, *основал первый в Англии клуб политической экономии*.

Принципы методологии

Исходной позицией в творчестве Д. Рикардо стала свойственная всем авторам классической политической экономии *приверженность концепции экономического либерализма,* не допускающей никакого государственного вмешательства в экономику и предполагающей свободное предпринимательство, свободную торговлю и прочие «экономические свободы»[4]. Эту позицию он последовательно отстаивал в своих научных трудах. Она явилась главной темой изданного им в 1815 г. небольшого памфлета под названием «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», имевшего большой успех в прогрессивных общественных кругах Англии того времени.

Как известно, принятые английским парламентом *«хлебные законы»* резко ограничивали ввоз в страну иностранного зерна, что способствовало сохранению высоких цен на хлеб и отвечало лишь интересам тогда еще влиятельных землевладельцев. В указанном памфлете Д. Рикардо, доказывая негативное значение хлебных законов для подавляющей части населения Англии, выход из сложившегося положения видел именно в неограниченной свободной торговле зерном, в том числе посредством импорта дешевого хлеба из других стран[5].

Начиная знакомство с лучшим произведением Д. Рикардо — «Началами политической экономии и налогового обложения» (а оно со времени своего первого издания в 1817 г. переиздавалось еще дважды), — следует обратить внимание на то, что уже в предисловии к книге он в свойственной ему лаконичной форме высказал собственное понимание двух, на его взгляд, ключевых проблем экономической теории. Во-первых, солидаризируясь с А. Смитом, он также выделяет в обществе *три основных класса* (владельцы земли; собственники денег и капитала, необходимого для ее обработки; рабочие, трудом которых она обрабатывается) и *три вида доходов* (рента, прибыль, заработная плата). И во-вторых, дал свою *трактовку «главной задачи политической экономии»,* заключающуюся, по его словам, в том, чтобы *определить законы, которые управляют распределением доходов*.

Позднее (в середине XIX в.) во многом по этой причине лидер классической политической экономии США Г.Ч. Кэри назвал учение Д. Рикардо *системой раздора и вражды между классами*. Как будет показано ниже, у Д. Рикардо именно классовые отношения лежат в основе процессов распределения доходов в обществе, поскольку он был убежден, что *рост доходов капиталистов (прибыль*)

обязательно снижает доход рабочих (заработную плату), и, наоборот, видел в этом жесткую закономерную обратную связь.

Аналогично концепции естественного порядка А. Смита для приумножения богатства страны, рассматриваемого как соответствующая величина физического объема производства, Д. Рикардо главным условием считает свободную конкуренцию и другие принципы политики экономического либерализма. Это, в частности, видно из его недвусмысленного заявления о том, что только *плодотворная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов, может накоплять капитал в изобилии без значительного уменьшения нормы прибыли или значительного возрастания земельной ренты*.

Поэтому, характеризуя методологическую позицию классиков, Н. Кондратьев указывал: «Однако и он (Д. Рикардо. — *Я.Я.*) считал возможным вместе со Смитом и доктриной естественного права в качестве научной истины утверждать, что при свободной конкуренции интересы индивида и целого не сталкиваются, что **режим свободной конкуренции** в общем с теми или иными практическими отступлениями **является наиболее целесообразным и ближе всего отвечающим интересам нации**» (выделено мной. — *Я.Я.*)[6].

Далее рассмотрим некоторые основные моменты теоретических разработок Д. Рикардо с учетом их новизны, спорных положений и отдельных упущений, очевидных с позиций современной экономической теории.

Теория стоимости

Судя по структуре упомянутых «Начал...», *теории стоимости*, занимающей одно из центральных мест в исследованиях А. Смита, Д. Рикардо посвятил самую первую главу своей книги. В ней, полемизируя со своим кумиром, он отрицает смитовскую двойственную оценку этой категории, безапелляционно настаивая только на одной — однофакторной оценке, сформулированной им следующим образом: «Стоимость товара или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд»[7]. Тем самым Д. Рикардо впервые продемонстрировал свою *приверженность трудовой теории стоимости,* ибо в изданном им двумя годами раньше «Опыте...» эту проблему он не затрагивал.

Тенденциозность и затратный принцип подобной трактовки стоимости товаров уже отмечались выше в общей характеристике классической политической экономии. Но при этом весьма существенны и примечательны сделанные Д. Рикардо здесь же оговорки и

комментарии, например, о том, что *«меновая стоимость»* обусловливается наряду с количеством и качеством труда редкостью товара и что об относительных ценах товаров следует говорить только тогда, когда их количество может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых действие конкуренции не подвергается никаким ограничениям[8]. Или другой пример: «Но если я говорю, что труд является основой всякой стоимости и что относительное количество его определяет (почти исключительно) относительную стоимость товаров, — пишет Д. Рикардо, — то из этого еще не следует, что я упускаю из виду различия в качестве труда и трудность сравнения между часом или днем труда в одной отрасли промышленности с трудом той же продолжительности в другой. Оценка труда различных качеств скоро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда»[9].

В то же время в изложении текста книги у Д. Рикардо (впрочем, как и в «Богатстве народов» у А. Смита) в отличие от работ К. Маркса *категории «стоимость» и «цена» приводятся фактически как синонимы*. В частности, говоря о «естественных» и «рыночных ценах», Д. Рикардо писал так: «Но если мы принимаем труд за основу стоимости товаров, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения *действительной или рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цены»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[10].

Что касается утверждения Д. Рикардо о том, что *на уровень цен товаров наряду с затрачиваемым живым трудом влияет и труд овеществленный,* т.е. «труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду», то с ним, конечно, нельзя не согласиться. Но небесспорен его тезис о том, что *«относительная стоимость товаров»* не зависит от изменений уровня заработной платы рабочих. И едва ли обоснованным можно назвать и такой тезис Д. Рикардо, что *повышение стоимости труда (заработной платы) невозможно без соответствующего падения прибыли*[11].

Но здесь, пожалуй, правомерно прибавить замечания М. Блауга, полагающего, что «Рикардо, Милль и Маркс рассуждали о товарах так, будто все они производились с постоянными издержками при фиксированных технологических коэффициентах. Рикардо допускал изменчивость факторных пропорций в главе о «машинах», но при этом уступка никогда не вливалась в русло основного течения классической теории. Пуще того, общностью пожертвовали ради частного случая сельскохозяйственной продукции, где предельные издержки производства отклонялись от средних. Классическая экономическая наука, следовательно, была вынуждена опе-

рировать двумя теориями ценности: цена промышленной продукции зависит исключительно от условий предложения, тогда как цена сельскохозяйственной продукции изменяется с масштабом производства и потому зависит от характера спроса»[12].

Из положений, высказанных Д. Рикардо в связи с характеристикой категории «стоимость», выделим еще два, которые по праву входят в «золотой фонд» классической политической экономии. Суть их состоит в следующем. Первое: *деньги как товары при снижении своей стоимости обусловливают необходимость роста заработной платы,* что в свою очередь «неизменно сопровождается повышением цены товаров». И второе: *деньги как всеобщее средство обмена между всеми цивилизованными странами «распределяются между ними в пропорциях, которые изменяются с каждым усовершенствованием в торговле и машинах, с каждым увеличением трудности добывания пищи и других предметов жизненной необходимости для растущего населения»*[13].

Наконец, автор «Начал» был совершенно прав в своем убеждении *о прямой зависимости снижения уровня меновой стоимости товаров от растущего использования в их производстве основного капитала,* указывая на то, что «чем большую долю составляет основной капитал, тем больше будет это падение»[14].

Теория капитала

Категорию *капитал* Д. Рикардо характеризовал как «часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых, чтобы привести в движение труд»[15]. Здесь его позиция в принципе созвучна с другими представителями классической политической экономии, обращавшимися к теории капитала, но в отличие от них он сумел показать, что *из-за неравенства прибыли на вложенный капитал последний «перемещается из одного занятия в другое»*[16]. М. Блауг, посвятивший свой самый значительный труд «Экономическая мысль в ретроспективе» именно Д. Рикардо, полагает так: «Центральная проблема, ставящаяся Рикардо, а именно: как изменения относительных долей в продукте земли, труда и капитала связаны с нормой накопления капитала, остается одним из непреходящих предметов интереса для современных экономистов. В этом смысле рикардианская экономическая теория все еще жива»[17].

Теория ренты

Концепция Д. Рикардо о *ренте* сохраняет свою актуальность и в наше время. Главные ее идеи заключаются в том, что *рента всегда платится за пользование землей,* поскольку ее количество не беспре-

дельно, качество — неодинаково, а с ростом численности населения обработке начинают подвергаться новые участки земли, худшие по своему качеству и расположению, затратами труда на которых определяется стоимость сельскохозяйственных продуктов. Как пояснял Д. Рикардо, «не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог», а сама «рента не есть составная часть цены товаров»[18]. Убедительны и названные им *рентообразующие факторы:* неодинаковый природный потенциал участников (плодородие) и разная удаленность этих участков от рынков, где может быть реализована полученная с них товарная продукция.

Очевидно, что для Д. Рикардо, как и для других классиков, земля невоспроизводима и рассматривается как ресурс физический, а неэкономический. Поэтому *в его понимании не только земля, но и рента выступают в качестве «свободного дара земли»*. И поскольку ограниченный фонд земли используется только одним способом (например, как пашня или как пастбище), да еще и с закономерностью убывающей отдачи от нее (земли), Д. Рикардо высказывает предостережение: «Труд природы оплачивается не потому, что она делает много, а потому, что она делает мало. Чем скупее становится она на свои дары, тем большую цену требует она за свою работу»[19].

В этой связи небезынтересно отметить, что *во времена Д. Рикардо бытовало мнение (его впервые высказывал Джеймс Милль) о том, что ренту как доход следовало бы изымать в виде налога в пользу государства*. Но, как заметил М. Блауг, «если бы рентные суммы перешли от землевладельцев к арендаторам, цены на сельскохозяйственную продукцию и средняя норма прибыли в сельском хозяйстве остались бы точно такими же, так как перевод дохода не отразится на предельных издержках производства зерна». Поэтому для Д. Рикардо, пишет он, положение о ренте «не выходило за рамки чисто научных проблем», а его «теория дифференциальной ренты знаменует первое появление маржинального начала в экономической теории»[20].

Теория заработной платы

Взгляды Д. Рикардо на *заработную плату,* или, как он писал, «естественную» и «рыночную цену труда», вероятнее всего, сложились под влиянием теоретических воззрений его друга Т. Мальтуса, «предупреждавшего» человечество о катастрофических последствиях, если темпы роста населения будут опережать прирост необходимых средств для существования людей. Во всяком случае, характеризуя *«естественную цену труда»* как возможность рабочего содержать за свой труд себя и семью, оплачивая расходы на пищу, предметы насущной необходимости и удобства, а *«рыночную цену*

труда» как плату, складывающуюся с учетом реального соотношения спроса и предложения на труд, Д. Рикардо сделал весьма сомнительный (почти мальтусовский) прогноз по поводу перспективного уровня заработной платы в обществе в связи с темпами народонаселения. Он писал: «При естественном движении общества заработная плата имеет тенденцию к падению, поскольку она регулируется предложением и спросом, потому что приток рабочих будет постоянно возрастать в одной и той же степени, тогда как спрос на них будет увеличиваться медленнее»[21]. В подтверждение своего пессимистического прогноза Д. Рикардо добавлял также, что повышение заработной платы будет всегда не в той мере, «чтобы рабочий имел возможность покупать столь же много предметов комфорта и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров». Правда, исследуя «законы, которые регулируют заработную плату», он делал принципиальную оговорку, что доказываемая им *тенденция заработной платы к падению может иметь место только в условиях «частной и свободной рыночной конкуренции» и когда заработная плата не будет «контролироваться вмешательством законодательства»*[22].

Теория прибыли

Неоднозначные суждения высказал Д. Рикардо в связи с формированием, динамикой и перспективой роста *прибыли* предпринимателей. По этому поводу он вновь исходил из сомнительного положения о том, что «прибыль зависит от высокой или низкой заработной платы, а заработная плата — от цены предметов жизненной необходимости, потому что количество всех других потребных предметов может быть увеличено почти беспредельно». Как и в случае с заработной платой, *в условиях свободной конкуренции,* по мнению Д. Рикардо, *«прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что с прогрессом общества и богатства требующееся добавочное количество пищи получается при затрате все большего и большего труда»*. Однако здесь же он вполне правомерно добавил следующее: «К счастью, эта тенденция, это, так сказать, тяготение прибыли приостанавливается через повторные промежутки времени благодаря усовершенствованиям в машинах, применяемых в производстве предметов жизненной необходимости, а также открытиям в агрономической науке, которые позволяют нам сберечь часть труда, требовавшегося раньше, и таким образом понизить цену предметов первой необходимости рабочего»[23].

Теория денег

Известно, что *система монометаллизма,* или, как еще говорят, *система золотого стандарта,* означающего закрепление за золотом

монопольной роли денег, установилась в Англии в конце XVIII в., а в 1816 г. была законодательно подкреплена. Поэтому теоретические позиции Д. Рикардо *по теории денег* базировались на положениях, характерных для формы золотомонетного стандарта, согласно которому оговоренное законом количество золота в отчеканенной для обращения монете подлежало свободному и гарантированному размену на бумажные деньги. При этом, оставаясь приверженным трудовой теории стоимости, автор «Начал» писал, что *«ни золото, ни какой-либо другой товар не могут служить всегда совершенной мерой стоимости для всех вещей»*[24]. Кроме того, Д. Рикардо был сторонником *количественной теории денег,* увязывая изменение их стоимости как товаров с их (денег) количеством в обращении.

Теория воспроизводства

Исследуя закономерности экономического развития общества, в котором господствуют принципы неограниченной свободной конкуренции предпринимателей и свободы торговли, Д. Рикардо, пожалуй, не предвидел того, что в условиях экономического либерализма (и это подтвердил практический опыт мировой цивилизации) неотвратимы ограничивающие их тенденции и как следствие *кризисы несоответствия произведенной товарной продукции и услуг платежеспособному спросу на эти товары и услуги,* т.е. так называемые кризисы перепроизводства (или, по другой трактовке, кризисы недопотребления). Подобный *кризис впервые произошел в 1825 г. на родине ученого спустя два года после его смерти*.

Сказанное свидетельствует о том, что Д. Рикардо ***признавал*** *«закон рынков Сэя»* (знакомство с этим «законом» последует ниже), т.е. *догму о бескризисном и равновесном состоянии экономики при полной занятости*. В частности, как бы в признание «закона Сэя» он писал: «Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги служат только мерилом, при помощи которого совершается этот обмен. Какой-нибудь товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже возмещен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами»[25].

Вместе с тем, как справедливо в этой связи утверждает М. Блауг, экономисты-классики — последователи Д. Рикардо «знали о периодических кризисах, явились свидетелями кризисов 1825, 1836 и 1847 гг., и каждый из них понимал, что экономика свободного предпринимательства подвержена периодическим колебаниям деловой активности». Однако, заключает ученый, «скорее они развивали мысль, что экономика совершенной конкуренции всегда тяготеет к полной занятости. Депрессия не может тянуться бесконечно, поскольку предложение формирует спрос на микро- и макро-

экономическом уровнях через автоматическую коррекцию цен и процентной ставки»[26].

В завершение еще о двух обобщениях, сделанных М. Блаугом в связи с творчеством Д. Рикардо. По его мнению, с одной стороны, «Богатство народов» А. Смита «содержит больше существенных обобщений, касающихся функционирования экономических систем, чем «Начала...» Рикардо и, может быть, чем любой другой трактат по экономической теории XVIII или XIX в.». Но с другой стороны, пишет он, «ведущие периодические издания и даже сама Британская энциклопедия попали в руки последователей Рикардо; популярная литература вторила идеям Рикардо, и парламент все больше уступал предложениям Рикардо в области экономической политики, труды Рикардо помогли превратить свободную торговлю в популярную цель британской политики»[27].

§ 2. Экономическое учение Ж.Б. Сэя

Жан Батист Сэй (1767—1832) — последовательный и значительный *продолжатель творческого наследия А. Смита* в первой трети XIX в. во Франции, абсолютизировавший идеи своего кумира об экономическом либерализме, стихийном рыночном механизме хозяйствования[28].

Он родился 5 января 1767 г. в Лионе в семье купца. Получив образование, достаточное по тем временам, чтобы продолжить семейные предпринимательские традиции, Ж.Б. Сэй решил заняться самообразованием, особенно изучением политической экономии. Для познания последней, как выяснилось впоследствии, решающее значение он придал «Богатству народов» А. Смита, идеи которого, на его взгляд, заслуживали популяризации как на благо Франции, так и всего человечества.

Жизненный путь Ж.Б. Сэя как ученого-экономиста, а не предпринимателя сложился в известной степени под влиянием политических событий, произошедших во Франции в конце XVIII — начале XIX в. и отчасти под впечатлением от поездки в 1789 г. в Англию, где в отличие от его страны в хозяйстве и политической экономии на первый план выходили уже индустриальные, а не аграрные проблемы.

Итак, по возвращении из Англии в том же 1789 г. Ж.Б. Сэй вступил в одно из страховых обществ, став секретарем администратора Клавьера — будущего министра финансов (1792), изучавшего (судя по тому, что он обнаружил у него экземпляр книги А. Смита) знаменитое «Богатство народов». Спустя три года в 1792 г. Ж.Б. Сэй, примкнув к якобинцам, пошел волонтером в революционную армию. Затем в 1794 г. покинул ее, чтобы попробовать себя в

качестве редактора парижского журнала и быть на острие социально-политической жизни своей страны, пробыв в этом качестве до 1799 г. Независимость и неординарность позиций молодого Ж.Б. Сэя, критическая оценка экономической деятельности правительства содействовали и его чиновничьей карьере на посту члена Трибуната в комитете финансов, на который он был назначен в 1799 г. Поэтому несомненно, что практический опыт в высшей сфере государственной экономической службы и глубокие познания теоретических разработок в области экономической мысли в сочетании с убежденным восприятием смитовской концепции экономического либерализма помогли Ж.Б. Сэю в написании собственных работ об основах теории развития общественного хозяйства.

Одна из первых теоретических заслуг Ж.Б. Сэя на этом поприще имеет преимущественно национальное значение. Как известно, во Франции в середине XVIII в. возникли и получили широкую популярность *физиократические экономические теории,* которые *продолжали доминировать в экономической мысли страны,* несмотря на появление в 1802 г. французского перевода «Богатства народов» А. Смита. Преодолеть сложившиеся стереотипы физиократизма соотечественников смог именно Ж.Б. Сэй благодаря одной из своих ранних, но значимых работ под названием «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства» (1803).

Это была книга, лишь на первый взгляд повторявшая и интерпретировавшая идеи А. Смита. После ее издания Ж.Б. Сэй, как и его английские коллеги, продолжал работать над совершенствованием своего труда, неоднократно дополняя и переделывая для обновленных изданий, которые при его жизни имели место пять раз и превратили это сочинение в лучшее из всех остальных[29].

Перемены, произошедшие во Франции с падением режима Наполеона, реабилитировали имя Ж.Б. Сэя как ученого-экономиста и общественного деятеля. Он с воодушевлением продолжил работу над своими сочинениями по политической экономии, стал выступать с многочисленными лекциями, демонстрируя прекрасное искусство систематизировать и популяризировать основные положения экономической теории. Уже в 1816 г. в Атене Ж.Б. Сэй открыл курс лекций по политической экономии, а в 1817 г. выпустил в свет свой «Катехизис политической экономии». С 1819 г. в Консерватории искусств и ремесел он приступил к чтению лекций по специально введенному для него правительством Реставрации «Курсу индустриальной экономии».

В последние годы жизни с 1830 г. Ж.Б. Сэй *возглавил* специально созданную для него *кафедру политической экономии в Коллеж де Франс,* став основателем собственной школы экономической мыс-

ли, которую впоследствии представляли Фредерик Бастиа, Мишель Шевалье, Шарль Дюнуайе и др. За несколько лет до своей смерти Ж.Б. Сэй издал итоговую в своей жизни работу «Полный курс практической политической экономии» (1828—1829). В ней он попытался отразить прежде всего практическую значимость экономической теории, базирующейся на принципах экономического либерализма, невмешательства в экономику извне.

Оценивая творческое наследие Ж.Б. Сэя, следует отметить, что, по словам К. Маркса, он якобы не более чем вульгаризировал смитовское учение и политическую экономию. Но если утопический социализм, а затем и марксизм «извлекли» из учения А. Смита прежде всего положение об эксплуатации рабочего класса капиталистами и землевладельцами (посредством вычета в свою пользу из полного продукта труда и его стоимости), то «школа Сэя» во Франции, также строившая свое «мышление» на трудах А. Смита, одним из главных извлечений сделала *положение о взаимосвязи и взаимообусловленности труда, капитала и земли как основных факторов общественного производства и создания стоимости общественного продукта*.

С уважением и симпатией к Ж.Б. Сэю относился и его современник Д. Рикардо, который продолжал с ним интенсивно переписываться вплоть до своей смерти. В своих «Началах политической экономии» Д. Рикардо подчеркивал, что политическую экономию как науку обогатили в числе английских исследователей Дж.С. Милль и А. Смит, а французских — А. Тюрго, С. Сисмонди и Ж.Б. Сэй. При этом Д. Рикардо, тем не менее, смело и открыто высказывал критические замечания в адрес не только здравствовавших своих коллег Т. Мальтуса, Ж.Б. Сэя и других, но и своего кумира А. Смита.

Принципы методологии

Необходимо отметить, что Ж.Б. Сэй, как другие классики, конструировал политическую экономию по образцу точных наук, таких, например, как физика. В методологическом плане это означает *признание законов, категорий и теорий, имеющих универсальное и первостепенное значение*. Но нельзя не сказать также о том, что, по Сэю, *назначение политической экономии всего лишь теоретическое и описательное*[30].

Ж.Б. Сэй снискал себе *несомненный авторитет смитианца,* безоговорочно приняв принципы свободы рынков, ценообразования, внутренней и внешней торговли (фритредерство), неограниченной свободной конкуренции предпринимателей и недопустимости никаких проявлений протекционизма и возведя эти принципы в ранг абсолюта. В случае их принятия он предвещал человечеству объек-

тивную невозможность ни перепроизводства, ни недопотребления общественного продукта, т.е. экономических кризисов. Положение Ж.Б. Сэя о реализации общественного продукта позже получило название *«закона рынков»,* или просто *«закона Сэя»,* и разделяли этот «закон» не только столпы классической политической экономии Д. Рикардо, Т. Мальтус и др., но и экономисты многих других школ экономической мысли вплоть до начала XX в. Как образно выразился в данной связи Дж.К. Гэлбрейт, *принятие или непринятие человеком «закона Сэя» было до 30-х гг. XX в. основным признаком, по которому экономисты отличались от дураков.*

Труды Ж.Б. Сэя достаточно легко воспринимались прогрессивной общественностью Франции, Англии, США и ряда других стран потому, что, как заметил один из предшественников маржинализма О. Курно, стиль изложения в сочинениях по политической экономии Ж.Б. Сэя был столь же литературно безупречен, что и у А. Смита. Кроме того, по словам того же О. Курно, и А. Смит, и Ж.Б. Сэй не прибегали для достижения наибольшей точности своих аргументов (в отличие от Д. Рикардо) к арифметическим и алгебраическим исчислениям «утомительного объема».

Теория воспроизводства

В истории экономических учений имя Ж.Б. Сэя ассоциируется, как правило, с образом ученого, беззаветно верившего в гармонию интересов классов общества в условиях рыночных экономических отношений и проповедовавшего для их утверждения принципы смитовской концепции экономического либерализма, саморегулируемости экономики. *Критика основных идей Ж.Б.Сэя*, в том числе и той, что принято называть «законом Сэя», по которой *экономические кризисы не являются закономерными,* несмотря на многочисленные в этой связи попытки опровержения экономистами-романтиками, социалистами-утопистами и марксистами, *более чем 100 лет* (т.е. до появления экономического учения Дж.М. Кейнса) *оставалась для теории и практики мирового хозяйства недостаточно убедительной.*

Однако чем же можно объяснить *«долгожительство» концепции Ж.Б. Сэя о беспрепятственной и полной реализации общественного продукта и о бескризисном экономическом росте,* воплотившейся в так называемом законе рынков? Здесь, пожалуй, можно указать на три обстоятельства, своими корнями уходящих в наследие А. Смита. Во-первых, смитовский «естественный порядок» предполагает гибкость цен и гибкость заработной платы, взаимовыгодный при пассивной роли денег обмен трудом и результатами своего труда всех субъектов рынка. С учетом этого по «закону Сэя» иной ход вещей совершенно неприемлем. Во-вторых, также «благодаря» А. Смиту

«закон Сэя» исключает всякое вмешательство в экономику извне. В нем поддерживается требование о минимизации бюрократического по своей природе государственного аппарата, недопущении протекционизма. И в-третьих, «закон Сэя» предрекает поступательное развитие рыночных экономических отношений в обществе на базе достижений научно-технического прогресса. А несвершившиеся катаклизмы, которые «обещал» С. Сисмонди в случае падения приоритетной роли в экономической жизни страны участников уходящего в прошлое натурального хозяйства — «третьих лиц» (ремесленников, крестьян, кустарей), также отметали аргументы против этого «закона».

Итак, *квинтэссенция «закона Сэя»* состоит в том, что при достижении и соблюдении обществом всех принципов экономического либерализма *производство (предложение*) *будет порождать адекватное потребление (спрос*), *т.е. производство товаров и услуг в условиях смитовского «естественного порядка» обязательно порождает доходы, на которые эти товары и услуги свободно реализуются.* Подобным образом «закон Сэя» воспринимался всеми сторонниками концепции экономического либерализма, полагавшими, что *гибкое и свободное ценообразование на рынке будет приводить к почти мгновенной реакции на изменения в конъюнктуре хозяйства, являясь гарантией саморегулируемости экономики.* В самом деле, *если допустить возможность бартерной экономики, где деньги всего лишь счетные единицы и совокупный спрос на них равен ценности всех подлежащих к обмену на деньги товаров*, *то общее перепроизводство действительно было бы невозможным.* Отсюда понятен и вывод М. Блауга: «*"Продукты уплачиваются за продукты"* во внутренней торговле так же, как и во внешней — вот суть закона рынков Сэя. Столь простая мысль произвела фурор, не совсем утихший и по сей день»[31].

Вместе с тем примечательно то обстоятельство, что сам Ж.Б. Сэй *фразу «предложение создает соответствующий ему спрос»* никогда не использовал, а *изобретена она была Дж.М. Кейнсом.* Последний, очевидно, прибег к ней, чтобы опровергнуть главную мысль Ж.Б. Сэя о том, что только тот или иной товар в отдельности может быть произведен в избытке, но никогда все товары сразу. При этом *классиком, по Кейнсу, является любой автор, разделявший «закон рынков Сэя».*

К. Маркс, считавший себя продолжателем учения не только А. Смита, но и Д. Рикардо, *особо резко критиковал* последнего и всех тех, кто разделял *положение Ж.Б. Сэя о невозможности экономических кризисов.* В своей теории общественного воспроизводства К. Маркс, как известно, доказывал неизбежность периодических (циклических) кризисов перепроизводства. Он, кроме того, считал неприемлемыми трактовки экономических кризисов как

кризисов недопотребления, как это следовало из трудов Т. Мальтуса, социалистов-утопистов, а также С. Сисмонди, П. Прудона и некоторых других экономистов. Между тем в соответствии с современными концептуальными положениями экономические кризисы обусловлены не только и не столько недостоверностью «закона Сэя» (ибо абсолютно чистая, или, как принято говорить, совершенная, конкуренция объективно невозможна), сколько закономерными предпосылками возникновения условий для преобладания несовершенной конкуренции и монополизма. Эти положения лежат в основе современных теорий государственного регулирования экономики, социального контроля общества за ходом ее развития. Они в сущности исключают марксистские постулаты об антагонизме между классами и саморазрушении капиталистического «эксплуататорского» общественного строя.

Теория трех главных факторов производства стоимости и доходов

Наряду с Д. Рикардо экономические взгляды Ж.Б. Сэя получили определенное одобрение и отражение в трудах Т. Мальтуса. В частности, популярная на значительном протяжении XIX в. *теория издержек производства* Т. Мальтуса практически целиком зиждется на положениях выдвинутой немногим ранее него Ж.Б. Сэем *теории трех главных факторов производства:* труда, капитала и земли. Это еще раз говорит о полярности «извлечений», сделанных последователями творческого наследия А. Смита. Так, если Д. Рикардо, социалисты-утописты, С. Сисмонди, К. Маркс и некоторые другие экономисты, следуя «заветам» А. Смита, единственным источником стоимости товара (услуги) считали труд, то другая и также значительная часть экономистов различных школ и течений экономической мысли приняла в качестве исходной аргументацию Сэя—Мальтуса, в соответствии с которой *стоимость товара складывается из издержек собственника-предпринимателя в процессе производства на средства производства (фактор «капитал»), на заработную плату (фактор «труд») и на ренту (фактор «земля»)*.

В результате последователи Смита—Рикардо стали усматривать происхождение прибыли и ренты как вычет из стоимости труда рабочих, в эксплуатации труда капиталом и антагонизме классов. А последователи Сэя—Мальтуса, также считавшие себя смитианцами, и стоимость товара, и доходы классов общества увидели в совместном труде и мирном сотрудничестве представителей этих классов. Но только в конце XIX в. маржиналисты второй волны в лице А. Маршалла и других ученых доказали *тупиковую сущность и теории трудовой стоимости, и теории издержек производства, поскольку в их основе лежит затратный принцип*.

Однако что касается теории стоимости Ж.Б. Сэя, то к сказанному выше следует добавить, что у него на этот счет, как и у его учителя А. Смита, имели место несколько определений. Причем и здесь Ж.Б. Сэй не столько повторял своего кумира, сколько импровизировал в поисках новых «открытий». Например, памятуя положение А. Смита, что любой товар имеет два неразрывных свойства — меновую стоимость и потребительную стоимость, Ж.Б. Сэй оттенил особое значение взаимосвязи полезности и ценности предметов (товаров). В этой связи он писал, в частности, что *«ценность есть мерило полезности»*[32] *предмета*. Тем самым Ж.Б. Сэй допускал возможность измерения стоимости не только количеством затраченного труда, но и степенью полезности продукта труда. Здесь, конечно, вполне уместно высказывание М. Блауга, в соответствии с которым «концепция ценности, основанная на полезности, вряд ли может считаться удовлетворительной теорией ценообразования без применения понятия убывающей полезности для объяснения насыщаемости спроса при данном уровне цены»[33].

Одновременно и гораздо большее значение в создании стоимости товара Ж.Б. Сэй придавал предложенной им же *теории трех факторов производства*. Труд, земля и капитал, на его взгляд, участвуя в процессе производства, оказывают услугу по созданию стоимости. *Триединая формула, вытекающая из теории трех факторов Ж.Б. Сэя,* в соответствии с которой *фактор «труд» порождает заработную плату* как доход рабочих, *фактор «капитал» порождает прибыль* как доход капиталистов, а *фактор «земля» — ренту* как доход землевладельцев, по сути своей явилась своеобразной интерпретацией взглядов А.Смита. Речь идет о том, что, заимствовав у А. Смита идею о влиянии классовой структуры общества на происхождение и распределение различных видов доходов, Ж.Б. Сэй как бы «уточнил», что названные выше факторы («труд», «капитал», «земля») имеют самостоятельное значение в создании доходов рабочих, капиталистов и землевладельцев.

Следовательно, у Ж.Б. Сэя *отвергается всякая мысль о возможности* в условиях ничем не ограниченной свободной конкуренции предпринимателей *эксплуатации факторов производства и классов общества*. Ж.Б. Сэй и его ученики, таким образом, пытались вывести весьма упрощенное положение о гармонии экономических интересов всех слоев общества, строя свои суждения на известной идее А. Смита о том, что личный интерес «экономического человека», направляемый «невидимой рукой», обязательно совпадает с общественным.

Вопрос о пропорциях, если можно так выразиться, в которых созданная главными факторами производства стоимость общественного продукта распределяется на доходы владеющих этими факто-

рами классов общества, по мнению Ж.Б. Сэя, самостоятельного значения не имеет. В частности, доходы предпринимателя, по определению Ж.Б. Сэя, представляют собой *«вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководительство»*. Как и Т. Мальтус, он был убежден, что положение «низших классов» непременно улучшится, и поэтому ради пополнения «высших классов» сам *«рабочий класс больше всех других заинтересован в техническом успехе производства»*. Что же касается «производителей», то и среди них *каждый заинтересован в благополучии другого*[34].

Наконец, *понятие «вульгарная политическая экономия»,* которое ввел в научный оборот главным образом К. Маркс, в значительной степени *связано с теорией факторов производства Ж.Б. Сэя*. Эту теорию, равно как и теорию издержек Т. Мальтуса, К. Маркс счел *апологетической, преднамеренной и вульгарной защитой интересов эксплуататорских слоев капиталистического общества*. Считая не все доводы К. Маркса на этот счет бесспорными, думается, один из них в интерпретации Ш. Жида и Ш. Риста совершенно правомерен, а именно: «Несомненно, необходимость ясности в изложении иногда понуждала его (Ж.Б. Сэя. — *Я.Я.*) *скользить по поверхности важных проблем, вместо того чтобы проникать в глубь их. В его руках политическая экономия часто становится слишком простой*. Неясность Смита часто плодотворна для ума, а ясность Сэя не дает ему никакого стимула» (курсив мой. — *Я.Я.*)[35].

Нечто подобное отмечает М. Блауг по поводу так называемого закона Сэя. «В результате критики Кейнса, — пишет он, — закону Сэя стало придаваться значение, несоразмерное с его действительной ролью в классической и неоклассической теории»[36].

§ 3. Экономическое учение Т. Мальтуса

Томас Роберт Мальтус (1766—1834) — видный представитель классической политической экономии Англии. Творчество этого ученого формировалось в основном в первой четверти XIX в., но результаты его научных изысканий ценны и для современной экономической теории.

Родился Т. Мальтус в сельской местности вблизи от Лондона в семье помещика. Его отец был человеком образованным, водил знакомство с философами и экономистами своего времени, в том числе с Д. Юмом и другими.

Как младшему сыну Т. Мальтусу, по обычаю, предназначалась духовная карьера. Закончив колледж Кембриджского университета, он принял духовный сан и получил в сельском приходе место второго священника. Однако молодой Мальтус, всегда тяготевший

к науке, с 1793 г. (в 27 лет) стал одновременно преподавать в колледже. При этом все свое свободное время он посвящал исследованию захватившей его еще в юношеских беседах и дискуссиях с отцом проблемы взаимосвязи экономических процессов и природных явлений.

Из основных этапов в биографии Т. Мальтуса немаловажно указать также на тот факт, что женился он довольно поздно, в 39 лет, и имел трех сыновей и одну дочь.

В 1798 г. появилась анонимно опубликованная книга под названием «Опыт о законе народонаселения». Ее автором оказался неженатый молодой пастор — будущий ученый-экономист Т. Мальтус, навлекший на себя неисчислимые нападки. Во многом по данной причине, а точнее, для улучшения своего произведения он в течение 1799—1802 гг. совершает путешествие по ряду государств Европы. И спустя пять лет, в 1803 г., на этот раз под своим именем в предисловии ко второму изданию этой книги (всего при его жизни вышло шесть изданий нарастающим раз за разом тиражом), искренне признавая тяжесть восприятия некоторых удручающих прогнозов, содержащихся в работе, и допуская неизбежность «ошибок в счете и изложении фактов», он писал: «Что же касается моих соображений то, надеюсь, что в этом отношении я не буду опровергнут опытом прошлого. Придерживаясь такого мнения, необходимо в то же время признать, что нищета и бедствия низших классов населения представляют непоправимое зло. Но если какие-либо ошибки, помимо моей воли, вкрались в эту работу, они не могут иметь значительного влияния на сущность моих соображений»[37].

Успех, который принесла Т. Мальтусу публикация его первой книги, побудил автора «Опыта» сделать это сочинение более совершенным. Поэтому не только второе, но и последующие издания были существенно обновлены и расширены, в том числе историческими экскурсами, критическим анализом трудов других авторов. В итоге в отличие от формы краткого памфлета в первом издании во всех остальных книга представляла собой обширный трактат. Вот, в частности, как отозвался о втором издании «Опыта...» А. Маршалл: «Во втором издании (1803) Мальтус строит свое исследование на таком большом количестве и на столь тщательном подборе фактов, что он может претендовать на место в ряду основателей историко-экономической науки; он смягчил и устранил многие «острые углы» своей прежней доктрины, хотя и не отказался (как мы предполагали в первых изданиях данного труда) от употребления выражения «в арифметической пропорции». Примечательно, что он стал на менее мрачную точку зрения относительно будущего рода человеческого и выразил надежду на возможность ограничения роста населения на основе соблюдения нравственных принципов и на

то, что действия «болезней и бедности» — старых сдерживающих факторов — можно будет не допускать»[38].

Талант Т. Мальтуса как ученого-исследователя и преподавателя с более чем десятилетним стажем не остался незамеченным. В 1805 г. он принял предложенную ему кафедру профессора современной истории и политической экономии во вновь созданном колледже Ост-Индской компании, где исполнял также обязанности священника.

Продолжая научные изыскания, в 1815 г. Т. Мальтус издал еще одно произведение, первые слова названия которого повторяют заголовок знаменитого «Богатства народов» А. Смита. Им стала книга «Исследование о природе и возрастании земельной ренты». В данном сочинении Т. Мальтус, исходя из естественной природы ренты, пытался раскрыть механизм ее формирования и роста, обосновать значение этого вида доходов в реализации произведенного в обществе совокупного продукта. Однако окончательное суждение о ренте и некоторых других проблемах экономики он высказал позднее, в 1820 г. В тот год Т. Мальтус выпустил свой главный в творческом отношении труд «Принципы политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение», который в теоретико-методологическом плане не имел существенных отличий от изданных тремя годами ранее знаменитых «Начал политической экономии» его друга Д. Рикардо.

Теория народонаселения

Правильность научного предвидения Т. Мальтуса оказалась очевидной прежде всего потому, что обоснованная им теория народонаселения, популярности которой благоприятствовало многократное переиздание «Опыта о законе народонаселения», стала неотъемлемой частью методологической базы, как это признавали они сами, и Чарльза Дарвина, и Давида Рикардо, и многих других ученых с мировым именем.

В чем же состоит новизна и оригинальность теории народонаселения Т. Мальтуса, принесшая ему, говоря словами М. Блауга, *совершенно невероятный успех, ни с чем не сравнимый в истории экономической мысли?* Соображения самого М. Блауга на этот счет сводятся к следующему. *Т. Мальтус явился создателем теории народонаселения, из которой вытекают определенные аналитические выводы, превратившие ее в неотъемлемую часть наследия классической экономической мысли.* Эта теория стала неким стандартом в суждениях классиков об экономической политике, *сводя причину бедности к простому соотношению темпа прироста населения с темпом прироста жизненных благ, определяющих прожиточный минимум.* По Мальтусу, всякая сознательная попытка усовершенствования человеческого

общества с помощью социального законодательства будет сметена неодолимой людской массой, и *поэтому каждому человеку необходимо заботиться о себе самому и полностью отвечать за свою непредусмотрительность.* Но все эти доводы автора «Опыта...», заключает М. Блауг, явились всего лишь идеологическими ловушками, и поэтому ряд авторов, в том числе «Джон Стюарт Милль, взглянув на проблему несколько иначе и признав, что контроль над рождаемостью приемлем с моральной точки зрения, смогли использовать мальтузианскую доктрину как знамя программы социальных реформ»[39].

«Опыт...» Т. Мальтуса не восприняли главным образом представители марксистской экономической теории. Критикуя это сочинение, они традиционно усматривали в нем лишь «глупости» и «апологетику» в надежде доказать никчемность его автора как ученого. Особым нападкам подвергалась *центральная идея книги о влиянии численности и темпов прироста населения на благосостояние общества.* И хотя она (идея) в принципе верна и актуальна, следует признать, что расчеты Т. Мальтуса, которые должны были с достоверностью подтвердить вытекающие из нее прогнозы, оказались, к счастью, нереальными. Ведь он пытался возвести в ранг закона положение о том, что *при благоприятных условиях* (если будут изжиты ставшие почти естественными и неотвратимыми в силу безудержного роста численности населения войны, болезни и нищета бедных слоев общества) *население, увеличиваясь в геометрической прогрессии, будет удваиваться каждые 20–25 лет, а производство пищи и других необходимых предметов существования, возрастая всего лишь в арифметической прогрессии, не сможет приумножаться аналогичными темпами. И тогда из-за перенаселения бедность может стать жалким уделом всего человечества.*

В самом деле, *биологическую способность человека к продолжению рода* Т. Мальтус характеризует его природными инстинктами так же, как и у животных. Причем эта способность, полагает он, *несмотря на постоянно действующие принудительные и предупредительные ограничения, превосходит физическую способность человека наращивать продовольственные ресурсы.* Столь простые и не требующие дополнительных аргументов и фактов идеи стали истинной причиной многочисленных и неоднозначных откликов на теорию Т. Мальтуса.

А. Маршалл, например, указывал, что автор «Опыта...» «показывает, что вплоть до того времени, когда он писал свою книгу, ни одна страна не в состоянии была обеспечить себя достаточным объемом средств существования после того, как ее территория оказалась населенной слишком густо и что рост населения, если он не будет ограничен добровольным воздержанием, будет сдер-

живаться бедностью или губительными причинами»[40]. По его мнению, Т. Мальтус потому «призывает людей прибегать к добровольному самоограничению и, сохраняя нравственную чистоту в своем образе жизни, воздерживаться от очень ранних браков, что он не мог предвидеть бурное развитие парового транспорта на суше и на море, позволяющее англичанам нынешнего поколения приобретать продукты богатейших земель планеты по сравнительно низким ценам»[41].

М. Блауг же обобщает так: «Если мы соглашаемся с Мальтусом в том, что контроль над рождаемостью — вещь морально предосудительная, на его стороне история роста народонаселения в течение последних двух столетий: численность населения не тормозилась ничем, кроме «нищеты и порока». Если же мы, напротив, находим контроль над рождаемостью морально оправданным, Мальтус опять-таки прав: «нравственное обуздание» в широком смысле слова — это одно из ограничений роста населения сверх ресурсов продовольствия. Теорию Мальтуса невозможно опровергнуть, так как она неприменима ни к каким вероятным или действительным демографическим тенденциям: она претендует на то, чтобы описывать реальный мир, но ее описание справедливо по определению ее собственной терминологии»[42].

Однако *невозможность увеличивать производство продовольствия Т. Мальтус объяснял* не только медленными техническими усовершенствованиями в сельском хозяйстве и *ограниченностью ресурсов земли*, но и прежде всего надуманным *и популярным в то время «законом убывающего плодородия почвы»*. Кроме того, использованная им американская статистика в пользу «геометрической прогрессии» роста численности населения более чем сомнительна, ибо не отражает разницу между числом иммигрантов в США и числом родившихся в этой стране. Но одновременно нельзя, по-видимому, забывать оговорку самого Т. Мальтуса о том, что, познакомившись с его трудом, «всякий читатель должен признать, что, несмотря на возможные ошибки, практическая цель, которую преследовал автор этого сочинения, состояла в улучшении участи и увеличении счастья низших классов общества»[43].

Резюмируя все «за» и «против» в связи с «Опытом...» Т. Мальтуса, М. Блауг утверждает: «Неверные прогнозы мальтусовской теории народонаселения объясняются тем, что мотивы к ограничению рождаемости вовсе не были независимы от исхода гонки между величиной населения и объемом средств существования». Поэтому он делает вывод о том, что даже в результате столетней дискуссии по поводу теории народонаселения этого автора «его теорию можно интерпретировать так, чтобы она соответствовала критерию опровержимости (в этом виде она и была опровергнута)»[44].

Теория стоимости и доходов

Обращает на себя внимание то, что критиками творчества Т. Мальтуса, как правило, замалчивается или упоминается вскользь сам факт многолетних дружественных отношений и научных контактов между ним и Д. Рикардо. В лучшем случае их дружба и сотрудничество преподносятся как нечто случайное, обусловленное идейными спорами и разногласиями «разных» по призванию коллег.

Между тем Т. Мальтус и Д. Рикардо имели немало общих суждений по социально-экономическим и общественным проблемам. Например, Д. Рикардо разделял *«железный закон заработной платы» Т. Мальтуса*, который вытекает из его теории народонаселения и в соответствии с которым зарплата в обществе якобы не может расти, неизменно оставаясь на низком уровне. По этому поводу М. Блауг пишет: «Вполне очевидно, что **теория прожиточного минимума заработной платы — это никакая не теория:** прожиточный минимум берется как нечто данное, обусловленное тем, как трудовое население относится к продолжению рода, а также, по-видимому, общим уровнем медицинских познаний. **Это всего лишь один из примеров классической склонности упрощать анализ**, уменьшая число переменных, подлежащих определению. Теория прожиточного минимума заведомо не годится для определения заработной платы в какой-либо конкретной ситуации из-за своей безнадежной неоднозначности: мы не можем знать, о каком отрезке времени идет речь» (выделено мной. — *Я.Я.*)[45].

Почти идентичными по существу были и теории стоимости Т. Мальтуса и Д. Рикардо, имея в виду не только затратный принцип, который лежит в их основе, но и сделанные к ним личные комментарии. В частности, в очередном издании своих «Начал...» в главе «О стоимости» Д. Рикардо добавил примечание с полной выдержкой сравнения трудовой теории и мальтусовской теории издержек в «Принципах политической экономии», на которое ответил: «Г-н Мальтус думает, по-видимому, что согласно моей теории издержки производства какой-либо вещи и стоимость ее тождественны; это так, если он под издержками понимает «издержки производства», включающие прибыль»[46].

К сказанному добавим также, что Т. Мальтус фактически повторил Д. Рикардо в освещении *теории прибыли*. Последнюю оба автора представляли себе в качестве составной части цены. Причем, по формулировке Т. Мальтуса, для ее выявления *из стоимости (цены) товара следует вычесть издержки в процессе производства на труд и капитал*.

Теория воспроизводства

Личный вклад Т. Мальтуса в разработки классической политической экономии и концепции рыночных экономических отноше-

ний отнюдь не ограничивается выявлением взаимосвязи экономических процессов и природы или полемикой с Д. Рикардо, помогавшей обоим ученым вносить коррективы в свои теоретические и методологические позиции. Важный аспект, в котором Т. Мальтус пошел дальше Д. Рикардо и других экономистов той поры и который остался в истории экономической мысли, — это его исследование проблем реализации совокупного общественного продукта. Дело в том, что в соответствии с достигнутым к началу XIX в. «классической школой» уровнем экономической теории (особенно «благодаря» А. Смиту и Д. Рикардо) ключевой проблемой в экономике считалось накопление, обеспечивающее инвестирование дальнейшего роста производства. Возможные трудности в потреблении, т.е. реализации производимой товарной массы, во внимание не принимались и оценивались как частное преходящее явление. И это несмотря на завершившийся к тому времени в развитых европейских странах промышленный переворот, который сопровождался и такими новыми социальными невзгодами, как разорение в конкурентной борьбе мелких собственников-предпринимателей и безработица.

Учитывая определенную тенденциозность суждений своих предшественников и современников «по школе» о производительном и непроизводительном характере труда различных «классов» общества, Т. Мальтус в «Принципах...» выдвинул неожиданное в ту пору *положение о недостижимости достаточного спроса и полной реализации производимого общественного продукта без посильного и столь же необходимого участия в этом наряду с производительными классами и «непроизводительных классов»*. Тем самым Т. Мальтус бросил смелый *вызов тем, кто допускал абсурдную мысль о паразитизме огромных масс людей, относимых к непроизводительным классам* из-за их деятельности, скажем, в вооруженных силах (армии) или религиозных и административных учреждениях и т.п. По мнению Т. Мальтуса, чиновничество и другие *непроизводительные слои общества представляют собой совокупность «третьих лиц», содействующих и созданию, и реализации общественного продукта*. В частности, «по Мальтусу, интересы землевладельцев отнюдь не противоречат всегда интересам остального общества — напротив, экономическое процветание зависит от процветания класса лендлордов»[47].

Впрочем, в частной переписке Т. Мальтус и Д. Рикардо не обошли и *проблемы теории реализации*. Они были солидарны в отношении того, что касалось возможности облегчить бремя безработицы путем реализации общественных программ, как, например, дорожного строительства. Но Т. Мальтус, судя по его высказываниям в «Принципах...», был убежден в том, что «одна только покупательная способность работающих классов не в состоянии обеспечить стимулы для полного использования капитала» и что капиталисты,

«по предположению, обрекли себя на бережливость, чтобы путем лишения себя привычных удобств и удовольствий сберегать часть своего дохода и накапливать предметы роскоши»[48].

Исходя из этого заблуждения о «самоуничтожающихся сбережениях», Т. Мальтус, как и Д. Рикардо, считает, что пределов для расширения производства не существует. А на вопрос о масштабах перепроизводства отвечает: «Вопрос о перепроизводстве состоит исключительно в том, может ли оно быть всеобщим, так же как и затрагивать отдельные сферы экономики, а не в том, может ли оно быть перманентным, так же как и временным»[49]. Следовательно, *по Мальтусу в отличие от Рикардо, возможны не только частные, но и общие кризисы*. Но при этом оба они единодушны в том, что *любые кризисы — явления временные, и в этом смысле доводы об их отступничестве от постулатов «закона Сэя» исключаются*.

Несмотря на то что с высот современной экономической теории концепция Т. Мальтуса о возможности полной реализации (а по сути предотвращения кризисов) посредством предъявляемого спроса «третьих лиц» в действительности подобного достичь не позволяет, ее значение, тем не менее, велико. Как признал более 100 лет спустя Дж.М. Кейнс, именно Т. Мальтус явился для него тем автором, кто вооружил его антикризисными идеями о факторах *«эффективного спроса»,* роли в потреблении произведенного продукта промежуточных слоев общества и др.

Вопросы и задания для контроля

1. Как формулирует Д. Рикардо главную задачу политической экономии?
2. Приведите суждения Д. Рикардо по поводу категорий «стоимость» и «капитал», доходов основных классов общества и денег.
3. Дайте оценку высказываниям Д. Рикардо о тенденции заработной платы и прибыли к понижению в условиях «частной и свободной рыночной конкуренции».
4. Чем обусловлено положение Д. Рикардо о том, что «рента не есть составная часть цены товаров».
5. В чем суть и основные положения «закона Сэя»? Что свидетельствует о приверженности к этому «закону» других авторов классической школы?
6. Раскройте общие положения в теории трех факторов Ж.Б. Сэя и теории издержек производства Т. Мальтуса.
7. В чем отличие теории стоимости Ж.Б. Сэя от трудовой теории стоимости?

8. Правомерна ли трактовка Ж.Б. Сэя о происхождении доходов предпринимателей?
9. Каковы основные идеи книги Т. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» и в чем их значение для экономической науки?
10. Какова взаимосвязь «закона убывающего плодородия почвы» и «железного закона заработной платы» Т. Мальтуса?
11. Раскройте суть «теории третьих лиц» Т. Мальтуса.
12. Почему Дж.М. Кейнс считал Т. Мальтуса одним из предшественников своей концепции бескризисного экономического развития?

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Юность науки. М.: Политиздат, 1985.

Антология экономической классики. В 2-х т. М.: Эконов, 1993.

Афанасьев В.С. Давид Рикардо. М.: Экономика, 1988.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. М.: Прогресс, 1993.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Сэй Ж.Б. Трактат политической экономии. М., 1896.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Приложение

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ СМИТИАНЦЕВ ПОСТМАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА В ТРУДАХ А. БУТОВСКОГО И И. ВЕРНАДСКОГО*

Бутовский А.И. (1814—1890)

Александр Иванович Бутовский — директор департамента министерства финансов России, был его представителем в Лондоне, сенатор. В 1847 г. увидел свет первый в России написанный по-русски трехтомный курс политэкономии А. Бутовского «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» (общим объемом более 1500 страниц), на десятилетие ставший единственным учебником политэкономии в стране. Хотя современники по-разному оценили этот труд (в том числе весьма критически), он представляет определенный интерес как первый учебник, имеющий ставшую в последующем классической структуру, содержащий ряд интересных положений, например, о благах внешних и внутренних и о роли невещественных факторов производства.

Свой курс политэкономии А.И. Бутовский построил по классической схеме Ж.Б. Сэя: в первом томе рассматривалось производство, во втором — обращение и распределение, в третьем — потребление. Предмет политэкономии А. Бутовский определял довольно расширительно — как «науку о народном богатстве, исключительно посвящающую себя изучению средств, с помощью которых люди, в обществе живущие, достигают возможного благосостояния». Он относил политэкономию, наряду с философией, эстетикой, нравоучением (этикой) и правоведением, к нравственно-политическим наукам и требовал внесения в нее морального начала.

Заслуживают внимания высказанные в книге А.И. Бутовского положения о благах внешних и внутренних; о капитале («самобытном, поземельном и нравственном»); о значении промыслов, производящих невещественные блага, к которым он относил здравоохранение, образование, художественные промыслы; о необходимости «применения производительных сил народных к наделению общества благами внутренними».

В конце третьего тома А.И. Бутовский посвятил несколько страниц критике социализма и коммунизма, выступая против «водворения» равенства «путями искусственными и насильственными». И хотя в последующем в работах других авторов эта критика носила более основательный и развернутый характер, подход А.И. Бутовского, как одного из первых критиков социализма, заслуживает определенного

---

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С.45—57.

интереса и потому приводится в данной работе. Заслуживает внимания и достаточно взвешенное мнение А. Бутовского о русской общине, высказанное им накануне реформы 1861 г. Фрагменты из его работы на эту тему — статьи «Общинное владение и собственность» — также приводятся ниже. Курсив по всему тексту принадлежит автору.

Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. — СПб., 1847. Т. 1—3.

Том 1. Политэкономия как нравственная наука. Два главных хранилища фактов и явлений: природа и свободно-разумная деятельность человека. От этого сфера познания разделяется на две половины: в одну входят науки, излагающие законы природы, — науки *физические,* в другую — науки, объясняющие законы, которыми направляется свободно-разумная деятельность человека к достижению различных целей, — науки *нравственные.*

Подобно физическим, нравственные науки восходят от рассеянных фактов к законам с помощью наблюдения и анализа. Побуждения, в которых кроется начало свободно-разумной деятельности человека и которые все подходят под пять категорий: *истинного, изящного, доброго, правого и полезного,* существуют с тех пор, как род человеческий занял место в ряду тварей земных.

Эмпиризм, ложные системы и влияние страстей на убеждения — вот тучи, затмевающие законы, которым должна следовать свободно-разумная деятельность человека: их-то стремятся рассеять науки нравственные. *Политическая экономия,* развив идею полезного, откроет законы, по которым люди, не изменяя всем прочим условиям усовершимости рода человеческого, обретают в своей собственной деятельности и в природе их окружающей средства к удовлетворению своих потребностей (с. VI).

О благе или полезности. Идею *блага* или *полезности* должно естественно относить ко всему, что отвращает недостаток, порождающий в нас нужду или желание; ко всему, в чем содержится условие нашего довольства; короче, ко всему тому, что может служить к удовлетворению наших потребностей.

Значение *блага* или *полезности* нельзя ограничить тесным кругом вещественности. Не нужно глубоких и продолжительных умствований, чтобы убедиться, что, кроме благ *внешних, вещественных,* люди сильно нуждаются в благах *внутренних, невещественных.* Мы страдаем также от недостатка здоровья, познания, добрых привычек. Обладание этими благами внутренними для нас столь же важно, как и внешними, и, почему не сказать того, еще важнее: в них заключается одно из самых существенных условий приобретения и сохранения благ внешних (с. 9).

О капиталах. Капитал снискивает постоянную производительность не иначе как в совокуплении то с безвозмездною силой природы, то с присвоенною, то с трудовыми способностями человека. В первом случае он применяется к производству через приспособление различных сил и

тел, представляющих к тому надлежащие свойства, и может рассматриваться как *самобытный,* во втором ему прилично название *поземельного;* в третьем он приемлет качество капитала *нравственного* (с. 194—195).

Всякий одарен способностями душевными и телесными, но эти способности требуют развития образования. Ценности, употребляемые на образование, не потеряны. В обмен на них мы снискиваем другие ценности, состоящие в благах внутренних, увеличивающих производительность труда, с которыми совокупляются, в виде капитала нравственного. Приходит пора, когда мы извлекаем пользу самую существенную из учености, искусства, навыка, приобретенных в молодости и сохраненных воспитанием.

Участие, принимаемое капиталом нравственным в производстве, совершенно сходно с тем, которому предназначены капиталы постоянные, самобытные. Подобно орудиям, образование служит нам, нимало не изменяясь; оно в нас остается и даже имеет то преимущество перед другими капиталами постоянными, что, по мере применения к производству, беспрестанно обогащается новой опытностью (с. 203).

О производстве невещественных благ. Промыслы, доставляющие полезности вещественные, много способствуют благосостоянию людей, но их нельзя рассматривать как единственное условие этого благосостояния. Достаточно снабженный пищею, одеждою, кровом, орудиями, человек еще не может считаться удовлетворенным, если ему недостает здоровья, силы телесной, если в нем не развито и не просвещено воображение; если он не имеет довольно познаний, опытности, искусства; если воля его не вооружена началами нравственности; если, наконец, он не обеспечен против нарушений, угрожающих его собственности и его личности. К тому же без помощи этих благ внутренних, невещественных, неосязаемых, но тем не менее живо сознаваемых, нельзя допустить, как мы достаточно убедились, успешного производства промыслов, сообщающих полезное преобразование вещам. Элементы благ внутренних предсуществуют в человеке, так точно как элементы благ внешних, вещественных, предсуществуют в природе, нас окружающей (с. 428—429).

Без сомнения, жизнь государственная требует от человека образования не только эстетического и умственного, но еще нравственного и религиозного: просветив и облагородив свое чувство, укрепив и обогатив познаниями свой разум, он еще далек от возможного совершенства, пока не победит своей воли и не приручит ее уклоняться от побуждений злых и предпочтительно избирать добрые. Без сомнения, подле сил, занятых разного рода промыслами, общество должно еще находить силы, исключительно направляемые на доставление ему безопасности, как всему, так и в лице каждого из его членов, — силы, которые, по самой сущности их назначения, совокупляются в руках законной власти или правительства, подчиняются его надзору, предоставляются его распоряжению. Неоспоримо также, что как нравственно-религиозное образование, так и безопасность не могут быть

доставлены народу без участия в том его производительных сил: природных преимуществ, доставшихся ему в удел, капиталов, им приобретенных, труда и образованности его членов; и что в высоких установлениях, стремящихся к достижению этих целей, как и в промышленности вообще, деятельность человеческая не может обойтись без средств материальных и средств нравственных; но мы ограничимся одним указанием этой аналогии и не будем входить в подробнейшие объяснения, чтобы не навлечь на себя упреки в чрезмерном распространении круга науки, которую здесь предприняли изложить (с. 501—502).

Том 3. О социализме и коммунизме. Поверхностный мыслитель оплакивает неизбежное неравенство благ; грубый коммунист проповедует настоящее восстание бедных против богатых; социалист, увлекаемый несбыточными мечтами, громоздит фантастические системы, низводит разум на степень инстинкта и хочет превратить мир в пчелиный улей, где всем будет довольно меду и цветов. Жалкие и бесплодные усилия ума человеческого!

Истинный друг человечества может желать равенства прав гражданских и свободы для всех членов общества: он не должен желать равенства фортун и еще менее стремиться к водворению его путями искусственными и насильственными. Богатство всегда должно служить поощрением к деятельности и добродетелям и быть их наградой. Обобрав одних и наделив всех поровну противно и воле и благости Провидения. Оно так же нелепо, как и несправедливо. Не пройдет года и в одних руках — нерадивых или не умеющих — доли уничтожатся, в других — искусных и трудолюбивых — они прирастутся, везде окажется прежнее неравенство и нужно снова приняться за дележ, всегда награждая леность, порок и посредственность, всегда наказывая прилежание, нравственность и талант. Утомив последние, общество скоро уменьшит самое делимое; по недостатку чистого продукта, коснется капиталов, и на месте образованности быстро водворятся одичалость и варварство. В благоустроенном обществе, где господствуют христианские нравы, избыток богатых служит спасительным запасом для бедных: благотворительность в том порукой. В минуты бедствия этот запас — предмет зависти для одних, нелепых нападок от других — проливается на неимущих росою благодеяния и пособий. Без него они погибли бы неминуемо: он помогает им вынести бремя лишений. Личный интерес богатых, который так порицают в своей слепоте поверхностные философы, как дракон, стережет целость этого сокровища и не дает ему погибнуть. Когда туча пройдет и дни просияют, общество находит опять в этих капиталах и пособие труду своему, и средства к существованию; оно лишилось бы их невозвратно, если бы последовало советам близоруких законодателей, в глазах которых сомнительные результаты непосредственные совершенно заслоняют несравненно важнейшие условия будущности (с. 396—401).

Бутовский А. Общинное владение и собственность. Б. м. 59 с.

В последнее время в наших журналах происходила интересная полемика о выгодах и невыгодах общинного владения землей. Одни ответят, что должно сохранить общинное владение землей, существующее ныне в крестьянском хозяйстве; другие скажут, напротив, что его следует отменить. Истина, по нашему мнению, между этими двумя крайностями: общинного владения землей между крестьянами не должно ни отменять, ни сохранять. Не нужно ни ломать народного быта, ни препятствовать его естественному перерождению. Последнего нельзя не предвидеть: вследствие освобождения от крепости, крестьяне будут поставлены в совершенно новые для них условия жизни. При этих условиях может и должно сохраниться в том или другом виде общинное устройство административное, но ничто не обусловливает необходимости непременного сохранения общинного владения. Оно у нас сложилось естественно, положим, но так же точно оно может и прекратиться и уступить место личным отношениям и частной поземельной собственности.

Мы полагаем, что не следует ни прямо, ни косвенно разбивать общинное владение там, где оно водворено и держится или где вновь водворится вследствие добровольных частных сделок крестьян между собой или с помещиками. Но вписать в наши законы обязательность этого образа владения землей для целого огромного сословия было бы несправедливо, во-первых, потому что через это было бы искажено и подорвано право собственности, долженствующее служить основанием перерождения и благоустройства этого сословия, во-вторых, потому что от безысходности, искусственно приданной общинному владению землею, неминуемо должно последовать стеснение. Общинное владение есть древняя исконная форма, отживающая свой век, как таковая, она заслуживает всякого уважения, и никто не требует ее преждевременного разрушения; пусть она скончается мирно и покойно своею натуральной смертью; но зачем насильно н упорно навязывать это обветшавшее наследие давно минувшей старины живому и юному народу русскому в ту самую минуту, как он готовится к жизни новой и свободной?

Вернадский И.В. (1821—1884)

Иван Васильевич Вернадский родился в Киеве, в семье небогатых дворян Черниговской губернии. По окончании Киевского университета Св. Владимира и после недолгого периода учительства в 1843 г. он был послан для продолжения учебы за границу, где пробыл три года. По возвращении стал профессором политической экономии Киевского университета. В 1847 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Очерк теории потребностей», а в 1849 г. — докторскую «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века». В 1850 г. стал работать на кафедре политэкономии Московского университета; в 1856 г. переведен в Пе-

тербург и до 1867 г. был чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. С этой должностью он сочетал преподавание в Главном педагогическом институте и Александровском лицее. В 1867—1876 гг. состоял управляющим конторой Государственного банка в Харькове, где был также председателем общества взаимного кредита и товарищем председателя статистического комитета. Основал и редактировал журналы «Экономический указатель» (1857—1861) и «Экономист» (1858—1864). Умер в 1884 г. в Петербурге.

Жена И. Вернадского — Мария Николаевна Вернадская (урожденная Шагаева) (1831—1860) — первая русская женщина-экономист, написавшая немало работ по популяризации основных начал политической экономии (иногда в форме притч с определенной экономической моралью), о проблемах женского труда и положении женщин.

Сын И. Вернадского от второго брака — Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) — известный ученый-естествоиспытатель, академик, автор работ по философии естествознания и науковедению.

В области политэкономии И. Вернадский примыкал к английским классикам и школе Ж.Б. Сэя. Он был последовательным сторонником так называемой «манчестерской школы» в экономической политике, основное положение которой требовало полного невмешательства государства в хозяйственную жизнь и распространения принципов свободной конкуренции на все стороны хозяйственной деятельности, в том числе и на отношения между трудом и капиталом.

И. Вернадский был активным противником крепостничества, выступал против проектов освобождения крестьян посредством высоких выкупных платежей. Отрицательно относился к социализму и общинному земледелию. По этому вопросу он вел острую полемику с Н.Г. Чернышевским. Статьи И. Вернадского «О поземельной собственности» были опубликованы в журнале «Экономический указатель» (№ 22, 25, 27 и 29 за 1857 г.). Главный тезис И. Вернадского состоял в следующем: «Поземельное общественное владение наименее рационально из всех видов общественного пользования, что доказывается уже тем, что оно везде исчезло с развитием потребностей и образования». Общинный принцип пользования землей, подчеркивал И. Вернадский, «отнимает право хозяйственной инициативы от частного лица и передает его общине», он делает невозможной «свободу перехода участков земли из рук в руки, что необходимо для рациональной организации самого хозяйства».

Основные работы И.Вернадского: «Очерк теории потребностей» (СПб., 1847), «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века» (М., 1849); «Очерки истории политической экономии» (СПб., 1858); «О мене и торговле» (СПб., 1865). Кроме того, он перевел и прокомментировал часть работы А. Шторха «Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие» (СПб., 1881).

Одна из главных экономических работ И. Вернадского — «Проспект политической экономии» (СПб., 1858) — представляет собой развернутую программу курса политической экономии в том виде, как она излагалась в то время автором студентам. После исторического очерка науки политэкономии в ней помещены разделы о потребностях и труде, о труде как источнике производства, теории доходности и цены, о заработке, потреблении, кредите и финансах. Из содержания «Проспекта» следует, что И. Вернадский был сторонником трудовой теории стоимости, на основе которой пытался объяснить источники всех доходов. Более того, сам предмет политической экономии он определял так: «Политическая экономия, как наука, в настоящий момент своего развития есть по преимуществу теория труда, или теория ценности» (с. 1). И далее: «В политической экономии господствуют два направления: положительное и отрицательное. Первое имеет в виду преимущественно все общество; второе более отдельные лица. Экономические понятия древних и меркантилизм принадлежат к первому; физиократия и школа А. Смита ко второму».

В отличие от А. Бутовского И. Вернадский считал, что стоимость создается только трудом, поскольку капитал сам является «накопленным трудом» и предъявляет претензию на часть созданной стоимости только по праву «владения». «Владение и труд составляют главные условия образования ценностей и основание всякого правильного *хозяйства* (здесь и далее курсив мой. — *Я.Я.*) как системы экономической деятельности» (с. 40).

По мнению И. Вернадского, «заработок необходимо равен ценностям, употребляемым для органической *поддержки деятелей, орудий труда* (работников); но различные паи, приходящиеся на долю каждого из них, зависят от состояния на них запроса и предложения» (с. 37). «Под именем *«органической поддержки»* деятелей труда разумеем, кроме удовлетворения их прямых общественных и местных потребностей, также и доставление возможности продолжения их существования, как рода, т.е. известную затрату на их специальное образование в массе» (с. 38). И. Вернадский предугадал тенденцию развития денег при капитализме; он писал: «Высшее экономическое развитие предполагает принятие за деньги — идеальной единицы кредита» (с. 41). «Народный доход состоит в массе новых годностей, появившихся в стране в известный период времени, или есть то увеличение, которому подверглись все ценности страны в течение известного времени вместе с теми вещностями, которые получили ценность впервые» (с. 48).

Некоторые современные исследователи считают, что И. Вернадского можно признать первым в России историком экономической мысли, попытавшимся в своей работе «Очерк истории политической экономии» осуществить классификацию и систематизацию направлений экономической науки. Всю мировую экономическую науку, начиная с древнейших времен, он предлагал делить на два больших направления — положительное и отрицательное. Первое включает тех,

кто считает, что экономическое развитие зависит от положительной, т.е. активной, роли государства (сторонники меркантилизма, протекционизма и социализма). Второе, напротив, рекомендует полагаться на естественные законы развития и отрицает вмешательство государства в экономику либо ограничивает его узкими рамками) (физиократы и сторонники А. Смита). Себя И. Вернадский относил ко второму направлению. Спасение России И. Вернадский видел не в коллективизме и общинности, а в быстром хозяйственном подъеме, что позволит ей избежать «западных болезней» и одновременно социализма с его опасными фантазиями.

В «Очерках...» представлен большой круг экономистов различных направлений, в том числе российских. Как писал И. Вернадский, его цель состояла в том, чтобы «сколько-нибудь ознакомить русских читателей с именами, не всегда громкими, добросовестных тружеников науки». Дается краткая справка об авторе и его основных работах. Ниже приводится текст авторского введения к «Очеркам...».

Вернадский И. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858.

Вследствие недавнего появления науки политической экономии и отчасти по причине не вполне установившихся основных понятий о ней, история ее в настоящее время еще мало обработана. Тем не менее мы можем в ее развитии ясно отличить как главные направления, так и отдельные моменты их проявления. Направлений этих два: положительное и отрицательное. Первое требует на практике искусственной организации хозяйственных отношений общества, а вследствие того — непосредственного участия правительства в экономических действиях народа, второе, напротив, стремится к возможно большей экономической самостоятельности лиц в обществе, и отрицает пользу постороннего вмешательства в их частные дела. Основное практическое положение первого поэтому есть признание зависимости явлений богатства от общественной власти; второго — та мысль, что в основе всех экономических явлений лежат естественные законы, не подчиненные произволу власти; первое направление обращает внимание преимущественно на общество и государство как целое; второе — более на отдельные лица. Первое называет политическую экономию наукой о государственном, второе — о народном хозяйстве. В истории науки к положительному направлению принадлежат *экономические понятия древних, меркантилизм, протекционизм* и *социализм*; к отрицательному — *физиократия* и школа *Адама Смита* или *промышленная.*

Во всех этих школах мы замечаем множество постепенностей или оттенков; самые противоположные направления иногда сближаются между собой. К таким сближениям принадлежит *историческое направление* и самый *протекционизм,* приближающийся, впрочем, более к меркантилизму, а следовательно, к положительному направлению, к которому мы и относим его.

Все эти различные учения произошли не вдруг, а образовались постепенно и притом сходным процессом; так, в каждом из них легко можно отличить три главных момента развития: обыкновенно сперва являлись идеальные планы изменения существующих форм хозяйственной деятельности народа, потом предпринимались более или менее односторонние исследования или описания экономических фактов, и, наконец уже, на основании этих исследований образовывалась известная теория труда и благосостояния. Как истории других наук, и история политической экономии представляет две стороны для исследования: *внешнюю и внутреннюю.* Из них первая соответствует движению идей, или теоретической части науки, вторая — их осуществлению, или экономической практике. Полное отделение, впрочем, этих сторон научной деятельности едва ли возможно в настоящее время, и подробное изложение движения политической экономии еще чрезвычайно затруднительно по недостатку обработанных материалов (с. 1—2).

Глава 10. Завершение классической политической экономии

Изучив данную главу, вы узнаете:

- что именно с Дж.С. Миллем «классическая политическая экономия достигнет, так сказать, своего совершенства и с ним же она начнет приходить в упадок» (Ш. Жид и Ш. Рист);
- каких институциональных реформ требовал Дж.С. Милль, хотя «он никогда не отказывался от своего убеждения в эффективности ценообразования в условиях конкуренции» (П. Самуэльсон);
- что «в своем несомненном умении доводить экономическую аргументацию до ее логического завершения Маркс не имел равных среди своих современников» (М. Блауг);
- в силу каких обстоятельств «Маркс теоретически встал полностью на положения классиков, развил их и, развивая, трансформировал» (Н. Кондратьев);
- что «значение Маркса для современной экономической теории заключается в том, что его работы — это неистощимый источник прямых, непосредственных наблюдений действительности» (В. Леонтьев).

§ 1. Экономическое учение Дж.С. Милля

Джон Стюарт Милль (1806—1873) — один из завершителей классической политической экономии и «признанный авторитет в научных кругах, чьи исследования выходят за пределы технической экономики»[1].

Его *отец Джеймс Милль* — экономист, ближайший друг Д. Рикардо — строго следил за воспитанием сына. Поэтому младшему Миллю уже в 10 лет приходилось делать обзор всемирной истории и греческой и латинской литературы, а в 13 он даже написал историю Рима, продолжая одновременно изучение философии, политической экономии и других наук.

Свои первые «Опыты...» по политической экономии Дж.С. Милль опубликовал, когда ему было 23 года, т.е. в 1829 г. В 1843 г. появилась его философская работа «Система логики», которая принесла ему известность. Главный же труд (в пяти книгах, как у А. Смита) под названием «Основы политической экономии» был издан в 1848 г.[2]

Практическая деятельность Дж.С. Милля была связана с Ост-Индской компанией, в которой он занимал высокий пост вплоть до ее закрытия в 1858 г. В 1865—1868 гг. он был членом парламента.

После смерти жены, помогавшей ему в подготовке многих научных работ, Дж.С. Милль переехал во Францию, где в Авиньоне провел последние 14 лет своей жизни (1859—1873), не считая периода его членства в парламенте.

Принимая во внимание признание самого Дж.С. Милля, в теоретико-методологическом плане он действительно во многом близок своему кумиру Д. Рикардо. Между тем позиции, принимаемые как «логический вывод» из учения Д. Рикардо, и позиции, демонстрирующие творческие достижения непосредственно Дж.С. Милля, сосредоточены в основном в его лучшем труде, полное наименование которого «Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии» и о котором последует речь ниже.

Предмет и метод изучения

Как видно уже из книги I пятикнижия, Дж.С. Милль принял рикардианский взгляд на *предмет политической экономии,* выдвинув на первый план **«законы производства»** и **«законы распределения».** Причем в последней главе книги III автор «Основ...» почти повторяет своих предшественников по «школе», указывая, что «в экономическом развитии нельзя не считаться с возможностями сельского хозяйства».

В области *методологии исследования* у Дж.С. Милля очевидно как повторение достигнутого классиками, так и существенное поступательное продвижение. Так, в главе 7 книги III он солидаризируется со сложившейся концепцией *«нейтральности» денег,* и в ряде последующих глав этой книги несомненна его приверженность количественной теории денег. Отсюда из-за недооценки функции денег как меры ценности товарного запаса Дж.С. Милль дает упрощенную характеристику богатства. Последнее, на его взгляд, определяется как сумма покупаемых и продаваемых на рынке благ.

В то же время специфичным для методологии автора «Основ...» является противопоставление *законов производства и законов распределения. Первые*, как он полагает, *неизменны и заданы техническими условиями,* т.е. наподобие «физических истин» они имеют характер, «свойственный естественным наукам», «в них нет ничего, зависящего от воли». А *вторые,* поскольку *ими управляет «человеческая интуиция», таковы, «какими их делают мнения и желания правящей части общества, и весьма различны в разные века и в разных странах»*[3]. Именно законы распределения, на которые влияют *«законы и обычаи данного общества»,* предопределяют персональное распределение собственности посредством распределения доходов между «тремя основными классами общества». Из этой методологи-

ческой посылки формирования законов распределения человеческими решениями Дж.С. Милль разрабатывает затем собственные рекомендации социального реформирования общества.

Другой новый момент в методологии исследования Дж.С. Милля — попытка выявления различий в заимствованных им у О. Конта понятиях *статики* и *динамики*. В главе 1 книги IV он отмечает, что всем экономистам было свойственно стремление познать законы экономики «общества стационарного и неизменного» и что теперь следует добавить «динамику политической экономии к ее статике»[4].

Теория производительного труда

Из затронутых Дж.С. Миллем многочисленных теоретических проблем сложно какую-либо поставить на первое место. Начнем, тем не менее, с *теории производительного труда* (главы 1 и 2 книги I). По сути этой теории он целиком солидарен с А. Смитом. В ее защиту автор «Основ...» утверждает, что *только производительный труд* (труд, результаты которого осязаемы) *создает «богатство», т.е. «материальные блага»*. Новизна его позиции здесь лишь в том, что производительным он рекомендует также признать труд по охране собственности и приобретению квалификации, позволяющий наращивать накопление. По утверждению Дж.С. Милля, доходы от производительного труда имеют производительное потребление, если это потребление «поддерживает и увеличивает производительные силы общества». А любые *доходы от непроизводительного труда,* считает он, — *это только простое перераспределение дохода, созданного производительным трудом*. Даже потребление заработной платы рабочих, по Миллю, производительно, если оно доставляет минимум средств, необходимых для поддержания рабочего и его семьи, и непроизводительно в той части, в какой оно доставляет «предметы роскоши».

Теория доходов

Дж.С. Милль по существу *заработной платы* придерживался в основном взглядов Д. Рикардо и Т. Мальтуса. Характеризуя ее *как плату за труд* и полагая, что она зависит от спроса и предложения на рабочую силу, автор «Основ...» повторил их вывод о неизбежном минимальном размере оплаты труда рабочих, что стало основой его *доктрины «рабочего фонда»*. В соответствии с последней ни классовая борьба, ни профсоюзы не могут предотвратить формирование заработной платы на уровне прожиточного минимума. Но в 1869 г. в одной из своих статей Дж.С. Милль официально отказался от положений доктрины «рабочего фонда», признав, что профсоюзы действительно влияют на действия по ограничению заработ-

ной платы, которые может «совершить конкуренция на рынке труда». Кроме того, следует отметить, что, по Миллю, заработная плата при прочих равных условиях более низкая, если труд менее привлекателен. Наконец, как видно из главы 4 книги I, Дж.С. Милль, как и Д. Рикардо, не отождествляет понятие *минимум заработной платы* с понятием *физиологический минимум,* разъясняя, что первое превышает второе. При этом источником для выплаты заработной платы автор «Основ...» называет некий *капитальный запас.*

Главы 4—6 книги I Дж.С. Милль посвящает теории капитала, который характеризует как «ранее накопленный запас продуктов прошлого труда»[5]. В главе 5, в частности, развивается положение о том, что капиталообразование как основа инвестиций позволяет расширить масштабы занятости и может предотвратить безработицу, если, правда, не имеются в виду «непроизводительные расходы богатых».

Еще одной общей позицией Дж.С. Милля и Д. Рикардо является осмысление *теории ренты.* Автор «Основ...» принимает положения Д. Рикардо о рентообразующих факторах, *видя в ренте «компенсацию, уплачиваемую за пользование землей»*[6]. Но, как уточняет Дж.С. Милль, следует учитывать, что в зависимости от формы использования земельного участка он может либо обеспечивать ренту, либо, наоборот, потребует издержек, исключающих этот доход.

Не вдаваясь в другие подробности теории распределения доходов Дж.С. Милля, т.е. распределения заработной платы, ренты и прибыли, отметим, что автор «Основ...» *в главных выводах* на этот счет всецело *примкнул к «лагерю» мальтузианцев.* Судя по главе 10 книги I, теория народонаселения Т. Мальтуса для него просто аксиома, особенно когда в третьем разделе этой главы он констатирует, что в Англии в течение 40 лет после переписи населения 1821 г. средства для существования не опережали темп роста населения. Затем в главах 12 и 13 книги II мы видим многообразную аргументацию мер по ограничению семьи за счет добровольного снижения рождаемости, эмансипации женщин и т.п.[7]

Теория стоимости

К *теории стоимости* Дж.С. Милль обратился в книге III пятикнижия. В первой ее главе, рассмотрев понятия *меновая стоимость, потребительная стоимость, стоимость* и некоторые другие, он обращает внимание на то, что стоимость (ценность) не может возрасти по всем товарам одновременно, так как стоимость представляет собой понятие относительное. А в главе 4 книги III автор «Основ...» повторяет тезис Д. Рикардо *о создании стоимости трудом,* требующимся для производства товарных благ, заявив при этом,

что *именно количество труда «имеет первостепенное значение в случае изменения стоимости»*[8].

Теория денег

В книге III рассматривается и *теория денег.* Здесь Дж.С. Милль показывает свою приверженность количественной теории денег, в соответствии с которой увеличение или уменьшение количества денег влияет на изменение относительных цен товаров. По его словам, при прочих равных условиях *стоимость самих денег «меняется обратно пропорционально количеству денег: всякое увеличение количества понижает их стоимость, а всякое уменьшение повышает ее в совершенно одинаковой пропорции»*[9]. Далее, как видно из главы 9, цены товаров регулируются прежде всего количеством находящихся в обращении в данный момент денег, поскольку золотой запас настолько велик, считает он, что возможные изменения издержек на добычу золота за тот или иной год не могут сразу повлиять на корректировку цен. При этом упоминавшийся выше тезис автора «Основ...» *о «нейтральности» денег* сводится к высказыванию, согласно которому в «общественной экономике нет ничего более несущественного по своей природе, чем деньги, они важны лишь как хитроумное средство, служащее для экономии времени и труда. Это механизм, позволяющий совершать быстро и удобно то, что делалось бы и без него, хотя и не столь быстро и удобно, и, как у многих других механизмов, его очевидное и независимое влияние обнаруживается только тогда, когда он выходит из строя»[10].

Теория реформ

Первые *суждения и трактовки социализма и социалистического устройства общества* среди крупных представителей классической политической экономии принадлежат Дж.С. Миллю. Этих вопросов он коснулся вначале в главе 1 книги II в связи с проблемой собственности. Но при всей доброжелательности к «социализму» автор «Основ...» принципиально отмежевывается от социалистов в том, что социальная несправедливость якобы связана с правом частной собственности как таковой. По его мнению, задача состоит лишь в *преодолении индивидуализма и злоупотреблений, возможных в связи с правами собственности.* В главе 6 книги IV он даже заявляет, что жизненный идеал нельзя рассматривать как «борьбу за преуспевание», ибо *«только в отсталых странах мира увеличение производства является наиболее важной задачей — в более развитых странах экономически необходимым считается усовершенствование распределения»*. Наконец, в седьмой главе этой же книги Дж.С. Милль допускает мысль, что «трансформация общества» в сторону самопроизвольного превращения накопленных капиталов в собствен-

ность «тех, кто пользуется ими для производства», могла бы обеспечить «комбинацию, более всего подходящую к организации промышленности». Вместе с тем главный его вывод однозначен: хотя решение практических проблем требует «распространения социалистического мировоззрения», но *«общим принципом должно быть laissez faire, и каждое отступление от него, не продиктованное соображениями какого-то высшего блага, есть явное зло»*[11].

Идеи активизации участия государства в социально-экономическом развитии общества и связанные с этим реформы охватывают в работе Дж.С. Милля многие проблемы. Так, из 20 и 21 глав книги III следует, что государству целесообразно *ориентировать центральный банк на рост (повышение) банковского процента,* поскольку за этим последует прилив в страну иностранного капитала и усиление национального валютного курса и соответственно будет предотвращена утечка золота за границу. Далее, в 7—11 главах книги V разговор о функциях британского государства становится гораздо более содержательным. Вначале (глава 7) автор «Основ...» обосновывает *нежелательность крупных государственных расходов,* затем (главы 8—9) аргументирует, почему в Англии законные государственные функции выполняются неэффективно, и после этого (главы 10—11) переходит к вопросам государственного вмешательства.

Будучи убежденным в том, что *«общим принципом должно быть laissez faire»*, Дж.С. Милль, особенно судя по главе 11 книги V, все же понимает, что существуют различные сферы общественной деятельности — *сферы «бессилия рынка»,* где рыночный механизм неприемлем. И для того, чтобы *без ниспровержения «системы частной собственности»* обеспечить «ее улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах»[12] и чтобы утвердился порядок, при котором «никто не беден, никто не стремится стать богаче и нет никаких причин опасаться быть отброшенным назад из-за усилий других протолкнуться вперед»[13], автор «Основ...» обращается к возможностям государства в части создания инфраструктуры, развития науки, упразднения законов, запрещающих деятельность профсоюзов или ограничивающих ее, и т.д.

Доктрина социальных реформ Дж.С. Милля своим возникновением «обязана» его допущению мысли о том, что *нельзя изменить лишь законы производства, а не законы распределения*[14]. В этом явное непонимание того, что «производство и распределение не составляют обособленных сфер; они взаимно и почти всесторонне проникают друг в друга»[15]. Поэтому тенденциозны и главные положения его реформ, которые Ш. Жид и Ш. Рист свели к трем нижеследующим позициям[16]:

1) уничтожение наемного труда при помощи кооперативной производительной ассоциации;
2) социализация земельной ренты при помощи земельного налога;
3) ограничение неравенства богатства при помощи ограничения права наследования.

Качество образования, по Миллю, выявляется не сразу, и, чтобы не позволить правительству «лепить мнения и чувства людей, начиная с юного возраста», им рекомендуется не общедоступное государственное образование, а *система частных школ или обязательное домашнее образование до определенного возраста*. Государственные школы, по его мнению, могут быть исключением только для отдаленных районов. Общественный образовательный минимум, поставленный на частную основу, полагает автор «Основ...», необходимо сочетать с системой государственных экзаменов (за неуспех на экзамене взимаемый с родителей налог явится компенсацией за продолжение образования), *вменив в обязанность государства обеспечение «денежной поддержки начальной школы»*.

§ 2. Экономическое учение К. Маркса

Карл Маркс (1818—1883) как один из завершителей классической политической экономии оставил заметный след в истории экономической мысли[17]. Его идеи зачастую выходят за рамки непосредственно экономических проблем, сочетаясь с философскими, социологическими и политическими[18].

Карл Маркс родился 5 мая 1818 г. в немецком городе Трире. Он был вторым из девяти детей адвоката Генриха Маркса, выходца из семьи раввинов, перешедшего в 1816 г. из иудейства в протестантизм.

В 1830—1835 гг. учился в гимназии города Трира. С 1835 г. учился на отделении права Боннского университета, а с 1836 по 1841 г. изучал право, философию, историю и историю искусств в Берлинском университете, по завершении которого (1841) получил степень доктора на философском факультете Йенского университета.

К. Маркс всю остальную свою жизнь (1850—1883) находит убежище в Лондоне.

В лондонский период жизни К. Маркс пишет в числе многих произведений и «Капитал», который рассматривал как труд всей своей жизни[19]. Что касается финансовой стороны его жизни в этот период, то она складывалась весьма непросто. Так, с 1851 г. и в течение десяти лет К. Маркс является сотрудником газеты «Нью-Йорк дейли трибюн», но из-за финансовых трудностей на протяжении 1852—1857 гг. вынужден в основном заниматься журналистикой ради заработка, что почти не оставляло времени для продол-

жения экономических исследований. Правда, несмотря на это, ему удается подготовить работу «К критике политической экономии», и при содействии Ф. Лассаля, уговорившего одного из берлинских издателей принять ее, в 1859 г. она была опубликована.

Однако в 1862 г. разрыв с Ф. Лассалем, прекращение с началом гражданской войны в США сотрудничества в «Нью-Йорк дейли трибюн» вызвали значительные *финансовые затруднения,* затянувшиеся до 1869 г., когда неразлучный друг и соратник *Ф. Энгельс решил эту проблему, обеспечив К. Маркса ежегодной рентой.* Именно в этот период, ценою неимоверных усилий и будучи не вполне здоровым[20], — в 1867 г. он окончательно отредактировал и в том же году в Гамбурге издал I том «Капитала». Два других тома (с самого начала было задумано выпустить «Капитал» в трех томах) ко времени издания первого не были готовы к публикации как ввиду болезни и финансовых затруднений, так и, скорее всего, из-за осознания автором незавершенности этой работы.

При жизни К. Марксу так и не удалось завершить II и III тома «Капитала». Еще в ноябре 1878 г. в письме Н. Даниельсону он писал, что к концу 1879 г. подготовит к печати II том «Капитала», но 10 апреля 1879 г. сообщал ему же, что этот том опубликует не ранее, чем изучит развитие и завершение кризиса английской промышленности.

К. Маркса не стало 14 марта 1883 г. — спустя два года после смерти в 1881 г. его жены Женни Маркс. Весь труд по сбору и подготовке к публикации II (вышел в свет в 1885 г.) и III (издан в 1894 г.) томов «Капитала» взял на себя Ф. Энгельс[21]. По-видимому, в самом деле «довольно трудно установить, какая часть приходится на долю Энгельса в произведениях Маркса, но, очевидно, она немаловажная»[22]. Но что касается «Капитала», несомненно и другое: «Тома II и III — посмертные. Их содержание было извлечено Энгельсом из объемистых рукописей Маркса, далеко не законченных»[23].

Особенности методологии

Творческое наследие К. Маркса имеет много общего с достижениями его предшественников по классической школе экономической мысли, особенно А. Смита и Д. Рикардо. Однако их теоретико-методологические позиции, как полагал автор «Капитала», стали лишь вершиной основ *«буржуазной» экономической теории,* и после их трудов классическая политическая экономия якобы себя исчерпала. Уже в главе 1 тома I «Капитала» К. Маркс заявляет, что *«вульгарный экономист» отошел от принципов Смита—Рикардо,* игнорирует «реальные» и «определяющие факторы», скользит по поверхности экономических явлений и имеет дело с субъективным отно-

шением к денежным издержкам экономических агентов. При этом «вульгарный экономист», по Марксу, является выразителем буржуазной (классовой) идеологии и по данной причине (даже не имея намерений быть неправдивым) лишен возможности толковать реальность объективно.

а) Методологические источники

По признанию самого К. Маркса, как ученый *методологически он исходил одновременно из трех научных источников:* английской классической политической экономии Смита—Рикардо, немецкой классической философии Гегеля—Фейербаха и французского утопического социализма. У представителей первых им заимствованы в числе многих других трудовая теория стоимости, положения закона тенденции нормы прибыли к понижению, производительного труда и др., у вторых — идеи диалектики[24] и материализма, у третьих — понятие классовой борьбы, элементы социального устройства общества и др. Поэтому автор «Капитала» является не единственным в числе исследователей начала и середины XIX в., рассматривавших политику и государство как вторичные явления по отношению к социально-экономическим, предпочитавших, следуя каузальному подходу, классифицировать экономические категории как первичные и вторичные, считавших экономические законы, капитализм и, соответственно, рыночный механизм хозяйствования преходящими и т.п.

б) Концепция базиса и надстройки

Однако центральное место в методологии исследования К. Маркса занимает его концепция базиса и надстройки, о которой он заявил еще в 1859 г. в работе «К критике политической экономии». Основная идея в этом произведении была сформулирована так: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, *реальный базис,* на котором возвышается юридическая и политическая *надстройка* и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. *Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[25].

Между тем по большому счету в концепции базиса и надстройки предпринята попытка дать экономическую интерпретацию истории с учетом диалектики производительных сил и производственных отношений, которая подсказывает, по замыслу К. Маркса,

процесс перехода от капитализма к социализму, ибо «буржуазной общественной формацией, — пишет он, — завершается предыстория человеческого общества»[26]. По Марксу, *недиалектический подход и необоснованное признание законов капиталистической экономики универсальными* не позволили понять представителям классической политической экономии, которые собственно открыли эти законы, что они *имеют специфический и преходящий характер*[27].

Обращаясь к сути рассматриваемой концепции К. Маркса, следует заметить, что *идея анализа общественного развития как чередования базиса и надстройки* не проста в применении. Например, «производительные силы зависят одновременно от технической оснащенности и от организации совместного труда, которая в свою очередь зависит от законов собственности. Последние принадлежат к юридической сфере. Но... право — это часть государства, а последнее относится к надстройке. Мы снова сталкиваемся с трудностью отделения базиса и надстройки»[28]. Но, несмотря на это, с тех пор, да и сейчас, «для марксиста экономический подход означает, что организация производства играет решающую роль, предопределяя социальную и политическую структуру, и основной упор он делает на материальных благах, целях и процессах, конфликте между рабочими и капиталистами и всеобщем подчинении одного класса другому»[29].

в) Модель идеального общества

По убеждению К. Маркса, *капитализм,* эра которого «берет свое начало в XVI веке», *исключает гуманизацию общества и демократию из-за частной собственности на средства производства и анархии рынка*. В этой системе трудятся ради прибыли, имеет место эксплуатация одного класса другим, а человек (и предприниматель и рабочий) становится чуждым самому себе, так как не может самореализоваться в труде, деградировавшем лишь в средство существования в условиях непредсказуемого рынка и жесткой конкурентной борьбы. А что касается подлинной свободы вне труда, т.е. свободного времени, то оно, по Марксу, «мерилом богатства» станет не при капитализме, а при коммунизме. Однако у автора «Капитала» действительно «нет никаких убедительных данных ни о том моменте, когда капитализм перестанет функционировать, ни даже о том, что в данный конкретный момент он должен перестать функционировать. Маркс представил определенное число доводов, позволяющих считать, что капиталистический строй будет все хуже и хуже функционировать, однако он не доказал экономически, что внутренние противоречия капитализма разрушат его»[30].

Следует подчеркнуть, что в доводах К. Маркса о неизбежном крахе капитализма главным является не нарушение рыночных принципов распределения доходов между классами общества, а то, что

эта система не обеспечивает полной занятости, тяготеет к колониальной эксплуатации и к войнам. Общественным идеалом он считает *социализм и коммунизм, называя их фазами неантагонистического коммунистического общества, при котором средства производства не будут более объектом индивидуального присвоения и каждый человек обретет свободу* [31].

Теория классов

Впрочем, убежденность К. Маркса в торжестве идеалов бесклассового общества зиждется прежде всего на *теории классов,* ставшей достоянием классической политической экономии еще со времен физиократов и А. Смита. Считая себя последователем «классиков», он действительно занимался «в основном проблемой экономического роста, а именно роста благосостояния и дохода, а также проблемой распределения этого растущего дохода между трудом, капиталом и землевладельцами»[32], т.е. между классами. Но центральной идеей его теории классов является *классовая борьба с тенденцией к упрощению и поляризации общественных групп вокруг главных классов общества*.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс писал: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[33]. Не явится исключением, по Марксу, и капиталистическое общество с его нарастающими противоречиями: буржуазия как господствующий класс создает более производительные средства производства, а составляющий большинство пролетариат остается в нищете. Отсюда, по его мнению, неминуем революционный кризис, поскольку вызванное развитием производительных сил обнищание *(пауперизация*) в конце концов станет настолько всеобъемлющим, что возрастающая за счет других слоев общества численность пролетариата *(пролетаризация*) позволит ему конституироваться в класс большинства населения и совершить пролетарскую революцию по взятию власти не ради меньшинства, что было свойственно революциям прошлого, а в пользу всех. В результате пролетарской революции и диктатуры пролетариата, таким образом, не станет ни капитализма, ни классов, поскольку, говоря словами К. Маркса, «на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием развития всех»[34].

Почему в теории классов К. Маркса речь идет о двух классах, взаимодействующих в исторической драме капитализма? По Марксу, судя по последней главе тома III «Капитала», которая называется «Классы», хотя «наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, базирующегося на капиталистическом способе производства»[35] и их доходы — заработная плата, прибыль и рента — являются «триединой формулой, которая охватывает все тайны общественного процесса производства»[36], тем не менее под признаки основных классов подпадают все же два, а не три класса. Дело в том, что с развитием капитализма, полагает автор «Капитала», значение ренты как источника дохода в силу растущей индустриализации всей экономики будет уменьшаться, поэтому останутся два больших источника доходов — прибыль и заработная плата, и два больших класса — владеющий рабочей силой пролетариат и присваивающие прибавочную стоимость капиталисты. Причем последние для К. Маркса, как для А. Смита и Д. Рикардо, являются одновременно организаторами труда, руководителями технического прогресса и собственниками средств производства, т.е. соединяют в себе и функции капиталиста, и функции предпринимателя. Наконец, в строгом смысле слова, с позиций К. Маркса, не всякая общественная группа может характеризоваться как класс, ибо, если у представителей какой-либо группы людей, как у «парцельных крестьян», о которых писал он еще в 1852 г. в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса»[37].

В том же 1852 г. в письме И. Вейдемейеру от 5 марта К. Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»[38]. Как видим, из всего того, что К. Маркс «сделал нового» *в теории классов,* по его же признанию, *главное «состояло в доказательстве» восхождения пролетариата наподобие восхождению в свое время буржуазии*[39].

Теория капитала

На противоречиях капитализма, а равно и рыночных экономических отношений, К. Маркс акцентирует внимание и в *теории капитала*. Уже в определении категории «капитал» ее сущность *срав-*

нивается им со «средством эксплуатации» рабочего и установления власти над рабочей силой [40].

У К. Маркса, однако, есть еще *две трактовки «капитала»*. Согласно одной из них явствует, когда он пишет, что, «присоединяя к их (товаров. — *Я.Я.*) мертвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость — прошлый, овеществленный, мертвый труд — *в капитал,* в *самовозрастающую стоимость,* в одушевленное чудовище, которое начинает «работать» как будто под влиянием охватившей его любовной страсти» (курсив мой. — *Я.Я.*)[41]. Другая трактовка очевидна в указании автора «Капитала» на взаимосвязь происхождения прибавочной стоимости и самовозрастания капитала, и, в частности, когда он утверждает: «Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала»[42].

Элементом новизны в теории капитала К. Маркса можно, пожалуй, назвать введение в главе 23 тома I «Капитала» понятия *органического строения капитала,* которое составляет *соотношение между постоянным и переменным капиталом*. Именно через это понятие он переходит затем к еще более важной, на его взгляд, характеристике — *норме эксплуатации,* определяемой как *отношение между прибавочной стоимостью и переменным капиталом*. Подразделяя капитал на постоянный и переменный (а не как у Смита—Рикардо — на основной и оборотный), К. Маркс имеет в виду как специфику движения выделяемых им частей капитала, так и специфику влияния каждой из этих частей на массу прибавочной стоимости в стоимости продукта. В частности, о движении капитала подробно говорится в главе 8 тома II «Капитала», где речь идет о *кругообороте капитала*, в соответствии с которым постоянный капитал свою ценность переносит на создаваемый продукт частями, а переменный — полностью, т.е. подлежит возмещению после каждого производственного цикла. Разница здесь в том, что *основной в отличие от оборотного капитала может воплощаться либо в машинах и оборудовании, либо в необходимом для производства сырье и прибавочной стоимости не создает*.

О влиянии структуры капитала на создание прибавочной стоимости суждения К. Маркса далеко не однозначны. Так, по замыслу тома I «Капитала», доля прибавочной стоимости на предприятии или в отрасли экономики тем больше, чем больше доля переменного капитала и труда, но тем меньше, чем больше в органическом строении капитала доля постоянного капитала, т.е. высок уровень механизации и насыщенности предприятия или отрасли машинами и оборудованием. По замыслу тома III «Капитала», должна наступить развязка в «кажущемся» противоречии, когда К. Маркс рекомендует различать понятия *норма прибавочной стоимости* и *норма прибы-*

ли. Первое сводится к показателю, рассчитываемому как отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу. Второе же (поскольку речь идет о «внешней форме» прибавочной стоимости) *рассматривается как исчисление отношения прибавочной стоимости к совокупному капиталу, т.е. к сумме постоянного и переменного капитала.*

При этом смысл, как полагал К. Маркс, исторического феномена развязки состоит в том, что норма прибыли имеет тенденцию к понижению не в связи с положениями Рикардо—Милля о повышении цен на продукты первой необходимости, вызываемом демографическими факторами и убывающим (в силу «закона») плодородием земли, а *из-за трансформации органического строения капитала в сторону уменьшения в общем капитале доли переменного капитала, обусловленного накоплением капитала.* В свою очередь *накопление капитала* — это, по Марксу, *результат увеличения в конкурентной борьбе размеров фирм и компаний, т.е. «концентрации и централизации» капитала,* сопровождающегося одновременно увеличением «промышленной резервной армии», или, говоря по-другому, ростом абсолютной величины безработицы и «официального пауперизма». Такую природу накопления капитала К. Маркс назвал не иначе как *«абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления».*

Теория стоимости

Одной из ключевых в «Капитале» К. Маркса является *трудовая теория стоимости,* опираясь на которую, он затем выдвигает теорию прибавочной стоимости и вытекающие из нее выводы об антагонистической и эксплуататорской сущности капитализма.

О трудовой теории стоимости речь заходит уже в главе 1 тома I «Капитала», где формулируется тезис о принципе обмена товаров в соответствии с ценностью, пропорциональной требуемому для их производства количеству труда. С учетом качественных различий труда, т.е. неодинаковой интенсивности и квалификации труда, далее вводится положение о среднем общественном труде, а точнее — *«общественно необходимом рабочем времени»,* или о затратах времени *«при среднем в данное время уровне умелости и интенсивности труда».* Таким образом, трактовка стоимости, основанная на измерении трудовых затрат, является, по Марксу, единственно правильной, несмотря на то что в зависимости от спроса и предложения цена товара может расти или снижаться относительно стоимости.

Но в главах 1—3 тома III «Капитала» демонстрируется применение каузального подхода, знаменующего переход К. Маркса к обоснованию концепции *«цены производства»* как категории вторичной по отношению к первичной категории «стоимость». Цена производства объявляется здесь всегда соотносимой с «покупной ценой».

Основной аргумент, судя по 9 и 10 главам тома III «Капитала», сводится при этом к тому, что только *при «простом товарном производстве»,* т.е. в дорыночной экономике, а также при капитализме с уровнем «капитала среднего органического строения» было бы вполне правомерно полагать, что *«цены фактически регулируются исключительно законом стоимости»*. В развитой же капиталистической экономике, утверждает К. Маркс, «под превращением ценности (стоимости. — *Я.Я.*) в цены производства скрывается от непосредственного наблюдения самая основа для определения ценности» (глава 9, том III).

Итак, К. Маркс отнюдь не отказывается от трудовой теории стоимости. Просто, заявляет он, в развитой экономике в превращении стоимости в цену производства «скрывается от непосредственного наблюдения» ее основа — труд, и поэтому «цена производства» — это то, что Адам Смит называет естественной ценой, Рикардо — ценой производства, или стоимостью производства, а физиократы — необходимой ценой, так как в длительной перспективе цена производства является обязательным условием предложения (глава 10, том III).

Апеллируя к науке и законам рыночной экономики, К. Маркс убежден, что *обмен без соблюдения закона стоимости неосуществим в любом обществе*. И критикуя так называемых социалистов — рикардианцев 30—40-х гг. XIX в. — за их доктрину *«права труда на полный продукт труда»,* он указывал прежде всего на их отступничество от того, что оставила к 1830 г. «научная» буржуазная политическая экономия. «Политическая экономия может оставаться наукой только до тех пор, — говорится в предисловии ко второму немецкому изданию тома I «Капитала», — пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или проявляется только изолированно и спорадически».

В продолжение разговора о теории стоимости К. Маркса следует отметить, что по поводу *сущности и стоимости денег* (главы 2 и 3 тома I «Капитала») он почти полностью разделяет положения Рикардо—Милля, за исключением одного — количественной теории денег. Его главный аргумент при этом — ссылка на непостоянный характер за установленный период времени числа торговых оборотов и оборотов денежной массы[43].

Теория заработной платы

Чтобы перейти к теории прибавочной стоимости К. Маркса, резонно сразу задаться вопросом: как она возникает, если все продается и покупается по своей ценности по принципу «обмена эквивалентов», т.е. если товары обмениваются пропорционально овеществленному в процессе производства труду? Ответ на этот вопрос

будет более полным и понятным, если вначале мы обратимся к его *теории заработной платы*.

Автор «Капитала» трактует *получение наемным рабочим заработной платы как результат обмена с капиталистом за продаваемую «рабочую силу», а не за сам труд,* как полагали основоположники классической политической экономии. Согласно его теории, заработная плата эквивалентна количеству товаров для поддержания жизни рабочего и его семьи. Ее уровень зависит от производительности труда, которая в свою очередь обусловлена степенью механизации и технологического оснащения производства, что в конечном счете становится препятствием для роста заработной платы, поскольку технико-экономический прогресс порождает постоянный излишек рабочей силы. Последний предопределяет итог отношений обмена между капиталистами и рабочими в ущерб рабочим[44].

Таким образом, по Марксу, поскольку рабочим продается рабочая сила, а не труд, то не может оставаться сомнений в том, что *«неоплаченный труд»,* который можно выявить и измерить, к заработной плате отношения не имеет, а *«неоплаченная рабочая сила»* не может быть зафиксирована, ибо *«сделка» осуществляется в обмен на ценность целостной рабочей силы рабочего*[45].

По убеждению К. Маркса, *реальная заработная плата «никогда не растет пропорционально увеличению производительной силы труда»* и даже профсоюзы, на которые могли бы рассчитывать рабочие, в условиях экономики свободной конкуренции не могут скольнибудь серьезно изменить такую ситуацию. Более того, как дает понять автор «Капитала», снижение ценности товаров и услуг в денежном выражении благодаря росту производительности труда будет всякий раз вызывать адекватное снижение цен покупаемых рабочими товаров и реальная заработная плата в итоге существенно не увеличится, а отсюда недалеко и до обещанной им *«пауперизации»* и *«умственной деградации» рабочего класса* [46].

Теория прибавочной стоимости

Теперь логично перейти к ключевой теории учения К. Маркса — *теории прибавочной стоимости,* речь о которой начинается в главе 4 тома I «Капитала». В ней (теории) доказывается, что хотя рабочая сила как товар продается по стоимости, но именно этот товар является тем единственным и специфическим товаром, ценность которого (в товарах, необходимых для рабочего и его семьи) не может устанавливаться при капитализме в точном соответствии с принципом трудовой теории ценности (стоимости). Разгадка этого явления у К. Маркса достаточно проста, и суть ее примерно такова: *труд количественному измерению поддается с точностью, а оценка ценности рабочей силы — это в большей степени проблематика,* как вы-

разился Р. Арон, *определяемая «состоянием нравов и коллективной психологии, что признавал сам Маркс»*[47].

Поэтому вывод автора «Капитала» однозначен — *источником прибавочной стоимости является только «неоплаченный труд» производительных рабочих, продающих свою рабочую силу*. Причем механизм извлечения прибавочной стоимости в понимании К. Маркса — это данность, которая также проста и очевидна: в течение *«необходимого времени»,* которое всегда меньше фактически отрабатываемого времени, рабочий отрабатывает своим *«необходимым трудом»* ценность своей рабочей силы, чтобы получить ее в форме заработной платы, а в течение *«прибавочного времени»* имеет место уже *«прибавочный труд»,* который и создает желанную капиталистами *«прибавочную стоимость»*. И поскольку налицо, таким образом, эксплуатация, то в числе других предлагается и «формула», с помощью которой следует измерять уровень (а по Марксу, «норму») этой эксплуатации, а именно: *«норма эксплуатации» — это результат отношения между размером прибавочной стоимости и размером соответствующего оплате рабочей силы переменного капитала* (ибо постоянный капитал, выраженный в машинах и сырье, может только переносить свою ценность на продукт, но не создавать дополнительной стоимости).

Выше уже отмечалось, что К. Маркс различал понятия «норма прибавочной стоимости» (или по-другому — «норма эксплуатации») и «норма прибыли», причем последняя — это превращенная (внешняя) форма первой. Используя их, он демонстрирует прекрасное *понимание «секретов» хозяйственного механизма рыночной экономики в условиях свободной конкуренции*. Так, по «логике» теории прибавочной стоимости — чем продолжительнее рабочий день, тем большей может быть масса прибавочной стоимости и норма эксплуатации. Но К. Маркс считает, что нельзя признать лучшим и правильным способ увеличения прибавочной стоимости посредством удлинения «прибавочного времени», которое, доставляя *«абсолютную прибавочную стоимость»* при прочих равных условиях, может вызвать дополнительные накладные расходы, снизить отдачу каждого часа рабочего времени, не говоря уже о неизбежных протестах самих рабочих (хотя именно так, казалось бы, можно рассчитывать на прибыль, если признать, что ее создает затраченный труд, а не капитал). Более того, автор «Капитала» подверг уничижительной критике «теорию последнего часа» Н. Сениора именно в связи с содержавшейся в ней идеей и даже попытку числовых выкладок о том, что лишь в течение «последнего часа» рабочего дня якобы создается чистая прибыль капиталиста. По его твердому убеждению, несмотря на то что сокращение продолжительности необходимого времени (необходимого труда) за счет повышения производительности труда будет, доставляя *«относительную прибавочную*

стоимость», одновременно и усиливать тенденцию нормы прибавочной стоимости к снижению, каждый капиталист, тем не менее, как бы интуитивно стремится к *максимизации именно нормы прибыли, поскольку в ней, а не в прибавочной стоимости самой по себе, залог успеха в жесткой конкурентной борьбе* (вспомним, что Марксова норма прибыли исчисляется по отношению прибавочной стоимости к совокупному капиталу, т.е. к сумме постоянного и переменного капитала).

Теория производительного труда

Теория прибавочной стоимости является у К. Маркса исходной позицией для определения введенного еще физиократами понятия *«производительного труда»*. Здесь, по существу солидаризируясь с трактовкой Дж.С. Милля (в главе 22 тома I он счел невозможным относить его к «вульгарным экономистам-апологетам»), автор «Капитала» все же уточняет (судя по главе 14 тома I и ряду примеров в томе II), что *труд производителен,* во-первых, *если производит прибавочную стоимость,* растущую в форме не «абсолютной», а «относительной прибавочной стоимости», которая *позволяет удешевлять стоимость (ценность) жизненных средств,* и, во-вторых, если признать, что *производительный труд может создавать прибавочную стоимость только в сфере производства, а не обращения.*

Концепция нормы прибыли

Суждения К. Маркса о норме прибыли во многом совпадают с положениями Д. Рикардо. В частности, по Марксу, также естественным является обусловленный конкуренцией *механизм перелива капитала* из одного занятия в другое, что *способствует тенденции нормы прибыли к понижению, образованию средней нормы прибыли.* Имеющееся различие в их суждениях состоит не только в той на первый взгляд формальности, что К. Маркс рассматривает распределение между секторами экономики общей массы прибавочной стоимости, а Д. Рикардо — прибыли, но прежде всего в толковании сути закона тенденции нормы прибыли к понижению.

Это расхождение таково: Д. Рикардо трактует указанную тенденцию как следствие конкурентной борьбы, вынуждающей капиталистов направлять свой капитал в более прибыльные «ниши» экономики, что обусловливает мультипликационный эффект постепенного снижения нормы прибыли, усиливаемый требованием затрат «все большего и большего труда», но всякий раз прерываемый «благодаря усовершенствованиям в машинах а также открытиям в агрономической науке». *По Марксу* же (главы 13—15 тома III), «дело» обстоит принципиально иначе, ибо в его трактовке *тенденция нормы прибыли к понижению — это исторический феномен механизма*

саморазрушения капитализма через неизбежное в погоне за устойчивой «нормой прибыли» изменение органического строения капитала в пользу увеличения в его общем объеме доли постоянного и соответственно уменьшения доли переменного капитала, являющегося вожделенным источником прибавочной стоимости, а последняя — «руководящим мотивом, пределом и конечной целью капиталистического производства» (глава 11, том I).

Теория ренты

Суть теории ренты в «Капитале» почти аналогична теории ренты Д. Рикардо. Разница, пожалуй, в дополнении К. Маркса *о существовании наряду с «дифференциальной» рентой ренты «абсолютной»*. Возникновение последней автор «Капитала» связывает со специфически низкой в сельском хозяйстве органической структурой капитала и с частной собственностью на землю. В связи с первым фактором, полагает он, ценность сельскохозяйственной продукции всегда выше ее «цены производства», а в силу второго фактора в сельском хозяйстве не может срабатывать механизм «перелива капитала», который бы довел норму прибыли здесь до среднего показателя. В результате собственник земли получает возможность требовать с фермера-арендатора арендную плату, превышающую естественный уровень ренты, т.е. получать сверхприбыль аналогично той, что приносит при прочих равных условиях лучшее качество (плодородие) земли или разноудаленность земельных участков от рынков сбыта[48].

Теория воспроизводства

На основании многообразных проявлений закона тенденции нормы прибыли к понижению К. Маркс выдвигает *теорию цикличности экономического развития при капитализме*, т.е. явлений, характеризуемых им как *«экономические кризисы»*. Центральная идея этой теории, направленной на выявление особенностей воспроизводственного процесса в условиях экономики свободной конкуренции, состоит в том, что достижению макроэкономического равновесия и последовательному экономическому росту препятствуют внутренне присущие антагонистическому капиталистическому обществу противоречия. Как пишет В. Леонтьев, «выступая против рассуждений Жана Батиста Сэя (а также А. Смита. — *Я.Я.*) о сведении в конечном счете валового продукта общества к доходам, Маркс создал основополагающую схему, описывающую взаимосвязь между отраслями, выпускающими средства производства и предметы потребления»[49]. Однако значение его схемы, в которой экономика делится на два подразделения, сводится далеко не только к отображению различий между простым и расширенным типами воспроизводства, но и к попытке окончательно убедить читателя в *фа-*

тальном характере «основного противоречия капитализма» — производить не для потребления, а ради прибыли.

Концепция простого и расширенного воспроизводства излагается в «Капитале» соответственно в главах 20 и 21 тома II. Из позитивных моментов здесь важно отметить *великолепно аргументированную критику вульгарной доктрины экономических кризисов, т.е. кризисов, обусловленных недопотреблением, вызываемым недостаточностью совокупного спроса для приобретения товарной массы по ценам не ниже издержек на их производство.*

Суть одного из вариантов доктрины экономического кризиса недопотребления сводится к утверждению о том, что из-за своей низкой заработной платы рабочие, составляющие большую часть потребителей, не в состоянии покупать по складывающейся ценности произведенную ими же товарную продукцию. Следовательно, только тогда кризисы могут быть предотвращены, а воспроизводство будет обеспечиваться, когда последуют дополнительные, но, по сути, непроизводительные расходы тех, у кого в процессе реализации общественного продукта сосредоточиваются другие части совокупного дохода, т.е. прибыль и рента соответственно капиталистов и землевладельцев. Последние для этого могут (и должны) осуществлять расходы как на предметы роскоши, так и на многообразные непроизводственные услуги. Отсюда одобрительное, подобно Т. Мальтусу, отношение к расходам, связанным с деятельностью так называемых «третьих лиц» — непроизводительных, как принято было считать, слоев общества.

Другой вариант доктрины экономического кризиса недопотребления, который также подвергается критике автором «Капитала», основывается на допущении равенства совокупных доходов сумме издержек на труд, капитал и землю и на версии о том, что разрыв, который может возникнуть между уровнем доходов и потребления, может постоянно устраняться инвестициями. Далее выдвигается главный тезис Т. Мальтуса и его единомышленников о кризисах, а именно: темпы роста потребления отстают от темпов роста мощностей, создаваемых той частью доходов, которая направляется на инвестиции, и поэтому возникают избыточные мощности, превышающие реально существующий спрос, что в свою очередь требует снижения инвестиций, вызывая сокращение доходов и спад экономики. Стало быть, наступление кризиса связано с недопотреблением на основе избыточного сбережения, т.е. пересбережения. При этом К. Маркс критикует всех экономистов, которые, подобно Сэю и Рикардо, признавали лишь «периодический избыток капитала», а не «общее перепроизводство товаров».

Однако *негативная сторона в теории экономических циклов или теории кризисов* самого К. Маркса также несомненна. Он не избе-

жал упущений, несмотря на то что в отличие от сторонников идей кризисов недопотребления посредством своей схемы воспроизводства доказал возможность расширенного воспроизводства. Дело в том, что в строгом смысле слова в «Капитале» дана не столько теория кризисов, сколько *каузальная (причинно-следственная*) *оценка накопления капитала и распределения доходов при капитализме, неизбежно приводящая к периодам «общего перепроизводства»*. Циклический процесс, по Марксу, начинается с подъема, вызываемого ростом совокупного спроса для накопления ради максимизации прибыли, к которой стремятся капиталисты, — *это причина;* заканчивается цикл спадом, так как растущий в период подъема спрос на труд превышает его реальное предложение и приводит к повышению заработной платы и устранению безработицы, что оборачивается затем в снижение нормы прибыли и замедление накопления — *это следствие.* И вновь начинается очередной экономический цикл, в течение которого происходит новая перестройка экономики, сопровождаемая инвестициями и созданием новых рабочих мест, пока в процессе накопления не возобладают тенденции нормы прибыли к снижению и никчемности капитальных ценностей, рост резервной армии труда и падение заработной платы и наступит кризисная ситуация.

Поэтому на самом деле *Марксова картина циклического процесса или кризиса «есть одновременно и кара, и очищение»,* ибо «все, что Маркс имел в виду, сводилось к точке зрения, будто капитализму присуща тенденция к непрерывному расширению производства безотносительно к наличию эффективного спроса, который один придает смысл этому производству»[50]. По его мысли, пишет М. Блауг, «спрос на инвестиции будет поддерживаться, а капитал использоваться на полную мощность до тех пор, пока вложенные средства будут приносить хотя бы минимальную прибыль. Это вполне согласуется с периодическим сокращением инвестиций как следствием шокового эффекта от падения нормы прибыли»[51]. Подтверждением сказанному могут служить слова самого автора «Капитала» о том, что «конечной причиной всех действительных кризисов всегда остается бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества» (глава 30, том III).

Вопросы и задания для контроля

1. В чем особенности предмета и метода изучения Дж.С. Милля?
2. Каким образом Дж.С. Милль противопоставляет «законы производства» и «законы распределения»?
3. Как трактует Дж.С. Милль категории «стоимость», «производительный труд», «заработная плата», «рента»?
4. Какие выводы вытекают из количественной теории денег в изложении Дж.С. Милля?
5. Какой сценарий реформ выдвигает Дж.С. Милль?
6. Что принял К. Маркс в качестве научных источников для своих социально- экономических исследований?
7. Какие выводы делает К. Маркс из выдвигаемой им концепции базиса и надстройки?
8. В чем особенности воззрений К. Маркса в теории классов?
9. Как трактует К. Маркс категории «стоимость», «цена производства», «прибавочная стоимость», «производительный труд»?
10. Проанализируйте марксистские понятия «органическая структура капитала», «норма эксплуатации», «всеобщий закон капиталистического накопления».
11. Почему К. Маркс не принимал количественную теорию денег?
12. Раскройте механизм возникновения прибавочной стоимости по К. Марксу.
13. Что понимал К. Маркс под абсолютной рентой?
14. Каковы особенности теории воспроизводства К. Маркса?

Список рекомендуемой литературы

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Политика, 1992.

Беккер Г. С. Экономический анализ и человеческое поведение //THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Маркс К. Манифест коммунистической партии/Маркс К.,Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.

Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.

Маркс К. Капитал. В 3-х т. /Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23—25.

Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. В 3-х т. М.: Прогресс, 1980—1981.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Приложение

ОСОБЕННОСТИ КРИТИКИ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ В ТРУДАХ М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО, П.Б. СТРУВЕ и С.Н. БУЛГАКОВА*

Туган-Барановский М.И. (1865—1919)

Михаил Иванович Туган-Барановский родился в 1865 г. в д. Соленое под Харьковом в семье отставного штаб-ротмистра гусарского полка, принадлежавшей к старинному роду польских татар. В 1883 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Учась в университете, сблизился с кругом своего однокурсника Александра Ульянова; в ноябре 1886 г. принимал участие в манифестации у Казанского собора, за что был арестован и выслан из Петербурга в Харьков, по месту жительства родителей. В 1888 г. сдал экзамен на степень кандидата естественного и юридического факультетов Харьковского университета. Главным предметом научного интереса М.И. Туган-Барановского стала политэкономия. Первая его печатная работа — статья «Учение о предельной полезности хозяйственных благ, как причине их ценности» — появилась в 1890 г. Затем в 1891—1892 гг. последовали книги о П.Ж. Прудоне и Дж.С. Милле. В 1894 г. М.И. Туган-Барановский с блеском защитил в Московском университете магистерскую диссертацию о промышленных кризисах, что сделало его имя известным. Активно сотрудничал с журналом «Мир Божий» и с другими изданиями. В этот период он был одним из ведущих представителей легального марксизма, что не мешало ему критиковать отдельные положения теории К. Маркса. В 1897—1899 гг. вместе с П.Б. Струве редактировал теоретические социал-демократические журналы «Новое слово» и «Начало». В 1895 г. М.И. Туган-Барановский становится приват-доцентом Петербургского университета, откуда в 1899 г. был уволен за политическую неблагонадежность. В том же году опубликовал статью «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса», в которой впервые открыто заявил о своем несогласии с экономической теорией К. Маркса.

В 1901 г. М.И. Туган-Барановский был выслан из Петербурга за участие в демонстрации студентов; в изгнании жил в семье своих друзей Русиновых в Лохвицком уезде Полтавской губернии. Здесь он занимался углубленным изучением философии, принимал участие в деятельности Полтавского губернского земского комитета, в организации местных ссудо-сберегательных товариществ; написал книгу «Очерки по новейшей истории политэкономии» (1903), в которой

---

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С.168—198, 206—251.

провозгласил свой окончательный разрыв с ортодоксальным марксизмом. В 1905 г. М.И. Туган-Барановский вернулся на кафедру Петербургского университета; в 1905—1907 гг. участвует в работе партии кадетов, а с 1908 г. — в руководстве Комитетом о ссудо-сберегательных товариществах, редактируя при этом журнал комитета «Вестник кооперации». С лета 1917 г. М.И. Туган-Барановский жил на Украине, был министром финансов в правительстве Украинской центральной рады; стал организатором Украинской академии наук; был избран деканом юридического факультета Киевского университета и председателем Центрального кооперативного украинского комитета и Украинского научного общества экономистов; редактировал журнал «Украинская кооперация». В начале 1919 г. председатель Украинской Директории предложил ему возглавить финансовую миссию, направлявшуюся во Францию. В распоряжение семьи М.И. Туган-Барановского был выделен вагон первого класса. По дороге в Одессу он скончался; похоронен в Одессе.

Очень интересный биографический очерк М.И. Туган-Барановского, написанный его внуком Д.М. Туган-Барановским, помещен в выпущенной в 1997 г. книге: Туган-Барановский М.И. Избранное: Русская фабрика в прошлом и настоящем: Ист. развитие русской фабрики в XIX в. (М.: Наука. — 735 с.).

Творческое наследие М.И. Туган-Барановского богато и разнообразно, поскольку он живо откликался на самые актуальные проблемы, которые ставила перед экономической наукой жизнь. М.И. Туган-Барановский, по словам его ученика Н.Д. Кондратьева, «в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на Востоке Европы, в России». Он разработал ряд оригинальных теорий по наиболее актуальным в его время проблемам политэкономии, нередко предвосхищая идеи, получившие развитие в работах экономистов последующих поколений и не утратившие своей значимости и сегодня. К числу таких теорий относятся в первую очередь теории рынков и кризисов, теории распределения, работы о социализме и кооперации.

Первой крупной работой М.И. Туган-Барановского стала книга **«Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь»** (1894), в основу которой была положен текст его магистерской диссертации. В последующие годы эта работа выходила в переработанном виде несколькими изданиями. Последнее четвертое издание книги «Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов» вышло в 1923 г. в Смоленске. В ней три раздела: «История кризисов», «Теория кризисов» и «Социальное значение кризисов».

Ниже приводятся отрывки из этой работы, в которых формулируются некоторые выводы относительно причин периодических кризисов при капитализме. Здесь и далее курсив принадлежит автору.

Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е изд. Смоленск, 1923. — 430 с.

В простом товарном хозяйстве мелких товаропроизводителей, относящемся к типу гармонического хозяйства, товарное перепроизводство есть случайное нарушение нормального хода хозяйственной жизни.

Другое наблюдается в антагонистическом капиталистическом хозяйстве, где не нужды населения, а накопление капитала определяет размеры общественного производства. В капиталистическом хозяйстве накопление капитала создает постоянную тенденцию к расширению производства. Капитал, так сказать, постоянно давит на производство, стремится двигать его вперед. Но для возможности сбыта товаров требуется пропорциональное распределение общественного производства. Капиталистическое же хозяйство в целом хаотично и неорганизованно. При такой неорганизованности общественного производства, расширение его под влиянием накопления капитала создает постоянную тенденцию к перепроизводству, выражением которой и является та постоянная трудность найти рынок для товаров, то постоянное превышение производительных сил капитализма сравнительно с возможностью их применения, которое так характерно для капитализма даже в нормальное время. Эта трудность сбыта есть выражение, следовательно, ничего другого, как трудности достигнуть пропорционального распределения общественного производства при условиях капиталистического хозяйства. Но от времени до времени она обостряется, и тогда капиталистическое производство временно приходит как бы в состояние общего паралича — происходит то, что называют промышленным кризисом.

Обстоятельством, усиливающим эти кризисы, является своеобразное орудие обращения капиталистического хозяйства — кредит.

Но кредит есть только условие, усиливающее кризисы, а отнюдь не их основная причина. Кризисы капитализма заложены глубже, в самой природе капиталистического хозяйства. Необходимость их вытекает из трех особенностей этой хозяйственной системы — из того, что 1) *капиталистическое хозяйство есть хозяйство антагонистическое,* в котором рабочий является простым средством производства для руководителя капиталистического предприятия; 2) что *капиталистическое хозяйство в отличие от других антагонистических хозяйств* (рабского и феодального), *имеет тенденцию к неограниченному расширению производства* (как средству накопления капитала) и 3) что *капиталистическое хозяйство в целом есть хозяйство неорганизованное,* в котором отсутствует планомерное распределение общественного производства между различными отраслями труда. На основе этих трех характерных особенностей хозяйственной системы капитализма неизбежно возникают хозяйственные кризисы (с. 265—267).

Следующей крупной работой М.И. Туган-Барановского стала монография **«Русская фабрика в прошлом и настоящем: История развития**

русской фабрики» (1898), которая выдержала еще два издания (1900 и 1907 гг). В 1997 г. московское издательство «Наука» переиздало эту книгу, дополнив ее рядом работ М.И. Туган-Барановского о развитии фабричной промышленности России. Это издание было подготовлено в Институте экономике РАН.

Здесь же уместно привести мнение М.И. Туган-Барановского о развитии фабричного производства в России из его работы «Основы политической экономии» (Пг., 1917): «Хотя фабрик в России, сравнительно с другими, более передовыми странами, и мало, зато в ней преобладают значительно более крупные фабрики. Объясняется это, на первый взгляд странное и непонятное обстоятельство, тем, что Западная Европа знала другую промышленную культуру, кроме капиталистической. На Западе существовала и существует стойкая и жизнеспособная средняя и мелкая промышленность, имевшая славное прошлое и лишь шаг за шагом уступающая свои позиции крупному капиталу. На Западе имеется многочисленный средний класс — мелкие предприниматели и зажиточные, умеющие отстаивать в борьбе с крупным капиталом свои интересы. У нас же не было никакой другой промышленной культуры, кроме капиталистической, и нет зажиточного и многочисленного класса мелких предпринимателей, — капитализм, вопреки обычному мнению, играл у нас гораздо более положительную роль, чем на Западе, и ему не приходилось разрушать высокой экономической культуры другого типа. Вот почему наш капитализм, не встречая никакого сопротивления, легко складывается в формы, еще не достигнутые странами, стоящими по своему хозяйственному развитию далеко впереди нас. Россия страна социальных контрастов — мелкого кустарного производства и очень крупного фабричного, полунищей народной массы и малочисленных, но очень богатых и влиятельных капиталистов и землевладельцев» (с. 174).

Прибыль М.И. Туган-Барановский определял так: «Прибыль, говоря объективно, не есть неоплаченная доля ценности, созданной трудом, и не есть избыток ценности, созданной капиталом. Прибыль — это доля капиталистов в общем продукте, доля, размер которой определяется классовой борьбой — социальными отношениями за пределами рынка». Норма прибыли, по его мнению, определяется тремя факторами: «производительностью общественного труда, соотношением социальной силы капиталистов и рабочих и скоростью оборотов общественного капитала».

В 1905 г. вышли две книги М.И. Туган-Барановского, в которых критически рассматривалась теория марксизма: «Теоретические основы марксизма», вышедшая в 1918 г. в Москве четвертым изданием, и «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», которая затем переиздавалась еще шесть раз; 7-е издание вышло в 1919 г. в Харькове.

Ниже приводятся фрагменты из «Очерков из истории», в которых автор излагает и оценивает учение К. Маркса, являющегося, по его

словам, «величайшим представителем критического социализма, вдохновителем новейшего рабочего движения» (с. 217).

Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 6-е изд. — М., 1918. — 260 с.

Рост капиталистического богатства признается в «Капитале» равносильным «накоплению нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения рабочего класса». Язык Маркса во всех этих случаях так ясен и выразителен, что никаких кривотолков не допускает. Автор «Капитала» говорит не о тенденциях, которые могут и не осуществляться в действительности, а о конкретных законах капиталистического развития, выражающихся в реальных исторических фактах. Такова истинная доктрина Маркса, — и если эту доктрину не решается в настоящее время поддерживать даже Каутский, то это лишь доказывает ее полную несовместимость с новейшими фактами истории рабочего класса. Все основные социальные воззрения Маркса сложились в эпоху 40-х годов — в период понижения заработной платы, хронической безработицы и огромного роста бедности и нищеты. Выражая свое убеждение в невозможности существенного и прочного улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства, Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Но последующие исторические факты лишили теорию обнищания всякого значения и привели к тому, что даже самые горячие сторонники марксизма должны, как мы видели, отказаться от нее, замаскировывая свой отказ от теории Маркса искажением ее смысла (с. 249—250).

Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению, капиталистический способ производства экспроприирует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства, и в то же время этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Капитализм является, при таком понимании условий развития социализма, суровой, но необходимой школой человечества, в которой человечество дисциплинируется и накопляет силы для того, чтобы взять в свои руки руководительство общественным производством и заменить господствующую ныне анархию общественного хозяйства планомерной, сознательной организацией его.

Но если по отношению к промышленности теория Маркса в общем подтверждается новейшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать

про земледелие. Благодаря разнообразным техническим и экономическим условиям (большей зависимости сельскохозяйственного производства от природы, меньшей применимости к нему машины и разделения труда, большего значения в области сельской промышленности натурального хозяйства и пр. и пр.) крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляет таких экономических преимуществ сравнительно с мелким, как крупное промышленное производство. К этому присоединяются различного рода социальные препятствия, с которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразном «рабочем вопросе» крупного земледелия — недостаток сельских рабочих, бегущих из деревни в город) и которых не существует для мелкой сельскохозяйственной промышленности. В силу всех этих причин, останавливаться над которыми мы не можем, в сельском хозяйстве не наблюдается ничего подобного концентрации производства, которое так характерно для эволюции промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупным капиталистическим земледелием, но даже растет в большинстве случаев, насчет этого последнего. Таким образом, к сельскому хозяйству схема Маркса совершенно не приложима (с. 252—253).

Основные экономические идеи М.И. Туган-Барановского были обобщены им в книге **«Основы политической экономии»** (1909), которая была посвящена памяти Ф. Кенэ — творца «Экономической таблицы», Г. Госсена — первооткрывателя предельной полезности и К. Маркса — «самого глубокого критика капиталистического строя». До 1918 г. вышло пять изданий этой работы.

Ниже приводятся фрагменты из четвертого издания книги, в которых представлены подходы автора к анализу некоторых вопросов, касающихся в основном предмета и метода политической экономии и получивших пока недостаточное освещение в работах, посвященных экономическим взглядам М.И. Туган-Барановского.

Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 4-е изд. Пг., 1917. — 540 с.

Настоящий курс подразделяется на пять отделов: общее учение о народном хозяйстве, производство, обмен, распределение и учение о капиталистическом хозяйстве в его целом.

Хозяйственная деятельность характеризуется двумя отличительными признаками: объективным, заключающимся в том, что непосредственным внешним объектом хозяйственной деятельности всегда является не человек, а внешняя природа, и субъективным, состоящим в том, что хозяйственная деятельность всегда является средством, а не целью в себе. Соединяя в одно оба эти признака, мы получаем следующее определение хозяйства как деятельности: *хозяйство есть совокупность действий человека, направленных на внешнюю природу и имеющих своей целью не наслаждение самой деятельностью, но создание материальной обстановки, необходимой для удовлетворения наших потребностей (с. 8)*.

Совокупность юридически свободных, но связанных обменом единичных хозяйств образует собою то, что называют народным хозяйством.

Во всяком реальном народном хозяйстве действуют силы двоякого рода: во-первых, бессознательные, стихийные силы взаимодействия единичных хозяйств, которые и составляют важнейший предмет изучения политической экономии; во-вторых, сознательное, целесообразное регулирование хозяйственных процессов общественной властью. Народное хозяйство есть не только стихийный комплекс единичных хозяйств: в нем действует и регулирующая сила органов общественной власти — прежде всего государства. Государство в большей или меньшей степени ограничивает свободу действий единичных хозяйств, подчиняя их деятельность определенному плану, привносимому самим государством. Тем не менее наука политическая экономия возникла на основе изучения не этих сознательных регулирующих сил народного хозяйства, а именно бессознательной закономерности свободного обмена.

Политическая экономия складывается в особую науку сравнительно очень недавно — с половины XVIII века — вместе с развитием предмета ее изучения, свободного менового хозяйства, между тем как государство с его вмешательством в экономические отношения существует уже несколько тысячелетий. Но пока свободный обмен был мало развит, для политической экономии почвы не было.

Таким образом, мы можем определить политическую экономию, в широком смысле, *как науку об общественных отношениях людей в пределах их хозяйственной деятельности,* и в более узком смысле — современную политическую экономию — *как науку об общественных отношениях людей в пределах их хозяйственной деятельности, совершающейся в среде исторически развивающегося свободного менового хозяйства* (с. 12—14).

Политическая экономия, по гносеологическим основаниям, имеет своим предметом изучения свободно развивающееся меновое хозяйство. Но такое хозяйство неизбежно приводит, как показывает экономическая наука, к столкновению интересов различных общественных групп.

У каждого общественного класса есть свои особые экономические интересы, не совпадающие с интересами других классов. Но нравственное сознание далеко не равнозначно сознанию своих классовых интересов. Сущность нравственного одобрения или порицания в том именно и заключается, что известный волевой акт признается хорошим или дурным ради него самого, независимо от связанных с ним выгод или невыгод для действующего лица. И как бы мы ни смотрели на происхождение морали, самый факт указанной ее природы не может никем отвергаться.

Становясь на точку зрения этики, мы получаем, следовательно, возможность возвыситься над противоположностью интересов и нахо-

дим практический интерес, общеобязательный для всех людей с нормальным нравственным сознанием. Центральной идеей современного этического сознания является сформулированная Кантом идея верховной ценности и, как вывод отсюда, равноценности человеческой личности. Всякая личность есть верховная цель в себе, почему все люди равны, как носители святыни человеческой личности. Это и определяет верховный практический интерес, с точки зрения которого может быть построена единая политическая экономия: интерес не рабочего, капиталиста или земледельца, а человека вообще, независимо от принадлежности к тому или иному классу (с. 26—27).

Хозяйственная ценность есть *значение, которое мы придаем данному предмету в силу нашего сознания, что от обладания им зависит большая или меньшая степень нашего хозяйственного благополучия*. А так как мы оцениваем предмет с точки зрения удовлетворения наших потребностей, то, следовательно, *ценность* предмета *должна определяться его предельной полезностью*, понимая под предельной полезностью предмета *наименее важную потребность из числа всех, удовлетворяемых при помощи запаса предметов этого рода в нашем распоряжении* (с. 44).

Предельная полезность — полезность последних единиц каждого рода продуктов — изменяется в зависимости от размера производства. Мы можем понижать и повышать предельную полезность путем расширения или сокращения производства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нечто объективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда следует, что при составлении хозяйственного плана определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, а определяемым — предельная полезность. Говоря математическим языком, предельная полезность должна быть функцией трудовой стоимости (с. 50).

Мы знаем, что трудовая стоимость продуктов различна. Иными словами, в единицу времени производится различное количество продуктов разного рода; но польза, извлекаемая в последнюю единицу рабочего времени, должна быть, как мы видели, одна и та же во всех родах производства. Отсюда следует, что *полезность последних единиц свободно воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов, произведенному в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов*. Только при соблюдении этого условия распределение производства будет соответствовать хозяйственному принципу наибольшей пользы (с. 51).

Так называемые народники доказывали, что русское хозяйственное развитие, равно как и хозяйственный строй России, глубоко отличаются от того, что мы видели и видим в Западной Европе. Напротив, марксисты были склонны умалять значение особенностей русского хозяйственного развития в прошлом и, во всяком случае, не ожидали уклонения России от общего направления хозяйственного развития капиталистических стран в будущем (с. 112).

Только отказавшись от веры в какие бы то ни было «внутренние законы развития» общества, можно, по моему мнению, удовлетворительно разрешить этот старый русский спор. Выше я попытался обосновать тезис, который многим покажется парадоксальным — что никаких «законов развития» общества не существует и что самые поиски таких законов основываются на непонимании глубоких отличий человеческого общества от организма. Если согласиться с этим, то весь давний спор получает простое решение. Действительно, в прошлом русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского. Но это не помешало России прийти к капиталистической системе хозяйства, и в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе. Ничего странного поэтому нет и в том, что в России идет борьба за формы политической жизни Запада (с. 114).

Струве П.Б. (1870—1944)

Струве Петр Бернгардович родился 7 февраля 1870 г. в Перми в семье губернатора (немца по происхождению), его дед был известным астрономом, основателем и первым директором Пулковской обсерватории в Петербурге. В 1889 г. П.Б. Струве поступил на естественный факультет Петербургского университета, а через год перевелся на юридический факультет. В 1891—1892 гг. учился у видного австрийского юриста и социолога профессора Л. Гумпловича (университет в Граце), оказавшего на него заметное влияние. В 1891 г. начал общественную деятельность среди легальных (иначе — литературных) марксистов, выступая на страницах печати с популяризацией некоторых положений марксизма. В 1894—1897 гг. П.Б. Струве редактировал журнал «Новое слово», в 1899 г. — «Начало» и в 1897—1901 гг. — «Жизнь», где публиковал статьи по различным вопросам политической экономии. Некоторое время П.Б. Струве активно сотрудничал с русскими марксистами и социал-демократами — Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и другими, хотя всегда высказывал критические взгляды по отдельным положениям марксизма. П. Струве был участником Международного социалистического конгресса в Лондоне (1896) и I съезда РСДРП в Минске (1898), написал «Манифест РСДРП»; под его редакцией в 1898 г. вышел первый том «Капитала» К. Маркса.

В июне 1902 г. в Штутгарте под редакцией П.Б. Струве вышел первый номер журнала «Освобождение», который ставил своей целью объединить сторонников конституционных преобразований в России. В 1902—1903 гг. П.Б. Струве работал над проектом программы конституционно-демократической Партии народной свободы, которая предусматривала проведение целого комплекса реформ.

В октябре 1905 г. П.Б. Струве вошел в состав ЦК новой Конституционно-демократической партии (кадеты), хотя по многим вопросам его взгляды и не совпадали с взглядами ее руководителей. Весной 1906 г. он был избран от партии кадетов депутатом Второй Государственной думы, видя в этой деятельности путь к обновлению России.

В 1907 г. стал соредактором, а затем единоличным редактором крупнейшего ежемесячника «Русская мысль». В 1906—1917 гг. П.Б. Струве преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте; в 1913 г. защитил магистерскую диссертацию по политэкономии на тему «Хозяйство и цена». В 1909 г. он был одним из инициаторов выпуска сборника «Вехи», в котором приняли участие такие известные представители русской общественной мысли, как Н А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А. С. Изгоев и др. В своей статье «Интеллигенция и революция» П.Б. Струве писал о необходимости религиозно-метафизических основ мировоззрения, выступая против революционно-максималистских устремлений русской радикальной интеллигенции. В 1915 г. он вышел из состава ЦК партии кадетов и возглавил Комитет по ограничению торговли с неприятелем. С 1916 г. П. Струве — почетный доктор права Кембриджского университета; в 1917 г. в Киевском университете он защитил докторскую диссертацию и в том же году был избран действительным членом Российской Академии наук по отделу политэкономии (исключен в 1928 г.).

Полное отвержение большевизма и осознание необходимости борьбы с ним определили дальнейшую жизнь и деятельность П.Б. Струве, начавшего вести активную антисоветскую деятельность; он участвовал в работе Особого совещания при Деникине, был членом правительства П. А. Врангеля. До 1920 г. он нелегально жил в Москве, Петрограде, Новгородской области и Вологде, тайно выезжал за границу, снова возвращался в Россию и наконец покинул ее навсегда. С осени 1928 г. жил в Белграде, был членом основанного там Русского научного института, занимался научной работой в области философии, политэкономии и лингвистики. Умер 26 февраля 1944 г. в Париже.

Первая книга П.Б. Струве **«Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»,** вышедшая в 1894 г., выдвинула его в авангард молодых экономистов России. В ней автор полемизировал с народниками, разоблачая их социологическое и экономическое мировоззрение как «идеализацию натурального хозяйства и примитивной экономической самостоятельности». По словам П.Б. Струве, из работ идеологов народничества следовало «только одно, что Россия — страна недостаточно культурная и что по рецептам радетелей «народного производства» ей надлежит всеми силами бороться за свою некультурность» (с. 96). В противоположность этому сам Б. П. Струве утверждал, что «Россия не может оставаться страной исключительно земледельческой» и что она «должна развивать у себя промышленный капитализм» (с. 245). Чтобы выйти из «нашего экономического убожества», «*Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной* (здесь и далее курсив автора). Этот исторически необходимый процесс очень труден — в силу нашей культурной и экономической отсталости» (с. 250).

«Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» (с. 287—288).

В 1902 г. в Петербурге П.Б. Струве опубликовал сборник статей «На разные темы», выступив в нем против нетерпимости марксизма, который, по его словам, «мнит себя обладающим безошибочным знанием единственно действительных, а потому правильных средств для достижения данной практической цели — общественной справедливости» (с. 294).

В 1915 г. в сборнике статей по общественным и военным вопросам «Великая Россия» была опубликована статья П.Б. Струве «Экономическая проблема «Великой России»: Заметки экономиста о «воине и народном хозяйстве».

Указывая на необходимость решения экономической проблемы «Великой России», П.Б. Струве пишет: «Способы ее разрешения многообразны; самое разрешение этой проблемы может быть лишь результатом параллельного и дружного действия частной инициативы и государственной политики. Но тот дух, которым нация должна проникнуться для того, чтобы в области хозяйственной создать «Великую Россию», ясен. Это — дух национального европеизма, дух творческого, уверенного в себе национального строительства на общечеловеческих началах. Такое строительство будет созидать здание «Великой России, освобождая Россию от черных пятен зараженного прошлого и дисциплинируя свободных людей. Старое русское Imperium создавалось «крепостными» средствами; новое может быть построено только свободными людьми на освобожденной почве, в здоровом состязании всех живых сил, переросших опеку вне общества и народа стоящей власти» (с. 151—152).

В статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», опубликованной в вышедшем в 1918 г. и переизданном в 1990 г сборнике «Из глубины», П.Б. Струве писал: *«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором* — таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 г. событий» (с. 235).

Экономические взгляды П.Б. Струве в наиболее полном виде изложены в его книге «Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни» (1913), написанной на основе текста магистерской диссертации. В этой работе анализ теоретических понятий и категорий сопровождается экскурсом в историю хозяйства различных стран, конкретными примерами и рекомендациями. В ряде последующих работ («Историческое введение в политическую экономию» (1916), «Проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены» (1917) и др.) развиваются или популярно излагаются положения из книги «Хозяйство и цена».

Исходя из того, что политэкономия должна изучать и описывать факты, П.Б. Струве считал главной категорией экономической науки категорию цены, данной как факт, как видимое явление. «Цена и абстрактно есть основная (междухозяйственная) категория, и конкретно она есть основное данное, из которого строится вся экономическая действительность» (с. 70).

Он отрицал наличие проблемы распределения на том основании, что любой «дележ предполагает наличность делимого и делителя», тогда как в реальной действительности делимое отсутствует. «Процесс сложения доходов не есть распределение, а есть процесс образования цен, и доходы суть не доли заранее данного целого, а суть образующиеся из цен денежные величины, суммирование которых составляет то, что называется общественным продуктом или общественным доходом».

Ниже приводятся некоторые основные положения работы П.Б. Струве «Хозяйство и цена».

Струве П.Б. Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. СПб. М., 1913. Часть первая. Введение.

Первая часть книги «Хозяйство и цена», за исключением первого отдела, в котором дается самостоятельное построение системы категорий нашей науки и вообще устанавливаются некоторые основные понятия, посвящена проблеме цены-ценности. Выступая решительным противником самого возведения цены к ценности и, с другой стороны, не придавая особенного значения тонкостям психологического субъективизма в теории ценности, я иду в рассмотрении проблемы цены-ценности путем, как мне кажется, критическим и эмпирическим в одно и то же время. В отличие от традиционного понимания, которое цену возводит к объективной ценности, я возвожу последнюю к первой. Реальному экономическому рассмотрению даны либо только отдельные «цены», либо еще не объективировавшиеся отдельные оценочные акты. Исходя из этого, я показываю, как из цен логически и исторически слагается ценность, являющаяся порождением, или отверждением цен: *ценность* вскрывается как *производная цены* или, точнее, цен (с. XXXIII).

Всего яснее противоположение метафизической идеи ценности, как сущности и закона цены, эмпирической идее цены-ценности, как реального факта, сопутствуемого идеей своей нормы в двояком смысле: нормы этической и нормы — типа, можно формулировать, противопоставляя два следующих тезиса:

I. Тезис метафизический, формально идущий еще от *Аристотеля* и материально кульминирующий в учении *Маркса,* гласит так: блага обмениваются и могут обмениваться потому, что в них есть нечто общее. Эта общая субстанция и есть ценность. Обмен возможен благодаря тому, что есть в товарах такая общая субстанция, благодаря некому равенству, которое предсуществует обмену.

II. Тезис эмпирический гласит так: равенство между товарами, или благами, создается в самом процессе обмена и только в нем. Никакой общей субстанции и никакого равенства, предсуществующего обмену, нет и быть не может. Совершенно ясно, что с этой точки зрения ценность вовсе не управляет ценами. Образованию цен предшествуют в конечном счете только психические процессы оценки. Ценность же образуется из цен (с. 91).

То, что принято в современной литературе трактовать под заголовком «субъективная ценность», есть психический процесс оценки. Когда этот процесс приводит к меновому акту, мы имеем перед собой явление цены. Это явление по существу и интересует экономиста. Рядом с ценой, над нею, или под нею не существует никакого другого реального экономического явления. Ценность есть либо прямой приказ о цене, т.е. назначенная, «уставная» или «указная» цена, либо отверждение некоторого множества «свободных» цен в оценочную среднюю. Ценность, как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, есть фантом (с. 96).

Лишь новейшее время с его железнодорожными тарифами, с его принудительно картельными ценами, с его регулированием заработной платы расширяет поле рационального построения цены, создает, хотя бы на ограниченных пространствах, настоящее *управление* ценами. Но и в наше время цена остается все-таки по преимуществу явлением гетерогеническим — и идея полной рационализации цен и всецелого управления их царством представляется фантастической (с. 312—313).

Государство — это показывает вся история денежного обращения всего мира — не всемогуще, но и не бессильно по отношению к деньгам. Связь денежного обращения с государством и его интересами превращает *денежную политику* в широком смысле в подлинное управление. Секрет силы и действительности этого управления заключается, с одной стороны, в *реальной* денежной и вообще экономической *власти* самого *государства,* с другой стороны — в ясном понимании и соблюдении *границ* этой власти. Возможность освобождения денежного обращения от материальной (металлической или иной) основы определяется не просто велением государства, а рациональным, основанным на знании реальных условий денежного обращения, характером этого веления. «Идеализация» или «номинализация» денежного обращения сводится не к простому приказу; это есть проблема рационального овладения сложным переплетением явлений, в которых гетерогенический элемент играет крупнейшую роль. Игнорирование этого элемента, *«превышение»* экономической власти государства, тотчас же даст себя знать крушением денежной политики: *управление* денежным обращением *превратится* в денежную *анархию.*

Булгаков С.Н. (1871—1944)

Булгаков Сергей Николаевич — известный философ, экономист, богослов и публицист — родился в 1871 г. в г. Ливны Орловской губернии в семье священника. Его предки в течение шести поколений были священниками. Жизнь в провинциальном городе и религиозное воспитание оказали большое влияние на формирование личности и мировоззрения С.Н. Булгакова, который учился сначала в духовном училище в Ливнах, а затем три года в Орловской духовной семинарии. Как он сам писал в «Автобиографии», учась в гимназии, пережил «религиозный кризис» и «с 14 лет примерно до 30 лет блудный сын удалился в

страну далеку» (с. 34). Сделавшись, по его словам, «жертвой мрачного революционного нигилизма», С.Н. Булгаков оставил семинарию и продолжил образование в Елецкой гимназии, а затем на юридическом факультете Московского университета, по окончании которого в 1894 г. был оставлен (по рекомендации профессора А.И. Чупрова) на кафедре политэкономии и статистики для подготовки к профессорскому званию. В 1897 г. выпустил свою первую книгу «О рынках при капиталистическом производстве», которая целиком была построена на цитатах из К. Маркса и носила популяризаторский характер. После сдачи магистерского экзамена в 1898 г. С.Н. Булгаков был направлен в двухлетнюю командировку в Германию для продолжения научной работы. Именно здесь начинается его отход от марксизма, и в последующем в его работах «все победнее стал звучать голос религиозной веры». Свой резкий поворот «от марксизма к идеализму» сам С.Н. Булгаков объяснял двумя причинами: любовью к Иисусу Христу, привитой ему с детства, и духовным влиянием Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева.

Как вспоминал сам С. Булгаков, «я возвратился из-за границы уже с разложившимся марксизмом, который оказался для меня кратковременной болезнью юности и переходной стадией на моем окружном пути к совершенно иному, религиозному мировоззрению». В 1900 г., вернувшись в Россию, С.Н. Булгаков опубликовал книгу «Капитализм и земледелие», по которой в 1901 г. защитил магистерскую диссертацию по политэкономии. С 1901 г. С.Н. Булгаков — профессор политэкономии в Киевском политехническом институте, а с 1906 г. — доцент Московского университета. В 1911 г. с группой других преподавателей университета он вышел в отставку в знак протеста против нарушения правительством университетской автономии. В 1904 г., окончательно порвав с марксизмом, написал книгу «От марксизма к идеализму». В том же году С.Н. Булгаков и Н. А. Бердяев решили издавать собственный журнал; сначала они приобрели «Новый путь», а затем основали журнал «Вопросы жизни». В марте 1905 г. по инициативе С.Н. Булгакова в Москве создается Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, в 1906 г. участвует в создании Союза христианской политики, а в 1907 г. избирается депутатом во Вторую Государственную думу от Орловской губернии как беспартийный «христианский социалист». Получив известие о Манифесте 17 октября 1905 г., С.Н. Булгаков принимает участие в студенческой демонстрации, но в какой-то момент, по его признанию, «почувствовал совершенно явственно влияние антихристового духа». С этого момента вчерашний «непримиримый враг самодержавия» становится монархистом. «Становилось очевидно, — пишет он в «Автобиографии», — что революция губит и погубит Россию. Но не менее ясно было для меня тогда, что ее не менее верно губит и самоубийца на престоле, первый деятель революции Николай II. И из этого рокового кольца революции, в котором боговенчаный монарх в непостижимом ослеплении и человеческом слабоволии подавал руку революции, казалось, не было выхода».

В 1909 г. С.Н. Булгаков принял участие в сборнике «Вехи», в котором были осмыслены уроки революции 1905 г. В этой революции С.Н. Булгаков увидел симптомы очень многих опасных болезней, которые через несколько лет поставят Россию на грань катастрофы.

В 1910 г. вместе с Е. Трубецким, Н. Бердяевым и В. Эрном С.Н. Булгаков организует в Москве книжное издательство «Путь», в котором выходят два его основных сочинения: «Два града» (1911) и «Философия хозяйства» (1912). По последнему он защищает докторскую диссертацию. К этому времени его популярность в широких кругах русской интеллигенции достигает наивысшего уровня.

Революцию 1917 г. С.Н. Булгаков, по его признанию, «пережил трагически, как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни, как гибель любви». В июне 1918 г. в Москве в Свято-Даниловом монастыре С.Н. Булгаков принял сан священника, был избран членом Высшего церковного совета и вскоре исключен из профессоров политэкономии. В 1919 г. он поехал за семьей в Крым, но вернуться в Москву уже не смог. Какое-то время он был профессором политэкономии и богословия в Симферопольском университете, откуда также был исключен «по причине священства». В 1922 г. советское правительство приняло решение о высылке его из России в составе группы из более ста ученых, писателей и общественных деятелей, обвиненных во враждебном отношении к советскому режиму. Сначала С.Н. Булгаков поселился в Праге, а затем переехал в Париж, где с 1925 г. возглавлял кафедру догматического богословия в Парижском православном духовном институте, в создании которого он принимал участие. Умер в 1944 г. в Париже от кровоизлияния в мозг, похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

В 1906 г. специально для «Религиозно-общественной библиотеки» С.Н. Булгаков написал «Краткий очерк политической экономии: Основные черты современного хозяйственного строя».

Особый интерес представляет его характеристика типов капитализма, в том числе российского капитализма, как бюрократического, звучащая весьма современно, поскольку ее с полным основанием можно отнести и к нынешней экономике России.

Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии: Основные черты современного хозяйственного строя. М., 1906.

Русский капитализм, до настоящего времени может характеризоваться не как экспортирующий и не как колониальный, но как *бюрократический*.

...Когда придет время экономического возрождения России, то оно произойдет не в теперешней форме, столь связанной с бюрократическим режимом. Бюрократически опекаемая промышленность не возродится, но взамен ее разовьется народная промышленность. Россия имеет все данные для этого развития: обширную территорию, естественные богатства, многочисленное население. Она не будет нуж-

даться во «внешних» рынках, которые хотела найти для нее бюрократия, она имеет обеспеченный и растущий рынок в нашем мужицком царстве. Обмен между земледелием и промышленностью внутри страны, самодовлеющее экономическое развитие, не обусловленное присутствием внешнего рынка, — вот основа будущего народного развития России. Но, очевидно, для этого должна быть в корне изменена вся экономическая политика, на первый план должны выступить не призрачные интересы страдающей манией величия бюрократии, но действительные нужды многомиллионного крестьянства. Про русское царство можно сказать старинной французской формулой физиократов: бедно крестьянство, бедна промышленность, бедна казна и, наоборот, самым верным и единственно верным средством поощрения промышленности является поднятие народного благосостояния (с. 131).

В отрывке из введения к «Очеркам по истории экономических учений» раскрываются задачи политической экономии и обосновывается необходимость и важность изучения истории экономических учений.

Булгаков С.Н. Очерки по истории экономических учений. Вып. 1. М.: Высшая школа, 1918. — 234 с. Введение. Задача курса: история экономических мировоззрений или философии хозяйства.

Политическая экономия изучает фактическую сторону хозяйства, философия же хозяйства исследует хозяйство как ценность, как задачу, как добро или зло (с. 10).

При известной широте понимания самих себя и своего настоящего, связь современности со всей предыдущей историей становится все нагляднее. Поэтому история есть в сущности средство для самопознания, и практический результат этого самопознания есть прежде всего то духовно освобождающее значение, которое дает историческое изучение. Личный опыт наш слишком узок, и многое при свете истории представляется нам совершенно иначе, чем в том случае, если мы замыкаемся в идеях и интересах современности. В особенности это наблюдение верно в области хозяйственной жизни, которая возбуждает к себе столь сильный интерес. Ведь в экономической стороне жизни бьется наиболее горячо и отчетливо пульс современности, а то, к чему относятся наиболее страстно, и воспринимают наименее объективно, и трудно бывает отдать себе отчет в том, насколько мы широко и объективно здесь судим. Историческое изучение играет здесь важную роль. Потому желательно совершить это духовное путешествие в иные эпохи, которое, как и всякое путешествие, раскрывает новые горизонты, новые перспективы. Наш век есть век историзма, все понимающий в свете истории, не в застывшем состоянии, но в постоянном развитии. Конечно, не должно составлять из этого исключения и изучение экономических идей» (с. 11—12).

В вышедшей в 1917 г. работе «Христианство и социализм» С.Н. Булгаков подверг критике тогдашних сторонников социализма, обвинив

их в безразличии к духовной сущности человека, в подмене этого вопроса вопросом о природе и строении общества, в проповеди воинствующего мещанства, что, по его мнению, роднило социализм с капитализмом.

Булгаков С.Н. Христианство и социализм. М., 1917. — 46 с.

Социализм хочет вывести человечество из плена хозяйственной неволи, которая тяготеет над всем человечеством. Труд в поте лица с терниями вместо хлеба — таков удел человечества на земле проклятия. Земля стала вместо матери мачехой для человечества, и только тяжелым неусыпным трудом отстаивает оно свое существование. Жизнь превратилась в борьбу за существование, о которой настойчиво учит современная наука, в борьбу с бедностью, которая выражается в стремлении к богатству. И эта хозяйственная забота изнуряет дух человека, а хозяйственный труд напрягает его силы. Поэтому естественно возникает вопрос: нельзя ли вообще освободиться от хозяйственного плена, завоевать *свободу от хозяйства*? Этот голос звучит в человеке тем настойчивее, чем ощутительней становится для него этот хозяйственный плен, тем тягостнее он его переживает. Именно в наши дни, когда хозяйственное овладение природой, или «производство богатств», достигло небывалых размеров, в век всеобщего *экономизма* мысли и жизни становится наиболее сильным это желание обрести хозяйственную свободу, перейдя в некое сверх-хозяйственное или внехозяйственное состояние. Эту победу над хозяйством и сулит теперь социализм, обещающий, по выражению Маркса, прыжок из царства необходимости в царство свободы.

...Но допустим, что социалистические мечтания о сверх-хозяйственном «государстве будущего» имеют достаточные научные основания (чего мы на самом деле вовсе не думаем). Все-таки нельзя не признать этого идеала бескрылым, рабским и ограниченным, хотя социализм и гордится обычно своей революционностью и радикализмом. Это становится особенно ясно при сопоставлении с христианской верой.

Социалистическое учение о человеке, без различия оттенков, имеет в основе своей веру в беспредельную способность человеческой природы к совершенствованию, если только она поставлена в соответствующие условия. Мысль о грехе, о силе греха, о греховной порче, о губительной стихии страстей, о трагических противоречиях человеческой природы далека социалистическим верованиям. Их представление о человеке вообще бедно и поверхностно. Обычно вопросы о человеке подмениваются вопросом о природе и строении общества. Человечество рассматривается как состоящее не из отдельных личностей, из которых каждая есть свой особый мир, но из общественных групп, которые определяются своим местом в строении целого. Вместо личности возникает представление о безличной социальной среде, которая существует над личностями и их собой определяет. В разных учениях подставляются только различные понятия в эту общую формулу:

для Р. Оуэна, началом, определяющим человеческий характер, является общественная среда, для К. Маркса и его последователей — классы и отношение классов.

Поразительна при этом противоречивость социализма. С одной стороны, здесь поддерживается общегуманистическая вера в человека, на которую и опирается вера в прогресс и в его радужные дали, а с другой — в социализме совершенно упраздняется человеческая личность, которую так умело ценит и лелеет раннее, творческое Возрождение: вместо нее ставится всеопределяющая социальная среда. Вообще социализм изнемогает от своего бессилия сочетать учение о закономерности общественного развития, свой социологизм, со своим же собственным деятельным характером, революционизмом. Он оказывается безответен перед основным вопросом: что же такое человек, какова природа человеческой личности, человеческого общества? Каковы его задачи, цели, достижения? К чему ведет «прогресс»? В чем смысл истории?

И с этой духовной немощью и пустотою современного социалистического движения находится в связи основная его черта: его глубокое мещанство — «буржуазность». Да, не имея в своем лексиконе более уничижительного слова, чем «буржуазия», сам социализм духовно пропитан этим самым мещанством. Мещанство есть духовная опасность, которая всегда подстерегает всякую душу на пути ее религиозной жизни, оно есть болезнь духа, его расслабление и отяжеление. В социализме же мещанство приобретает, можно сказать, воинствующий характер. Здесь борьба за свои экономические интересы, личные и классовые, проповедуется как основное, руководящее начало жизни. Удивительно ли, что, когда социализм показывает свое подлинное лицо, как теперь в России, где все обезумели в какой-то оргии хищничества, то лицо это выглядит мещанским до отвратительности, в нем обнажаются самые низкие, животные инстинкты человеческой природы. Таков духовный лик и современного русского социализма, этого «социал-буржуйства». Своей проповедью мещанства социализм обедняет, опустошает душу народную. Он сам с ног до головы пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот.

Однако, нападая на социализм за его мещанские черты, которые все-таки находят себе и значительное оправдание в бедности и обездоленности представителей труда в нашем обществе, мы менее всего можем тем самым брать на себя защиту капитализма, отравившего своим ядом и социализм. Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм *прав* в своей критике капитализма. В этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма. Однако можно признавать правду социализма как отрицание неправды капитализма — и здесь его воодушевляют, несомненно, высокие чувства святого гнева, ревность к справедливости, сострадание к меньшей братии, — но наряду с этим видеть и его ограниченность и не-

правду, которая есть тонкое или грубое воспроизведение ограниченности и неправды капитализма. Социализм разделяет с капитализмом его неверие в духовную природу человека, и это несмотря на то, что он же предрекает для него такое радужное будущее. Для социализма общественное преобразование исчерпывается внешней, прежде всего экономической реформой, и он без всякого внимания проходит мимо того, что совершается в человеческом сердце. Социализм интересуется человеком одновременно и слишком много, и слишком мало, сулит ему земной рай и, однако, его не уважает, не признавая в нем нравственную личность. Ради возвеличения человека в будущем за ним отвергается духовная самобытность и нравственная ответственность в настоящем. Для социализма человек есть денежный мешок, пустой или наполненный, так же, как и для капитализма. И эти мещанские, материалистические основы современного социализма делают его учением духовно-мертвящим, лишают его поэзии и очарования, наполняя жизнь рассудочностью и прозаичностью. На нем лежит отпечаток вульгарности, низменности и бескрылости, и это, конечно, связано с отсутствием в нем истинной религиозности, которая заменяется извращенным грубым идолопоклонством, где идолом является толпа — «демократия», понимаемая как экономический союз.

Часть вторая
ПРОТИВНИКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Промышленный переворот, охвативший в первой половине XIX столетия многие европейские страны, предопределил зарождение разнообразной критики основополагающих постулатов смитианского учения. Эту критику правомерно соотнести с тремя альтернативными классической школе направлениями экономической мысли, как-то: экономический романтизм, утопический социализм, немецкая историческая школа (социально-историческое направление). Представители каждого из названных направлений выступали в качестве противников классической политической экономии, предлагая иные, чем у классиков, модели идеального социально-экономического устройства общества. Об этом и последует далее речь в рамках соответствующих глав данной части учебника.

Глава 11. Возникновение реформаторских программ экономистов-романтиков

Изучив эту главу, вы будете знать:

- каковы истоки происхождения понятий «экономический романтизм», «экономисты-романтики», «мелкобуржуазная политическая экономия»;
- почему наперекор классикам С. Сисмонди утверждал, что «рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья»;
- что имел в виду П. Прудон, заявляя, что «политическая экономия... невозможна, раз меновая ценность не поддастся измерению»;
- какие теоретико-методологические положения сближают творческое наследие С. Сисмонди и П. Прудона — столь разноплановых на первый взгляд идеологов экономического романтизма;
- каково видение решения социального вопроса в реформаторских концепциях С. Сисмонди и П. Прудона.

Термин «экономисты-романтики» берет свое начало со времени выхода в свет одной из ранних публикаций В.И. Ленина под названием «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и

наши отечественные сисмондисты)» (1897). В этой работе речь идет о том, что российские «экономисты-народники», подобно С. Сисмонди, развивают «экономические теории романтизма» и ограничиваются «сентиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа»[1].

«Романтики», по характеристике В.И. Ленина, «возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его задержке», а их «оратор» С. Сисмонди «указал на одинаковое основание свободной торговли и протекционизма... на тот процесс «ломки» старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западноевропейских государствах... на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля ускоряет эту "ломку"»[2].

Таким образом, ленинские термины «экономический романтизм» и «экономисты-романтики» означают прежде всего критическое восприятие принципов либеральной экономики и, соответственно, экономики свободной конкуренции или, как еще говорят, капитализма. Но эта критика, как подчеркивает В.И. Ленин, «сентиментальна» и «романтична» потому, что она, констатируя бедственное положение рабочих, взывает не к «революционным» преобразованиям по ликвидации «несправедливого» капиталистического общества ради социализма, а к реформам с целью возврата к «старым полупатриархальным отношениям», которые исключили бы накопление капитала «мелкими буржуа» (крестьянами, ремесленниками, кустарями) и обеспечили бы «задержку» капитализма на стадии так называемого мелкотоварного хозяйства — хозяйства мелких собственников.

Вот почему в экономической литературе, ориентированной на марксистско-ленинское учение, традиционно выделяется специальный раздел «мелкобуржуазная политическая экономия» либо «мелкобуржуазная экономическая мысль».

Однако, следуя принципу неклассового осмысления истории экономических учений, данная тема учебника озаглавлена так, чтобы выделить не «антиреволюционную» направленность, а реформаторскую сущность идей основоположников «экономического романтизма». При этом наряду с С. Сисмонди к числу видных первых пропагандистов идеологии данного свойства отнесен также П. Прудон, поскольку оба они, несомненно, внесли весомый вклад в сокровищницу мировой экономической мысли, обосновав целесообразность переосмысления предмета и метода экономической науки в изложении «классической школы» и доказав необходимость социальных реформ.

§ 1. Экономическое учение С. Сисмонди

Жан-Шарль-Леонар Симонд де Сисмонди (1773—1842) — французский экономист и историк швейцарского происхождения, родился в Женеве 9 мая 1773 г. Его род принадлежал к старинной женевской аристократии. Отец был кальвинистским пастором, владел невдалеке от Женевы имением, в котором протекало детство С. Сисмонди.

По окончании духовной кальвинистской «коллегии» в Женеве С. Сисмонди поступил в университет, который ему так и не удалось закончить. Поводом прервать учебу было пошатнувшееся материальное положение отца, из-за чего он перешел на работу в один из банкирских домов Лиона. Но затем произошли известные французские революционные события, от которых С. Сисмонди с отцом не смогли уберечься даже в Женеве, и их посадили в тюрьму.

С. Сисмонди было около 20 лет, когда его семья вынуждена была эмигрировать почти на семь лет; сначала на полтора года в Англию, где он углубленно вникает в «Богатство народов» А. Смита, а затем еще на пять лет в Италию, где некоторое время ему довелось лично управлять хозяйством на усадьбе своего отца в провинции Тоскана и одновременно писать свои первые научные произведения.

По возвращении в 1800 г. в Женеву С. Сисмонди целиком отдается научной и литературной деятельности. Уже первые его экономические работы «Картина сельского хозяйства Тосканы» (1801) и «О коммерческом богатстве или о принципах политической экономии в их применении к торговому законодательству» (1803), в которых он еще не опровергал принцип *laissez faire* и стоял на позициях А. Смита, принесли ему определенную известность во Франции.

Это обстоятельство во многом предопределило знакомство С. Сисмонди с мадам де Сталь, которую он в 1804—1808 гг. сопровождает в ее путешествии по Италии и Германии. Очевидно, именно непосредственные наблюдения действительности и изучение экономической, политической и исторической литературы наиболее крупных европейских стран обусловили многоплановый и неординарный характер исследований этого ученого в пору его творческого подъема. А популярность С. Сисмонди росла буквально с каждой его последующей публикацией, в том числе особенно благодаря изданию двухтомника «Истории итальянских республик» (1807), лекций о литературе романских народов под названием «Литература Южной Европы» (1813).

В 1813 г. С. Сисмонди переезжает в Париж, выступая с серией статей в поддержку Наполеона. Но после реставрации Бурбонов

он переезжает в Англию, откуда несколько лет спустя возвращается в Женеву, чтобы провести там остальную часть жизни. В этот период он пишет самые яркие свои экономические и исторические произведения, в числе которых «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению» (1819), «Этюды по политической экономии» (1837), а также «История французов» (в 31 томе), «История падения Римской империи» (в 2 томах) и др.

Скончался С. Сисмонди в Женеве 21 июня 1842 г.

Чтобы выявить вклад С. Сисмонди в историю экономической мысли, необходимо рассмотреть лучшее его произведение, которое, наперекор «Началам...» Д. Рикардо, названо им «Новые начала политической экономии...». В этом двухтомном труде он подробно излагает собственное видение предмета и метода политической экономии, а также теоретические воззрения по поводу характеристики производительного труда и разделения труда, народонаселения и доходов, воспроизводства и реформ, о чем и последует речь далее.

Предмет изучения

К трактовке предмета изучения политической экономии С. Сисмонди обращается почти на всем протяжении тома I своих «Новых начал...». Причем уже в предисловии к своей работе он напоминает читателю, что намерен внести значительные изменения в «принципы Адама Смита», которыми Сисмонди руководствуется, подчеркивая, что «рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья», что «само по себе увеличение богатства и населения есть лишь абстракция...»[3].

Из четырех книг, составляющих I том «Новых начал...», первая специально посвящена «Предмету политической экономии и происхождению этой науки». В этой книге С. Сисмонди выделяет три главных, на его взгляд, этапа в эволюции политической экономии и трактовке предмета ее изучения. Первый он называет этапом школы меркантилистов, второй — этапом школы экономистов-физиократов, третий — этапом школы Адама Смита.

На первом и втором этапах, пишет С. Сисмонди, материальное благосостояние людей как предмет политической экономии рассматривалось в рамках односторонней системы, поскольку меркантилисты источник богатства видели только в торговле, а физиократы — только в земледелии. И лишь на третьем этапе, заключает ученый, «Адам Смит не пытался, как его предшественники, создать априорную теорию, с тем чтобы потом пристегнуть к ней факты»[4].

Солидаризируясь с А. Смитом в том, что источник богатства следует искать в общественном труде, и видя «предмет политической экономии» именно в материальном благосостоянии людей, С. Сисмонди в то же время делает категорическую оговорку об обязанности государства «дать возможность всем гражданам пользоваться тем физическим довольствием, которое доставляет богатство». И исходя из этой позиции, автор «Новых начал...» приводит далее *две трактовки предмета политической экономии*.

Согласно первой трактовке политическая экономия — это наука, изучающая «управление народным богатством». Согласно второй — это «наука моральная» и «в значительной мере нравственная». Причем наука «моральная», потому что она «вводит в заблуждение, когда оперируешь голыми цифрами, и ведет к цели тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей» и наука «нравственная» — поскольку, во-первых, «она должна предвидеть... страсти» (людей. — *Я.Я.*) и, во-вторых, «неверно, будто достаточно указать на их (людей. — *Я.Я.*) выгоду, чтобы они стали ее добиваться»[5].

Таким образом, предмет изучения, по Сисмонди, как и у классиков, сводится в основном к проблематике сферы производства, где, как он полагает, создается и приумножается материальное благосостояние людей. Однако, в отличие от классиков, он считает необходимым государству управлять «народным богатством» и полагаться при этом не на «абстракции» и «голые цифры», а на «чувства, потребности и страсти людей».

Метод изучения

Творчество С. Сисмонди в значительной мере сопоставимо с классической школой политической экономии и в части метода изучения. Ведь «доктрина Адама Смита, — пишет он, — есть наша доктрина, факел, который его гений вознес над наукой, указал правильный путь всем его последователям»[6]. Этим, пожалуй, можно объяснить, почему в методологическом инструментарии автора «Новых начал...» наряду со специфическими есть немало элементов, присущих творчеству классиков (вспомним, что К. Маркс считал С. Сисмонди одним из завершителей классической политической экономии).

Следовательно, едва ли неожиданными можно признать те методы научного анализа, которые он, по существу, заимствовал из сокровищницы классической школы конца XVIII — начала XIX в. В числе таких методов правомерно назвать:

- каузальный метод анализа основных сфер экономической деятельности людей, что, в частности, обусловило противопоставление друг другу сфер производства и обраще-

ния и признание первой определяющей (доминирующей) сферой общественного хозяйства;

- классовый метод анализа, в соответствии с которым рассматриваются социально-экономические отношения между так называемыми главными классами общества;
- затратный (по Сисмонди, с учетом количества затраченного труда) метод определения стоимости и доходов;
- непризнание (на основе описательного метода) самостоятельной и значимой роли денег в общественном воспроизводстве.

Между тем именно специфические элементы методологии С. Сисмонди позволяют судить об истоках новизны и своеобразия творческого наследия этого ученого. Суть же этих элементов может быть сведена к следующим положениям.

Во-первых, всемерная обращенность (в отличие от классиков) «ко вмешательству власти в дело регулирования богатства» с тем, чтобы не сводить «всю политическую экономию к простому... принципу laissez faire»[7]. При этом С. Сисмонди убежден, что «только власть» может не допустить расширение производства ради интересов «отдельных лиц», что целью всех наций должно быть соображение «роста всеобщего довольства и достатка»[8].

Во-вторых, неприятие для политической экономии метода научной абстракции. В частности, С. Сисмонди упрекает последователей А. Смита за то, что те «бросились в абстракции, забывая о человеке». Вследствие этого наука в их разработках, заключает он, стала носить «спекулятивный характер» и «кажется оторванной от всякой практики»[9].

В-третьих, отрицание смитовской доктрины об «экономическом человеке». Ее, как подчеркивает С. Сисмонди, классики принимали в качестве «одной из аксиом», будучи уверенными, что «интерес каждого образует общий интерес». Однако это, по его мысли, не соответствует действительности, поскольку «каждый, стремясь осуществить свой собственный интерес за счет других, пускает в ход все доступные средства и не всегда при этом сдерживается силами, равными его силам», и отсюда, например, «благополучие каждого промышленника строится на разорении его собрата»[10].

В-четвертых, непризнание объективной необходимости ускорения научно-технического прогресса на благо всего общества. Аргументируя данную методическую позицию, С. Сисмонди пишет: «Хотя изобретение машин, увеличивающих силы человека, и является для человека благодеянием, однако несправедливое распределение прибыли, доставляемой ими, превращает машины в бич для бедняков»[11].

В-пятых, обоснование целесообразности применения в экономическом анализе не только каузального, но и функционального метода. Данная позиция ученого очевидна из утверждения о том, что «в политической экономии все связано, все заключено в круг, так как следствие становится, в свою очередь, причиной»[12].

Наконец, в-шестых, учет в экономическом анализе наряду с экономическими факторами и некоторых факторов неэкономической среды. В числе последних С. Сисмонди особо выделяет религию, воспитание, чувство чести[13], полагая, что «они либо способствуют приближению людей к цели, которую ставит себе политическая экономия, либо отдаляют их от нее»[14].

Теория производительного труда

Сущность производительного и непроизводительного труда С. Сисмонди характеризует почти в буквальном соответствии с определениями А. Смита. Отсюда, на его взгляд, *производительный труд* создает богатство в виде «нового предмета обмена» или увеличившейся стоимости «уже существовавшего предмета», а *непроизводительный труд* представляет собой «труд и наслаждение», которые «не входят в понятие богатства, ибо это наслаждение нельзя сохранить на будущее... плоды этого труда не могут быть накоплены»[15].

Однако выводы из этой теории, сделанные А. Смитом и С. Сисмонди в части производительного труда, диаметрально противоположны. Ведь в отличие от А. Смита, по убеждению автора «Новых начал...», благодаря безграничному увеличению производительного труда происходит якобы «лишь увеличение роскоши и наслаждений праздных богачей» и «чем большего развития достигает нация в области ремесла и промышленности, тем больше неравенство между трудящимися... чем больше трудятся одни, тем больше роскошествуют другие»[16].

Что же касается значимости для общества «непроизводительного труда», то здесь С. Сисмонди не столь пессимистичен в своих суждениях. Так, он подчеркивает, что общество нуждается во всех «охранителях» установленного обществом порядка, каждый из которых, «начиная с главы государства и кончая последним солдатом», хотя ничего и не производит, но без их труда «богатства, созданные производительными рабочими, были бы расхищены... производство прекратилось бы». Кроме того, «если называть всякую полезность богатством, — пишет ученый, — то этого рода богатство растрачивается в момент его создания», а «искусность», достигаемая работниками, к какому бы классу они ни принадлежали, есть своего рода основной капитал»[17].

Теория разделения труда

Эта теория С. Сисмонди, как и предыдущая, заслуживает внимания прежде всего своей направленностью против суждений классиков. В частности, он предупреждает, что разделение труда, являясь «наиболее мощной причиной увеличения его производительности», все же делает очевидным «значение рабочего не более, чем значение машины», поскольку машина «в действительности может его заменить»[18].

Угрозу вытеснения рабочих машинами С. Сисмонди не считает единственным пагубным следствием процесса разделения труда, полагая, что само существование машин обусловливает, кроме того[19]:

- утрату человеком «умственных и физических сил», «здоровья и жизнерадостности» пропорционально тому, «на сколько увеличивается производительность его труда»;
- нехватку рабочим работы из-за упрощения операций труда настолько, что их вместо рабочих «способны выполнять дети в самом раннем возрасте»;
- значительный рост оборотного и основного капитала и, соответственно, выгоду и процветание крупным предпринимателям вопреки выгоде и процветанию всего общества.

Правда, в конце своих «Новых начал...» С. Сисмонди поясняет, что его не следует относить к числу противников «прогресса и мастерства» и «совершенствования индустрии», поскольку на самом деле «усовершенствования полезны, но применение, которое из них делают, может быть, смотря по обстоятельствам, полезно или вредно»[20].

Теория народонаселения

С. Сисмонди не принял и теорию народонаселения Т. Мальтуса, вновь демонстрируя свое несогласие с классиками. Последние искали причину «всех страданий трудящегося населения» во взаимосвязи темпов роста средств существования и его численности, а надо было принять во внимание, пишет С. Сисмонди, не численность, а доход. И тогда было бы видно, утверждает С. Сисмонди, что этой причиной является «несоответствие между его (населением. — *Я.Я.*) количеством и его доходом», потому что «естественные границы населения» преступают не те, которые «хоть чем-нибудь владеют», а те, «у кого ничего нет»[21].

Автор «Новых начал...» фактически возвращается к домальтусовской концепции народонаселения, высказывая следующие близкие ей положения[22]:

- многочисленность населения представляет преимущество общества, если каждый человек уверен, что он своим трудом может обеспечить «себе сносную жизнь»;

- материальное (имущественное) положение людей регулирует количество браков и рождаемости;
- необеспеченность рабочего доходом от своего труда ведет к росту преждевременных браков и рождаемости;
- восстановление цехов и уставов цеховых организаций обеспечит каждому рабочему «собственность на продукты его труда» и возможность рассчитывать на доход и надежду на создание семьи;
- «способность к труду» рабочего не является его гарантированным источником дохода.

Конечный вывод С. Сисмонди сводится к тому, что, поскольку «наименьший доход... благоприятствует его (населения. — *Я.Я.*) непомерному росту», необходимо изменить ту самую «социальную организацию», которая порождает «перемежающийся спрос» и, «создав рабочих, обрекает их потом на страдание и смерть»[23].

Теория доходов

Развитие промышленности и науки, достигнутое Англией в начале XIX в., заявляет С. Сисмонди, свидетельствует о том, что ее народ лишил себя «достатка в настоящем и уверенности в будущем», ибо «в городах почти не осталось ремесленников или независимых хозяев мелких мастерских» — там есть только рабочие, заработная плата которых недостаточна «во все времена года», а «в деревне нет больше крестьян — их вытеснили батраки». По его убеждению, каждый рабочий ежедневно производит «гораздо больше, чем ему нужно для потребления», но «владелец богатства» удерживает у него «часть того, что он, рабочий, производит сверх нужд своего собственного потребления».

На основании этих рассуждений автор «Новых начал...» выражает свое принципиальное несогласие с так называемыми «экономистами» (имея в виду классиков) по поводу возникновения трех главных видов доходов (ренты, прибыли и заработной платы), считая ошибочной их версию о существовании «трех разных источников — земли, накопленного капитала и труда»[24]. При этом он настаивает на том, что *только рабочий создает помимо своего дохода (заработной платы) и доходы «богачей», а именно ренту для землевладельцев и прибыль для капиталистов.* Сама же заработная плата, пишет ученый, «есть та цена, за которую имущий приобретает труд неимущего» и «часто является не чем иным, как ограблением рабочего», так как представляет собой «лишь количество средств существования, достаточное для прожития работавших в предыдущем году»[25]. Итак, *и прибыль, и рента являются,* по мнению С. Сисмонди, *прямым вычетом из дохода рабочих.* Причем им не признаются и рентообразующие факторы, принятые классиками благодаря ис-

следованиям Д. Рикардо. Не соглашаясь с последним, С. Сисмонди указывает на то, что «сельскохозяйственные предприниматели» являются теми же капиталистами и «в отношении своих рабочих они находятся в таком же положении, как городские капиталисты». А выводы Д. Рикардо по поводу ренты были бы основательными тогда, подчеркивает он, когда бы «пустующая» или «плохого качества» земля не была «частной или общественной собственностью», т.е. могла обрабатываться без разрешения собственника, ибо ценой этого «разрешения и является арендная плата». Поэтому только земельный доход, подытоживает С. Сисмонди, «образует реальное основание земельной ренты», которая создается «трудом человека» и «работой земли»[26].

По-своему С. Сисмонди находит ответ и на вопрос о том, почему рабочие как «самая многочисленная часть участвующих в производстве» имеют низкую заработную плату и почему они, создавая богатство, «сами им почти не пользуются». Его ответ вновь достаточно прост и включает в себя два положения: первое — «в той борьбе за существование, которую они вынуждены вести со своими работодателями, рабочие не обладают одинаковой с ними силой», второе — «с тех пор, как дети зарабатывают часть средств своего существования, отцы их могут получать меньшую плату»[27].

Теория воспроизводства

Согласно теории воспроизводства классиков в известный момент лишь в одном или нескольких производствах может оказаться слишком много или слишком мало продуктов, вследствие чего и кризисы могут быть только частными, а не общими.

Однако для С. Сисмонди «весь интерес политической экономии с точки зрения теоретической сводился к объяснению кризисов, а с точки зрения практической — к отысканию мер предупреждения их и улучшения положения рабочих»[28], и кризисы, на его взгляд, «являются не случайностью... а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме, охватывающими широкую область и повторяющимися через определенные периоды»[29].

Он обращает внимание своих оппонентов-классиков на то, что вопреки их ожиданиям и предсказаниям в английском «коммерческом мире один за другим последовали кризисы», что, учитывая взаимосвязь промышленности всего мира, суть этих кризисов «представляет историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она (Англия. — *Я.Я.*) следовала»[30].

В соответствии с его рассуждениями исключение возможности кризисов в условиях «коммерческого мира» и обеспечение стабиль-

ного возобновления всего цикла кругооборота хозяйственной жизни общества предполагают равенство величин национального дохода и годового производства. Кроме того, весь годовой доход, обмениваясь на годовое производство, должен обеспечивать себе новое производство, так как в противном случае часть произведенной продукции останется непроданной и производство приостановится. Но «ошибаются те, кто подстрекает к безграничному производству», предупреждает ученый, потому что «в конце концов — уточняет он, — сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года»[31].

По словам С. Сисмонди, «экономисты» впали в заблуждение из-за «ложного взгляда, будто производство — это то же, что доход», и он убежден, что «вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников внутренний рынок все более и более сокращается и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения». И он даже вопрошает: «Куда идем?», имея в виду то, что процесс вытеснения в конкурентной борьбе крупными предпринимателями «мелких торговцев» и «мелких промышленников» (крестьян, ремесленников и кустарей. — *Я.Я.*) становится необратимым[32].

В сложившихся условиях, подчеркивает автор «Новых начал...», «все страны, где производство превышает потребление, устремляют свои взоры на внешний рынок...», не осознавая, что «мировой рынок так же ограничен, как и рынок каждой страны», что и приводит «повсюду к превышению спроса производством» и «тогда, быстро опережая потребление, производство порождает жестокие бедствия»[33]. Поэтому он решительно заявляет о том, что кризис 1825 г. в Англии необходимо признать как неизбежный результат существующей системы, порождающей «загромождение рынков»[34].

Теория реформ

На одной из последних страниц «Новых начал...» есть фраза: «Возможно, что лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу»[35]. Данная фраза вбирает в себя главную мысль многочисленных реформаторских идей, изложенных С. Сисмонди в данном труде. И коротко суть этих идей можно свести к двум положениям, законодательно обеспечивающим *«третьим лицам» — мелким собственникам (крестьянам, ремесленникам, кустарям), т.е., говоря опять же словами С. Сисмонди, «бедняку... гарантии против всеобщей конкуренции»*[36]:

1) возрождение приоритетной роли крестьянских хозяйств на основе патриархальной собственности (вместо фермерской организации сельскохозяйственного производства);

2) возврат к условиям независимой деятельности ремесленников, занятых во множестве отдельных самостоятельных мастерских и цехов (вместо крупных фабрично-заводских структур, руководимых одним хозяином).

Для достижения названных реформаторских положений им рекомендуется направить деятельность государства (правительства) на реализацию следующих его (С. Сисмонди) законодательных воззваний[37]:

- создать условия «городским» и «сельскохозяйственным» рабочим для взаимодействия на принципах коалиции и свободной кооперации;
- не допускать намеренного снижения или фиксирования процентной ставки;
- запретить общественный труд в воскресные дни;
- ввести возрастной ценз на наемный труд малолетних детей и сократить продолжительность рабочего дня взрослых рабочих;
- освободить от налогов «класс сельскохозяйственных рабочих» и увеличить их размеры «праздным землевладельцам» и «крупным фермерам»;
- обязать нанимателей содержать рабочих на период их болезни, безработицы и старости;
- поощрять дробление наследств, а не их накопление и др.

Подводя итог характеристике творческого наследия С. Сисмонди, следует признать, что он действительно, «не склоняясь к социализму... сильно расшатывает либерализм» и доказывает «ложность положения... о естественном совпадении частного и общественного интересов»[38].

§ 2. Экономическое учение П. Прудона

Пьер Жозеф Прудон (1809—1865) — французский экономист и социолог. Он родился 15 января 1809 г. в предместье города Безансон, что на востоке Франции. Его отец, крестьянского происхождения, был рабочим пивоваренного завода; после закрытия завода организовал бочарное заведение, но, не уплатив долги, лишился своего земельного участка и довел семью до края нищеты.

С детства П. Прудону приходится активно помогать родителям по хозяйству. В 12 лет его определяют на учебу в безансонский коллеж, но при этом он вынужден подрабатывать в гостинице, выполнять поручения отца. Не имея средств на учебную литературу, он постоянно посещает городскую библиотеку, ставшую для него источником самообразования.

Материальные трудности вынудили в 1828 г. оставить коллеж без завершения и пойти рабочим в безансонскую типографию. С 1831 г. разъезжает в качестве наборщика по провинциальным городам. Вернувшись в Безансон, становится соучредителем новой типографии, изучает греческий и еврейский языки. В 1837 г. издает первое сочинение «Опыт всеобщей грамматики».

После гибели в 1838 г. компаньона типографию приходится (ввиду меньшей доли личного капитала) закрыть. Но в этом же году Безансонская академия присуждает ему трехгодичную стипендию Сюара (как малообеспеченному начинающему ученому), и П. Прудон переезжает в Париж[39], где изучает труды Ж.Б. Сэя, С. Сисмонди, Т. Мальтуса, К. Сен-Симона, Ш. Фурье и др. В 1840 г. появляется одно из лучших его произведений «Что такое собственность?», в котором содержится знаменитая фраза *«собственность есть кража»*.

С 1843 по 1847 г. работает управляющим безансонской фирмы по перевозке леса и угля и по роду службы часто бывает в командировках в Париже, что позволяет ему вновь встречаться и дискутировать со своими парижскими оппонентами. В числе последних оказался и К. Маркс, с которым он проводил в спорах долгие ночи. И когда в 1846 г. П. Прудон издал очередное крупное сочинение «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», уже в июле 1847 г. К. Маркс опубликовал ответное произведение «Нищета философии»[40].

Не приняв февральскую революцию 1848 г., уже через месяц П. Прудон издает еще одну значительную работу «Решение социального вопроса», в которой осуждает насильственную суть всякой революции и выдвигает концепцию Банка народа, дарового кредита и ликвидации денег. В том же году основывает свою газету, обещая через нее народу возможность скорейших социальных реформ.

На гребне популистской славы в июне 1848 г. парижане избирают П. Прудона депутатом в Национальное собрание. Но в конце года за публикацию в своей газете «оскорбительных» статей в адрес вновь избранного президента республики Луи Наполеона его предают суду и приговаривают к трем годам заключения и крупному штрафу.

В тюрьме П. Прудон женится, признает невозможным практическое воплощение своих реформаторских идей, а в новых сочинениях склоняется к анархизму.

После тюрьмы, не имея собственной газеты, П. Прудон не может публиковаться даже у других издателей, опасавшихся связей с опальным автором. А за издание в 1858 г. книги «О справедливости в революции и церкви» его вновь судят и приговаривают к трем годам заключения и штрафу. Однако на этот раз ему удается вместе с семьей эмигрировать в Бельгию и избежать тюрьмы.

За два года до своей кончины амнистированный властями П. Прудон возвращается в Париж. В своих последних работах объявляет анархические идеалы нереальными. Он умер 19 января 1865 г.

Предмет изучения

Если для С. Сисмонди, несмотря на расхождения во взглядах с классиками, исходной базой в политической экономии было все же их учение, то П. Прудон стремился как можно дальше дистанцироваться от них. В частности, в своей работе «Что такое собственность?» он, возражая Ж.Б. Сэю, утверждает: «Политическая экономия, будучи наукой о ценностях, о их производстве, распределении, обмене и потреблении, невозможна, раз меновая ценность не поддается измерению...», а «что же касается разрешения социальных проблем, которое пытались дать экономисты (классики. — *Я.Я.*), то можно сказать, что оно если не было наивным, то было абсурдным»[41].

Итак, *предметом изучения политической экономии,* по мнению П. Прудона, *не может являться сфера производства,* так как в этом случае из-за того, что «меновая ценность не поддается измерению», без внимания остаются проблемы социальной сферы и прежде всего многообразные *задачи организации обмена и потребления*. Последние по существу и являются предметом изучения этой науки в его представлении.

Метод изучения

Сближение позиций в творчестве П. Прудона и С. Сисмонди очевидно в их оценках методов изучения, присущих политической экономии. В числе общих для обоих авторов методологических позиций можно выделить следующие.

Во-первых, отрицание целесообразности в экономике неограниченной свободной конкуренции. В этой связи П. Прудон пишет: «Что же такое конкуренция? Дуэль, происходящая на ограниченном пространстве, при которой правота борющихся устанавливается при помощи оружия»[42]. Но, уточняет он, «речь идет... вовсе не об уничтожении конкуренции, что так же невозможно, как и уничтожение свободы; все дело в том, чтобы найти равновесие, и я бы охотно сказал даже: регулирование (конкуренции)»[43].

Во-вторых, выдвижение в процессе анализа хозяйственной жизни на первый план не экономических показателей и факторов, а категорий добра, морали, этики и социальной справедливости. Причем последние, по мысли П. Прудона, лежат в основе таких высших благ в жизни человечества, как равенство и свобода[44]. Особенно красноречиво свидетельствуют об этом прудоновские определения типа: «собственность и кража — синонимы» «мы должны уничто-

жить именно этот (собственности. — *Я.Я.*) институт»: «приложение справедливости в жизни есть наука»[45] и др.

В-третьих, неприятие главенствующей роли в политической экономии каузального метода анализа. Дело в том, что, «обсуждая следствия и причины, — пишет П. Прудон, — она (политическая экономия. — *Я.Я.*) ничего не знает, ничего не объясняет, не приходит ни к каким выводам»[46].

Вместе с тем, по признанию самого П. Прудона, в течение длительного периода в его сочинениях *особое место отводилось гегелевскому методу диалектики*[47]. Например, резюмируя свои суждения по поводу собственности, он писал так: «Чтобы представить все это в виде гегельянской формулы, я скажу:

Общность... есть первый член социального развития, тезис; собственность... есть второй член, антитезис; остается найти третий член, синтез, и мы найдем требуемое решение»[48].

Теория народонаселения

К данной теории П. Прудон обращается в ряде своих произведений, всякий раз подчеркивая собственное, отличающееся от всех «современных экономистов» понимание проблемы взаимосвязи народонаселения и экономического роста. При этом особой критике подвергается их якобы непонимание того «факта», что и пауперизм[49] и перенаселение обусловлены «великой, ужасной и всегда зияющей язвой собственности», что поэтому «народонаселение, как бы его не уменьшали, всегда и неизбежно бывает избыточным». Отсюда, подытоживает он, не правы не только те, кто, подобно Т. Мальтусу, Ж.Б. Сэю, С. Сисмонди и другим, во избежание преждевременных браков «только рекомендует бедняку осторожность», но и «фурьеристы» (последователи Ш. Фурье. — *Я.Я.*), которые «изобрели четыре средства для произвольного сокращения прироста населения...»[50].

Тем не менее теории народонаселения П. Прудона и С. Сисмонди идентичны по меньшей мере по двум позициям. Суть первой состоит в схожести толкования причины феномена перенаселения. П. Прудон в этой связи, в частности, полагает, что пауперизм возникает «вследствие нарушения равновесия в распределении» и что «в некоторых странах, где большая часть семейств живут земледелием, производя почти все сами для себя и имея только незначительные внешние сношения, — это зло (пауперизм. — *Я.Я.*) сравнительно менее чувствительно»[51].

Суть второй идентичной позиции сводится к принятию домальтусовской версии об экономическом преимуществе общества с многочисленным населением. Это очевидно, в свою очередь, из мысли П. Прудона о том, что *продукты человеческого труда растут*

якобы как квадраты числа работников и отсюда делается вывод не о замедлении, а о возможном ускорении роста производительных сил в перспективе[52] (вспомним, что у Т. Мальтуса эта мысль звучит с точностью до наоборот).

Теория разделения труда

В рамках этой теории П. Прудон, подобно С. Сисмонди, выражает нескрываемый пессимизм по поводу перманентного характера разделения труда в обществе. Правда, в отличие от него он пытается выстроить аргументацию против этого «экономического закона» классиков посредством гегелевского диалектического метода анализа.

Однако фактически П. Прудон выхолостил и вульгаризировал идею метода диалектики. Свидетельством тому являются связанные с этим методом суждения ученого в его «Философии нищеты». Именно на них некогда обратил свое внимание в упомянутой выше «Нищете философии» и К. Маркс, а именно[53]:

- сначала П. Прудоном отмечается позитивная сущность процесса разделения труда (как «способ осуществления равенства условий и умственных способностей»);
- потом — негативная сторона этого процесса (поскольку он стал «источником нищеты»);
- наконец, далее о том, что надлежит найти «новое сочетание, которое устранило бы вредные стороны разделения, сохраняя при этом его полезные действия».

Более того, П. Прудон упрекает А. Смита и его последователей за их «оптимизм» и недооценку «вредных сторон какого-либо закона», в том числе закона разделения труда. Ведь в соответствии с последним, подчеркивает он, в обществе происходит «беспрестанное введение новых и новых машин», но «машина, или фабрика, принизив рабочего путем подчинения его хозяину, довершает его унижение, заставляя спуститься с положения ремесленника до положения чернорабочих»[54].

Таким образом, сведя суть закона разделения труда к абстрактной категории, П. Прудон в самом деле «не придумал ничего лучшего, как возвратить нас к состоянию средневекового мастера»[55].

Теория конституированной стоимости

П. Прудон критикует учение классиков и в связи с теорией стоимости (ценности), полагая, что она таит в себе «ключ к социальной системе, которого человечество ищет уже в течение шести тысяч лет»[56].

По его мнению, проблему определения «относительной или меновой стоимости» политическая экономия всегда ставила в ка-

честве ее первого вопроса, «который ей следовало бы разрешить, но она (стоимость. — *Я.Я.*) не может быть определена абсолютным образом и по существу своему изменчива». Причина такого положения в том, уточняет он, что «один и тот же продукт в различные эпохи и в различных местах может стоить больше или меньше времени, больших или меньших расходов». Однако в конкретный период ценность, заявляет ученый, совершенно «неизменна в своем алгебраическом выражении, хотя денежное выражение ее и может меняться». И исходя из этой посылки им выдвигается собственный принцип определения абсолютной ценности продукта, который не связан с «мнением продавца или покупателя», а сам продукт должен быть оплачен «сообразно тому, сколько он отнял времени и расходов, не выше и не ниже»[57].

На вопрос о том, как реализовать этот принцип выявления «абсолютной ценности вещи» временем, затраченным на ее изготовление, и расходами и как избежать «незнания принципа оценки», являющегося «причиной обмана в торговле и одной из важнейших причин неравенства состояния»[58], П. Прудон ответил в своей «Философии нищеты».

Суть его ответа такова: экономистам следует понять «синтетическую идею стоимости», в соответствии с которой *ценность должна быть «конституирована», т.е. отрегулирована еще до продажи посредством установления заранее количества соответствующих затрат труда и времени*. Причем идея «синтетической стоимости», пишет П. Прудон, не нова, так как она будто «была уже в смутных очертаниях усмотрена Адамом Смитом». Что же касается исторических аналогов товаров с конституированной стоимостью, то они, на его взгляд, уже имеются, поскольку именно золото и серебро «были первыми товарами, стоимость которых конституировалась»[59].

Следовательно, в самом деле, определение стоимости товаров как «результат содержащегося в них труда, — мысль... чуждая Прудону», ибо для него «продукты (а не ценность их) происходят исключительно от труда»[60].

Теория доходов

Изложение этой теории П. Прудон построил, рассматривая содержание так называемых трех элементов — труда, капитала и земли, принятых политической экономией в качестве основных источников доходов.

Он утверждает, что «производство является результатом этих трех элементов, которые, взятые порознь, одинаково бесполезны», ибо «капиталы, земля и труд, рассматриваемые в отдельности и отвлеченно, могут считаться производительными только в пере-

носном смысле слова». Однако, по его мнению, каждый собственник земли или капитала, «сам ничего не производящий» и свой доход «получающий ни за что, является либо паразитом, либо мошенником»; те же собственники, которые, «устыдившись своей праздности, работают», все равно не заслуживают большего, чем «только свое жалованье, но не доходы»[61].

Таким образом, П. Прудон, по существу, солидарен с С. Сисмонди в том, что *рабочим платят за их труд урезанную часть возникающего в процессе производства дохода*. И в аргументации этого положения он красноречив не менее своего предшественника, говоря, например, об «обеднении трудящихся», «мошенническом утаивании», «неравенстве условий жизни», «эксплуатации человека человеком»[62] и т.п.

Теория воспроизводства

В представлении П. Прудона воспроизводство характеризуется тем, насколько сбалансированы в обществе производство и потребление. Так, по его словам, «в правильном хозяйстве между производством и потреблением существует равновесие». Но в реальной действительности, подчеркивает он, «собственники перестали работать, их потребление, согласно экономическим принципам, непроизводительно» и поэтому «афоризмы политической экономии ложны»[63].

Отсюда П. Прудон делает *вывод о нарушении собственниками «экономического закона», в соответствии с которым «труд должен уравновешиваться продуктом»*[64]. Тем самым он, как и С. Сисмонди, *демонстрирует неприятие «закона Сэя»*. Однако очевидно, что ни тот, ни другой не поняли истинных причин экономических кризисов, которыми, как писал М.И. Туган-Барановский, являются «естественные и необходимые последствия промышленной свободы, при которой каждый производитель полагается на свой собственный расчет, не принимая в соображение других производителей»[65].

Теория реформ

О необходимости реформ для решения социального вопроса речь идет в большинстве сочинений П. Прудона. В них, считая своим долгом обосновать концепцию социальной справедливости, он решительно *отвергает всякую мысль о революции*. Причем накануне издания «Философии нищеты» в письме К. Марксу им была сформулирована даже некая конечная цель собственных реформ: «С помощью экономической комбинации ввести в общество те богатства, которые вышли из общества с помощью другой экономической комбинации»[66]. В случае реализации этой цели, говорится в одной из его последних работ, будущее поколение навсегда избавилось

бы от «нашей общей вины» за то, что «некоторые из нас получают больше или меньше, чем следует по правилу»[67].

Реформаторские идеи П. Прудона содержат немало общего, сближающего его с С. Сисмонди. Это видно из таких идей П. Прудона, как[68]:

- сочувственное отношение к положению в обществе так называемых «третьих лиц», т.е. крестьян, ремесленников, кустарей;
- признание приоритетной роли в экономике «мелкой собственности и мелкого производства» как условие, создающее рабочим положение, «в смысле обеспеченности, существования, почти такое же, как и при полном равенстве»;
- приверженность принципу социальной справедливости, понимаемому как возможность «давать каждому равную часть благ... действовать сообразно интересам общества»;
- исключение из законодательства принципа неравенства вознаграждения «под предлогом неравенства способностей»;
- недопущение «никакой концентрации капитала или доходов в руках одного человека, никакой эксплуатации труда, никакого грабежа».

К числу же специфических реформаторских идей, принадлежащих только П. Прудону, необходимо отнести следующие:

- ликвидация денег и введение вместо них бонов обращения (обмена);
- уничтожение процента посредством организации дарового (беспроцентного) кредита;
- организация *Банка народа*;
- отмена правительства как итог осуществления реформ.

Аргументы П. Прудона в пользу идеи о введении вместо денег *бонов обращения* таковы. Надежность денег выражается в обязательстве банка возместить их соответствующим количеством универсального эквивалентного товара, т.е. металлическими деньгами. А надежность бонов обращения будет гарантироваться Банком народа, предоставляющим только своим членам — владельцам этих бонов — безоговорочное право на определенные товары. Исходя из этого соображения предполагается, что якобы деньги, в том числе металлические, будут вытеснены бонами обмена, хотя на самом деле нет «никакой гарантии в том, что количество их не будет превышать потребности рынка обращения в орудиях обращения»[69].

Об уничтожении процента посредством организации дарового процента П. Прудон размышляет, выражая надежду на то, что трудящийся будет «*занимать деньги даром*» и «непосредственно приобретать все полезные капиталы». На самом же деле «продажа за наличные и в кредит составляет и будет составлять две различные

операции, и обладание благом в настоящее время будет всегда считаться более выгодным, чем обладание им в будущем... процент на деньги таким образом снова появится, но в новой форме»[70].

На организацию Банка народа П. Прудон возлагает главные надежды в своей концепции реформ. Его банк должен был отличаться от банков обмена социалистов-рикардианцев по трем позициям[71]. Во-первых, тем, что у него металлические деньги были бы уничтожены не сразу, а благодаря предварительному выпуску бонов в обмен на деньги и коммерческие векселя. Во-вторых, тем, что процент на деньги предполагается уничтожить все-таки не полностью, а довести с зафиксированного вначале уровня в размере 2% до минимального уровня — 0,25% (для выдачи ссуд также и под залог непроданных товаров). И в-третьих, тем, что создание Банка народа произойдет не без привлечения капитала, а, напротив, с капиталом в 5 млн фракций по 5 франков.

Между тем П. Прудон, как и социалисты-рикардианцы, предполагая обеспечение производителям гарантий о постоянном и полном сбыте их товаров при полной свободе производства, очевидно, не утруждал себя вопросом, «каким образом найти сбыт таким товарам, которые почему-либо не нравятся покупателям или произведены в излишнем количестве против спроса», и можно ли вообще «искать в комиссионных конторах решения социального вопроса»[72].

Наконец, идея *отмены правительства* у П. Прудона зиждется, по существу, на том, что в результате его реформ осуществится «слияние классов» и останутся только трудящиеся, которые обмениваются продуктами своего труда по их истинным ценам, и поэтому призванное «положить конец их (притеснителей и притесняемых, сильных и слабых. — *Я.Я.*) взаимной борьбе ярмом общего угнетения» правительство станет бесполезным. Таким образом, по его мысли, «раз капитал и труд будут отождествлены, общество может существовать самостоятельно и не нуждаться в правительстве»[73].

§ 3. Историческое значение экономического романтизма

Экономический романтизм, как одно из самостоятельных направлений экономической мысли постманufактурного периода, являет собой качественно новый этап в истории теоретической экономики, и об этом свидетельствуют следующие обстоятельства.

Во-первых, С. Сисмонди и П. Прудон — лидеры экономического романтизма — в своих трудах смогли обосновать многочисленные неопровержимые доказательства о несостоятельности смитианских идей об «экономическом человеке» и «невидимой руке», т.е. о га-

рантированном в условиях экономического либерализма гармоничном и поступательном развитии экономики и автоматической саморегуляции хозяйственного механизма.

Во-вторых, им принадлежат аргументированные суждения против сентенций так называемого «закона Сэя», отвергая которые, они характеризовали возникновение кризисов в постмануфактурной экономике развитых стран той эпохи не как случайное явление, а как имманентное свойство хозяйства, организованного на принципах *laissez faire*.

Наконец, в-третьих, экономисты-романтики, находясь в «оппозиции» по отношению к экономическому учению классиков, противопоставили «классической школе» концепции социально-экономических реформ, отдельные положения которых не утратили свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Аргументированное неприятие ключевых положений классической политической экономии, системное отображение собственных взглядов на существо и роль экономической науки послужили С. Сисмонди и П. Прудону основой для попыток обосновать альтернативные концепции о ее предмете, методе и предназначении в общественной, в том числе хозяйственной, жизни.

Эти исследователи явились основоположниками нового направления экономической мысли, а их творчество стало одним из лучших достижений политической экономии на этапе постмануфактурного развития экономики.

Известные французские историки экономической мысли Ш. Жид и Ш. Рист еще за несколько десятилетий до появления экономического учения Дж.М. Кейнса, и, соответственно, теоретического осмысления положений государственного регулирования экономики отмечали, что, безусловно, «Сисмонди был первым проповедником принципа государственного вмешательства» и что прежде всего благодаря ему в политической экономии «становится уместной социальная политика». При этом, однако, пишут они, он всегда хранил «тайную симпатию к старому режиму корпораций и привилегированных цехов», но, осуждая эти учреждения, как «не соответствующие интересам производства», постоянно задавался вопросом, «нельзя ли почерпнуть в них опыт для обуздания злоупотреблений конкуренции». Они убеждены также в том, что, призывая к государственному вмешательству и открывая «реакцию против абсолютного либерализма», родоначальник экономического романтизма дал основание К. Марксу почерпнуть у него идею «о концентрации имуществ у небольшого числа собственников и о растущей пролетаризации рабочих масс» и что даже возникновение понятия «прибавочная стоимость» мог предвосхитить именно С. Сисмонди, поскольку К. Маркс, подобно ему,

«объясняет прибыль тем, что рабочий продает не труд свой, а силу своего труда»[74].

В одном из лучших сочинений Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» (1942) имеют место во многом аналогичные оценки творческого наследия С. Сисмонди. В этой работе, в частности, подчеркивается, что не следует считать Д. Рикардо единственным, «кто повлиял на экономическую теорию Маркса», что произведения С. Сисмонди и ряда других авторов «во многих отношениях параллельны его (К. Маркса. — *К.Ц.*) собственной». Сказанное подтверждается тем, пишет Й. Шумпетер, что К. Маркс «без конца подчеркивает растущую нищету трудящихся масс». Кроме того, уточняет он, «близость учения Маркса к учению Сисмонди» очевидна в его «объяснении кризисов», а также «в теории прибавочной стоимости и в других местах»[75].

Кроме того, вслед за Н. Кондратьевым можно с полной определенностью признать: «Сисмонди в общетеоретических воззрениях, т.е. в учении о ценности и цене, в учении о распределении и доходах, в общем оставался на почве доктрины классиков. Но, потрясенный картиной экономических кризисов и обнищания части массового населения, отверг именно те построения классиков, которые выражали их оценочное отношение к достоинствам строя свободной конкуренции».

Очевидно, правомерно также еще одно положение Н. Кондратьева, в соответствии с которым борьба С. Сисмонди «против классиков» проистекала не столько из теоретических разногласий «в представлениях об общественном идеале», сколько в пробуждении интереса «к проблеме исторической относительности и изменчивости общественно-хозяйственного строя», и в этом смысле он и Ф. Лист «могут считаться вместе с Контом и Миллем идейными родоначальниками исторической школы в социальной экономии»[76].

Современные российские историки экономической мысли в своем отношении к С. Сисмонди в части его воззрений, в том числе реформаторских, далеко не единодушны. В их числе есть и такие, как, например, А. Сурин и другие, которые по-прежнему убеждены, что С. Сисмонди (равно как и П. Прудон) «принадлежит к идеологам мелкой буржуазии», ибо он «не понял процесса становления капитализма и его результатов» и поэтому с присущей ему наивностью «обращался к правительствам стран с просьбой, чтобы они своей властью прекратили капиталистическое развитие» и вернули «общество к мелкому производству», ибо «оно — идеал Сисмонди»[77].

В числе же произведений, содержащих неидеалогизированные оценки творчества С. Сисмонди, в российской историко-экономической литературе последних лет обращают на себя внимание труды Е. Майбурда, Р. Левиты и др.

К примеру, в монографии Е. Майбурда «Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров» (1996) С. Сисмонди характеризуется прежде всего как критик идеологии экономического либерализма, указывающий на то, что «прогрессирующее накопление капитала может сочетаться с неизбывной бедностью трудящихся». Одновременно с этим в заслугу этого ученого ставятся его высказывания «за государственное регулирование рыночной стихии». И хотя «сколь-нибудь конкретных мероприятий» родоначальник экономического либерализма не предложил, тем не менее, подчеркивает автор монографии, «допустимо назвать его (С. Сисмонди. — *К.Ц.*) имя в качестве предтечи Кейнса»[78].

Сугубо позитивная оценка дана творчеству С. Сисмонди и в книге Р. Левиты «История экономических учений» (1998). По убеждению этого автора, именно «Сисмонди был первым экономистом, поставившим проблему кризисов перепроизводства в центр исследования». Вопросам реализации, подчеркивает он, классики, кроме Т. Мальтуса, не придавали существенного значения, хотя в условиях капиталистической (либеральной) системы вполне возможна ситуация, когда «производство растет, а потребление (личное. — *К.Ц.*) падает».

Кроме того, Р. Левита обращает внимание читателя на то, что, считая неестественной хозяйственную систему, при которой безграничный рост производства сопровождается «в то же время понижением жизненного уровня», С. Сисмонди «противопоставляет ей не социализм», а программу, предполагающую «раздробление промышленного и сельскохозяйственного производства на возможно большее число самостоятельных предприятий, раздробление собственности на капитал, соучастие рабочих в хозяйственном деле»[79].

Наконец, важно отметить позицию авторов одного из популярных в России учебников по экономической теории, изданного в 1995 г. под общей редакцией В.И. Видяпина и Г.П. Журавлевой. В этом учебнике С. Сисмонди рассматривается прежде всего как критик «экономического механизма» своей эпохи, как ученый, который «считал, что политическая экономия призвана быть наукой о совершенствовании социального механизма ради счастья человека»[80].

Выдвигая собственную экономическую программу, П. Прудон рассчитывает на то, что социальную справедливость возможно достичь лишь посредством осуществления экономической справедливости. В том, что ныне «требуется реформа», полагает он, имеет место «наша общая вина», ибо, «некоторые из нас получают больше или меньше, чем следует по правилу»[81].

Согласно оценке Ш. Жида и Ш. Риста, «лучше, чем кто-либо из его предшественников, он (П. Прудон. — *К.Ц.*) понял, что эконо-

мическая свобода есть окончательное завоевание современных обществ, что всякая глубокая реформа должна опираться на эту свободу. Но этот либерализм, — продолжают они, — покоится на глубоком чувстве экономической реальности, и ныне социальная проблема ставится в тех же рамках, в каких поставил ее П. Прудон: реализовать справедливость в свободе»[82].

Таким образом, в экономических учениях С. Сисмонди и П. Прудона красной нитью прослеживается мысль о их приверженности принципам социальной справедливости. Экономика и общество являются в их творчестве предметом реформаторских забот. А в предлагаемых ими социально ориентированных реформаторских проектах, говоря словами Ш. Жида и Ш. Риста, доминирует идея о целесообразности поиска «среднего (не капиталистического и не социалистического. — *К.Ц.*) пути, на котором они, исправляя злоупотребления свободы, не пожертвовали бы своими принципами», о неприятии «всех форм авторитарного социализма» ради безусловной необходимости «индивидуальной свободы как двигателя экономической деятельности»[83]. С учетом этого правомерно отметить, что в мировой истории экономической мысли концепции реформ экономистов-романтиков знаменуют собой начало совершенно иного, чем у экономистов-либералов, ви́дения хозяйственной системы, социальные ориентиры для которой, как очевидно, должны обеспечиваться соответствующими мерами и «сверху», как у С. Сисмонди, и «снизу», как у П. Прудона.

Вопросы и задания для контроля

1. Что означают ленинские термины «экономический романтизм» и «экономисты-романтики»?
2. В чем особенности трактовок предмета и метода изучения политической экономии в творчестве С. Сисмонди?
3. Сопоставьте диаметрально противоположные по отношению к учению классиков выводы С. Сисмонди из его теорий производительного труда, разделения труда, народонаселения, доходов и воспроизводства.
4. Можно ли согласиться с С. Сисмонди в том, что «сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года»? Сформулируйте свои аргументы по данному поводу.
5. О каких гарантиях «против всеобщей конкуренции» идет речь в теории реформ С. Сисмонди? Изложите ваше отношение к рекомендуемым этим ученым мерам государственного вмешательства в хозяйственную жизнь общества.

6. Какие особенности присущи предмету и методу изучения в творчестве П. Прудона?
7. Проанализируйте содержание основных положений в теориях народонаселения и разделения труда П. Прудона. Какие позиции в этих теориях близки к аналогичным теориям С. Сисмонди?
8. Что такое «конституированная стоимость» П. Прудона? Сравните предложенную в этой связи одноименную концепцию П. Прудона с теорией стоимости классической политической экономии.
9. Каковы аргументы неприятия «закона Сэя» в теории воспроизводства П. Прудона? Насколько они сопоставимы с воззрениями на этот счет С. Сисмонди?
10. Рассмотрите и прокомментируйте сущность реформаторских идей П. Прудона об уничтожении денег и процента, об организации Банка народа и отмене правительства.

Список рекомендуемой литературы

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма / В кн.: Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. 1. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2.

Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» П. Прудона. М.: Госполитиздат, 1941.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III.

Прудон П. Бедность как экономический принцип. М.: Посредник, 1908.

Прудон П. Что такое собственность, или Исследование о принципе права и власти. С.: Книгоиздательство анархистов-коммунистов «Светлая Звезда», 1919.

Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. В 2-х т. М.: Гос. социалыно-эконом. изд-во, 1937.

Туган-Барановский М.П. Ж. Прудон. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891.

Глава 12. Социально-экономические реформаторские проекты утопического социализма

Из этой главы вы узнаете:

- что возникновение антирыночных доктрин социалистов-утопистов было обусловлено во многом обоснованно аргументированным неприятием ими модели идеального (в условиях либеральной экономики) социального устройства общества в учении авторов классической политической экономии;
- какие из лидеров утопического социализма первой половины XIX в. явились «истинной предтечей коллективизма» и какие из них желали, чтобы «индивид не потерялся в массе» после того, как «объединение... придет снизу, а не сверху» (Ш. Жид и Ш. Рист);
- каковы особенности реформаторских идей Р. Оуэна, К. Сен-Симона и Ш. Фурье о ненасильственной ломке «эксплуататорского» общества и утверждении принципов социальной справедливости, якобы естественным образом присущих только и единственно социализму.

§ 1. Особенности утопического социализма постманufактурного периода

В ранних социалистических утопиях, начиная с сочинений Платона и кончая произведениями Т. Мора, Т. Кампанеллы и других, речь шла о критике частной собственности, как правило, с позиций морали. Из сути их утопических концепций было очевидно тяготение к примитивному идеалу общественного устройства на принципах равенства потребностей и равенства способностей.

Однако в первой половине XIX в. под влиянием трудов представителей классической политической экономии доктрины социалистов-утопистов претерпели существенные качественные изменения. Для утопического социализма данный период, связанный с завершением промышленного переворота, знаменателен осмыслением новых экономических реалий, которые нашли свое отражение в разработках лидеров нового поколения этой школы экономической мысли, и прежде всего Р. Оуэна в Англии и К. Сен-Симона и Ш. Фурье во Франции.

Именно эти авторы и их последователи стали увязывать свои идеи со сложившимися к началу XIX в. экономическими условиями и господствовавшими тогда принципами политической эконо-

мии классической школы. В частности, они, как и классики, ратуют за дальнейшее ускорение технических изобретений и научных открытий и всемерный рост общественного производства, считая это главной целью экономической политики. Кроме того, и те и другие придерживаются концепции естественного порядка, т.е. выдвигают модели идеального социального устройства общества и каждого человека, с той, правда, разницей, что сущность этих моделей и пути их построения у тех и других диаметрально противоположны.

В данном контексте речь идет о том, что, в отличие от классиков, социалисты-утописты эпохи промышленного переворота не приемлют (Р. Оуэн) либо критикуют (К. Сен-Симон и Ш. Фурье) институт частной собственности, а также осуждают идею и практику экономики ничем не ограниченной свободы конкуренции, видя в последней причину не только эксплуатации человека человеком, но и неизбежной монополизации хозяйственной жизни и, соответственно, экономических кризисов.

Исходя из этого в качестве основной ими выдвигается задача проведения повсеместной агитации и пропаганды, направленных на достижение цели по уничтожению антагонистических классов и конкуренции при сохранении свободы и запросов производства в рамках рекомендуемых (и организуемых лично) свободных ассоциативных образований трудящихся, в которых каждый сохранит для себя полный продукт своего труда.

Следует также отметить, что, с одной стороны, *социалисты-утописты нового поколения, как и их предшественники, отрицают как возможность эволюционных социально-экономических преобразований к лучшему, так и необходимость революционной, т.е. насильственной, ломки «эксплуататорского» общества*. Но с другой стороны, их доктрины, базирующиеся по-прежнему на агитации и пропаганде идеи социальной справедливости, присущей социализму, в естественный характер которого будто достаточно поверить, чтобы всем миром сразу отказаться от несправедливого настоящего, — *обретают уже не просто утопический, а антирыночный характер.*

Наконец, важно указать и на сложившиеся различия в содержании самих антирыночных доктрин утопического социализма первой половины XIX в. При этом имеется в виду то, как представляли себе авторы этой школы, во-первых, механизм замены индивидуализма коллективизмом и, во-вторых, принцип предстоящего объединения трудящихся в коллективные организации. Обратив внимание на эти обстоятельства, Ш. Жид и Ш. Рист сделали, к примеру, следующие выводы[1]:

- К. Сен-Симон и его единомышленники являются «истинной предтечей коллективизма», поскольку они стремятся

«захватить в коллективную организацию всех членов нации» и возможность такого объединения предполагают «сверху», т.е. посредством «национализации» и других действий «правительства экономического», которое сменит «правительство политическое»;

- Р. Оуэн и Ш. Фурье и их последователи — это «социалисты-ассоцианисты», так как в отличие от «сен-симонистов» желают, чтобы «индивид не потерялся в массе», и предпочитают «сохранить его с помощью организации маленьких автономных групп», т.е. предполагают, что «объединение... придет снизу, а не сверху».

§ 2. Экономические воззрения Р. Оуэна, К. Сен-Симона и Ш. Фурье

Роберт Оуэн (1771—1858) — английский социалист-утопист, автор ряда работ, содержащих проекты социалистических преобразований. В их числе такие сочинения, как: «Об образовании человеческого характера» (1813—1814), «Доклад графству Нью-Ланарк» (1820), «Книга о новом нравственном мире» (1836—1844) и др.

Его теоретические воззрения в части трактовки стоимости близки к классикам, особенно Д. Рикардо. В частности, он безоговорочно принял у них *трудовую теорию стоимости,* хотя, в отличие от них, *не допускал положения о том, что ценность товара включает в себя еще и прибыль*. Именно несправедливость возникновения последней, на его взгляд, является причиной обездоленности рабочих и экономических кризисов.

Не разделял Р. Оуэн и *мальтусовскую теорию народонаселения,* полагая, что «при правильном руководстве физическим трудом... страны могут давать средства существования безгранично возрастающему в численности населению, притом с большой выгодой для всех жителей»[2].

Вместе с тем важно обратить внимание на то, что, будучи длительное время крупным фабрикантом, Р. Оуэн, вопреки классикам, предвосхитил многие, ставшие впоследствии обыденными, мероприятия по решению социальных проблем в условиях фабрично-заводской организации общественного производства. Так, для своих фабричных рабочих в Нью-Ланарке еще в начале XIX в. им были построены специальные благоустроенные жилища, столовая, торговая лавка, сберегательная касса, детский сад и ясли и т.д. А установленным там порядком труда он фактически на полвека опередил соответствующее фабричное законодательство[3]:

1) сократив рабочий день для взрослых с 17 до 10 часов;

2) отказавшись пользоваться трудом детей в возрасте менее 10 лет и создав для них школы, которые впервые были абсолютно светскими;

3) уничтожив штрафы, которые были тогда весьма обычными.

В своих многочисленных публикациях Р. Оуэн пытается обосновать *концепцию «разумного устройства общества»*. По его замыслу, основным требованием при переходе к такого рода новому обществу является устранение посредством принятия «разумных законов» самих причин, вызывающих надобность в «ничего не производящих потребителях» и тем самым предотвратить катастрофу насильственного ниспровержения «всей социальной системы»[4]. Причем, на взгляд ученого, главным образом господство частной собственности является решающей причиной бесчисленного множества «несправедливостей, преступлений и бедствий», испытываемых человеком, а машины, которые могут быть «величайшим благодеянием», становятся ее «величайшим проклятием»[5].

Р. Оуэн убежден в нецелесообразности «любого насильственного переворота», подчеркивая, что действенной силой в руководстве «неизбежным переходом от лжи к истине», т.е. в процессе революции «в сознании и в навыках человечества», должны стать прежде всего «существующие правительства» и их «переходные порядки»[6]. Замена же «несправедливого общественного строя», полагает он, будет осуществляться *«постепенно, мирно и мудро» и при условии реализации «научных начал»*. К примеру, предлагается постепенно скупить землю «по ее рыночной цене у тех, кто желает продать ее, и превратить таким образом в будущем в общественную собственность с тем, чтобы она служила единственным источником государственных доходов»[7], и т.п.

Говоря о реализации задач по проектированию на участках купленной государством земли оуэновских *ассоциативных «самостоятельных поселков» с числом от 500 до 3000 человек* (процесс их создания рассматривается по статусу федеративных образований для масштабов всего земного шара за период не более 10 лет), следует указать, что для этого все свои надежды ученый вновь возлагает на усилия «разумного правительства» по обеспечению соответствующих «разумных условий»[8]. При этом к числу таких условий (они систематизированы Р. Оуэном в 26 законах так называемой рациональной конституции) им, в частности, отнесены[9]:

- широкое применение в ассоциациях машин для замены ручного труда в различных сферах, включая домашнее хозяйство;
- превращение труда в единственное мерило ценности;
- обретение деньгами собственной внутренней стоимости настолько, чтобы она стала «значительно ниже ценности железа и стали»;

- обеспечение изобилия богатства после того, как человечество уничтожит металлические деньги и заменит их «национальными деньгами» — бонами труда;
- использование различных методов просвещения населения и особенно посредством периодической печати;
- ликвидация «бесполезной частной собственности», а соответственно, и прибыли благодаря контактам производителей без посредников и др.

Клод Анри де Рубруа Сен-Симон (1760—1825) — французский социалист-утопист, в силу своих политических убеждений в пользу социалистических идей отказавшийся от графского титула и дворянского звания, — является одним из ярких авторов данного направления экономической мысли. Его перу принадлежат значительные научные произведения, в числе которых «Письма Женевского обитателя к современникам» (1803), «О промышленной системе» (1821), «Катехизис промышленников» (1823—1824) и др.

Для К. Сен-Симона социальная система с экономикой свободной конкуренции — это не просто переходный этап между уходящим феодализмом и пока еще не достигнутой идеальной социальной организацией, но и этап, располагающий всем необходимым, чтобы *без революционных потрясений мирно и достаточно быстро перейти к основанному на «индустриальном равенстве» обществу социальной справедливости.*

В своих рассуждениях предстоящий переход от существующего к справедливому индустриальному общественному устройству он объявляет исторически неизбежным, ссылаясь на растущий потенциал ускоряющих приближение грядущих перемен факторов, както: наука, разум и передовые идеи. При этом в идеализируемом им индустриальном обществе так же, как у других социалистов-утопистов, предвидится *исчезновение антагонистических классов и обретение правительством функций сугубо экономических вместо политических.*

Однако следует отметить, что в отличие от всех других представителей утопического социализма, в том числе даже своих последователей, К. Сен-Симон *не отвергает частную собственность при социализме,* подчеркивая, что «именно этот институт служит основой общественного здания» и что необходим «закон, устанавливающий собственность и регулирующий пользование ею»[10].

Специфичность воззрений этого ученого наряду с позитивным отношением к частной собственности очевидна также из некоторых других присущих лично ему методологических и теоретических позиций.

Так, историзм в методологии К. Сен-Симона своеобразен настолько, что в его понимании разложение феодализма завершится

тогда, когда обществом будут добровольно оплачены «все расходы по переходу от феодальной системы, видоизмененной в конституционный режим, к системе чисто промышленной...»[11]. Ненасильственный же характер этому переходу будет обеспечен, пишет он, если лично король Франции признает особую роль в обществе неких *«промышленников»,* благодаря которым «громадное большинство нации» станет жить «в более счастливых условиях»[12]. Отсюда ученый заключает, что «изменение общественного устройства должно быть возвещено так же внезапно, как внезапно оно должно совершиться»[13].

Но кто же такие сен-симоновские «промышленники»?

Судя по определению К. Сен-Симона, «промышленник» — это земледелец и каретник, слесарь и столяр, фабрикант и купец, извозчик и матрос, т.е. все те, кто «составляет три крупных класса, которые называются земледельцами, фабрикантами и торговцами»[14]. К особенностям и достоинствам «промышленников» он относит то, что будто они[15]:

- производят все богатства и поэтому владеют денежными средствами;
- достигают по численности более $^{24}/_{25}$ нации;
- превосходят других в умственном отношении.

В соответствии с его утверждением, класс «промышленников» прежде всегда противостоял двум другим «непромышленным классам» — дворянам и буржуа. Но с наступлением «эпохи переходной»[16] (от феодализма к социализму. — *Я.Я.*), уточняет ученый, в составе нации остается только два класса, а именно: промышленники и расширивший свои границы «класс правителей», потому что буржуа «заставили допустить себя» в этот непромышленный класс и «теперь промышленники должны содержать дворян и буржуа»[17].

Отсюда становится понятным, почему К. Сен-Симон столь уверен в исторической миссии именно «промышленников» и в том, что «они возьмут высшее руководство достоянием государства... чтобы передать его в руки наиболее значительных людей в своей среде»[18].

Итак, по Сен-Симону, мирными усилиями «ученых и вождей промышленников», а также «волей короля» грядет падение непромышленного «класса правителей», что предопределит[19]:

- закономерную перемену «современного строя» на систему «наиболее полного равенства, какое только возможно»;
- ликвидацию анархии — «величайшего зла для честных людей»;
- учреждение во всей Европе «промышленной системы» и «уничтожение системы феодальной».

Наконец, К. Сен-Симон убежден и в необратимости итогов «нынешней революции», полагая, что благодаря ей впредь благосостояние государства начнет развиваться с необычайной быстротой и что поэтому «общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным счастьем, на какое только может притязать человеческая природа»[20].

Шарль Фурье (1772—1832) — французский социалист-утопист, предложивший не менее оригинальную модель «справедливого» социального устройства будущего, чем его современники Р. Оуэн и К. Сен-Симон. Наиболее значительными публикациями этого ученого являются «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способов привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти» (1829), «О трех внешних единствах» (посмертно, 1845) и др.

Выходец из купеческой семьи, торговый агент по профессии и самоучка в различных областях науки, Ш. Фурье в своих трудах *гневно критикует классическую политическую экономию и восхваляемую ее представителями экономику свободной конкуренции*. Он предлагает покончить с порочной эксплуататорской системой так называемого цивилизованного общества и перейти *посредством реформ к новому «социетарному миру», осознав заранее* (благодаря агитации, пропаганде и личному примеру) достоинства рекомендуемых им *ассоциативных образований — «фаланстеров»*. В последних, по его замыслу, не будет места наемному труду, так как собственность приобретет всеобщий характер, а рабочий, став акционером, сможет участвовать в прибылях и быть избранным на руководящие должности в структуре соответствующей фаланги.

В большинстве своих сочинений Ш. Фурье весьма нелицеприятно высказывается в адрес классиков, обвиняя их в превращении политической экономии в науку, «которая говорит только кошельку... которая, превращая наслаждения роскоши и сладострастия в религиозные действа... забрасывала бы цветами эту жажду золота, возбужденную экономистами»[21]. По вине классиков, подчеркивает он, «всякое производство полезно, лишь бы оно создавало легионы изможденных голодом людей, продающих себя по низкой цене приобретателям и заведующим мастерскими»[22]. И именно из-за приверженности идее свободной конкуренции, по его оценке, «в одной только Франции миллион жителей оторван от земледельческого труда и промышленных производств»[23].

Исходя из подобного рода суждений, Ш. Фурье приходит к заключению о том, что экономика свободной конкуренции неоправданно расширяет армию «торговцев и торговых агентов» — пред-

ставителей «паразитирующего» и «второстепенного класса», сумевшего подчинить себе «все основные классы... и даже правительство» и превратиться в «чудовищную силу, ибо она уклоняется от вмешательства правительства...»[24].

Вместе с тем Ш. Фурье *не уповает на правительственные реформы, предпочитая, как и Р. Оуэн, инициативу «снизу»,* хотя, на его взгляд, «секта Оуэна» предложила «систему, целиком противную природе» и слишком «мало прибыльную»[25]. Свою же собственную программу реформ он излагает на основе целого ряда обстоятельных сопоставлений, с одной стороны, недостатков «строя цивилизации», а с другой — достоинств «строя согласованности», при котором, как ему представляется, будет установлен «социетарный режим», «социетарный порядок» и «гарантизм».

К недостаткам «строя цивилизации» им, в частности, отнесены[26]:

- социальный хаос;
- ограбление бедняков и обогащение богачей;
- неопределенность возрастания народонаселения;
- индустриализм, лишь усиливающий нищету бедняков;
- нелепость порядка цивилизации в частях, как и в целом, и др.

Достоинствами же «строя согласованности», переход к которому вплоть до «гарантизма», по его мысли, «занял бы промежуток времени в тридцать лет», станут[27]:

- всемерная гармония;
- установление по всему земному шару единства языка, денег, мер, типографских (печатных) знаков и других средств сношений;
- неизменно более высокие урожаи для возможностей местного и внешнего потребления;
- освобождение негров и рабов, согласованное добровольно с их хозяевами;
- всеобщее достижение культурных нравов;
- недопущение никакой уравнительности;
- четыре гарантии против неопределенного возрастания народонаселения;
- превращение промышленного производства только в дополнение к земледелию;
- возможность сразу умножить вчетверо доход от хозяйственной деятельности и в 20 раз доход, полученный от разумного хозяйствования, и др.

§ 3. Историческое значение утопического социализма

Всемирная история экономической мысли свидетельствует о том, что на всем протяжении XIX и XX столетий идеология либерально-рыночных экономических отношений, базирующаяся на принципах полного *laissez faire*, неизменно сталкивается с двумя противодействующими ей альтернативными позициями — революционной и реформаторской. Одна из них в современной экономической литературе ассоциируется с марксистско-ленинским учением о революционных социально-экономических преобразованиях; другая — с концепциями реформ ряда школ и направлений теоретической экономики, в которых непременным условием формирования общества социальной справедливости считается применение многообразных мер ненасильственного характера.

Историко-экономический анализ особенностей реформаторских концепций лидеров утопического социализма постмануфактурного периода позволяет выявить социально значимые свершившиеся предвидения, которые могут быть экстраполированы на современную действительность и учтены в научных изысканиях, связанных с обоснованием социальных приоритетов в разрабатываемых концепциях государственного регулирования экономики.

Именно участие социалистов-утопистов и других противников абсолютизации либеральных идей в многолетних научных дискуссиях и спорах существенно повлияло на принятие в постмануфактурных странах первых законодательных актов, обеспечивающих некоторое ограничение принципов экономического либерализма, имея в виду предельно допустимую продолжительность рабочего времени, минимальный возраст при трудоустройстве подростков и т.п.

Важно, к примеру, отметить, что в «рациональной конституции» Р. Оуэна содержатся и такие положения, актуальность которых не утрачена и в наши дни, как-то:

- оговоренное законом право каждого человека не только на труд, но и на образование;
- полное равенство и исключающая любые привилегии личная свобода людей обоих полов;
- недопустимость воздействия с чьей-либо стороны на мнения и веру кого-либо;
- объединение всех людей «в один братский союз для общего блага всех».

Актуальна сегодня и одна из важных целей сен-симоновских реформ — ликвидация в обществе всяких привилегий, преодоление анархии и хаоса, порождаемых либеральным механизмом хозяйствования. Успех реформ им увязывается также с обязательным

участием в них третьей (после королевской власти и промышленников) главной силы — ученых.

При этом, как очевидно, самым важным результатом реформирования современной ему социальной системы ученый считал преодоление анархии. Последняя же, по его убеждению, «это величайшее зло для честных людей, каковы бы ни были их политические убеждения; это состояние, к которому всегда стремились и всегда будут стремиться люди безнравственные, какова бы ни была их религия»[28].

В свою очередь Ш. Фурье предвидел:

- неминуемое расширение масштабов постоянного или временного совместного проживания людей, в том числе в комплексах многоквартирных домов, гостиницах, пансионатах и т.п.;
- совершенствование организации удовлетворения семейно-бытовых нужд посредством создания специализированных служб и учреждений по коллективному выполнению услуг, связанных с освещением, отоплением, общественным питанием, предоставлением бытовых услуг, воспитанием детей и т.д.

Очевидно также, что в значительной мере свершилось и его предвидение о том, что в грядущем общественном устройстве «женщины очень скоро вернут себе роль, которую им предназначила природа, роль соперниц, а не подданных мужского пола»[29].

Непреходящее значение для судеб экономической науки реформаторских пректов социалистов-утопистов постманufактурного периода Р. Оуэна, К. Сен-Симона и Ш. Фурье состоит в том, что они базируются на во многом обоснованной критике присущих либеральной рыночной экономике явлений (анархия и хаос в хозяйственной жизни, противоположность частнособственнических и общественных интересов), содержат обоснование целесообразности таких экспериментов, которые бы обеспечивали насущные в этой связи преобразования. Причем, ратуя за социально-экономические преобразования, они в своих реформах выдвигают на первый план задачи научно-промышленного совершенствования общества, повышение культурного, образовательного и нравственного уровня людей.

Достижение своих реформаторских идей социалисты-утописты «новой волны» считают возможным исключительно мирными средствами, имея в виду активное содействие в этом либо правительства (как К. Сен-Симон и его последователи), либо частную инициативу самих трудящихся (как Р. Оуэн, Ш. Фурье и их единомышленники). И каждая из этих позиций, как свидетельствуют их программы реформ, была на протяжении XIX и XX столетий в большей или меньшей степени реализована, в том числе в последние десятилетия в

рамках различных доктрин социального контроля общества над экономикой, социального рыночного хозяйства и других.

Итак, учение социалистов-утопистов (которое традиционно принято называть с акцентом на «утопическое» либо «социалистическое», т.е. в смысле его несбыточности), в самом деле, имеет все же весьма ценные и значимые элементы с точки зрения сбывшихся предвидений социального и экономического характера. Это представляется особенно важным признать с учетом нынешних реалий в российском обществе, требующих выработки социально ориентированной концепции развития экономики страны.

Вопросы и задания для контроля

1. Какие общие с классиками теоретико-методологические позиции присущи творчеству социалистов-утопистов первой половины XIX в.?
2. Какими аргументами мотивируют лидеры утопического социализма свое неприятие идеи ничем не ограниченной свободы конкуренции и критику института частной собственности?
3. Каковы конечные цели антирыночных доктрин утопического социализма эпохи промышленного переворота?
4. В чем особенности теоретических положений Р. Оуэна о стоимости и народонаселении?
5. Проанализируйте сущность оуэновской концепции «разумного устройства общества» в ассоциативных «самостоятельных поселках» будущего.
6. Как характеризует К. Сен-Симон рекомендуемое им индустриальное общество? Изложите свое отношение к его идее о том, что необходим «закон, устанавливающий собственность и регулирующий пользование ею».
7. Кто такие сен-симоновские «промышленники»? Кого Сен-Симон относит к «непромышленным классам» и «классу правителей»?
8. В чем суть критики классической политической экономии в трудах Ш. Фурье? Прокомментируйте сформулированные им недостатки «строя цивилизации» и достоинства «строя согласованности».

Список рекомендуемой литературы

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Левита Р.Я. История экономических учений. М.: Catallaxy, при участии ЗАО «КноРус», 1988.

Оуэн Р. Избр. соч. В 2-х т. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Сен-Симон К. Избр. соч. В 2-х т. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948.

Фурье Ш. Избр. соч. В 3-х т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951—1954.

Приложение

ОСОБЕННОСТИ КРИТИКИ ИДЕЙ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В ТРУДАХ В.А. МИЛЮТИНА и Э.Р. ВРЕДЕНА*

Милютин В.А. (1826—1855)

Владимир Алексеевич Милютин родился в 1826 г. в небогатой дворянской семье. Учился сначала на юридическом факультете Московского, а затем Санкт-Петербургского университета. В 1850 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «О недвижимых имуществах духовенства в России». Эта диссертация привлекла к молодому ученому всеобщее внимание, поскольку в ней рассматривались вопросы не только о вотчинных правах церкви в Древней Руси, но и проблемы церковного управления в целом, а также отношения между церковью и государством. Текст диссертации был опубликован после смерти автора в «Чтениях Московского общества истории и древностей русских» (1859-1861). В 1850 г. был назначен адъюнкт-профессором Петербургского университета, где стал, по свидетельству современников, одним из самых популярных преподавателей. Его лекции привлекали внимание студентов всех факультетов глубиной и яркостью своего содержания; при этом лектор читал их, не прибегая к написанному тексту, что было в те времена редкостью. В 1853 г. В. Милютин был переведен на кафедру полицейского права («благочиния и благоустройства»). В 1848 г. он был избран действительным членом Российского географического общества и стал выполнять обязанности делопроизводителя в отделе статистики. В 1852 г. стал секретарем общества и редактором его «Вестника». При В. Милютине программа «Вестника» была расширена за счет публикации материалов не только по России, но и по другим странам. По поручению географического общества в 1849 г. В. Милютин совершил поездку по западным и южным губерниям России с целью изучения положения в некоторых отраслях хозяйства. Эта поездка натолкнула его на мысль о развитии в России исторической статистики, однако преждевременная смерть помешала реализации этого замысла. Осталась также неоконченной и работа над докторской диссертацией «О дьяках». В 1853 г. В. Милютин заболевает и увольняется в длительный отпуск для лечения за границей. В августе 1855 г. в возрасте 29 лет В. Милютин застрелился в г. Эмсе (Германия), куда приехал для лечения на воды. Как писали современники, он сделал это «под влиянием неизлечимой болезни (рака) и неразделенной любви».

По своим взглядам В. Милютин был близок к петрашевцам, хотя его связи с их кружком были кратковременными. Он был тесно связан

---

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С.72—85.

с журналами «Отечественные записки» и «Современник», где в основном были опубликованы его работы. Сообщая о смерти В. Милютина, «Современник» (№ 9 за 1855 г.) писал: «Мы были свидетели... его деятельности, доходившей до труженичества, мы знали его горячее, страстное сердце, скрытое, впрочем, под холодной наружностью, мы высоко ценили его ничем неколебимые убеждения... мы видели в нем одного из благороднейших представителей молодого поколения... Русская наука лишилась одной из надежд своих, русская литература — одного из умных и даровитых писателей, «Современник» — одного из деятельных и постоянных своих сотрудников, мы лишились одного из самых близких людей к нам».

Публикации В. Милютина немногочисленны, хотя в свое время имели большой резонанс. Им опубликованы следующие статьи: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (Отечественные записки, 1847, т. 50, № 1—4); рецензии на книгу А. Бутовского «Опыт о народном хозяйстве» (Современник, 1847, № 9—11; Отечественные записки, 1847, т. 55, № 11—12), в которых он дал критику современной ему политэкономии; «Мальтус и его противники» (Современник, 1847, № 8 и 9), в которой он впервые познакомил русскую публику с мальтузианством и подверг его критике. Все эти работы были изданы в 1946 г. в сборнике «Милютин В.А. Избранные произведения». М., Госполитиздат). Перу В. Милютина принадлежит также ряд работ по истории: «Очерки русской журналистики, преимущественно старой», «Обзор дипломатических сношений Древней России с Римской империей», «Алкивиад».

В. А. Милютин считал господствующее в то время определение политэкономии как науки о богатстве глубоко неправильным, поскольку в нем акцентировалось внимание на вопросах, связанных с увеличением количества тех или иных вещей. При таком определении, подчеркивал В. Милютин, живой человек со своими потребностями и интересами остается в тени и рассматривается лишь как средство для увеличения богатства. В. Милютин считал необходимым повернуть политэкономию лицом к человеку и на этом основании определял ее как науку о материальном благосостоянии.

«Политическая экономия должна раскрыть: какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерному распределению произведенных богатств по всем слоям общества. Она должна указать те практические средства, с помощью которых можно уничтожить язву пауперизма, усовершенствовать нынешнюю экономическую организацию, развить и упрочить материальное благосостояние человека. Таким образом, политическая экономия соединяет в себе неразрывно два характера: теоретический и практический, она описывает то, что есть, и показывает то, что может и должно быть, *открывает законы* экономического мира и вместе с тем *предписывает правила* для деятельности человека в промышленной сфере. Одним словом, полити-

ческая экономия представляет в себе разом и физиологию, и медицину общественного организма» (Избр. произв., с. 276—277). «Политэкономия должна указать идеал самого справедливого разделения благ — открыть средства для постепенного осуществления этого идеала в самой действительности».

В статье «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» В. Милютин писал, что «успехи промышленности тесно связаны с успехами образованности и что улучшение внешнего быта — необходимое условие и для нравственного развития человечества» (Избр. произв., с. 160). Характеризуя принцип свободной конкуренции («неограниченной свободы промышленности»), составлявший «квинтэссенцию экономического учения смитовской школы», В. Милютин писал: «Полная, неограниченная свобода промышленности есть то верховное начало, под влиянием которого совершается экономическое развитие современных государств. Начало это перешло в жизнь из науки. Провозглашенное в первый раз физиократами, принятое и развитое школой Адама Смита, оно сделалось вскоре основным принципом политической экономии, ее девизом и опорой... Неограниченная свобода промышленности порождает, как естественное и необходимое свое последствие, неограниченную конкуренцию между производителями. Конкуренция эта, по отношению к *производству* богатств, имеет, конечно, самое благодетельное и полезное влияние» (Избр. произв., с. 169). «Но неограниченная конкуренция вместе с добром производит и зло... Выгодами ее пользуются в настоящее время одни высшие классы, одни владельцы капиталов; но для многочисленного класса работников она бывает по большей части губительна и вредна. Свобода промышленности поставляет труд в самое невыгодное отношение к капиталу, она имеет самое вредное влияние на *распределение* производимых богатств между этими двумя главными производительными силами» (Избр. произв., с. 170). «Вследствие принципа неограниченной свободы промышленности, лежащего в основании экономической организации почти всех современных обществ, все участие работника в пользовании продуктами народной промышленности ограничивается незначительным вознаграждением за труд, являющимся обыкновенно в виде заработной платы».

Выход из этого положения В. Милютин видел в укреплении общности интересов рабочих и предпринимателей. «До тех пор пока работник будет совершенно чужд капиталисту, пока он не будет участвовать в его выгодах и барышах, пока он будет только наемником его, а не товарищем, до тех пор между производителями всегда будет борьба... Пока отношение между работником и капиталистом не будет основываться на началах взаимной доверенности, тесной связи и солидарности, до тех пор успехи промышленности и народного богатства будут покупаться дорогой ценой, ценой бедности и нищеты многочисленного класса работников» (Отеч. записки, 1847, т. 50, с. 47). По мнению В. Милютина, «интерес общества состоит не в обогащении немногих,

но в улучшении судьбы всех, — не в сосредоточении всего богатства в руках одного класса, но в равномерном его распределении по всем классам». Большую роль в улучшении положения рабочих В. Милютин отводил «общественной власти». «Только общественная власть, представительница интересов всех и каждого, может своим вмешательством обуздывать сильных, покровительствовать слабым, отвращать несправедливости и противодействовать беспорядку» (Избр. произв., с. 322).

В. Милютин критиковал А. Смита и его последователей за то, что они полностью отрицали «вмешательство власти в дело народной промышленности», не желая видеть «рациональных условий для успешных действий общественной власти в сфере промышленных интересов». «Вмешательство правительства, — говорили они, — приносило до сих пор более вреда, нежели пользы; следовательно, это вмешательство абсолютно вредно и не должно быть ни в каком случае допускаемо. Такое заключение было совершенно неосновательно потому, что предполагало со стороны общества невозможное и жестокое равнодушие к судьбе своих граждан. Если бы общественная власть предоставила промышленность на произвол частным интересам и оставила слабых без покровительства, а сильных без надзора, она бы отказалась вместе с этим от своего настоящего назначения, от того, в чем заключается ее прямая, непосредственная обязанность. Такое отречение общественной власти от своих прав было бы в высшей степени безрассудно и вредно. Оно уничтожило бы всякую возможность установить порядок в экономических отношениях и доставить правам всех и каждого надлежащее охранение и обеспечение... Как в сфере политической, так и в сфере промышленной настоящая свобода только и возможна под условием твердой организации общественных отношений» (Избр. произв., с. 318—319).

Критикуя представителей «новейших школ», в том числе «утопических социалистов», В. Милютин писал, что, «заботясь преимущественно о том, чтобы найти тип самой совершенной, самой разумной организации труда, они недостаточно сознают, что человечество не может делать скачков в своем развитии и не может, следовательно, перейти прямо и без приготовления из нынешнего своего состояния в состояние полного и безусловного совершенства. Если бы новые школы понимали эту истину, они обратили бы свое внимание преимущественно на то, чтобы найти средства для *постепенного* усовершенствования экономической организации... С другой стороны, в тех учениях, в которых идея организации труда не осталась в своей неопределенной всеобщности, но формулировалась полным и ясным образом, мы находим и другой важный недостаток: стремление к излишней централизации, к излишнему подчинению частных интересов интересу общему. В тех формах общественного устройства, которые придуманы новыми школами, личность человека или исчезает совершенно, или подвергается самым стеснительным ограничениям. Вместо того чтобы найти средства для примирения двух равно необходимых начал: инди-

видуализма и общинности, современные теории по большей части жертвуют первым в пользу второго и подчиняют деятельность неделимого известным правилам, исполнение которых не может обойтись без принуждения или самопожертвования» (Избр. произв., с. 353—354).

В целом В. Милютин был последовательным сторонником идеи постепенного, постоянного и бесконечного усовершенствования человечества, результатом которого, по его мнению, должен явиться период «организации труда, основанный не на состоянии, а на единстве и солидарности интересов», в результате которого «со временем водворится мир и гармония там, где мы видим только непримиримую борьбу и глубокий разлад» (Современник, 1847, № 8, с. 164).

Вреден Э.Р. (1835—1891)

Эдмунд Романович Вреден окончил в 1857 г. Главный педагогический институт в Санкт-Петербурге, после чего стал преподавать статистику и географию сначала в Полоцком кадетском корпусе, а затем в Павловском военном училище. После защиты в 1866 г. магистерской диссертации стал читать лекции в Санкт-Петербургском университете. В 1870 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Страховые артели и долевая рабочая плата». После этого и до конца своей жизни преподавал политическую экономию, теорию государственного кредита и статистику в Санкт-Петербургском университете, в Горном институте и Институте инженеров путей сообщения. В 1873 г. утвержден экстраординарным и в 1880 г. ординарным профессором университета. Принимал активное участие в работах Русского географического и Вольного экономического общества.

Экономические взгляды Э.Р. Вредена не отличались особой оригинальностью, однако именно *он одним из первых русских экономистов излагал некоторые положения*, касавшиеся *предмета и метода политической экономии,* в том числе проблем так называемой «физиологии и морфологии хозяйства». В соответствии с этим подходом он излагал свой курс политической экономии, в который входило рассмотрение не только теоретических проблем, но и таких вопросов, как «строй предприятий» (их типы и особенности), распределение доходов и т.д. Особое внимание в своих работах Э. Вреден уделял проблематике изучения сферы обмена, включая в нее теории ценности, рынка, форм и орудий обмена и т.д. По некоторым оценкам, работы Э.Р. Вредена относятся к лучшим работам своего времени по исследованию вопросов обмена.

Принимая активное участие в обсуждении проекта закона об акционерных обществах, Э.Р. Вреден стремился защищать интересы трудящихся. Он предлагал внести в текст устава артелей и акционерных компаний положения, направленные на увеличение доли работников в доходах предприятий. По свидетельству современников, «успеху его сочинений в значительной степени вредил чрезвычайно оригинальный своей тяжеловесностью язык».

«Курс политической экономии», вышедший двумя изданиями в 1874 и 1880 гг., является главной работой Э.Р. Вредена, перу которого принадлежат также следующие работы: «Финансовый кредит. Ч. 1. Основные начала финансового кредита, или Теория общественных займов» (СПб., 1871); «Строй экономических предприятий» (СПб., 1873), в которой исследуется морфология хозяйственных оборотов в связи с проектом нового закона об акционерных обществах; «Страховые артели и долевая рабочая плата» (1873) — в ней исследуется положение артельных и страховых учреждений, а также предлагается примерный устав страховых артелей при железнодорожных предприятиях; «Учебные записки по статистике. Курс старшего класса военных училищ» и др.

«Курс политической экономии» (2-е изд., перераб. — СПб., 1880. — 596 с.) состоит из введения и шести отделов. Во введении раскрывается сущность человеческих потребностей как экономического явления и как основы хозяйства; в первом отделе — физиология хозяйства, или учение о производстве ценности (цель производства, природа как первый элемент производства, труд как фактор производства, капитал и его экономические разновидности); во втором отделе — морфология и бытовой строй хозяйственных процессов, или учение об экономических предприятиях; в третьем — распределение дохода от предприятий; в четвертом — обращение ценностей (существо и основания меновых сделок, денежное и кредитное обращение); в пятом — потребление ценностей и услуг и в шестом отделе дан исторический очерк существеннейших направлений в экономической науке.

О защите интересов рабочих

В своей докторской диссертации и ряде последующих работ Э. Вреден рассматривал возможность участия рабочих в «барышах предприятия». Этот способ наделения рабочих и порожденную им новую форму заработной платы он назвал «долевой рабочей платой», которая «ставит рабочего в долю с предпринимателем и успехом предприятия». Вопросы о содействии и поддержки рабочих он предлагал включить в примерный устав страховой артели, поскольку это позволит достичь следующих целей (Курс, с. 267—270; Конспект, с. 49—50):

1. «Привязать наемных работников к самому предприятию и тем обеспечить последнему — *stock of labour*, т.е. неуклонное, долголетнее служение добросовестных и опытных исполнителей.

2. Привести в соответствие и соотношение между собой доходность предприятия и вознаграждение за усердное, прямое служение ему.

3. При всех промышленных предприятиях следует организовать долевые приплаты к обыкновенному вознаграждению за труд, на основании полного освобождения служащих и рабочих от промышленных рисков.

4. При страховании служащих и рабочих от пагубных хозяйственных последствий, по случаю опасности, зловредности и изнурительности данного занятия для здоровья, сами служащие будут более стараться о

предупреждении и прекращении опасностей, чем если бы полного страхования не существовало и каждый заботился только о себе.

5. Создать прочное обеспечение для всей семейной обстановки служащего и рабочего таким образом: а) предприятия и предприниматели обязаны содействовать всем членам семьи служащего к открытию поприща для приложения труда (женщины, калеки); б) содействовать выгодному помещению всякого сбережения путем открытия ссудо-сберегательных касс; в) облегчить приобретение предметов потребления на основании начал общества потребления или бережливости.

6. Доставлять средства к приобретению технического образования как взрослыми, так и малолетними.

7. Устройство рабочих усадеб.

8. Полезное препровождение досуга и организация развлечений».

Э. Вреден выступал против забастовок и вообще «всякого насильственного протеста со стороны рабочих: и потому, что рабочие нередко слишком узко понимают свои непосредственные выгоды и необдуманными мерами в борьбе наносят вред самим себе, да и потому, что всякое насильственное разрешение экономических отношений между представителями тех или других интересов влечет не только потрясения, которые вредно отражаются на всей промышленности, но и такие, которые... более вредны для самих рабочих» (Курс, с. 291).

Особую роль в защите интересов рабочих Э. Вреден отводит государству. «Что государство имеет право и даже обязано принимать подобные меры, это вытекает из той всеми признанной истины, что в числе других целей стоит едва ли не на первом месте помощь личности в том, где она сама не может оградить своих интересов. В этом смысле нуждающимися в государственной помощи являются рабочие в борьбе с предпринимателями».

О коммунизме и либерализме

«На опыте господствующим повсюду началом оказывается разделение труда *соответственно внутреннему различию способностей и внешнему по мировой обстановке людей*. Пользы разделения труда не отвергают ни коммунисты, ни социалисты; они даже полагают, что необходимо водворить на основании этого принципа соответственную организацию и такое содействие между всеми в хозяйстве, чтобы все доходили до одинакового успеха и до одинакового пользования. Но забывают при этом, что обеспечить одинаковое пользование ценностями и услугами или результатами труда, при различии в самих способностях к труду, почти немыслимо, что тут, очевидно, несправедливое лишение одних и благодетельствование других: менее трудящиеся будут получать более, чем заслужили, и наоборот. Необходимо обратить внимание при этом и на то, что эгоизм, присущий человеку, как личное сознание о своей особе, не приведет к напряжению трудовых усилий; неизбежно и способный наиболее трудиться будет беречь свой труд в уровень со слабосильными; следовательно, равенство если и водворится общее, то однообразие снизойдет до уровней личностей наименее спо-

собных, установится на ступени трудовых сил наименьших и никаким образом не будет достигать тождества с трудовыми силами наивысшими, наибольшими. Следовательно, упразднится вся польза, какая от разделения труда происходит. Будет одинаковость напряжений, несмотря на возможность для многих к гораздо большим усилиям, к значительнейшему труду; водворится именно уровень посредственности, но вовсе не распределится равномерно уровень наибольших успехов хозяйства».

«Точно так же, ложно и направление всей школы либеральной, защищающей эгоистические стимулы и считающей их основным источником хозяйственной деятельности, вообще основанием всех проявлений экономического быта. Общественность и хозяйство до такой степени родственны друг другу, что отдельных интересов для них не существует, а каждый раз, когда стремления общественные и стремления хозяйственные расходятся между собой, во всем хозяйстве и во всей общественной среде наступает расстройство, кризис. Всякий разлад, всякое разобщение хозяйства с общественностью, всякое увлечение исключительно экономическими соображениями гибельно отзываются в политическом быту; и наоборот, увлечения политические порождают превратные явления в хозяйстве» (Курс, с. 589—590).

Глава 13. Немецкая историческая школа

Усвоив материал этой главы, вы будете знать:

- что «само формирование исторической школы... происходившее под знаком оппозиции классикам, потребовало... впервые отчетливого и критического осознания самой природы метода экономического исследования» (Н. Кондратьев);
- какие идеи классической политической экономии были подвергнуты критическому переосмыслению предшественниками и представителями исторической школы Германии;
- какую «нишу» в области предмета и метода экономической науки восполнили научные изыскания авторов немецкой исторической школы и сколь значимым для творчества современных экономистов окажется их неклассово-формационный историзм.

§ 1. Предпосылки возникновения исторической школы Германии в трудах ее предшественников и родоначальников

В период объединения германских земель в единое государство, т.е. в середине XIX в., возникло еще одно альтернативное классической политической экономии направление экономической мысли, получившее название «историческая школа Германии» или, что одно и то же, «немецкая историческая школа».

Эта школа, по сути, олицетворяет не столько историческое, сколько социально-историческое направление, потому что ее авторы, в отличие от классиков, включили в поле исследований политической экономии *(предмет изучения*) наряду с экономическими и неэкономические факторы, впервые начав тем самым одновременное рассмотрение в историческом контексте всего многообразия социально-экономических проблем, всей совокупности общественных отношений.

В своей критике немецкие авторы единодушны в том, что классики чрезмерно увлекаются абстракциями и обобщениями и недооценивают значение фактов и наблюдений, связанных с прошлым и настоящим. Они также обвиняют классиков за абсолютизацию принципов экономического либерализма (laissez faire), приверженность некой универсальной экономической науке и узость индивидуалистских доктрин и настаивают на целесообразности исследования реального, а не мнимого изображения конкретной действительности.

О характерной особенности исторической школы Германии свидетельствует то обстоятельство, что ее главные идеи были сформулированы теоретическими предшественниками данного направления экономической мысли — А. Мюллером и Ф. Листом. А суть этих идей, вытекающая из сочинений *Адама Мюллера* под названием «Основы искусства управления государством» (1809) и *Фридриха Листа* под названием «Национальная система политической экономии» (1841), сводится к таким положениям, как:

- особая и значительная роль для экономической науки исторического метода;
- характеристика политической экономии не как универсальной, а национальной науки;
- учет влияния на национальное хозяйство не только экономических, но и природно-географических, национально-исторических и других неэкономических предпосылок;
- признание общественного интереса нации выше личного интереса индивидуума.

Экономические воззрения А. Мюллера и Ф. Листа близки друг другу в тех аспектах, в которых оба они *критикуют классиков за их абстракции и либерализм, ратуют за сохранение протекционизма в хозяйственной политике государства и явно преувеличивают роль исторического метода анализа в экономической науке.* В то же время их взгляды существенно расходятся, когда речь идет об идеале общественного устройства и роли экономической науки в его достижении.

Так, А. Мюллер склоняется к идеализации хозяйственных отношений времен средневековья, потому что принципы *laissez faire*, на его взгляд, не могут соответствовать национальным, в том числе хозяйственным, традициям континентальных стран. Он убежден, что исключительно благодаря авторитету А.Смита на родине этого ученого — в островном государстве Англии смогли укорениться идеи ничем не ограниченной свободной торговли и конкуренции.

В свою очередь Ф. Лист, в отличие от А. Мюллера, принимает некоторые теоретические положения классиков, особенно в части поступательного развития общества и целесообразности ускорения научно-технического прогресса. Однако подход классиков к экономической науке, по его мнению, носит слишком узкий и поверхностный характер, поскольку они не учитывают важную роль государства в национальной экономике, а также влияние на хозяйство исторических корней нации и ее культуры. Далее он не исключает и возможности повсеместного принятия принципов laissez faire, но при условии достижения странами одинаково высокой стадии экономического развития. Иными словами, Ф. Лист в самом деле «не верил в какой-то единый и благодетельный для всех народов и во

все времена общественный строй, опирающийся на свободную игру индивидуальных хозяйственных интересов»[1].

В процессе эволюции исторической школы Германии в экономической литературе выделяют обычно три этапа. *Первый этап* охватывает период 40—60-х гг. XIX в. и получил название «старая историческая школа»; основные авторы этого этапа В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс. *Второй этап* приходится на 70—90-е гг. XIX в. и называется «новая историческая школа»; основные авторы — Л. Брентано, Г. Шмоллер, К. Бюхер. *Третий этап* имел место в течение первой трети XX в. под названием «новейшая историческая школа»; основные авторы — В. Зомбарт, М. Вебер, А. Шпитхоф.

Значение *«старой исторической школы»* по сравнению с другими этапами в развитии социально-исторического направления экономической мысли следует выделить особо ввиду того, что авторы этого этапа, будучи родоначальниками немецкой исторической школы, внесли наиболее весомый вклад в формирование ее основных научных ценностей. Например, Вильгельм Рошер (1817—1894) — профессор Геттингенского университета, автор таких сочинений, как «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода» (1843) и «Начала народного хозяйства» (в 4-х тт.; 1854, 1860, 1881, 1886), настаивал на необходимости только эволюционного развития общества, сравнивая всякую потребность в революционном изменении с «величайшим несчастьем и нередко смертельным недугом народной жизни»[2]. Именно ему принадлежит осуждающее учение классиков аллегорическое изречение о том, что «одного экономического идеала не может быть для народов, точно так же как платье не шьется по одной мерке»[3].

Другой родоначальник старой исторической школы профессор университетов в Марбурге, Цюрихе, Берне и Йене Бруно Гильдебранд (1812—1878), автор крупной работы «Политическая экономия настоящего и будущего» (1848), не менее активно, но порой тенденциозно придерживался исторического метода в экономической науке. На его несостоятельные прогнозы будущего в одной из своих статей указывал Н.Д. Кондратьев, который, в частности, писал: «Бруно Гильдебранд... предсказывал, что еще в течение XIX столетия в ходе развития Англии проявится тенденция возврата части пролетариата, бросившего землю, снова к земледелию, в силу чего городское и сельское население Англии вновь сравняется и роль сельского хозяйства повысится. Мы знаем, — заключает он, — что тот и другой прогноз оказались ошибочными»[4].

Еще один из родоначальников школы профессор Фрайбургского (1855—1860) и Гейдельбергского (1865—1896) университетов Карл Густав Адольф Книс (1821—1898) настаивал на приоритете исторического метода в экономической науке, в том числе со стра-

ниц своей книги «Политическая экономия, рассматриваемая с исторической точки зрения» (1853; 2-е издание в 1883 г.). Он к тому же, по признанию американского неоклассика Дж.Б. Кларка, явился его наставником и учителем.

Между тем главная заслуга представителей *«старой исторической школы» заключается прежде всего в формировании альтернативных классической школе методологических положений,* которых впоследствии придерживались все авторы последующих этапов социально-исторического направления и которые затем легли в основу методологии социально-институционального направления экономической мысли — американского институционализма. Особенностям этих положений в методологии исторической школы Германии и посвящена завершающая часть данной главы.

§ 2. Методологические особенности немецкой исторической школы

Особенности методологии социально-исторического направления экономической мысли, как уже отмечалось, сложились еще на этапе «старой исторической школы». По мнению Н.Д. Кондратьева, это обстоятельство свидетельствует о том, что «само формирование исторической школы в противовес классической было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономии. То формирование, — продолжает он, — происходившее под знаком оппозиции классикам, потребовало по существу... впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования»[5].

В самом деле, немецкие авторы, поставив во главу угла проблему метода экономического исследования, по существу выдержали научный спор с классиками и внесли в методологию политической экономии новые позитивные элементы, которые легли в основу методологических особенностей зародившегося благодаря им социально-исторического направления экономической мысли. Суть же этих особенностей методологии может быть сведена к следующим трем положениям:

1) учет влияния на экономическое развитие страны социальной среды, в том числе «человеческого фактора»;
2) выявление взаимосвязи и взаимообусловленности экономических и неэкономических факторов и категорий;
3) определение места и роли неклассовых критериев в исследовании фаз и этапов развития общества.

Первая методологическая особенность исторической школы Германии позволяет раскрыть несостоятельность одной из центральных методических позиций классиков, согласно которой в эконо-

мической науке приоритетное значение имеют якобы главным образом экономические законы, факторы и категории и их действие объявляется универсальным и неотвратимым во все времена и для всех народов (государств). Ведь немецкие авторы, говоря словами Н.Д. Кондратьева, «опираются на факт многообразия и динамичности исторической жизни и отсюда отрицают возможность абстрактных законов политической экономии вообще и законов экономического развития в частности», и их заслугой, на его взгляд, является обоснованная аргументация «в пользу относительности законов хозяйственной жизни» и попытка «дать конкретные эмпирические законы развития хозяйства»[6].

Итак, представители исторической школы исходят из того, что экономические законы не следует отождествлять с природными законами (например, законы химические, физические и т.п.), которые неизменно проявляют себя благодаря стабильному характеру вызывающих их действие заранее известных элементов и компонентов. Поэтому, наперекор классикам, они указывают на неуниверсальный характер политической экономии и зависимость результативности экономических процессов не только от экономических (базисных), но и от многообразных факторов неэкономического (надстроечного) свойства, включая «человеческий фактор», т.е., как принято говорить, от факторов социальной среды. Причем в числе последних чаще всего ими упоминаются:

- национальные особенности и традиции;
- своеобразие исторического развития нации, ее менталитет;
- историческая случайность;
- географические условия страны;
- особенности национальной культуры, психологии, религии и др.

В связи со *второй методологической особенностью* исторической школы необходимо вспомнить, что у классиков неэкономические факторы обусловлены влиянием экономических факторов, из чего, например, вытекает, что чем выше уровень производительных сил общества, тем более развитой будет социальная среда (сфера), в том числе уровень культуры, искусства, науки и т.д., и наоборот. Немецкие авторы этой каузальной парадигме классиков противопоставили функциональную, и в их трудах значение в процессе эволюции хозяйственной жизни экономических и неэкономических факторов рассматривается, как правило, во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Правда, ими нередко делается столь значительный акцент на особую роль в экономическом развитии неэкономических факторов, что их же позиция обернулась практическим насаждением в германском общественном мнении конца XIX — начала XX в. идей

о будто бы уникальном «немецком национальном духе», об особой исторической миссии «арийской расы» и т.д. К примеру, согласно предубеждениям М. Вебера, в его книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) речь идет даже об исключительно важной роли в создании цивилизованного общества одного из течений протестантской религии — кальвинизма.

Наконец, *третья методологическая особенность* исторической школы отражает итог ее противостояния классической школе по поводу места и роли в экономической науке исторического метода. Как известно, у классиков историзм проявляет себя прежде всего через критерий выделения на различных этапах эволюции народов и государств так называемых высших и низших, главных и неглавных классов общества. Немецкие же авторы, обосновывая фазы, этапы и схемы экономического развития общества на всем протяжении исторического пути нации, классовому критерию противопоставили сугубо хозяйственный.

В этой связи Н.Д. Кондратьев, например, пишет, что именно предшественнику исторической школы Ф. Листу принадлежит «первая по времени попытка, если не считать еще более ранних зачатков, дать схему эволюции хозяйственных ступеней народов», в соответствии с которой «человечество последовательно проходит пять ступеней: а) период дикости, б) пастушеский, в) земледельческий, г) земледельческо-промышленный и д) земледельческо-промышленно-торговый период»[7]. И, сравнивая данную схему еще с одной, он уточняет: «Представитель собственно исторической школы Б. Гильдебранд дал иную схему, в основу которой было положено различие в состоянии обмена. Он различал: натуральное, денежное и кредитное хозяйство»[8].

Благодаря *неклассово-формационному историзму,* как важнейшему инструменту для научных изысканий и обновления экономической науки, немецкая историческая школа достигла несомненных позитивных результатов. Подтверждение тому — не просто сам факт издания ее авторами ряда крупных фундаментальных историко-экономических монографий, а скорее то, что результаты этих исследований вызвали в дальнейшем весьма полезные дискуссии по многим актуальным социально-экономическим проблемам.

Одновременно следует подчеркнуть, что новизна исторического метода немецких авторов из-за их оторванности от уже достигнутых в ту пору научных основ экономической теории так и не позволила исторической школе Германии занять лидирующее место в мировой экономической науке и опровергнуть основные теоретико-методологические упущения классической политической экономии. Последнее стало возможным лишь на рубеже XIX—XX вв., когда появились вначале маржинальные концепции субъективис-

тов и неоклассиков, а затем социально ориентированные концепции американских институционалистов, о чем будет идти речь в рамках нижеследующих глав учебника.

Вопросы и задания для контроля

1. Какие предпосылки обусловили зарождение исторической школы Германии? Что предопределило подобного рода название этого направления экономической мысли?
2. Назовите общие и отличительные положения в трудах предшественников немецкой исторической школы А. Мюллера и Ф. Листа.
3. Насколько правомерна позиция В. Рошера о том, что «одного экономического идеала не может быть для народов»?
4. Сформулируйте сущность методологических особенностей исторической школы Германии.
5. Сравните аргументацию взглядов на предмет и метод экономической науки в творческом наследии классической и исторической школ экономической мысли.

Список рекомендуемой литературы

Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Ч. 1. СПб., 1907; Ч. 2. Пг., 1923.

Бюхер К. Четыре очерка из области народного хозяйства. СПб., 1898.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923.

Гильдебранд Б. Историческое обозрение политико-экономических систем. СПб., 1861.

Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Зомбарт В. Современный капитализм. В 2-х т. М., 1903—1905.

Зомбарт В. Экономические и социальные вопросы в современном обществе. СПб., 1905.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Левита Р.Я. История экономических учений. М.: Catallaxy, при участии ЗАО «КноРус», 1998.

Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891.

Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, Вита-Пресс, 1996.

Рошер В. Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода. СПб., 1891.

Рошер В. Начала народного хозяйства. Т. 1. М.: Тип. В. Грачева и К, 1860.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Шмоллер Г. Борьба классов и классовое господство. М.: Карчагин, 1906.

Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. М., 1897.

Приложение

РОССИЙСКИЕ СТОРОННИКИ МЕТОДОЛОГИИ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (А.И. ЧУПРОВ, А.Н. МИКЛАШЕВСКИЙ, С.Ю. ВИТТЕ)*

Чупров А.И. (1842—1908)

Александр Иванович Чупров — экономист, статистик и публицист, — родился в 1862 г. в г. Масальске Калужской губернии в семье священника. Учился в Калужской семинарии, по окончании которой за отличные успехи был послан в Петербургскую духовную академию, но, проучившись в ней всего один год, перешел на юридический факультет Московского университета. В январе 1868 г. по рекомендации профессора И.К. Бабста был оставлен при университете для «приготовления к экзамену на степень магистра по политической экономии». После успешной сдачи экзамена в июле 1872 г. был направлен на два года в Германию, где посещал лекции известных экономистов (Рошера, Кнаппа и др.). Вернувшись из-за границы в 1874 г., стал преподавать политэкономию, а в 1876 г. и статистику в Московском университете, впервые в России введя в практику преподавания проведение семинаров. В 1875 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношение к интересам страны», а в 1878 г. — докторскую диссертацию «Условия, определяющие движение и сборы по железным дорогам, валовой доход и его факторы. Количество товарных грузов». Это были первые в России работы по экономике и организации железнодорожного хозяйства.

Помимо преподавания, А.И. Чупров принимал участие в деятельности различных комиссий: по исследованию железнодорожного дела в России (1879), по изучению причин падения цен на сельскохозяйственные продукты (1888) и др. В 1881—1882 гг. состоял членом городского статистического отдела, принимал активное участие в подготовке и проведении переписи населения Москвы в январе 1882 г. В том же году был избран председателем вновь созданного при Московском юридическом обществе статистического отдела, а в 1885 г. — членом Международного статистического института, принимал участие в его заседаниях в Лондоне, Берлине, Риме и Петербурге. 5 декабря 1887 г. А.И. Чупров был избран членом-корреспондентом Академии наук. С научной, преподавательской и общественной работой А.И. Чупров сочетал активную литературно-публицистическую деятельность: в течение 35 лет сотрудничал в «Русских ведомостях», где было опублико-

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С. 86—99, 117—129,154—162.

вано более сотни его работ, и в других журналах. В 1899 г. в связи с тяжелой болезнью сердца вышел в отставку и уехал за границу, где и прожил до конца своих дней.

В своих научных работах и исследованиях А.И. Чупров опирался на положения социально-этического направления исторической школы, которая, по его словам, в учении об организации хозяйства занимала «среднее место между старою классической школой и социализмом». Обосновывая этот средний путь (прообраз современной «смешанной экономики») в «Курсе политической экономии» (первое издание 1887 г.), А.И. Чупров писал о необходимости соединения преимуществ частного предпринимательства с развитием государственного («общественного») сектора, особенно там, где это необходимо для общества, но не может быть обеспечено частным капиталом. К этим двум началам хозяйственной деятельности сторонники социально-этического направления, к которому принадлежал А.И. Чупров, добавляли частную благотворительность. «Курс политической экономии» А.И. Чупрова считался современниками «лучшим по продуманности и теоретической законченности». А.И. Чупров ввел понятия «идеографического» и «номографического» знаний: первое является знанием об индивидуальном, приуроченном к определенному времени и пространству; второе направлено на выявление общего в явлениях, на установление общих причинных связей и общезначимых законов.

Курс *«История политической экономии»* (1892) А.И. Чупрова был, по оценке специалистов, гораздо выше написанного за тридцать лет до него курса И. Вернадского, хотя в нем ни словом не упоминается о русской экономической мысли. В своем курсе А.И. Чупров стремился сохранить максимальную объективность в отношении каждой из рассматриваемых им теорий и концепций. С этой целью он добросовестно излагал содержание различных теорий, избегая предвзятости, чтобы дать возможность читателю самому сделать выбор и дать оценку. Ниже приводятся отрывки из «Истории политической экономии», в которых речь идет о значении изучения истории экономических теорий, о характеристике исторической школы и ее социально-этического направления.

Чупров А.И. Ученые труды. Ч. 3, вып.1. История политической экономии. М.: Изд-во Императ. Моск. ун-та, 1911. — 232 с.

Если разобрать любую новую теорию, то окажется, что при постройке нового научного здания на долю строителя редко приходится что-то большее, чем приведение в новый порядок и новые сочетания уже готовых материалов. Воззрения людей не слагаются сразу; они обыкновенно составляют результат работы длинного ряда поколений: новые воззрения являются по большей части или продолжением прежних, или оппозицией им, или компромиссом. Во всяком из этих случаев новая теория носит черты предшествующих.

Особенно важно считаться с исторической преемственностью идей в общественных науках... Они до сих пор не пришли еще к завершению; в них истина раскрывается человечеству медленно и по частям; уму человеческому нередко приходится идти здесь ощупью, бросаясь из одной крайности в другую. Неудивительно поэтому, что нередко старые теории, сданные, по-видимому, в архив, снова всплывают на поверхность жизни. Эта связь последующего с предшествующим делает особенно важным изучение в экономической литературе преемства идей, сменявших одна другую в ходе истории (с. 1—2).

Историческая школа в политической экономии... ныне господствует во всех литературах и почти повсюду вытеснила представителей прежнего смитовского направления. Историческая школа возникла в Германии... Попробуем сформулировать взгляды ранней исторической школы.

1. В противоположность смитовскому воззрению на общество как на простую сумму отдельных индивидуумов, историческая школа признает, что *хозяйство* каждого *народа* есть единое целое, которого части находятся между собою в постоянном взаимодействии: жизнь этого целого *управляется своими особыми законами,* помимо тех, которым подчиняется индивидуум. В каждом данном народе и в каждом историческом периоде составные части хозяйственного общества находятся между собой в иных отношениях, нежели в другом народе и в другом периоде. Политическая экономия должна подметить и уловить эти особенности, для чего она должна изучить народное хозяйство в его историческом развитии.

2. Более полный анализ природы индивидуума привел историческую школу к убеждению, что хозяйственная деятельность человека не может быть объяснена одним стремлением к богатству и выгоде... *Кроме желания богатства,* в душе человека существуют и действиями его управляют многие *другие мотивы,* наряду с эгоизмом в человеке живет чувство общественности, симпатии, проявляющиеся в создании семьи, общины, государства.

3. *Хозяйство* есть лишь *одна из сторон народной жизни,* которая стоит в тесной связи с прочими сторонами и может быть познаваема и обсуждаема лишь в зависимости от прочих проявлений народного духа... (например, разнообразные научные, моральные, религиозные и политические воззрения и учреждения)... Поэтому невозможно понять и объяснить хозяйственное положение общества, не принимая в расчет других факторов социальной жизни.

4. Народное хозяйство находится *в процессе постоянного изменения.* Потребности человека, его умственный и нравственный склад, его отношения к вещам и другим людям, а особенно его общественные учреждения различаются по местностям и изменяются в истории. Всякий исторический строй хозяйства, в том числе и современный, есть лишь переходная ступень в развитии человечества (с. 217—218).

Из приведенных основных положений вытекает требование перемен в системе науки, ее методе и ее содержании.

5. В глазах исторической школы политическая экономия не есть *система* естественных непреложных законов хозяйства в том смысле, как понимали ее крайние последователи А. Смита. Политическая экономия имеет дело не столько с законами природы, сколько с законами социальными, зависящими от данного состояния воззрений, нравов и учреждений общества и изменяющимися с переменой последних. Отсюда — в системе политической экономии главное место должно занимать учение об организации народного хозяйства, или о строе экономических явлений, зависящем от деятельности самого народа. Каждое отдельное явление хозяйства должно изучаться в связи со всеми реальными условиями, которыми оно обставлено в действительности.

6. При таком взгляде на систему науки историческая школа не могла довольствоваться применением одного абстрактного дедуктивного метода. Она настаивает на необходимости *историко-статистического,* или, как называет, реалистического *метода,* который составляет приложение индукции к экономическому исследованию.

7. Отсюда же вытекает и перемена в воззрениях на многие вопросы. Из взглядов исторической школы особенно характерно ее сомнение в способности конкуренции осуществить гармонию интересов. Без планомерного воздействия общественного разума и общественной власти, в хозяйственном обществе, как и в мире животных, сильнейший всегда будет побивать слабейшего. Отсюда выходит неверие исторической школы в учение о невмешательстве государства и убеждение в необходимости разумного воздействия государственной власти на хозяйственную жизнь. Историческая школа полагает, что правовой порядок есть один из важнейших факторов экономической жизни, и что, следовательно, государство, изменяя правовые отношения, может реформировать и самую жизнь (с. 219).

Взгляды группы сторонников *социально-этического направления* исторической школы могут быть выражены в следующих положениях.

1. Она выдвинула значение *нравственного* (этического) *элемента* в экономических исследованиях... Ни в одном состоянии общества, на какой бы ступени развития оно не находилось, мы не встречаем хозяйственных отношений, состоящих из чисто технических процессов: эти последние повсюду регулированы обычаем, нравами и правом.

2. Другой характерной идеей писателей социально-этического направления служит признание теснейшей *связи между экономией и правом*... (с. 221).

3. В учении об *организации хозяйства* социально-этическая школа занимает среднее положение между старой классической школой и социализмом... Согласно учению главных теоретиков по рассматриваемому вопросу, существуют три основных типа хозяйственной организации: частнохозяйственный, общественно-хозяйственный и благотворительный. Различие между этими типами сводится преимущественно

к способу распределения пожертвований и выгод между отдельными участниками предприятия... Основной пружиной деятельности предприятий *частнохозяйственного типа* служит начало личной выгоды, регулируемое соперничеством. В организации же *общественно-хозяйственной* руководящим началом деятельности является не личная выгода участников, а соображения общей пользы, сознание общего интереса. Отношение выгод, приобретаемых участниками такого предприятия, к сделанным ими пожертвованиям и затратам определяется не случайной борьбой интересов и соперничеством, а взаимным соглашением или авторитетом власти (с. 223—224).

Таким образом, каждый из упомянутых типов организации имеет свои самостоятельные права на существование. Задача правильно устроенного народного хозяйства заключается не в исключительном проведении того или иного начала организации, а в целесообразной комбинации всех их, в отведении для каждого надлежащих границ. Никакой абсолютной, всюду пригодной нормы для сочетания разных типов организации быть не может, потому что свойства как отдельных людей, так и самого общества и государства изменяются в истории; для каждого народа и для всякого времени должна быть своя комбинация. Какая из возможных комбинаций способна доставить в данное время наибольшую сумму хозяйственных ценностей и возможно равномерное их распределение, это может быть решено только через специальное исследование фактов; теория должна установить при этом лишь самые общие руководящие начала (с. 225—226).

Миклашевский А.Н. (1864—1911)

Александр Николаевич Миклашевский окончил Московский университет; в 1895 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Деньги, опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса». Был приватдоцентом Московского университета; затем непродолжительное время работал в Министерстве финансов, участвуя в работе по упорядочению денежного обращения в России. С 1896 г. — профессор Юрьевского (Дерптского) (ныне Тартуского) университета. Автор многочисленных публикаций, главным образом по вопросам денежного обращения. В работах «Бумажные деньги, их цена и значение для народного хозяйства» (1891), «Деньги: Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса» (М., 1895. — 732 с.) и «Денежный вопрос в литературе и в явлениях действительной жизни» (СПб., 1896, 215 с.) А. Миклашевский обосновывал преимущества монометаллизма перед биметаллизмом. Как признанный специалист в области денежного обращения, он участвовал в проведении денежной реформы в России в 1897 г., установившей золотой монометаллизм.

Свой взгляд на политическую экономию как науку А. Миклашевский изложил во вступительной лекции в Юрьевском университете, которая была прочитана 18 сентября 1896 г. и опубликована отдельным изданием под названием «Реализм и идеализм в политической экономии» (Дерпт, 1896. — 27 с.). А. Миклашевский резко критиковал представителей классической школы политической экономии, называя их «реалистами», за то, что они рассматривали политическую экономию как науку, которая «должна нам дать обобщающее, истинное понимание нас окружающего, бывшего, сущего», отвергая идеализм, т.е. «нечто несуществующее, но долженствующее быть» (с. 3—4). Экономисты классического направления были убеждены, что «лучшая и справедливейшая организация экономической жизни осуществится сама собой при проведении в жизнь либерального плана свободы и равенства. Они с негодованием отвергали вмешательство в экономическую жизнь государства, от которого только требовали охраны правомерных интересов индивидуумов. Жизнь представлялась им в виде безбрежного моря, по которому каждый должен приплыть к собственному счастью и добиться своей доли богатства под парусом личной энергии, знания и искусства» (с. 7). «Если под экономическим материализмом подразумевается гипотеза, которая в деле открытия законов развития человечества придает крайне важное значение хозяйственным, экономическим интересам и стремится с возможною определительностью установить их исторический вес и влияние, то она имеет полное оправдание. Но если она является отрицанием воздействия на историю идеальных мотивов, целесообразных стремлений всякого рода, если все процессы познания и развития мысли она сводит к *одним* лишь воздействиям внешней *материальной* среды, то она представляет собой не более как грубое и, очевидно, неглубокое представление о ходе исторического процесса» (с. 17).

Сторонники историко-этического направления, к которому («хотя и не во всем») примыкал А. Миклашевский, стремятся «сохранить все блага системы естественной свободы, согласовать их с нравственными требованиями культурной и разнообразной жизни». «Моральная философия историко-этической школы построена на *компромиссе между индивидуальным и общественным принципом*». «Но было бы слишком несправедливо утверждать... будто она (историко-этическая школа) уже явственно и окончательно начертала тот моральный принцип, который может рассматриваться как конечная цель правомерных и имеющих в будущем осуществиться организационных стремлений человечества. Она сознает, что в эту сторону всегда будет направлена человеческая мысль, но благоразумно думает, что работа над выработкой и выяснением для всех и каждого морального принципа, дающего внешнюю справедливую организацию отношений человеческих существ между собой и к внешней природе составляет труднейшую, величайшую и богатейшую своими последствиями задачу длинного ряда грядущих поколений» (с. 26—27).

В книге «Обмен и экономическая политика» (Юрьев-Дерпт, 1904) А. Миклашевский писал о предмете политэкономии так: «Политическая экономия и не должна давать и поощрять теорию ценности, а должна дать только теорию обмена, которая должна разрешить загадку цены» (с. 307). «Всякая рыночная цена есть результат общественной производительности факторов производства — земли, труда и капитала данного народного хозяйства и социального раздела неравного прибавочного продукта при помощи рыночных процессов, для которых мы можем найти разумные основания» (с. 311). Вместе с тем А. Миклашевский неоднократно писал о необходимости учета в экономическом анализе роли религиозных, нравственных и умственных стремлений в жизни народа. «Религиозные, нравственные и умственные стремления составляют существеннейший элемент в жизни народа, и экономист не должен упускать их из виду. Государство, без сомнения, составляет великую, но не единую и не исчерпывающую все остальные руководящую силу, нравственную силу: значение его тем выше, чем справедливее и рациональнее созданные им учреждения. Культура общества, его нравы и обычаи, определяющиеся всей совокупностью стремлений общества и личностей, его составляющих, оказывают огромное влияние на все стороны жизни» (Деньги, с. 63).

А.А. Миклашевский открыто объявлял себя сторонником реформ и противником классовой борьбы и революции, считая, что при более или менее нормальном положении вещей классовая борьба принимает характер «классовых компромиссов» и что история есть великий процесс соединения людей.

А. Миклашевский решительно осуждал призывы русской социал-демократии к насильственному захвату крестьянами помещичьих земель. «Социальный строй не так легко преобразовать; пусть же и наша социал-демократия остается верна своим эволюционным традициям и твердо помнит, что история осуществляет свою миссию упорядочения человеческих отношений на почве классовой борьбы, а следовательно, и эгоистических интересов. Когда наступает *полный распад прежних социальных отношений,* начинают торжествовать не альтруистические, а эгоистические тенденции. Поэтому я всегда буду стоять за социальную реформу, а не за социальную революцию. Я стою на почве социальной реформы вполне сознательно и советую моим согражданам держаться твердо этой дороги, ибо только таким путем можно достигнуть наибольшей справедливости в социальных отношениях. Вслед за революцией начинается новый процесс, который часто гораздо тяжелее прежнего» (с. 65).

В начале своей карьеры А. Миклашевский писал, что теория стоимости составляет «лучшие страницы» учения классической школы, хотя уже тогда он называл ее спорной, «не более как абстракцией», «которой мы всегда должны пользоваться и которая вносит высокий нравственный принцип в политическую экономию, выражающийся в простой, но многозначительной фразе: земля — мать человека, труд —

его отец. Только обеспечив себе трудом материальную основу благосостояния, человечество полагает свои силы на культурное развитие своего духа. Абстракция никогда не может быть вполне точной, но это не лишает ее серьезного научного значения» (Деньги, с. 254). Позже А. Миклашевский без оговорок отвергал трудовую теорию стоимости, объявляя ее ошибкой, фикцией: «Ценность классиков есть величина фиктивная, а потому ошибочная и ненужная» (Обмен, с. 311). Среди перечисленных им факторов, определяющих ценность, труд занимает далеко не первое место. В работе «История политической экономии» он попытался доказать, что «впервые построенная Рикардо и окончательно, но односторонне развитая Марксом теория ценности пошатнулась. Теперь мало кто верит, что ценность исключительно производственная категория и создается только трудом. Мы знаем, что ценность со всеми формами ныне существующего ценного богатства — сложный результат социального раздела неравного прибавочного продукта ... Все более и более слышны голоса не о конституировании ценности согласно труду, а о конституировании доходов работающих, творческих элементов общества, доходов, за которые идет борьба при всех формах общественного быта» (с. 593—594).

Витте С.Ю. (1849—1915)

Сергей Юльевич Витте — граф, известный государственный и общественный деятель России — родился в Тифлисе, в семье обрусевших прибалтийских немцев. Учился на физико-математическом факультете Одесского (в то время Новороссийского) университета, по окончании которого начал работать на Одесской железной дороге в службе движения. В 1883 г. опубликовал книгу «Принципы железнодорожных тарифов», в которой пытался обосновать необходимость правительственного контроля над железнодорожными тарифами. В 1889 г. был назначен директором департамента железнодорожных дел при министерстве финансов; в феврале 1892 г. — министром путей сообщения, а в августе 1892 г. — министром финансов; этот пост он занимал в течение 10 лет. В то время в ведение министра финансов входил также департамент железных дорог, торговли и промышленности. По сути, это было министерство экономики, т.е. ключевое звено в государственном управлении Россией. С.Ю. Витте, при всей неоднозначности и противоречивости оценок его политики, вошел в историю как новый тип министра-предпринимателя. Под его руководством в 1897 г. в России была осуществлена финансовая реформа, при подготовке которой проводилась профессиональная экспертиза с участием видных специалистов по проблемам денежного обращения, в частности, И.И. Кауфмана. Финансовая реформа включала целый комплекс мер в области налоговой политики (отмена паспортного и введение квартирного налога, снижение поземельного налога и т.д.), денежного обращения (в том числе введение золотого стандарта — каждый рубль содержал 0,174 золотника драгоценного металла), внешнеторговой политики (заклю-

чение торгового договора с Германией и др.). По оценке современников, С.Ю. Витте активно насаждал «государственный капитализм»; при нем была введена государственная винная монополия, построена трансконтинентальная железная дорога на Дальний Восток, начала готовиться аграрная реформа на базе принципов, которые легли в основу столыпинской реформы: ликвидации общины и развития товарного сельского хозяйства. Будучи членом Государственного совета, С.Ю. Витте не примыкал ни к одной политической партии и группе.

В 1905 г. С.Ю. Витте был поставлен во главе правительства, а в апреле 1906 г. получил отставку, что положило конец его активной политической деятельности. В 1997 г. московское издательство «Терра» выпустило двухтомник «Избранные воспоминания С.Ю. Витте».

В 1889 г. вышла брошюра С.Ю. Витте «Национальная экономия и Фридрих Лист», представлявшая собой подробное изложение работы немецкого экономиста Ф. Листа «Национальная система политической экономии», которая в то время еще не была переведена на русский язык (она была переведена в 1891 г.). С.Ю. Витте счел необходимым представить эту работу русским читателям, поскольку в своих экономических воззрениях во многом был последователем Ф. Листа, который, определяя предмет и задачи политэкономии, «перенес акцент с интересов отдельного индивида на интересы нации в целом и выдвинул в качестве основополагающей социальной цели не полную свободу индивидов (что применительно к экономической сфере означало полную свободу хозяйственных субъектов), а развитие производительных (материальных и духовных) сил нации». Как и Ф. Лист, С. Витте полагал, что «политическая экономия должна принимать идею национальности за точку отправления и поучать, каким образом данная нация при настоящем... может сохранять и улучшать свое экономическое положение» (с. 35). В 1912 г. работа С. Витте была переиздана под новым названием — «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист», отрывки из которой приводятся ниже.

Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб., 1912. — 76 с.

Мне представляется, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому не пугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели, — и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему отечество данного народа, — второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемых местью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах, диких для XX столетия (с. 4—5).

Ни одна наука не находится в настоящее время в столь шатком положении, как политическая экономия... Одна из главных причин такого состояния политической экономии заключается в том, что большинство экономистов допускало смешение и, во всяком случае, недостаточно разграничивало экономические понятия по отношению отдельного лица, нации (страны) и человечества. Между тем одни и те же экономические положения или выводы, справедливые по отношению нации, могут быть вполне ошибочными по отношению человечества и т.д. (с. 7).

Творцы классической политической экономии, если не всецело, то преимущественно, в своих логических построениях имели в виду не нацию, а человечество. Они создали науку, которую было бы правильнее назвать не политической (общественной), а космополитической экономией. Их последователи упустили из виду это обстоятельство, а потому начали проповедовать космополитические экономические аксиомы, как непреложные законы для национального общежития. Между тем факты и сама жизнь во многих случаях шли вразрез с этими законами. Вследствие этого явилось, с одной стороны, сомнение в праве на существование политической экономии, как науки, а с другой — тупое доктринерское отрицание всех тех национальных потребностей, которые не согласуются с принципами творцов политической экономии. Отрицать научное право классической политической экономии только потому, что некоторые ее принципы не согласуются с хозяйственной жизнью различных стран, так же нелогично, как нелогично, например, отрицать научное право математического анализа потому, что многие выводы его не имеют житейского применения. Требовать же лечения всех экономических недугов страны по рецептам космополитической экономии так же бессмысленно, как, например, требовать устройства какого-либо двигателя по формулам аналитической механики, без принятия во внимание качества материалов, условий сопротивления и атмосферного влияния. Для того чтобы жизнь страны могла регулироваться принципами космополитической экономии, принципы эти должны прежде всего получить видоизменение, соответствующее наличным национальным условиям... (с. 8—9).

Если бы умственная жизнь настоящего столетия не была под самым сильным влиянием космополитизма, то несомненно, что параллельно развитию политической экономии развивалась бы прикладная часть этой науки — национальная экономия.

Мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли самое нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской Империи по рецептам космополитической экономии. Результаты этой кройки налицо...

По нашему мнению, в настоящее время основательное знакомство с «Национальной системой политической экономии» Ф. Листа составляет необходимость для всякого влиятельного государственного и общественного деятеля. Чтение национальной экономии в наших высших учебных заведениях, как прикладной части политической экономии, могло бы принести громадную пользу (с. 11).

Итак, классическая политическая экономия, или, как ее называет Лист, школа, представляет следующие существенные недостатки: «во-первых, химерический космополитизм, который не понимает национальности и потому не занимается национальными интересами; во-вторых, безжизненный материализм, который видит всюду только меновые ценности, не принимая во внимание ни нравственных, ни политических интересов настоящего и будущего, ни производительных сил нации; в-третьих, партикуляризм, разрушительный индивидуализм, который, не ведая природы социального труда и действия ассоциации производительных сил в ее наиболее возвышенных проявлениях, в сущности рассматривает лишь частную промышленность в том виде, в каком она развивалась бы при свободе отношений во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на различные нации».

Она упускает из виду, что между отдельным человеком и человечеством существует еще особая экономическая единица — нация. Эта единица представляет собой нечто органически целое, связанное верою, отдельностью территории, кровью, языком, литературой и народным творчеством, нравами и обычаями, государственными началами и учреждениями, инстинктом самосохранения, стремлением к независимости и прогрессу и проч. Единицы эти не выдуманы людской фантазией или капризом, а сложены исторически, самою природой и законами общежития. Они составляют необходимое условие общечеловеческого развития. «Цивилизация человечества, — говорит Лист, — недостижима иначе, как посредством цивилизации и развития наций, точно так, как отдельный человек, главным образом, посредством нации и в ее лоне достигает умственного развития, производительной силы, безопасности и благоденствия» (с. 65).

В систематическом виде экономические взгляды С.Ю. Витте изложены в его книге «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве», изданной в 1912 г. и представляющей собой текст лекций, прочитанных автором в 1900—1902 гг. брату царя Великому князю Михаилу Александровичу Романову. Хотя в 1997 г. эта работа была переиздана, имеет смысл остановиться на некоторых ее положениях. В книге две части: в первой «Народное хозяйство» (34 лекции) излагаются основы политической экономии, во второй «Государственное хозяйство» (15 лекций) — учение о финансах. Определяя предмет политической экономии, С.Ю. Витте писал: «Предметом изучения политической экономии служит хозяйственная жизнь народа, или так называемое народное хозяйство» (с. 415).

О протекционизме. *Торговая политика* каждой страны должна быть направлена к возможному развитию всех ее производительных сил, к самостоятельной разработке ее естественных богатств и к предоставлению населению возможности найти самое широкое приложение своей трудовой энергии. Политика эта не может быть чем-то постоянным, своего рода навсегда установленным: она видоизменяется в зависимости от положения данной страны в ряду других стран и от изменений, совершающихся в народном хозяйстве самой страны.

В такой стране, как Россия, задача торговой политики сводится в настоящее время к настойчивому и последовательному протекционистскому режиму. За плодотворность этого направления политики ручаются и даровитость, и трудолюбие ее населения, и неисчерпаемые богатства страны, обеспечивающие полную возможность в самых выгодных условиях вырабатывать почти все предметы потребления.

Свобода торговли — это пока для России идеал, к которому мы должны идти суровым протекционным режимом. Когда режим этот подготовит прочно развитую промышленность, могущую выдержать, с притоком иностранных и ростом своих капиталов, внутреннюю конкуренцию, а затем способную в будущем выдержать и внешнюю конкуренцию, тогда мы станем так же экономически сильны, как мы стали сильны политически. Тогда явится необходимость в постепенной перемене торговой политики переходом к свободе торговли, подобно тому, как эта перемена стала в свое время необходима в Англии. Но и теперь в деле защиты отдельных отраслей промышленности немыслим однообразный шаблон, а необходимо постоянное внимание. Раз наблюдается действительное укрепление какой-нибудь отрасли промышленности — понижение тарифа до пределов, потребных еще для охраны, но устраняющих, однако, преувеличенность цены продукта, и к восстановлению влияния внутренней конкуренции, особенно необходимой при действии протекционистского тарифа.

Часть третья
МАРЖИНАЛИЗМ: ФОРМИРОВАНИЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава 14. «Маржинальная революция» и ее особенности

Изучение данной главы позволит усвоить:

- что такое маржинализм и «маржинальная революция»;
- в чем состоит значение экономических воззрений предшественников маржинализма;
- почему «маржинализм как таковой придал математике выдающуюся роль в экономической науке после 1870 г.» (М. Блауг);
- что «экономическая теория должна представлять из себя нечто большее, чем просто систему тавтологий, если она хочет предсказывать, а... не желает быть просто замаскированной математикой» (М. Фридмен).

§ 1. Что такое маржинализм и «маржинальная революция»

В течение последних 30 лет XIX в. *классическую политическую экономию сменила* ***маржинальная экономическая теория.*** В значительной степени эта смена стала следствием огромного прогресса в науке, особенно в ее естественных и гуманитарных отраслях, и экономике, которая все более обретала признаки монополистического типа хозяйствования.

Основная идея маржинализма — *исследование предельных экономических величин как взаимосвязанных явлений экономической системы в масштабе фирмы, отрасли (микроэкономика), а также в масштабе всего народного хозяйства (макроэкономика*). В данном контексте, с точки зрения методологии, современный маржинализм включает в себя ныне и неоклассическую и кейнсианскую экономические концепции, а *«экономика впервые стала наукой, которая изучает взаимосвязь между данными целями и данными ограниченными сред-*

ствами, имеющими альтернативные возможности использования» [1]. При этом следует иметь в виду, что альтернативная возможность предполагает использование ресурсов и затрату времени только для достижения какой-либо одной цели.

Исходя из этой идеи, лежащей в основе маржинализма, Л. Роббинс утверждает следующее: «Если мы что-то выбираем, мы вынуждены отказываться от других вещей, от которых в иных обстоятельствах мы бы не отказались. Редкость средств, предназначенных для удовлетворения целей разной значимости, — это почти универсальное свойство среды, в которой совершается человеческая деятельность... И услуги повара, и услуги балетного танцовщика ограничены относительно спроса на них и могут употребляться различным образом... Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»[2].

Поясняя суть произошедшей методологической *«революции»,* отметим, что *маржинализм* (от слова «*marginale*», которое в англо-французском переводе означает ***предел***) *базируется действительно на принципиально новых методах экономического анализа, позволяющих определять предельные величины для характеристики происходящих изменений в явлениях.* В этом одно из его важных отличий от классической политической экономии, авторы которой довольствовались, как правило, лишь характеристикой сущности экономического явления (категории), выраженной в средней либо суммарной величине. Так, по классической концепции в основе определения цены лежит затратный принцип, увязывающий ее величину с затратами труда (по другой трактовке — с издержками производства). *По концепции маржиналистов формирование цены* ***(через теорию предельной полезности)*** *увязывается с потреблением продукта, т.е. с учетом того, насколько изменится потребность в оцениваемом продукте при добавлении единицы этого продукта* (блага). Как пишет Л. Мизес, «отличительная черта современной теории предельной полезности состоит в том, что она обращает особое внимание на несовершенство реального человека. Эта теория... имеет дело с решениями, которые принимают все участники общественной жизни, взаимодействующие друг с другом на основе разделения труда»[3].

Еще одно «революционное» отличие методологических средств маржинализма состоит в том, что, если «классики» подразделяли экономические явления тенденциозно, считая, в частности, сферу производства первичной по отношению к сфере обращения, а стоимость — исходной категорией всего экономического анализа, то маржиналистами *экономика рассматривается как система взаимозависимых хозяйствующих субъектов, распоряжающихся хозяйствен-*

ными благами, т.е. материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами. Поэтому именно благодаря маржинальной теории *проблемы равновесия и устойчивого состояния экономики стали предметом анализа* результатов взаимодействия с окружающей средой как предприятий и фирм, так и народного хозяйства в целом.

Далее, в сравнении с классической *маржинальная теория широко применяет математические методы, в том числе дифференциальные уравнения (исчисления*). Причем математика для маржиналистов необходима не только для анализа предельных экономических показателей, но и *для обоснования принятия оптимальных решений* при выборе наилучшего варианта из возможного числа состояний и гипотез. В частности, о последних, т.е. о гипотезах, М. Фридмен писал, что их содержательность через фактические данные может «объяснить» и даже «показать, является ли она «правильной» или «ошибочной», или, лучше сказать, будет ли она «принята» как обоснованная или «отвергнута», ибо «единственным конкретным тестом, позволяющим судить об обоснованности гипотезы, может быть сравнение ее предсказаний с реальностью» [4]. Об этой же специфике маржинальной теории М. Блауг утверждает следующее: «Математический аппарат, применявшийся экономистами того времени, не шел дальше дифференциального исчисления. Экономические функции неизменно предполагались дифференцируемыми и непрерывными. Однако основополагающий принцип максимизации в равной степени приложим и к разрывным функциям... Но разрывность представляет лишь формальную, а не содержательную сложность в анализе. В этом смысле предельный анализ как таковой переходит на второй план, а то, что выдвигается на первый план, — это принцип, что экономическое поведение есть максимизирующее поведение при наличии ограничений» [5].

«Революционные» подвижки обусловил маржинализм и *в области количественной теории денег.* Ведь классики в противовес примитивному инфляционизму своих предшественников, меркантилистов, еще со времен Д. Юма, т.е. более 100 лет, *«доказывали» степень ненейтральности денег, хотя бы в краткосрочном периоде.* И возражая Д. Юму (особенно Д. Рикардо и Дж.С. Милль), они не допускали возможность позитивного воздействия ползучей инфляции на производство и занятость. По их интерпретации количественной теории денег, речь идет о *«простой и ясной теореме пропорциональности»* [6]. Так вот, «маржинальная революция» дала ***«новые доказательства»*** *для постепенного отхода от ортодоксальной версии количественной теории денег Рикардо—Милля.* В результате «пришло время» неформального признания главных ***функций денег,*** как-то: *средство обращения; мера стоимости или единицы счета; средство сбережения, накопления или средство сохранения стоимости*[7]. Но главное — от-

пала необходимость поиска среди разнообразных функций денег ведущей или основной функции, что всегда чревато преувеличением значения одних функций в ущерб другим, и стало возможным признать: «Деньги — это то, что деньги делают. Все, что выполняет функции денег, и есть деньги» [8].

Первыми авторами указанных «подвижек» явились И. Фишер и А. Пигу. Так, развивая традиции «американской школы маржинализма», *И. Фишер* (1867—1947) вывел так называемое *уравнение обмена: MV = PT,* где *M* — количество денег; *V* — скорость их обращения; *P* — средневзвешенный уровень цен; *T* — количество всех товаров. Судя по этому уравнению, только в том случае, если не связывать стоимость денег со стоимостью денежного материала, а скорость их обращения (*V*) и количество товарной массы (*T*) в краткосрочном периоде принять на постоянном уровне (использование ресурсов за конкретный период принять как полное), был бы возможен ортодоксальный вариант количественной теории денег: в результате столкновения товаров и денег изменение цен на товары зависело бы исключительно от количества денег.

В свою очередь *А. Пигу* (1877—1959) внес, по сути, коррективу в методологию исследования денег по Фишеру, предложив учитывать мотивы хозяйствующих субъектов на микроуровне (фирмы, компании, частные лица), обусловливающие их *«склонность к ликвидности»* — стремление откладывать часть денег в запас в виде банковских вкладов или ценных бумаг и т.п. Отсюда, по Пигу, *в той мере, в какой будет иметь место ликвидность денег, будет происходить и адекватная корректировка цен.*

Наконец, «революционным», пожалуй, можно признать то обстоятельство, что *методологический инструментарий маржинализма позволил, в конце концов, снять вопрос о первичности и вторичности экономических категорий,* считавшийся столь важным у «классиков». Это произошло, прежде всего, *благодаря предпочтению каузальному* (причинно-следственному) *подходу функционального,* ставшего важнейшим средством анализа, превращения экономической теории в точную науку.

§ 2. Предшественники маржинализма. «Законы Госсена»

Переоценку устоявшихся почти за двухсотлетнюю историю ценностей классической школы, произошедшую в последней трети XIX столетия, в экономической литературе нередко характеризуют как некую *«маржинальную революцию»*. Однако необходимо подчеркнуть, что *факт начала «маржинальной революции» едва ли кем был замечен.* А о том, что она уже свершилась, впервые провозгласил в 1886 г.

Л. Вальрас. Он исходил из выдвинутых им идей анализа предельных экономических величин и *имел претензии на первенство в этой «революции»*. Но поскольку в пределах трех лет, т.е. 1871—1874 гг., работы подобной направленности были опубликованы также *У. Джевонсом* и *К. Менгером*, *между этими тремя экономистами началась неразрешимая, казалось бы, тяжба о научном приоритете*. Однако в 1878 г. ее неожиданно прервал английский профессор Адамсон, который случайно обнаружил в Британском музее книгу тогда никому неизвестного немецкого автора Г. Госсена, изданную гораздо раньше (1854) и содержавшую изложение принципов маржинального анализа.

Между тем выяснилось, что и среди предшественников маржинализма — первооткрывателей категории «предельная полезность», используемой для анализа поведения потребителей, и пионеров математического анализа функциональных зависимостей для выявления равновесия в хозяйственной системе было сразу несколько авторов. Ими оказались наряду с Г. Госсеном еще один немецкий ученый и практик И. Г. фон Тюнен, два французских исследователя — Ж. Дюпюи и О. Курно. Как выразился М. Блауг, «они натолкнулись на закон убывающей предельной полезности в одно и то же время, но в качестве реакции на совершенно различные интеллектуальные воздействия и не обладая преимуществом унаследованного свода близких экономических идей» [9].

П. Самуэльсон в своей лекции, прочитанной 11 декабря 1970 г. в Стокгольме на церемонии вручения ему Нобелевской премии по экономике, высоко отозвался о вкладе в современную экономическую науку предшественников маржинализма. Он, в частности, сказал: «Но задолго до Маршалла, в 1838 г., О. Курно в своем классическом труде «Исследования математических принципов в теории богатства» применил аппарат дифференциального исчисления, обеспечивающего максимум прибыли. Вопрос о минимизации затрат также был поставлен более ста лет тому назад. По крайней мере, им занимался фон Тюнен при рассмотрении понятия предельной производительности» [10].

Герман Генрих Госсен (1810—1858) не был профессиональным ученым-экономистом. Закончив юридический факультет Боннского университета, работал на государственной службе в чине асессора, затем ушел в отставку и занимался страховым делом. В 1850 г. бросил все свои дела для написания книги, которую завершил и издал в 1854 г. под названием *«Развитие законов общественной жизни и вытекающих отсюда правил человеческой деятельности»*. В ней нашли отражение принципы, упоминаемые в современной экономической литературе как *первый и второй «законы Госсена»*. Первый «закон» гласит, что с увеличением наличия данного блага предель-

ная полезность блага уменьшается, а в соответствии со вторым «законом» оптимальная структура потребления (спроса) достигается при равенстве предельных полезностей всех потребляемых благ.

В намерения Г. Госсена входило сделать своей работой для экономической науки столь же важное открытие, как это сделал Н. Коперник в области астрономии. Не дождавшись признания итогов выполненного труда и глубоко разочаровавшись, Г. Госсен попытался отозвать нераспроданную часть тиража и сжег все, что смог получить, но, как уже упоминалось, спустя почти четверть века некоторые уцелевшие экземпляры книги стали все же достоянием для последующих поколений экономистов.

Жюль Дюпюи (1804—1866) — инженер, выпускник основанной в 1747 г. в Париже Школы проектирования гражданских объектов, автор ряда научных работ социально-экономической эффективности технических проектов. Одна из главных идей в его публикациях (за период с 1844 по 1861 г.) связана с так называемым *денежным измерителем избытка полезности для потребителя* — ***«ценовым излишком».*** Последний, на его взгляд, является денежным измерителем максимально возможного дохода, возникающего с возможностью потребителя покупать каждую единицу товара при неизменной цене. А это значит, что «открытие» законов предельного анализа может быть сдвинуто с 1854 на 1844 г., т.е. на год издания статьи Ж. Дюпюи «Об измерении полезности общественных работ».

Антуан Огюстен Курно (1801—1877) по праву считается как одним из предшественников маржинализма, так и родоначальником широкого применения математических методов в экономической теории. Его книга «Исследования математических принципов в теории богатства» была издана в 1838 г., т.е. на 16 лет раньше работы Г. Госсена. В 33 года он был профессором на кафедре анализа и механики в Лионе, в 35 лет — ректором академии в Гренобле, а в 37 — генеральным инспектором университетов Франции (сменив на этом посту знаменитого физика Ампера). О. Курно в своей книге, опираясь на анализ функциональных зависимостей, сформулировал *понятие экономического равновесия,* ввел в научный оборот *понятия функции спроса, эластичности спроса* и др., полагая, что «для полного и точного решения частных проблем экономической системы неизбежно, чтобы система рассматривалась как целое». Однако исследование проблемы общего экономического равновесия, по его мнению, находится вне возможности математического анализа, что спустя 36 лет гениально опроверг Л. Вальрас, продемонстрировав главные принципы решения этой проблемы.

Иоганн Генрих фон Тюнен (1783—1850) — самый ранний предшественник маржинализма, поскольку его книга под названием «Изолированное государство» была издана в 1826 г., т.е. на 12 лет рань-

ше работы О. Курно. Этот труд, как и труды других предшественников «маржинальной революции», не был своевременно замечен первыми маржиналистами. При жизни И.Г. Тюнена вплоть до второй половины XIX в. его книга воспринималась прежде всего *как руководство по рациональному ведению сельского хозяйства*. Он был потомственным мекленбургским помещиком, сумевшим не просто получить высшее образование, а применить приобретенные знания по математике и экономической теории для обобщения собственного хозяйственного опыта на базе сделанных на протяжении 10 лет записей калькулирования издержек производства. По существу, им были *выведены законы предельного анализа в «экономической системе» с целью,* как он отмечал, *«достижения максимума в значениях функции со многими переменными»*.

Варьируя в своих расчетах показатели основных факторов производства и при этом сохраняя постоянными то капитал и землю, то капитал, то труд и землю, а также показав воздействие изменения цен факторов производства на оптимальное сочетание используемых ресурсов, И.Г. Тюнен фактически доказал, что *наибольший чистый доход может быть достигнут, если совокупность предельных издержек на факторы производства будет равна предельной ценности продукта*. Его исследования прекрасно продемонстрировали механизм формирования уровня ренты в результате конкуренции между фермерами за приобретение лучшего земельного участка, учитывая удаленность последнего (плодородие земли он принял одинаковым) от рынка сбыта (города). В частности, по Тюнену, максимальная земельная рента будет иметь место в первом концентрическом кольце, а в последнем кольце, символизирующем границы «изолированного государства» [11], она будет равна нулю. Тем самым, было *положено начало новой (неклассовой) теории распределения, основанной на теории предельной производительности,* которую позднее разработал Дж.Б. Кларк, опираясь на второй том «Изолированного государства», изданного в год кончины его автора — 1850 г.

§ 3. Особенности этапов «маржинальной революции»

В свершении «маржинальной революции» в экономической литературе выделяют обычно два этапа.

Первый этап охватывает 70—80-е гг. XIX в., когда возникли обобщения идей маржинального экономического анализа в трудах австрийца К. Менгера и его учеников, а также упомянутых выше англичанина У. Джевонса и француза Л. Вальраса. На этом этапе среди представителей маржинальной теории большее признание получил К. Менгер, ставший во главе австрийской школы маржинализма. Его школа, в которой активно сотрудничали также Ф. Визер,

О. Бём-Баверк и другие ученые, выступала против исторического и социологического подходов в экономической теории, ратуя, как и «классическая школа», за «чистую экономическую науку». При этом ставшая на данном этапе центральной теория предельной полезности товара объявлялась школой главным условием определения его ценности, а сама оценка полезности товара признавалась психологической характеристикой с позиции конкретного человека. Поэтому *первый этап маржинализма принято называть «субъективным направлением» политической экономии.*

Характеризуя этот этап, М. Блауг указывает на ряд недостатков, которых не избежали «все три основателя (К. Менгер, У. Джевонс, Л. Вальрас. — *Я.Я.*) теории предельной полезности», в их числе:

1) полезность товара рассматривается как функция количества этого товара, не зависящая от количеств других потребляемых товаров;

2) «объяснение» поведения потребителя полезностью сталкивается с двойственной оппозицией (одна из них утверждает, что теория полезности исходит из сомнительной и даже неверной психологии, а другая — что психологические аспекты потребительского поведения не имеют отношения к объективному развитию экономического процесса, который от индивидуальных ощущений не зависит);

3) «благосостояние» сводится к сумме количественных, поддающихся измерению полезностей для всех индивидов (домохозяйств) общества, и оптимальным считается такое распределение ресурсов, которое максимизировало бы благосостояние именно в этом смысле[12], и др.

Второй этап «маржинальной революции» приходится на 90-е гг. XIX в. С этого времени маржинализм становится популярным и приоритетным во многих странах. Главное достижение маржиналистов на этом этапе — отказ от субъективизма и психологизма 70-х гг., с тем, чтобы подтвердить, говоря словами Й. Шумпетера, что «целью чистой экономики... всегда оставалось объяснение регулярного хода экономической жизни на основе данных условий»[13].

В результате представители «новых» маржинальных экономических идей стали расцениваться *в качестве преемников классической политической экономии и называться неоклассиками,* а *их теория*, соответственно, *получила название «неоклассической»*. На втором этапе «маржинальной революции» — этапе формирования неоклассической политической экономии — наибольший вклад внесли англичанин А. Маршалл, американец Дж.Б. Кларк и итальянец В. Парето.

Что же касается довода, будто теория предельной полезности является «буржуазным ответом на марксизм», то здесь необходимо указать на два контраргумента, приводимых М. Блаугом. Это, во-

первых, достаточно поздний перевод на английский язык первого тома «Капитала» К. Маркса, ибо к этому времени — 1887 г. — первые труды У. Джевонса были уже изданы, а во-вторых, А. Маршалл начал свой главный труд — «Принципы экономикс» в 1867 г. (год немецкого издания первого тома «Капитала»), полностью владея теорией предельной полезности, что, кроме того, подтверждается в написанной им в 1872 г. рецензии на книгу У. Джевонса. То же самое относится к К. Менгеру и Л. Вальрасу, задумавших свои труды, не ведая о готовившемся К. Марксом в Англии произведении. Поэтому гораздо позже, т.е. после 80-х гг. XIX в., в ответ на распространение на Европейском континенте «революционных» идей учения К. Маркса в трудах тех, кто стали учениками родоначальников и столпов маржинализма, появились «атаки на марксистскую экономическую науку» с применением маржиналистской теории, и это были О. Бём-Баверк, Ф. Визер, В. Парето, П. Уикстид и многие другие. Но поскольку «новая экономическая наука все еще не могла значительно выдвинуться по меньшей мере на протяжении жизни поколения... — пишет М. Блауг, — историческая проблема состоит в том, чтобы объяснить не тот момент времени, когда предельная концепция была приложена к полезности, а скорей запоздалую победу экономической теории на основе предельной полезности» [14].

Эволюцию маржинальных идей на двух обозначенных выше этапах «маржинальной революции» можно охарактеризовать следующим образом.

Первое. Вначале маржинализм в своем субъективном течении акцентировал внимание на значении экономического анализа в части проблематики, связанной с потреблением (спросом), а классики, как известно, исходили из приоритета проблем производства (предложения). Но затем неоклассики (второй этап «маржинальной революции») обосновали необходимость одновременного (системного) изучения обеих сфер, не выделяя ни одну из них и не противопоставляя их друг другу.

Второе. Маржиналисты первой волны (субъективное направление экономической мысли), используя, подобно классикам, причинно-следственный анализ, как бы повторили своих предшественников. Речь идет о том, что приверженность каузальному подходу привела и тех и других к версии признания стоимости (ценности) товарных благ в качестве исходной категории экономического исследования. Правда, с одной существенной разницей: классическая школа первичной в экономике считала сферу производства и источником формирования стоимости — издержки производства, а «субъективная школа» первичной считала сферу потребления и обусловленность цен полезностью товаров и услуг.

В свою очередь маржиналисты второй волны, ставшие родоначальниками неоклассического направления экономической теории, благодаря замене каузального подхода функциональным исключили из «поля зрения» экономической науки существовавшую почти 200 лет дилемму о первичности и вторичности по отношению друг к другу сфер производства и потребления, а соответственно и споры о том, что лежит в основе стоимости (цены). Неоклассики, образно говоря, *«объединили» сферу производства и сферу потребления в объект целостного системного анализа, распространив характеристику предельных экономических величин еще и на сферы распределения и обмена*. В результате произошло как бы естественное *объединение обеих теорий стоимости* (теории издержек «классиков» и теории полезности «субъективистов») ***в одну двухкритериальную теорию,*** *базирующуюся на одновременном соизмерении и предельных издержек, и предельной полезности*. Это позволило представителям «новой экономики» — неоклассикам исключить специальный анализ стоимости (ценности) каждого фактора производства, поэтому «то, что авторы классической школы выдвинули специальную теорию распределения (доходов. — *Я.Я.*), как раз и является предметом критики со стороны современных авторов» [15].

И третье. В отличие от первого этапа «маржинальной революции» на втором ее этапе *наряду с функциональным методом экономического анализа всемерно утвердился и метод математического моделирования экономических процессов* как средство реализации концепции об экономическом равновесии на уровне микроэкономики, т.е. отдельных хозяйствующих субъектов, из-за чего у неоклассиков незаслуженно из предмета экономической науки *вплоть до 30-х гг. XX в. выпала проблематика факторов роста экономики и макроисследования*. Но при этом маржиналисты последней трети XIX в., а затем и их последователи в первой трети XX в. по-прежнему полагали, что экономический рост благодаря «свободной» конкуренции поддерживается автоматически, и *продолжали разделять несостоятельный в действительной жизни «закон рынков» Ж.Б. Сэя с его главной идеей о саморегулируемости и равновесности экономики*.

Однако, признавая математизированную специфичность методологических средств маржинальной экономической науки, не будет лишним напомнить читателю о предостережениях на этот счет, высказанных некоторыми широко известными учеными-экономистами современности. Так, В. Леонтьев пишет: «Не будучи с самого начала подчинены строгой дисциплине систематического сбора данных, в отличие от своих коллег, работающих в естественных и исторических науках, экономисты приобрели почти непреодолимую склонность к дедуктивному анализу или дедуктивной аргументации. Многие экономисты пришли из «чистой» или прикладной матема-

тики. Каждая страница экономических журналов пестрит математическими формулами, которые ведут читателя от более или менее правдоподобных, но абсолютно произвольных предположений к точно сформулированным, но не относящимся к делу теоретическим выводам.

Ничто так красноречиво не говорит об антипатии большинства современных экономистов-теоретиков к систематическому изучению, как те методологические средства, которые они используют для того, чтобы избежать или сократить до минимума применение фактической информации» [16].

А по мнению М. Алле, «нельзя быть хорошим физиком или экономистом по той единственной причине, что обладаешь некоторыми знаниями и навыками в области математики», и потому «никогда не будет лишним повторить следующее: для экономиста, как и для физика, основная задача — это не использование математики ради нее самой, а ее применение в качестве средства исследования анализа конкретной реальности; задача, следовательно, состоит в том, чтобы никогда не отрывать теорию от ее применения»[17]. И этот перечень предостережений достаточно велик.

Поэтому из большого числа примеров данного свойства укажем только на следующий. Хотя общепризнанно, что «не теория полезности, а скорее маржинализм как таковой придал математике выдающуюся роль в экономической науке после 1870 г.»[18], по убеждению М. Фридмена экономическая теория должна представлять из себя нечто большее, чем просто систему тавтологий, если она хочет предсказывать, а не просто описывать последствия действий, — иными словами, если она не желает быть просто замаскированной математикой»[19].

Вопросы и задания для контроля

1. В чем заключается основная идея маржинализма?
2. Сформулируйте главные теоретические принципы предшественников маржинализма — «законы Госсена».
3. Назовите основные предпосылки, обусловившие смену классической политической экономии маржинальной экономической теорией.
4. Какие методы экономического анализа характеризуют сущность «маржинальной революции»?
5. Почему первый этап «маржинальной революции» называют этапом субъективного направления политической экономии?
6. Как возник термин «неоклассическая экономическая теория»?
7. Изложите суть теоретико-методологических отличий идей первого и второго этапов «маржинальной революции».

Список рекомендуемой литературы

Алле М. Современная экономическая наука и факты //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Леонтьев В.В. Экономическое эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. М.: ИНФРА-М, 1999.

Мизес Л. фон. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Роббинс Л. Предмет экономической науки//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. Зима. 1993. Т. I. Вып. 1.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Глава 15. Возникновение субъективного направления экономической мысли как первый этап «маржинальной революции»

Изучение данной главы необходимо, чтобы узнать:

- как каждый из родоначальников маржинализма пришел к повторному открытию «законов Госсена»;
- почему авторы австрийской школы были более популярными среди представителей субъективного направления экономической мысли;
- какие теоретические проблемы экономики рассматривали маржиналисты «первой волны» с использованием средств математики;
- кому экономическая наука обязана возникновением первой математической модели макроэкономического равновесия.

§ 1. Экономическое учение К. Менгера

Карл Менгер (1840—1921) как ученый-экономист с мировым именем и глава «австрийской школы» маржинализма занимает достойное место в ряду лучших представителей экономической науки второй половины XIX в. Несмотря на дворянское происхождение, он придерживался либеральных взглядов на проблему социально-экономического развития общества, которые, очевидно, сложились еще в годы учебы на юридических факультетах университетов в Вене и Праге. В 27 лет защитив в Кракове диссертацию, некоторое время работал в качестве журналиста, затем экономическим обозревателем при правительстве Австрии в Вене.

Незначительный на первый взгляд опыт практической деятельности на поприще журналистики и государственной службы позволил талантливому и одаренному молодому исследователю К. Менгеру подготовить и издать в 1871 г. фундаментальный, как выяснилось впоследствии, труд под названием «Основания политической экономии»[1]. В том же году представление этой книги руководству Венского университета оказалось достаточной рекомендацией, чтобы ее автор был принят сюда на преподавательскую работу в качестве приват-доцента по дисциплине «политическая экономия».

Спустя 8 лет в 1879 г. К. Менгер получает более высокое назначение — профессорскую кафедру политической экономии, оставаясь в этой должности вплоть до 1903 г. В окружении своих коллег и единомышленников, которые стали называть себя учениками шко-

лы К. Менгера, ему удалось создать серьезную «оппозицию» в борьбе с господствовавшими в экономической науке парадигмами классической политической экономии о безусловном приоритете сферы производства и о затратной природе происхождения стоимости (ценности) товара.

К числу крупных работ К. Менгера правомерно отнести также «Исследование о методе общественных наук и политической экономии в особенности» (1883). Однако именно «Основания...» стали для него книгой всей жизни; над ее совершенствованием он работал большую часть своей творческой биографии, в том числе в связи с этим уступив в 1903 г. руководство кафедрой своему ученику Ф. Визеру. По этой причине второе издание «Оснований...» вышло в свет только спустя два года после смерти автора, т.е. в 1923 г.

Курьезным, очевидно, можно назвать и то обстоятельство, что, К. Менгер, опиравшийся в своих разработках в основном на литературные источники немецких авторов (главным образом труды представителей так называемой исторической школы Германии), совершенно не был знаком с произведениями немецких предшественников маржинализма И.Г. Тюнена и Г. Госсена. Более того, определенные достоинства менгеровского анализа на уровне индивида и микроуровне, несомненно имеющие место в «Основаниях...», не нашли должного признания не только при жизни, но и почти треть века после кончины К. Менгера. Во всяком случае, на английский язык, считающийся в экономической науке международным, знаменитые «Основания...» были переведены лишь через 80 лет после их написания[2].

Особенности методологии

«Основания...» К. Менгера, вдохновившие его последователей в Венском университете на дальнейшие научные изыскания в соответствии с «новыми» методологическими принципами «учителя», способствовали в конечном счете тому, что на всем протяжении первого этапа «маржинальной революции» из трех общеизвестных родоначальников маржинальной экономической теории наибольшее признание имел именно он — основоположник австрийской школы. Связано это с тем, что в отличие от методологии У. Джевонса и Л. Вальраса *менгеровская методология исследования сохранила отдельные ключевые позиции методологии «классиков»*. Это, во-первых, *отсутствие в экономическом анализе средств математики и геометрических иллюстраций*. Во-вторых, *использование принципа исходной (базовой) категории, которой считается стоимость (ценность)* с той только разницей, что последняя, по Менгеру, должна определяться хотя и по каузальному принципу, но не в связи с измерением издержек производства (или затрат труда), а *в связи с*

субъективной характеристикой — предельной полезностью. И в-третьих, вновь в отличие от «классиков» К. Менгер *считает первичной не сферу производства, а сферу обращения, т.е. потребление, спрос.*

Главным элементом в методологическом инструментарии К. Менгера является микроэкономический анализ или индивидуализм, позволивший, с одной стороны, противопоставить учению «классиков» об экономических отношениях между классами общества анализ экономических отношений и показателей *на уровне отдельного хозяйствующего субъекта* (по терминологии К. Менгера — *«хозяйство Робинзона»*), но, с другой — увлечься предвзятым положением о том, что якобы выявить и решить экономические проблемы возможно, рассматривая их только *на уровне индивида, на микроуровне* с учетом феномена собственности и обусловленного относительной редкостью благ человеческого эгоизма.

Методологические проблемы пронизывают, если так можно выразиться, почти всю содержательную часть «Оснований...», хотя исключительно на них К. Менгер сосредоточивается только в первых двух главах книги. А далее, начиная с третьей и до последней, восьмой, главы работы он переходит непосредственно к теоретическим положениям политической экономии, в том числе к таким, как «ценность», «обмен», «товар», «деньги» и др. Причем во втором разделе третьей главы К. Менгер настраивает читателя на терпеливое и вдумчивое осмысление его достаточно объемного сочинения, заявив так: «Но по примеру Адама Смита я отваживаюсь все-таки быть несколько скучным, если от этого выиграет ясность изложения»[3].

Концепция экономических благ и их комплементарности

Продолжая разговор о «новых» методологических и теоретических построениях К. Менгера в «Основаниях...», следует отметить, что они «вводятся» им почти в стиле ведущих представителей классической политической экономии. В частности, он говорит о том, что, «как во всех других науках, так и в нашей» необходимо «объекты нашего научного наблюдения» исследовать через *«...их причинную связь и законы, которыми они управляются»*[4]. Однако внешняя схожесть менгеровской терминологии с «классической», склонность к рассмотрению «причинной связи и законов» направили научные поиски К. Менгера по совершенно непроторенному пути, что видно из проблематики уже самой первой главы «Оснований...», где речь идет *о делении экономических благ на порядки* и обосновывается *принцип комплементарности (дополняемости) производительных благ.*

Что же означают менгеровские «блага первого порядка» и «блага отдаленных порядков»? В чем содержание превращения «блага высшего порядка» в «блага низшего порядка»? Вполне исчерпы-

вающий ответ на эти вопросы очевиден из следующего высказывания самого автора «Оснований...»: «Если мы располагаем *комплементарными благами какого-либо высшего порядка,* то сперва эти блага должны быть преобразованы *в блага ближайшего низшего* и так далее, *пока мы не получим блага первого порядка,* которые можно уже непосредственно применить к удовлетворению наших потребностей. *Промежутки времени,* лежащие между отдельными фазами этого процесса... *все же вполне исчезнуть не могут»* (курсив мой.— *Я.Я.*)[5]. Итак, по Менгеру, *непосредственное удовлетворение потребностей человека обеспечивает распоряжение благом первого порядка, а обладание благами второго, третьего и более отдаленных порядков требует, чтобы их «опосредованным образом» можно было бы «применить к удовлетворению наших потребностей».* При этом ценно замечание ученого о том, что «мы ни в коем случае не в состоянии употребить единичное благо высшего порядка на удовлетворение наших потребностей, если в то же время не располагаем остальными (комплементарными) благами высшего порядка», поскольку не имея, например, «в своем распоряжении... для производства хлеба... блага второго порядка (без топлива и воды. — *Я.Я.*)... хлеб не может быть изготовлен даже при наличии... всех остальных необходимых для этого благ» [6].

Существенно и то отличие, которое К. Менгер отмечает по поводу обладания субъектом благами высшего и низшего порядков. В этой связи автор «Оснований...» аргументирует положение о том, что блага высшего порядка становятся употребимыми в соответствии с «законами причинности» и «лишь по истечении промежутка времени», подвергаясь «изменению», превращаются в блага первого порядка, т.е. в состояние, которое можно назвать удовлетворением человеческих потребностей. *Блага высшего порядка*, продолжает К. Менгер, *выступают в качестве «средств для производства»,* и отсюда «вытекает закон, по которому действительная надобность в отдельных благах высшего порядка по отношению к определенным промежуткам времени обусловлена наличием в нашем распоряжении комплементарных количеств соответственных благ высшего порядка» [7].

Наконец, с точки зрения методологии небезынтересно мнение К. Менгера о том, что является *«критерием экономического характера благ».* Этим критерием, пишет он, не может быть «затраченный на благо труд», так как *«его нужно искать исключительно в отношении между надобностью в благах и количеством благ, доступным распоряжению»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[8]. В развитие этой позиции ученый уточняет, что если предоставленные природой в распоряжение человека блага превышают потребность в них, то они тогда могли бы сохранить «для потребителей экономический характер,

когда тот, кто обладает властью, устраняет остальных хозяйствующих субъектов от свободного распоряжения ими» [9].

Теория стоимости («вменения»)

В третьей главе «Оснований...», *разрабатывая теорию стоимости (ценности), определяемую предельной полезностью,* К. Менгер как бы заново открыл *«законы Госсена»*. Он убежден, что ценность экономических благ выявляется человеком в процессе удовлетворения потребностей, т.е. тогда, когда он сознает зависимость от их наличия в своем распоряжении; соответственно не имеют для человека никакой ценности, в том числе потребительной, только неэкономические блага. Кроме того, поясняет, что «ценность не есть нечто присущее благам, не свойство их, но, наоборот, лишь то значение, которое мы прежде всего придаем удовлетворению наших потребностей...»[10]. Чтобы подтвердить такого рода суждение, К. Менгер приводит пример оазиса, где вода из источника, покрывающая все потребности людей в ней, не имеет ценности и, наоборот, — вода приобретает для жителей оазиса ценность, когда внезапно поступление воды из источника сократится настолько, что распоряжение определенным количеством воды станет необходимым условием для удовлетворения конкретной потребности жителя оазиса.

В итоге возникает менгеровская субъективистская трактовка ценности, ставшая впоследствии общей исходной позицией австрийской школы, а именно: *«Ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и поэтому вне их сознания не существует»*[11]. Но какова мера ценности, если она не существует вне сознания? Ответ К. Менгера лаконичен: «Ценность субъективна не только по своему существу, но и по своей мере»[12].

Таким образом, автор «Оснований...» посягнул на святая святых классической политической экономии — трудовую теорию стоимости (ценности). По его мнению, «затраты труда и его количества или других благ на производство того блага, о ценности которого идет речь, не находятся в необходимой и непосредственной связи с величиной ценности»[13]. Причем и здесь К. Менгер использует «доказательство», обращаясь к примеру о ценности бриллианта и давая комментарий, суть которого такова: величина ценности этого минерала не зависит от того, нашли ли его «случайно» или он «добыт из месторождений путем затраты тысячи рабочих дней», так как определяющим моментом «при обсуждении его ценности» считается то количество «услуг», которого можно лишиться, не будь его в нашем распоряжении. Но наряду с этим «несостоятельно и то мнение, — заключает ученый, — что количество труда или

прочих предметов производства, необходимое для воспроизводства благ, является моментом, определяющим меру ценности благ»[14].

Между тем предложенная К. Менгером и поддержанная его учениками теория стоимости (ценности) так же, как и аналогичная теория «классиков», представляет собой *тупиковый вариант определения истинной цены* товаров (благ). Ведь фактически по данной теории австрийской школы, получившей название *«теории вменения»,* предполагается, что *доля стоимости (ценности) блага «первого порядка» вменяется благам «последующих порядков», использованным при его изготовлении.* В основе этой версии лежит тезис автора «Оснований...», в соответствии с которым «при всех условиях ценность благ высшего порядка определяется предполагаемой ценностью благ низшего порядка, на производство которых они предназначаются или предположительно предназначаются людьми»[15]. Другими словами, менгеровская «предполагаемая ценность продукта» является «принципом» определения величины ценности «благ высшего порядка».

Блага высшего порядка рассматриваются К. Менгером в качестве неизбежной предпосылки производства благ. Причем *к их числу он предлагает относить не только совокупность сырых материалов, труд, используемые участки земли, машины, инструменты и пр., но и «пользование капиталом и деятельность предпринимателя».* Далее следует серьезное замечание ученого о том, что «не строго только определенные количества отдельных благ высшего порядка вступают в соединение в процессе производства друг с другом, как это бывает при химических реакциях... Наоборот, самый элементарный опыт учит нас, — заключает он, — что блага высшего порядка могут произвести определенное количество какого-нибудь блага низшего порядка, находясь в самых разнообразных количественных отношениях друг к другу...»[16]. Следовательно, *распоряжение благами низшего порядка, требующими комплементарных количеств благ высшего порядка, в реальной действительности не сопряжено с жесткой регламентацией.*

Концепция оплаты труда и обмена

К. Менгер считает ошибочным ставить в вину «социальному строю» возникающую якобы *«возможность... отнимать у рабочих часть продукта труда».* Он пишет, что труд представляет собой только один элемент производственного процесса, который «является не в большей степени экономическим благом, чем элементы производства». Поэтому, по его мнению, владельцы капитала и земли живут не за счет рабочих, а «за счет пользования землей и капиталом, которое для индивида и общества имеет ценность так же точно, как и труд»[17].

Автор «Оснований...» подвергает серьезной критике и теорию заработной платы классиков, по которой цена простого труда тяготеет к минимуму, но она при этом должна «прокормить» рабочего и его семью, «иначе, — отмечает К. Менгер, — представление его (рабочего. — *Я.Я.*) в распоряжение общества не будет продолжительным...»[18]. По мнению лидера австрийской школы, такой подход неправомерен, поскольку *идея о заработной плате как источнике «для поддержания жизни» будет всегда приводить к увеличению числа работников и снижению цены труда до прежнего (минимального) уровня.* Поэтому во избежание регулирования цены простого труда по принципу минимума средств существования им *рекомендуется сведение более высокой цены остальных видов труда на затрату капитала, на ренту с таланта* и т.д.[19]

Проблематике *обмена* К. Менгер посвятил четвертую главу «Оснований...», возвращаясь затем к ней и в последующих главах. *Сущность этой категории сведена* в книге ученого преимущественно *к индивидуальному акту партнеров, результат которого якобы обоюдовыгоден, но не эквивалентен.* По его словам, всякий экономический обмен благ для обменивающихся индивидов означает присоединение к их имуществу нового имущественного объекта, и поэтому *обмен можно сравнить в хозяйственном смысле с продуктивностью промышленной и сельскохозяйственной деятельности*[20]. Вместе с тем *обмен,* по Менгеру, — это *не только выгода, но и экономическая жертва, вызванная меновой операцией, отнимающей «часть экономической пользы, которую можно извлечь из существующего менового отношения»,* что нередко делает невозможной реализацию там, где она была бы еще мыслима[21].

Высоко оценивая место и роль обмена в экономической жизни, глава австрийской школы осудил негативное отношение к занятым в этой сфере людям со стороны представителей классической политической экономии, особенно американца Г. Ч. Кэри. «Если Кэри изображает людей торговли хозяйственными паразитами, — пишет К. Менгер, — потому что они берут себе некоторую часть выгоды, являющейся результатом реализации находящегося налицо случая экономического обмена, то это основано на его ложных представлениях о продуктивности обмена»[22]. *Все, кто способствует обмену, т.е. экономическим меновым операциям,* продолжает автор «Оснований...», *являются такими же производителями, как земледельцы и фабриканты, ибо цель всякого хозяйства состоит не в физическом увеличении количества благ, а в возможно более полном удовлетворении человеческих потребностей*[23].

В попытке предостеречь от представления о том, что величина цен на товары «есть существенный момент обмена» и что количества благ в акте обмена являются «эквивалентами», К. Менгер

утверждает: «...исследователи в области явлений цены напрягали свои усилия для решения проблемы сведения предполагаемого равенства между двумя количествами благ к его причинам, и одни искали эти причины в затрате одинакового количества труда на данные блага, другие — в равных издержках производства, возникал даже спор о том, отдаются ли блага в обмен одно на другое, потому что они — эквивалентны, или блага потому эквивалентны, что в акте мены отдаются одно за другое, тогда как *в действительности нигде не бывает равенства в ценности двух количеств благ (равенства в объективном смысле)*» (курсив мой. — *Я.Я.*)[24].

§ 2. Экономические воззрения О. Бём-Баверка и Ф. Визера

Прежде чем перейти к освещению научного вклада в австрийскую школу продолжателей учения К. Менгера — О. Бём-Баверка и Ф. Визера, представляется уместным привести небесспорное, хотя и нелицеприятное для главы этой школы высказывание М. Блауга, в котором говорится: «...можно найти значительно больше оснований, чтобы увязать Джевонса и Вальраса скорее с Госсеном, нежели с Менгером, и единственный довод в пользу стандартной версии состоит в том, что *к имени Менгера непрерывно взывали его ученики — Визер и Бём-Баверк, каждый из которых был полон решимости убедить своих коллег в том, что экономическая теория австрийской школы есть фрукт особого сорта*» (курсив мой. — *Я.Я.*)[25].

Ойген фон Бём-Баверк (1851—1914). Принадлежность к дворянскому роду, дружба с детства с Ф.Визером и совместная с ним учеба в университетах Германии и на юридическом факультете Венского университета, а затем увлечение и пристрастие к экономическим воззрениям К.Менгера (правда, его лекции слушать им не довелось) — вот некоторые начальные штрихи к биографическому портрету О. Бём-Баверка.

Однако в отличие от К. Менгера и Ф. Визера период сугубо преподавательской деятельности у О. Бём-Баверка был не столь продолжительным, хотя и чрезвычайно продуктивным. Он занял всего одно десятилетие (с 1880 по 1889 г.), когда, работая приват-доцентом политической экономии в Венском (1880) и профессором в Инсбрукском (1881—1889) университетах, О. Бём-Баверк подготовил диссертацию на тему «Права и отношения с точки зрения учения о народохозяйственных благах» (1881), издал с интервалом в пять лет первую (1884) и вторую (1889) части книги под названиями соответственно «Капитал и прибыль» и «Позитивная теория капитала», а в промежутке между публикацией ее частей — еще одну работу «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1886)[26].

И только одна из его крупных работ «К завершению марксистской системы» вышла в свет спустя год после прекращения преподавательской работы, т.е. в 1890 г. С 1905 г. он являлся профессором Венского университета.

Значительный период жизни О. Бём-Баверка был охвачен службой в ряде высших государственных инстанций Австрии: он трижды удостаивается поста министра финансов; назначается председателем Верховного апелляционного суда и президентом Академии наук; получает статус пожизненного члена верхней палаты парламента.

Имя этого ученого, практика и государственного деятеля широко известно мировой экономической науке прежде всего тем, что он в составе знаменитой триады австрийской школы продолжил во многом небезуспешный «поиск» *решения проблемы ценообразования на факторы производства «без математики»,* сконцентрировав внимание на одной из основополагающих идей своего учителя — *факторе времени превращения благ отдаленного порядка в благо первого порядка.* В сферу исследования в отличие от К. Менгера он включил не только категории индивидуального обмена, но и категории целостного рынка, в том числе такие звенья, как производство и распределение. При этом нельзя, конечно, отрицать, что даже в своей нашумевшей *«теории ожидания»* О. Бём-Баверк целиком опирается на характерные для австрийской школы принципы субъективизма, *выдвинув в рамках этой теории положение о происхождении процента на капитал как о процессе ожидания, т.е. когда «будущее благо» превратится в «настоящее благо».*

Теория стоимости

В упомянутых «Основах...» О. Бём-Баверком поставлена одна главная задача — обосновать *«закон величины ценности вещи»,* и для ее решения обозначена нематематическая *«простейшая формула»* в следующей трактовке автора: *«Ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[27]. В соответствии с обозначенной «простейшей формулой» возможно, по мнению ученого, полагать, что *величина ценности материального блага определяется важностью конкретной (или частичной) потребности, занимающей последнее место в ряду потребностей, удовлетворяемых имеющимся запасом материальных благ данного рода.* Поэтому *основой ценности*, заключает О. Бём-Баверк, *служит не наибольшая или средняя, а наименьшая польза*, позволяющая в конкретных хозяйственных условиях употреблять эту вещь рациональным образом, и «мы принимаем за мерило ценности наименьшую пользу, ради получения которой представляется еще выгодным с хозяйственной точки зрения употреблять данную вещь» [28].

Затем следует пример, ставший в буквальном смысле слова хрестоматийным. В нем речь идет *об одиноком поселенце,* избушка которого изолирована от остального мира первобытным лесом, и о том, *как этот поселенец рассчитывает употребить запас собранного со своего поля хлеба в количестве пяти мешков.* Расчет поселенца таков: первый мешок ему необходим, «чтобы не умереть с голода до следующей жатвы» ; второй — чтобы «улучшить свое питание настолько, чтобы сохранить свое здоровье и силы» ; третий — чтобы «к хлебной пище прибавить несколько мясной пищи... он предназначается для откармливания птицы»; четвертый — «должен пойти... на приготовление хлебной водки»; пятый — чтобы «употребить его на корм для нескольких штук попугаев, болтовню которых ему нравится слушать» [29].

Резюме О. Бём-Баверка по этому примеру почти такое же, как у его учителя К. Менгера, — чем больше в наличии однородных материальных благ, тем меньше «при прочих равных условиях» ценность отдельной их единицы, и наоборот. Но важно при этом уточнение автора «Основ...» о том, что обладание пятью мешками не означает возможность удовлетворить сумму равнозначных потребностей, поскольку «удовольствие держать попугаев + употребление хлебной водки + употребление мясной пищи + сохранение здоровья + поддержание жизни — сумма, которая не в пять раз, а бесконечно больше удовольствия держать попугаев» [30]. Кроме того, здесь, вероятно, уместна еще одна обобщающая фраза ученого: «Простой человек применял учение о предельной пользе на практике гораздо раньше, чем формулировала это учение политическая экономия» [31].

Подобно К. Менгеру, О. Бём-Баверк характеризует цену товара как следствие субъективных оценок материальных благ участниками обмена, т.е. он убежден, что и ценность, и цены возникают посредством субъективных оценок готовых продуктов их потребителями. Причем спрос на эти продукты обусловлен, на его взгляд, также субъективными оценками этих продуктов. Одновременно, подчеркивая бескомпромиссность своей позиции, автор «Основ...» заявляет: «Дуалистическое объяснение явлений ценности и цены двумя различными принципами «пользы» и «издержек производства» представляется и ненужным и неудовлетворительным» [32].

Теория ожидания

Центральная идея *«теории ожидания»* — возникновение прибыли (процента) на капитал — была вкратце изложена О. Бём-Баверком еще в «Основах...». Там, в частности, говорится, что в связи с продолжительностью времени, в течение которого производительные средства, т.е. материальные блага более отдаленного порядка,

превращаются в ее продукт, *возникает разница в ценности этих средств и продукта и что «величина этой разницы в ценностях бывает то больше, то меньше, смотря по продолжительности периода времени...»*. Отсюда ученым делается главный вывод: «Эта-то разница и представляет собой ту складку, в которой скрывается прибыль на капитал» [33].

Однако целостная «Теория ожидания» О. Бём-Баверка, разработанная в книге «Позитивная теория капитала», несмотря на свою субъективную основу, содержит немало «острых» положений. Под их влиянием, как выразился Дж. Хикс в своей книге «Стоимость и капитал» (М.: Прогресс, 1988), всякий, «кто занимается изучением капитала, рано или поздно становится жертвой теории Бём-Баверка», но затем «большинство исследователей в конце концов отказываются от этой теории, даже если им нечем ее заменить». Эта теория привлекает читателя формальной идеей отказа происхождения процента на капитал благодаря производительности последнего. По версии ее автора, *рабочие в отличие от капиталистов недооценивают свое будущее,* не стремясь к ожиданию плодов своего труда. *Капиталисты,* напротив, *предпочитают* ***«окольные», а не «прямые методы» производства***, требующие сравнительно большего времени, в течение которого прирост совокупного продукта от воздействия «первичных» факторов производства уменьшается. Поэтому, по Бём-Баверку, *чем больше «капитализирована» экономика, т.е. чем выше степень «окольности», тем ниже норма прироста продукции и соответственно норма процента, так как ее определение рассматривается им как результат обмена труда на предметы потребления.*

Итак, О. Бём-Баверк, отрицая «теорию воздержания» Н. Сениора, подобно К. Марксу, как бы признает возникновение «прибавочной ценности» в процессе переноса капиталом (как произведенного средства производства) своей ценности на продукт, но в отличие от него обращается к другой, хотя также мнимой причине «самовозрастания стоимости», а именно ко времени, в течение которого оборачивается капитал. Более того, в отличие от К. Маркса О. Бём-Баверк утверждает, что *процент на капитал являет собой общеэкономическую категорию,* которая возникает не только при капитализме, но там и тогда, где и когда имеет место обмен товарами текущего и будущего потребления.

Таким образом, по Бём-Баверку, в отличие от К. Маркса не неопределенность денежной «стоимости рабочей силы» создает «прибавочную стоимость» с участием при этом капитала, а, наоборот, специфический ресурс «капитал», который участвует в процессе производства во времени, не поддается точному денежному измерению, и поэтому *в зависимости от размера капитала и продолжительности производственного процесса складывается боль-*

ший или меньший процент на капитал как заслуга тому, кто позволяет себе подобное «ожидание».

Чтобы доказать свою «версию», О. Бём-Баверк рассматривает ситуацию выпуска продукции при фиксированных параметрах количества труда и оборотного капитала (имея в виду питание, одежду и другие предметы потребления для рабочих) и при средней продолжительности «периода производства» (так как реальная структура производственных фондов неодинакова). Но при этом очевидны не только ***статический подход исследования***, но и *ошибочное допущение неотвратимости удлинения среднего периода производства в результате перманентного внедрения достижений научно-технического прогресса со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.*

Тем не менее О. Бём-Баверк верен субъективизму, заявляя о существовании трех независимых «причин» или «оснований», которые склоняют людей выразить готовность приобрести блага именно сегодня, а не завтра, из-за чего в конечном счете и создается процент на капитал. Первую он связывает с существованием в обществе всегда малообеспеченных людей, одни из которых надеются на обогащение, а другие нет, но в целом и те и другие сегодняшние блага предпочитают будущим. Вторая причина распространяется на ту часть общества, которая, на его взгляд, имеет недостаточно воли, воображения и веры, чтобы предпочесть не настоящие блага, а будущие. И согласно третьей причине, людям свойственно стремление к «окольному» производству сегодня, чем к «непосредственному» производству в будущем, к надежде получить больше продукта (соответственно выгоды) теперь же, тем более что, по его мысли, отдача в дальнейшие периоды производства будет якобы снижаться.

Одно из критических осмыслений теории ожидания О. Бём-Баверка заслуженно связывают с именем Ф. Хайека, доказавшего в отличие от своего соотечественника, что в течение экономического цикла в фазе подъема период производства имеет тенденцию к сокращению, а в фазе спада — к увеличению. В экономической литературе подобного рода эффект именуют обычно «эффектом гармошки», как предложил его назвать Н. Калдор, хотя сам Ф. Хайек называл его «эффектом Рикардо», указывая на ссылку последнего на общий рост денежной платы как на следствие замещения труда машинами.

Фридрих фон Визер (1851—1926). Не менее именитый представитель австрийской школы, один из ближайших сподвижников К. Менгера барон Ф. Визер, получив университетское образование, почти целиком посвятил себя научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Государственная служба заняла в его биографии незначительный промежуток времени, когда в 1917—1918 гг. ему довелось быть министром торговли (коммерции) Авст-

ро-Венгрии. Как и О. Бём-Баверк, он был удостоен чести пожизненного членства в верхней палате парламента.

Ф. Визер пропагандировал, совершенствовал и популяризировал учение австрийской школы во всех своих публикациях, включая следующие: «О происхождении и основных законах экономической ценности» (1884), «Естественная ценность» (1899) и «Теория общественного хозяйства» (1914). К заметным заслугам ученого на поприще экономической науки следует отнести «внедрение» в научный оборот и соответственно в сокровищницу школы терминов *«законы Госсена», «предельная полезность», «вменение»*. Примечательно также, что *субъективное восприятие ценности, цены, издержек производства и прибыли, приоритетное отношение к микроэкономическому анализу, неприятие математических методов решения экономических проблем* и другие теоретико-методологические позиции менгеровского учения Ф. Визер воплощал в жизнь с профессорской кафедры на протяжении 42 лет (1884—1926): вначале (1884—1902) в Праге, а затем (1903—1926) на унаследованной им кафедре К. Менгера в Вене.

Особенности теоретических позиций

Знакомясь с творческими достижениями Ф. Визера, во избежание повторений общих положений, позиций и суждений с его коллегами — единомышленниками по австрийской школе, обратим здесь внимание на те из них, которые содержат несовпадающие идеи либо встречаются только у него.

В числе подобных моментов правомерно выделить предлагаемый Ф. Визером *способ определения суммарной полезности*. Как мы видели выше, О. Бём-Баверк в примере с пятью мешками хлеба о их суммарной полезности говорит, что она «не в пять раз, а бесконечно больше удовольствия держать попугаев». Тем самым этот ученый дает понять, что каждый из пяти мешков имеет различную предельную полезность.

Иначе говоря, О. Бём-Баверк характеризует суммарную полезность посредством так называемого *аддитивного способа*.

По мнению Ф. Визера, этот способ неприемлем. Им предлагается простое умножение предельной полезности блага на количество однородных благ, что принято называть *мультипликативным способом* определения суммарной полезности. Его аргументация в пользу названного способа такова: «...основной закон исчисления пользы гласит, что все единицы запаса (части, штуки) оцениваются соразмерно предельной полезности. Этот закон мы будем называть *законом предельной полезности,* или, еще короче, *предельным законом*. Из предельного закона вытекает следствие, что *каждый делимый запас экономически оценивается путем умножения предельной*

полезности на количество единиц запаса (частей, штук)... Это не новый закон, а только другая формулировка предельного закона...» (курсив мой. — *Я.Я.*)[34].

Еще одним неординарным моментом в творчестве Ф. Визера является исследование чрезвычайно важной проблематики в рамках его же *«теории вменения дохода»*. Основное внимание в связи с этой проблематикой уделяется им *характеристике категорий «частная собственность» и «частная организация хозяйства»*. Ф. Визер приходит к заключению, что *смысл частной собственности определяется логикой хозяйствования.* При этом в качестве трех аргументов в пользу такого суждения называются: необходимость бережного отношения к расходованию хозяйственных благ с тем, чтобы сохранять свою собственность от других претендентов; важность вопроса о «моем» и «твоем»; правовые гарантии для хозяйственного использования собственности.

Ф. Визер отмечает, что *задача вменения всегда сводится лишь к тому, чтобы из множества причин выделить решающие с точки зрения поставленной цели и поэтому практически значимые.* В частности, в отношении к производству, поясняет он, применение вменения гарантирует достижение его целей. И далее следует вывод: *«Являясь актом распределения дохода по факторам, вменение есть не что иное, как акт исчисления полезности.* До сих пор мы исследовали исчисление полезности... при упрощенном допущении... *в теории вменения мы исследуем законы исчисления полезности для более сложного случая, когда средства производства выполняют свои функции во взаимодействии»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[35].

Частную собственность Ф. Визер рассматривает в тесной взаимосвязи с проблемой *частной организации хозяйства.* По его мысли, *частный хозяйственный порядок — единственная исторически оправдавшаяся форма крупного общественного экономического союза, опытом столетий доказавшая более успешное благодаря ей общественное взаимодействие, чем при всеобщем подчинении по приказу.*

Признавая правомерность только частной экономики, он полагает, что общество не должно отклонять и право частного владения, в противном случае «очень скоро государство стало бы единственным владельцем всех средств производства, что, однако, ни в коем случае не должно произойти, поскольку оно не в состоянии управлять этими *средствами производства так же эффективно, как это делают частные лица»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[36]. При этом ученый резко критикует противников частной собственности.

В связи с этим нелишне привести два критических высказывания Ф.Визера, адресованные, очевидно, не столько К. Марксу и Ф. Энгельсу, сколько ко всем тем, кто не приемлет частную организацию хозяйства. Одно из них звучит так: ***«Карл Маркс неверно понимал***

смысл хозяйствования не только ***потому, что он хотел вывести его из одного только труда***, но также ***и потому, что он не видел взаимосвязи, существующей между смыслом хозяйствования и властью капитала в силу происхождения последней»*** (выделено мною. — *Я.Я.*)[37].

Второе — это по сути реакция на толкование Ф. Энгельсом положения о «естественном законе», который (закон) покоится «на том, что участники здесь действуют бессознательно» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 85). Оно гласит следующее: «И даже враги существующего порядка должны знать, что любая власть, которая вырастает в экономике, может вырасти только потому, что она помогает экономике реализовать ее логику...»[38].

Что же касается «социалистических лозунгов» о том, чтобы земля и капитал в качестве вспомогательных средств труда перестали находиться в частной собственности и принадлежали «рабочим, организованным в общественном масштабе», и чтобы доли дохода, приносимые этими факторами, не доставались «нерабочим в качестве личного дохода», то все равно потребуется, утверждает Ф. Визер, чтобы эти доли точно рассчитывались» и в социалистической экономике, если эта экономика будет регулироваться планомерно». Он также убежден, что теоретическая защита частной собственности «вряд ли имела бы какие-либо шансы на успех», если бы подтвердилось положение о том, что весь доход создается трудом, а «то, что буржуазная экономическая наука все же не уделяла этой проблеме достаточного внимания, объясняется тем, что крупнейшие теоретики буржуазной экономической науки, классики склонились к трудовой теории»[39].

§ 3. Маржинальные концепции У. Джевонса и Л. Вальраса

Уильям Стенли Джевонс (1835—1882) в Лондонском университете изучал химию и математику, но, завершая его, увлекся политической экономией. В 1863 г. был принят для преподавания политической экономии в колледж в Манчестере, где спустя несколько лет издал свои главные работы, в их числе «Теория политической экономии» (1871) и «Принципы науки» (1874). Последние годы своей непродолжительной жизни (с 1876 по 1880 г.) работал в должности профессора политической экономии в Лондонском университете.

Особенности методологических и теоретических позиций

Субъективизм маржинальных идей в трудах У. Джевонса очевиден из следующего.

Во-первых, *максимальное удовлетворение потребностей при минимуме усилий* является, на его взгляд, сугубо экономической зада-

чей, не связанной с политическими, моральными и другими факторами. При этом приоритетное значение придавалось им проблематике полезности, т.е. потребления и спроса, о чем свидетельствует, в частности, его трактовка *главной задачи экономической науки*: «Дан определенный уровень населения с различными потребностями и производственными возможностями, обладающего определенным количеством земли и других материальных ресурсов; требуется найти способ приложения его труда, который будет максимизировать полезность произведенного» [40].

Во-вторых, рассматривая полезность и ценность по функциональной зависимости, У. Джевонс считал, что цена товара функционально зависит от предельной полезности, а последняя в свою очередь зависит от товарных цен, обусловленных издержками производства. Это значит, что он *не принимал самостоятельного значения издержек и предельной полезности,* как это затем «открыли» А. Маршалл и В. Парето.

И в-третьих, У. Джевонс разделял положение «классиков» о совершенной конкуренции, позволяющей продавцам и покупателям иметь доступ друг к другу и обладать полной взаимной информацией. Отсюда он пришел к заключению, что субъекты рынка обеспечивают *получение человеком такой комбинации товаров, которая в наибольшей степени удовлетворяет его потребности*. В этом свидетельство постижения им принципов предельного анализа («законов Госсена») и основание считать его одним из родоначальников маржинализма.

Меньшая популярность вплоть до конца XIX в. трудов У. Джевонса (равно как и Л. Вальраса) была вызвана главным образом *математической формой самовыражения,* которая все еще не воспринималась читателями, не желавшими как бы по инерции находить ответы по социальной проблематике в математических уравнениях и прочих средствах математики. Вместе с тем ни тот, ни другой (и, конечно, К. Менгер) не «вторгались» с помощью математических средств маржинализма в сферу производства, в том числе никто из них *не строил ни кривых спроса, ни кривых предложения,* хотя У. Джевонс был к этому, казалось бы, ближе других, учитывая возможность, которую давали ему построения кривых издержек производства.

У. Джевонс оказался в числе тех ученых, которые находились под влиянием утилитаристских идей английского философа Иеремии Бентама, интерес к которым возродился еще в середине XIX столетия. Он полагал, что его (Бентама) убеждение об исчислении наслаждений и страданий возможно приложить к экономическому подходу в осмыслении человеческого поведения. Поэтому представляется, что высказывание У. Джевонса о том, что Д. Рикардо «перевел поезд экономической науки на ложный путь», явилось бентамовской ре-

акцией на классовую позицию своего соотечественника. Кроме того, его утверждение — «все товары в результате обмена распределяются таким образом, чтобы доставить максимум выгоды» — почти созвучно основному постулату И. Бентама: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, *страдания* и *удовольствия*. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны давать... Они управляют нами во всем, что мы делаем, что мы говорим, что мы думаем»[41].

Леон Мати Эспри Вальрас (1834—1910) интерес к экономической теории проявил благодаря отцу, обратившему его внимание на работы О. Курно. В этом также причина отражения в интересовавшей его политической экономии средств математического «языка» (базовым образованием Л. Вальраса была математика).

В 1870 г. он принял предложение из Швейцарии для работы на вновь открытой в Лозаннском университете кафедре политической экономии. Спустя несколько лет в 1874 г. вышел основной труд Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии», который позволяет и его отнести к числу маржиналистов первой волны.

Вместе с тем Л. Вальрас не ограничился характеристикой предельной полезности (считая ее основой ценности товара), формулировкой понятия «функция спроса» и других понятий. Он впервые попытался применить математическую модель для выявления проблем существования равновесия экономической системы и придания этой системе стабильности. Но в отличие от моделей рыночного равновесия О. Курно, У. Джевонса, А. Маршалла и других модель Л. Вальраса характеризует не частное, а общее экономическое равновесие симметричных рынков. Поэтому Л. Вальрас по праву считается *основоположником современного макроэкономического моделирования*. Кроме того, наличие единомышленников и продолжателей его учения превратили имя Л. Вальраса в основоположника лозаннской школы маржинализма.

М. Блауг — английский исследователь истории экономической мысли — обратил внимание на то, что «экономическая теория продолжала оставаться преимущественно англоязычной в течение более 200 лет. Однако «элементы чистой экономической теории» Вальраса, — пишет он, — были впервые переведены на английский язык в 1954 г., что не помешало Вальрасу стать притчей во языцех в английской и американской экономической литературе задолго до этого» [42].

Модель макроэкономического равновесия

Разработанная Л. Вальрасом *модель общего экономического равновесия* отражает взаимосвязь рынков готовой продукции и рынков факторов производства *в условиях рыночного механизма хозяйство-*

вания с совершенной конкуренцией, приводящей к единственному равновесию множества рынков. Она позволяет понять, что определение цен на производимые для рынка продукты и цен факторов производства может быть только одновременным, а не поочередным в том или ином порядке, что частичное *равновесие на определенном количестве рынков не гарантирует общего равновесия для всей экономики с данным количеством рынков.*

В числе допущенных упрощений в уравнениях модели Л. Вальраса имели место: заданные функции предельной полезности, что означало заданное первоначальное количество товаров и услуг, которые реализуются на рынке; заданные функции предельной производительности, что означало допущение идентичных издержек, т.е. их постоянную отдачу; изменения цены прямо зависят от величины превышения спроса над предложением и др.

Возможно, с учетом не только этой специфичности вальрасовского моделирования, но и других моделей иных авторов небезызвестный М. Фридмен заявил: ***«Модель служит логическим воплощением полуправды***: «Ничто не ново под луной»; правила же ее приложения не могут игнорировать столь же важной полуправды: "История никогда не повторяется"» (выделено мною. — *Я.Я.*)[43]. Не лучшим образом оценил «картину системы» Л. Вальраса (как он сам выразился) и Дж. Хикс, сказав следующее: «Очевидно, что *многие экономисты (может быть, даже большинство из тех, кто серьезно занимался изучением работ Вальраса*) *в конце концов ощутили некоторую бесплодность его подхода.* Действительно, сказали бы они, *Вальрас предложил нам картину системы в целом; но это весьма общая картина, и вряд ли она дает что-либо, кроме уверенности в том, что все как-нибудь само собой образуется.* Я полагаю, — продолжает он, — что причина этой бесплодности Вальрасовой системы кроется большей частью в том, что он не дошел до формирования законов изменения его системы общего равновесия. Он мог сформулировать условия, касающиеся цен, установленных с учетом данных ресурсов и данных предпочтений; *но он не объяснил, что случится, если вкусы или ресурсы изменятся»* (выделено мною. — *Я.Я.*)[44].

Между тем вклад Л. Вальраса в историю экономической мысли неправомерно приуменьшать с высот сегодняшних достижений экономической науки. Как говорил некогда Й. Шумпетер, «ни один экономист не может считать свое образование завершенным, пока он не прочтет ее (книгу Л. Вальраса. — *Я.Я.*) до конца» [45]. Он также утверждал, что «Вальрасу мы обязаны концепцией экономической системы и теоретическим аппаратом, которым впервые в истории нашей экономики эффективно охвачена чистая логика взаимосвязей и взаимозависимостей количественных экономических показателей»[46]. Весьма высокую оценку творчеству Л. Вальраса и его по-

следователя В. Парето дал также В. Леонтьев, написав так: «Центральная идея системы взглядов, ныне называемой классической экономической наукой, привлекла внимание двух математиков-инженеров Леона Вальраса и Вильфреда Парето, которые после значительного усовершенствования и уточнения перевели ее на строгий математический язык и назвали «теория общего равновесия». ***Входя в состав неоклассической теории, теория общего равновесия в настоящее время является стержнем экономического образования в США (как для студентов старших курсов, так и для аспирантов)»*** (выделено мною. — *Я.Я.*)[47].

Вопросы и задания для контроля

1. В чем особенности предмета и методологических особенностей в учении К. Менгера?
2. Раскройте суть менгеровского деления благ на блага низшего и высшего порядка по принципу комплементарности (дополняемости).
3. Как характеризует К. Менгер природу возникновения стоимости (ценности) экономических благ? Что лежит в основе его «теории вменения»?
4. Покажите взаимосвязь менгеровских концепций о «хозяйстве Робинзона» и об экономическом обмене.
5. Как О. Бём-Баверк трактует категорию стоимость (ценность) и принцип убывающей полезности исходя из своего примера об одиноком поселенце?
6. Каково содержание «теории ожидания» О. Бём-Баверка? Что он относит к «окольным» и «прямым методам» производства?
7. Сравните теорию «прибавочной стоимости» К. Маркса и «теорию ожидания» О. Бём-Баверка.
8. Почему Ф. Визера можно отнести к представителям субъективного направления экономической мысли?
9. Каковы взгляды Ф. Визера на частную собственность и частное предпринимательство?
10. В чем отличие способа определения суммарной полезности Ф. Визера от способа О. Бём-Баверка?
11. Какие положения У. Джевонса позволяют считать его одним из родоначальников маржинализма?
12. Какова главная заслуга Л. Вальраса в экономической науке?
13. Раскройте особенности модели макроэкономического равновесия Л. Вальраса.

Список рекомендуемой литературы

Бём-Баверк О. Основы теории ценности хозяйственных благ /Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992.

Блауг М. Экономическая мысль в рестроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Визер Ф. Теория общественного хозяйства (фрагменты) /Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992.

Джевонс У.С. Политическая экономия. СПб.: Народная польза, 1905.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Менгер К. Основания политической экономии /Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992.

Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Приложение

НЕМАРЖИНАЛИСТСКИЕ ДВУХКРИТЕРИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ В СОЧИНЕНИЯХ Н.Х. БУНГЕ и Д.И. ПИХНО*

Бунге Н.Х. (1823—1895)

Николай Христианович Бунге родился в 1823 г. в Киеве в семье врача. По окончании в 1845 г. юридического факультета Киевского университета преподавал политэкономию в лицее г. Нежина. В 1847 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Исследование начал торгового законодательства Петра Великого». В 1852 г. удостоен степени доктора политических наук за диссертацию «Теория кредита». В 1850—1869 гг. — профессор политэкономии и статистики, в 1869—1877 гг. — профессор права Киевского университета. В 1859—1862, 1871—1875 и 1878—1880 гг. избирался его ректором, а в другие годы — деканом юридического факультета. В 1860 г. как специалист в области финансового права Н.Х. Бунге был включен в состав Комиссии по крестьянскому делу, готовившей реформу 1861 г. С 1865 г. — управляющий киевской конторой Государственного банка. В 1863—1864 гг. и в 1886—1889 гг. приглашался для преподавания политэкономии и финансов членам царской семьи. В 1880 г. стал товарищем министра финансов, в 1881—1886 гг. был министром финансов, в 1887—1895 гг. председателем Комитета министров. Член-корреспондент АН с 1859 г., почетный член — с 1881 г., ординарный академик — с 1890 г.

На посту министра финансов Н.Х. Бунге пытался осуществить целую систему мер, призванных оздоровить тогдашнюю российскую экономику. При нем была учреждена фабричная инспекция и принято первое фабричное законодательство (1882), изданы правила найма и надзора над предприятиями (1886), снижены выкупные платежи и отменены некоторые налоги на крестьян, был создан государственный Крестьянский поземельный банк (1883). Кроме того, были осуществлены два крупных поворота в экономической политике: государство взяло в свои руки подавляющую часть железных дорог и стало проводить протекционистскую политику в целях защиты и стимулирования национальной промышленности. В результате средний уровень таможенного обложения российского импорта возрос с 14% в 70-х гг. до 33% в 90-х. Н.Х. Бунге пытался теоретически обосновать необходимость восстановления металлического обращения в России в рамках проведения денежной реформы.

Одной из главных заслуг Н. Бунге как министра финансов считается его попытка перейти к взиманию подоходного налога, особенно с

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С. 65—71, 142—149.

наиболее богатых слоев населения. На необходимость введения подоходного налога он впервые указал в докладе, приложенном к бюджету («росписи») на 1884 г. Были проведены меры по переходу к системе взимания подоходного налога, включавшие введение налога на доходы от процентных бумаг, налог на имущество, переходящее к другим владельцам в форме дарений, наследства и т.д. К сожалению, отставка с поста министра не позволила Н. Бунге до конца осуществить намеченные преобразования.

Особенностью проводимых под руководством Н. Бунге реформ была их ярко выраженная социальная направленность, что не могло не встречать отрицательной реакции со стороны определенных кругов в правительстве и тогдашней печати. Развязанная ими кампания против Н. Бунге заставила его в 1886 г. уйти с поста министра финансов. С его отставкой с политической сцены России сходит поколение либеральных деятелей, начинавших свою карьеру в 60-е гг. В последние годы своей жизни (1892—1895) Н. Бунге находился на посту заместителя председателя Комитета Сибирской железной дороги. Умер в 1895 г. в Санкт-Петербурге. Жизни и деятельности Н. Бунге посвящена монография В.Л. Степанова «Н. Х. Бунге: Судьба реформатора» (М., 1998).

Перу Н. Бунге принадлежит ряд работ, пользовавшихся в свое время немалой известностью: «Теория кредита» (Киев, 1852); «Курс статистики» (Киев, 1860); «Бумажные деньги и банковская система Северо-Американских Соединенных Штатов» (Б.м., 1867); «Основания политической экономии» (Киев, 1870); «Банковские законы и банковская политика» (Киев, 1874); «О восстановлении металлического обращения в России» (Киев, 1877); «Государственное счетоводство и финансовая отчетность Англии» (СПб., 1890); «Очерки политико-экономической литературы» (СПб., 1895).

В своей работе «Основания политической экономии» (1870) Н. Бунге писал, что «задача политической экономии состоит в изучении общественной стороны хозяйственных явлений и законов, которым подчинены эти явления» (с. 11). Исходя из этого, он характеризует такие основные, с его точки зрения, понятия политической экономии, как потребности; средства для удовлетворения этих потребностей; производство и производительные силы; разделение и соединение занятий и труда; мена, ценность и цена; доходы; собственность и потребление.

Н. Бунге связывал категорию ценности с понятием оценки хозяйственных благ, складывающейся на рынке в процессе их реализации, что явилось одним из достижений в области учения о ценности. Он писал: «Нет сомнения, что оценка средств сделается предметом научных исследований не только естествоиспытателя и моралиста, но и политико-экономa. В настоящее же время наука... не задается определением относительного значения как самих потребностей, так и средств для их удовлетворения» (с. 20). В последующем объяснение ценности как оценки товаров становится нормой у многих русских экономистов.

Н.Х. Бунге был решительным сторонником теории спроса и предложения. По его мнению, «закон спроса и предложения есть одно из общих положений политической экономии» (с. 14).

«Ценность в мене, выраженная деньгами, называется *ценою* — prix, Preis. Цена установляется в мене *соперничеством*, или отношением между *спросом* покупателей и *предложением* продавцов. Сила спроса зависит от настоятельности потребности, средств и соображений покупщиков; сила предложения — от обилия производства и расчетов продавцов. Возрастание силы спроса действует на возвышение, а возрастание силы предложения на понижение цены произведений» (с. 8).

Критикуя экономистов, которые «не всегда удачно группируют условия, от которых зависит ценность», Н. Бунге писал: «Годность или полезность предмета, его редкость, труд, употребляемый в производстве, трудность приобретения произведения, издержки производства, спрос и предложение или соперничество — рассматриваются часто как причины, которые могут самостоятельно, независимо друг от друга, влиять на ценность, между тем как, в действительности, последняя определяется спросом и предложением, а все другие причины, обусловливающие собой ее величину, входят в условиях или спроса, или предложения» (с. 60—61).

«Условия спроса и предложения суть условия социальные. Определение их в практике и теории требует большой наблюдательности, проницательного ума, знания и даже таланта. Цены — для рынка то же, что температура, указываемая термометром, и насколько легко узнать цены или число градусов тепла или холода, настолько трудно определить с точностью причины того и другого явления — в настоящем случае — уразуметь, какие потребности могут заявить себя в спросе, и определить, что может повлиять на размер предложения. Еще труднее задача, предстоящая обществу и общественной власти. На них лежит обязанность, не нарушая исторического развития и свободы, способствовать такому изменению условий спроса и предложения, которое делало бы удовлетворение потребностей доступным и сообразным с интересами всех и каждого» (с. 68).

Пихно Д.И. (1853—1913)

Дмитрий Иванович Пихно — выпускник юридического факультета Киевского университета Св. Владимира. В 1876 г. получил степень магистра полицейского права. Всю свою творческую жизнь был связан с Киевским университетом, где был профессором и руководителем кафедры политической экономии и статистики. С 1879 г. редактировал ежедневную литературно-политическую газету консервативного направления «Киевлянин», в которой часто выступал с острыми публицистическими статьями по самым актуальным вопросам тогдашней жизни.

В 1906 г. в Киеве была опубликована книга Д.И. Пихно «В осаде: Политические статьи» (528 с.), в которой он день за днем описывал и комментировал события революции 1905 г. В приложении были пред-

ставлены публикации и письма в газету «Киевлянин». Эта книга дает полное представление о политических взглядах Д.И. Пихно, сурово осудившего «освободительное движение», которое «в России выдвинуло на первый план взбудораживание и подстрекательство масс». «Не умиротворение, просвещение, укрепление свободы и охрану личности и собственности предлагали те, которые именуют себя «борцами за свободу», а бунт, отрицание права и захват чужой собственности» (с. 13). Д.И. Пихно признавал недостатки в социально-экономическом развитии России, указывая на необходимость принятия решительных мер против «постоянного зла», каковым является «нашествие на мирных людей грабительских орд «осмелевшего хулиганства», к которому примкнули потерявшие работу рабочие. Среди «органических, предупредительных» мер он прежде всего называет «неизменные меры, кроме которых иных не существует, т.е. укрепление семьи, возвышение влияния церкви, хорошая строго дисциплинированная школа, хорошая дисциплинированная мастерская и дисциплинированная вообще работа и, конечно, порядок и дисциплина во всей общественной и государственной жизни. Все это должно быть не наружное, не показное, а с внутренними силами и авторитетом, с сознанием важности и необходимости» (с. 239).

Одновременно с этим Д.И. Пихно резко осуждал политику тогдашнего правительства С.Ю. Витте не только за его нерешительность, но и за слишком поспешные, непродуманные реформы, не отвечавшие условиям и особенностям России. «Мы чувствовали, как Россия съезжает со своего исторического пути, как неосторожно ставятся величайшие вопросы по шаблону европейского либерализма, легкомысленно обработанного на русский лад, и как масса людей всех классов теряет точки опоры для своих исторических верований и представлений и погружается в туман неустойчивых умозрений и дешевых философствований» (с. 396).

Завершает свою работу Д.И. Пихно словами, которые уместно привести целиком. «Будем верить, что тяжкие удары судьбы выкуют новое русское мировоззрение, а с ним и новые поколения, которые вновь поймут призвание России, ее историческое величие, ее великую будущность и силы ее народа иначе, нежели понимают многие слабые духом современники. Быть может, это новое поколение проснувшихся русских людей не сочтет для себя высокой честью жалко и слепо копировать чужие государственные учреждения, чтобы удостоиться попасть в ранг «европейской культурной страны», а скажет, что Россия давно уже есть великая культурная страна, разнесшая русскую культуру и государственный порядок на такой территории Европы и Азии, на которых поместится несколько Западных Европ. Своеобразная эта культура и много в ней есть прорех, но меньше ли их в той западноевропейской культуре, которую невежественные легкомысленные люди преподносят нам как образец для подражания и идеал? Не с Запада ли получили мы и тех социал-демократов, социал-революционеров, кон-

ституционных демократов и всяких иных «реформаторов», которые в несколько месяцев так обработали Россию. Мы хорошо знаем цену серьезной европейской науки, серьезного европейского искусства, многовековой европейской культуры, но мы точно так же знаем отрицательную цену европейского развращенного политиканства, сомнительного парламентаризма, как и цену тех современных варваров европейских городов и больших фабрик, которые грозят европейской культуре более серьезными испытаниями, чем нашей русской культуре. У нас это заносная и преходящая эпидемия, а в Западной Европе это более застарелая язва. Со своей болезнью мы управимся без европейских отравляющих лекарств, как только вернем себе русский здравый смысл и русское народное сознание и чувство. Но работа предстоит огромная, потому что многое мы растеряли» (с. 398—399).

Д.И. Пихно является автором многочисленных работ и статей по различным проблемам политэкономии и экономической политики. К наиболее значимым экономическим работам следует отнести вышедшую в Киеве в 1886 г. книгу «Закон спроса и предложения. (К теории ценности)» и «Основания политической экономии» (Киев, 1890).

Книга «Закон спроса и предложения» в свое время была наиболее содержательной работой в области разработки закона спроса и предложения. Эта книга (автор называл ее этюдом) была написана как «вступительная глава к другому специальному исследованию о ценности», которое так и не было завершено. Исходные категории спроса и предложения он определял так (курсив по всему тексту принадлежит автору):

«Спросом или действительным спросом называется желание приобрести ценность, соединенное с необходимыми для этого средствами; *предложением или действительным предложением* называется желание отчуждить ценность, соединенное со средствами или с возможностью отчуждения. Спрос есть оценка *приобретателя* (покупщика) ценности; предложение — оценка *отчуждающего* ценность (продавца). Меновая сделка состоится тогда, когда эти две оценки совпадут или при уравнении спроса и предложения. На чем же опирается такое уравнение? Очевидно, здесь не может быть речи о равенстве желаний, потому что *желания* представителей спроса и предложения по существу противоположны и никогда не могут сойтись. Руководясь одинаковым экономическим мотивом, т.е. стремлением удовлетворить потребность с возможно меньшими усилиями, спрашивающие желают приобрести спрашиваемую ценность как можно *дешевле*, т.е. отдать за нее свою как можно *дороже*; предлагающие, наоборот, желают продать свою ценность как можно *дороже*, т.е. получить за нее чужую как можно *дешевле*.

Но уравнение, недостижимое в форме соглашения желаний, легко разрешается как уравнение экономических сил, которыми располагают обе стороны для поддержания своих желаний. Поэтому уравнение спроса и предложения, или отношение спроса к предложению, которое определяет меновую ценность, есть не что иное, как такое сочета-

ние экономических факторов или элементов спроса и предложения, при котором между ними устанавливается баланс, как баланс равных грузов на чашках весов» (с. 9—10).

1) Элементы спроса. Желание покупщика приобрести ценность определяется: а) потребностью в приобретаемой вещи или услуге; б) степенью годности вещи или услуги; в) трудностью их приобретения. **Средства** покупщика зависят от его **платежной способности**.

2) Элементы предложения. Желание или потребность отчуждения зависит: а) от цели производства; б) от физических и экономических свойств отчуждаемого продукта; в) от организации производства; г) от трудностей сбыта.

Средства продавца, которыми он располагает для отчуждения ценности, т.е. для ее производства и сбыта, зависят: а) от его капитальной силы (от размера капитала, которым располагает предприятие); б) количественной производительной силы или размеров производства; в) качественной производительной силы, выражающейся: в качестве продукта и в издержках производства.

3) Отношение между спросом и предложением устанавливается на основании: а) индивидуальной оценки, б) оценки рыночной, которая может быть конкуренционной или монопольной; в) в силу обычая или закона» (с. 11—12).

Относительно роли издержек производства Д. Пихно формулирует следующие положения:

а) «Хотя издержки производства, в качестве одного из самых важных факторов предложения, действительно оказывают существенное влияние на цены, но их нельзя признать ни единственным, ни точным регулятором цен.

б) Размер издержек производства дает только руководящие начала предпринимателю, но не определяет ни средних, ни минимальных цен продукта, предоставляя производителю возможность значительно уклоняться от этой нормы.

в) Такие уклонения возможны потому, что издержки производства в большинстве случаев представляют только условную величину и допускают несколько норм.

г) Высота издержек производства, оказывая влияние на цены, в свою очередь, находится в непосредственной зависимости от цен» (с. 81—82).

Анализ проблем соотношения спроса и предложения Д.И. Пихно продолжил в своей книге «Основания политической экономии» (1890), которая содержит немало новаторских для своего времени положений. По мнению современного российского исследователя Н. Шухова, «Д.И. Пихно во многом предвосхитил теорию спроса и предложения А. Маршалла, книга которого «Принципы экономикс» вышла в том же 1890 г.».

Глава 16. Формирование неоклассического направления экономической мысли как второй этап «маржинальной революции»

Изучив эту главу, вы узнаете:

- какова роль в формировании неоклассической теории лидеров «второй волны» «маржинальной революции»;
- что неоклассики, с одной стороны, остались верными «принципам, завещанным первыми учителями экономической науки», но с другой — не отклонили «от себя хлопоты финалистского характера и вообще всякие хлопоты о цели, подлежащей достижению в области политической экономии, чтобы держаться чистого знания» (Ш. Жид и Ш. Рист);
- как родоначальники неоклассической теории, «ограничив предмет экономической науки... исключили из своей дисциплины... несколько важных идей», в результате чего «экономическая теория осталась без концепции роста или развития» (М. Блауг);
- кому из неоклассиков экономическая наука обязана зарождением методических положений по оптимизации размеров производств (фирм), численности работающих в конкретной хозяйственной структуре, системной оценке совокупности факторов макроэкономического равновесия.

§ 1. Экономическое учение А. Маршалла

Альфред Маршалл (1842—1924) — один из ведущих представителей неоклассической экономической теории, лидер кембриджской школы маржинализма.

В детстве под влиянием отца его готовили к духовной карьере, учитывая, что дед был священником. Из изучаемых предметов более других любил математику, а из увлечений в свободное от учебы время — шахматы.

Не разделяя взгляды отца и заняв у дяди денег, самостоятельно отправился учиться математике в Кембриджский университет, который закончил с отличием и был там оставлен для преподавательской работы. Последняя стала основным занятием его жизни.

Политическую экономию А. Маршалл преподавал с 1868 по 1908 г., в том числе с 1877 по 1885 г. был вынужден (по семейным обстоятельствам) покинуть Кембридж и преподавал в Бристольском и Оксфорд-

ском университетах. С 1902 г. по его инициативе было введено новое изложение этой специальности под названием «экономикс», и тем самым окончательно вытеснено построение курса по учебникам политической экономии классической школы Дж.С. Милля.

Главный труд А. Маршалла — шестикнижие «Принципы экономикс»[1] — издан в 1890 г. и впоследствии постоянно им дополнялся и перерабатывался в восьми вышедших при его жизни изданиях.

Особенности методологии

С точки зрения преемственности идей «классиков» А. Маршалл исследовал экономическую деятельность людей *с позиций «чистой» экономической теории и идеальной модели хозяйствования, возможной благодаря «совершенной конкуренции»*. Но придя через новые маржинальные принципы *к идее равновесия экономики, характеризовал ее лишь как «частную» ситуацию,* т.е. на уровне фирмы, отрасли (микроэкономики). Подобный подход стал определяющим как для созданной им кембриджской школы, так и для большинства неоклассиков конца XIX — первой трети XX в.

Термин «экономикс» А. Маршалл ввел в первой же главе книги I «Принципов экономикс», которая начинается со следующего определения: «Политическая экономия, или экономическая наука (economics), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием материальных основ благосостояния»[2]. Заметим, что автор всемирно известного учебника «Экономикс» П. Самуэльсон, говоря о том, что «само название предмета моей науки — «экономикс» — подразумевает экономию или максимизацию», ссылается именно на «Принципы...» А. Маршалла, полагая, что в них «большое внимание было уделено проблеме оптимального объема производства, при котором чистая прибыль достигает максимума»[3].

В отличие от своих ортодоксальных предшественников, «классиков», А. Маршалл считает *нецелесообразным прибегать к определениям экономических категорий на каузальной основе,* требующей «доказывать» те или иные сущностные разграничения. На его взгляд, судя по предисловию к первому изданию «Принципов...», «в реальной жизни нет четкого разграничения между вещами, которые являются капиталом и не являются им, которые относятся к насущным жизненным средствам и не относятся к ним, так же как между трудом производительным и непроизводительным»[4]. Причем к этой проблеме ученый возвращается и в соответствующих разделах своей работы. В частности, затем в III томе в приложении E, названном «Определение капитала», А. Маршалл еще раз возвращается к характеристике капитала. Здесь он пишет, что «Карл Маркс и его

последователи... откровенно строили свое определение капитала... утверждая, что только то является капиталом, что в качестве средств производства принадлежит одному лицу (или группе лиц) и используется для производства вещей на благо других в целом посредством наемного труда третьих таким образом, чтобы первые имели возможность грабить или эксплуатировать других»[5].

А. Маршалл признает, что в современной ему экономике *«распределение национального дивиденда плохое»*. Но если допустить «равное распределение национального дохода... — пишет он, — доходы народных масс — хотя они, конечно, значительно возрастут *разово* вследствие устранения всех неравенств — и близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказываемому социалистическими ожиданиями золотого века. Однако это осторожное мнение, — заключает ученый, — не означает молчаливого одобрения существующего неравенства богатства... Неравномерность богатства... серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы... было бы, по-видимому, явным общественным достижением»[6].

Теория стоимости

Центральное место в исследованиях А. Маршалла занимает *проблема свободного ценообразования на рынке,* характеризуемом им как единый организм равновесной экономики, состоящий из мобильных и информированных друг о друге хозяйствующих субъектов. *Рыночную цену он рассматривает как результат пересечения цены спроса, определяемой предельной полезностью, и цены предложения, определяемой предельными издержками.* В этой связи упоминаются его знаменитые ***«лезвия ножниц»*** *как образная характеристика двухкритериальной сущности стоимости товара,* выраженная автором «Принципов...» так: «Мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц»[7].

Здесь представляется весьма важным привести два терминологических замечания, принадлежащие соответственно М. Блаугу и А. Маршаллу: 1) «Современные учебники все еще иногда рассказывают о предельной полезности как о полезности последней единицы. Это способно породить неправильное понимание; предельная полезность последней единицы является полезностью любой единицы, так как любая единица может быть последней; утверждать, что предельная полезность есть полезность предельной единицы, означает, что мы можем получить совокупную полезность путем умножения предельной полезности на число потребленных

единиц, что неправильно. Предельная полезность есть полезность последней единицы минус изменение полезности предыдущей и т.д. для каждой из единиц, когда добавляется последняя единица. Таким образом, предельная полезность = $(du/dx)\Delta x$

и совокупная полезность — это интеграл »[8];

2) «...закон не исключает того, что чем более человек слушает хорошую музыку, тем более должно возрастать у него желание ее слушать, или что жадность и честолюбие часто ненасытны, или что и добродетель чистоплотности, и порок пьянства произрастают в среде, которая их питает... Если же мы берем человека таким, каков он есть в данный момент, без учета воздействия времени, изменяющего его характер, предельная полезность вещи для него неуклонно сокращается по мере увеличения ее количества в его распоряжении»[9].

Концепция потребительского «избытка»

А. Маршалл фактически сохранил заимствованную у классиков исходную позицию о совершенной конкуренции, предопределяющую положение о том, что цена задается рынком, а не предприятием. Отсюда, полагая, что каждый человек, приобретая вещь, исходит «из представляющихся ему возможностей, или из складывающейся обстановки, или... из конъюнктуры», он вводит понятие *«потребительский избыток»*. Последнее, на его взгляд, — это «разница между ценой, которую покупатель готов был бы уплатить, лишь бы не обойтись без данной вещи, и той ценой, которую он фактически за нее платит», т.е. «экономическое мерило его добавочного удовлетворения»[10].

Концепция равновесной цены

Одной из важных заслуг А. Маршалла является обобщение положений ранних маржиналистов *о функциональной зависимости таких факторов, как цена, спрос и предложение*. Он показал, в частности, что с понижением цены спрос растет, а с ростом цены — снижается и что в свою очередь с понижением цены предложение падает, а с ростом цены — растет. *Устойчивой или равновесной А. Маршалл считал такую цену, которая установлена в точке равновесия спроса и предложения* (на графике точку пересечения кривых спроса и предложения принято называть *«крестом Маршалла»*). Отсюда, как полагает А. Маршалл, если на рынке цена выше цены равновесия, то предложение превысит спрос и цена станет снижаться и, наоборот, если на рынке цена ниже цены равновесия, то спрос превысит предложение и цена станет повышаться.

Нечто похожее высказывал позднее и Й. Шумпетер, утверждая, что «в народном хозяйстве, где господствует свободная конкуренция, цена блага не может длительное время превышать его издержки, поскольку получаемая от этого прибыль заставит хозяйственных субъектов перенести свою деятельность именно в эту область, в результате чего предложение возрастет и цена вновь понизится до уровня издержек»[11].

Концепция эластичности спроса

В развитие теории «цены спроса» А. Маршалл выдвинул концепцию об *«эластичности спроса»*. Последняя характеризуется им *как показатель зависимости объема спроса от изменения цены*. Он выявил разную степень эластичности спроса товаров в зависимости от структуры потребления, уровня доходов и других факторов, показал, что наименьшая эластичность спроса присуща товарам первой необходимости, но почему-то не признал подобное относительно предметов роскоши. Но, по Маршаллу, существует особая зависимость влияния спроса и предложения на уровень рыночной цены от анализируемого периода. Рассматривая эту взаимосвязь «как общее правило», суть его он поясняет так: «Чем короче рассматриваемый период, тем больше надлежит учитывать в нашем анализе влияние спроса на стоимость (цену. — *Я.Я.*), а чем этот период продолжительнее, тем большее значение приобретает влияние издержек производства (предложения. — *Я.Я.*) на стоимость»[12].

Концепция предельных издержек производства

Исследования в рамках теории *«предельных издержек производства»* позволили А. Маршаллу выявить *закономерности изменения удельных издержек производства при увеличении объемов производства на предприятии*. Это очевидно из главы 13 тома I «Принципов...», в которой лидер кембриджской школы обращается к проблематике возрастания и убывания отдачи от производства при расширении его масштабов. Он, в частности, отмечает, что, как правило, крупный масштаб производства в конкурентной экономике обеспечивает предприятию (фирме) снижение цены товарной продукции и соответственно преимущество перед конкурентами (благодаря постоянно возрастающей экономии от умения работать и от применения специализированных машин и всякого рода оборудования) и что главную выгоду от такой экономии извлекает все же общество.

Затем, чтобы выявить причины подобного рода феномена, в исследование вводится понятие *«репрезентативная фирма»* как разновидность средней фирмы. Размер последней, на его взгляд, обычно увеличивается с возрастанием совокупного объема производства

какого-либо товара, приводя к получению ею и внутренней и внешней выгоды, обусловленной меньшими, чем прежде, затратами труда и других издержек в процессе производства.

Отсюда ученый приходит к выводу о действии *двух экономических законов: возрастающей и постоянной отдачи*. В соответствии с первым «увеличение объема затрат труда и капитала обычно ведет к усовершенствованию организации производства, что повышает эффективность использования труда и капитала... дает пропорционально более высокую отдачу...». По второму закону «увеличение объема затрат труда и других издержек ведет к пропорциональному увеличению объема продукции». Причем, по убеждению исследователя, «в реальной действительности эти две тенденции возрастания и сокращения отдачи постоянно противодействуют друг другу»[13].

Как видим, по мнению А. Маршалла, в условиях конкуренции удельные *издержки с укрупнением производства* либо снижаются, либо развиваются параллельно, но только не опережают темп роста объема продукции. Впоследствии на основе этих суждений микроэкономическая теория выдвинула более достоверные методические решения проблемы оптимизации производства и размеров предприятий. С другой стороны, подразделяя *издержки производства на постоянные и переменные,* А. Маршалл убедительно показал, что *в длительном периоде постоянные издержки становятся переменными*. На его взгляд, основной мотив, вынуждающий фирму покинуть рынок, — это превышение ее издержек уровня рыночной цены.

Концепция процента на капитал и процентной ставки

Процент на капитал, по Маршаллу, проявляет себя как «вознаграждение» тому, кто, обладая материальными ресурсами, ожидает «будущего удовлетворения» от них, равно как *заработную плату,* на его взгляд, следует считать «вознаграждением за труд»[14]. Он решительно не согласен с тем, «что стоимость вещи зависит просто от количества затраченного на ее изготовление труда. Всякая попытка отстаивать указанную посылку, — продолжает ученый, — по необходимости молча подразумевала, что оказываемые капиталом услуги являются «даровым» благом, предоставляемым без всяких жертв и поэтому не нуждающимся в вознаграждении в качестве стимула для дальнейшего его функционирования; это именно тот вывод, который названная посылка стремится доказать»[15].

Наконец, весьма важна мысль автора «Принципов...» *об уровне процентной ставки*. На его взгляд, «хотя с возрастанием масштабов распоряжения человека природными ресурсами он может продолжить делать большие накопления даже при низкой процентной ставке, все же, пока натура человеческая сохраняет свои извечные свой-

ства, каждое сокращение процентной ставки способно побуждать многих людей сберегать меньше, а не больше, чем в противном случае»[16]. А ведь это положение одно из немногих, которое впоследствии его ученик Дж.М. Кейнс взял «на вооружение» в своей концепции макроисследования и государственного регулирования экономики.

§ 2. Экономическое учение Дж.Б. Кларка

Джон Бейтс Кларк (1847—1938) — основатель «американской школы» маржинализма, внесший заметный вклад в формирование неоклассической экономической теории конца XIX в. Он родился в г. Провиденс штата Род-Айленд в США. После окончания Амхертского колледжа (США) учился в европейских университетах Гейдельберга (Германия) и Цюриха (Швейцария), хотя при этом дважды был вынужден прерывать обучение, чтобы помочь вести дела на принадлежавшем семье предприятии. Своим учителем и наставником по политической экономии считал преподававшего в Гейдельберге профессора Карла Книса — одного из родоначальников «исторической школы» Германии.

По возвращении в США Дж.Б. Кларк занимался в основном преподавательской деятельностью, вначале (1872—1895) в качестве профессора экономики в ряде американских колледжей, в том числе в Карлтонском колледже (Миннесота), где среди его студентов был ставший впоследствии крупным ученым-экономистом Т. Веблен, затем (1895—1923) — в том же качестве в Колумбийском университете. Являясь одним из инициаторов создания Американской экономической ассоциации, он стал третьим ее президентом и занимал этот пост в течение 1893—1895 гг.

Сочинения этого ученого, в том числе фундаментальные, были опубликованы в 80—90-х гг. XIX в. Из них наиболее значимы книги «Философия богатства» (1886) и «Распределение богатства» (1899)[17], в которых, особенно в последней, ему удалось углубиться в наиболее популярные в ту пору маржинальные идеи и обозначить неординарные положения и даже, как он называл их, «законы» экономической науки.

Особенности теоретико-методологических позиций

Лучшие его научные достижения необходимо рассматривать в двух аспектах: *методологическом* и *теоретическом*. В первом случае имеется в виду новизна методологии в рамках выдвинутого *учения* о *трех естественных разделах (отделах*) *экономической науки*. Во втором речь идет об обоснованном на микроэкономическом анализе так называемом *законе предельной производительности факторов производства*.

С этой целью в дальнейшем изложении будем обращаться к уже упомянутому «Распределению богатства» Дж.Б. Кларка.

Структура данной работы весьма специфична. В первых двух главах из двадцати шести кратко сформулированы почти все ключевые идеи и трактовки. Из числа основных в несколько упрощенной редакции, но без ущерба содержанию приведем следующие.

1. *«Распределение общественного дохода»* регулируется общественным законом, который «при совершенно свободной конкуренции» может обеспечить каждому фактору производства создаваемую им сумму богатства.

2. *«Богатство»* — это количественно ограниченные источники материального человеческого благосостояния.

3. *«Каждый фактор производства» имеет в общественном продукте ту долю богатства, которую именно он производит.*

4. Разложение всего дохода общества на различные виды дохода (заработная плата, процент и прибыль) непосредственно и целиком является *«предметом экономической науки»*.

5. Названные виды дохода получаются соответственно *«за выполнение работы», «за предоставление капитала»* и *«за координирование заработной платы и процента»*.

6. При определении доходов «со здравым смыслом» *ни один из «классов людей», занятых в производстве, не будет «иметь претензий друг к другу»*.

7. В экономическом смысле производство продукта не закончено до тех пор, пока представители торговли не довели его до покупателя и продажа состоялась, что являет собой *«завершающий акт общественного производства»*[18].

Учение о статике и динамике

Рассмотрим теперь *специфическое* учение Дж.Б. Кларка о разделах экономической науки, включающее в себя положения о ***статике*** и ***динамике*** и соответственно о *статическом и динамическом типах производства*. В нем выдвинута идея о том, что теория, базировавшаяся на старом, сбивающем с толку плане *четырехчленного деления всей науки на производство, распределение, обмен и потребление,* не могла, «как и в случае механики», решить предлагаемую прогрессом проблему всестороннего познания статических законов раньше, чем «законы движения могли быть поняты»[19]. Основной аргумент в пользу этой идеи — возможность в целях теоретического исследования создать в воображении статическое общество, так как *«все естественные общества динамичны»*[20].

Как видим, исключительно теоретически, в исследовательских целях Дж.Б. Кларк считает целесообразным иную, чем предлагали

до него, «границу между естественными отделами экономической науки». В результате появилась новая версия о ее границах, изложенная ученым так: «Мы имеем теперь перед собой границы трех естественных разделов экономической науки. Первый охватывает универсальные явления богатства. Второй включает социально-экономическую статику и говорит о том, что происходит далее с богатством... Третий отдел включает социально-экономическую динамику и говорит о том, что происходит с богатством и благосостоянием общества при том условии, если общество меняет форму и способы деятельности»[21].

По иллюстрации лидера американской школы, воображаемому статическому общественному производству присущ неизменный характер операций, связанных с постоянным выпуском одних и тех же видов благ при прежних технологических процессах, видах орудия и материалов, не позволяющих ни увеличивать, ни уменьшать величину доставляемого производством богатства. Кроме того, добавляет он, *в состоянии социально-статического производства* земля возделывается одними и теми же орудиями и получается один и тот же вид урожая, а на фабриках работают с теми же машинами и материалами, т.е. ничего не меняется в способе производства богатства или, другими словами, *производительный организм сохраняет свою форму неизменной*[22].

Итак, *в состоянии статики* можно констатировать движение как бы в замкнутой системе, что предопределяет равновесность и стабильность экономики. Но что же такое реальные динамические силы и порождающиеся ими в экономике отклонения и изменения? Что имел в виду исследователь, заявляя, что благодаря действию великих сил экономической динамики «нормальное богатство мира будет больше и естественный уровень заработной платы будет значительно выше в 2000 году, чем теперь»?

Обстоятельные суждения Дж.Б. Кларка в связи с поставленными вопросами мы находим в шестой главе «Распределения богатства». Прежде всего обратим внимание на названные им здесь *общие виды изменений, которые образуют динамические условия, дестабилизирующие экономику*. Их пять: 1) *увеличение населения*; 2) *рост капитала;* 3) *улучшение методов производства;* 4) *изменение форм промышленных предприятий;* 5) *выживание более производительных предприятий вместо устраняемых менее производительных*. Причем каждый вид рекомендуется выделять в качестве фактора, поддерживающего общество в динамическом состоянии и возвещающего о своем наличии воздействием на социальную структуру[23].

В конце главы, расценив исследования Д. Рикардо и его последователей как неосознанную попытку создать статический мир, не позволившую придать их собственной системе законченное и реа-

листическое научное построение, американский профессор излагает предположение о том, что люди еще до окончания XX в. будут знать о последствиях, к которым приводят факторы динамического состояния общества, и произойдет это *благодаря «чистой теории экономической динамики»*[24], позволяющей провести качественный анализ явлений изменчивости и перенести теорию в новую плоскость, расширив во много раз предмет политической экономии.

В развитие методологических идей Дж.Б. Кларка экономическую науку XX столетия в числе других авторов, как известно, «обогатил» и Н. Кондратьев, назвавший одну из лучших своих работ *«Основные проблемы экономической статики и динамики»*. Еще будучи студентом, он написал статью «Основные учения о законах развития общественной жизни» (1914), в которой признавал деление законов общественной жизни на «статические» и «динамические». Полагая, что между последними «нельзя видеть принципиального различия», он заключил: ***«Статика — это застывшая динамика»***[25].

Известно также, что в 1939 г. Й.Шумпетер, назвав полувековые циклы *«циклами Кондратьева»*, высоко оценил тем самым творчество не только российского ученого, но и американца Дж.Б. Кларка. Впрочем, о последнем в своей «Теории экономического развития» Й. Шумпетер высказывался так: «Этот автор... дал точное определение статическому состоянию и исследовал условия его наступления, так что сознательное различение статики и динамики следует, пожалуй, связывать прежде всего с его именем. Им не менее энергично отстаивался постулат особой теории «динамики»[26].

Закон предельной производительности факторов производства («Закон Кларка»)

В «Распределении богатства» Дж.Б. Кларк, будучи приверженным основополагающим принципам маржинализма, оперирует такими категориями, как «предельный рабочий», «предельный характер работы», «предельная полезность», «конечная полезность», «предельная производительность» и др. Он всецело принимает и принцип приоритетности микроэкономического анализа, утверждая, в частности, что «жизнь Робинзона была введена в экономическое исследование вовсе не потому, что она важна сама по себе, а потому, что принципы, управляющие хозяйством изолированного индивидуума, продолжают руководить и экономикой современного государства»[27]. Но главная заслуга главы американской школы и одного из завершителей «маржинальной революции», приведшей к формированию неоклассической экономической теории, состоит прежде всего в разработке концепции распределения доходов на основе принципов предельного анализа цен факторов про-

изводства, которую в экономической литературе называют, как правило, *законом предельной производительности Дж.Б. Кларка.*

По мнению ученого, этот закон имеет место в условиях свободной (совершенной) конкуренции, когда мобильность всех хозяйствующих субъектов способствует достижению параметров равновесия экономики. Им даже признается, что основная идея закона, позволяющая вести речь о предельной отдаче каждого основного фактора производства для достижения наиболее эффективного (оптимального) производственного процесса, созвучна с суждениями И.Г. Тюнена.

О И.Г. Тюнене Дж.Б. Кларк пишет, что он как «самый блестящий представитель ранней германской экономической науки» предложил «теорию, которая применяла закон конечной производительности как к труду, так и к капиталу и определяла заработную плату и процент как результат этого применения... но чтобы стать верной, она должна стать, сверх того, теорией специфической производительности, согласно которой оплата каждой единицы труда совпадает с его собственным специфическим продуктом»[28].

Очевидно, исходя из данных соображений, Дж.Б. Кларк решил сосредоточиться на принципе убывающей предельной производительности однородных, т.е. обладающих одинаковой эффективностью, факторов производства. Это означает, что *при неизменной капиталовооруженности предельная производительность труда начнет снижаться с каждым вновь привлеченным работником и, наоборот, при неизменной численности работающих предельная производительность труда может быть выше только благодаря возросшей капиталовооруженности.* Это также означает, говоря его словами, что «доли в распределении (ценности.— *Я.Я.*) зависят от конечной производительности», т.е. *«процент определяется продуктом конечного приращения капитала, а заработная плата определяется продуктом конечного приращения труда»*[29].

Построив разработку своей теории предельной производительности на микроуровне и в основном на примере свободно функционирующего конкурентного предприятия, в восьмой главе «Распределения богатства» Дж.Б. Кларк утверждает о существовании некой *«зоны безразличия»* или *«предельной сферы»,* которая в сфере работы каждого предприятия считается контролируемой . «В пределах этой зоны, — пишет Дж.Б. Кларк, — люди могут приходить и уходить, не оказывая влияния на доход предпринимателей... Если конкуренция действует с идеальным совершенством, то всюду, куда идут эти предельные рабочие, они получают в виде оплаты полностью продукт своего труда; хотя фактически, ввиду того, что конкуренция действует далеко не совершенно, то, что получают эти люди, лишь приблизительно совпадает с их продуктом». Поэтому с ухо-

дом одного из работников, считает ученый, остается невыполненной предельная работа, т.е. наименее нужная работа, а предприниматель в свою очередь в пределах «зоны безразличия» может принять на работу не в ущерб себе и «несколько лишних людей», поскольку в этой «предельной сфере» заработной платой является «то, что они производят», и он «не будет извлекать из них никакой прибыли»[30].

Отсюда, на собственный вопрос: «Если я нахожусь у вас на службе, уволите ли вы меня?» — Дж.Б. Кларк отвечает так: «Быть может, нет до тех пор, пока продукт, который мой труд прибавляет к другим доходам предприятия, равен моей заработной плате»[31]. В подтверждение сказанному в конце двадцать первой главы этой же книги мы находим все ту же мысль о том, что в «зоне безразличия» предприниматель привлекает «очень немного дополнительных рабочих при прежней оплате, не рискуя убытками», ибо «продукт этого (предельного. — *Я.Я.*) человека... выражал бы уровень заработной платы»[32].

В изложении содержательной части теории предельной производительности Дж.Б. Кларка примечательно и то обстоятельство, что, доказывая собственную позицию о природе происхождения процента на капитал, он не преминул напомнить и, по существу, поддержать во многом похожее суждение О. Бём-Баверка в «теории ожидания». В частности, автор «Распределения богатства» полагает, что «окольный путь» производства благ австрийского профессора показывает несомненные преимущества использования капитала, поскольку последний позволяет увеличивать результаты работы в сравнении с работой в то же время «голыми руками», хотя для этого необходимо предварительно затратить «некоторое время», в течение которого создаются воплощенные в капитале «орудия». По этой причине, соглашается лидер американской школы, «увеличение продукта можно объяснить тем, что косвенно это же делает и время, истраченное на его производство», т.е. «окольный или требующий времени способ использования труда обеспечивает эффективные капитальные блага» и «...мы можем сказать, что «время производительно», что перманентный состав сменяющихся капитальных благ — капитал в подлинном смысле слова — избавляет людей от ожидания» [33].

Однако в принципе *из «закона» предельной производительности Дж.Б. Кларка возможен удручающий вывод о том, что цена фактора производства обусловлена ее относительной дефицитностью.* Это, в частности, наводит на мысль, что «справедливая заработная плата» всегда соответствует предельной производительности труда, а последняя может быть относительно ниже другого более производительного фактора, т.е. капитала. Сам Дж.Б. Кларк, похоже, не до конца осознавая возможный из его теории вывод, оставался уверен-

ным в том, что, «если они (трудящиеся массы. — *Я.Я.*) создают небольшую сумму богатства и получают ее полностью, им незачем стремиться к социальной революции...»[34]. Но истина, конечно, в другом. Как пишет М. Блауг, «на самом деле не существует никакого отдельно взятого производственного фактора: факторы производства в сущности комплементарны, и предельный продукт любого из них является следствием предельных продуктов всех остальных факторов»[35]. Неприятие этой теории мы видим также у Б. Селигмена, как-то: «Нет никакой гарантии в том, что народ получит вознаграждение в соответствии с освещенной временем теорией предельной производительности»[36].

В самом деле, если допустить, что величина капитала постоянна, а количество труда меняется (а в такой постановке теория предельной производительности применима к выявлению уровня заработной платы), то можно ли утверждать, что труд оплачивается в соответствии с его предельным продуктом? Скорее всего, нет, потому что в реальной действительности большее количество труда обусловливает, как правило, не просто количественное увеличение размера капитала, а его качественное изменение и большее разнообразие. Кроме того, увеличение капитала на предприятии сопровождается опять же как концентрацией однородного производства, так и почти всегда одновременно специализацией (предметной, подетальной и технологической) производства, требующей определенного прироста труда.

Таким образом, суть «закона» Дж.Б. Кларка сводится к следующему: фактор производства — труд или капитал — может приращиваться до тех пор, пока стоимость продукта, производимого этим фактором, не сравняется с его же ценой (например, численность работающих на предприятии возможно увеличивать лишь до определенного предела, т.е. пока данный фактор не вступил в «зону безразличия»). Действие этого «закона» в практике хозяйствования предполагает, что стимул увеличивать фактор производства исчерпывает себя, когда цена этого фактора начинает превышать возможные доходы предпринимателя. Следовательно, *Дж.Б. Кларк является одновременно и предшественником современных теорий, связанных с проблематикой оптимизации структуры издержек производства.*

§ 3. Концепция общего экономического равновесия В. Парето

Вильфредо Парето (1848—1923) — крупный итальянский представитель неоклассической экономической теории, продолжатель традиций лозаннской школы маржинализма. Этого ученого наряду с экономикой интересовали также политика и социология, что

отразилось и в разнообразии его публикаций. К основным трудам В. Парето принято относить двухтомный «Курс политической экономии» (1898), «Учение политэкономии» (1906) и «Трактат по общей социологии» (1916).

Он родился 15 июля 1848 г. в Париже. Его дед имел дворянский титул маркиза, а в 1811 г. при императоре Наполеоне был произведен в бароны. Отец за республиканские взгляды был выдворен из Италии, женился в Париже на Мари Метенье, ставшей матерью Вильфредо.

В 1850 г. семейству В. Парето разрешили вернуться в Италию, где после среднего он получил высшее инженерное образование, закончив в Турине политехнический университет (1869) с дипломной работой на тему «Основные принципы равновесия твердых тел».

Значительный период жизни (1874—1892) В. Парето связан с активной практической деятельностью во Флоренции. Он прошел карьеру *от инженера путей сообщения до главного управляющего металлургических заводов Италии,* нередко по служебным делам выезжая за границу, в том числе в Англию, что не могло не повлиять на упрочение его позиций демократа и *сторонника экономического либерализма.*

Круг научных интересов В. Парето резко расширился в 1891 г., когда автор понравившейся ему работы «Принципы чистой экономики» Мафео Панталеони познакомил его с произведениями Л. Вальраса, О. Курно и Ф. Эджуорта. В том же году он знакомится с Л. Вальрасом. В результате в течение 1892—1894 гг. пишет ряд статей по экономической теории.

Научное будущее В. Парето, можно сказать, предрешил Л. Вальрас, предложивший ему в 1892 г. занять кафедру политической экономии в Лозаннском университете. А в 1893 г. уже состоялось его назначение на должность профессора этой кафедры. Далее последовали упомянутые выше крупные научные публикации.

Необходимо отметить, что в 1898 г. В. Парето получил в наследство от своего дяди огромное состояние, которое стало существенным подспорьем в его увлеченности научными исследованиями. В 1901 г. он покупает виллу на берегу Женевского озера в Селиньи (кантон Женева) и решает там поселиться.

Почувствовав некоторое ухудшение здоровья в 1907—1908 гг. В. Парето привлекает для чтения курса политической экономии Паскаля Бонинзеньи, а в 1912 г. передает ему этот курс полностью, сохранив за собой только сокращенный курс социологии. Свою последнюю лекцию по социологии он прочел в 1916 г.

В 1918 г. в Лозаннском университете чествовали 70-летний юбилей В. Парето[37].

В 1923 г. В. Парето назначается сенатором Итальянского королевства. В двух статьях он выражает в целом позитивное отношение к фашизму, требуя от него либерализации.

Умер В. Парето 19 августа 1923 г. в Селиньи, где и похоронен.

Особенности методологических позиций

В. Парето, как и Л. Вальрас, более всего сосредоточился на *исследовании проблем общего экономического равновесия,* исходя, так же как и он, из маржинальных идей экономического анализа. Вместе с тем качественно новые принципы изучения предпосылок и факторов равновесности в экономике позволяют считать В. Парето (в отличие от Л. Вальраса) маржиналистом «второй волны» и соответственно одним из основоположников неоклассической экономической мысли.

Опираясь не на каузальный, а на функциональный подход, *В. Парето преодолел присущий Л. Вальрасу субъективизм,* что позволило ему отказаться от полезности (потребности) как единственной причины обмена и перейти к характеристике экономической системы в целом, где и *спрос (потребление) и предложение (производство) рассматриваются как элементы равновесия в экономике.* При этом, придерживаясь «чистой» экономической теории, В. Парето *отрицает обусловленность неравенства доходов проблемой их распределения между классами.* Так, в работе «Социалистические системы» (1902) он писал: «Проблема роста благосостояния бедных классов скорее проблема производства и сохранения богатства, чем распределения. Наиболее верное средство улучшения положения бедных классов — сделать так, чтобы богатство росло быстрее населения»[38]. Кроме того, по его убеждению, хотя *«история науки сводится к истории ошибок компетентных людей»,* тем не менее «именно конкретное явление всегда решает, должна ли теория быть принята или отвергнута. Нет и не может быть другого критерия истинности теории, кроме ее более или менее полного согласия с конкретными явлениями»[39].

Критерий достижения равновесия

Если в модели общего экономического равновесия Л. Вальраса критерием ее достижения считалась максимизация полезности, которая измерению не поддается, то в модели В. Парето этот критерий заменен другим, а именно *оценкой измерения соотношения предпочтений конкретного индивида, т.е., как говорят в математике, выявлением порядковых (ординальных) величин, характеризующих их очередность.* По его мнению, изложенному в «Трактате по общей социологии», «если бы польза, извлекаемая каждым индивидом, была величиной однородной и, следовательно, поддавалась бы срав-

нению и сложению, наше исследование не было бы трудным, по крайней мере теоретически. Сложили бы пользу разных индивидов и получили бы составленную из них пользу коллектива... Но дела обстоят не столь просто. ***Польза каждого индивида — величина специфическая; не имеет никакого смысла говорить о суммарной пользе, ее просто не существует, и ее нельзя рассматривать***» (выделено мною. — *Я.Я.*)[40].

Спустя сорок с лишних лет (1959) В.В. Леонтьев отмечал три существенные позиции в связи с неуменьшающейся актуальностью этой проблемы, а именно: «Некоторые теоретики утверждают, что полезность существует и действительно может быть измерена как сталь или хлеб, хотя мерки, применимые к различным людям, и результаты измерений никак не могут сравниваться между собой. Другие ученые отрицают возможность любого подобного количественного (кардиналистского) измерения даже одного человека. Они утверждают, что индивидуум имеет возможность выбирать и сравнивать значения полезности лишь в порядковой шкале (ординалистский подход), как, например, невозможно измерить боль, а можно только ощущать ее усиление или ослабление. Наконец, есть исследователи, которых вообще не занимает вопрос о том, существует ли вообще полезность и можно ли ее измерить. Они полагают, что поведение потребителя (например, изменение объемов покупок различных товаров и объема работы, которую необходимо выполнить для получения дохода, на который и осуществляются покупки) может быть объяснено без обращения к такому понятию, как «полезность». Правда, собственную позицию на этот счет В.В. Леонтьев отразил несколькими годами раньше (1954) в статье «Применение математики в экономике», в которой говорится: «Поскольку наблюдение за поведением потребителей при выборе товаров остается единственным объективным источником информации о виде функции полезности, порядковое сравнение ее различных уровней является единственной реальной процедурой, которая и требуется для целей исследования»[41].

Аналогичный с В.В. Леонтьевым вывод делает и М. Блауг, утверждая так: «Ясно, что если мы не можем измерять полезность количественно и потому ощущаем необходимость отказаться от старой теории предельной полезности, то нет особых возражений против того, чтобы перейти на позиции полного бихевиоризма, т.е. к методу выявленных предпочтений»[42].

«Кривые безразличия» и ранжирование потребностей

В целях исследования В. Парето рассматривает выбор потребителя в зависимости как от количества данного блага, так и от количества всех других ресурсов, используя *«кривые безразличия»,* кото-

рые отражают сохранение суммарных полезностей товаров в различных комбинациях их сочетания и предпочтение одних комбинаций перед другими. В результате появились *паретовские трехмерные диаграммы,* на осях которых откладываются находящиеся у потребителей неодинаковые количества одного и другого блага. Применяя их, можно проследить порядок (последовательность) ранжирования индивидом своих предпочтений, выявить его «безразличие» в конкретный момент времени между двумя альтернативными благами (т.е. такие их комбинации, которые обеспечивают одинаковый уровень общего удовлетворения), ибо очевидно, что посредством понятия «безразличие» измерить что-либо напрямую невозможно. Как сказал В.В. Леонтьев, классическое понятие равновесия предполагает существование большого числа исходных данных, включая и *кривые безразличия*, «которые одновременно описывают объемы производства, цены и все другие переменные системы»[43].

«Оптимум Парето»

В своем «Учении политической экономии» В. Парето отказался от традиционных подходов количественной характеристики полезности на основе межличностных сравнений полезности, сформулировав *понятие общественной максимальной полезности,* т.е. то самое понятие, которое в экономической литературе теперь принято называть *«оптимум Парето»*. Это понятие предназначено *для оценки таких изменений, которые либо улучшают благосостояние всех, либо не ухудшают благосостояния всех с улучшением благосостояния по крайней мере одного человека*.

Концепция «оптимума Парето» позволяет, таким образом, *принять оптимальное решение по максимизации прибыли* (соответственно и полезности), если теоретическая аргументация оптимальной комбинации потребления базируется на таких предпосылках, как: только личная оценка собственного благосостояния; определение общественного благосостояния через благосостояние отдельных людей; несопоставимость благосостояния отдельных людей.

Говоря словами М. Блауга, «оптимум Парето определяется как положение, в котором невозможно улучшить чье-либо благосостояние путем трансформации товаров и услуг в процессе производства или обмена без ущерба для благосостояния какого-либо индивида». По его мысли, «оптимум Парето» может быть зафиксирован и в ситуации, требующей «измерения потребительского излишка в деньгах». Он пишет: «Изменение, которое дает выгоду одним людям, но приносит ущерб другим, теперь может быть сочтено приростом общего благосостояния, если выигравшие могут компенсировать ущерб проигравшим так, что последние добровольно при-

мут это изменение; после того, как сделаны компенсационные платежи, выигравшим становится лучше, а проигравшим не становится хуже»[44].

Модель равновесия В. Парето и современная экономическая наука

В отличие от модели Л. Вальраса у В. Парето анализируются не только экономика свободной конкуренции, но и различные типы монополизированных рынков, что стало самостоятельным объектом исследования экономистов лишь через несколько десятилетий, т.е. в середине XX в. Кроме того, далее, по словам В. Леонтьева, в экономической науке «усовершенствованная и расширенная Вильфредом Парето и его современниками и последователями общая теория экономической взаимозависимости постепенно соединялась (и это обещает стать унифицированной структурой) с двумя другими направлениями анализа: теорией рыночного механизма и анализом поведения фирмы и домашнего хозяйства»[45].

Вопросы и задания для контроля

1. В чем новизна характеристики рыночной цены в трактовке А. Маршалла?
2. Каковы суждения А. Маршалла о функциональной взаимосвязи факторов «цена», «спрос» и «предложение»?
3. Что выявил А. Маршалл в связи с зависимостью объема спроса от изменения цены?
4. Какими факторами обусловлена степень эластичности спроса?
5. Раскройте суть установленных А. Маршаллом закономерностей в связи с зависимостью величины удельных издержек производства от увеличения объемов производства.
6. Какой критерий выдвигает А. Маршалл, подразделяя издержки на постоянные и переменные?
7. Как характеризует Дж.Б. Кларк статический тип производства?
8. Какие факторы, по Кларку, обусловливают динамические условия?
9. В чем суть «закона предельной производительности» Дж.Б. Кларка?
10. Каким образом В. Парето преодолел субъективизм в исследовании проблем общего экономического равновесия?
11. Какой критерий принял В. Парето в своей модели для достижения максимизации полезности?
12. Что характеризуют «кривые безразличия» В. Парето?
13. Изложите суть и предназначение концепции В. Парето об общественной полезности («оптимум Парето»).

Список рекомендуемой литературы

Арон Р. Вильфредо Парето /Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс—Политика, 1992.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: Экономика, 1992.

Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики/Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. М.: Прогресс, 1993.

Самуэльсон П. Принципы максимизации в экономическом анализе// THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ РОДОНАЧАЛЬНИКОВ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СОЧИНЕНИЯХ В.К. ДМИТРИЕВА*

Дмитриев В.К. (1868—1913)

Владимир Карпович Дмитриев — один из первых русских экономистов-математиков — родился в имении «Рай» Смоленской губернии. Учился в Тульской классической гимназии, по окончании которой поступил на медицинский факультет Московского университета, а затем перешел на юридический факультет и уже на последних курсах занялся изучением проблем ценности. Окончив университет в 1896 г., уехал в Подольскую губернию, где три года работал в должности акцизного контролера. Открывшийся туберкулез заставил его оставить службу. В последующие годы В.К. Дмитриев испытывал серьезные материальные трудности, что не позволяло ему получать надлежащее лечение и ускорило его кончину.

Перу В.К. Дмитриева принадлежат две крупные работы: «Экономические очерки» (1904) и «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» (1911), а также ряд обзоров и рецензий на работы русских экономистов (А. Мануйлова, М. Туган-Барановского и др.), в которых он излагал и собственные взгляды на те или иные проблемы экономической теории.

Первую свою работу по математическому истолкованию теории Д. Рикардо — «Теория ценности Д. Рикардо (Опыт точного анализа)» В.К. Дмитриев опубликовал в 1898 г., а затем перепечатал ее в «Экономических очерках», куда вошли еще два очерка: «Теория конкуренции О. Курно (великого «забытого» экономиста)» и «Теория предельной полезности».

Связь идей классической школы с теорией предельной полезности он видел в том, что конкретная величина цены зависит от условий и производства, и потребления продукта. В.К. Дмитриев не был последовательным сторонником трудовой теории стоимости, но считал возможным исчислить полные затраты труда на производство продукции.

Вслед за П.Б. Струве он примкнул к теории «предельной производительности» и «предельного рабочего» американского экономиста Д.Б. Кларка.

В своих исследованиях В.К. Дмитриев постоянно прибегал к точному языку математических формул, разработав систему уравнений, позволяющих рассчитать уровень издержек производства. Не имея возможности воспроизвести математические выкладки В.К. Дмитриева, отметим,

---

* Приложение составлено по: Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998. С.199—205.

что в его работах содержатся две различные формулы выражения цены через затраты: 1) разложение цены на составные элементы ценности — заработную плату, прибыль и ренту; 2) определение полных затрат труда на единицу продукции с учетом межотраслевых связей.

В заключении своей работы «Экономические очерки (Серия 1-я: опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности)» (М., 1904) В. Дмитриев писал: «Полученная нами система уравнений, в которой за неизвестные мы принимаем величины, зависящие от хозяйственного расчета хозяйственного субъекта, а за данные — величины, от хозяйственного расчета не зависящие (каковы технические условия производства и психофизиологические условия потребления), *вполне* определяет высоту цены, на которой установится равновесие. Пока технические условия производства продукта и условия его потребления (психофизиологические) останутся без изменения, до тех пор стремление отдельных хозяйственных субъектов к наибольшей выгоде не позволит рыночной цене продукта ни подняться над этим уровнем, ни опуститься ниже его. Таким образом, несмотря на сложность зависимости между отдельными факторами, влияющими на цену, мы видим, что при *данных* технических условиях производства продуктов и при данных психофизиологических условиях его потребления *высота цены продукта есть величина вполне определенная,* раз справедливо наше основное предположение о стремлении каждого хозяйственного субъекта к наибольшей выгоде...

На какую именно величину поднимает соперничество между предпринимателями общие издержки над уровнем необходимых издержек, есть guaestio facti, в каждом данном случае будет зависеть от формы кривых спроса и общих издержек, точкой касания которых определяется в каждом данном случае цена равновесия, т.е. такая цена продукта, при которой установится равновесие как в области производства, так и в области сбыта данного продукта.

Для нас важно отметить только то, что, оставляя производственные условия без изменения и меняя произвольно форму кривой спроса (изменяя соответственным образом *условия потребления* продукта), мы можем произвольно поднимать уровень цены равновесия над необходимыми издержками производства: излишне было бы искать еще другого, более наглядного доказательства зависимости цены продуктов... от условий потребления, или — иными словами — от их потребительной ценности (полезности).

Таким образом, мы пришли к заключению, что... цена не может быть определена независимо от условий спроса — соответственно потребления».

Формула В. Дмитриева по определению затрат живого и овеществленного труда на производство различных видов товаров по всему народно-хозяйственному комплексу (Экон. очерки, с. 9) впоследствии была использована как исходный пункт при разработке системы «затраты—выпуск». По словам современных исследователей, в работах В. Дмитриева «мы по существу имеем линейную систему «затраты—

выпуск» с определенными технологическими коэффициентами, редуцированными к затратам труда». Как отмечал советский исследователь В.С. Немчинов, В.К. Дмитриев оказал большое влияние на формирование межотраслевого метода, в частности, метода «затраты — выпуск» американского экономиста В.В. Леонтьева, который повторил идеи В.К. Дмитриева».

В рецензии «Новый опыт «решения» проблемы распределения» («Русская мысль», 1912, № 3, с. 9—14), посвященной книге С.И. Солнцева «Заработная плата как проблема распределения» (СПб., 1911), В.К. Дмитриев поддерживал теорию «предельной производительности» Дж.Б. Кларка, в соответствии с которой предприниматели оплачивают последнего «предельного» рабочего в размере, равном его выработке. «Ведь общий доход (чистый) от предприятия от этого не уменьшится, — писал В.К. Дмитриев, — так как он зависит от разницы между выработкой и заработной платой (в общей единице ценности) прочих, «непредельных» рабочих».

В рецензии на книгу М.И. Туган-Барановского «Основы политической экономии» (СПб., 1909), названной «Новый русский трактат по теории политической экономии» (Русская мысль, 1909, № 11, с. 102—125) В.К. Дмитриев обстоятельно проанализировал основные положения работы.

Главу о методологии В. Дмитриев считал «одной из наиболее ценных в разбираемой книге». «Сущность предлагаемого Туган-Барановским «нового» метода сводится к «синтезу» трех различных методов: субъективно-психологического метода школы Госсена—Менгера, объективного метода Рикардо и социологического метода Маркса. Первый метод рассматривает хозяйственные явления с точки зрения субъективных побуждений хозяйствующего субъекта, второй — рассматривает хозяйственные явления как «стихийный», объективный результат столкновения сознательных, субъективно-целесообразных стремлений отдельных индивидов, объединенных отношениями свободного менового хозяйства; третий — рассматривает явления народного хозяйства как результат данных социальных отношений — данных отношений социального могущества (классов)» (с. 124). Однако «никакого «синтеза» указанных точек зрения Туган-Барановскому достигнуть не удалось...» (с. 124).

В рецензии на книгу А. Мануйлова «Понятие ценности по учению экономистов классической школы» (М., 1901) (Русское экон. обозрение, СПб., 1901, № 7, с. 141—157) В. Дмитриев выступил против утверждения автора о том, что, «став на точку зрения предельной полезности, нельзя признать трудовой теории». Напротив, считает В. Дмитриев, существует возможность «целой программы построения законченной теории ценности (на реалистической основе), в которой должны были найти место обе теории, как вполне законные, взаимно дополняющие друг друга части, являющиеся результатом изучения одного и того же явления ценности с различных точек зрения» (с. 142).

Раздел четвертый
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ РЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Часть первая
ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ОБЩЕСТВА НАД ЭКОНОМИКОЙ И РЫНКА С НЕСОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

Глава 17. Возникновение социально-институционального направления экономической мысли

Изучив эту главу, вы будете знать:

- что такое институционализм и в чем его отличия от неоклассического направления экономической мысли;
- в чем особенности внутренних течений институционализма;
- каким образом возможен «социальный» контроль общества над экономикой;
- почему институционализм является одним из предшественников теорий государственного регулирования экономики.

§ 1. Предпосылки зарождения и общие признаки институционализма

В начале XX в. ученые-экономисты США, активизировав анализ усилившихся монополистических тенденций в экономике и содействуя «антитрестовской» политике собственной страны, обрели статус лидеров концепции социального контроля над экономикой,

осуществляемого разнообразными методами. Их теории положили начало новому направлению экономической мысли, которое ныне принято называть *социально-институциональным или просто институционализмом*.

Предмет изучения

Институционализм — это в определенном смысле *альтернатива неоклассическому направлению экономической теории*. Если неоклассики исходят из смитианского тезиса о совершенстве рыночного хозяйственного механизма и саморегулируемости экономики и придерживаются «чистой экономической науки», то *институционалисты движущей силой экономики наряду с материальными факторами считают также духовные, моральные, правовые и другие факторы, рассматриваемые в историческом контексте*. Другими словами, институционализм *в качестве предмета своего анализа* выдвигает как экономические, так и неэкономические проблемы социально-экономического развития. При этом *объекты исследования — институты — не подразделяются на первичные или вторичные и не противопоставляются друг другу*.

Американский экономист и историк экономической мысли Роберт Л. Хайлбронер, рассуждая о том, что современная экономическая теория «превратилась в царицу социальных наук» и стала единственной отраслью «социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия», и говоря, что «экономическая наука наконец вышла за узкие пределы ее прежнего царства — царства производства и распределения — и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права», имеет, конечно же, в виду «заслуги» именно институционализма[1].

Нечто подобное мы видим у М. Блауга, который пишет так: «Традиционная теория потребительского поведения... должна быть отвергнута в пользу широкой социально-экономической теории потребления. С различной степенью страстности этот род критики вновь и вновь звучит со стороны сторонников американской институциональной школы, не говоря уже о марксистах». Кроме того, на его взгляд, стремление институционалистов «расширить поле исследования экономической науки» обусловило «недавно возникший интерес к кибернетике, исследованию операций, теории управления, теории организации и общей теории систем»[2].

Особенности методологии

В области методологии институционализм, по мнению многих исследователей, имеет много общего с исторической школой Германии. Например, В. Леонтьев пишет, что выдающиеся представи-

тели американской экономической мысли, имея в виду Т. Веблена и У.К. Митчелла, «в своей критике количественных аналитических методов в экономической науке продолжили общую линию немецкой исторической школы. Частично это можно объяснить тем обстоятельством, что на рубеже веков влияние немецкой школы в США было столь же велико, а возможно, и более значительно, чем влияние английской»[3].

Следует, однако, отметить, что *историзм и учет факторов социальной среды* для обоснования путей экономического роста хотя и *символизируют схожесть методологических принципов институционализма и исторической школы Германии, но отнюдь не означают полной и безоговорочной преемственности традиций последней*. И причин здесь несколько. Во-первых, находясь под теоретическим влиянием А. Смита, немецкие авторы второй половины XIX в. всецело поддерживали юнкерские круги Пруссии в их борьбе за утверждение в Германии свободы торговли и других принципов экономического либерализма, включая необходимость неограниченной свободной конкуренции предпринимателей. Во-вторых, историзм в исследованиях немецкой школы проявлялся преимущественно в утверждении естественного характера рыночных экономических отношений и поддержке положения об автоматическом установлении равновесия в экономике на всем протяжении развития человеческого общества. И в-третьих, в трудах авторов исторической школы Германии не допускались даже какие-либо намеки на возможность реформирования экономической жизни общества на принципах, ограничивающих «свободное предпринимательство».

Институционализм, таким образом, являет собой качественно новое направление экономической мысли. Он *вобрал в себя лучшие теоретико-методологические достижения предшествовавших школ экономической теории*, и прежде всего основанные на математике и математическом аппарате маржинальные принципы экономического анализа неоклассиков (в части выявления тенденций в развитии экономики и изменений конъюнктуры рынка), а также методологический инструментарий исторической школы Германии (для исследования проблем «социальной психологии» общества).

Во многом похожее суждение высказывает М. Блауг, по мнению которого, «пытаясь определить суть «институционализма», мы обнаруживаем три черты, относящиеся к области методологии:

1) неудовлетворенность высоким уровнем абстракции, присущим неоклассике, и в особенности статическим характером ортодоксальной теории цен;
2) стремление к интеграции экономической теории с другими общественными науками, или «вера в преимущества междисциплинарного подхода»;

3) недовольство недостаточной эмпиричностью классической и неоклассической теорий, призыв к детальным количественным исследованиям»[4].

По некоторым оценкам, отсчет времени возникновения институционального направления экономической мысли следует начинать с даты опубликования монографии Т. Веблена «Теория праздного класса»[5], т.е. с 1899 г. Однако, учитывая появившиеся позднее не менее значимые публикации Дж. Коммонса и У. Митчелла, обозначившие зарождение как бы новых течений в рамках институционализма, период четкого формирования идей и концепций этого направления экономической теории в единое целое приходится все же на 20-30-е гг. XX в.

Труды названных американских ученых и их последователей объединяет *антимонопольная направленность, идея учета влияния на экономический рост всей совокупности общественных отношений и необходимости государственного вмешательства в экономику*. Причем в последней части можно упомянуть требование усилить *«контроль общества над бизнесом»,* вынесенное Дж.Б. Кларком даже в заголовок своей одноименной книги, изданной в 1926 г. Как писал Ф. Хайек, «если монополии в каких-то сферах неизбежны, то лучшим является решение, которое до недавнего времени предпочитали американцы, — контроль сильного правительства над частными монополиями. Последовательное проведение в жизнь этой концепции обещает гораздо более позитивные результаты, чем непосредственное государственное управление»[6].

В основе термина «институционализм» лежит одно из толкований понятия «*институт*». Последнее рассматривается институционалистами *в качестве первичного элемента движущей силы общества в экономике и вне ее*. К «институтам» идеологии институционализма относятся самые разнообразные категории и явления (например, государство, семья, предпринимательство, монополии, частная собственность, профсоюзы, религия, нравы и т.п.), *предопределяющие обычаи, привычки, этику, правовые решения, общественную психологию и главное — эволюцию экономики*.

§ 2. Концепции реформ основоположников институционализма

В обозначившихся трех течениях институционализма Т. Веблен возглавляет *социально-психологический* (технократический) вариант институциональных исследований, Дж. Коммонс — *социально-правовой (юридический), У.* Митчелл — *конъюнктурно-статистический* (эмпирико-прогностический).

Торстейн Веблен (1857—1929) — автор значительного числа крупных трудов в области экономики и социологии, в которых он *исходил из теории эволюции природы Ч. Дарвина, принципа взаимосвязи и взаимообусловленности всех общественных отношений, в том числе экономических и социально-психологических*[7]. Его теоретическое наследие получило наибольшую популярность и применение для ряда последующих творческих изысканий в русле социально-институционального направления экономической мысли во всех трех его течениях.

Предмет и метод изучения

По определению Т. Веблена, «институты — это результаты процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени»[8]. Отсюда, по его мысли, необходимость их обновления в соответствии с законами эволюции к «требованиям настоящего времени», т.е. привычными способами мышления и общепринятым поведением.

За образ своих мыслей многими идеологами того времени он воспринимался как *американский Маркс*. И причиной тому было не только и не столько то, что Т. Веблен — в прошлом студент самого Дж.Б. Кларка — стал противником экономической теории своего учителя, придерживавшегося «чистой экономической науки», сколько острая критическая оценка последствий того, к чему привели национальные экономики различных стран проповедники абсолютизации смитианских идей экономического либерализма, саморегулируемости и бескризисности народного хозяйства, «естественного» совпадения в условиях свободного предпринимательства личных интересов «экономического человека» с общественными. Вот почему в своих рассуждениях о *«теологии»* и *«апологии»* он *«решительно возражал против центрального тезиса неоклассической теории благосостояния, согласно которому совершенная конкуренция при некоторых ограничениях ведет к оптимальным результатам»,* и почему *эволюционная наука* для него — это *«исследование происхождения и развития экономических институтов и взгляд на экономическую систему как на «кумулятивный процесс», а не «самоуравновешивающийся механизм»*[9].

Особое видение проблем социально-экономического развития общества Т. Веблен подчеркивал даже в названиях изданных им работ, в числе которых упомянутая выше «Теория праздного класса» (1899), «Инстинкт мастерства» (1914), «Инженеры и система цен» (1921), «Собственность отсутствующего» (1923) и др.

Свою убежденность в эволюционном преобразовании общества Т. Веблен основывал на своеобразном преломлении теории эволюции природы Ч. Дарвина. Отталкиваясь от ее постулатов, он, в час-

тности, пытался аргументировать положение об актуальности в человеческом обществе «борьбы за существование»[10]. При этом им используется *историческая оценка развития «институтов» общества,* в которой отрицаются марксистские положения о «классовой эксплуатации» и «исторической миссии» рабочего класса. На его взгляд, *экономическими мотивами людей движут прежде всего родительское чувство, инстинктивное стремление к знаниям и высокому качеству исполняемой работы.*

«Эффект Веблена»

В теории «праздного класса», судя по содержанию одноименной книги Т. Веблена, отношение этого *«имущего непроизводственного»* класса к экономическому процессу характеризуется как отношение «стяжательства, а не производства, эксплуатации, а не полезности». Этот класс, по Веблену, предпочитает *«обычаи мира бизнеса», сложившиеся «под направляющим и избирательным действием законов хищничества или паразитизма»*[11]. В частности, для представителей именно этого класса могут, очевидно, существовать особые цены на товары, символизирующие показатель их «престижности», а не истинное проявление закона спроса, что ныне принято называть «эффектом Веблена». Последний характеризует ситуацию, при которой *снижение цены на товар воспринимается покупателем как ухудшение его качества или утрата его «актуальности» либо «престижности» среди населения и тогда этот товар перестает пользоваться покупательским спросом, а в обратной ситуации, напротив, объем покупок с ростом цены может возрасти.* Поэтому «финансовые слои, — заключает Т. Веблен, — имеют известную заинтересованность в приспособлении финансовых институтов... Отсюда более или менее последовательное стремление праздного класса направлять развитие институтов по тому пути, который бы отвечал денежным целям, формирующим экономическую жизнь праздного класса»[12].

Итак, *эволюция общественной структуры* — это, говоря словами Т. Веблена, *«процесс естественного отбора институтов» в «борьбе за существование»*[13].

Концепция реформ

Не марксистская позиция Т. Веблена наиболее очевидна в его концепции реформ. Так, критикуя *«паразитический» образ жизни занятых только финансовой деятельностью рантье* — владельцев особой (абсентеистской) формы частной собственности, а также осуждая *подчинение сферы «индустрии» миром «бизнеса»,* стремящегося в лице финансистов и крупных предпринимателей лишь «к возможно большей прибыли», он ратовал не за революционное устранение «классового антагонизма» и победу «диктатуры пролетариата», а за

дальнейшую эволюцию общества, сопровождаемую реформированием. Как уточняет М. Блауг, «речь идет о классовой борьбе, которая в условиях капитализма идет, согласно Веблену, не между капиталистами и пролетариями, а между бизнесменами и инженерами. Денежный образ мышления объединяет банкиров, брокеров, юристов и менеджеров, отстаивающих центральный принцип делового предприятия — принцип частного присвоения»[14].

Сценарий реформ Т. Веблена состоит в *неуклонном ускорении научно-технического прогресса и возрастании роли инженерно-технической интеллигенции*. По его убеждению, интеллигенция, рабочие, техники и другие участники производства представляют сферу «индустрии» и преследуют цель оптимизации и повышения эффективности процесса производства. Они предопределяют растущую зависимость «бизнеса» от «индустриальной системы», *неотвратимость «паралича старого порядка» и перехода власти к представителям инженерно-технической интеллигенции*.

В результате реформ Т. Веблен предвидел установление «нового порядка», при котором руководство промышленным производством страны будет передано специальному *«совету техников»*, и *«индустриальная система»* перестанет служить интересам «абсентеистских собственников» (монополистов), поскольку *мотивом технократии и индустриалов явится не «денежная выгода», а служение интересам всего общества*.

Джон Р. Коммонс (1862—1945), исследуя такие *коллективные институты,* как семья, профсоюзы, торговые объединения, производственные корпорации, государство, правовые отношения и другие, приоритетное внимание уделял юридико-правовым институтам, стал лидером юридического течения институционализма[15]. При этом он исходил из неприятия идей о классовой борьбе рабочих, а также, говоря его словами, стремления *«сделать систему бизнеса эффективной настолько, чтобы она заслуживала сохранения»*.

Теория стоимости

Правовой аспект Дж. Коммонс использовал и в выдвинутой им *концепции стоимости, в соответствии с которой стоимость товарной продукции есть не что иное, как результат юридического соглашения «коллективных институтов»*. А к последним он относил союзы корпораций, профсоюзов, политических партий, выражающих профессиональные интересы социальных групп и слоев населения.

Концепция реформ

Марксистскому учению о классовой борьбе Дж. Коммонс противопоставлял положение о *проведении государством реформ в обла-*

сти законодательства и создании правительства, представленного лидерами различных «коллективных институтов». Он был убежден в необходимости создания такого *правительства, которое было бы подконтрольно общественному мнению и осуществляло демонополизацию экономики*.

Эволюция *капитализма свободной конкуренции в финансовую стадию* — центральная идея его главных трудов «Правовые основания капитализма» (1924), «Институциональная экономика. Ее место в политической экономии» (1934) и др. В них рассматриваются проблемы, вызванные *усилением «социального конфликта» из-за «нечестной» (монополистической) конкуренции предпринимателей*. Государственные правовые решения *в рамках экономических реформ,* как полагает этот автор, устранят противоречия и конфликты в обществе, ознаменуют *переход к стадии административного капитализма*.

Как известно из истории экономики, юридические (правовые) аспекты «коллективных действий» Дж. Коммонса, равно как антимонопольные реформаторские идеи в трудах Т. Веблена, нашли реальное практическое применение уже в 30-е гг., в период так называемого «Нового курса» президента США Ф. Рузвельта.

Уэсли Клэр Митчелл (1874—1948) — ученик и последователь Т. Веблена[16].

Из уважения к заслугам и памяти своего учителя У. Митчелл подготовил посмертный сборник «Учение Веблена», включив в него избранные извлечения из его книг и статей.

У. Митчелл в своей основной публикации «Лекции о типах экономической теории» (1935) исходил прежде всего из идей Т. Веблена. Следуя им, он настаивал на *взаимосвязи экономических проблем с неэкономическими,* в частности с проблемами социологии, культуры и другими, обусловливающими психологию, поведение и мотивы деятельности людей в обществе.

Тем не менее в экономической литературе этого ученого воспринимают нередко как представителя *концепции «измерения без теории»* (после появления одноименной статьи Т. Коопманса, посвященной критике научных исследований У. Митчелла и его последователей), или, как выразился В. Леонтьев, *«основного антитеоретического направления американской экономической мысли»*. Связано это, по мнению М. Блауга, с тем, что У. Митчелл «не был расположен к методологическим атакам на предпосылки ортодоксальной экономической теории и избегал междисциплинарного подхода. Его «институционализм» состоял в сборе статистических данных, которые впоследствии должны были дать почву для объясняющих гипотез»[17]. Кроме того, как полагает В. Леонтьев, «критикуя процесс построения сложных экономических моделей, он предложил опираться на прямые наблюдения, не основанные ни на

каких предварительных предположениях, а ориентированные на всестороннее измерение наблюдаемых фактов. Митчеллу, его ученикам и последователям США обязаны крупномасштабным развертыванием описательной экономической статистики, без которой не только современная экономическая наука, но и многие из современных экономических учреждений не могли бы, по-видимому, существовать»[18].

Концепция реформ

Личный вклад У. Митчелла в институциональную теорию состоит, во-первых, в выявлении влияния на экономические факторы (в категориях денежного обращения, кредита, финансов и др.) так называемых неэкономических факторов (в том числе психологических, поведенческих и прочих) посредством конкурентного *изучения цифровых показателей и установления закономерностей в колебаниях (конъюнктуре*) *этих показателей на базе широкого массива статистических данных по фактическому материалу и ее математической обработки*. И, во-вторых, в попытке *обоснования концепции бескризисного цикла посредством различных вариантов государственного вмешательства в экономику*.

Особую известность в США У. Митчеллу принесло признание его основателем Национального бюро экономических исследований и одним из первых исследователей циклических явлений в экономике. Он считал возможным и необходимым *государственное воздействие на экономику* в области денежных, финансовых и кредитных факторов во взаимосвязи с социально-культурными проблемами и с учетом психологического анализа.

Представители эмпирико-прогностического течения институционализма еще в 20-е гг. в своем «конъюнктурном барометре» в Гарварде публиковали по итогам «анализа динамических рядов» первые прогнозы экономического роста путем построения кривых, представляющих средние индексы ряда показателей национального хозяйства. Лежащие в основе новой отрасли экономической науки — *эконометрики* — математика и статистика, позволявшие У. Митчеллу и его коллегам *рассчитывать длительность «малых» и «больших» циклов,* нацеливали на попытки конституировать модели бескризисного (нециклического) развития экономики, предсказывать отклонения в динамике показателей, предотвращать их спад. Средством смягчения циклических колебаний и достижения благоприятной экономической конъюнктуры должно, по мнению У. Митчелла, явиться *создание специального государственного планирующего органа*. *Планирование* при этом предполагалось *не директивное, а рекомендательное, основанное на научном прогнозировании реальных и достижимых конечных целей*.

Неквалифицированный прогноз «Гарвардского барометра» накануне экономического кризиса 1929—1933 гг., предвещавший «процветание экономики», показал несовершенство методологической базы исследований тех лет, но убедительно продемонстрировал правильность главного положения институционалистов 20—30-х гг. о необходимости социального контроля над экономикой. Это значит, что *институционализм является одним из теоретических предшественников возникшей в 30-е гг. XX в. кейнсианской и неолиберальной концепции государственного регулирования экономики,* основной идеей которой является вмешательство государства в экономику.

Наряду с этим созданная У. Митчеллом и его школой наука эконометрика к концу второй мировой войны стала, как пишет М. Блауг, «наиболее динамичной отраслью экономической науки, а кейнсианские или неокейнсианские макроэкономические модели имеют очень важное, и при этом растущее, значение для работ эконометриков»[19]. А последние, утверждает В. Леонтьев, в ответ на создаваемые год за годом экономистами-теоретиками «десятки математических моделей» продолжают «приспосабливать алгебраические функции различных видов и форм к прежним наборам статистических данных, будучи не в состоянии заметно продвинуться в систематическом понимании структуры и принципов функционирования реальной экономической системы»[20].

Вопросы и задания для контроля

1. Какие историко-экономические предпосылки обусловили возникновение институционализма?
2. Почему институционализм считают альтернативой неоклассической теории?
3. Сформулируйте методологические особенности институционализма.
4. Назовите основные течения институционализма и укажите их особенности.
5. Что такое «институты» в трактовке американских авторов, в том числе числе Т. Веблена?
6. Из чего видно, что теорию эволюции природы Ч. Дарвина Т. Веблен перенес на эволюционное преобразование общества?
7. Изложите основные идеи Т. Веблена в его работе «Теория праздного класса».
8. Раскройте суть понятия «эффект Веблена».
9. Каковы предпосылки и сценарий реформ Т. Веблена?
10. В чем «новизна» трактовки категории «стоимость» у Дж. Коммонса?

11. Изложите особенности идей Дж. Коммонса по поводу реформирования экономики правительством, подконтрольным общественному мнению.
12. Какие этапы в эволюции «капитализма» обозначил Дж. Коммонс?
13. Почему У. Митчелла принято называть автором концепции «измерения без теории»?
14. В чем состоит личный вклад У. Митчелла в институциональное направление экономической мысли?

Список рекомендуемой литературы

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Митчелл У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.—Л., 1930.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Глава 18. Теории рынка с несовершенной конкуренцией

Усвоив материал этой главы, вы будете знать:

- что такое «монополистическая» и «несовершенная» конкуренция и какие авторы раскрыли их теоретическую сущность;
- как дифференция продукта может обусловливать монополию, т.е. овладение рынком;
- какая существует взаимосвязь между размерами предприятий и монополией продавцов и покупателей;
- почему теории монополий 30-х гг. XX в. явились одной из предпосылок возникновения концепций государственного регулирования экономики.

В начале XX в. процесс модификации экономики свободной конкуренции в монополистическую значительно ускорился и на Европейском континенте, где идеи экономического либерализма, провозглашающие полную свободу торговли (фритредерство) и рынков и другие положения о невмешательстве государства в экономику, перестали, так же как и в США, соответствовать реальной действительности.

Следствием усилившейся монополистической организации бизнеса в хозяйственной жизни стал продолжавшийся в течение 1929—1933 гг. мировой экономический кризис.

В этих условиях всесильный «закон рынков» Ж.Б. Сэя, на который более ста лет опирались представители «чистой экономической теории» — вначале классики, а затем маржиналисты, утратил свое незыблемое значение. Несовершенная конкуренция вслед за институционалистами стала предметом исследования и у неоклассиков. Причем, как выяснилось впоследствии, проблемы несовершенного рынка, представленного монополизированными структурами хозяйствующих субъектов, из числа представителей неоклассической экономической мысли почти одновременно рассмотрели в своих работах профессор Гарвардского университета Э. Чемберлин и профессор Кембриджского университета Дж. Робинсон. Их теории стали, несомненно, важным успехом ученых-экономистов XX в.

Итак, в 1933 г. на противоположных берегах Атлантики американец Э. Чемберлин и англичанка Дж. Робинсон издали свои книги, назвав их соответственно *«Теория монополистической конкуренции»* и *«Экономическая теория несовершенной конкуренции»*.

При всей несхожести данные произведения объединяют достаточно глубокий анализ и осмысление действия рыночного механизма при обстоятельствах, нарушающих (исключающих) условия свободной конкуренции. В частности, оба автора исходят из того, что рыночная цена складывается не при коллективных действиях участников рынка, так как неоднородность товарной продукции (дифференциация) лишает возможности полной информированности покупателей о ценах на нее, а фирм-производителей — конкурировать между собой из-за отсутствия выбора более эффективной деятельности.

Другими словами, неоклассики в лице Э. Чемберлина и Дж. Робинсон *основную причину нарушения равновесия в экономике по-прежнему рассматривают в «категориях» и «законах» экономической среды,* в то время как для институционалистов несовершенная конкуренция является следствием влияния на экономический рост прежде всего «человеческого фактора», порождающего социально-психологические, правовые и другие проблемы общественного развития, в том числе в области экономики[1].

§ 1. Теория монополистической конкуренции Э. Чемберлина

Эдвард Хейстингс Чемберлин (1899—1967), уроженец штата Вашингтон (США) из семьи протестантского пастора. В 1921 г. закончил университет Айовы. Через год в Мичиганском университете получил степень магистра, а еще через пять лет, будучи докторантом в Гарвардском университете, защитил диссертацию по проблематике монополистической конкуренции. Вся последующая деятельность с 1927 г. и до кончины в 1967 г. связана с преподаванием в университете Гарварда, не считая годичной работы в Бюро стратегической службы США и специального в 1951 г. турне в западноевропейские страны для разъяснения положений своих теоретических нововведений.

Важной вехой в творческой и научной биографии Э. Чемберлина явилось избрание главой отделения экономической теории Гарвардского университета (1939—1943), включавшего тогда в свой состав таких именитых ученых, как В. Леонтьев, Э. Хансен, Й. Шумпетер и другие, а также назначение на пост редактора гарвардского «Куортели джорнел оф экономикс» (1948—1958). В 1965 г. был избран заслуженным членом Американской экономической ассоциации. В 1967 г. в память о нем был издан сборник трудов экономистов под названием «Теория монополистической конкуренции: исследования взаимодействия»[2].

В течение 1933—1962 гг. его произведение переиздавалось в США 8 раз, являясь и ныне одним из популярных учебных пособий в преподавании курса экономической теории многих стран. В нем содержится всесторонняя характеристика сущности монополии, приводится убедительный анализ образования монопольной цены и монопольной прибыли.

Сущность монополии и монополистической конкуренции

Одно из основных теоретических положений книги состоит в том, что главным условием овладения рынка или, говоря словами гарвардского профессора, *сутью монополии является контроль над предложением*[3], а значит, и ценой, который достигается усилением взаимозаменяемости соперничающих товаров, т.е. «дифференциацией продукта». Э. Чемберлин по этому поводу пишет: «Вместе с дифференциацией появляется монополия, и по мере усиления дифференциации элементы монополии становятся все значительнее. Везде, где в какой-либо степени существует дифференциация, каждый продавец обладает абсолютной монополией на свой собственный продукт, но вместе с тем подвергается конкуренции со стороны более или менее несовершенных заменителей»[4]. Исходя из этого он полагает, что о положении всех продавцов правомерно говорить как о «конкурирующих монополистах» в условиях действия сил «монополистической конкуренции».

Сущность несовершенного (неравновесного) рынка

Рынки, на взгляд Э. Чемберлина, взаимосвязаны, поскольку на каждом из них не зависящие друг от друга продавцы вынуждены взаимодействовать для реализации близкой по своему назначению продукции. При этом ученый убежден, что *«рынки в реальной действительности более или менее несовершенны», а «наивное умозаключение, гласящее, что фактическим результатам свойственно «стремиться» к равновесию, не имеет под собой оснований»*[5].

В результате каждый продавец рассматривается им в качестве монополиста, формирующего собственный круг покупателей, т.е. свой субрынок, за счет обладания своим «уникальным» товаром, и уровень «дифференциации продукта» которого отражает, в какой мере продавец регулирует цену и выступает на рынке монополистом. Это означает также, что реальный объем предложения товаров и услуг окажется меньше, а цены на них будут выше, чем в условиях «чистой» конкуренции. Монополия продавца на свой продукт и монополисты, конкурирующие между собой в условиях монополистической конкуренции, невозможны, по мысли Э. Чемберлина, без главного условия — дифференциации продукта.

Концепция «дифференциации продукта»

В главе 4, названной «Дифференциация продукта», Э. Чемберлин, раскрывая сущность этой категории, отмечает, что *основным признаком дифференцированного продукта является наличие у товара (или услуги) одного из продавцов какого-либо существенного отличительного признака*. Этот признак для покупателя может быть как реальным, так и воображаемым, *лишь бы он привел к тому, чтобы было отдано предпочтение разновидности именно данного продукта*. «Там, где существует такого рода дифференциация, — уточняет он, — покупатели будут группироваться попарно с продавцами не по воле случая и не беспорядочно (как это происходит при чистой конкуренции), а в соответствии с выбором, основанным на предпочтении»[6].

Значит, продавец-монополист, по логике Э. Чемберлина, может и увеличивать объем продаваемой продукции, прибегая посредством дополнительных затрат к снижению ее цены и полагая, что остальные продавцы одноименной «группы» товаров не смогут сразу поступить также, т.е. повысить уровень издержек производства. В этом, на его взгляд, основная причина того, что фирма-конкурент данной марки товара, снижая на него цену или осваивая выпуск нового конкурирующего товара, по сути не обеспокоена тем, что аналогичные меры будут предприняты другими конкурентами[7].

Концепция неценовых факторов конкуренции

В развитие своей идеи о процессе «дифференциации продукта» как о естественной реакции конкурентов на не менее естественное проявление самой конкуренции Э. Чемберлин обосновывает растущее влияние на этот процесс неценовых факторов конкуренции, имея в виду обусловленное особыми свойствами и индивидуальными особенностями *качество товаров и рекламу*. При этом он пишет: «Дифференциация может базироваться на определенных особенностях самого продукта, вроде таких, *как особые свойства* — фабричные марки, фирменные названия, своеобразие упаковки или тары (если таковые имеются), или же таких, как *индивидуальные особенности,* относящиеся к качеству, форме, цвету или стилю» (курсив мой. — *Я.Я.*)[8].

А о рекламе автор «Теории монополистической конкуренции» высказал чрезвычайно важные положения, актуальность которых во многом сохраняется и в наши дни. Так, в главе 5 отмечается двойственная форма воздействия рекламы на спрос, имея в виду ее влияние как на формирование потребностей, так и на их изменение. В главе 7 влияние рекламы на увеличение спроса на продукт увязывается с возможностью продавца сбывать большее количество своего продукта независимо от назначаемой цены, «чем без помо-

щи рекламы». С этой точки зрения, отмечает гарвардский профессор, «искусство рекламиста сродни искусству гипнотизера», ибо «требуется завоевать контроль над состоянием покупателя, и, когда такой контроль завоеван, добавочные затраты (на рекламу. — *Я.Я.*) приносят увеличение дохода»[9]. Но одновременно высказывается и напоминание о том, что доход от повторения рекламы увеличивается не бесконечно, поскольку «сопротивление, вызывающее уменьшение дохода, все время усиливается по мере того, как расширяются затраты по сбыту»[10].

Увязывая сказанное с розничной торговлей, к обозначенным факторам неценовой конкуренции на базе дифференциации им прибавлены еще и такие, как «удобство местонахождения продавца, общая атмосфера или общий стиль, свойственные его заведению, его манере ведения дел, его репутация как честного дельца, любезность, деловая сноровка и все личные узы, которые связывают его клиентов либо с ним самим, либо с теми, кто у него работает»[11].

Теория стоимости и феномен избытка мощности

Совокупность названных неценовых факторов, по мнению Э. Чемберлина, должна учитываться в рамках *истинной теории стоимости*. Поэтому неверно, полагает он, чтобы монополия и конкуренция рассматривались как антитезы и взаимоисключающие начала, считая, что «учет обеих является в большинстве случаев непременным условием рационального объяснения цен»[12]. И несмотря на то, что по сложившемуся стереотипу «даже само выражение «монополистическая конкуренция» кажется многим парадоксом, жонглированием словами», необходимо, пишет он, понимать следующее: *«При чистой конкуренции рынок каждого продавца сливается с рынками его соперников; при условиях же, с которыми мы имеем дело сейчас* (условия монополистической конкуренции. — *Я.Я.*)*, приходится считаться с тем, что этот рынок в известной мере обособлен от других, так что все в совокупности представляют собой не единый рынок многих продавцов, а сеть взаимосвязанных рынков, распределенных между продавцами по одному на каждого»*[13].

Если принять первое условие, соглашается Э. Чемберлин, тогда в соответствии с теорией чистой конкуренции рынок отдельного продавца сливается с общим рынком и любой продавец сможет сбыть столько товаров, сколько ему заблагорассудится, но только по действующей цене. По второму условию, когда в силу монополистической конкуренции рынок отдельного продавца в известной степени обособлен от рынков его соперников, объем сбыта товаров «лимитирован и определяется тремя новыми факторами: 1) ценой, 2) особенностями продукта и 3) затратами на рекламу»[14].

Гарвардский профессор убежден, что в предложенной классификации факторов монополистической конкуренции на базе дифференциации продукта имеют место такие факторы, которые инициируются продавцами для влияния на потребительские решения покупателей. В их числе он особо выделяет факторы, препятствующие снижению цены, и, как пример, называет, в частности, *присущую потребителю склонность рассматривать более низкую цену как показатель более низкого качества продукта.*

Однако и в таких случаях, утверждает автор «Теории монополистической конкуренции», конкурентная борьба продавцов-монополистов не исчерпывает себя, ссылаясь при этом на обычные жизненные наблюдения[15].

Именно к специфической особенности монополистической конкуренции относит Э. Чемберлин то обстоятельство, что она устраняет ценовую конкуренцию, из-за чего постоянным и обычным явлением становится *феномен избытка мощности,* который (избыток) «безнаказанно» нарастает в течение длительных периодов благодаря покрытию ценами, всегда превышающими издержки. На его взгляд, данный феномен, свидетельствующий о степени овладения «известными частями общего рынка», поддерживается не только отдельными патентами и фабричными марками, но и такими явлениями, как репутация, мастерство, особые дарования. Эти явления — часть сферы деятельности лиц свободных профессий, и они также являются предметом «теории монопольных доходов», — заключает ученый[16].

Резюмируя достигнутые теоретико-методологические построения, гарвардский профессор в конце главы 5 своей книги приходит еще к одному серьезному выводу: *«Проблема цены дифференцированного продукта не может быть втиснута в рамки конкурентных кривых спроса и издержек, ибо это приводит к заведомым ошибкам в выводах; цена получается слишком низкой, масштабы производства — слишком крупными, а число предприятий — слишком малым.* Помимо этого, два дополнительных аспекта конкуренции — дифференциация и издержки сбыта — выпадают совершенно»[17]. Вот почему, объясняет здесь же Э. Чемберлин, неполное знание цен уменьшает эластичность спроса на продукты подобно тому, как реклама, парализуя действие этого фактора, делает спрос более эластичным, а ценовую конкуренцию — более широкой, покрывая требующиеся дополнительные издержки ценой[18].

Как видим, по мысли ученого, эволюция конкурентной борьбы повышает качество товаров (о чем могут свидетельствовать патенты, авторские права, защитные фирменные знаки и фирменная упаковка и даже стремление к выгодному местонахождению фирмы с целью качественного улучшения продукции), а реклама в

отличие от условий свободной конкуренции не допускает слияния рынков. Очевидно, что факторы неценовой конкуренции побуждают фирмы искать новые «ниши» потребностей покупателей, прививая им как бы «денежные каноны вкуса»[19].

Концепция издержек производства и сбыта

Более основательно мысль о кажущемся противоречии своей теории стоимости с классической и неоклассической версиями теории стоимости Э. Чемберлин пытается развеять в главе 6 книги, где дается аргументация положения о нетождественности, во-первых, издержек производства и отпускной цены производителя и, во-вторых, издержек по сбыту с разницей между конечной розничной ценой и ценой производителя. В этой связи, в частности, подчеркнуто, что издержки не исчерпываются затратами на производство товара в пределах фабрики, что по сути можно отнести к издержкам производства и издержки на перевозку, сортировку, хранение, доставку на дом, так как «они увеличивают полезность товара, т.е. делают его более пригодным для удовлетворения потребностей». Отсюда автор «Теории монополистической конкуренции» приходит к выводу: *«Проведение грани между двумя видами издержек* (издержки сбыта и издержки производства. — *Я.Я.*) *имеет для теории стоимости такое же фундаментальное значение, как проведение различия между предложением и спросом;* и по существу говоря, первое различие необходимо вытекает из последнего. *Издержки сбыта увеличивают спрос на соответствующий продукт; издержки производства увеличивают его предложение»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[20].

Историческое значение теории монополистической конкуренции

Во-первых, согласно теории Э. Чемберлина, вместо нереальной, являющейся искусственной абстракцией, категории «чистая конкуренция» правомерно вести речь о конкуренции монополистической, когда продавцы при этом всегда сохраняют возможность конкурировать между собой, манипулируя с ценой и контролируя ее уровень, и быть хозяином «на своем рынке».

Во-вторых, введенное им понятие *«монополистическая конкуренция»*[21] стало альтернативой понятию *«чистая конкуренция»*. Ведь при монополистической конкуренции: рыночная структура представлена достаточно большим числом продавцов и на деятельность одной фирмы не влияет эффективность деятельности другой соперничающей с ней фирмы; покупатели предпочитают ту продукцию, разнородность которой обусловлена торговой маркой и прочими качественными характеристиками конкретного продавца;

«дифференцированный продукт», т.е. ту или иную марку продукта, являющегося близким субститутом, имеет возможность производить любой «новый» продавец или, как говорят, «вход» в отрасль или в рынок группы товаров не ограничен.

В-третьих, если прежде «классики» и «неоклассики» решающим условием экономического роста считали чистую конкуренцию и конкретная борьба допускалась только на слитом воедино рынке, то, по теории Э. Чемберлина, *конкуренция имеет место и в условиях монополии на базе «дифференциации продукта»,* когда у товаров одного и того же вида возникают особые свойства и покупатель получает возможность выразить свое предпочтение одному из товаров этого вида.

В-четвертых, если «классики» и «неоклассики» вытеснение чистой конкуренции монополией видели в затухании ценовой борьбы, то, на взгляд Э. Чемберлина, *конкурентная борьба всегда имела место между конкурентами-монополистами,* проявляясь через развитие и ценовой и неценовой конкуренции, обусловленной совершенствованием качества продукта и рекламы.

В-пятых, суждения Э. Чемберлина впервые навели исследователей идей экономического либерализма на мысль о том, что *не существует ни чистой конкуренции, ни чистой монополии,* что монополистическая по своей сути конкуренция может иметь место и при достаточно большом количестве продавцов, обостряясь по мере увеличения взаимозаменяемости соперничающих товаров. Отсюда уместными становятся выводы о возможности в условиях монополистической конкуренции покупателю предпочесть один конкурирующий товар другому и одного продавца абсолютно неэквивалентного одноименного товара другому продавцу. Это, по логике Э. Чемберлина, также означает, что выдержать состязание с крупным хозяйствующим субъектом и быть монополистом может и мелкий либо средний продавец (торговец) и производитель, т.е. *монополия, вопреки марксистским критикам, не обязательно является следствием финансового контроля, концентрации производства и централизации капитала, ибо рыночной системе свойственны и усиливающие конкуренцию тенденции*[22].

Комментарии Э. Чемберлина о значении его теории

Важно обратить внимание на главу 9 «Теории монополистической конкуренции», включенную Э. Чемберлином в книгу в 1937 г. на базе собственной исправленной и дополненной статьи. Она содержит ряд существенных комментариев. К примеру, ученым подчеркивается, что *дифференциацию продукта не следует рассматривать «в самом широком смысле»,* поскольку ее (дифферен-

циации) не может быть хотя бы без самой незначительной важности «по крайней мере для некоторого числа покупателей». Еще один комментарий связан с понятием «монополистическая конкуренция», которую гарвардский профессор характеризует как «вызов традиционной точке зрения экономической науки», считая, что из его сути не явствует альтернативная друг другу природа таких явлений, как конкуренция и монополия, и что отдельные цены (благодаря этому понятию) «следует объяснять либо в категориях конкуренции, либо в категориях монополий». Кроме того, говоря о категориях «несовершенная конкуренция» и «монополистическая конкуренция», ученый разъясняет тенденциозность суждений тех, кто связывает их «как два разных названия одного и того же явления», и указывает на то, что элементы сходства этих категорий «достаточно оценены, но их несходство едва ли осознано». При этом он пишет: «...я вполне сознаю, что многие не уловят важности этого различия и увидят здесь всего лишь вопрос терминологии»[23].

Суммируя итоги своего исследования, Э. Чемберлин выражает непоколебимую уверенность в естественной сущности монополии в конкурентной среде, т.е. в том, что предпринимательство в значительной своей части «составляют попытки всякого предпринимателя воздвигнуть собственную монополию, распространить ее насколько возможно и защитить ее против попыток других предпринимателей расширить свои монополии»[24]. Но задача, по его мысли, состоит в том, чтобы через экономическую науку пришло «полное осознание того обстоятельства, что продукт всегда дифференцирован», «что чистую конкуренцию нельзя больше считать во всех отношениях «идеалом» для экономики благосостояния»[25].

В заключение отметим, что впоследствии Э. Чемберлин и сторонники его теории монополистической конкуренции выдвинули положение *о сохранении конкуренции и при «групповой монополии»,* в соответствии с которым речь идет о разделе сфер влияния на рынке между партнерами-конкурентами с целью реализации неоднородной (дифференцированной) товарной продукции без снижения цены до уровня предельных издержек. Другой характерной особенностью современной редакции теоретических положений Э. Чемберлина является выдвижение наряду с идеей о «дифференциации продукта», т.е. о его исключительном качестве, еще и дополнительных неценовых условий усиления монополистической конкуренции, как-то: техническое усовершенствование, достигнутое отдельным товаропроизводителем; особое обслуживание покупателей, обеспечивающее фирме респектабельную репутацию, и т.д.

§ 2. Экономическая теория несовершенной конкуренции Дж. Робинсон

Джоан Вайолет Робинсон (1903—1983) закончила Кембриджский университет, став одним из видных представителей и продолжателей учения школы А. Маршалла. Должность профессора в этом же университете занимала с 1965 по 1971 г. Она относится к числу тех авторов в экономической науке, кому мировую известность принесла работа, написанная в самом начале творческого пути, если учесть, что «Экономическая теория несовершенной конкуренции» вышла из-под ее пера в возрасте всего 30 лет.

Сущность несовершенной конкуренции

Главная идея книги заключается в *выявлении рыночных аспектов функционирования монополий,* конкуренция в условиях существования которых и между которыми в связи с нарушением равновесия в экономике является, на ее взгляд, несовершенной (а по терминологии Э. Чемберлина — монополистической). Как и Э. Чемберлин, Дж. Робинсон ставит перед собой исходную задачу — выяснить механизм установления цен в ситуации, когда производитель выступает монопольным обладателем собственной продукции, т.е. почему цена имеет именно эту величину и почему покупатель соглашается купить товар по установленной продавцом цене, приносящей ему монопольную прибыль. Но дальнейшие рассуждения автора во многом расходятся с логическими построениями Э. Чемберлина. В частности, если последний монополистическую конкуренцию увязывал с одной из характеристик естественного состояния рынка в равновесии, то Дж. Робинсон, *говоря о несовершенной конкуренции, видела в ней прежде всего нарушение и потерю нормального равновесного состояния конкурентной хозяйственной системы и даже «эксплуатацию» наемного труда.*

Основные теоретические положения

Как видно из содержательной части «Теории несовершенной конкуренции», сущность монополии рассматривается в ней негативно, как фактор, дестабилизирующий социально-экономические отношения рыночной среды. Поэтому в этой работе можно выделить следующие основные положения.

Во-первых, по убеждению Дж. Робинсон, *в условиях совершенной конкуренции* предприниматели меньше заинтересованы в монополизации производства, чем *в условиях несовершенного рынка,* в котором отдельные фирмы не могут достичь оптимальных размеров, функционируют неэффективно, и «поэтому монополист имеет возможность не только повысить цены на свою продукцию, ог-

раничивая выпуск, но также снизить издержки производства путем совершенствования организации производства в отрасли»[26].

Во-вторых, на взгляд Дж. Робинсон, кроме того, что монополия требует заметной обособленности продукции от «товаров-субститутов» или, говоря по-другому, дифференциации, необходимо и дополнительное условие, в соответствии с которым *«фирма-монополист должна характеризоваться размерами, превышающими оптимальные»*[27].

В-третьих, на монополизированном рынке с его несовершенной конкуренцией, как показала Дж. Робинсон, возможна ситуация, требующая выяснения, «каким будет количество покупаемой продукции, если рассматривать рынок, состоящий не из бесконечно большого числа конкурирующих между собой покупателей, а из единичного объединения покупателей»[28]. Эту ситуацию концентрации спроса, когда на рынке действует масса мелких продавцов и один-единственный покупатель, она назвала *монопсонией, т.е. монополией покупателей*.

В-четвертых, завершая собственное «теоретическое исследование», Дж. Робинсон приходит «...к заключению, что преобладание в действительном мире условий несовершенной конкуренции способствует возникновению тенденции к эксплуатации факторов производства и усиливается благодаря образованию крупных объединений, поглощающих многие прежде конкурировавшие между собой фирмы»[29], «что *увеличение размеров единицы управления обязательно способствует еще большей несправедливости в распределении богатства*»[30].

Дилемма об эффективности и справедливости

Исходя из этих и других суждений в связи с проблемами монополизации производства Дж. Робинсон указывает на необходимость решения *дилеммы: эффективность или справедливость*. По ее мнению, «...чтобы объяснить предпочтительность монополизации, недостаточно показать, что она способствует повышению эффективности производства»[31]. Однако, как заметил М. Блауг, «вера в то, что «эффективность» и «справедливость» могут быть каким-то образом разделены, представляет собой одну из наиболее давних иллюзий экономической науки»[32].

В результате своего исследования Дж. Робинсон вполне могла бы сделать и другие логические выводы, в том числе о конкретных мерах государственного вмешательства в экономику с целью устранения выявленных ею противоречий несовершенной конкуренции. Обстоятельное обоснование таких мер предложил спустя три года после выхода в свет книги Дж. Робинсон другой ученый (также представитель Кембриджской школы и один из учеников А. Маршалла) Дж.М. Кейнс[33].

Вопросы и задания для контроля

1. Каковы историко-экономические предпосылки возникновения теорий о рынке с несовершенной конкуренцией?
2. Как характеризует Э. Чемберлин суть монополии?
3. Что такое «дифференциация продукта»? Приведите примеры.
4. Какие неценовые факторы конкуренции обусловливают «дифференциацию продукта»?
5. Чем подтверждается «феномен избыточной мощности» в условиях монополистической конкуренции?
6. Как различает Дж. Робинсон условия совершенной и несовершенной конкуренции?
7. Какие негативные признаки присущи, по мнению Дж. Робинсон, фирме-монополисту?
8. Что называет Дж. Робинсон монопсонией?
9. Приведите аргументы «за» и «против» выдвинутой Дж. Робинсон дилеммы: эффективность или справедливость.

Список рекомендуемой литературы

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции (Реориентация теории стоимости). М.: Экономика, 1996.

Часть вторая
ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Глава 19. Кейнсианство

Изучив эту главу, вы сможете ответить на вопросы:

- что такое кейнсианство;
- почему «Общая теория» Дж.М. Кейнса — «ужасно написанная книга... гения» (П. Самуэльсон) — стала поворотным пунктом в экономической науке XX в.;
- какова роль макроисследования в «просто непричесанной книге» Дж.М. Кейнса в выявлении «моделей» функционирования современной экономики (М. Блауг);
- что нового внесли в теории государственного регулирования экономики последователи экономического учения Дж.М. Кейнса.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. обрушился с колоссальной силой как на развитые, так и на неразвитые в промышленном отношении страны[1]. Поэтому совершенно очевидно, что, поскольку «сила» неоклассической теории конца XIX — начала XX в. распространялась главным образом на микроэкономический анализ, в условиях нетипичного, можно сказать, кризиса, сопровождавшегося всеобщей безработицей, стал необходим еще и иной — макроэкономический анализ, к которому, в частности, обратился один из величайших экономистов XX столетия английский ученый Дж.М. Кейнс[2].

Одновременно, начиная с 30-х гг., как сказал Н. Кондратьев, в области «социальной экономии» мы наблюдаем «острую борьбу экономистов около вопросов государственного вмешательства и свободы хозяйственной деятельности, трестирования и синдицирования, протекционизма и фритредерства»[3]. А возникшие в этой связи новые проблемы научных исследований вплоть до наших дней не теряют своей актуальности, ибо основное их содержание — *это государственное регулирование экономики в рыночном хозяйстве*. С тех пор берут свое начало нацеленные на решение этих проблем теории, которые с высот сегодняшней науки правомерно подразделить на *два направления*. Одно из этих направлений опирается на

учение Дж.М. Кейнса и его последователей, и рекомендуемые ими меры государственного вмешательства в экономические процессы называют, как правило, *кейнсианскими*. Другое направление обосновывает альтернативные кейнсианству концепции, авторов которых принято называть *неолибералами*.

§ 1. Экономическое учение Дж.М. Кейнса

Джон Мейнард Кейнс (1883—1946) — выдающийся ученый-экономист современности. Он учился у не менее именитого ученого, основателя Кембриджской школы экономической мысли А. Маршалла. Но, вопреки ожиданиям, не стал его наследником, едва не затмив славу своего учителя.

Своеобразное осмысление последствий самого длительного и тяжелого экономического кризиса 1929—1933 гг., охватившего многие страны мира, отразилось в совершенно неординарных в тот период положениях изданной Дж.М. Кейнсом в Лондоне книги под названием «Общая теория занятости, процента и денег» (1936)[4].

Незаурядные способности к математике, обнаруженные еще в школе, стали ему важным подспорьем в годы учебы в Итоне и Королевском колледже в Кембридже, где он учился с 1902 по 1906 г. Причем ему довелось слушать «особые» лекции самого А. Маршалла, по инициативе которого, как уже упоминалось, в Кембриджском университете с 1902 г. был введен курс «экономикс» вместо «политической экономии» в традициях классической школы.

С 1906 по 1908 г. он являлся сотрудником в министерстве, проработав в первый год в военном отделе, а в дальнейшем — в отделе доходов, статистики и торговли Управления по делам Индии.

В 1908 г. по приглашению А. Маршалла ему предоставляется возможность прочитать курс лекций по экономической проблематике в Королевском колледже, после чего с 1909 по 1915 г. занимается здесь же преподавательской работой на постоянной основе одновременно и как экономист, и как математик.

Уже первая его экономическая статья под названием «Индексный метод» (1909) вызвала оживленный интерес; ее отмечают даже призом Адама Смита.

Достаточно скоро Дж.М. Кейнс получает и общественное признание. Так, с 1912 г. он становится редактором «Экономического журнала», сохранив за собой этот пост до конца жизни. В 1913—1914 гг. является членом Королевской комиссии по финансам и денежному обращению Индии. Еще одним назначением этого периода стало утверждение его в качестве секретаря королевского экономического общества. Наконец, широкую популярность принесла ему и первая, изданная в 1913 г., книга «Денежное обращение и финансы Индии».

Далее популярный в своей стране ученый-экономист Дж.М. Кейнс дает согласие перейти на службу в британское казначейство, где с 1915 по 1919 г. занимается проблемами международных финансов, выступает нередко в качестве эксперта в финансовых переговорах Великобритании, проводившихся на уровне премьер-министра и канцлера казначейства. В частности, в 1919 г. он являлся главным представителем казначейства на мирной конференции в Париже и одновременно представителем британского министра финансов в Высшем экономическом совете Антанты. В том же году изданная им книга «Экономические последствия Версальского мирного договора» приносит ему всемирную известность; ее переводят на различные языки[5].

Затем Дж.М. Кейнс на значительный период оставляет службу в государственных учреждениях, сосредоточившись на преподавательской работе в Кембриджском университете и подготовке научных публикаций. В их числе появляются «Трактат о вероятности» (1921), «Трактат о денежной реформе» (1923), «Экономические последствия мистера Черчилля» (1925), «Конец свободного предпринимательства» (1926), «Трактат о деньгах» (1930) и некоторые другие, приближавшие великого ученого к самому главному вышедшему в 1936 г. труду — «Общей теории»[6].

К активной общественно-политической деятельности Дж.М. Кейнс возвращается в конце 1929 г., когда с ноября того же года его назначают членом правительственного комитета финансов и промышленности. В годы второй мировой войны (в 1940 г.) он назначается советником британского казначейства. В 1941 г. его включают в состав английской правительственной делегации для участия в подготовке материалов по договору ленд-лиза и других финансовых документов с правительством США. Следующий — 1942 г. стал годом назначения на пост одного из директоров английского банка. В 1944 г. он утверждается главным представителем своей страны на Бреттон-Вудской валютной конференции, которая разработала планы создания Международного валютного фонда и Международного банка восстановления и развития, а затем назначается одним из членов правлений этих международных финансовых организаций. Наконец, в 1945 г. Дж.М. Кейнс вновь возглавляет английскую финансовую миссию — на этот раз в США — для проведения переговоров в связи с окончанием помощи по ленд-лизу и согласованием условий для получения у США крупного займа[7].

Новизна главной идеи «Общей теории»

По оценкам многих экономистов, «Общая теория» Дж.М. Кейнса явилась поворотным пунктом в экономической науке XX в. и во многом определяет экономическую политику стран и в настоящее время[8].

Ее главная и новая идея состоит в том, что *система рыночных экономических отношений отнюдь не является совершенной и саморегулируемой и что максимально возможную занятость и экономический рост может обеспечить только активное вмешательство государства в экономику.* Восприятие этой идеи прогрессивной общественностью как должной и правильной обусловлено, по словам современного американского экономиста Дж.К. Гэлбрейта, тем, что «к 30-м гг. (XX столетия. — *Я.Я.*) тезис о существовании конкуренции между многими фирмами, которые неизбежно являются мелкими и выступают на каждом рынке, стал несостоятельным»[9], поскольку «неравенство, возникающее в результате существования монополии и олигополии, распространяется на сравнительно узкий круг людей и в силу этого в принципе может быть исправлено вмешательством государства»[10].

Во многом аналогичным образом расценивают главную идею великого труда Дж.М. Кейнса и многие другие ученые, в их числе М. Блауг[11] и др.

Предмет и метод изучения

Новаторство экономического учения Дж.М. Кейнса в части предмета изучения и в методологическом плане проявилось, во-первых, в предпочтении макроэкономического анализа микроэкономическому подходу, сделавшего его *основоположником макроэкономики как самостоятельного раздела экономической теории,* и, во-вторых, в обосновании (исходя из некоего *«психологического закона»*) концепции так называемого «эффективного спроса», т.е. потенциально возможного и стимулируемого государством спроса[12]. Опираясь на собственную, «революционную» по тем временам методологию исследования Дж.М. Кейнс в отличие от своих предшественников и наперекор господствовавшим экономическим воззрениям *утверждал о необходимости недопущения с помощью государства урезания заработной платы как основного условия ликвидации безработицы, а также о том, что потребление ввиду психологически обусловленной склонности человека к сбережению растет гораздо медленнее доходов.*

Психологические склонности человека

По Кейнсу, *психологическая склонность человека сберегать определенную часть дохода* сдерживает увеличение дохода из-за сокращения объема капиталовложений, от которых зависит перманентное получение доходов[13]. Что касается *предельной склонности человека к потреблению,* то она, по мнению автора «Общей теории», якобы постоянна и может поэтому обусловливать устойчивое соотношение между увеличением инвестиций и уровнем дохода[14].

Сказанное свидетельствует о том, что в методологии исследования Дж.М. Кейнса учитывается немаловажное влияние на экономический рост и неэкономических факторов, как-то: государство (стимулирующее потребительский спрос на средства производства и новые инвестиции) и психология людей (предопределяющая степень осознанных взаимоотношений хозяйствующих субъектов). Вместе с тем кейнсианское учение являет собой по преимуществу продолжение основополагающих методологических принципов неоклассического направления экономической мысли, поскольку и сам Дж.М. Кейнс, и его последователи (впрочем, как и неолибералы), следуя идее «чистой экономической теории», исходят из приоритетного значения в хозяйственной политике общества прежде всего экономических факторов, определяя выражающие их количественные показатели и связи между ними, как правило, на базе методов предельного и функционального анализа, экономико-математического моделирования.

Методологическая связь с концепцией меркантилизма

Дж.М. Кейнс не отрицал влияния меркантилистов на созданную им концепцию государственного регулирования экономических процессов. Его общие с ними суждения очевидны и заключаются:

- в стремлении увеличения массы денег в стране (как средство их удешевления и соответственно снижения ставок ссудного процента и поощрения инвестиций в производство);
- в одобрении роста цен (как способ, стимулирующий расширение торговли и производства);
- в признании того, что недостаток денег служит причиной безработицы;
- в понимании национального (государственного) характера экономической политики.

Методологические расхождения с классиками и неоклассиками

В «Общей теории» Дж.М. Кейнса отчетливо прослеживается мысль о нецелесообразности чрезмерной бережливости и накопительства и, наоборот, возможной пользе всемерного расходования средств, поскольку, как полагал ученый, в первом случае средства, скорее всего, приобретут *неэффективную ликвидную (денежную) форму,* а во втором — могут быть направлены на увеличение спроса и занятости[15]. Он также резко и аргументированно критикует тех экономистов, которые привержены догматическим постулатам «закона рынков» Ж.Б. Сэя и другим сугубо «экономическим» законам, называя их представителями классической школы.

В данной связи Дж.М. Кейнс, в частности, писал: «Со времен Сэя и Рикардо экономисты-классики учили: предложение само порождает спрос... что вся стоимость продукции должна быть израсходована прямо или косвенно на покупку продуктов»[16]. На основании подтверждающих данный тезис выдержек из «Основ политической экономии» Дж.С. Милля и «Чистой теории национальных стоимостей» А. Маршалла Дж.М. Кейнс заключает, что у классиков и их преемников «теория производства и занятости может быть построена (как у Милля) на основе натурального обмена; деньги же никакой самостоятельной роли в экономической жизни не играют»[17], поэтому «закон Сэя... равносилен предположению, что не существует препятствий к достижению полной занятости»[18].

«Основной психологический закон»

Суть этого «закона» Дж.М. Кейнса такова: *«Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растет доход»*[19]. И в этом определении его недвусмысленная теоретико-методологическая позиция, в соответствии с которой для выявления причин неполной занятости и неполной реализации, неравновесности экономики, а также для обоснования методов ее внешнего (государственного) регулирования «психология общества» имеет не меньшее значение, чем «законы экономики».

В частности, поэтому Дж.М. Кейнс утверждает, что «воспитание... государственных деятелей на принципах классической политической экономии» не позволит им «выбрать какой-либо лучший путь», стимулирующий увеличение богатства, кроме как надежда на «сооружение пирамид, землетрясения, даже войны»[20]. Отсюда, по его мнению, «если только психологические склонности участников экономического процесса действительно оказываются примерно такими, какими мы их здесь предполагали, то можно считать, что существует закон, согласно которому расширение занятости, непосредственно связанное с инвестициями, неизбежно должно оказать стимулирующее влияние на те отрасли, которые производят потребительские блага, и, таким образом, повести к увеличению совокупной занятости, причем такое увеличение превосходит прирост первичной занятости, непосредственно связанной с дополнительными инвестициями»[21].

Концепция мультипликатора инвестиций

Между тем наращивание инвестиций и обусловленный этим рост национального дохода и занятости населения может рассматриваться как целесообразный экономический эффект. Последний, получивший в экономической литературе название эффекта мультиплика-

тора, означает, что «увеличение инвестиций приводит к увеличению национального дохода общества, причем на величину большую, чем первоначальный рост инвестиций»[22]. В специфичной разгадке механизма этого «эффекта» заключается ответ на вопрос, почему в научных изысканиях Дж.М. Кейнса столь много внимания уделено концепции мультипликатора, которую, по его словам, ввел в экономическую теорию еще в 1931 г. Р.Ф. Кан.

Однако, характеризуя *«мультипликатор занятости»* Р.Ф. Кана как показатель, позволяющий измерять «отношение между увеличением совокупной занятости в отраслях, непосредственно связанных с инвестициями», рекомендуемый собственный коэффициент Дж.М. Кейнс назвал *«мультипликатором инвестиций»,* который в отличие от мультипликатора Р.Ф. Кана характеризует положение о том, что *«когда, происходит прирост общей суммы инвестиций, то доход увеличивается на сумму, которая в* K *раз превосходит прирост инвестиций»*[23]. Причина такого положения, подчеркивает Дж.М. Кейнс, заключается в постоянно упоминаемом им же *«психологическом законе»,* в силу которого *«по мере того, как реальный доход возрастает, общество желает потреблять постоянно уменьшающуюся его часть»*[24].

Далее он приходит к выводу о том, что «принцип мультипликатора позволяет дать общий ответ на вопрос о том, каким образом колебания инвестиций, составляющих относительно небольшую долю национального дохода, способны вызывать такие колебания совокупной занятости и дохода, которые характеризуются гораздо большей амплитудой»[25]. Но, по его убеждению, «хотя в бедном обществе размеры мультипликатора сравнительно велики, влияние колебаний в размерах инвестиций на занятость окажется много сильней в богатом обществе, так как можно предположить, что именно в последнем текущие инвестиции составляют гораздо большую долю текущей продукции»[26].

Итак, теоретическая суть эффекта мультипликатора действительно достаточно проста[27].

Меры государственного регулирования экономики

Итогом своего исследования Дж.М. Кейнс считал создание качественно новой экономической теории[28]. Последняя, на его взгляд, «указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе... Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами»[29], ибо «именно в определении объема занятости, а не в распределении труда тех, кто

уже работает, существующая система оказалась непригодной»[30]. Вот почему, по убеждению Дж.М. Кейнса, «учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства... Но все же остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности»[31].

Эффективность регулирования государством экономических процессов, на взгляд Дж.М. Кейнса, зависит от *изыскания средств под государственные инвестиции, достижения полной занятости населения, снижения и фиксирования нормы процента*. Он писал: «Рикардо и его преемники просмотрели тот факт, что даже в долгосрочном периоде занятость не обязательно стремится к уровню полной занятости, что уровень занятости может изменяться и что каждой отдельной банковской политике соответствует отличающийся от других уровень занятости. Таким образом, существует много состояний долгосрочного равновесия, соответствующих различным мыслимым вариантам процентной политики органа, регулирующего денежную систему»[32].

Как полагал Дж.М. Кейнс, *государственные инвестиции в случае их нехватки должны гарантироваться выпуском дополнительных денег, а возможный дефицит бюджета будет предотвращаться возрастанием занятости и падением нормы процента*. Иначе говоря, по концепции Дж.М. Кейнса, чем ниже норма ссудного процента, тем выше стимулы к инвестициям, к росту уровня инвестиционного спроса, что, в свою очередь, расширяет границы занятости, ведет к преодолению безработицы. При этом исходным для себя он считал такое положение о количественной теории денег, в соответствии с которым в реальной действительности «вместо постоянных цен при наличии неиспользованных ресурсов и цен, растущих пропорционально количеству денег в условиях полного использования ресурсов, мы практически имеем цены, постепенно растущие по мере увеличения занятости факторов»[33].

В этой связи М. Блауг пишет: «Для Кейнса полная занятость зависит от правильного соотношения процентной ставки и заработной платы и может быть достигнута скорее путем понижения первой, чем сокращения второй. Фундаментальная причина безработицы у Кейнса состоит в том, что ставка процента в долгосрочной перспективе остается слишком высокой...»[34]. Вместе с тем, по Блаугу, «согласно кейнсианской теории удвоение денежной массы не приводит к удвоению уровня цен, но при этом воздействует на процентную ставку... потому, что кейнсианская функция спроса на деньги, в частности спекулятивного, учитывает «денежную иллюзию» или реакцию индивидов на любое, даже номинальное, изменение запасов наличности»[35].

И резюмируя свою позицию по отношению к учению Дж.М. Кейнса, М. Блауг восклицает: *«Кейнсианская революция действительно имела место*!»[36]

§ 2. Неокейнсианские доктрины государственного регулирования экономики

В современном кейнсианстве доминируют две тенденции: американская, связанная с именами ряда экономистов США, и европейская, связанная прежде всего с исследованиями французских экономистов.

Особенности неокейнсианства в США

В числе американских последователей учения Дж.М. Кейнса чаще всего упоминаются Э. Хансен, С. Харрис, Дж.М. Кларк и др. Они, опираясь на учение Дж.М. Кейнса, считали целесообразным *увеличение налогов с доходов населения* (до 25% и более), *увеличение размеров государственных займов и выпуска денег для покрытия расходов государства* (даже если это увеличит инфляцию и дефицит государственного бюджета).

Еще одним «дополнением» в кейнсианство является *«замена» метода перманентного регулирования и направления частных и государственных инвестиций на метод маневрирования государственными расходами в зависимости от экономической конъюнктуры.* Так, в периоды подъема экономики инвестиции ограничиваются, а в периоды замедления или спада — увеличиваются (несмотря на возможный бюджетный дефицит).

Наконец, если Дж.М. Кейнс в своей теории опирался на принцип мультипликатора, который означает, что рост доходов сопровождается снижением роста инвестиций, то в США (по теории Э.Хансена) был выдвинут *дополнительный принцип — принцип акселератора,* означающий, что рост доходов в конкретных случаях может и увеличивать инвестиции. Смысл дополнения в следующем: некоторые виды оборудования, машин и механизмов имеют сравнительно длительный срок производства, и ожидание этого срока психологически влияет на расширение производства требуемого оборудования или машин в объемах, превышающих реальный спрос, а значит, растет и спрос на инвестиции.

Особенности неокейнсианства во Франции

Экономисты Франции (Ф. Перру и др.) сочли необязательным положение Дж.М. Кейнса о регулировании ссудного процента как средства стимулирования новых инвестиций. Полагая, что именно корпорации с преобладанием доли государственной собственности

являются доминирующей и координирующей силой общества, они акцентировали внимание на применении *индикативного метода планирования экономики как определяющего средства воздействия на незатухание инвестиционного процесса*. При этом индикативное планирование рекомендуется с целью постановки обязательных задач только для государственного сектора общественного хозяйства и долгосрочных достижимых прогнозов для экономики в целом; альтернативное индикативному императивное планирование рассматривается как директивное, социалистическое и потому считается недопустимым.

Теории экономического роста

В 50-е гг. некоторые сторонники основных идей экономического учения Дж.М. Кейнса и его последователей в части обоснования необходимости и возможности государственного регулирования экономики (из-за отсутствия в условиях стихийного рынка равновесия между спросом и предложением) восприняли эти идеи в качестве исходной позиции для разработки новых теорий, *суть которых сводилась к выяснению и обоснованию механизма постоянных темпов экономического роста*. В результате возникли так называемые неокейнсианские теории роста, основанные на учете системы «мультипликатор-акселератор»[37] и моделировании экономической динамики с использованием характеристик взаимосвязи между накоплением и потреблением.

Главными представителями упомянутых теорий экономического роста стали профессор Массачусетского технологического института *Евсей Домар* (род. в 1914 г.) и профессор Оксфордского университета *Роберт Харрод* (1890—1978). Их теории (модели) объединяет общий вывод о целесообразности постоянного (устойчивого) темпа экономического роста как решающего условия динамического равновесия (поступательного движения) экономики, при котором достижимы *полное использование производственных мощностей и трудовых ресурсов*. Другим положением модели Харрода—Домара является признание предпосылки о постоянстве в длительном периоде таких параметров, как доля сбережений в доходах и средняя эффективность капиталовложений. И третье сходство состоит в том, что оба автора достижение динамического равновесия и постоянного роста считали не автоматически возможным, а результатом соответствующей государственной политики, т.е. *активного государственного вмешательства в экономику*.

Отличительные признаки в моделях Е. Домара и Р. Харрода обусловлены лишь некоторым различием в исходных позициях построения модели. Так, в основе модели Р. Харрода лежит идея о равенстве инвестиций и сбережений, а в модели Е. Домара исходным

считается равенство денежного дохода (спроса) и производственных мощностей (предложения)[38].

Вместе с тем и Е. Домар, и Р. Харрод едины в своих убеждениях о действенной роли инвестиций в обеспечении роста дохода, увеличении производственных мощностей, полагая, что рост дохода способствует увеличению занятости, которая, в свою очередь, предотвращает возникновение недогрузки предприятий и безработицу. Это убеждение является выражением безусловного признания этими авторами кейнсианской *концепции о зависимости характера и динамики экономических процессов от пропорций между инвестициями и сбережениями, а именно: опережающий рост первых — причина повышения уровня цен, а вторых — причина недогрузки предприятий, неполной занятости*[39].

Современные оценки идей неокейнсианства

Из числа неординарных, но во многом обоснованных выводов о современном кейнсианстве примечателен вывод К. Ховарда и Г. Журавлевой, которые пишут так: «Реализация общей теории Дж. Кейнса на практике привела страны Запада к социалистической ориентации. К сожалению, каждая страна сделала это за счет увеличения своего общегосударственного бюджетного дефицита. Дефициты западных стран сейчас огромны. Другой бедой этой политики стала нескончаемая инфляция. Центральная банковская система вынуждена была постоянно увеличивать денежную массу, чтобы удовлетворять ведущие к дефициту потребности правительства, и в результате это вело к инфляции»[40]. Впрочем, по Блаугу, эти проблемы являются естественным последствием из того, что «целью кейнсианской экономической теории было усилить настроение в пользу общественных работ, оставив бремя теоретических обоснований тем, кто пытался бы устранить безработицу путем снижения зарплаты»[41].

Вопросы и задания для контроля

1. Охарактеризуйте особенности предмета и метода изучения Дж.М. Кейнса.
2. Каких экономистов Дж.М. Кейнс относит к классической школе?
3. В чем суть «психологического закона» Дж.М. Кейнса?
4. Какой смысл вкладывает Дж.М. Кейнс в понятие «мультипликатор инвестиций»?
5. Какие меры государственного регулирования экономики выдвигает Дж.М. Кейнс?

6. В чем особенности американской и европейской тенденций в современном кейнсианстве?
7. В чем суть неокейнсианских теорий роста Е. Домара и Р. Харрода?
8. Каковы современные оценки идей неокейнсианства?

Список рекомендуемой литературы

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991.

Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979.

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М.: Эконов, 1993. Т. 2.

Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М.—Л., 1924.

Классики кейнсианства (Р.Харрод, Э.Хансен). В 2-х т. М.: Экономика, 1997.

Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: Алгон, 1992.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Стиглиц Дж.Ю. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство //Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5, 6, 7.

Ховард К., Журавлева Г. Принципы экономики свободной рыночной системы (экономикс). М.: Златоуст, 1995.

Шоню П. Экономическая история: эволюция и перспективы //THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Глава 20. Неолиберализм

Изучение данной темы необходимо, чтобы узнать:

- что неолиберализм наряду с кейнсианством являет собой самостоятельную систему взглядов на проблему государственного регулирования экономики;
- как «наше поколение» узнало на собственном опыте, чему равна «цена планируемого общества и авторитарной организации человеческих сил» (А. Уолтер Липпман);
- об истоках возникновения благодаря немецкому «ордолиберализму» концепции социального рыночного хозяйства;
- о значении критического переосмысления кривой Филлипса в формировании монетарной концепции Чикагской школы неолиберализма.

Неолиберализм возник почти одновременно с кейнсианством в 30-е гг. XX в. как самостоятельная система взглядов на проблему государственного регулирования экономики. Неолиберальная концепция и в теоретических разработках, и в практическом применении *основывается на идее приоритета условий для неограниченной свободной конкуренции не вопреки, а благодаря определенному вмешательству государства в экономические процессы.*

Если кейнсианство изначальным считает осуществление мер активного государственного вмешательства в экономику, то неолиберализм — относительно пассивного государственного регулирования. По кейнсианским моделям предпочтение отдается совокупности государственных мер по инвестированию различных сфер экономики, расширению объемов правительственных заказов, закупок, ужесточению налоговой политики. Их крайнее проявление приводит, как очевидно из экономической истории, к дефициту государственного бюджета и инфляции.

Неолибералы выступают за либерализацию экономики, использование принципов свободного ценообразования, ведущую роль в экономике частной собственности и негосударственных хозяйственных структур, видя роль регулирования экономики государством в его функциях *«ночного сторожа»* либо *«спортивного судьи»*[1]. Представители неолиберальной концепции государственного регулирования экономики, памятуя напутствие Л. Эрхарда — *«конкуренция везде, где возможно, регулирование — там, где необходимо»,* — доказали правомерность ограниченного государственного участия в экономических процессах и большего его содействия

свободному и стабильному функционированию предпринимателей как условие устранения неравновесия в экономике.

Уже в 30-е гг. для противодействия кейнсианским идеям государственного регулирования экономики, ограничивающим систему свободной конкуренции, в ряде стран были созданы неолиберальные центры по выработке альтернативных мер государственного вмешательства в экономику, которые (меры) способствовали бы возрождению и практическому воплощению идей экономического либерализма. Наиболее крупные центры неолиберализма в Германии, США и Англии получили название соответственно *Фрайбургской школы* (ее лидеры — В. Ойкен, В. Репке, А. Рюстов, Л. Эрхард и др.), *Чикагской школы,* которую также называют монетарной школой (ее лидеры — Л. Мизес, М. Фридмен, А. Шварц и др.), *Лондонской школы* (ее лидеры — Ф. Хайек, Л. Роббинс и др.). Видными представителями неолиберальных идей во Франции явились экономисты Ж. Рюэфф, М. Алле и др.

Предваряя краткую характеристику особенностей школ неолиберальных идей различных стран, следует отметить, что представители неолиберального движения еще в начале 30-х гг. пытались выработать единую научно-практическую платформу. Общие в данной связи принципы неолиберализма были продекларированы в международном масштабе в 1938 г. на конференции в Париже. Этот форум неолибералов ныне называют также *«коллоквиумом Липпмана»* из-за созвучности одобренных на конференции принципов неолиберализма с положениями изданной в том же году американским экономистом А. Уолтером Липпманом книги под названием «Свободный город». Суть одобренных в Париже общих принципов неолиберального движения сводилась к провозглашению необходимости государственного содействия в возвращении правил свободной конкуренции и обеспечении их выполнения всеми хозяйствующими субъектами. Условие приоритета частной собственности, свободы сделки и свободных рынков могло быть пересмотрено действиями государства лишь в экстремальных случаях (война, стихийное бедствие, катастрофа и т.п.)[2].

§ 1. Концепция социального рыночного хозяйства

Что такое «ордолиберализм»?

После второй мировой войны идеология неолиберализма нашла успешное практическое применение первоначально в Западной Германии (ФРГ). Здесь начиная с 1948 г. эти идеи приобрели статус государственной доктрины правительства Аденауэра—Эрхарда. Видные немецкие теоретики неолиберализма В. Репке, А. Рюстов и другие

возглавили критику любого проявления монополизма ради свободы и гуманизма. В. Ойкен и его последователи во Фрайбургском университете с того же 1948 г. начали выпуск ежегодника «Ордо», который сыграл роль теоретической трибуны неолиберализма всех стран. Само слово «ордо», избранное В. Ойкеном, превратилось в собирательное понятие, символизирующее «естественный строй... свободного рыночного хозяйства». Западногерманская доктрина неолиберализма под влиянием *«школы Ойкена»* стала даже именоваться «ордолиберализмом».

Сущность «социального рыночного хозяйства»

Теоретикам неолиберализма ФРГ принадлежит идея сочетания принципа «свободы рынка» и справедливого распределения по принципу «социального выравнивания». Впервые ее концептуально изложил А. Мюллер-Армак в своей книге «Хозяйственное управление и рыночное хозяйство» (1947), в которой также впервые использовал термин *«социальное рыночное хозяйство»*. Разработки в этом направлении были продолжены В. Репке, Л. Эрхардом, В. Ойкеном и др. Причем о создании модели «социального рыночного хозяйства» в качестве главной задачи экономической политики страны было заявлено самим канцлером ФРГ К. Аденауэром в предисловии к книге В. Репке «Правильна ли немецкая экономическая политика?» (1950).

По характеристике В. Репке «социальное рыночное хозяйство» — это путь к «экономическому гуманизму». В своей книге «Гуманное общество» он писал, что этот тип хозяйства противопоставляет коллективизму персонализм, концентрации власти — свободу, централизму — децентрализм, организации — самопроизвольность и т.д. Солидаризируясь с мнением В. Репке, Л. Эрхард на съезде христианско-демократического союза (ХДС) в 1957 г. утверждал о начале второго этапа формирования в ФРГ «социального рыночного хозяйства». Немногим позднее в одной из своих публикаций начала 60-х гг. Л. Эрхард подчеркивал, что именно «свободное соревнование является прежде всего основным элементом социального рыночного хозяйства». А на очередном партийном съезде ХДС в 1965 г. Л. Эрхард заявил о завершении в ФРГ программы создания «социального рыночного хозяйства», превратившей эту страну в «оформленное общество».

Доктрина «сформированного общества», по мнению Л. Эрхарда и его единомышленников, — это поиск лучшего «естественного экономического порядка», который возможно достичь через создание «социального рыночного хозяйства». В ней категорически отрицаются марксистские идеи о пяти формах (типах) общественного строя и производственных отношений и об антагонизме классов. Она основана на положении В. Ойкена о том, что человеческому обществу

присущи только два типа экономики: *«централизованно управляемая» (тоталитаризм)* и *«меновая экономика»* (по другой терминологии — «свободное, открытое хозяйство»), а также на идее о сочетании этих типов экономики с преобладанием признаков одного из них в конкретных исторических условиях.

В. Ойкен о типах «экономических систем»

Вальтер Ойкен (1891—1950) в своей выдержавшей девять изданий книге «Основания национальной экономии» (1947) осуществил фундаментальную проработку проблематики типологии основных форм рыночной организации экономики. В главе этой книги «Экономические системы» им доказывается естественное сосуществование в одних и тех же обществах двух идеальных, как он полагает, типов экономики: меновой и централизованно управляемой. Он пишет: «Система «централизованно управляемой экономики» характеризуется тем, что вся повседневная экономическая жизнь общества регулируется планами, исходящими из одного центра. Если же экономика общества состоит из двух и более отдельных хозяйств, каждое из которых составляет и проводит в жизнь свои планы, то это — система "меновой экономики"»[3].

Далее В. Ойкен уточняет, что «в исторической реальности» элементы обеих этих систем «в большинстве случаев переплетаются» и что система «неменовой экономики... существовала и существует в двух формах: как «простая централизованно управляемая экономика» (обособленное хозяйство) или как "централизованно-административная экономика"»[4]. Причем элементы обеих форм неменовой (централизованно управляемой) экономики, пишет он, «имели место не только в некоторых странах и в отдельные времена, например, в иезуитской общине Парагвая, или в государстве инков, или в России 40-х годов нашего столетия. Они встречались повсюду и во все времена. Иногда они доминировали, иногда лишь дополняли общую картину, но всегда выступали в соединении с элементами меновой экономики»[5].

Вместе с тем, по Ойкену, *«две упомянутые формы реализуются в трех формах»,* каждую из которых он характеризует так: а) *«тотальная централизованно управляемая экономика»* (обмен вообще не допускается; производство, распределение и потребление продуктов «до последней мелочи» осуществляется по указаниям и приказам центрального руководства); б) *«централизованно управляемая экономика со свободным обменом предметами потребления»* (обмен осуществляется также при наличии центральной инстанции, определяющей «способ использования производительных сил, временную структуру производственного процесса, способ распределения продуктов... Но в отличие от первого варианта потребители могут здесь вносить коррективы в распределение выделяемых предметов

потребления путем обмена»); в) «централизованно управляемая экономика со свободным потребительским выбором» (потребительский выбор благ свободен, но, как правило, из тех, которые намечает для производства «центральная инстанция»)[6].

Роль государства в «социальном рыночном хозяйстве»

Осознавая невозможность автоматического функционирования «свободного рыночного хозяйства», В. Репке и Л. Эрхард признавали необходимым противопоставить любому проявлению анархии производства соответствующие меры государственного вмешательства, которые обеспечивали бы *«синтез между свободным и социально обязательным общественным строем»*. Роль государства, согласно образной иллюстрации Репке—Эрхарда, сравнивается с положением судьи (арбитра) на футбольном поле, который строго наблюдает за действиями футбольных команд в соответствии с определенными правилами, но не имеет права непосредственно участвовать в игре. Другими словами, *государство* для поддержания условий существования «социального рыночного хозяйства» как «идеального типа» свободного рыночного хозяйства *должно следить за соблюдением «правил» свободной конкуренции («честной игры»), контролировать условия ценообразования и пресекать попытки установления монопольных цен, гарантировать охрану и приоритетное значение частной собственности в товарно-денежном хозяйстве без монополий.*

В 60—70-е гг. концепция неолибералов о создании и функционировании модели «социального рыночного хозяйства» во многом была созвучна возникшей в тот период модели и институциалистов об «обществе всеобщего благоденствия», поскольку и в той и другой отвергаются положения об эксплуатации человека человеком и классовом антагонизме. Обе модели, кроме того, основываются на идее *активной социальной функции государства* по обеспечению всем гражданам равных прав и равных возможностей в получении социальных услуг и повышении их благосостояния. При этом под внешним проявлением «всеобщего благоденствия» имелись, конечно, в виду не только рост числа акционеров в различных слоях общества, но и возросшая стабильность всех общественных институтов, уверенность значительной части трудящихся в завтрашнем дне и т.д.

§ 2. Чикагская школа монетаризма

Что такое Чикагская школа?

В США, как отмечалось выше, альтернативой кейнсианству стала так называемая *Чикагская школа* неолиберализма, монетарные идеи которой зародились в стенах Чикагского университета еще в 20-е гг. XX в. Однако самостоятельное, а тем более, лидирующее

значение в неолиберальном движении *американский монетаризм* получил в конце 50-х — начале 60-х гг. с появлением ряда публикаций М. Фридмена (род. в 1912 г.), ставшего в 1976 г. одним из нобелевских лауреатов по экономике. Последний и его сподвижники *кейнсианским неденежным факторам (например, инвестиции) предпочли именно денежные факторы.*

Возникновение кривой Филлипса

Первые достаточно серьезные сомнения в необходимости, как выразился М. Блауг, «упрощенных экономических рекомендаций политикам, типичных для времен кейнсианской революции»[7], вкрались в экономическую науку с появлением выведенной в 1958 г. А.У. Филлипсом *эмпирической кривой, характеризующей связь между ежегодным процентным изменением заработной платы в денежном выражении и уровнем (долей) безработицы* в Англии за период с 1861 по 1913 г. Причем дискуссии по поводу данной зависимости приобрели еще больший размах после того, как в 1964 г. П. Самуэльсон включил связанную с этой кривой фактически новую концепцию в шестое издание своего учебника «Экономикс»[8] и назвал сам график именем его автора — *кривая Филлипса.*

О последней М. Блауг пишет, что она оказалась тем открытием, которое «сразило наповал прежний кейнсианский идеал полной занятости без инфляции в качестве цели экономической политики. Стабильность цен и безработица оказались несовместимыми, конфликтующими целями: уменьшение безработицы достижимо только ценой ускоренной инфляции, а уменьшение инфляции обычно предполагает увеличение безработных. Таким образом, прежняя надежда на одновременное достижение устойчивых цен и полной занятости уступила место понятию выбора между стабильностью цен и полной занятостью»[9].

Монетарная концепция М. Фридмена

М. Фридмен и его коллеги на основе исследований вокруг «конструкции» кривой Филлипса пришли к заключению, что эта кривая далеко не стабильна, особенно с учетом ситуации в экономике многих стран мира в конце 60-х гг., когда рост инфляции, вопреки «логике» этой кривой, сопровождался не снижением, а ростом безработицы, и затем — в начале 70-х гг. — наблюдался даже одновременный рост и инфляции, и безработицы.

М. Фридмен предпринял попытку возродить приоритетное значение денег, денежной массы и денежного обращения в экономических процессах[10].

Между тем монетарная концепция, неолиберальная по своей сути, была апробирована республиканским правительством США при пре-

зиденте Р. Никсоне в 1969—1970 гг. (тогда М. Фридмен являлся советником президента этой страны). Но наибольший успех монетарные экономические воззрения имели при следующем республиканском правительстве США во времена так называемой *рейганомики, позволившей ослабить инфляцию при реальном укреплении доллара.*

Фридменовская концепция «естественной нормы безработицы»

Новизна концепции государственного вмешательства в экономику, по Фридмену, состоит в том, что оно, в отличие от кейнсианской концепции, ограничивается жесткой денежной политикой. Последняя тесно связана с фридменовской *«естественной нормой безработицы»,* достигаемой посредством постоянного и *стабильного темпа роста количества денег в размере 3—4% в год независимо от состояния конъюнктуры* (учитывая средние темпы роста валового национального продукта США за ряд лет, по которым устанавливается максимально возможный уровень национальной экономики).

Концепция М. Фридмена о *«естественной норме безработицы» (ЕНБ*) основывается как на институциональных, так и на законодательных детерминантах (имея в виду под первыми, например, профсоюзы, а под вторыми — возможность, к примеру, принятия закона о минимальном уровне заработной платы). Она позволяет обосновывать минимальный уровень безработицы, при котором в течение определенного периода инфляция будет невозможна. По мнению М. Блауга, «ЕНБ, к которой постоянно возвращается экономика, — это современная монетарная версия старой классической доктрины строго пропорционального отношения между количеством денег и ценами в долгосрочной перспективе; «якорь», который удерживает процентную ставку в устойчивом положении...»[11].

В целом неолиберальные идеи государственного регулирования экономики возобладали над кейнсианскими начиная, примерно, с 70-х гг., когда для многих стран постоянными стали нарастающие инфляционные процессы, дефицит государственного бюджета, безработица. Неолибералы поставили в вину кейнсианцам (и неокейнсианцам) разросшиеся масштабы государственного сектора экономики, ограничение условий для свободной конкуренции, сокращение инвестиций в важнейшие сферы экономики, вопреки «обещаниям», что «их (инвестиций. — *Я.Я.*) эффект распространяется с мультиплицирующей силой и еще более усиливается акселератором»[12]. Наглядным проявлением приоритета неолиберализма над кейнсианством в 70—80-е гг. является планомерная по соответствующим многолетним программам денационализация многих отраслей хозяйства, находившихся ранее в сфере государственной эко-

номики. За последние годы благодаря этому существенно оздоровилась экономика Великобритании, Франции, Японии, Восточной Германии (бывшая ГДР), Чили, Испании и других стран, минимизировавших сферу государственного экономического влияния.

Вопросы и задания для контроля

1. Каковы предпосылки зарождения неолиберализма и в чем его отличия от кейнсианства?
2. Какие функции современного государства рассматриваются неолибералами как функции «ночного сторожа» или «спортивного судьи»? Приведите примеры.
3. Что означает в экономической литературе термин «коллоквиум Липпмана»?
4. Охарактеризуйте сущность концепций немецких «ордолибералов» о социальном рыночном хозяйстве и типах «экономических систем». Какая роль в этих концепциях отводится государству?
5. Раскройте суть монетарной концепции Чикагской школы неолиберализма. Как она увязывается с выводами, извлеченными М. Фридменом и его коллегами из анализа «конструкции» кривой Филлипса?
6. Что такое фридменовское ЕНБ? Приведите собственные суждения по поводу данной концепции.

Список рекомендуемой литературы

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993.

Ойкен В. Основы национальной экономии. М.: Экономика, 1996.

Ойкен В. Экономические системы //THESIS. Весна 1993. Т. I. Вып. 2.

Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги //THESIS. Весна 1993. Т. I. Вып. 2.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: Алгон, 1992.

Усоскин В.М. «Денежный мир» Милтона Фридмена. М.: Мысль, 1989.

Фридмен М. Количественная теория денег. М.: Эльф-Пресс, 1996.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки //THESIS. 1994.Т. II. Вып. 4.

Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.

Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико-Ордынка, 1993.

Часть третья
ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДОКТРИН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава 21. Концепция неоклассического синтеза

Изучив эту главу, вы будете знать:

- решение каких важнейших социально-экономических проблем «приводит нас к неоклассическому синтезу» (П. Самуэльсон);
- почему в экономической литературе последних десятилетий имеет место многообразие трактовок и суждений о сущности «неоклассического синтеза»;
- что «неоклассический синтез» еще находится в процессе своего становления как новой универсальной доктрины современной экономической науки.

§ 1. Зарождение концепции «неоклассического синтеза»

Вот уже на протяжении двух последних столетий борьба против таких бедствий, как массовая безработица и инфляция, была и остается самой актуальной проблемой социально-экономического развития государств с рыночной организацией и, конечно, экономической науки. Как достичь стабильной и полной занятости и незатухающего роста реальных доходов населения? В чем состоят «секреты» бескризисного экономического цикла?

Стремление получить ответ на эти вопросы, необходимость правильного решения связанных с ними проблем, как пишет в томе I своего всемирно известного учебника «Экономикс» П. Самуэльсон, побуждает «современные демократические страны», располагающие «как фискальными и кредитно-денежными инструментами, так и политической возможностью, использовать их, чтобы преодолеть хронические резкие спады и «галопирующие» инфляции. Это приводит нас, — заключает он, — к неоклассическому синтезу — классические принципы ценообразования, изложенные в дальнейших главах, подтверждаются успешным использованием инструментов, анализируемых в предшествующих главах»[1].

Этот тезис П. Самуэльсон развивает затем в томе II того же учебника, прибавив к вышесказанному следующее: «Полагая, что достижение более или менее стабильной полной занятости является вполне осуществимой задачей, современные экономисты могут использовать концепцию «неоклассического синтеза», основанную на сочетании современных принципов, объясняющих процесс образования доходов, и положений классической политической экономии»[2]. Но в пятом издании. «Экономикс» (1961) им приводится уточняющее примечание: *«Термин «неоклассический синтез» используется... в более широком смысле,* чем он обычно употреблялся впредыдущий период... В настоящее время мы используем указанный термин для обозначения более широкого круга идей — *синтеза тех истин, которые были установлены классической политической экономией, и положений, доказанных современными теориями формирования доходов»* (курсив мой. — *Я.Я.*)[3].

Следовательно, по Самуэльсону, «неоклассический синтез» — это, по существу, сочетание современных, неокейнсианских и неолиберальных положений и «истин» с предшествовавшими им ранними неоклассическими, а также с некоторыми постулатами классической политической экономии прежде всего в связи с «современными теориями формирования доходов».

§ 2. Новые версии концепции «неоклассического синтеза»

Участившееся за последние годы в экономической литературе — и особенно в учебных целях — упоминание понятия «неоклассический синтез» получило довольно широкий спектр смысловой нагрузки. Например, С. Носова считает, что «в связи с появлением неоклассического синтеза различные меры по регулированию экономики стали носить смешанную форму»[4]. Она утверждает: «Таким образом, в настоящее время основой макроэкономического регулирования является симбиоз трех основных теорий: кейнсианство с его различными модификациями, теория экономики предложения и монетаризм. Кейнсанская доктрина исходит из присущей ей философии активизма, энергичного вмешательства государства в хозяйственные процессы для смягчения циклического колебания конъюнктуры и достижения высокого уровня производства и занятости рабочей силы. При этом особые надежды возлагаются на бюджетные методы как на инструмент прямого регулирования платежеспособного спроса. Монетаристы же отстаивают принцип невмешательства в экономическую жизнь»[5].

В соответствии с отдельными версиями толкования понятия «неоклассический синтез», обозначенными в совместной публикации

С. Брагинского и Я. Певзнера, «Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления» (М.: Мысль, 1991), очевидно, что в их формулировки подпадает круг вопросов не только государственного регулирования экономики, но и моделирования общего экономического равновесия. В свою очередь согласно А.В. Аникину, судя по его книге «Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами» (М.: Дело Лтд, 1995), самуэльсоновский неоклассический синтез — это прежде всего соединение «классической микроэкономики» с некоей «новой макроэкономикой».

Таким образом, можно признать, что с «подачи» самого автора понятия «неоклассический синтез» П. Самуэльсона, заявившего о «более широком смысле» этого термина, ныне продолжается процесс становления еще одной экономической концепции — «концепции неоклассического синтеза» как новой универсальной доктрины по многим проблемам современной экономической науки.

Исходя из систематизации версий названных выше авторов и на основе собственных концептуальных построений изложение сути данной концепции необходимо, как представляется, свести по меньшей мере к следующим *трем версиям*.

Суть одной из них заключается в обосновании идеи о том, что современная экономическая теория рассматривает возможность обеспечения полной занятости и экономического роста при одновременном использовании как элементов рыночного механизма хозяйствования с его принципами экономического либерализма, так и элементов кейнсианской концепции, ограничивающей стихию свободного рынка. Здесь имеются в виду и упомянутые П. Самуэльсоном «инструменты» фискальной и денежно-кредитной системы в политике государства, и антиинфляционные возможности концепции «естественной нормы безработицы» М. Фридмена, и идеи синтеза свободного рынка с «социально обязательным общественным строем» Эрхарда—Репке и т.д.

По другой версии, выдвинутой, как очевидно, еще неоклассиками конца XIX в., в основе научной теории стоимости (ценности) лежит интеграция «старой» и «новой» теории стоимости, т.е. затратной теории (трудовая теория стоимости или, по другой трактовке, теория издержек производства) и теории предельной полезности. Здесь речь идет о системном подходе маржиналистов «второй волны» в лице А. Маршалла, В. Парето и других, обосновавших на основе предельного анализа тезис двухкритериальной сущности ценности любого товара и актуализировавших идеи о функциональной связи категорий «цена», «спрос» и «предложение» и о частном и общем экономическом равновесии.

И *по третьей версии* «неоклассический синтез» заключается в положении о том, что современная модель общего экономического

равновесия базируется одновременно на макро- и микроэкономическом исследовании, поскольку использует для ее построения научный инструментарий, адекватный макро- и микроэкономическому анализу. Причем на пути к формированию синтезирующих идей здесь был достигнут как отказ неоклассиками (вслед за институционалистами) от смитианских постулатов «чистой» экономической теории и «совершенной конкуренции» и от противопоставления друг другу сфер производства и потребления, так и переход к концепциям реформирования экономики с учетом всей совокупности общественных отношений, включая небезосновательный «психологический закон» Дж.М. Кейнса об опережающем всегда росте доходов по сравнению с ростом потребления и даже так называемый «эффект Веблена», не исключающий «аномалии» в механизме ценообразования, и другие неэкономические факторы.

Вопросы и задания для контроля

1. Как сформирована в учебнике П. Самуэльсона «Экономикс» сущность понятия «неоклассический синтез»?
2. Какие варианты смысловой нагрузки о понятии «неоклассический синтез» возникли в современной экономической литературе в результате предложения автора этой концепции использовать данное понятие «в более широком смысле»? Проанализируйте их.
3. На каких этапах эволюции экономической мысли и в рамках каких ее направлений и школ правомерно констатировать свершение синтеза идей и истин в области предмета, метода и теоретических положений? Приведите примеры подобного свойства.
4. Возможно ли, следуя логике П. Самуэльсона, констатировать синтез не «неоклассический», а «институциональный» или «неоинституциональный»? Изложите свои аргументы «за» либо «против» такой постановки вопроса.

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело Лтд, 1995.

Бартенев С.А. Экономические теории и школы (история и современность). М.: БЕК, 1996.

Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991.

Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, Вита-Пресс, 1996.

Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993.

Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: Алгон, 1992.

Стиглиц Дж.Ю. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство //Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5, 6, 7.

Глава 22. Олимп современной экономической мысли

Изучение этой главы позволит вам усвоить:

- что наиболее выдающихся из числа сегодняшних покорителей своеобразного научного «Олимпа» в области экономической науки начиная с 1969 г. чествуют присуждением Нобелевских премий;
- какой «ветер перемен» (П. Самуэльсон) обусловливает эволюцию экономических доктрин на нынешнем этапе;
- почему важно знать о научных достижениях нобелевских лауреатов по экономике.

§ 1. О лауреатах Нобелевской премии по экономике

Во многих отраслях науки, в том числе экономической, сложилась всемирная традиция оценивать достижения лучших исследователей как некий Олимп, т.е. вершина сегодняшних научных познаний и достижений. Начало этой традиции положила, как известно, Шведская академия наук, для которой Шведский национальный банк еще в начале XX столетия учредил специальную памятную премию имени Альфреда Нобеля. И если первоначально Нобелевские премии присуждались лауреатам прежде всего в области естественных наук, то впоследствии эти границы существенно расширились. В частности, в 1968 г. — в год 300-летия существования Шведского национального банка, последним была учреждена *Нобелевская премия и в области экономических наук*, а с 1969 г. началось ее непосредственное присуждение.

Первыми лауреатами Нобелевской премии по экономике в 1969 г. стали два экономиста-математика — голландец *Ян Тинберген* и норвежец *Рагнар Фриш*, заслугой которых признана разработка математических методов анализа экономических процессов. С тех пор подобного мирового признания были удостоены свыше 40 ученых, в число которых вошли представители многих стран, включая Россию. Краткое знакомство с творческим ростом и научными трудами нобелевских лауреатов по экономике позволит нам представить себе и в некоторой степени *осмыслить особенности современного этапа эволюции экономической науки, переживающей, как отмечал П. Самуэльсон, период «неоклассического синтеза»*. С учетом этого ниже речь пойдет о четырех ученых, которым покорился Олимп экономической науки и с именами которых связывают немало нового и ценного, привнесенного ими в теорию и

практику экономики и соответственно современную историю экономической мысли.

Пол Антони Самуэльсон (род. в 1915 г.) — американский экономист, один из первых лауреатов Нобелевской премии в области экономики, которая была ему вручена в 1970 г. ***за его учебник «Экономикс»*** *с официальной формулировкой* ***«за вклад в повышение уровня научного анализа в экономических науках».***

После учебы в 1932—1935 гг. в Чикагском университете свою продолжительную в творческом отношении жизнь он совмещает как с научно-педагогической, так и с общественно-политической деятельностью. Причем его научными наставниками в самом начале карьеры ученого-экономиста в стенах Гарвардской высшей школы стали не менее именитые экономисты Й. Шумпетер, Э. Хансен, В. Леонтьев.

С 1941 г. П. Самуэльсон, пройдя путь от ассистента профессора до профессора Массачусетского технологического института, связан с этим вузом. Но в этом промежутке он избирался президентом Экономического общества (1951), Американской экономической ассоциации (1961), Международной экономической ассоциации (1965—1968), являлся советником Белого дома по экономическим вопросам (1961—1968). Кроме того, его удостоили чести быть избранным членом Американской академии искусств и наук и ряда других общественных организаций, вести колонку в журнале «Ньюсуик», участвовать в различных международных конференциях, симпозиумах и прочих научных форумах.

Знаменитый учебник П. Самуэльсона «Экономикс» в первом издании появился еще в 1948 г. и, выдержав с тех пор 15 изданий (с 12-го издания книга выходит в соавторстве с У. Нордхаусом), стал по существу учебником для миллионов людей во многих странах мира. Незначительным тиражом «Экономикс» трижды издавался и в русском переводе соответственно в 1964, 1992 и 1997 гг.

Ценность и уникальность этой книги состоят прежде всего в том, что она вобрала в себя лучшие достижения экономической мысли современности как социально-институционального, так и неоклассического направлений. Ей присущи не только последовательность и аналитичность изложения, прекрасная иллюстрация ключевых положений экономической теории средствами математического языка, но и применение историко-экономического подхода (см. § 2 и 3 данной главы).

Василий Васильевич Леонтьев (1906—1999) — американский экономист российского происхождения, родился в Санкт-Петербурге. Закончив в 1924 г. Ленинградский университет, еще в течение года работал там же на кафедре экономической географии, затем три года (1925—1928) учился в Берлинском университете, одновременно

работая над докторской диссертацией. Степень доктора философии получил в 1928 г., после чего в течение 1928—1931 гг. был сотрудником Института мировой экономики при Кильском университете в Германии, а в промежутке (1928—1929) работал экономическим советником в Нанкине (Китай). В 1931 г. состоялся его последний переезд в другую страну — США — в связи с приглашением директора Национального бюро экономических исследований У.К. Митчелла для работы в этом бюро. Одновременно В. Леонтьев приступает к преподавательской деятельности в качестве профессора в Гарвардском университете, охватившей 44 года его жизни, а с 1975 г. становится профессором Нью-Йоркского университета.

Между двумя приведенными датами американского периода жизни В. Леонтьева имели место, пожалуй, все наиболее значимые с точки зрения его научной и творческой биографии события: это создание посредством личной инициативы и при личном участии Гарвардского экономического исследовательского института (1946), который он возглавлял до 1972 г.; назначение директором упомянутого Национального бюро экономических исследований (1948); избрание президентом Американской экономической ассоциации (1970); *присвоение звания лауреата Нобелевской премии по экономике (1973) за разработку метода «затраты—выпуск»*.

К числу прочих его регалий следует отнести не только основание им в 1978 г. при Нью-Йоркском университете Института экономического анализа, которым он руководил до 1986 г., но и избрание в 1988 г. иностранным членом АН СССР, а в 1989 г. ему был присвоен статус консультанта при ООН, в соответствии с которым он возглавлял исследование основных тенденций в изменении мировой экономики, ожидаемых в период до 2000 г.

Принесшая В. Леонтьеву мировую славу разработка метода прогнозного экономического анализа «затраты—выпуск» была начата еще в 30-е гг. Этот метод ученый положил в основу построения таблиц межотраслевых балансов США, что позволило усовершенствовать прогнозирование процессов замещения одних частей общественного продукта другими, содействовало исследованию структуры и динамики экономики страны, выявлению долгосрочных тенденций ее развития с учетом оценки прямых и косвенных последствий происходящих в результате технологических, структурных и масштабных изменений в производстве, а также изменений в потребительском спросе, соотношениях цен и доходов, инвестиционной сфере и внешней торговле.

Между тем В. Леонтьев, занимаясь широким кругом экономических проблем, значительное внимание уделяет месту и роли в экономическом анализе математических методов, моделей и формул, а также творчеству многих ученых-экономистов классической,

неоклассической и других направлений и школ экономической мысли, в чем убеждает и ряд ссылок на его высказывания и оценки, приведенные в настоящей книге. Не повторяя их, необходимо, тем не менее, обратить внимание еще на одно его суждение, значение которого для экономической науки, как представляется, трудно переоценить.

Так, в одной из своих статей 1937 г., посвященной методологической критике так называемой неокембриджской школы, будущий нобелевский лауреат писал, что методологические вопросы в экономических дискуссиях стали годами либо замалчиваться, либо подозрительно затягиваться. Это особенно очевидно, пишет он, «со времени появления новой Кембриджской школы», которая противостоит в неофициальном обмене мнениями, имеющем место на методологическом уровне, со «школой ортодоксальных теоретиков». Различие между двумя этими «направлениями научной мысли», продолжает В. Леонтьев, лежит не столько в конечных результатах исследований и в способе наблюдения экономических реалий общего опыта, сколько на промежуточном этапе, где происходят упорные, но частного характера схватки по таким вопросам из сферы постигаемых фундаментальных истин, как «равенство сбережений и инвестиций, сущность так называемого мультипликатора» и т.п.

С учетом этого ученый напоминает, что общепринятого критерия «простоты» логической аргументации не существует. Поэтому следует иметь в виду, что *у разных людей природа процесса мышления, в ходе которого определяется, насколько «сложно» то или иное теоретическое положение, весьма различна*. Вывод же В. Леонтьева таков: *«Одному экономисту легче понять пять строк алгебраической формулы, чем прочитать пять страниц словесных доказательств, в то время как другой предпочитает прочесть двадцать страниц текста, нежели разобраться в одном уравнении»*[1]. Иными словами, по его мысли, именно *«...логические приемы кембриджской школы значительно увеличивают вероятность теоретических ошибок и неверных выводов»*[2].

Леонид Витальевич Канторович (1912—1986) — российский (советский) экономист и математик, родился в Санкт-Петербурге в семье врача. В 1930 г., в 18 лет закончил математический факультет Ленинградского университета. Звание профессора получил уже в 22 года (1934), а еще через год (1935) без защиты диссертации удостоен ученой степени доктора физико-математических наук.

Вплоть до 1960 г. его деятельность как ученого продолжалась в Ленинграде, главным образом на математико-механическом факультете ЛГУ и в Ленинградском отделении Математического института АН СССР. В этом городе уже с конца 30-х гг. он непосредственно занимается экономическими исследованиями и поиском решений некоторых народнохозяйственных проблем; вводит

(1939) в экономическую и математическую науки *понятие и модель линейного программирования в целях разработки оптимального подхода в процессе использования ресурсов;* завершает (1942) свой основной труд «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов». В 40-е гг., расширяя сферу применения линейного программирования, Л.В. Канторович «вводит» математический аппарат и для решения так называемой *транспортной задачи,* для обоснования *методов рационального раскроя промышленных материалов,* а также для расчетов по оборонной тематике, которые (расчеты) стали основанием присвоения ему в 1949 г. звания лауреата Сталинской и Правительственной премий.

Заметное признание научных заслуг Л.В. Канторовича началось лишь во времена «хрущевской оттепели», когда была снята неофициальная, но настоятельная рекомендация ученому умерить свое пристрастие к экономической проблематике. В 1958 г. его избирают членом-корреспондентом Сибирского отделения АН СССР по отделению экономики и приглашают на работу во вновь создаваемое в Новосибирске СО АН СССР. А затем в течение 1960—1971 гг. он живет и трудится в Новосибирске. В этот период избирается действительным членом АН СССР по специальности математика и экономика (1964), ему присуждается Ленинская премия за разработку оптимизационного подхода к плановому управлению экономикой (1965).

С 1971 г. и до своей кончины в 1986 г. судьба связывает академика с Москвой, где ему довелось руководить лабораториями в Институте управления народным хозяйством ГКНТ и во Всесоюзном НИИ системных исследований Госплана СССР и АН СССР. В Москве же в 1975 г. к нему пришло известие о присвоении Нобелевской премии по экономике за разработку теории оптимального использования ресурсов.

Научное достижение Л.В. Канторовича состоит в том, что именно *ему впервые удалось построить статистическую и динамическую модели текущего и перспективного планирования использования ресурсов на базе новых математических подходов в области системного построения экономических показателей, которые применимы при анализе ценообразования, эффективности капитальных вложений и других проблем.*

Задолго до мирового признания научных нововведений Л.В. Канторовича о них неоднократно высказывался в открытой печати В. Леонтьев. Например, в своей статье «Проблема качества и количества в экономике» (1959) он обращал внимание американского читателя на то, что́ написал еще *«двадцать лет назад видный советский математик профессор Л.В. Канторович, разработавший “новый подход к производственному планированию”»*. В. Леонтьев при этом

подчеркивал: *«Проблема, которую он решал, заключалась в выборе среди нескольких технологически возможных методов производства заданного товара такого, который позволял бы максимизировать выпуск продукции... Он обнаружил, что поиск правильного ответа — если количество всевозможных комбинаций затрат и производственных факторов довольно велико, — значительно облегчается при введении нескольких дополнительных переменных...»*[3]

Но *статья Л.В. Канторовича,* продолжает В. Леонтьев, будучи опубликована в 1939 г., *не нашла должной реакции «среди русских экономистов и была практически оставлена без внимания плановиками-практиками»,* и, более того, *«работа в тот период не попала на Запад»*. Лишь *много позднее,* заключает он, *западные экономисты с удивлением обнаружили «разрешающие множители» Л.В. Канторовича, представляющие в сущности цены товаров и услуг, затраты которых рассматриваются в качестве факторов в его производственных функциях;* поэтому эта теория, в ее современном варианте рассматривающая национальную экономику в целом как своего рода гигантский компьютер, и есть та самая «западная теория линейного программирования, которую частично предвосхитили исследования Канторовича...»[4].

В другой статье «Спад и подъем советской экономической науки» (1960) В. Леонтьев вновь напоминает о *двух работах молодого ленинградского математика Л.В. Канторовича, в которых сформулирована общая математическая постановка некоторых проблем планирования производства и транспортировки, действительно предвосхитившая концептуальные рамки теории линейного программирования, сформулированной несколько лет спустя в Соединенных Штатах Америки*[5].

Милтон Фридмен (род. в 1912 г.) — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 г., присужденной *«за исследование в области потребления, истории и теории денег»*. Уроженец Нью-Йорка, закончил Рутгерский (1932) и Чикагский (1934) университеты. До 1935 г. является ассистентом-исследователем Чикагского университета, затем становится сотрудником Национального комитета по ресурсам, а с 1937 г. — сотрудником Национального бюро экономических исследований. В 1940 г. преподает в университете Висконсина, в 1941—1943 гг. — сотрудник Министерства финансов в составе группы исследователей в области налогов. С 1943 до 1946 г. занимает должность заместителя директора группы статистических исследований военной сферы в Колумбийском университете, где и получил (1946) степень доктора.

В 1946 г. возвращается в Чикагский университет в качестве профессора экономики, оставаясь в этой должности и поныне. А мировую известность ему принесли прежде всего труды по монетарист-

ской тематике. В их числе изданный под его редакцией сборник статей «Исследования в области количественной теории денег» (1956) и книга, изданная в соавторстве с Анной Шварц «История денежной системы США, 1867—1960» (1963). Фридменовская монетарная концепция, говоря словами американского экономиста Г. Эллиса, привела к *«повторному открытию денег»* из-за почти повсеместно растущей, особенно в последний период, инфляции.

Имя М. Фридмена — нобелевского лауреата в современной экономической теории ассоциируется, как правило, с лидером чикагской монетарной школы и главным оппонентом кейнсианской концепции государственного регулирования экономики. Это особенно стало заметным в те годы (1966—1984), когда ему довелось вести еженедельную колонку в журнале «Ньюсуик», ставшей как бы пропагандистским рупором его монетаристской теории.

Между тем М. Фридмен в своем творчестве многогранен и, что весьма важно, его научные интересы охватывают и *область методологии экономической науки*. Ведь уже многие годы в своих дискуссиях по данной проблеме экономисты не обходятся без анализа фридменовского эссе *«Методология позитивной экономической науки»* (1953), так же как и без эссе на подобную тему, написанные Л. Роббинсом (1932), Р. Хайлбронером (1991) и М. Алле (1990), или знаменитой лекции, прочитанной П. Самуэльсоном на церемонии вручения ему Нобелевской премии по экономике (1970), и др.

Однако именно из позитивистского методологического эссе М. Фридмена можно почерпнуть неординарные суждения о том, что экономическая теория как совокупность содержательных гипотез принимается тогда, когда может *«объяснить»* фактические данные, только из которых вытекает, является ли она *«правильной»* или *«ошибочной»* и будет ли она *«принята»* или *«отвергнута»;* что в свою очередь факты никогда не могут *«доказать гипотезу»,* так как они способны установить лишь ее ошибочность. В то же время очевидна его солидарность с теми учеными, кто считает недопустимым представлять экономическую теорию описывающей, а не предсказывающей, превращая ее в *просто замаскированную математику*[6]. По мысли М. Фридмена, *утверждать о разнообразии и сложности экономических явлений — значит отрицать преходящий характер знания, заключающего в себе смысл научной деятельности, и поэтому «любая теория с необходимостью имеет преходящий характер и подвержена изменению с прогрессом знания»*. При этом процесс обнаружения чего-то нового в знакомом материале, заключает нобелевский лауреат, надо обсуждать в психологических, а не логических категориях и, изучая автобиографии и биографии, стимулировать его с помощью афоризмов и примеров[7].

§ 2. Краткий очерк истории экономических доктрин в учебнике «Экономикс» П. Самуэльсона

В главе 2 тома I «Экономикс» его автор совершает историко-экономический экскурс в период конца XVIII в., обратившись к мальтусовской *теории народонаселения*[8].

В следующей, 3-й главе этого же тома книги П. Самуэльсон вновь возвращается в XVIII столетие, но на этот раз в связи с «невидимой рукой» А. Смита [9].

Однако самые значительные по объему историко-экономические «отступления» П. Самуэльсон сосредоточил в «Экономикс» в главах 36 и 40 (том II).

Так, в конце главы 36 выделено приложение, посвященное эволюции экономической мысли, под названием «Краткий очерк истории экономических доктрин». В нем можно почерпнуть, пожалуй, суть самых главных моментов в истории экономической мысли. Во-первых, что экономический анализ берет свое начало «от древних философов и практиков, заинтересованных в политических проблемах своего времени», и в том числе из произведений Аристотеля, Библии «...и фактически в неписаной народной культуре каждого народа». Во-вторых, что продолжение ранних экономических доктрин было сосредоточено «в произведениях таких средневековых схоластов, как Фома Аквинский», и в «кодификации “справедливой цены”». В-третьих, что «меркантилисты» совершенствовали методы политической экономии и проложили путь выступившему против них Адаму Смиту. Затем, в-четвертых, отмечаются предвзятые положения французских физиократов, «склонность к догматизму экономистов-классиков», идеи утопического социализма и презрение «к подобным утопистам» и «к вульгарным апологетам капитализма» К. Маркса, считавшего в свою очередь, что классовая борьба «неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, после которой должно последовать «отмирание государства» и бесклассовое общество в состоянии постоянного равновесия». И далее, в-пятых, характеризуется *«политическая экономия XX в.»,* которая вначале опиралась на *«тип микроэкономического материала»* (особенно в трудах А. Маршалла, Л. Вальраса, В. Парето, Дж.Б. Кларка, К. Менгера, О. Бём-Баверка и др.), а потом на *«анализ монополистической, или несовершенной, конкуренции»* Э. Чемберлина и Дж. Робинсон и на *«основу теории определения уровня дохода» в «Общей теории» Дж.М. Кейнса.*

Заканчивается рассматриваемое приложение выводом о том, что в настоящее время большинство экономистов на Западе для достижения *«неоклассического синтеза»* «пытаются путем эффективной кредитно-денежной и фискальной политики *соединить классичес-*

кую микроэкономику Смита и Маршалла с *современной макроэкономикой* определения уровня дохода, сочетая все здоровое в обоих подходах» (курсив мой. — *Я.Я.*)[10].

§ 3. «Ветер перемен» П. Самуэльсона

Глава 40 «Экономикс» называется «Ветер перемен: эволюция экономических доктрин» и содержит обстоятельное изложение взглядов нобелевского лауреата на направления и этапы развития экономической мысли или, по словам П. Самуэльсона, политической экономии, начиная с Адама Смита и до наших дней.

Такие временные рамки им охвачены потому, что, на его взгляд, политической экономии «по крайней мере лет двести от роду» и что «днем ее рождения можно считать появление в 1776 г. «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита». Другими словами, «Богатство народов» А. Смита — это, по Самуэльсону, «день рождения политической экономии», а все, что было до этого, — «предыстория экономики», т.е. незапамятные времена, когда запрещались в рамках государственной политики ростовщичество и ссудный процент, когда меркантилисты, будучи «советниками принца», вставали горой за протекционистский тариф, чтобы принести «нации процветание», и когда физиократы, «верившие в кругооборот экономической жизни», надеялись «реформировать старый режим предреволюционной Франции»[11].

Значительную часть этой главы автор «Экономикс» посвящает так называемой *«классической экономике»,* в которой сам А. Смит провозглашается им *«пророком свободной конкуренции»* и глашатаем «нарождающегося класса буржуазии», а его книга — необыкновенно авторитетно написанным «шедевром», оказавшим «громадное влияние на последующий век». Затем в самуэльсоновской «классической экономике» речь заходит о «его Преподобии» Т.Р. Мальтусе и о «ключевой фигуре этого века» Д. Рикардо. «Осень» этих экономистов, по мнению нобелевского лауреата, связана с открытым первым из них и поддержанным вторым *«законом уменьшения прибыли»,* поскольку именно Т.Р. Мальтус, выдвинув теорию снижения заработной платы рабочих при росте численности населения, повлиял на то, что вместе с ним и Д. Рикардо «поставил не на ту лошадь». А в результате «с 1820 по 1870 г., т.е. целые полвека, экономисты и политики были загипнотизированы», не поняв результатов «промышленной революции, развенчавшей этот закон»[12].

В тексте следующего подзаголовка главы характеризуется *«неоклассическая экономика»,* зарождение которой П. Самуэльсон называет следствием произошедшего в 70-е гг. XIX в. раздвоения «древа экономики». Причем одним из направлений он называет *«совре-*

менную посткейнсианскую магистральную экономику», выросшую из «неоклассической экономики и кейнсианства», другим — направление, которое «вышло из Марксова «Капитала» (1867, 1885, 1894) *и его заново открытых более ранних работ по экономике»*. Им воздается должное так называемой неоклассической революции, открывшей математические средства анализа спроса, полезности, всеобщего экономического равновесия и сделавшей политическую экономию более «научной». При этом весьма примечательно, по его мысли, то обстоятельство, что и А. Маршалл — англичанин и Дж.Б. Кларк — американец, внесшие наибольший вклад в неоклассическую революцию, с годами стали больше дорожить достигнутой славой и высоким положением в обществе и что этим объясняется охлаждение их «социалистического пыла». Что касается имен У. Джевонса, Л. Вальраса и В. Парето, то они, по оценке П. Самуэльсона, не просто ввели элементы математики в экономическую науку, но и превратили их в «утонченные методы экономического анализа».

Кратко и лаконично высказывается нобелевский лауреат и в следующей части главы с подзаголовком *«Кейнсианская революция»*. В частности, он указывает на то, что в годы после первой мировой войны политическая экономия, с одной стороны, далеко продвинулась в объяснении экономической ситуации и в описании циклов деловой активности, а с другой — неоклассическая экономика того времени «не выработала развитой макроэкономической модели, которая бы соответствовала ее чересчур развитой микроэкономике». И только эпохальная *«Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса, вышедшая в свет в 1936 г., не позволила экономической науке «остаться прежней», и «простодушная вера в закон Сэя улетучилась»*.[13]

Завершающая часть этой несомненно важной для историков экономической мысли главы 40 содержит суждения П. Самуэльсона о *магистральном пути экономики в период «современной посткейнсианской политической экономии» и о «консервативных атаках» против этого пути*. Прежде всего ученый признает здесь, что торжеством посткейнсианства стало лучшее функционирование смешанной экономики, что после второй мировой войны был достигнут беспрецедентный в истории рост производства и уровня жизни. Но главное, по его словам, состоит в том, что «смешанная экономика даже нисколько не приблизила золотой век», что *еще не найдена единственно совершенная модель экономической политики, «которая избавит нас от необходимости выбирать между полной занятостью и стабильностью цен»*. Возможно, поэтому автор «Экономикс» счел необходимым заявить об институционализме как о серьезном экономическом течении сорокалетней давности и о целесообразности посвящения остатка этой главы краткому обзору «школ,

решительно критикующих магистральное направление экономической науки посткейнсианской эры».

В числе таких школ нобелевский лауреат называет в первую очередь Чикагскую школу, собравшую в своих рядах, как выражается П. Самуэльсон, «апостолов свободной конкуренции», в том числе М. Фридмена, и ратующую за достоинства подлинно «рыночных цен». Затем выделяется так называемая гэлбрейтовская критика и отмечается, что Дж.К. Гэлбрейт, «чьи книги продаются так легко», в своих исследованиях обосновывает немало «очень нужного и полезного», критикуя господствующую в экономике ортодоксию. И наконец, третья критикующая магистральное направление экономической науки школа — это так называемые новые левые или те американские экономисты, именующие *себя «радикальными экономистами»,* хотя в действительности они озабочены «мелкими и теряющими свое значение вопросами...» [14].

Вопросы и задания для контроля

1. Какие главные направления и этапы эволюции экономической мысли выделяет П. Самуэльсон в своем учебнике «Экономикс»? Прокомментируйте их в сравнении с логикой структуры и тематики настоящего учебника.
2. Какая эпоха, по мысли П. Самуэльсона, является «предысторией экономики»? С какого времени, если принять его версию, начинается подлинная «история экономики»?
3. Кто из представителей классической политической экономии в самуэльсоновской «классической экономике» представлен «ключевой фигурой» XIX в.?
4. В связи с какими теориями Т. Мальтуса и Д. Рикардо, по мнению П. Самуэльсона, наступила «осень» этих экономистов, а их последователи «целые полвека... были загипнотизированы»?
5. Сопоставьте доводы о периоде зарождения самуэльсоновской «неоклассической экономики» с аргументацией возникновения неоклассической экономической теории в настоящем учебнике.
6. Как характеризует П. Самуэльсон период, названный им периодом «современной посткейнсианской политической экономии»? Насколько соответствуют его положения нынешним «научным» критериям выбора «между полной занятостью и стабильностью цен»?
7. В чем заключается суть метода прогнозного экономического анализа «затраты—выпуск», разработанного В. Леонтьевым?
8. Приведите примеры, характеризующие методологические и теоретические позиции В.В. Леонтьева как ученого-экономиста.

9. Какова главная заслуга в области экономической теории в творчестве Л. Канторовича?
10. Покажите, к чему сводится личный вклад Л.В. Канторовича в развитие макроэкономических исследований.
11. В самом ли деле М. Фридмену принадлежит «повторное открытие денег»?
12. Приведите ваши «за» и «против» относительно фридменовского эссе «Методология позитивной экономической теории».

Список рекомендуемой литературы

Аникин А.В. Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело Лтд, 1995.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991.

Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Канторович Л.В. Оптимальные решения в экономике. М.: Наука, 1972.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Нобелевские лауреаты по экономике: библиографический словарь (1969—1992). М.: Рос. незав. ин-т социально-экономических исследований, 1994.

Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993.

Самуэльсон П. Экономика: В 2-х т. М.: Алгон, 1992.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.

Усоскин В.М. «Денежный мир» Милтона Фридмена. М.: Мысль, 1989.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки //THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Основные задачи и структура курса истории экономической мысли

[1] Фридмен М. Методология позитивной экономической науки//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 51.

[2] Аникин А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. С. 7.

[3] Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. С. 123.

[4] Там же. С. 124.

[5] Там же С. 122.

[6] Алле М. Современная экономическая наука к факты//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 12.

[7] Там же. С. 18—19.

[8] Там же. С. 19.

[9] Хайек Ф.А. фон. Указ. соч. С. 37.

[10] Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. С. 59—60.

[11] Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги//THESIS. Весна 1993. Т. I. Вып. 2. С. 10.

[12] Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 118.

[13] Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. С. XXIV.

[14] Там же. С. 5.

[15] Цит. по: Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. С. 36.

[16] Крупный историк-экономист современности Карл Поланьи в своей книге «Великая трансформация» (1944), посвященной проблематике зарождения рыночной экономики и рыночной теоретической концепции, высказывается о меркантилизме следующим образом: «Там, где достигалось наиболее интенсивное развитие рынков, например в меркантилистской системе, их расцвет обеспечивался благодаря контролю центральной администрации, которая навязывала свою волю как рядовым крестьянским хозяйствам, так и нации в целом. Регулирование и рынки на практике росли одновременно. Саморегулирующийся рынок изначально не существовал, и даже само возникновение идеи саморегулирования в корне противоречило основным тенденциям развития общества» (THESIS. Весна 1993. Т. I. Вып. 2. С. 10).

[17] О том, какими были исходные принципы у тех представителей классической политической экономии, которые наиболее причастны к созданию современной экономической науки, один из лучших экономистов XX столетия нобелевский лауреат В.В. Леонтьев высказывается так: «Два столетия назад создатели современной экономической

науки Адам Смит, Давид Рикардо и Джон Стюарт Милль построили внушительное теоретическое здание, в основе которого лежало понятие национальной экономики как саморегулирующейся системы, состоящей из большого числа весьма различных, но взаимосвязанных видов деятельности (системы общественного разделения труда), — понятие настолько плодотворное, что оно стимулировало Чарльза Дарвина на создание его новаторской теории эволюции» (Леонтьев В.В. Экономические эссе. М.: Политиздат, 1990. С. 21).

Глава 2. Проблемы методологии в курсе истории экономических учений

[1] Негиши Т. История экономической теории. М: АО «Аспект Пресс», 1995. С. 17, 18.
[2] Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука// THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1. С. 41.
[3] Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Предмет и метод экономической теории. М.: ТЕИС, 1997. С. 6.
[4] Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. Т. III. М.: Прогресс, 1993. С. 223.
[5] Там же.
[6] Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991. С. 7.
[7] Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 4.
[8] Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Указ. соч. С. 15, 19.
[9] Цит. по: Фридмен М. Указ. соч. С. 20.
[10] Маршалл А. Указ. соч. Т. III. С. 212, 213.
[11] Там же. С. 213, 214.
[12] Там же. С. 221.
[13] Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Указ. соч. С. 26.
[14] Маршалл А. Указ. соч. Т. III. С. 210.
[15] Там же. С. 215.
[16] Алле М. Указ. соч. С. 13—14.
[17] Коуз Р. Указ. соч. С. 168.
[18] Маршалл А. Указ. соч. Т. III. С. 225—226.
[19] Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Указ. соч. С. 4.

Глава 3. Натурально-хозяйственная мысль древнего мира и средневековья

[1] Один из крупнейших ученых-экономистов конца XIX — начала XX в. профессор Кембриджского университета Альфред Маршалл писал, что «Аристотель рассматривал рабство как явление природы, и таким же его, вероятно, считали в стародавние времена сами рабы» (Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 58).

[2] По мнению Аристотеля, ростовщичество «с полным основанием вызывает ненависть» и является «по преимуществу противным природе» потому, что «оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» (Аристотель. Соч. В 4-х т. М.: Мысль, 1975—1983. Т. 4. С. 395). Этот тезис ученого вполне корреспондируется с его же мыслью о том, что монета «существует не по природе, а по установлению, и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления» (Там же. С. 156).

[3] В период раннего средневековья господствовавшая экономическая мысль ранних канонистов категорически осуждала торговую прибыль и ростовщический процент, характеризуя их как результат неправильного обмена и присвоения чужого труда, т.е. как грех. Эквивалентный и пропорциональный обмен считался возможным только при условии установления «справедливых цен». Авторы церковных законов (канонов) выступали также против свойственного идеологам античного мира презрительного отношения к физическому труду, исключительного права на богатство отдельных лиц в ущерб большинству населения. Крупная торговля, ссудные операции, как явления грешные, вообще запрещались.

[4] Цит. по: Вебер М. Указ. соч. С. 129.

[5] В данной связи во всемирно известном учебнике нобелевского лауреата по экономике П. Самуэльсона «Экономикс» (Economics) есть такие строки: «И в Старом и Новом Завете содержится осуждение ростовщичества и ссудного процента. Аристотель и святой Фома Аквинский придерживались аналогичных взглядов» (Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: МПО «Алгон», 1992. Т. 2. С. 394).

Глава 4. Меркантилизм — первая теоретическая школа периода зарождения рыночных экономических отношений

[1] Период первоначального накопления капитала, по мнению К. Маркса, тесно связан с географическими открытиями, которые «составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 365).

[2] К. Поланьи по этому поводу высказывается так: «Меркантилизм, как бы настойчиво он ни возводил всеобщую коммерциализацию в ранг национальной политики, заботился о развитии рыночной системы совершенно нерыночными способами... При меркантилистском хозяйственном строе независимая экономическая система попросту не существовала» (Поланьи К. Указ. соч. С. 12).

[3] По оценке Н. Кондратьева, «система меркантилистов равным образом по существу была системой практической политики, системой, которая в основном отвечала на вопрос, каким должно быть народное хозяйство и как должна себя вести в отношении его государственная власть» (Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993. С. 292).

[4] Блауг М. Указ. соч. С. 9.

[5] Как пишет Й. Шумпетер, историческое значение меркантилизма состоит в том, что он «представлял собой не столько научное направление, сколько практическую политику и порожденная им литература, будучи вторичным явлением, содержит в общем и целом только зачатки науки». По его оценке, в период меркантилизма еще не существовало единой проблемы экономики, и поэтому «мы не в состоянии отыскать в тогдашней литературе и глубоких обобщений» (Шумпетер Й. Указ. соч. С. 134). Нечто похожее высказывает на данный счет и М. Блауг, подчеркивая, что «необразованные авторы, подхваченные потоком общественного мнения, обнаружили поразительные и подчас убедительные основания для защиты от обывателя меркантилистской экономической науки и в схватке с логическими следствиями своих презумпций явили экономическую теорию во младенчестве» (Блауг М. Указ. соч. С. 15).

Глава 5. Общие признаки и этапы эволюции классической политической экономии

[1] См.: THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 206.

[2] Блауг М. Указ. соч. С. 648.

[3] Н. Кондратьев, в частности, писал: «Классики анализировали, по существу, только капиталистический строй и нигде не говорят о его преходящем значении... Классики поступали так... потому, что они считали его в условиях свободы хозяйственной деятельности строем наиболее совершенным» (Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 295).

[4] Там же.

[5] Там же. С. 227.

[6] Там же. С. 298.

[7] Мизес Л. фон. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 206.

[8] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 228.

[9] Блауг М. Указ. соч. С. 652.

[10] Там же.

[11] Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995. С. 75.

[12] Шумпетер Й. Указ. соч. С. 265.

[13] Блауг М. Указ. соч. С. 19.

[14] Вебер М. Указ. соч. С. 72.

[15] Обратив на данное обстоятельство внимание, В. Леонтьев писал так: «На самых первых страницах первого тома «Капитала» Маркс обвинил «вульгарных»... экономистов в «фетишизме». Вместо того чтобы исследовать основные, глубинные факторы ценообразования, они, по мнению Маркса, оперируют поверхностными понятиями спроса и предложения, денежных издержек и т.д., то есть категориями, относящимися к сфере вымышленных отношений» (Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 100).

[16] Гэлбрейт Дж.К. Указ. соч. С. 36.

[17] Селигмен Бен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. С. 20, 23.

[18] Самуэльсон П. Указ. соч. Т. 2. С. 342.

[19] Блауг М. Указ. соч. С. 143.

[20] Там же.

[21] Как писал в этой связи Н. Кондратьев, у классиков «на всем их учении лежит... проповедь хозяйственного строя, опирающегося на принцип свободы индивидуальной хозяйственной деятельности как идеала. Это особенно ясно видно на воззрениях А. Смита» (Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 294).

Глава 6. Зарождение классической политической экономии

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 243.

[2] Об этом свидетельствует одно из высказываний У. Петти, в котором он утверждает, что «нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль, и сюртук — произведены землей и человеческим трудом» (Петти У. Трактат о налогах и сборах/Антология экономической классики. М.: Эконов, 1993. Т. I. С. 33).

[3] Петти У. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940. С. 70—71.

[4] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 123.

[5] Антология экономической классики. Т. I. С. 34.

[6] Шумпетер Й. Указ. соч. С. 372.

[7] Цит. по: Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, Вита-Пресс, 1996. С. 16.

[8] Там же. С. 118.

Глава 7. Физиократия — специфическое течение классической политической экономии

[1] См.: Блауг М. Указ. соч. С. 23.

[2] См.: Там же.

[3] Высоко оценивая значение для экономической науки статьи Ф. Кенэ «Экономическая таблица», Й. Шумпетер указывает на то, что физиократы «прямо и непосредственно взялись за изучение явления, имеющего большое значение...» и при этом «с почти гротескной четкостью проявляется у них идея кругооборота, их намерение представить его анатомию и физиологию» (Шумпетер Й. Указ. соч. С. 134).
[4] Тюрго А.Р. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 96, 98.
[5] Там же. С. 69.
[6] Там же. С. 30.
[7] Там же. С. 118.
[8] Там же. С. 120.
[9] Там же. С. 145.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 164.
[12] Там же. С. 175.
[13] Там же. С. 116, 117.
[14] Там же. С. 102, 104.
[15] Тюрго А.Р. Указ. соч. С. 97—98.
[16] Там же. С. 115.
[17] Там же. С. 140.
[18] См.: Там же. С. 150.

Глава 8. Адам Смит — центральная фигура классической политической экономии

[1] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 294.
[2] Антология экономической классики. Т. I. С. 300.
[3] Там же. С. 91.
[4] Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 207.
[5] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 331, 332.
[6] Антология экономической классики. Т. I. С. 393.
[7] Там же. С. 393—394.
[8] Блауг М. Указ. соч. С. 36.
[9] Антология экономической классики. Т. I. С. 118, 121.
[10] Там же. С. 133—134.
[11] Там же. С. 356—357.
[12] Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993. С. 13.
[13] Роббинс Л. Предмет экономической науки//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1. С. 13, 14.
[14] Блауг М. Указ. соч. С. 48.
[15] Антология экономической классики. Т. I. С. 104, 105, 244, 290.
[16] Там же. С. 320, 355.
[17] Там же. С. 148, 135.

[18] Там же. С. 119.
[19] Там же. С. 221, 224.
[20] Там же. С. 308, 311.
[21] Там же. С. 122.

Глава 9. Классическая политическая экономия в трудах смитианцев постманufактурного периода

[1] См.: Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 499.
[2] Мизес Л. фон. Указ. соч. соч. С. 208.
[3] Самуэльсон П. Указ. соч. Т. 2. С. 396.
[4] На это обстоятельство указывает и А. Маршалл, говоря, что «Рикардо и его последователи разработали теорию функционирования свободного предпринимательства (или, по их терминологии, свободной конкуренции), содержавшую много истин, которые, очевидно, будут сохранять свое значение, пока существует этот мир» (Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 67).
[5] Однако, по утверждению М. Блауга, «хлебные законы не привели к пагубным последствиям, предсказанным Рикардо, потому что он не рассматривал проблему технических усовершенствований в сельском хозяйстве, поверив в то, что английские лендлорды не способны к усовершенствованиям, хотя эта точка зрения опровергалась опытом истории» (Блауг М. Указ. соч. С. 648),
[6] Кондратьев К.Д. Указ. соч. С. 294—295.
[7] Антология экономической классики. Т. I. С. 402.
[8] Там же. С. 403.
[9] Там же. С. 409.
[10] Там же. С. 446.
[11] Там же. С. 410, 420.
[12] Блауг М. Указ соч. С. 279.
[13] Антология экономической классики. Т. I. С. 428—429.
[14] Там же. С. 422.
[15] Там же. С. 450.
[16] Там же. С. 467.
[17] Блауг М. Указ. соч. С. 125.
[18] Антология экономической классики. Т. I. С. 437, 439.
[19] Там же. С. 438.
[20] Блауг М. Указ. соч. С. 75—76, 77.
[21] Антология экономической классики. Т. I. С. 454.
[22] Там же. С. 455, 458.
[23] Там же. С. 467, 468.
[24] Там же. С. 427.
[25] Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М.: Госполитиздат, 1955. С. 240.
[26] Блауг М. Указ. соч. С. 141.
[27] Там же. С. 123, 124.

[28] Его соотечественники Ш. Жид и Ш. Рист пишут о творчестве Ж.Б. Сэя так: «Для полного торжества Смиту не хватало (по крайней мере на континенте) истолкователя. Тот, кому удалось бы объединить его идеи «в кодекс доктрины, изложенный по определенному методу», и отбросить бесполезные отступления, сделал бы полезное дело. Ж.Б. Сэй взял на себя это дело» (Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 94).

[29] Примечательно, что между первым и вторым изданием этой книги, несмотря на громадный успех после первого, разрыв составил более 10 лет. Причина здесь в том, что центральная идея «Трактата...» Ж.Б. Сэя — идея об экономическом либерализме — была обозначена им настолько выпукло и недвусмысленно, что ее реализация, особенно в части невмешательства государства в экономику и перестройку хозяйственной жизни, лишила бы военно-промышленное руководство в правительстве Франции того времени реальной полноты власти. Ведь в знак непризнания нового режима Ж.Б. Сэй сознательно пошел на конфликт со своим руководством, отказавшись в готовящемся втором издании «Трактата...» одобрить финансовые проекты первого консула Трибуната. Последний, явно обеспокоенный свободой духа Ж.Б. Сэя, не только запретил издание «Трактата...», но и исключил его автора из Трибуната, дав ему более низкое назначение вне этой государственной структуры. Так Ж.Б. Сэй попал в многолетнюю опалу. Но неуемный Ж.Б. Сэй решил открыть собственную фабрику (бумагопрядильню) и в 1813 г., продав ее, возвратился в Париж, чтобы на вырученные средства опубликовать второе издание своего «Трактата...». Оно появилось в 1814 г., а затем в короткие сроки последовали еще три других издания — соответственно в 1817, 1819 и 1826 гг. Эта работа переводится вскоре на многие языки.

[30] Так, в своем письме Т Мальтусу в 1820 г., говоря о роли ученого-экономиста, Ж.Б. Сэй писал: «Мы должны только сказать обществу, как и почему такой-то факт является последствием такого-то другого. Согласится ли оно с этим последствием или отвергнет его, этого будет для него достаточно, оно знает, что ему делать, но никаких поучений» (Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 96).

[31] Блауг М. Указ. соч. С. 136.

[32] Сэй Ж.Б. Трактат политической экономии. М., 1896. С. 14, 15.

[33] Блауг М. Указ. соч. С. 26.

[34] См.: Сэй Ж.Б. Указ. соч. С. 27—29, 36, 39—42, 58.

[35] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 102.

[36] Блауг М. Указ. соч. С. 143.

[37] Антология экономической классики. Т. II. М.: Эконов., 1993. С. 7.

[38] Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 253.

[39] Блауг М. Указ. соч. С. 62.

[40] Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 251—252.

[41] Там же. С. 252—253.

[42] Блауг М. Указ. соч. С. 66.

[43] Антология экономической классики. Т. II. С. 134.

[44] Блауг М. Указ. соч. С. 648, 653.
[45] Там же. С. 69.
[46] Антология экономической классики. Т. I. С. 428.
[47] Блауг М. Указ. соч. С. 159.
[48] Там же. С. 157.
[49] Там же. С. 158.

Глава 10. Завершение классической политической экономии

[1] Самуэльсон П. Указ. соч. Т. 2. С. 397.
[2] Дж.С. Милль о своих «Основах...» отзывался весьма скромно и в одном из писем писал: «Я сомневаюсь, что в книге существует хотя бы одно мнение, которое нельзя представить как логический вывод из его (Д. Рикардо. — *Я.Я.*) учения» (Блауг М. Указ. соч. С. 199).
[3] См.: Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. В 3-х т. М.: Прогресс, 1980—1981. Т. I. С. 337, 338.
[4] Но, как пишет М. Блауг, «у Милля, однако, «динамика» означает анализ исторических изменений, тогда как «статикой», по-видимому, именуется то, что мы сейчас называем статическим анализом...» (Блауг М. Указ. соч. С. 192). Это значит, что «динамика» автора «Основ...» не связана с анализом и выявлением тех переменных в экономических отношениях, которые могут быть учтены во временном аспекте, что ныне удается сделать благодаря математическим моделям с использованием дифференциальных исчислений.
[5] См.: Миль Дж.С. Указ. соч. Т. I. С. 148.
[6] Там же. Т. II. С. 150.
[7] Но более красноречиво свою *приверженность мальтусовской теории народонаселения* Дж.С. Милль высказал, пожалуй, в собственной «Автобиографии», где есть такие строки: «Принцип народонаселения Мальтуса был для нас таким же объединяющим знаменем, как и любое мнение Бентама. Эту великую доктрину, поначалу выдвинутую как аргумент против теорий неограниченного прогресса человечества, мы горячо и ревностно подхватили, придав ей противоположный смысл, как указатель на единственное средство реализации этого прогресса для обеспечения полной занятости и высокой заработной платы всего работающего населения за счет добровольного ограничения роста численности этого населения» (цит. по: Блауг М. Указ. соч. С. 200).
[8] В этой связи М. Фридмен высказывает в адрес Дж.С. Милля следующее: «Любое утверждение, что экономические явления разнообразны и сложны, отрицает преходящий характер знания, который только и придает смысл научной деятельности; оно стоит в одном ряду со справедливо высмеиваемым утверждением Джона Стюарта Милля: «К счастью, в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяс-

нить современному (1848) или любому будущему автору; теория этого предмета является завершенной» (Фридмен М. Методология позитивной экономической науки//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 44).

[9] Милль Дж.С. Указ. соч. Т. II. С. 240—241.

[10] Там же. С. 234.

[11] Блауг М. Указ. соч. С. 200.

[12] Милль Дж.С. Указ. соч. Т. I. С. 344—345, 360—361.

[13] Там же. Т. III. С. 79

[14] По оценке М. Блауга, главное у Дж.С. Милля, обучавшего «на протяжении жизни двух поколений... Англию своей науке... обнаруживается в его предложениях по экономической реформе, в присущей ему нравственной интонации, одновременно сентиментальной и суровой, когда цветистость абстрактной теории умерялась желанием проповедовать социальное усовершенствование» (Блауг М. Указ. соч. С. 199).

[15] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 288.

[16] См.: Там же.

[17] Об этом свидетельствуют многие известные современные экономисты. Например, по мнению Р. Арона, «мало кто лучше него знал экономическую мысль своего времени» (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс—Политика, 1992. С. 150). А по утверждению Й. Шумпетера, «К. Маркса от современных ему экономистов и от его предшественников отличало именно понимание экономической эволюции как особого, обусловленного самой экономической системой процесса» (Шумпетер Й. Указ. соч. С. 53).

[18] Более того, существовавшая некогда «советская политэкономия, то есть советская экономическая наука, оставалась... неподвижной и, по существу... громоздким, бесстрастным и непоколебимым памятником Марксу»... ибо «марксизм как экономическая теория является теорией быстрорастущего частного предпринимательства, а не централизованной экономики» (Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 216, 217).

[19] По оценке В.В. Леонтьева, «если перед тем, как пытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах «Капитала» более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках «Цензов США», в дюжине учебников по современной экономике и даже, осмелюсь сказать, в собрании сочинений Торстейна Веблена» (Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 111).

[20] В 1858 г. К. Маркс писал Ф. Лассалю: «Для себя самого мне остается только ночь, да и этой ночной работе мешают весьма часто повторяющиеся приступы и рецидивы болезни печени» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 448).

[21] Ф. Энгельс, заявивший после смерти К. Маркса о том, что «и имя его, и дело переживут века», высказывал к содержанию «Капитала»

и отдельные замечания. Так, по его мнению, «как ни силен был Маркс в алгебре, тем не менее техникой цифровых расчетов, особенно из области торговли, он владел не вполне свободно... Маркс запутался в подробных вычислениях оборотов, так что наряду с незаконченностью в его расчеты вкрались кое-какие ошибки и противоречия» (Энгельс Ф. Постскриптум к разделу 4 главы 15 тома II Капитала/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 318).

[22] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 520.

[23] Арон Р. Указ. соч. С. 164.

[24] По мнению М. Блауга, склонность К. Маркса «приписывать все расхождения своей теории с фактами диалектическим «внутренним противоречиям» капитализма давала ему стопроцентную гарантию от опровержений» (Блауг М. Указ. соч. С. 649).

[25] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6—7.

[26] Там же. С. 8.

[27] В этой связи Й. Шумпетер писал следующее: «Во всех прочих отношениях он (К. Маркс. — *Я.Я.*) только перенял и использовал концепции и положения рикардианской экономической теории, но представление об экономической эволюции, которое он облек, что несущественно, в гегельянское одеяние, принадлежит всецело ему. Вероятно, этим и можно объяснить то, что одно поколение экономистов за другим вновь и вновь возвращается к его работам, хотя они находят у него много такого, что достойно критики» (Шумпетер Й. Указ. соч. С. 53).

[28] Арон Р. Указ. соч. С. 192.

[29] Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение//THESIS. Зима. 1993. Т. I. Вып. 1. С. 30.

[30] Арон Р. Указ. соч. С. 200. Тем не менее, как полагает Р. Арон, исследование экономики свободной конкуренции, отраженной в «Капитале», являет собой «шедевр Маркса, средоточие его мыслей», поскольку в этом произведении «основная задача Маркса заключалась в доказательстве неизбежной, по его мнению, эволюции капиталистического строя» (Арон Р. Указ. соч. С. 150, 151).

[31] Но здесь уместно вспомнить Ф. Хайека, который писал: ***«Обещание свободы*** стало, несомненно, одним из сильнейших орудий социалистической пропаганды, посеявшей в людях уверенность, что социализм принесет освобождение. Тем более жестокой будет трагедия, если окажется, что ***обещанный нам Путь к Свободе есть в действительности Столбовая Дорога к Рабству***. Именно обещание свободы не дает увидеть непримиримого противоречия между фундаментальными принципами социализма и либерализма... В результате ***большая часть интеллигенции приняла социализм, так как увидела в нем продолжение либеральной традиции***. Сама мысль о том, что социализм ведет к несвободе, кажется им поэтому абсурдной» (выделено мной. — *Я.Я.*) (Хайек Ф.А. фон. Указ. соч. С. 221). Вместе с тем Ф. Хайек предупреждает: «Известные в прошлом режимы, ко-

торые с теоретической точки зрения могли сохраниться, исчезли. Не будем делать поспешных выводов из того факта, что Маркс не доказал обреченность капитализма. Режимы могут умирать и не будучи приговоренными к смерти теоретиками» (Хайек Ф.А. фон. Указ. соч. С. 176).

[32] Леонтьев В. В. Указ. соч. С. 221.

[33] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424.

[34] Там же. С. 447.

[35] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 457.

[36] Там же. С. 380.

[37] Там же. Т. 8. С. 208.

[38] Там же. Т. 28. С. 427.

[39] Р. Арон по этому поводу заявляет так: «...восхождение пролетариата нельзя уподобить (не в мифологическом смысле) восхождению буржуазии, и здесь основная, бросающаяся в глаза ошибка всего марксистского видения истории, последствия которой неизмеримы» (Арон Р. Указ. соч. С. 199).

[40] Не соглашаясь с этим, Й. Шумпетер в то же время отмечал, что у К. Маркса «основная идея о том, что капитал есть, в сущности, средство господства над производством, совершенно совпадает с нашими выводами» (Шумпетер Й. Указ. соч. С. 263).

[41] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 206.

[42] Там же. С. 517.

[43] В связи с теорией стоимости К. Маркса в современной экономической литературе сложились два крайних полюса суждений или, так сказать, резюме. Одно из них — марксистское — в трактовке Н. Кондратьева сводится к следующему: «Если исключить отдельные промежуточные учения о ценности, то... теория Маркса... высшая форма трудовой теории» (Кондратьев Н. Указ. соч. С. 228). По другому резюме: «...все, о чем толкуют марксисты, сводится к представлению, что, если мы не начнем с трудовой теории ценности, мы не сможем доказывать, что капиталисты присваивают часть совокупного продукта, не принимая участия в трудовом процессе» (Блауг М. Указ. соч. С. 220).

[44] Вот некоторые высказывания К. Маркса в пользу выдвигаемой им теории: «Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара». «Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью. Чем определяется последняя? Стоимость рабочей силы... определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли». И еще одно изречение К. Маркса. В нем «владелец рабочей силы» характеризуется как понуро бредущий и упирающийся «человек, который продал свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 181, 187).

[45] Но, как замечает в этой связи М. Блауг, «трудовая теория ценности как таковая не дает гарантии того, что рабочая сила продается по своей (трудовой) стоимости» (Блауг М. Указ. соч. С. 250).

[46] С высот реалий сегодняшнего дня М. Блауг отмечает по этому поводу: «Ошибка Маркса — в непризнании того, что труд может оказаться относительно дефицитным фактором. И именно по этой причине, а не в силу каких-либо серьезных ошибок ему не удалось верно описать историческую эволюцию капитализма», «Маркс недооценивал экономические последствия появления профсоюзов и избирательных прав рабочих» (Блауг М. Указ. соч. С. 238—239).

[47] Арон Р. Указ. соч. С. 167.

[48] Остается только добавить, что «Марксова теория абсолютной ренты не имеет никакой силы вне рамок его теории прибавочной ценности (стоимости. — *Я.Я.*) и вытекающей отсюда необходимости превращения ценности (стоимости. — *Я.Я.*) в цену» (Блауг М. Указ. соч. С. 264).

[49] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 105.

[50] Блауг М. Указ. соч. С. 234.

[51] Там же. С. 235.

Глава 11. Возникновение реформаторских программ экономистов-романтиков

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 192.

[2] Цит. по: Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. В кн.: Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. I. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937. С. 27, 124.

[3] Сисмонди С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. I. С. 134, 143.

[4] Там же. С. 164—165.

[5] Там же. С. 148, 150, 291, 360.

[6] Там же. С. 167.

[7] Там же. С. 133.

[8] Там же. С. 168.

[9] Там же. С. 169.

[10] Там же. С. 335—336, 357.

[11] Там же. С. 139.

[12] Там же. Т. II. С. 139.

[13] Как отмечают Ш. Жид и Ш. Рист, первым в числе авторов политической экономии, кто «отводит в своей системе широкое место чувству», является С. Сисмонди, но именно благодаря этому, на их взгляд, «...он одновременно вызовет и глубокий энтузиазм, и резкий протест» (Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 145).

[14] Сисмонди С. Указ. соч. Т. I. С. 338.

[15] Там же. С. 166, 174.

[16] Там же. С. 181.
[17] Там же. С. 209, 211, 212.
[18] Там же. С. 330.
[19] См.: Там же. С. 330, 332.
[20] Там же. Т. II. С. 179.
[21] Там же. Т. I. С. 138—139.
[22] См.: Там же. Т. I. С. 149, 347—349; Т. II. С. 127.
[23] Там же. Т. II. С. 129, 139.
[24] Там же. Т. I. С. 135—136, 183—184.
[25] Там же. С. 186—187, 193.
[26] Там же. С. 192, 286, 289, 297.
[27] Там же. С. 32—322, 324.
[28] Цит. по: Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 145.
[29] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 527.
[30] Сисмонди С. Указ. соч. Т. I. С. 134, 140.
[31] Там же. С. 193, 200.
[32] Там же. Т. I. С. 314, 316; Т. II. С. 158.
[33] Там же. Т. I. С. 314, 317.
[34] Там же. С. 319.
[35] Там же. Т. II. С. 176.
[36] Там же. Т. I. С. 181, 219, 222—224, 249—251, 266; Т. II. С. 164.
[37] Там же. Т. I. С. 181, 304—309, 324, 325, 328—329; Т. II. С. 165—166, 168—173, 175.
[38] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 154.
[39] В Париже, не имея других заработков, кроме академической стипендии, П. Прудон большую ее часть отправляет своим родителям, в то время как сам по-прежнему испытывает материальные затруднения.
[40] К. Маркс позднее писал об этом так: «Прудон сам известил меня... в очень подробном письме, в котором, между прочим, имеются следующие слова: «Жду Вашей строгой критики». Действительно, эта критика вскоре обрушилась на него (в моей книге «Нищета философии и т.д.», Париж, 1847) в такой форме, что навсегда положила конец нашей дружбе» (Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» П. Прудона. М.: Госполитиздат, 1941. С. 169).
[41] Прудон П. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М.: Книгоиздательство анархистов-коммунистов «Светлая Звезда», 1919. С. 97.
[42] Там же. С. 154.
[43] Прудон П. Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Цит. по: Маркс К. Нищета философии. С. 123.
[44] См.: Туган-Барановский М.П.Ж. Прудон. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891. С. 31.
[45] Прудон П. Что такое собственность? С. 16, 30, 177.
[46] Там же. С. 97.
[47] В одном из своих писем К. Маркс вспоминает в связи с этим следующее: «Во время моего пребывания в Париже в 1844 г. у меня завяза-

лись личные отношения с Прудоном... Во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь до утра, я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка, не мог как следует изучить» (Маркс К. Нищета философии. С. 169).

[48] Прудон П. Что такое собственность? С. 180.

[49] По определению П. Прудона, «пауперизм есть бедность ненормальная, действующая разрушительно», к пауперам принадлежит «работник, не получающий в обмен на свой труд наименьшего общего среднего дохода», и «не может, с помощью своей недостаточной платы, восстановить свои силы, поддержать свое хозяйство, воспитать своих детей, а еще меньше — развить свои умственные способности» (Прудон П. Бедность как экономический принцип. М.: Посредник, 1908. С. 22, 23).

[50] Прудон П. Что такое собственность? С. 140—142.

[51] Прудон П. Бедность как экономический принцип. С. 26, 27.

[52] См.: Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 38.

[53] Прудон П. Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Цит. по: Маркс К. Нищета философии. С. 109.

[54] Маркс К. Нищета философии. С. 110, 114.

[55] Там же. С. 123.

[56] Прудон П. Что такое собственность? С. 97.

[57] Там же. С. 96, 98, 104.

[58] Там же. С. 98.

[59] Прудон П. Система экономических противоречий, или Философия нищеты (цит. по: Маркс К. Нищета философии. С. 37, 70).

[60] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 246, 510.

[61] Прудон П. Что такое собственность? С. 116—118, 147.

[62] Там же. С. 84.

[63] Там же. С. 118, 119.

[64] Там же. С. 155.

[65] Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 54.

[66] Цит. по: Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 511.

[67] Прудон П. Бедность как экономический принцип. С. 29.

[68] См.: Прудон П. Что такое собственность? С. 136, 163, 169, 170.

[69] Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 56.

[70] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 240, 243.

[71] Там же. С. 248; Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 55.

[72] Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 54, 59.

[73] Цит. по: Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 241.

[74] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 159, 160, 163, 164.

[75] Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 56, 57, 77.

[76] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 296, 297.

[77] Сурин А.И. История экономики и экономических учений. М.: Финансы и статистика, 1998. С. 55, 57.

[78] Майбурд Е.М. Указ. соч. С. 196, 197.
[79] Левита Р.Я. История экономических учений. М.: Catallaxy, при участии ЗАО «КноРус», 1998. С. 40, 41.
[80] Общая экономическая теория (политэкономия): Учебник/Под общ. ред. акад. В.И. Видяпина, акад. Г.П. Журавлевой. М.: ПРОМО-Медиа, 1995. С. 12
[81] Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип. М.: Посредник, 1908. С. 29.
[82] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 245.
[83] Там же. С. 145, 245.

Глава 12. Социально-экономические реформаторские проекты утопического социализма

[1] См.: Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 170, 185, 186.
[2] Оуэн Р. Избр. соч. Т. I. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 179.
[3] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 189.
[4] Оуэн Р. Указ. соч. Т. I. С. 131; Т. II. С. 33, 55—56.
[5] Там же. Т. I. С. 161; Т. II. С. 22.
[6] Там же. Т II. С. 183, 185.
[7] Там же. С. 187, 188.
[8] Там же. С. 189—191, 200, 207, 210, 248.
[9] Там же. Т. I. С. 251; Т. II. С. 204, 207, 240, 241; Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. С. 192, 193.
[10] Сен-Симон К. Избр. соч. Т. II. М. −Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 88, 354—355.
[11] Там же. С. 170.
[12] Там же. С. 171.
[13] Там же. С. 350.
[14] Там же. С. 121—122.
[15] Там же. С. 129.
[16] Там же. С. 152.
[17] Там же. С. 125—126.
[18] Там же. С. 128—129.
[19] Там же. С. 95, 114, 119, 161.
[20] Там же. С. 153.
[21] Фурье Ш. Избр. соч. Т. II. М.—Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 97.
[22] Фурье Ш. Избр. соч. Т. III. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С. 307.
[23] Там же. Т. II. С. 347.
[24] Там же. Т. I. С. 229, 231.
[25] Там же. Т. III. С. 16.
[26] Там же. Т. I. С. 86, 375. 397; Т. III. С. 43, 78.
[27] Там же. Т. I. С. 86, 116, 349; Т. II. С. 268; Т. III. С. 8, 44, 307.
[28] Сен-Симон К. Указ. соч. Т. II. С. 119.
[29] Фурье Ш. Указ. соч. Т. III. С. 307.

Глава 13. Немецкая историческая школа

[1] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 297.
[2] Рошер В. Начала народного хозяйства. Т. I. М.: тип. В. Грачева и К, 1860. С. 51.
[3] Там же. С. 53.
[4] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 162—163.
[5] Там же. С. 297.
[6] Там же. С. 97.
[7] Там же.
[8] Там же.

Глава 14. «Маржинальная революция» и ее особенности

[1] Блауг М. Указ. соч. С. 276.
[2] Роббинс Л. Указ. соч. С. 17—18.
[3] Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 207.
[4] Фридмен М. Указ. соч. С. 24.
[5] Блауг М. Указ. соч. С. 277.
[6] Там же. С. 588.
[7] См.: Долан Э.Д., Кэмпбелл К.Д., Кэмпбелл Р.Д. Деньги, банковское дело и кредитно-денежная политика. Л., 1991, С. 26—33; Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. М.: Республика, 1992. Т. I. С. 264—265; Харрис Л. Денежная теория. М.: Прогресс, 1990. С. 26—33.
[8] Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Указ. соч. С. 264.
[9] Блауг М. Указ. соч. С. 284.
[10] Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе// THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1. С. 185.
[11] «Изолированное государство» И.Г. фон. Тюнена — это своеобразная, во многом упрощенная для научных целей модель «идеального государства». С этой целью автор допускает ряд упрощений, в числе которых: одинаковое плодородие почвы; отсутствие дорог или судоходных рек как условие способа перевозки населения и грузов исключительно гужевым транспортом; промышленную продукцию в обмен на сельскохозяйственную производит единственный город в центре «государства», закрытого от внешнего мира непроходимыми дебрями. Выдвинутые для обозначенных условий принципы ценообразования и распределения доходов действительно позволяют признать И.Г. фон Тюнена «отцом экономической теории использования пространства».
[12] Блауг М. Указ. соч. С. 306, 329, 540.
[13] Шумпетер Й. Указ. соч. С. 135.
[14] Блауг М. Указ. соч. С. 282, 286—287.
[15] Там же. С. 278.
[16] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 22—23.
[17] Алле М. Указ. соч. С. 13—14.

[18] Блауг М. Указ. соч. С. 277.
[19] Фридмен М. Указ. соч. С. 27.

Глава 15. Возникновение субъективного направления экономической мысли как первый этап «маржинальной революции»

[1] Это распространенный вариант перевода заглавия книги К. Менгера, хотя в буквальном переводе его следовало бы читать: «Основы учения о народном хозяйстве».
[2] «Основания политической экономии» К. Менгера были впервые изданы в русском переводе в 1903 г. в г. Одессе. Второе русское издание осуществлено в составе сборника «Австрийская школа политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер» (М: Экономика, 1992).
[3] Менгер К. Указ. соч. С. 111.
[4] Там же. С. 42—43.
[5] Там же. С. 53.
[6] Там же. С. 45—46.
[7] Там же. С. 67—68.
[8] Там же. С. 83.
[9] Там же. С. 85.
[10] Там же. С. 97.
[11] Там же. С. 101.
[12] Там же. С. 125.
[13] Там же.
[14] Там же. С. 126.
[15] Там же. С. 128.
[16] Там же. С. 139—140.
[17] Там же. С. 145.
[18] Там же. С. 147.
[19] См.: Там же.
[20] См.: Там же. С. 157.
[21] См.: Там же. С. 161.
[22] Там же.
[23] См.: Там же. С. 162.
[24] Там же. С. 163.
[25] Блауг. М. Указ. соч. С. 285—286.
[26] В русском переводе книга О. Бём-Баверка «Основы теории ценности хозяйственных благ» впервые была издана в 1929 г. (Л.: Прибой). В 1992 г. включена в сборник «Австрийская школа...» (М.: Экономика); далее будут указываться страницы данного издания.
[27] Бём-Баверк О. Указ. соч. С. 279.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 280.
[30] Там же. С. 286.
[31] Там же. С. 341.

[32] Там же. С. 417, 422, 426.
[33] Там же. С. 328.
[34] Визер Ф. Теория общественного хозяйства/Австрийская школа политической экономии... С. 435—436.
[35] Там же. С. 462.
[36] Там же. С. 481.
[37] Там же. С. 487.
[38] Там же.
[39] Там же. С. 458, 459.
[40] Блауг М. Указ. соч. С. 276.
[41] Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства/Бентам И. Избр. соч. Т. I. СПб., 1867. С. 1.
[42] Блауг М. Указ. соч. С. 583—584.
[43] Фридмен М. Указ. соч. С. 37.
[44] Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988. С. 155—156.
[45] Цит. по: Блауг М. Указ. соч. С. 505.
[46] Шумпетер Й. Указ. соч. С. 52.
[47] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 21—22.

Глава 16. Формирование неоклассического направления экономической мысли как второй этап «маржинальной революции»

[1] Переводы этой книги в России в 1982 и 1993 гг. (изд-во «Прогресс») вышли под неточными вариантами заглавий — соответственно «Принципы политической экономии» и «Принципы экономической науки».
[2] Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 56.
[3] Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе// THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1. С. 184, 185.
[4] Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 48.
[5] Там же. Т. III. С. 231.
[6] Там же. С. 132—133.
[7] Там же. Т. II. С. 31—32.
[8] Блауг М. Указ. соч. С. 289.
[9] Маршалл А. Указ. соч. Т. I. С. 157.
[10] Там же. Т. I. С. 191.
[11] Шумпетер Й. Указ. соч. С. 135.
[12] Маршалл А. Указ. соч. Т. II. С. 33.
[13] Там же. Т. I. С. 401, 404—405.
[14] Там же. Т. I. С. 311
[16] Там же. Т. I. С. 314.
[17] В русском переводе книга Дж.Б. Кларка «Распределение богатства» издавалась в 1934 (М.—Л.: ОГИЗ) и 1992 гг. (М.: Экономика).
[18] См.: Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: Экономика, 1992. С. 17, 19, 24—26, 28, 31, 34.

[19] Там же. С. 53.
[20] Там же. С. 48.
[21] Там же. С. 51.
[22] См.: Там же. С. 46, 75.
[23] См.: Там же. С. 72, 76.
[24] См.: Там же. С. 84, 88, 90.
[25] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 91.
[26] Шумпетер Й. Указ. соч. С. 141.
[27] Кларк Дж.Б. Указ. соч. С. 68.
[28] Там же. С. 315—316.
[29] Там же. С. 213.
[30] Там же. С. 115, 117.
[31] Там же. С. 118.
[32] Там же. С. 324.
[33] Там же. С. 305, 312.
[34] Там же. С. 24.
[35] Блауг М. Указ. соч. С. 397.
[36] Селигмен Б. Указ. соч. С. 497.
[37] Первой женой В. Парето (1889—1901) была уроженка России Александра Бакунина, которая после двенадцати лет супружеской жизни оставляет его и возвращается на родину. Разведясь с А. Бакуниной, он в 1902 г. выбрал себе в спутницы жизни Жанни Режи, на которой официально женился (она была на 31 год моложе него) незадолго до смерти и посвятил ей одну из своих лучших работ — «Трактат по общей социологии».
[38] Цит. по: Арон Р. Указ. соч. С. 455.
[39] Цит. по: Алле М. Указ. соч. С. 16, 19.
[40] Цит. по: Арон Р. Указ. соч. С. 448.
[41] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 77, 51.
[42] Блауг М. Указ. соч. С. 326.
[43] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 98.
[44] Блауг М. Указ. соч. С. 543.
[45] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 48.

Глава 17. Возникновение социально-институционального направления экономической мысли

[1] См.: THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1. С. 41.
[2] Блауг М. Указ. соч. С. 330, 659.
[3] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 71.
[4] См.: Блауг М. Указ. соч. С. 657.
[5] Из многочисленных наиболее значимых трудов Т. Веблена в России издательством «Прогресс» в 1984 г. была опубликована только указанная (самая ранняя) его книга.
[6] Хайек Ф.А. фон. Указ. соч. С. 147.

[7] Он преподавал в Чикагском (1891—1906), Станфордском (1906—1909) университетах, 1910—1917 гг. — в университете штата Миссури (г. Колумбия). С 1919 г. читал лекции в «Новой школе социальных исследований».

[8] Веблен Т. Указ. соч. С. 202.

[9] См.: Блауг М. Указ. соч. С. 657.

[10] Т. Веблен пишет: «Жизнь человека в обществе точно так же, как жизнь других видов, — это борьба за существование, а следовательно, это процесс отбора и приспособления. Эволюция общественного устройства явилась процессом естественного отбора социальных институтов» (Веблен Т. Указ. соч. С. 200).

[11] См.: Веблен Т. Указ. соч. С. 216.

[12] Там же.

[13] О том, в каком смысле это положение небезосновательно, П. Самуэльсон пишет так: «Мой учитель Йозеф Шумпетер как-то метко заметил, что способность человека действовать как логическое животное, могущее систематически применять эмпирико-индуктивный метод, сама по себе является прямым следствием борьбы за выживание» (Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе. С. 184).

[14] Блауг М. Указ. соч. С. 658.

[15] Дж. Р. Коммонс с 1904 г. являлся профессором Висконсинского университета.

[16] У.К. Митчелл учился в Чикагском университете. Профессор Калифорнийского (1909—1912) и Колумбийского (1914—1919, 1922—1924) университетов. В 1929—1945 гг. возглавлял Национальное бюро экономических исследований.

[17] Блауг М. Указ. соч. С. 658.

[18] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 81.

[19] Блауг М. Указ. соч. С. 628—629.

[20] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 25.

Глава 18. Теории рынка с несовершенной конкуренцией

[1] На это, в частности, обращает внимание М. Фридмен. По его мнению, «теория несовершенной или монополистической конкуренции, развитая Чемберлином и Робинсон, является попыткой построить... более общую теорию... К сожалению, — продолжает он, — она не обладает ни одним из признаков, которые сделали бы ее действительно полезной общей теорией. Ее вклад был в значительной степени ограничен улучшением изложения экономической теории индивидуальной фирмы и, следовательно, выводом следствий из маршаллианской модели, усовершенствованием маршаллианского анализа монополии и обогащением словаря, пригодного для описания промышленной практики» (Фридмен М. Указ. соч. С. 47).

[2] Полное наименование упоминавшегося уже главного труда Э. Чемберлина состоит не из привычной широкому кругу читателей одной фразы, а из двух, а именно: «Теория монополистической конкуренции (Реориентация теории стоимости)». В результате дальнейшей проработки проблем второй части наименования данного сочинения гарвардский профессор в 1957 г. издал еще одну книгу — «На путях к более общей теории стоимости», выпущенную в форме сборника из 16 статей и очерков автора. Характерно, что, оставаясь верным своим теоретико-методологическим принципам, в вводной статье сборника Э. Чемберлин утверждает: «Чистая конкуренция, монополистическая конкуренция, чистая монополия — такова классификация, которая представляется мне по природе дела исчерпывающей» (Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1959. С. 393).

[3] См.: Чемберлин Э. Указ. соч. С. 114.

[4] Там же. С. 41.

[5] См.: Там же. С. 64.

[6] Там же. С. 103.

[7] Но с точки зрения методологии экономической науки, как отмечает М. Фридмен, «до тех пор, пока утверждается, что дифференциация продукта имеет существенное значение — а это основной отличительный тезис теории монополистической конкуренции, — не может использоваться определение отрасли как группы фирм, выпускающих идентичный продукт» (Фридмен М. Указ. соч. С. 47). Причем известно, что в связи с ответной реакцией Э. Чемберлина на критические нападки М. Фридмена и других оппонентов из Чикагского университета по поводу методологической предпосылки о месте совершенной (чистой) конкуренции в экономической теории лексикон экономической литературы был расширен еще одним его «крылатым» термином — «Чикагская школа».

[8] Чемберлин Э. Указ. соч. С. 103.

[9] Там же. С. 182, 196, 200.

[10] Там же. С. 202—203.

[11] Там же. С. 103—104.

[12] Там же. С. 105.

[13] Там же. С. 105, 120.

[14] Там же. С. 123.

[15] Для примера рассматривается деятельность гаража, в котором прибегают к завуалированному (скрытому) снижению цен на свои услуги ночной стоянки, когда, ничуть не ухудшая культуру обслуживания, каждому клиенту предлагается в качестве «довеска» бесплатная заправка машины одним галлоном бензина. В результате оборот этого продавца, решившего скрыть цены на свои услуги, несколько уменьшится, но при этом уменьшилась вероятность того, что и другие продавцы последуют его примеру. Следовательно, *«скрытые факторы способствуют удержанию цен на искусственно высоком уровне»,*

даже если цены «установлены обычаем или традицией» (Чемберлин Э. Указ. соч. С. 167—168).

[16] В качестве же примера рассматривается «искусный врач», услуги которого в сравнении с «рядовым врачом», очевидно, в самом деле «...не являются взаимозаменяемыми и не продаются по одинаковой цене (как это происходит с продуктами лучших и худших земель, на которых производится пшеница)» (Чемберлин Э. Указ. соч. С. 169, 172, 173).

[17] Чемберлин Э. Указ. соч. С. 178.

[18] Там же. С. 181.

[19] В частности, привычка судить о качестве товара по ее цене будет всякий раз вносить коррективы во вкусы потребителей, если будет происходить ее изменение. Все это, несомненно, явно «противоречит» постулатам модели совершенной конкуренции и концепции ценообразования в ее условиях, поскольку выводы Э. Чемберлина противоположны им. Например, теория о рынке с совершенной конкуренцией никак не «связывает» формирование уровня цены и решение проблемы максимизации прибыли со стимулированием рекламы, ибо реализация неоднородного продукта от этого «фактора» непосредственно не зависит и не требует соответствующих дополнительных расходов. В этой же связи М. Блауг пишет: *«Одним из парадоксов истории мысли является то, что случай,* за *который ухватился Чемберлин,* — большое число фирм при свободном входе в отрасль и дифференциации продукта, но без осознанной взаимозависимости — *сегодня рассматривается как тривиальная модификация модели совершенной конкуренции.* Революция в теории цены, вызванная «теорией монополистической конкуренции», заключалась в том, что возросло число рыночных структур, которые экономическая теория должна проанализировать, чтобы показать, что удовлетворительное функционирование рынка — не простое автоматическое следствие из типа конкуренции. В мире монополистической конкуренции и олигополий суждения о благосостоянии и политические рекомендации не могут базироваться только на степени отклонения конкретной рыночной структуры от норм совершенной конкуренции. *Теория цены с тех пор стала более сложной и менее удовлетворительной...* Мы никогда не сможем вернуться к смелым обобщениям теории цены Маршалла. Именно по этой причине *мы вправе говорить о чемберлианской революции в современной микроэкономической теории подобно тому, как мы говорим о кейнсианской революции в макроэкономике»* (курсив мой. — *Я.Я.*) (Блауг М. Указ. соч. С. 368).

[20] Чемберлин Э. Указ. соч. С. 187, 190.

[21] Там же. С. 38—41.

[22] Последние, как известно, обусловлены все тем же научно-техническим прогрессом, позволяющим в целях более частой смены усложняющейся техники, технологии и большого разнообразия номенк-

латуры сырья, материалов и готовой продукции осуществлять деконцентрацию и диверсификацию производства и финансового капитала.

[23] Чемберлин Э. Указ. соч. С. 281, 282, 284, 285.

[24] Там же. С. 292.

[25] Там же. С. 293.

[26] Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986. С. 243.

[27] Там же. С. 244.

[28] Там же. С. 300.

[29] Там же. С. 408.

[30] Там же. С. 421.

[31] Там же. С. 422.

[32] Блауг М. Указ. соч. С. 544.

[33] Закончив рассмотрение «Теории монополистической конкуренции» Э. Чемберлина и «Экономической теории несовершенной конкуренции» Дж. Робинсон, резонно задаться вопросом о том, означает ли отсутствие в их теориях четко обозначенной концепции государственного регулирования экономики непризнания ими ее необходимости. Утвердительный ответ означал бы, что оба исследователя не отступили от ортодоксальных смитианских постулатов экономического либерализма, в соответствии с которыми экономика функционирует якобы как самонастраивающийся механизм, не нуждающийся в регулировании извне, т.е. государством. Однако представляется, что появление в свет этих разработок именно в 1933 г., т.е. после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., далеко не случайно, и прежде всего потому, что и Э. Чемберлин, и Дж. Робинсон сумели показать в них главное: обладая огромной жизненной силой, конкуренция — будь то «монополистическая» либо «несовершенная» — непременно нуждается в создании механизма, который бы обеспечивал и гарантировал ее сохранение. И то, что теоретическим родоначальником идей об экономических, правовых и социальных основах этого механизма стал именно Дж.М. Кейнс, является, очевидно, логическим следствием осмысления вклада в экономическую науку творений вышеупомянутых профессоров Гарвардского и Кембриджского университетов.

Глава 19. Кейнсианство

[1] Причем в последних, как пишет французский историк-экономист Пьер Шоню, защищенных исключительно огосударствленной (подчас искусственно) экономикой при замкнутости экономического пространства (как в Латинской Америке, например в Бразилии), рост происходил в условиях, когда промышленность практически отсутствовала, а экспортное сельское хозяйство было повергнуто в такой же кризис, как производство стали в США». По его убеждению, зат-

ронув «одновременно все сферы», в действительности мировой кризис 30-х гг. «возник из наложения друг на друга разноплановых причин, породивших феномен резонанса». Вывод П. Шоню таков: *«В 1929–1933 гг. закончился период «скрытого» развития экономики;* то было время конца целого ряда старых и открытия новых технологических горизонтов, проблеска новой цивилизованной системы. Иными словами, *1930 год положил предел тому типу роста, который был характерен для XIX в.,* и тщетно пытался сочетать старые, традиционные приемы использования пространства и материи с инновационными механизмами» (курсив мой. — *Я.Я.*) (Шоню П. Экономическая история: эволюция и перспективы//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1. С. 140, 141).

[2] В результате в экономической науке, по словам М. Блауга, «в 30-х годах маятник качнулся в обратном направлении: озабоченность проблемой совокупного эффективного спроса заставила многих экономистов согласиться с Кейнсом в том, что “полное доминирование рикардианского подхода на протяжении 100 лет было катастрофой для прогресса экономической науки”» (Блауг М. Указ. соч. С. 124).

[3] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 298.

[4] Это произведение принесло ему чрезвычайно широкую известность и признание, поскольку оно уже в 30-е гг. послужило теоретико-методологической базой программ стабилизации экономики на уровне правительств в ряде государств Европы и США. А сам автор книги имел честь быть советником в составе правительства Великобритании для разработки многих практических рекомендаций в области экономической политики, что добавило его научному успеху и значительное личное состояние, и высокое общественное положение. Ведь за всю парламентскую историю Великобритании Дж.М. Кейнс стал первым среди ученых-экономистов, кто удостоился английской королевой титула лорда, дающего право участия в качестве пэра в заседаниях верхней палаты парламента в Лондоне.

[5] В этой книге Дж.М. Кейнс выражает явную неудовлетворенность экономической политикой стран-победительниц, выдвигавших в соответствии с Версальским договором нереальные, как он полагал, репарационные требования к Германии, а также добивавшихся экономической блокады Советской России, не понимая, по его словам, того, что тем самым они «блокируют не столько Россию, сколько самих себя» (Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М.—Л., 1924. С. IX, 133). Известно, что, отреагировав на эту книгу, В. И.Ленин писал: «Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: “Вы делаете безумие”» (Ленин В. И.Полн. собр. соч. Т. 41. С. 219).

[6] В сентябре 1925 г. Дж.М. Кейнс посещает Москву для выступлений с докладами, в том числе в Деловом клубе ВСНХ. В протокольной записи одного из его докладов имеет место любопытный фрагмент, а именно: «Проф. Кейнс указал, что он не является защитником капи-

талистической системы в ее современной форме и считает, что возможен ряд мер к ее улучшению; существующий строй должен быть перестроен на более приемлемых началах» (ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 109, ед. хр. 49, л. 249).

[7] Обращаясь к биографии Дж.М. Кейнса, можно с полной уверенностью утверждать, что ныне он смог бы отнести и в свой адрес написанные им в конце «Общей теории» слова о том, что «идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром» (Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег/Антология экономической классики. Т. II. С. 432).

[8] При этом, как утверждает П. Самуэльсон, «Общая теория... ужасно написанная книга, она плохо организована... Она полна иллюзий и путаницы... когда ее в конце концов одолеешь, то оказывается, что анализ в ней очевиден и в то же время нов. Короче говоря, — заключает он, — это работа гения» (цит. по: Блауг М. Указ. соч. С. 608).

[9] Гэлбрейт Дж.К. Указ. соч. С. 40.

[10] Там же. С. 43.

[11] М. Блауг пишет: «Если в теории Кейнса и содержится что-либо поистине новое, так это именно продуманная критика этой веры во внутренние восстановительные силы рыночного механизма. Прочитав Кейнса, можно отрицать каждый отдельный элемент его аргументации, можно подвергать сомнению даже логическую состоятельность всей кейнсианской схемы, но невозможно сохранить веру в способность свободной рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость... В любом случае кейнсианская революция ознаменовала подлинный конец «доктрины laissez faire». Отсюда, по Блаугу, и главный урок «кейнсианской теории», согласно которому «негибкость зарплаты — это не экономический, а политический феномен». Вместе с тем он убежден, что «Общая теория» — просто непричесанная книга, подобно «Началам» Рикардо, или «Капиталу» Маркса, или же «Позитивной теории» Бем-Баверка, которая содержит не одну и не две, но три или четыре «модели» функционирования современной экономики» (Блауг М. Указ. соч. С. 607, 619, 622). Однако важно при этом обратить внимание на следующее его замечание: «Революция произошла не просто в отношении к экономической политике... а в теории... Это не значит, что все конкретные элементы этой теории были немедленно признаны. Напротив, первое издание «Общей теории» еще не было распродано, когда началась критика отдельных деталей учения Кейнса, которая с тех пор никогда не прекращалась. Вскоре с Кейнсом произошло абсолютно то же самое, что с Рикардо, Марксом, Вальрасом и Маршаллом: его препарировали, интерпретировали, переинтерпретировали, стандартизировали, упрощали, сводили к графикам и альтернативным математическим моделям «Кейнс I», «Кейнс II» и т.д., так что в ходе этого про-

цесса он стал автором, которого все цитируют, но никто не читает» (Блауг М. Указ. соч. С. 607—608).

[12] О последней Б. Селигмен пишет так: «Кейнс пришел к мысли о том, что первичным в достижении равновесия является эффективный спрос» (Селигмен Б. Указ. соч. С. 495).

[13] Спустя несколько десятилетий, разделяя идеи Дж.М. Кейнса о «склонности людей к сбережению», Дж.К. Гэлбрейт писал, что «эти доходы должны быть инвестированы и, таким образом, истрачены (или компенсированы затратами кого-либо еще). В противном случае покупательная способность будет снижаться. Товары будут оставаться на полках, объем заказов уменьшится, объем производства упадет, безработица увеличится. В результате произойдет спад» (Гэлбрейт Дж.К. Указ. соч. С. 230). А в одной из недавних оценок учения Дж.М. Кейнса, сделанной С.В. Брагинским и Я.А. Певзнером, говорится, что «экономисты до Кейнса» не обращали должного внимания»... на то, что сбережения осуществляют потребители, а инвестиции — производители, и решения первых и вторых отнюдь не всегда согласуются друг с другом» (Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991. С. 158). Поэтому логичен и вывод М.К. Бункиной, суть которого сводится к следующему положению: эффективный спрос и прежде всего инвестиции должны стать объектом государственного регулирования (см.: Бункина М.К. Экономика. М.: Изд-во Независ. ин-та рос. предприним-ва, 1992. С. 40).

[14] Но «экономисты следующего периода, — пишет С. Носова, — опровергают положение Кейнса, доказывая, что предельная склонность к потреблению и мультипликатор носят непостоянный и неодинаковый характер» (Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993. С. 22).

[15] По поводу этой методологической особенности В. Леонтьев пишет так: «Оглядываясь на кейнсианскую революцию с ее парадоксальной пропагандой идеи тратить для того, чтобы было что тратить, и с вытекающей из нее боязнью быстрого роста производительности труда, надо признать, что это скорее было затянувшееся отклонение от правил, чем коренное изменение общей ориентации западной экономики» (Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 221).

[16] Кейнс Дж.М. Антология экономической классики. Т. II. С. 149.

[17] Там же. С. 150.

[18] Там же. С. 155.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 239.

[21] Там же. С. 229.

[22] Ховард К., Журавлева Г. Принципы экономики свободной рыночной системы (экономикс). М.: Златоуст, 1995. С. 276.

[23] Кейнс Дж. М. Антология экономической классики. Т. II. С. 226—227.

[24] Там же. С. 231.
[25] Там же. С. 233.
[26] Там же. С. 236.
[27] Вот как его иллюстрирует, в частности, С. Носова: «...в результате государственного регулирования (прямого — через инвестиции, или косвенного — через фискальную политику) увеличивается потребительский спрос, который мультиплицирует (умножает) новый спрос на товары и услуги, что в конечном счете приводит к росту национального дохода. В свою очередь прирост национального дохода вызывает рост стимулированных инвестиций, что оживляет предпринимательскую деятельность и способствует акселеративному (ускоренному) росту производства». На ее взгляд, после кризиса 1929—1933 гг. экономисты, чтобы «вывести экономику из состояния застоя... сосредоточили свое внимание на проблеме эффекта от государственного спроса. В этой связи, — заключает она, — и возникла модель мультипликатора» (Носова С.С. Указ. соч. С. 6, 15). Кстати, здесь нелишне привести и красноречивое высказывание М. Блауга о значении эффекта мультипликатора. Он, в частности, пишет: «Капиталисты, учил нас Кейнс, могут вытащить себя из затруднительного положения с помощью шнурков от собственных ботинок, а именно через мультипликатор. Решающим моментом при этом является побуждение инвестировать» (Блауг М. Указ. соч. С. 235).
[28] Несомненно учитывая данное теоретическое положение, Д. Патинкин заявляет: «Главный вывод из кейнсианской теории состоит в том, что автоматический механизм рыночного приспособления... слишком ненадежен, что служит практической основой политики полной занятости» (цит. по: Блауг М. Указ. соч. С. 619). Отсюда понятен и тезис К. Ховарда и Г. Журавлевой, в соответствии с которым «главный вывод из общей теории Дж. Кейнса в том, что правительство должно принимать участие в экономическом планировании и управлении экономикой» (Ховард К., Журавлева Г. Указ. соч. С. 278).
[29] Кейнс Дж.М. Антология экономической классики. Т. II. С. 428.
[30] Там же. С. 429.
[31] Там же. С. 430.
[32] Там же. С. 285.
[33] Там же. С. 368.
[34] Блауг М. Указ. соч. С. 621.
[35] Там же. С. 148—149.
[36] Там же. С. 628.
[37] Как известно, мультипликатор характеризует связь между приростом инвестиций и последующим приростом национального дохода, а акселератор — связь между приростом национального дохода и последующим приростом инвестиций.
[38] Кроме того, как пишет М. Блауг, «в большинстве формулировок модели Харрода–Домара *Z* (приростная норма капиталоотдачи. — *Я.Я.*) определяется как «акселератор», но в оригинальной постановке До-

мара Z трактуется как коэффициент производительности». По его мысли, «акселератор не является просто величиной, обратной коэффициенту продуктивности: если первый относится к доходу этого года, то второй — к доходу следующего» (Блауг М. Указ. соч. С. 153—154, 155).

[39] На это обстоятельство обращает внимание и М. Блауг. Он пишет: «Инвестиции действительно приумножают производственные мощности, но это не обязательно влечет за собой кризис когда-либо в будущем. Всегда существует некоторая норма инвестиций, достаточно высокая для создания спроса на дополнительно произведенную — благодаря капиталовложениям предыдущего периода — продукцию. Это может быть продемонстрировано с помощью ныне известного уравнения Харрода–Домара... Разделив на Y = доход, имеем $\frac{S}{Y} = \frac{I}{S} = \frac{\Delta K}{Y}$, где S — запланированные сбережения, I — запланированные инвестиции, K — зависимая переменная, показывающая долю инвестиций, вызванных изменением дохода того же года (Блауг М. Указ. соч. С. 153).

[40] Ховард К., Журавлева Г. Указ. соч. С. 278.

[41] Блауг М. Указ. соч. С. 623.

Глава 20. Неолиберализм

[1] Это, в частности, созвучно и с воззрениями К. Поланьи, который пишет: «Ни цена, ни предложение, ни спрос не должны фиксироваться; признаются возможными только такие меры политического вмешательства, которые способствуют обеспечению саморегуляции рынка путем создания условий, делающих рынок единственной организующей силой в сфере экономики» (Поланьи К. Указ. соч. С. 11).

[2] Небезосновательность этих принципов разделяет и автор «Свободного города» А. У. Липпман; он еще в конце 30-х гг. стал очевидцем того, что его «поколение узнает теперь на собственном опыте, к чему приводит отступление от свободы во имя принудительной организации» и какова «цена планируемого общества и авторитарной организации человеческих дел» (цит. по: Хайек Ф.А. фон. Указ. соч. С. 29).

[3] Ойкен В. Экономические системы//THESIS. Весна 1993. Т. I. Вып. 2. С. 19.

[4] Там же. С. 20—21.

[5] Там же. С. 21.

[6] Там же. С. 21—25.

[7] Блауг М. Указ. соч. С. 631.

[8] Первое издание этого учебника под названием «Экономикс: вводный курс» появилось в 1948 г.

[9] Блауг М. Указ. соч. С. 630.

[10] В этой связи соотечественник и оппонент взглядов М. Фридмена экономист Дж. Тобин, не соглашаясь с идеей монетаристов о том, что «деньги имеют значение», не без упрека возразил на это словами «только деньги имеют значение». Не оставив данное замечание без внимания, М. Фридмен в работе «Теоретические основы денежного анализа» (1970) написал: «Я рассматриваю выражение, характеризующее нашу позицию: «Деньги — единственное, что имеет значение для изменения номинального дохода и для краткосрочных изменений реального дохода», — как некоторое преувеличение, которое, однако, верно характеризует направленность наших выводов. Утверждение же: «деньги — это единственное, что имеет значение», я считаю искажением наших выводов» (цит. по: Блауг М. Указ. соч. С. 639).

[11] Блауг М. Указ. соч. С. 640.

[12] Носова С.С. Указ. соч. С. 30.

Глава 21. Концепция неоклассического синтеза

[1] Самуэльсон П. Указ. соч. Т. I. С. 308.

[2] Там же. Т. II. С. 211.

[3] Там же.

[4] Носова С.С. Указ. соч. С. 31.

[5] Там же. С. 46.

Глава 22. Олимп современной экономической мысли

[1] Леонтьев В.В. Указ. соч. С. 86.

[2] Там же. С. 87.

[3] Там же. С. 79.

[4] Там же. С. 80—81.

[5] Там же. С. 226.

[6] Фридмен М. Методология позитивной экономической науки. С. 24, 25, 27.

[7] Там же. С. 44, 49—50, 51.

[8] Здесь ученый напоминает читателю о том, что «Томас Роберт Мальтус, молодой английский священник, имел обыкновение оспаривать те суждения по вопросу о совершенстве, которые его отец высказывал за завтраком, утверждая, что род человеческий живет все лучше и лучше». Однако, «заметьте, — продолжает П. Самуэльсон, — Мальтус не утверждал, что население будет расти в такой (геометрической. — *Я.Я.*) пропорции. Такова лишь тенденция, если она ничем не сдерживается» (Самуэльсон П. Указ. соч. Т. I. С. 23, 24).

[9] Он подчеркивает, что смитовское «Исследование о природе и причинах богатства народов» являет собой «начало современной экономической теории, или политической экономии», и что по провозглашенному им принципу «каждый индивидуум, преследуя лишь свои

собственные эгоистические цели, как бы направляется чьей-то невидимой рукой в интересах достижения наибольшего блага для всех», и поэтому «любое вмешательство государства в сферу свободной конкуренции почти наверняка будет иметь вредные последствия» (Самуэльсон П. Указ. соч. Т. I. С. 34).

[10] Самуэльсон П. Указ. соч. Т. II. С. 342—343.

[11] Там же. Т. II. С. 394.

[12] Там же. С. 395, 396.

[13] Там же. С. 398, 399.

[14] Там же. С. 400—403.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. ПРЕДМЕТ, МЕТОД, СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

1. Почему изучают историю экономических учений.
2. Основные этапы и направления мировой экономической мысли.
3. Сущность принципов и методов изучения в экономической науке.
4. Предмет и метод экономической науки в ретроспективе.

Библиографический список

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты//THESIS. 1994. Т. I. Вып. 4.
2. Беккер Г. С. Экономический анализ и человеческое поведение//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.
4. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. М.: Прогресс, 1993.
6. Негиши Т. История экономической теории. М.: АО «Аспект Пресс», 1995.
7. Роббинс Л. Предмет экономической науки//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.
8. Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. М.: НПО «Алгон», 1992.
9. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.
10. Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Предмет и метод экономической теории. М.: ТЕИС, 1997.
11. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.
12. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.
13. Хайлбронер Р. Экономическая наука как универсальная наука//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.
14. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
15. Щеголевский В.А. Формирование современных доктрин предмета и метода экономической науки. М.: ГП ЦРП МСП, 1998.

16. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.

Тема 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ НАТУРАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Экономические воззрения мыслителей и правителей Древнего Востока.
2. Экономическая мысль философов античного мира.
3. Средневековая экономическая мысль арабского Востока (Ибн-Хальдун) и западноевропейских канонистов (Августин, Аквинат).
4. Меркантилизм. Экономическая мысль ранних меркантилистов.
5. Особенности позднего меркантилизма. Кольбертизм.
6. Историческое значение меркантилизма.

Библиографический список

1. Аникин А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи России до марксизма. М., 1990.
2. Аникин А.В. Юность науки. М., 1985.
3. Аристотель. Политика. СПб., 1911.
4. Аристотель. Соч. В 4-х т. М., 1975—1983.
5. Артхашастра, или Наука политики. М., 1959.
6. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
7. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
8. Древнекитайская философия. Собрание текстов. В 2-х т. М.—Л., 1959.
9. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства//Вестник Древней Истории. 1952. № 3.
10. Законы Ману. СПб., 1913.
11. Игнатенко А.А. Ибн Хальдун. М., 1980.
12. Кондильяк Э.Б. О выгодах свободной торговли. СПб., 1817. Ч. 1—2.
13. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
14. Ксенофонт. Киропедия. М., 1976.
15. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
16. Маркс К. Капитал. В 3-х т./Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23—25.
17. Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
18. О сельском хозяйстве (Катон, Варрон, Колумелла, Плиний). М., 1957.
19. Платон. Государство. Законы. М., 1971. Т. 1—3.
20. Платон. Соч. В 3-х т. М., 1968—1972.
21. Платонов Д.Н. Иван Посошков. М., 1984.
22. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги//THESIS. 1993. Т. I. Вып. 2.
23. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
24. Фань Вэньлань. Древняя история Китая. М., 1958.
25. Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х ч. М., 1980.

26. Шумпетер Й. История экономического анализа. Гл. 1, 2//Истоки. Вып. 1. М., 1989; Вып. 2. М., 1990.
27. Юм Д. Наука к познанию роскоши. СПб., 1776.
28. Юм Д. О населенности древних народов. СПб., 1806.
29. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
30. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
31. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
32. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
33. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.

Тема 3. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В МАНУФАКТУРНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Занятие 1. Общая характеристика «классической школы» и особенности первого этапа ее эволюции

1. Социально-экономические предпосылки зарождения классической политической экономии. Этапы развития.
2. Общие характерные признаки классической школы.
3. У. Петти — родоначальник классической школы в Англии.
4. П. Буагильбер — родоначальник классической школы во Франции.
5. Физиократия. Экономическое учение Ф. Кенэ.
6. Физиократические воззрения А. Р. Тюрго.

Занятие 2. Второй этап эволюции классической школы. Экономическое учение А. Смита

1. Концепция А. Смита об «экономическом человеке» и о «невидимой руке».
2. Теоретические положения А. Смита о разделении труда, классах, производительном и непроизводительном труде.
3. Теоретические положения А. Смита о деньгах, стоимости, доходах.
4. Теоретические положения А. Смита о капитале, экономическом росте в условиях laissez faire.
5. «Догма Смита».
6. А. Смит об экономической политике государства.

Библиографический список

1. Аникин А.В. Адам Смит. М., 1968.
2. Аникин А.В., Аникин В. А. Уильям Петти. М., 1986.
3. Аникин А.В. Юность науки. М., 1985.
4. Антология экономической классики. В 2-х т. М., 1991, 1993.
5. Бентам И. Избранные сочинения. СПб., 1867. Т. I.

6. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
7. Буагильбер П. Рассуждения о природе богатства, денег и налогов. Горький, 1973.
8. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
9. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
10. Дроздов В.В. Франсуа Кенэ. М., 1988.
11. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
12. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960.
13. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики/ Избранные сочинения. М., 1993.
14. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
15. Негиши Т. История экономической теории. М., 1995.
16. Петти У. Трактат о налогах и сборах/Антология экономической классики. М., 1993. Т. I.
17. Петти У. Экономические и статистические работы. М., 1940.
18. Самуэльсон П. Экономика. М., 1964, 1992.
19. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
21. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1—2/ Антология экономической классики. М., 1993. Т. I.
22. Тюрго А.Р.Ж. Избранные экономические произведения. М., 1961.
23. Тюрго А.Р.Ж. Размышления о создании и распределении богатства. Ценности и деньги. Юрьев, 1905.
24. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М., 1982.
25. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
26. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
27. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
28. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
29. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.
30. Ядгаров Я.С., Покидченко М.Г., Вагина Е.Ю. Проблемы рыночной экономики в теориях классиков экономической мысли. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994.

Тема 4. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ПОСТМАНУФАКТУРНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Занятие 1. Третий этап эволюции классической школы. Экономическое учение Д. Рикардо, Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса, Н. Сениора, Ф. Бастиа

1. Теоретические положения Д. Рикардо о стоимости, доходах, капитале, деньгах, воспроизводстве.

2. Теоретические положения Ж.Б. Сэя о трех факторах производства, стоимости, доходах. «Закон Сэя».

3. Теоретические положения Т. Мальтуса о народонаселении, стоимости, доходах, «третьих лицах», воспроизводстве.

4. Теоретические положения Н. Сениора о доходах («теория воздержания», «теория последнего часа»), производительном труде.

5. Теория экономических гармоний Ф. Бастиа.

Занятие 2. Четвертый этап эволюции «классической школы». Экономическое учение Дж.С. Милля и К. Маркса

1. Теоретические положения Дж.С. Милля о законах производства и распределения, производительном труде, стоимости, доходах.

2. Концепции Дж.С. Милля о «нейтральности денег» и «рабочем фонде».

3. Доктрины Дж.С. Милля о сферах «бессилия рынка» и социальных реформах.

4. Особенности предмета и метода изучения К. Маркса.

5. Теоретические положения К. Маркса о стоимости, цене производства, прибавочной стоимости.

6. Теоретические положения К. Маркса о деньгах, заработной плате, прибыли, ренте.

7. Теоретические положения К. Маркса о производительном труде, капитале, воспроизводстве.

Библиографический список

1. Аникин А.В. Юность науки. М., 1985.
2. Антология экономической классики. В 2-х т. М., 1991, 1993.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
4. Афанасьев В.С. Давид Рикардо. М., 1988.
5. Бастиа Ф. Экономические софизмы. СПб., 1863. Ч. 1—2.
6. Бем-Баверк Е. Теория Карла Маркса и ее критика. СПб., 1897.
7. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
8. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
9. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
10. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег/Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2.
11. Кэри Г.Ч. Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. М., 1860.
12. Кэри Г.Ч. Руководство к социальной науке. СПб., 1866—1869. Вып. 1—2.
13. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
14. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения/Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2.
15. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. СПб., 1868. Т. 1—2.
16. Маркс К. Капитал. В 3-х т./Маркс. К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23—25.

17. Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
18. Маркс К. Манифест коммунистической партии/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
19. Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1983—1984, 1993. Т. 1—3.
20. Милль Дж.С. Автобиография. СПб., 1874.
21. Милль Дж.С. Основания политической экономии и некоторые приложения их к социальной философии. СПб., 1909.
22. Милль Дж.С. Основы политической экономии. М., 1980—1981. Т. 1—3.
23. Негиши Т. История экономической теории. М., 1995.
24. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения/Антология экономической классики. М., 1993. Т. I.
25. Рикардо Д. Начала политической экономии и податного налогообложения. М., 1910. Т. 1—2.
26. Рикардо Д. Принципы политической экономии. Л., 1924.
27. Рикардо Д. Собрание сочинений. СПб., 1908; М., 1955.
28. Рикардо Д. Экономические памфлеты. М., 1928.
29. Рубин И.И. Очерки теории стоимости Маркса. М., 1929.
30. Сэй Ж.Б. Катехизис политической экономии, или Краткое учение о составлении, распределении и потреблении богатства в обществе. СПб., 1833.
31. Сэй Ж.Б. Сокращенное учение о государственном хозяйстве, или Дружеские разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе. СПб., 1816, 1896.
32. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1996.
33. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М., 1982.
34. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
35. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
36. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
37. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
38. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.
39. Ядгаров Я.С., Покидченко М.Г., Вагина Е.Ю. Проблемы рыночной экономики в теориях классиков экономической мысли. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994.

Тема 5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПРОТИВНИКОВ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Занятие 1. Особенности воззрений экономистов-романтиков

1. Предмет и метод изучения С. Сисмонди.

2. Теоретические положения С. Сисмонди о стоимости, доходах, «третьих лицах».

3. Концепция социальных реформ С. Сисмонди.

4. Предмет и метод изучения П. Прудона.

5. Теоретические положения П. Прудона о стоимости («конституированная стоимость»), доходах, «рабочих деньгах», «даровом кредите».

6. Концепция социальных реформ П. Прудона.

7. Историческое значение экономического романтизма.

Занятие 2. Экономические воззрения социалистов-утопистов

1. Общие характерные признаки учения социалистов-утопистов начала XIX в.

2. Концепция социальных реформ К. Сен-Симона.

3. Концепция социальных реформ Ш. Фурье.

4. Концепция социальных реформ Р. Оуэна.

5. Концепция социальных реформ социалистов-рикардианцев (Дж. Грей, Дж. Брей, Т. Годскин, У. Томпсон).

6. Историческое значение утопического социализма.

Занятие 3. Методологические особенности и этапы развития исторической школы Германии

1. Предмет и метод изучения исторической школы Германии. Этапы развития.

2. Предшественники немецкой исторической школы (А. Мюллер, Ф. Лист).

3. Старая историческая школа Германии (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс).

4. Новая историческая школа (Л. Брентано, К. Бюхер, Г. Шмоллер).

5. Новейшая историческая школа Германии (В. Зомбарт, М. Вебер, А. Шпитхоф).

Библиографический список

1. Аникин А.В. Юность науки. М., 1985.

2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.

3. Брей Дж.Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. М., 1956.

4. Брентано Л. Аграрная политика. М.—Л., 1929.

5. Брентано Л. Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда. СПб., 1895.

6. Брентано Л. Опыт теории потребностей. Казань, 1921.

7. Брентано Л. Этика и народное хозяйство в истории. СПб., 1906.

8. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Ч. 1. СПб., 1907; Ч. 2. Пг., 1923.

9. Бюхер К. Четыре очерка из области народного хозяйства. СПб., 1898.

10. Вебер М. Избранные произведения. М., 1991.

11. Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923.

12. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.

13. Гильдебранд Б. Историческое обозрение политико-экономических систем. СПб., 1861.
14. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860.
15. Годскин Т. Сочинения. Т. I. Защита труда против притязаний капитала. Т. 2. Популярная политическая экономия. М., 1938.
16. Грей Дж. Сочинения. М., 1955.
17. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
18. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.
19. Зомбарт В. Основные положения социал-демократической политики. СПб., 1906.
20. Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1—2. М., 1903—1905.
21. Зомбарт В. Экономические и социальные вопросы в современном обществе. СПб., 1905.
22. Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1991.
23. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
24. Мак-Куллох Дж. Р. О начале, успехах, особенных предметах и важности политической экономии. М., 1865.
25. Маркс К. Капитал. В 3-х т./Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23—25.
26. Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
27. Оуэн Р. Доклад графству Ленарк о плане облегчения общественных бедствий/Избранные сочинения. М., 1950. Т. I.
28. Оуэн Р. Избранные сочинения. М.—Л., 1950. Т. I.
29. Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип. М., 1908.
30. Прудон П.Ж. Что такое собственность? СПб., 1907.
31. Рошер В.Г.Ф. Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода. СПб., 1891.
32. Сен-Симон К.А. Катехизис промышленника/Избранные сочинения. М.—Л., 1949. Т. 2.
33. Сен-Симон К.А. Письма женевского обитателя к современникам: Притча/ Избранные сочинения. М.—Л., 1948. Т. I.
34. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
35. Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. М., 1935—1937. Т. 1—2.
36. Фурье Ш. Критика строя цивилизации//Избранные сочинения. М.—Л., 1951. Т. I.
37. Цеханович В.Р. Проблемы социальной организации в реформаторских концепциях Р. Оуэна, К. Сен-Симона и Ш. Фурье. М.: Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 1999.
38. Цеханович К. Р. Реформаторские проекты С. Сисмонди против абсолютизации принципов экономического либерализма. М.: Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 1999.
39. Шмоллер Г. Борьба классов и классовое господство. М.: Карчагин, 1906.
40. Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. М., 1897.
41. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.

Тема 6. МАРЖИНАЛИЗМ

Занятие 1. Общая характеристика «маржинальной революции» и особенности экономической мысли на ее первом этапе

1. Исторические предпосылки, обусловившие смену классической школы маржинальной экономической теорией. «Законы Госсена».
2. Сущность, этапы и особенности «маржинальной революции».
3. К. Менгер — родоначальник австрийской школы маржинализма.
4. Маржинальные концепции О. Бём-Баверка и Ф. Визера.
5. Маржинальные концепции У.С. Джевонса.
6. Л. Вальрас — родоначальник лозаннской школы маржинализма.

Занятие 2. Формирование неоклассической экономической теории как второй этап «маржинальной революции»

1. Теоретические положения А. Маршалла о взаимосвязи рыночной цены, спроса и предложения.
2. Концепция А. Маршалла о предельных издержках производства, влиянии уровня процентной ставки на склонность к сбережению (накоплению).
3. Теория общего экономического равновесия В. Парето.
4. «Оптимум Парето». «Кривые безразличия» в учении В. Парето.
5. Учение Дж.Б. Кларка о статике и динамике.
6. «Закон предельной производительности» Дж.Б. Кларка.

Библиографический список

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
2. Бем-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб., 1909.
3. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ/Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.
4. Бем-Баверк Е. Очерки по истории политической экономии (История учений о капитале и проценте на капитал). СПб., 1902.
5. Бем-Баверк Е. Теория Карла Маркса и ее критика. СПб., 1897.
6. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
7. Визер Ф. Теория общественного хозяйства (фрагменты)/Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.
8. Джевонс У.С. Бумажные деньги. Одесса, 1896.
9. Джевонс У.С. Краткое руководство политической экономии. СПб., 1897.
10. Джевонс У.С. Металлические деньги. Одесса, 1896.
11. Джевонс У.С. Основы науки. Трактат о логике и научном методе. СПб., 1881.
12. Джевонс У.С. Политическая экономия. СПб., 1905.
13. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
14. Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М., 1992.
15. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
16. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
17. Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1983—1984, 1993. Т. 1—3.

18. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1894.
19. Менгер К. Основания политической экономии. Общая часть/Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.
20. Негиши Т. История экономической теории. М., 1995.
21. Покидченко М.Г. Зарождение современной политической экономии. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1992.
22. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
23. Тюнен И. Г. Изолированное государство. М., 1926.
24. Хвинтелиани В.Г. Развитие теории стоимости в XIX веке. М.: Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 1999.
25. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
26. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
27. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
28. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
29. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.
30. Ядгаров Я.С., Покидченко М.Г., Вагина Е.Ю. Проблемы рыночной экономики в теориях классиков экономической мысли. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994.

Тема 7. ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (АМЕРИКАНСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ)

1. Общая характеристика институционализма.
2. Концепция реформ Т. Веблена.
3. Теория стоимости в трудах Т. Веблена и Дж. Коммонса.
4. Концепция реформ Дж. Коммонса.
5. Концепция «измерения без теории» У.К. Митчелла.

Библиографический список

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
2. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
3. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М., 1959.
4. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
5. Митчелл У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.—Л., 1930.
6. Самуэльсон П. Экономика. М., 1964, 1992.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
8. Современная экономическая мысль. М., 1981.
9. Сорокина С.Г. Сценарии будущего или иллюзии прошлого? М., 1981.
10. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
11. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
12. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.

13. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
14. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.
15. Ядгаров Я.С., Покидченко М.Г., Вагина Е.Ю. Проблемы рыночной экономики в теориях классиков экономической мысли. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994.

Тема 8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЕОРИЙ О РЫНКЕ С НЕСОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

1. Исторические предпосылки возникновения теорий о «монополистической» и «несовершенной» конкуренции.

2. Концепция Э. Чемберлина о «дифференциации продукта» и неценовых факторах конкуренции.

3. Феномен избытка мощности в теории монополистической конкуренции Э. Чемберлина.

4. Дж. Робинсон о различиях условий «совершенной» и «несовершенной» конкуренции.

5. Дж. Робинсон о «монопсонии» и об экономической дилемме: «эффективность или справедливость».

Библиографический список

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
2. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
3. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
4. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М., 1959.
5. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
6. Робинсон Д. В. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
8. Современная экономическая мысль. М., 1981.
9. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости. М., 1996.
10. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
11. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
12. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
13. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
14. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIXЧXX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.
15. Ядгаров Я.С., Покидченко М.Г., Вагина Е.Ю. Проблемы рыночной экономики в теориях классиков экономической мысли. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994.

Тема 9. ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Занятие 1. Кейнсианские концепции государственного регулирования экономики

1. Исторические предпосылки возникновения теорий и правительственных программ стабилизации экономики.
2. Предмет и метод изучения Дж.М. Кейнса.
3. Концепции Дж.М. Кейнса об «основном психологическом законе», «мультипликаторе инвестиций», «эффективном спросе».
4. Меры государственного регулирования экономики в учении Дж.М. Кейнса.
5. Неокейнсианские доктрины государственного регулирования экономики. Теории роста.

Занятие 2. Неолиберальные концепции государственного регулирования экономики

1. Неолиберализм как альтернатива кейнсианству.
2. Ордолиберализм. Концепция «социального рыночного хозяйства».
3. «Основы национальной экономии» В. Ойкена.
4. Чикагская школа неолиберализма. Монетарная концепция М. Фридмена.
5. Американский монетаризм о «кривой Филлипса» и концепции ЕНБ.

Библиографический список

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
2. Бункина М. К. Монетаризм. М., 1994.
3. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
4. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М., 1959.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег/Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993.
6. Кейнс Дж.М. Предмет и метод политической экономии. М., 1899.
7. Кейнс Дж.М. Трактат о денежной реформе/Избранные произведения. М., 1993.
8. Классики кейнсианства. В 2-х т. Т. I. К теории экономической динамики/ Р. Харрод. Экономические циклы и национальный доход. Т. I. Ч. 1—2; Т. II. Ч. 3—4 /Э. Хансен. М.: Экономика, 1997.
9. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
10. Мизес Л. фон. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета экономической науки//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.
11. Носова С. С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993.
12. Ойкен В. Основы национальной экономии. М., 1996.
13. Ойкен В. Экономические системы//THESIS. Весна 1993. Т. I. Вып. 2.

14. Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 1—2.
15. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
16. Современная экономическая мысль. М., 1981.
17. Усоскин В.М. «Денежный мир» Милтона Фридмена. М., 1989.
18. Фридмен М. Количественная теория денег. М.: Эльф-Пресс, 1996.
19. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки//THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4.
20. Хаберлер Г. Процветание и депрессия. М., 1960.
21. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М., 1992.
22. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.
23. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959.
24. Харрис С. Денежная теория. М., 1990.
25. Харрод Р. К теории экономической динамики. М., 1959.
26. Хикс Дж. Стоимость и капитал. М., 1988, 1993.
27. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.
28. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
29. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
30. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
31. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
32. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.
33. Ядгаров Я.С., Покидченко М.Г., Вагина Е.Ю. Проблемы рыночной экономики в теориях классиков экономической мысли. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994.

Тема 10. «ОЛИМП» СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1. Концепция «неоклассического синтеза» П. Самуэльсона.

2. Ретроспектива основных этапов инаправлений экономической мысли в учебнике П. Самуэльсона «Экономикс».

3. Экономические воззрения В. В. Леонтьева в книге «Экономические эссе».

4. Концепция В.В. Леонтьева «затраты—выпуск» (межотраслевые балансы).

5. Л.В. Канторович — родоначальник теории линейного программирования (теории оптимального использования ресурсов).

Библиографический список

1. Баранов И.Н., Бухвалов А.В., Дмитриев А.Л., Щеглов П.Е. Олимп. Лауреаты Нобелевской премии по экономике. СПб., 1991. Т. I. Вып. 1.
2. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1995. Т. 1—5.
3. Канторович Л.В. Математические методы организации и планирования производства. Л., 1937.

4. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
5. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. М., 1996.
6. Носова С.С. Пути выхода из экономического кризиса: модели мультипликатора-акселератора. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1993.
7. Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономической науке//THESIS. Зима 1993. Т. I. Вып. 1.
8. Самуэльсон П. Экономика. М., 1964, 1992.
9. Станкевич Ю.А. Историко-экономические предпосылки возникновения концепции неоклассического синтеза. М.: Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 2000.
10. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 1992.
11. Хикс Дж. Стоимость и капитал. М., 1988, 1993.
12. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999.
13. Ядгаров Я.С. История экономических учений. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 1997.
14. Ядгаров Я.С. История экономических учений. М.: Экономика, 1996.
15. Ядгаров Я.С. Основные направления и этапы эволюции экономической мысли. М.: Моск. банковский колледж, 1996.
16. Ядгаров Я.С. Основные течения экономической мысли (XIX—XX вв.). М.: Изд-во МОСУ, 1994.

Тема 11. ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Занятие 1. Российская экономическая мысль в период средневековья и до отмены крепостного права

1. Возникновение меркантилистских концепций в трудах А.Л. Ордин-Нащекина, Ю. Крижанича, И.Т. Посошкова, В.Н. Татищева.

2. Антикрепостнические реформаторские идеи А.Н. Радищева, Н.С. Мордвинова, М.М. Сперанского.

3. Концепция Н.И. Тургенева о либерализации российской экономики.

4. Концепция социально-экономических реформ в работах Н.Г. Чернышевского.

Занятие 2. Экономическая мысль России после отмены крепостного права и до советского периода

1. Проблемы либерализации экономики пореформенной России в экономических воззрениях С.Ю. Витте, М.М. Ковалевского, А.И. Чупрова, И.И. Янжула.

2. Пропаганда идей эволюции рыночных экономических отношений в трудах М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, С.Н. Булгакова.

3. Экономические доктрины «революционного» (П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, М.А. Бакунин) и «либерального» (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниэльсон, Н.К. Михайловский) течений народничества.

4. Пропаганда марксистских социально-экономических идей в трудах Н.И. Зибера, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина.

Занятие 3. Российская экономическая мысль в советский и постсоветский периоды

1. Теоретические дискуссии о «переходном периоде» к социализму и НЭПу в трудах Н.И. Бухарина, В.И. Ленина, И.И. Скворцова-Степанова, И.И. Рубина, И.В. Сталина.

2. Концепции народнохозяйственного планирования и экономического роста в работах Н. Бухарина, Е. Преображенского, Г. Сокольникова, Л. Юровского, Н. Кондратьева, А. Богданова, В. Базарова, В. Громана, С. Струмилина, А. Чаянова.

3. Разработка экономико-математических методов и концепций оптимального планирования в трудах В. Немчинова, В. Новожилова, Л. Канторовича.

4. Доктрина «перестройки» и воссоздания рыночных экономических отношений в советском государстве (Л. Абалкин, А. Аганбегян, М. Горбачев, С. Шаталин).

5. Особенности альтернативных концепций и программ радикальных рыночных реформ в России (Е. Гайдар, Г. Явлинский, С. Глазьев, Г. Зюганов).

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Заметки о российском предпринимательстве. М.: Прогресс-Академия, 1994.
2. Аникин А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи России до марксизма. М., 1990.
3. Базаров В.А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.—Л., 1927.
4. Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов//Плановое хозяйство. 1926. № 7.
5. Базаров В.А. Принципы построения перспективного плана//Плановое хозяйство. 1928. № 2.
6. Баранов И.Н., Бухвалов А.В., Дмитриев А.Л., Щеглов П.Е. Олимп. Лауреаты Нобелевской премии по экономике. СПб., 1991. Вып. 1.
7. Белых А.А. История советских экономико-математических исследований. Л.: 1990.
8. Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. М., 1958—1959. Т. 1—2.
9. Богданов А.А., Скворцов-Степанов И.И. Курс политической экономии. 4-е изд. М.—Л., 1923. Т. 1; 1925. Т. 2.
10. Богданов А.А. Тектология. М., 1989. Т. 1—2.
11. Богданов А.А. Теория капитализма. М., 1922.
12. Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М., 1991.
13. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
14. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
15. Бухарин Н.И. К вопросу о закономерностях переходного периода. Критические замечания на кн. Е. Преображенского «Новая экономика». М.—Л., 1928.

16. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк). Пг., 1918.
17. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М., 1988.
18. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
19. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920. Т. I.
20. Вознесенский Н. А. Избранные произведения: 1931—1947. М., 1979.
21. Воронцов В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
22. Всемирная история экономической мысли. М., 1987—1996. Т. 1—7.
23. Герцен А.И. Крещеная собственность/Избр. философ. произведения. М., 1948. Т. 3.
24. Герцен А.И. Русский народ и социализм/Избр. философ. произведения. М., 1948. Т. 2.
25. Громан В.Г. О некоторых закономерностях эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве//Плановое хозяйство. 1925. № 12.
26. Зибер Н.И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях/Избранные эконом. произведения. М., 1959. Т. I.
27. Канторович Л.В. Математические методы организации и планирования производства. Л., 1937.
28. Каутский К. Аграрный вопрос. М., 1901.
29. Каутский К. Капитализм и русский рабочий. Пг., 1917.
30. Каутский К. Экономическое учение К. Маркса. М., 1968.
31. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в институте экономики. М., 1928.
32. Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации в деревне//Пути сельского хозяйства. 1925. № 5.
33. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики/ Избранные сочинения. М., 1993.
34. Кондратьев Н.Д. План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства в частности//Пути сельского хозяйства. 1927. № 2.
35. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
36. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
37. Кржижановский Г.М., Струмилин С.Г., Кондратьев Н.Д., Базаров А.А. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989.
38. Крицман Л. Героический период великой русской революции. М., 1925.
39. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма/Полн. собр. соч. Т. 27.
40. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
41. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950.
42. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989.
43. Мордвинов Н.С. Проект трудопоощрительного банка; некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о Тарифе; О мерах улучшения государственных доходов/Избранные произведения. М., 1945.

44. Николай — он. [Даниэльсон Н. Ф.] Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
45. Огарев Н.П. Еще об освобождении крестьян//Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. I.
46. Пестель П.И. Русская правда. Наказ временному верховному правлению. СПб., 1906.
47. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1948.
48. Плеханов Г.В. Сочинения. М. —Пг., 1923—1927. Т. 1—24.
49. Платонов Д.Н. Иван Посошков. М., 1984.
50. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
51. Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990.
52. Преображенский Е.А. Закон стоимости в советском хозяйстве (доклад на дискуссии)//Вестник Коммунистической Академии. 1926. Кн. 14, 15.
53. Преображенский Е.А. Новая экономика. М., 1926.
54. Радищев А.Н. Письма о китайском торге//Полн. собр. соч. М.—Л., 1941. Т. 2.
55. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву/Полн. собр. соч. М.—Л., 1938. Т. I.
56. Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Ин-т экономики РАН, 1998.
57. Скворцов-Степанов И.И. Что такое политическая экономия? М., 1925. Кн. 2.
58. Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. М., 1925. Т. I; 1926. Т. 2.
59. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.—Л., 1961.
60. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953.
61. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. Вып. 1.
62. Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920—1930 гг. М., 1958.
63. Троцкий Л.Д. К социализму или капитализму. М.—Л., 1926.
64. Туган-Барановский М.И. Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма. СПб., 1899.
65. Туган-Барановский М.И. Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса//Научное обозрение. 1899. № 5.
66. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Пг., 1918.
67. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е изд. Пг. — М., 1923.
68. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1922.
69. Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. 3-е изд. М., 1937.
70. Цапиева О.К. Экономические взгляды Г. В. Плеханова. М., 1991.
71. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989.
72. Чаянов А.В. Оптимальные размеры земледельческих хозяйств/Труды высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики. М., 1922. Вып. 7.
73. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.

74. Чаянов А.В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924.
75. Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. М., 1948—1949. Т. 1—3.
76. Чупров А.И. Железнодорожное хозяйство: Его экономические особенности и его отношения к интересам страны. М., 1875.
77. Чупров А.И. Лекции по политической экономии. М., 1885.
78. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти. М., 1928.
79. Янжул И.И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. Спб., 1895.
80. Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

2. ТЕСТОВЫЕ ВОПРОСЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

1. Выразители экономической мысли дорыночной эпохи идеализировали:
1) рыночные экономические отношения;
2) натурально-хозяйственные отношения;
3) крупную торговлю и ростовщические операции.

2. Законы Хаммурапи регламентировали долговое рабство с целью:
1) скорейшего перехода к рыночной экономике;
2) обеспечения роста налоговых поступлений в казну;
3) не допустить разрушения основ натурального хозяйства.

3. Аристотель относит к сфере хрематистики:
1) земледелие и ремесло;
2) ростовщичество и торгово-посреднические операции;
3) мелкую торговлю.

4. В соответствии с экономическими воззрениями Аристотеля и Ф. Аквинского деньги — это:
1) совершенно бесполезный товар;
2) результат соглашения между людьми;
3) стихийно возникший товар.

5. Согласно концепции «справедливой цены» Ф. Аквинского в основе стоимости (ценности) товара лежит:
1) затратный принцип;
2) морально-этический принцип;
3) затратный и морально-этический принцип одновременно.

6. Автором термина «политическая экономия» является:
1) Аристотель;
2) Ф. Аквинский;
3) А. Монкретьен;
4) А. Смит;
5) К. Маркс.

7. Кольбертизм — это характеристика протекционистской политики в экономике, в результате которой емкость внутреннего рынка:
1) не меняется;
2) сужается;
3) расширяется.

8. В соответствии с меркантилистской концепцией источником денежного богатства является:
1) рост заграничных инвестиций;
2) превышение импорта над экспортом;
3) превышение экспорта над импортом.

9. Предметом изучения меркантилизма является:
1) сфера обращения (потребления);
2) сфера производства (предложения);
3) сфера обращения и сфера производства одновременно.

10. Предметом изучения классической политической экономии является:
1) сфера обращения;
2) сфера производства;
3) сфера обращения и сфера производства одновременно.

11. Приоритетным методом экономического анализа меркантилизма является:
1) эмпирический метод;
2) каузальный метод;
3) функциональный метод.

12. В классической политической экономии приоритетным методом экономического анализа является:
1) эмпирический метод;
2) каузальный метод;
3) функциональный метод.

13. Согласно классической политической экономии заработная плата как доход рабочего тяготеет:
1) к физиологическому минимуму;
2) к прожиточному минимуму;
3) к максимально возможному уровню.

14. В соответствии с классической политической экономией деньги — это:
1) искусственное изобретение людей;
2) важнейший фактор экономического роста;
3) техническое орудие, вещь, облегчающая обмен.

15. Категорию «деньги» У. Петти рассматривает как сторонник:
1) номиналистической теории денег;
2) металлической теории денег;
3) количественной теории денег.

16. У. Петти и П. Буагильбер — родоначальники теории стоимости, определяемой:
1) затратами труда (трудовая теория);
2) производственными издержками (теория издержек);
3) предельной полезностью.

17. По предложенной Ф. Кенэ классификации фермеры представляют:
1) производительный класс;
2) класс собственников земли;
3) бесплодный класс.

18. Согласно учению Ф. Кенэ о «чистом продукте» последний создается:
1) в торговле;
2) в сельскохозяйственном производстве;
3) в промышленности.

19. Первым автором теории воспроизводства и первым, кто подразделял капитал на основной и оборотный, а труд — на производительный и непроизводительный, является:
1) У. Петти;
2) Ф. Кенэ;
3) А. Смит;
4) К. Маркс;
5) А. Тюрго.

20. А. Тюрго единственным источником всякого богатства считает труд:
1) торговца;
2) земледельца (фермера);
3) ремесленника;
4) ростовщика;
5) купца.

21. По мысли А. Смита, гораздо большую стоимость к действительному богатству и доходу добавляет капитал, вкладываемый:
1) в торговлю;
2) в земледелие;
3) в промышленность.

22. Согласно методологической позиции А. Смита частный интерес:
1) не отделим от общего интереса;
2) стоит выше общественного;
3) вторичен по отношению к общественному.

23. «Невидимая рука» А. Смита — это:
1) механизм государственного управления экономикой в интересах всего общества;
2) действие в условиях свободной конкуренции предпринимателей не зависящих от воли и намерений индивида объективных экономических законов;
3) механизм хозяйствования, обусловленный божественным провидением.

24. В структуре торговли на первое место А. Смитом поставлена:
1) внутренняя торговля;
2) внешняя торговля;
3) транзитная торговля.

25. Согласно А. Смиту, в каждом развитом обществе стоимость товаров обусловлена:
1) затратами труда;

2) затратами труда и капитала;
3) суммой доходов.

26. А. Смит считает труд производительным, если он приложен:
1) в сельскохозяйственном производстве;
2) в любой отрасли материального производства;
3) в отраслях материального и нематериального производства.

27. В структуре капитала А. Смит выделяет следующие части:
1) первоначальные и ежегодные авансы;
2) основной и оборотный капитал;
3) постоянный и переменный капитал.

28. Тезис «баснословная догма Смита» возник у К. Маркса в связи с тем, что А. Смит:
1) считает невозможным автоматическое равновесие в экономике;
2) допускает деление капитала на основной и оборотный;
3) отождествляет принцип выявления ценности «годичного продукта труда» и «цены всякого товара».

29. При определении стоимости Д. Рикардо придерживается:
1) трудовой теории;
2) теории издержек;
3) теории полезности.

30. Категорию «рента» Д. Рикардо трактует в следующих вариантах:
1, 2, 3;
1, 4, 5;
1) как доход с земли;
2) так же, как и прибыль фермера;
3) так же, как и прибыль в промышленной сфере;
4) как дополнительный доход фермера сверх уровня средней прибыли в сфере его деятельности;
5) как «свободный дар земли»;

31. По мнению Д. Рикардо, заработная плата имеет тенденцию к снижению, потому что:
1) предприниматели занижают цену труда рабочих;
2) высокие темпы рождаемости порождают избыточное предложение труда;
3) машины и механизмы вытесняют труд рабочих.

32. Тенденцию нормы прибыли к понижению, согласно Д. Рикардо, порождают следующие причины:
1, 3, 4, 6;
1, 3, 5;
1) перелив капитала из одного занятия в другое;
2) снижение относительного уровня «рыночной цены труда»;
3) рост относительного уровня «рыночной цены труда»;

4) рост дороговизны продуктов земли из-за постоянного снижения ее плодородия;

5) снижение темпов народонаселения;

6) повышение темпов народонаселения.

33. Основными постулатами «закона рынков» Ж.Б. Сэя являются:

1, 3, 4, 7;

2, 4, 5, 7;

1) спрос создает соответствующий ему уровень предложения;

2) предложение создает соответствующий ему спрос;

3) деньги как важнейший самостоятельный фактор воспроизводственного процесса;

4) деньги нейтральны;

5) цены, заработная плата и процентная ставка совершенно гибки, подвижны;

6) допускается вмешательство государства в экономику;

7) экономические кризисы невозможны либо их проявление имеет всегда временный и преходящий характер.

34. «Закон Сэя» исчерпал свою актуальность с возникновением экономического учения:

1) К. Менгера;

2) А. Маршалла;

3) Дж.Б. Кларка;

4) Дж.М. Кейнса;

5) М. Фридмена.

35. Согласно теории народонаселения Т. Мальтуса главными причинами бедности являются:

1, 3, 4;

2, 3, 5;

1) несовершенство социального законодательства;

2) постоянно высокие темпы роста численности населения;

3) неизменно низкий уровень заработной платы;

4) чрезмерно высокие темпы научно-технического прогресса;

5) «закон убывающего плодородия почвы».

36. Теорию народонаселения Т. Мальтуса из числа ниженазванных авторов категорически отвергали:

1, 2, 6, 7;

2, 3, 4, 6;

1) Д. Рикардо;

2) С. Сисмонди;

3) П. Прудон;

4) Р. Оуэн;

5) Дж.С. Милль;

6) К. Маркс;

7) А. Маршалл.

37. По мысли Т. Мальтуса, «третьи лица» в воспроизводственном процессе — это:

1, 3, 4;

2, 3, 5;

1) производительная часть общества;

2) непроизводительная часть общества;

3) фактор, содействующий созданию и реализации общественного продукта;

4) фактор, сдерживающий полное использование капитала;

5) фактор, предотвращающий общее перепроизводство.

38. Первыми из авторов классической политической экономии обратились к рассмотрению теоретико-методологических проблем социализма:

1, 2, 5;

3, 4;

1) А. Смит;

2) Д. Рикардо;

3) Дж.С. Милль;

4) К. Маркс;

5) Т. Мальтус.

39. В концепции реформ Дж.С. Милля рекомендуется:

1, 3, 5, 7;

2, 3, 4, 6, 7;

1) изменить законы производства;

2) изменить законы распределения;

3) ограничить право наследования;

4) уничтожить наемный труд при помощи кооперативной производительной ассоциации;

5) ниспровергнуть систему частной собственности;

6) социализировать земельную ренту при помощи земельного налога;

7) улучшить систему частной собственности ради участия в приносимых ею доходах каждого члена общества.

40. Единственным из представителей классической политической экономии характеризует категорию «капитал» как средство эксплуатации рабочего и как самовозрастающую стоимость:

1) А. Смит;

2) Д. Рикардо;

3) Ж.Б. Сэй;

4) К. Маркс;

5) Ф. Кенэ.

41. Какие из ниженазванных причин порождают, по мнению К. Маркса, тенденцию нормы прибыли к понижению:

1, 4, 5;

2, 3, 5;

1) перелив капитала из одного занятия в другое;

2) рост дороговизны продуктов земли из-за снижения ее плодородия;

3) рост относительного уровня заработной платы рабочих;

4) уменьшение в структуре капитала доли переменного капитала;

5) накопление капитала, сопровождаемое увеличением в структуре капитала доли постоянного капитала.

42. Какими из перечисленных вариантов положений руководствуется К. Маркс, если допустить, что прибавочная стоимость создается:

1, 3, 4;

2, 4;

1) трудом, капиталом и землей;

2) неоплаченным трудом производительных рабочих;

3) постоянным капиталом;

4) переменным капиталом.

43. В теории воспроизводства К. Маркса обосновываются такие положения, как:

2, 3;

2, 4;

1) тождественность ценности «годичного продукта» и создаваемых за год доходов;

2) различия простого и расширенного типов воспроизводства;

3) несостоятельность доктрин экономических кризисов недопотребления;

4) случайный характер экономических кризисов при капитализме.

44. Экономисты-романтики выдвигали реформаторские концепции, в соответствии с которыми естественной объявляется:

1) экономика свободной конкуренции;

2) экономика мелких собственников;

3) социалистическая экономика.

45. Причиной минимизации заработной платы рабочих С. Сисмонди считает:

1) занижение цены труда предпринимателями;

2) избыточное предложение труда из-за высоких темпов рождаемости;

3) вытеснение труда рабочих машинами и механизмами.

46. Из числа ниженазванных непосредственно П. Прудону принадлежат идеи о целесообразности:

1, 3, 4, 6;

2, 3, 5, 6;

1) ведущей роли в экономике общенародной собственности;

2) организации банков народа;

3) упразднения денег и создания конституированной стоимости;
4) предпочтения функционального метода анализу каузальному;
5) введения беспроцентного кредита;
6) ликвидации государственной власти.

47. Согласно социалистам-утопистам приоритетное значение имеет собственность:
1) частная;
2) мелкая;
3) общенародная.

48. Историческая школа Германии рассматривает в качестве предмета экономического анализа:
1) сферу производства;
2) сферу производства и сферу обращения;
3) экономические и неэкономические факторы.

49. Маржинализм (маржинальная экономическая теория) базируется на исследовании:
1) суммарных экономических величин;
2) средних экономических величин;
3) предельных экономических величин.

50. Предметом изучения субъективного направления экономической мысли является проблематика:
1) сферы обращения (спроса);
2) сферы производства (предложения);
3) сферы обращения и сферы производства.

51. Приоритетным методом экономического анализа субъективного направления экономической мысли является:
1) эмпирический;
2) каузальный;
3) функциональный.

52. Предметом изучения неоклассического направления экономической мысли является:
1) сфера обращения (спроса);
2) сфера производства (предложения);
3) сфера обращения и сфера производства.

53. Приоритетным методом экономического анализа неоклассического направления экономической мысли является:
1) эмпирический;
2) каузальный;
3) функциональный.

54. Авторы первого этапа «маржинальной революции» определяют стоимость (ценность) на основе:
1) трудовой теории;

2) теории издержек;
3) теории предельной полезности;
1) выявления равновесной цены, определяемой предельной полезностью и предельными издержками.

55. Среди авторов периода «маржинальной революции» родоначальником современного макроэкономического моделирования принято считать:
1) У. Джевонса;
2) Л. Вальраса;
3) А. Маршалла;
4) Дж.Б. Кларка;
5) В. Парето.

56. Термин А. Маршалла «репрезентативная фирма» характеризует разновидность фирмы:
1) мелкой;
2) средней;
3) крупной.

57. Стоимость товара А. Маршаллом характеризуется на основе:
1) трудовой теории;
2) теории издержек;
3) теории предельной полезности;
4) выявления равновесной цены, определяемой предельной полезностью и предельными издержками.

58. Автором учения о статике и динамике и теории предельной производительности является:
1) У. Джевонс;
2) А. Маршалл;
3) Дж.Б. Кларк;
4) В. Парето;
5) Л. Вальрас.

59. Критерием достижения общего экономического равновесия, по мысли В. Парето, следует считать:
1) максимизацию полезности;
2) выявление суммарной полезности;
3) измерение соотношения предпочтений конкретных индивидов;
4) выявление предельной полезности.

60. В качестве предмета экономического анализа институционализм выдвигает:
1) сферу производства;
2) сферу производства и обращения;
3) экономические и неэкономические факторы.

61. Приоритетными методами исследования в институциональной теории являются:

1, 3, 5, 6;
2, 3, 4, 6;
1) каузальный;
2) историко-экономический;
3) функциональный;
4) эмпирический;
5) логической абстракции;
6) социальной психологии.

62. Понятие «эффект Веблена» характеризует ситуацию влияния потребительского поведения на рост спроса в связи:
1) с неизменными ценами;
2) со снизившимся уровнем цен;
3) с возросшим уровнем цен.

63. В результате рекомендуемых реформ Т. Веблен предвещает:
1) сохранение приоритетной роли финансовых слоев «бизнеса»;
2) переход к «индустриальной системе»;
3) переход к социалистическому обществу.

64. Согласно Дж. Коммонсу стоимость формируется:
1) затратами труда;
2) соотношением спроса и предложения;
3) юридическим соглашением «коллективных институтов».

65. Из ниженазванных этапов в эволюции «капитализма» Дж. Коммонс выделяет следующие:
1, 2, 4;
1, 3, 5;
1) капитализм свободной конкуренции;
2) денежное хозяйство;
3) финансовый капитализм;
4) кредитное хозяйство;
5) административный капитализм.

66. Антимонопольные концепции Т. Веблена и Дж. Коммонса были впервые апробированы:
1) до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.;
2) в период «нового курса» Ф. Рузвельта;
3) после второй мировой войны.

67. У.К. Митчелл — родоначальник одного из течений институционализма, получившего название:
1) социально-психологическое;
2) социально-правовое;
3) конъюнктурно-статистическое.

68. Экономическое учение У.К. Митчелла явилось основой:
1) теории предельной полезности;

2) концепции бескризисного цикла;
3) теории эволюции природы Ч. Дарвина.

69. Теории рынка с несовершенной конкуренцией возникли:
1) в середине XIX в.;
2) в конце XIX в.;
3) после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

70. В теории монополистической конкуренции Э. Чемберлина основным признаком «дифференциации продукта» является наличие у товара (услуги) одного из продавцов какого-либо существенного отличительного признака, который может быть:
1) реальным;
2) воображаемым;
3) как реальным, так и воображаемым.

71. Согласно Э. Чемберлину, монополистическая конкуренция порождает феномен избытка мощности, обусловленный формированием цен:
1) ниже уровня издержек;
2) на уровне издержек;
3) превышающих издержки.

72. В условиях несовершенной конкуренции, согласно Дж. Робинсон, размеры (мощности) фирм:
1) превышают оптимальный уровень;
2) оптимальны;
3) не достигают оптимального уровня.

73. Из нижеприведенных положений основу методологии исследования Дж.М. Кейнса составляют:
1, 3, 4, 6;
2, 3, 5, 6;
1) приоритет микроэкономического анализа;
2) приоритет макроэкономического анализа;
3) концепция «эффективного спроса»;
4) приверженность «закону рынков» Ж.Б. Сэя;
5) мультипликатор инвестиций;
6) склонность к ликвидности.

74. В соответствии с «основным психологическим законом» Дж.М. Кейнса с ростом доходов темпы прироста потребления:
1) опережают темпы прироста доходов;
2) увеличиваются, но не в той же мере, что и доходы;
3) остаются на прежнем уровне.

75. Для стимулирования потребительского спроса на инвестиции государство, по мысли Дж.М. Кейнса, должно активно содействовать регулированию нормы ссудного процента:
1) в сторону увеличения;

2) в сторону снижения;
3) до конкретного уровня.

76. Неолиберализм в отличие от кейнсианства предполагает:
1, 3, 5;
2, 4, 5;
1) государственные меры по инвестированию убыточных и низкорентабельных отраслей экономики;
2) либерализацию экономики;
3) рост объемов правительственных заказов, закупок и займов;
4) свободное ценообразование;
5) приоритет частной собственности.

77. Термин «социальное рыночное хозяйство» впервые использовал:
1) Дж.М. Кейнс;
2) А. Мюллер-Армак;
3) М. Фридмен;
4) П. Самуэльсон;
5) К. Менгер.

78. Фрайбургская школа неолиберализма в концепции социального рыночного хозяйства придерживается принципов:
1, 3, 5;
2, 4, 5;
1) конкуренция везде где возможно, регулирование — там, где необходимо;
2) автоматическое функционирование «свободного рыночного хозяйства»;
3) синтез между свободным и «социально обязательным общественным строем»;
4) концентрация власти и коллективизм;
5) социальное выравнивание посредством справедливого распределения.

79. Лидер Чикагской школы неолиберализма М. Фридмен в своей концепции государственного регулирования экономики основополагающими считает принципы:
1, 3, 5;
2, 4, 5;
1) приоритетности неденежных факторов;
2) приоритетности денежных факторов;
3) стабильности «кривой Филлипса»;
4) нестабильности «кривой Филлипса»;
5) стабильности темпа роста количества денег с учетом «естественной нормы безработицы» (ЕНБ).

80. Из числа названных авторов нобелевскими лауреатами по экономике являются:

1, 3, 5;

2, 4;

1) Дж.М. Кейнс;

2) В. В. Леонтьев;

3) Э. Чемберлин;

4) П. Самуэльсон;

5) М. Фридмен.

В качестве итоговых рекомендуются тестовые вопросы:

№ 1, 6, 7, 9—14, 18, 19, 22, 23, 26, 27, 30, 32, 33, 35, 37, 39, 41, 42, 44, 46, 48, 50—53, 55, 57, 58, 61, 62, 66, 68, 71, 73, 75, 76, 79.

Ответы на тестовые вопросы по дисциплине «История экономических учений»

№ вопроса	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
№ ответа	2	3	2	2	3	3	2
№ вопроса	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**
№ ответа	3	1	2	1	2	2	3
№ вопроса	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**	**20**	**21**
№ ответа	3	1	1	2	2	2	2
№ вопроса	**22**	**23**	**24**	**25**	**26**	**27**	**28**
№ ответа	2	2	1	3	2	2	3
№ вопроса	**29**	**30**	**31**	**32**	**33**	**34**	**35**
№ ответа	1	1, 4, 5	2	1, 3, 4, 6	2, 4, 5, 7	4	2, 3, 5
№ вопроса	**36**	**37**	**38**	**39**	**40**	**41**	**42**
№ ответа	2, 3, 4, 6	2, 3, 5	3, 4	2, 3, 4, 6, 7	4	1, 4, 5	2, 4
№ вопроса	**43**	**44**	**45**	**46**	**47**	**48**	**49**
№ ответа	2, 3	2	3	2, 3, 5, 6	3	3	3
№ вопроса	**50**	**51**	**52**	**53**	**54**	**55**	**56**
№ ответа	1	2	3	3	3	2	2
№ вопроса	**57**	**58**	**59**	**60**	**61**	**62**	**63**
№ ответа	4	3	3	3	2, 3, 4, 6	3	2
№ вопроса	**64**	**65**	**66**	**67**	**68**	**69**	**70**
№ ответа	3	1, 3, 5	2	3	2	3	3
№ вопроса	**71**	**72**	**73**	**74**	**75**	**76**	**77**
№ ответа	3	1	2, 3, 5, 6	2	2	2, 4, 5	2
№ вопроса	**78**	**79**	**80**				
№ ответа	1, 3, 5	2, 4, 5	2, 4, 5				

3. ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА И МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ АВТОРУ КУРСОВЫХ РАБОТ И ВЫПУСКНЫХ РАБОТ БАКАЛАВРА ЭКОНОМИКИ

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА КУРСОВЫХ РАБОТ

1. Экономическая мысль Древнего Востока (авторы на выбор).
2. Экономическая мысль древнегреческих философов (авторы на выбор).
3. Экономическая мысль средневековья (авторы на выбор).
4. Меркантилизм — первая теоретическая концепция рыночных экономических отношений.
5. Особенности меркантилизма в Англии и во Франции.
6. Общая характеристика классической политической экономии.
7. Экономическое учение У. Петти.
8. Экономическое учение Ф. Кенэ.
9. Экономическое учение А. Тюрго.
10. Экономическое учение А. Смита.
11. Экономическое учение Д. Рикардо.
12. Экономическое учение Ж.Б. Сэя.
13. Экономическое учение Т. Мальтуса.
14. Экономическое учение Дж.С. Милля.
15. Экономическое учение К. Маркса.
16. Общая характеристика маржинализма.
17. Австрийская школа маржинализма (К. Менгер, О. Бём-Баверк, Ф. Визер).
18. Маржинальные идеи У.С. Джевонса.
19. Лозаннская школа маржинализма (Л. Вальрас, В. Парето).
20. Экономическое учение А. Маршалла.
21. Экономическое учение Дж.Б. Кларка.
22. Экономическое учение С. Сисмонди.
23. Экономическое учение П. Прудона.
24. Экономическое учение К. Сен-Симона.
25. Экономическое учение Ш. Фурье.
26. Экономическое учение Р. Оуэна.
27. Экономические воззрения социалистов-рикардианцев (авторы на выбор).
28. Старая историческая школа Германии (авторы на выбор).
29. Новая историческая школа Германии (авторы на выбор).
30. Новейшая историческая школа Германии (авторы на выбор).
31. Экономическое учение Т. Веблена.
32. Экономическое учение У.К. Митчелла.
33. Теория монополистической конкуренции Э. Чемберлина.

34. Экономическая теория несовершенной конкуренции Дж. Робинсон.

35. Экономическое учение Дж.М. Кейнса.

36. Неокейнсианские теории экономического роста (авторы на выбор).

37. Фрайбургская школа неолиберализма (авторы на выбор).

38. Чикагская школа неолиберализма (М. Фридмен).

39. Основные направления и этапы развития экономической мысли.

40. Предмет и метод экономической науки в ретроспективе.

41. Современная экономическая мысль в трудах нобелевских лауреатов по экономике (авторы на выбор).

42. Концепция «неоклассического синтеза» П. Самуэльсона.

43. Российская экономическая мысль до отмены крепостного права (авторы на выбор).

44. Российская экономическая мысль после отмены крепостного права и до советского периода (авторы на выбор).

45. Российская экономическая мысль в советский период (авторы на выбор).

46. Российская экономическая мысль в постсоветский период (авторы на выбор).

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА ВЫПУСКНЫХ РАБОТ БАКАЛАВРА ЭКОНОМИКИ

1. Основные этапы и направления в истории экономической науки.

2. Меркантилизм — первая школа рыночной экономической теории.

3. Особенности и этапы развития классической политической экономии.

4. Адам Смит — центральная фигура либеральной рыночной экономической теории.

5. Теория капитала в классической политической экономии.

6. Теория доходов в классической политической экономии.

7. Концепции социально-экономических реформ в экономическом учении социалистов-утопистов и экономистов-романтиков.

8. Теория стоимости в классическом и неоклассическом направлениях экономической мысли.

9. Теория денег в классическом и неоклассическом направлениях экономической мысли.

10. Концепция laissez faire в классическом и неоклассическом направлениях экономической мысли.

11. Теория народонаселения Т. Мальтуса и ее историческое значение.

12. Историческое значение «маржинальной» и «кейнсианской» революций в экономической науке.

13. Теория воспроизводства и макроэкономического равновесия в классической политической экономии.

14. Особенности теоретических воззрений российских экономистов XIX — начала XX в. (авторы по выбору).

15. История развития математических методов в экономической науке.

16. Олимп современной экономической науки в трудах нобелевских лауреатов по экономике (авторы по выбору).

17. Эволюция теорий о рынке с несовершенной конкуренцией.

18. Американский институционализм.

19. Ордолиберализм и концепция социального рыночного хозяйства.

20. Современные монетаристские концепции государственного регулирования экономики.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРУ КУРСОВЫХ РАБОТ И ВЫПУСКНЫХ РАБОТ БАКАЛАВРА ЭКОНОМИКИ

1. Цели курсовой (выпускной) работы:

♦ углубление получаемых теоретических знаний;

♦ приобретение опыта самостоятельной работы над экономической литературой, подготовки библиографии по избранной теме, написания и защиты развернутой теоретической работы;

♦ получение первых навыков самостоятельного научного исследования.

2. Организация подготовки и защиты курсовой работы и выпускной работы бакалавра

♦ соответственно избранной теме студент в течение первого месяца семестра изучаемого курса (подготовки выпускной работы) выбирает научного руководителя работы из профессорско-преподавательского состава кафедры;

♦ руководитель курсовой (выпускной) работы помогает студенту в разработке ее плана, консультирует по вопросам подбора литературы и написания работы, рецензирует подготовленную работу;

♦ последний срок сдачи курсовой (выпускной) работы с исправлениями по замечаниям научного руководителя — за три недели до установленной даты защиты;

♦ защита курсовых (выпускных) работ проводится по мере их готовности и при наличии положительной рецензии научного руководителя.

3. Этапы подготовки курсовой (выпускной) работы

♦ подбор литературы, статистических и других материалов по избранной теме. Первоначально целесообразно использовать списки литературы, содержащиеся в учебнике и планах семинарских занятий,

затем поработать в библиотеке с предметными и алфавитными каталогами, справочной литературой;

♦ оформление курсовой (выпускной) работы. Работа сдается на кафедру в сброшюрованном виде. Объем курсовой работы — не более 25, а выпускной — 50 стандартных страниц машинописного текста, напечатанного через два интервала с количеством строк на странице до 30 (включая постраничные сноски), а знаков в строке — не более 64.

4. Работа должна содержать:

♦ титульный лист с указанием названия академии и кафедры, темы работы, Ф. И. О. студента, его факультета, курса, группы, Ф. И. О. научного руководителя работы, его ученой степени и звания, даты написания;

♦ план курсовой (выпускной) работы с указанием страниц размещения соответствующих разделов (глав) и параграфов;

♦ разделы (главы), параграфы текста курсовой (выпускной) работы;

♦ примечания и сноски в конце страницы, в которых приводятся источники статистических данных, цитат; излагаемые точки зрения по тем или иным проблемам также должны быть в работе снабжены ссылками на соответствующие источники;

♦ список использованной литературы в конце работы в алфавитном порядке. Список может содержать больше источников, чем указано в тексте работы. Все примечания, сноски, список использованной литературы оформляются по библиографическим правилам: автор, название работы, место и год издания, том (номер журнала), страницы;

♦ рецензию на курсовую (выпускную) работу на право допуска к защите. Рецензирование курсовой (выпускной) работы проводит ее руководитель в срок до двух недель после сдачи. В письменной рецензии указываются положительные стороны и недостатки курсовой (выпускной) работы, даются рекомендации для возможного продолжения исследования, заключение о допуске к защите, а также предварительная оценка работы. Окончательная оценка выставляется по результатам защиты.

4. ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ (ЗАЧЕТНЫХ) БИЛЕТОВ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

Билет № 1

1. Экономическая мысль Древней Греции. Аристотель.
2. Сущность и этапы «маржинальной революции».

Билет № 2

1. Экономическая мысль позднего средневековья. Ф. Аквинский.
2. К. Менгер о «хозяйстве Робинзона», «комплементарности благ» и их стоимости («теория вменения»).

Билет № 3

1. Ранний меркантилизм и его особенности.
2. «Теория ожидания» О. Бём-Баверка.

Билет № 4

1. Общая характеристика классической политической экономии.
2. Маржинальные концепции У. Джевонса.

Билет № 5

1. Теоретические положения У. Петти о богатстве, деньгах и торговом капитале.
2. Маржинальные концепции Л. Вальраса.

Билет № 6

1. Экономические воззрения П. Буагильбера.
2. Теоретические положения А. Маршалла о предмете и методе «экономикс», стоимости (рыночной цене) и эластичности спроса.

Билет № 7

1. Экономическое учение физиократов. Ф. Кенэ о «чистом продукте».
2. Концепция Дж.Б. Кларка о статике и динамике.

Билет № 8

1. Экономические воззрения А. Тюрго.
2. Концепция реформ Т. Веблена.

Билет № 9

1. Предмет и метод изучения А. Смита.
2. Общая характеристика институционализма.

Билет № 10

1. Теоретические положения А. Смита о разделении труда, классах, стоимости и доходах.
2. Концепция общего экономического равновесия В. Парето.

Билет № 11

1. Теоретические положения Д. Рикардо о стоимости, заработной плате и прибыли.
2. Концепция реформ Дж. Коммонса.

Билет № 12

1. Теоретические положения Ж.Б. Сэя о трех факторах производства, стоимости и доходах.
2. Концепция «измерения без теории» У. Митчелла.

Билет № 13

1. Теоретические положения Т. Мальтуса о стоимости, «третьих лицах» и воспроизводстве.
2. «Дифференциация продукта» и неценовые факторы конкуренции в теории монополистической конкуренции Э. Чемберлина.

Билет № 14

1. Дж.С. Милль о законах производства и распределения, «нейтральности» денег, стоимости, «рабочем фонде».
2. Экономическая теория несовершенной конкуренции Дж. Робинсон.

Билет № 15

1. Методологические особенности исторической школы Германии.
2. Предмет и метод изучения Дж.М. Кейнса.

Билет № 16

1. Экономические воззрения П. Прудона.
2. Неокейнсианские доктрины государственного регулирования экономики.

Билет № 17

1. Экономические воззрения социалистов-утопистов начала XIX в.
2. Неоклассический синтез П. Самуэльсона.

Билет № 18

1. Предмет и метод изучения К. Маркса.
2. Чикагская школа неолиберализма. Монетаризм М. Фридмена.

Билет № 19

1. Экономические воззрения С. Сисмонди.
2. Концепция социального рыночного хозяйства. Ордолиберализм.

Билет № 20

1. Концепция реформ П. Прудона.
2. Предыстория и история экономической науки в «Экономикс» П. Самуэльсона.

Билет № 21

1. Экономическая мысль Древнего Востока (Вавилония).
2. Теоретические положения У. Петти о стоимости и доходах рабочих и собственников денежного капитала и земли.

Билет № 22

1. Теория народонаселения Т. Мальтуса.

2. Феномен избытка мощности в теории монополистической конкуренции Э. Чемберлина.

Билет № 23

1. Поздний меркантилизм и его особенности.

2. Теоретические положения А. Маршалла о предельных издержках производства, влиянии уровня процентной ставки на склонность к накоплению (сбережению).

Билет № 24

1. Теоретические положения А. Смита о производительном труде, капитале и воспроизводстве.

2. Концепция стоимости в трудах Т. Веблена («эффект Веблена») и Дж. Коммонса.

Билет № 25

1. Средневековая экономическая мысль арабского Востока. Ибн-Хальдун.

2. Теоретические положения К. Маркса о стоимости, цене производства и прибавочной стоимости.

Билет № 26

1. Экономическая мысль раннего средневековья. Августин.

2. Теоретические положения К. Маркса о производительном труде, капитале и воспроизводстве.

Билет № 27

1. Теоретические положения К. Маркса о деньгах, заработной плате, прибыли, ренте.

2. Предшественники маржинализма. «Законы Госсена».

Билет № 28

1. Теоретические положения Ф. Кенэ о производительном труде и капитале.

2. «Закон предельной производительности» Дж.Б. Кларка.

Билет № 29

1. Теоретические положения Д. Рикардо о ренте, деньгах и воспроизводстве.

2. Принцип убывающей полезности в примере О. Бём-Баверка о хозяйстве одинокого поселенца.

Билет № 30

1. «Закон рынков» Ж.Б. Сэя.

2. Концепция К. Менгера об обмене благ и его роли в экономической жизни.

Билет № 31

1. «Железный закон заработной платы» Т. Мальтуса.
2. Меры государственного регулирования экономики в учении Дж.М. Кейнса.

Билет № 32

1. Экономическая таблица Ф. Кенэ и ее значение.
2. Предшественники исторической школы Германии.

Билет № 33

1. К. Маркс о «баснословной догме Смита».
2. Особенности способов определения суммарной полезности в трудах Ф. Визера и О. Бём-Баверка.

Билет № 34

1. Доктрины Дж.С. Милля о сферах «бессилия рынка» и социальных реформах.
2. Сущность концепции «оптимума Парето». «Кривые безразличия» в учении В. Парето.

Билет № 35

1. Историческое значение меркантилизма. Кольбертизм.
2. Концепция реформ С. Сисмонди.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Абстракция — метод научного исследования, исключающий из анализа все случайное (частное, второстепенное) и находящий в исследуемом объекте сущностное, постоянное.

Акселератор — коэффициент, противоположный мультипликатору; характеризует влияние прироста национального дохода на прирост инвестиций (см. *Мультипликатор*).

Бюджетный дефицит — сумма превышения расходов государства над его доходами.

Государственное регулирование экономики — вмешательство государства в экономические процессы посредством воздействия на функционирование рыночных механизмов административными (законодательными), экономическими (валютно-финансовыми, денежно-кредитными, бюджетно-налоговыми и другими) методами и рычагами.

Дедукция — метод научного исследования, позволяющий обосновать частные явления и процессы на базе общих положений.

Демонополизация — устранение государственной или иной монополии, диктующей свои условия рынку.

Дифференциация продукта — степень взаимозаменяемости соперничающих товаров, возникающая благодаря их особым свойствам и позволяющая покупателю выразить свое предпочтение одному из товаров данного вида; существенный отличительный признак у товара (или услуги) может быть для покупателя как реальным, так и воображаемым.

«Догма Смита» — оценка теории воспроизводства А. Смита, сделанная К. Марксом в связи с тем, что смитовская «цена годичного продукта труда» сводится целиком к доходам, т.е. исключает накопление, связанное с необходимостью возобновления воспроизводственного процесса и расширением его масштаба.

«Железный закон заработной платы» — вытекает из теории народонаселения Т.Р. Мальтуса и означает, что в силу естественного роста численности населения (соответственно опережающего прироста предложения рабочей силы) и убывающего плодородия зем-

ли уровень заработной платы в обществе якобы не сможет расти, неизменно оставаясь на низком уровне.

«Закон Кларка» — оценка концепции Дж.Б. Кларка о распределении доходов на основе принципов предельного анализа цен факторов производства; в соответствии с этим «законом» стимул увеличения фактора производства исчерпывается по мере того, как цена этого фактора начинает превышать возможные доходы предпринимателя.

«Закон Сэя» — концепция Ж.Б. Сэя о беспрепятственной и полной реализации общественного продукта, т.е. бескризисном экономическом росте; в соответствии с этим «законом» при достижении и соблюдении обществом принципов laissez faire производство (предложение) будет порождать адекватное потребление (спрос), т.е. производство товаров и услуг обязательно порождает доходы, на которые эти товары и услуги свободно реализуются благодаря гибкому и свободному ценообразованию на рынке.

«Законы Госсена» — главные теоретические принципы маржинализма, одним из предшественников которого являлся Г. Госсен; различают два «закона Госсена», из которых первый гласит, что с увеличением наличия данного блага его предельная полезность уменьшается, а в соответствии со вторым оптимальная структура потребления (спроса) достигается при равенстве предельных полезностей всех потребляемых благ.

Индукция — метод научного исследования, позволяющий выявить общие положения и принципы на основе частностей и отдельных фактов.

Институционализм — одно из современных направлений экономической мысли, которое сформировалось в 20—30-е гг. XX в. в качестве альтернативы неоклассическому направлению экономической мысли; главной особенностью его является исследование всей совокупности социально-экономических факторов (институтов), рассматриваемых во взаимосвязи и взаимообусловленности и в историческом контексте, а также идея социального контроля общества над экономикой.

Кейнсианство — экономическое учение о необходимости и значимости государственного регулирования экономики посредством широкого использования государством фискальной, денежно-кредитной политики и других активных мер воздействия на рыночный механизм.

Классическая политическая экономия — направление экономической мысли (период с конца XVII по вторую половину XIX в.), представители которого развенчали протекционистские идеи меркантилизма и заложили научную базу методологических и теоретических исследований рыночных экономических отношений; главной особенностью направления является пропаганда идей «чистой» экономической теории и целесообразности «полного laissez faire», т.е. абсолютного невмешательства государства в деловую жизнь и механизм саморегулируемой экономики.

Количественная теория денег — теория, доказывающая: а) по ортодоксальной версии «классиков» — зависимость изменения цен на товары исключительно от количества денег в обращении; б) по версии «неоклассиков» — возможность корректировки цен на товары в связи со стоимостью денежного материала, непостоянным уровнем скорости обращения денег и количества товарной массы, а также с учетом степени ликвидности денег.

Конкуренция монополистическая — рыночная ситуация, при которой степень усиления взаимозаменяемости соперничающих товаров, т.е. «дифференциация продукта», позволяет продавцу контролировать уровень предложения и цены и достичь абсолютной монополии на собственный продукт, но при этом он (продавец) продолжает подвергаться конкуренции других продавцов, обладающих более или менее несовершенными заменителями.

Конкуренция несовершенная — рыночная ситуация, при которой малое количество крупных производителей (продавцов) получает возможность влиять на уровень рыночной цены.

Конкуренция совершенная (свободная, чистая или полная) — рыночная ситуация со многими продавцами и покупателями однородной продукции, которые не могут влиять на уровень цены на рынке.

«Крест Маршалла» — графическое изображение пересечения кривой спроса и кривой предложения, в точке пересечения которых устанавливается равновесие между ними, а также равновесная, т.е. устойчивая, цена.

«Кривая Филлипса» — эмпирическая кривая, характеризующая связь между ежегодным процентным изменением заработной платы в денежном выражении и уровнем (долей) безработицы.

«Кривые безразличия» — эмпирические кривые, отражающие сохранение суммарных полезностей потребляемых товаров в различных комбинациях их сочетания и предпочтение одних комбинаций перед другими.

Ликвидность — способность материальных средств, других ресурсов быстро обращаться в деньги; способность предприятия вовремя оплачивать свои обязательства, превращать статьи актива баланса в деньги.

Макроэкономика — экономика как целое или ее важнейшие составляющие; раздел экономической теории, изучающий экономику в целом или ее основные составляющие.

Маржинализм (маржинальная экономическая теория) — обобщение идей и концепций, в основе которого лежит исследование предельных экономических величин как взаимосвязанных явлений экономической системы на микро- и макроуровне.

«Маржинальная революция» — произошедший в последней трети XIX в. переход от ценностей «классической школы» к ценностям (теоретико-методологическим принципам) маржинализма.

Меркантилизм — направление экономической мысли (период XVI—XVIII вв.), представители которого отождествляли богатство страны с деньгами и рассматривали их как важнейшее средство экономического роста, а источник богатства видели во внешней торговле, в обеспечении активного торгового баланса; главной особенностью направления является пропаганда идей протекционистской экономической политики государства, т. е. его участия в управлении хозяйственной системой.

Металлическая теория денег — теория, трактующая обусловленность ценности денег весом подлежащей государством чеканке монеты.

Микроэкономика — раздел экономической теории, изучающий экономические единицы, например фирмы, какие-либо отдельные экономические объекты или явления.

Монетаризм — экономическая теория, основанная на определяющей роли денежной массы, находящейся в обращении, в осуществлении политики стабилизации экономики, ее функционирования и развития.

Монополия — предприятие или группа предприятий, занимающая доминирующее положение на рынке, что позволяет им контролировать и определять цены; форма рынка, контролируемого одним или несколькими предприятиями.

Монопольная цена — вид цены, устанавливаемой монополией. В зависимости от целей монополия может устанавливать монопольно высокие и монопольно низкие цены.

Монопсония — ситуация, когда на рынке действует масса мелких продавцов и один-единственный покупатель.

Мультипликатор — множитель; категория, используемая в экономической теории для характеристики и определения различных взаимосвязей, где имеет место мультипликационный эффект. В частности, в кейнсианстве под мультипликатором понимается коэффициент, характеризующий зависимость изменения дохода от изменения инвестиций.

«Невидимая рука» — понятие, введенное в научный оборот А. Смитом, в соответствии с которым предполагается такое соотношение во взаимодействии хозяйствующих субъектов и государства, когда последнее, не противодействуя объективным экономическим законам, не вмешивается в процесс «естественного», т.е. свободного функционирования рыночного механизма.

Нейтральность денег — теоретическое положение «классиков», упрощающее суть денежного товара до некоего технического средства, удобного для обмена, и приводящее к ортодоксальной версии количественной теории денег.

Неоклассическая теория — одно из современных направлений экономической мысли, которое сформировалось в 90-е гг. XIX в. на базе как идей экономического либерализма и «чистой теории», так и принципов системного анализа маржинальных (предельных) показателей и микроэкономического исследования, явившись альтернативой классической политической экономии; с 30-х гг. XX в. теоретико-методологические задачи «неоклассиков» дополнились макроэкономическими исследованиями и проблематикой социальной направленности и государственного регулирования экономики.

«Неоклассический синтез» — термин П. Самуэльсона, используемый «для обозначения... синтеза тех истин, которые были установлены классической политической экономией, и положений, доказанных современными теориями формирования доходов»; более широкая смысловая нагрузка этого термина в экономической литературе свидетельствует о формировании новой универсальной доктрины современной экономической науки.

Неолиберализм — экономическая концепция государственного регулирования хозяйственных процессов на принципах достижения свободной («чистой») конкуренции предпринимателей, свободы рынков и других элементов экономического либерализма; альтернативная кейнсианству концепция государственного регулирования экономики.

Номиналистическая теория денег — теория, трактующая обусловленность ценности подлежащих чеканке денег тем номиналом оценки монеты, который устанавливается государством.

Общее равновесие — устойчивое состояние конкурентной экономики, при котором потребитель максимизирует значение функции полезности, а конкурирующие производители максимизируют получаемую прибыль при ценах, обеспечивающих равенство спроса и предложения.

Олигополия — господство нескольких крупнейших фирм на рынке.

«Оптимум Парето» (общественная максимальная полезность) — понятие, предназначенное для оценки таких изменений, которые либо улучшают благосостояние всех, либо не ухудшают благосостояния всех с улучшением благосостояния по крайней мере одного человека; концепция, позволяющая принять оптимальное решение по максимизации прибыли.

«Основной психологический закон» — положение Дж.М. Кейнса, в соответствии с которым «по мере того, как реальный доход возрастает, общество желает потреблять постоянно уменьшающуюся его часть».

Политика конкуренции — совокупность законов и государственных мер, направленных на максимально возможную реализацию на практике идеала полной (свободной, чистой) конкуренции.

Политическая экономия — термин, введенный в научный оборот А. Монкретьеном, издавшим в 1615 г. «Трактат политической экономии»; наименование экономической науки, призванной решать проблемы: а) государственного хозяйства (меркантилистская версия); б) свободного частного предпринимательства (версия классической политической экономии).

Порча монеты — снижение правительством ценности и веса национальной монеты в связи с ошибочной констатацией того, что золото и серебро являются деньгами благодаря своим природным свойствам.

Предельная полезность — способность удовлетворять наименее интенсивную потребность; дополнительная полезность, которую получает потребитель от дополнительной единицы товара или услуги.

Протекционизм — политика, направленная на защиту национальной экономики от иностранной конкуренции путем прямого или косвенного ограничения импорта товаров.

Равновесная цена — цена товара при равенстве спроса и предложения.

Склонность к ликвидности — стремление откладывать часть денег в запас в виде банковских или ценных бумаг.

Способ определения суммарной полезности — способ оценки предельной полезности потребляемых благ; способ называется аддитивным, если предельная полезность однородных благ с каждой последующей единицей характеризуется с убывающей тенденцией, и мультипликативным, если предельная полезность однородных благ умножается на их количество.

«Справедливая цена» — категория экономического учения канонистов, «объяснявшая» правомерность административного (нерыночного) ценообразования и возможности «продавать вещь дороже» во избежание нанесения ущерба как ее «владельцу», так и всей «общественной жизни».

«Теория вменения» — теория ценообразования австрийской школы, суть которой сводится к процессу последовательного вменения доли стоимости (ценности) блага «первого порядка» благам «последующих порядков», использованных при его производстве.

Теория издержек производства — одна из затратных трактовок теории стоимости, в соответствии с которой ценность товара обусловлена издержками в процессе производства на факторы «труд», капитал» и «земля».

«Теория ожидания» — теория О. Бём-Баверка о механизме происхождения процента на капитал благодаря производительной сущности фактора времени; специфический ресурс «капитал» в зависимости от его размера и времени функционирования, т.е. «ожидания», обеспечивает больший или меньший процент на капитал.

«Третьи лица» — понятие, введенное в научный оборот экономистами начала XIX в. в связи с утвердившимся к тому времени методом классового анализа процессов хозяйственной жизни; та часть людей, занятых в общественном производстве, которая наряду с главными производительными классами — собственниками-предпринимателями и наемными рабочими — содействует и созданию, и реализации общественного продукта.

Трудовая теория стоимости — один из затратных вариантов теории стоимости, согласно которому ценность товара создается определенным количеством затраченного труда.

«Феномен избытка мощности» — положение, выдвинутое Э. Чемберлином в теории монополистической конкуренции; возникает в про-

цессе деятельности продавца-монополиста, стремящегося овладеть «известными частями общего рынка», и поддерживается его патентами, фабричными марками, репутацией, мастерством, особыми дарованиями.

Физиократия — в переводе с греческого «власть природы»; течение классической политической экономии (вторая половина XVIII в.) во Франции, представители которого исходили из определяющей роли в экономике и создании национального богатства земли, сельскохозяйственного производства.

Хозяйственная (экономическая) система — концепция В. Ойкена о двух «идеальных типах» экономических систем: централизованно управляемой экономики (экономическая жизнь регулируется исходящими из одного центра планами) и меновой экономики (каждый субъект хозяйства руководствуется собственными планами).

«Хозяйство Робинзона» — термин, введенный в научный оборот К. Менгером, используемый для анализа экономических отношений и показателей на уровне отдельного хозяйствующего субъекта (индивида), т.е. на микроуровне, с учетом феномена собственности и обусловленного относительной редкостью благ человеческого эгоизма.

Хрематистика — термин, использованный Аристотелем при обозначении неестественной сферы деятельности людей; беспечное искусство наживать состояние посредством крупных торговых сделок и ростовщических операций.

Чистая экономическая теория — теоретико-методологическая позиция «классиков» и «неоклассиков», свидетельствующая об их приверженности «держаться чистого знания», «чистой теории», т.е. без субъективистских, психологических и прочих неэкономических наслоений в экономическом анализе.

Экономикс — термин, введенный в научный оборот А. Маршаллом в работе «Принципы экономикс» (1890); наименование экономической науки, которая, по словам П. Самуэльсона, «подразумевает экономию или максимизацию» и посвящена «проблеме оптимального объема, при котором прибыль достигнет максимума».

Экономический либерализм (политика *laissez faire*) — политика невмешательства государства в экономику; совокупность экономических

свобод: свободная конкуренция, свободное предпринимательство, свободные рынки, свободные цены, свободная торговля и т.д.

Эластичность предложения — реакция предложения на изменение цены.

Эластичность спроса — реакция спроса на изменение цены.

«Эффект Веблена» — характеристика ситуации, при которой снижение цены на товар воспринимается покупателем как ухудшение его качества или утрата его «актуальности» либо «престижности» среди населения, и тогда товар перестает пользоваться покупательским спросом, а в обратной ситуации, напротив, объем покупок с ростом цены может возрасти.

«Эффективный спрос» — термин из концепции Дж.М. Кейнса о потенциально возможном и стимулируемом государством спросе на инвестиции и средства производства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августин 57, 59

Аквинский Фома 55—59, 387, 394

Алле М. 14, 40, 282, 368, 386

Аникин А.В. 377

Аристотель 52—54, 66, 200, 387, 393, 394

Арон Р. 401—403

Б

Бабст И. К. 260

Бакунина А. 411

Бастиа Ф. 79, 81, 83, 132, 142, 148

Бентам И. 299, 300, 400

Бердяев Н.А. 198, 202, 203

Бём-Баверк О. 279, 280, 291—296, 321, 387, 409, 417

Блауг М. 16, 64, 72, 75, 76, 79, 87, 98, 104, 111, 113, 114, 136—138, 140, 141, 145, 150—152, 186, 274, 276, 279, 280, 291, 300, 312, 322, 325, 326, 333, 334, 338, 339, 341, 353, 358, 362, 363, 365, 372, 373, 395, 398, 400—402, 404, 414, 416, 417, 419, 420

Брагинский С. В. 34, 377, 418

Брентано Л. 254

Буагильбер П. 76, 80, 85, 89—92

Булгаков С. Н. 198, 201—205

Бунге Н. Х. 304—306

Бункина М. К. 418

Бутовский А. И. 124, 157, 158, 160, 163, 245

Бюхер К. 254

В

Вальрас Л. 40, 276, 278—280, 285, 291, 299—302, 323, 324, 327, 387, 389, 417

Вебер М. 16, 76, 254, 256

Веблен Т. 9, 316, 334—339, 401, 411, 412

Вейдермен Й. 177

Вернадский И. В. 122, 161—164

Видяпин В. И. 230

Визер Ф. 278, 280, 285, 291, 295—298

Витте С. Ю. 267, 268, 270, 307

Вольтер 105

Врангель П. А. 198

Вреден Э. Р. 248—250

Г

Гельвеций 105

Гильдебранд Б. 254, 257

Гольбах 105

Горлов И. 124

Госсен Г. 9, 194, 276, 277, 285, 291

Гумплович Л. 197

Гурнэ В. 100

Гэлбрейт Дж. К. 17, 79, 144, 358, 390, 418

Д

Д'Аламбер 105

Дарвин Ч. 336, 393

Джевонс У. 40, 276, 278—280, 285, 298—300, 389

Дмитриев В. К. 329—331

Домар Е. 364, 365

Достоевский Ф. М. 202

Дюнуайе Ш. 143

Дюпюи Ж. 276, 277

Ж

Жид Ш. 76, 85, 148, 171, 228, 230, 231, 234, 399, 404

Журавлева Г. П. 230, 365, 419

З

Зомбарт В. 254

И

Ибн-Хальдун 55, 56

Изгоев А. С. 198

К

Калдор Н. 295

Кампанелла Т. 233

Кан Р. Ф. 361

Канкрин Е. Ф. 129

Кант 196

Кантильон Р. 68

Канторович Л. В. 383—385

Каутилья 51, 52

Кауфман И. И. 267

Кейнс Дж.М. 35, 40, 79, 80, 144, 145, 155, 228, 316, 353, 355—365, 378, 387, 389, 415—419

Кенэ Ф. 63, 80, 94—102, 105, 107, 115, 397

Кернс Дж. Э. 79

Кларк Дж.Б. 9, 255, 278, 279, 316—322, 329, 335, 336, 363, 387, 389

Книс К. 254, 316

Кольбер Ж.Б. 69, 90, 95

Коммонс Дж. 335, 338

Кондратьев Н. Д. 63, 73—75, 96, 106, 109, 135, 190, 229, 254—257, 319, 355, 395, 403

Конт О. 168

Конфуций 50

Коопманс Т. 339

Коперник Н. 277

Коуз Р. 34, 40

Ксенофонт 52

Куракин А. Б. 125

Курно О. 40, 144, 276, 277, 300, 323

Кэри Г. 83, 134, 290

Л

Лассаль Ф. 173, 401

Левита Р. 229, 230

Ленин В. И. 197, 208, 209, 416

Леонтьев В. В. 88, 184, 281, 302, 325—327, 331, 333, 339, 341, 344, 381—385, 392, 396, 401, 418

Липпман У. 9, 368, 420

Лист Ф. 118, 229, 253, 256, 268, 270

Ло Дж. 68, 100

Локк Дж. 68

М

Майбурда Е. 229, 230

Мак-Куллох Дж. 113

Мальтус Т. 69, 78, 79, 81—83, 88, 132, 133, 138, 144, 146, 148—155, 168, 169, 184, 215, 220, 222, 223, 230, 388, 399, 400, 421

Мануйлов А. 331

Маркс К. 62, 73, 76, 78—80, 82, 85, 89, 109, 113, 115, 136, 143, 145, 146, 148, 172—186, 192—194, 200, 206, 212, 220, 223, 225, 228, 229, 279, 294, 297, 387, 394, 396, 401—405, 417

Маршалл А. 9, 32, 37, 38, 39, 40, 146, 149, 151, 279, 280, 299, 300, 310—315, 353, 356, 360, 377, 387—389, 393, 398, 414, 417

Мен Т. 63, 68, 69

Менгер К. 276, 278—280, 284—293, 296, 299, 387, 409

Мизес Л. 72, 75, 108, 132, 273, 368

Миклашевский А. Н., 264—267

Милль Дж.С. 38, 69, 79, 80, 82, 133, 143, 166—172, 183, 189, 274, 311, 360, 393, 400, 401

Милютин В. А. 244—248

Митчелл У.К. 334, 335, 339—341, 382, 412

Мор Т. 233

Мордвинов Н. С. 117—119

Монкретьен А. 73

Мюллер А. 253, 369

Н

Негиши Т. 32

Немчинов В. С. 331

Никсон Р. 373

Нобель А. 380

Нордхаус У. 381

Носова С. 376, 418, 419

О

Ойкен В. 368—370

Оуэн Р. 40, 206, 233—236, 239—242

П

Панталеони М. 323

Парето В. 9, 40, 279, 280, 299, 302, 322—327, 377, 387, 389, 411

Патинкин Д. 419

Певзнер Я. А. 34, 377, 418

Перру Ф. 363

Петти У. 80, 83, 85—89, 91, 92, 102, 114, 396

Пигу А. 275

Питт У. 105

Пихно Д. И. 306—309

Платон 52, 233

Плеханов Г. В. 197

Поланьи К. 15, 392, 394, 420

Поляков В. Л. 127

Посошков И. Т. 118

Прудон П. 38, 40, 92, 146, 189, 209, 219—231, 405, 406

Р

Раэфф М. 130

Репке В. 368, 369, 371

Режи Ж. 411

Рикардо Д. 69, 73, 79, 81—83, 88, 109, 114, 115, 132—141, 143—146, 150, 153—155, 166—169, 173, 177, 183, 184, 217, 229, 274, 299, 318, 329, 388, 393, 398, 417

Рист Ш. 76, 85, 148, 171, 228, 230, 231, 234, 399, 404

Робинсон Дж. В. 16, 17, 343, 344, 352, 353, 387, 412, 415

Роббинс Л. 34, 113, 273, 368, 386

Рошер В. 254

Рюстов А., 368

Рюэфф Ж. 368

С

Самуэльсон П. 47, 71, 72, 79, 82, 133, 311, 372, 375—377, 380, 386—390, 394, 412, 417, 421

Святловский В. В. 118, 124

Селигмен Б. 79, 418

Сен-Симон К. 220, 233, 234, 236—239, 242

Сениор Н. 79, 81, 113, 132, 182, 294

Сисмонди С. 38, 92, 143, 145, 146, 209—223, 225—231, 404

Смит А. 9, 63, 69, 73, 76, 79, 81—83, 91, 95, 100, 104, 106—115, 118, 119, 122, 123, 127, 131—133, 135, 141—147, 150, 154, 164, 166, 168, 173, 177, 180, 211—214, 223, 247, 262, 285, 334, 387, 388, 393, 399

Солнцев С. И. 331

Соловьев Вл. 202

Сперанский М. М. 117, 125—130

Степанов В. Л. 305

Степанов Т. 124

Струве П. Б. 189, 197—200, 329

Стюарт Д. 106

Стюарт Дж. 38, 143

Сурин А. 229

Сэй Ж.Б. 9, 43, 46, 76, 78, 79, 81, 83, 124, 132, 133, 141—148, 157, 184, 220—222, 281, 343, 369, 399

Т

Тейлор Ф. 40

Тинберген Я. 380

Трубецкой Е. 203

Туган-Барановский М. И. 189—194, 225, 331

Тургенев Н. 126

Тюнен фон Т. Г. 276, 277, 285, 320, 408

Тюрго А. 63, 80, 99—102, 105, 143

У

Уикстид П. 280

Ф

Филлипс А. У. 372

Фишер И. 275

Форд Г. 40

Фридмен М. 13, 40, 85, 274, 282, 301, 368, 372, 373, 377, 385, 386, 390, 400, 412, 413, 421

Фриш Р. 380

Фурье Ш. 220, 222, 233—235, 239, 240, 242

Х

Хайек Ф. 14, 15, 295, 335, 368, 402, 403

Хайлбронер Р. 333, 386

Хаммурапи 9, 50

Хансен Э. 344, 363

Харрис С. 363

Харрод Р. 364, 365

Хикс Дж. 294, 301

Ховард К. 365, 419

Хрущев Н. С. 40

Ч

Чемберлин Э. 343—352, 387, 412—415

Чернышевский Н. Г. 162

Чупров А. И. 202, 260, 261

Ш

Шварц А. 368, 386

Шевалье М. 143

Шмоллер Г. 254

Шоню П. 415, 416

Шпитхоф А. 254

Штох Г. 119

Шторх А. К. 121—124

Шумпетер Й. 15, 70, 76, 89, 229, 279, 301, 314, 319, 344, 395, 397, 401—403, 412

Э

Эджуорт Ф. 323

Эллис Г. 386

Энгельс Ф. 173, 297, 298, 401

Эрхард Л. 367—369, 371

Ю

Юм Д. 148, 274

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа):
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, тел.: (495) 380-4260; факс: (495) 363-9212
E-mail: books@infra-m.ru

•

Магазин «Библиосфера» (розничная продажа):
109147, Москва, ул. Марксистская, д. 9, тел. (495) 670-5218, 670-5219

•

Отдел «Книга–почтой»:
тел. (495) 363-4260 (доб. 232, 246)

•

Центр комплектования библиотек:
119019, Москва, ул. Моховая, д. 16 (Российская государственная библиотека, кор. К)
тел. (495) 202-9315

Учебное издание

Яков Семенович Ядгаров

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебник

Редактор *З.А. Басырова*
Корректор *Е.А. Морозова*
Компьютерная верстка *С.М. Майоров*
Художественное оформление *К.В. Пономарев*

Подписано в печать 11.08.2000.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Гарнитура *Newton*.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 37,54.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ №
Цена свободная.

Издательский Дом «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
Тел.: (495) 380-05-40, 380-05-43
Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru http://www.infra-m.ru